

Нартекс
Byzantina Ukrainensia

Том 4

ОКСФОРДСКОЕ РУКОВОДСТВО
ПО ВИЗАНТИНИСТИКЕ

THE OXFORD HANDBOOK OF
BYZANTINE STUDIES

THE OXFORD HANDBOOK OF

BYZANTINE STUDIES

Edited by

ELIZABETH JEFFREYS

with

JOHN HALDON

and

ROBIN CORMACK

ОКСФОРДСКОЕ РУКОВОДСТВО ПО ВИЗАНТИНИСТИКЕ

под редакцией

ЭЛИЗАБЕТ ДЖЕФФРИС

ДЖОНА ХЭЛДОНА

РОБИНА КОРМАКА

Главный редактор перевода
С. Б. Сорочан

Выпуск 2

Харьков «Майдан» 2015

УДК 94(4)"0375/1492"

ББК 63.3(0)4

О-52

Оксфордское руководство по византистике / Ред. Э. Джеффрис, Дж. Хэлдон, Р. Кормаг; пер. с англ. В. В. Швеца; гл. ред.: С. Б. Сорочан; ред. А. Н. Домановский, П. Е. Михалицын, А. Г. Чекаль, А. А. Роменский; пер. и адапт. указателя А. Н. Домановский. – Вып. 2. – Харьков: Майдан, 2015. – 604 с. (Нартекс. Byzantina Ukrainensia. Том 4).

ISBN 978-966-372-638-0.

Оксфордское руководство по византистике, подготовленное плеядой лучших специалистов мирового уровня во главе с ответственными редакторами Э. Джеффрис, Дж. Хэлдоном и Р. Кормагом, отличается уникальной структурой, позволяющей познакомить читателя со всеми сторонами римской цивилизации и историей ее изучения. Каждая из глав пособия в предельно краткой форме и вместе с тем глубоко знакомит с основными проблемами византистики, отражая ее современные достижения. Вып. 2 включает две последние части книги (первые две см.: Нартекс. Byzantina Ukrainensia. Том 3). С целью удобства пользования Предметным указателем предложено продолжение нумерации страниц предыдущего тома.

Издание может быть одинаково полезным как профессиональному исследователю, так и начинающему византисту, а также всем, кто интересуется историей Византии.

Редакционный совет:

Онуфрий (О. В. Легкий), митрополит Харьковский и Богодуховский, магистр богословия (Харьков)

Г. Атанасов, доктор исторических наук, профессор (Сибирия)

Н. Н. Болгов, доктор исторических наук, профессор (Белгород)

Л. В. Войтович, доктор исторических наук, профессор (Львов)

А. Г. Герцен, кандидат исторических наук, доцент (Симферополь)

Г. Ю. Ивакин, член-корреспондент НАНУ (Киев)

С. П. Карпов, академик РАН (Москва)

А. П. Моця, член-корреспондент НАНУ (Киев)

П. П. Толочко, академик НАНУ (Киев)

А. А. Тортика, доктор исторических наук, профессор (Харьков)

Редакционная коллегия:

С. Б. Сорочан, доктор исторических наук, профессор, главный редактор (Харьков)

Николай (Н. В. Терновецкий), протоиерей, настоятель Свято-Пантелеимоновского храма (Харьков)

Владимир (В. В. Швец), архимандрит, настоятель Свято-Антониевского храма при Харьковском национальном университете имени В. Н. Каразина (Харьков)

Петр (П. В. Казачков), протоиерей, настоятель Свято-Алекса́ндро-Невского храма, кандидат богословия (Харьков)

А. Н. Домановский, кандидат исторических наук, доцент, зам. главного редактора (Харьков)

А. Д. Каплин, доктор исторических наук, профессор (Харьков)

С. И. Лиман, доктор исторических наук, профессор (Харьков)

П. Е. Михалицын, кандидат богословия, кандидат исторических наук, отв. секретарь (Харьков)

Ю. М. Могаричев, доктор исторических наук, профессор (Симферополь)

С. И. Посохов, доктор исторических наук, профессор (Харьков)

А. В. Сазанов, доктор исторических наук, профессор (Москва)

Рекомендовано к печати ученым советом

Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Адрес редакционной коллегии :

Украина, 61022, Харьков, площадь Свободы, 4,

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина,

кафедра истории древнего мира и средних веков.

Тел. (057) 707–53–37; e-mail : byznartex@gmail.com

Печатается при финансовой поддержке

*Харьковской епархии Украинской Православной Церкви (Московского Патриархата),
Свято-Пантелеимоновского храма (Харьков) и Свято-Алекса́ндро-Невского храма (Харьков)*

УДК 94(4)"0375/1492"

ББК 63.3(0)4

© Oxford University Press, 2008

© Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, 2015

© Свято-Пантелеимоновский храм (Харьков), 2015

© Швец В. В., перевод

ISBN 978-966-372-638-0

СОДЕРЖАНИЕ

Список соавторов	525
Иллюстрации, планы, карты, таблицы	529
Список сокращений	530

Часть III ИНСТИТУТЫ И ОТНОШЕНИЯ

III.9. Социальная структура	
III.9.1. Император и императорский двор	
<i>Джеффри Физерстоун</i>	535
III.9.2. Бюрократия и аристократия	
<i>Жан-Клод Шейне</i>	548
III.9.3. Священство, монахи, миряне	
<i>Мери Каннингем</i>	557
III.10. Государство	
III.10.1. Управленческие структуры и администрация	
<i>Джон Хэлдон</i>	568
III.10.2. Армия	
<i>Джон Хэлдон</i>	583
III.10.3. Доходы и расходы	
<i>Вольфрам Брандес, Джон Хэлдон</i>	592
III.11. Церковь	
III.11.1. Структура и администрация	
<i>Майкл Энголд, Майкл Уитби</i>	601

III.11.2. Епископские соборы на Востоке	
<i>Кларенс Галлахер</i>	613
III.11.3. Две Церкви	
<i>Кларенс Галлахер</i>	623
III.11.4. Литургия	
<i>Роберт Тафт</i>	630
III.11.5. Монашество и монастыри	
<i>Джон Макгакин</i>	643
III.11.6. Благотворительные учреждения	
<i>Тимоти Миллер</i>	654
III.12. Экономика	
<i>Алан Харви</i>	663
III.13. Общество	
III.13.1. Роль женщин	
<i>Лиз Джеймс</i>	674
III.13.2. Семьи и родственные отношения	
<i>Рут Макридес</i>	684
III.13.3. Патронаж и свиты	
<i>Гюнтер Принцинг</i>	693
III.13.4. Пища, вино, застолье	
<i>Энтони Брайер</i>	701
III.13.5. Развлечения, театр, ипподром	
<i>Шарлота Руэше</i>	709
III.13.6. Здоровье, гигиена, лечение болезней	
<i>Перегрин Хорден</i>	717
III.14. Правосудие. Юридическая литература	
<i>Бернард Стольте</i>	723
III.15. Духовный мир	
III.15.1. Византийское богословие (теология)	
<i>Эндрю Лаут</i>	732
III.15.2. Философия	
<i>Катерина Иеродиакону, Доминик О'Мира</i>	745

III.16. Мир символов	
III.16.1. Изобразительное искусство и текст	
<i>Генри Магуайер</i>	755
III.16.2. Изобразительное искусство и литургия	
<i>Ненси П. Шевченко</i>	764
III.16.3. Изобразительное искусство и паломничество	
<i>Джас Элснер</i>	774
III.16.4. Изобразительное искусство и иконоборство	
<i>Робин Кормак</i>	784
III.16.5. Иконы	
<i>Мария Вассилаки</i>	791
III.16.6. Изобразительное искусство и периферия	
<i>Энтони Истмонд</i>	801
III.17. Язык, образование, грамотность	
III.17.1. Язык	
<i>Джеффри Хоррокс</i>	809
III.17.2. Образование	
<i>Афанасий Маркопулос</i>	817
III.17.3. Грамотность	
<i>Майкл Джеффрис</i>	828
III.17.4. Арифметика и другие науки	
<i>Анна Тихон</i>	836
III.17.5. Библиотеки	
<i>Найджел Вилсон</i>	852
III.18. Литература	
III.18.1. Риторика	
<i>Элизабет Джеффрис</i>	858
III.18.2. Историография	
<i>Майкл Энголд, Майкл Уитби</i>	869
III.18.3. Богословская литература	
<i>Эндрю Лаут</i>	885
III.18.4. Агиография	
<i>Элис-Мэри Тальбот</i>	894

III.18.5. Проповеди	
<i>Мэри Каннингем</i>	904
III.18.6. Эпистолография	
<i>Маргарет Маллетт</i>	914
III.18.7. Поэзия и романы	
<i>Вольфрам Хёрандер</i>	926
III.18.8. Военные трактаты	
<i>Эрик Макгир</i>	938
III.19. Музыка	
<i>Александр Лингас</i>	946

Часть IV

МИР ВОКРУГ ВИЗАНТИИ

IV.20. Византия и ее соседи	
<i>Джеймс Говард Джонстон</i>	968
IV.21. Роль Византии в мировой истории	
<i>Кирилл Мэнго</i>	986
Приложение 1. Правители	991
Приложение 2. Патриархи и Папы	1000
Предметный указатель	1005
Трудности перевода: работа над ошибками	
<i>А. Н. Домановский</i>	1112
Перечень замеченных опечаток в вып. 1	1114

СПИСОК СОАВТОРОВ

ПАНАЙОТИС АГАШИТОС, профессор византийской литературы, Кипрский университет

ПАМЕЛА АРМСТРОНГ, Волфсон колледж, Оксфордский университет

ХАРАМПОС БАКИРИС, эфор византийской античности, профессор византийской археологии, Университет Аристотеля в Фессалониках

ДЖОНАТАН БАРДИЛЛ, независимый ученый

КЛАУС БЕЛКЕ, Австрийская академия, Институт византистики, Вена

ЭНТОНИ БРАЙЕР, заслуженный профессор византийской истории, Бирмингемский университет

ВОЛЬФРАМ БРАНДЕС, профессор, Институт Макса Планка, Франкфурт-на-Майне

ЛЕСЛИ БРУБАКЕР, профессор византийского искусства, Бирмингемский университет

МАРИЯ ВАССИЛАКИ, профессор истории византийского искусства, отделение истории, археологии и социальной антропологии, Университет Фессалии

КЛАРЕНС ГАЛЛАХЕР, Общество Иисуса, преподаватель канонического права, Кэмпбелл Холл, Оксфорд

ЭВРИДИКА ГЕОРГАНТЕЛЛИ, нумизмат, коллекционер монет в Барберовском институте изящных искусств; лектор нумизматики в Бирмингемском университете

ВОЛЬФРАМ ГОРАНДЕР, Институт византистики, Венский университет

ДЖЕФФРИ ГРИТРЕКС, Отделение классических и религиозных исследований, Университет

МАЙКЛ ДЕККЕР, ассистент профессора, историческое отделение, Университет Южной Флориды

ЛИЗ ДЖЕЙМС, профессор истории искусств, Сассекский университет

МАЙКЛ ДЖЕФФРИС, ранее – сэр Николас Лаурентус, профессор современного греческого языка, Сиднейский университет

ЭЛИЗАБЕТ ДЖЕФФРИС, заслуженный профессор византийского и современного греческого языка и литературы, заслуженный член совета Колледжа Эксетер, Оксфордский университет

ЕКАТЕРИНА ИЕРОДЬЯКОНОВА, ассоциированный профессор древней философии, Отделение философии и истории науки, Афинский университет

Энтони Истмонд, лектор византийского искусства, Куртольд, Институт искусств, Лондон

Мэри Каннингем, лектор богословского отделения Ноттингемского университета

Энтони Катлер, Иван Паг, профессор истории искусств, Государственный университет Пенсильвании

Робин Кормак, заслуженный профессор византийского искусства, Куртольд, Институт искусств, Лондон

Кэтлин Корригэн, профессор раннехристианского и византийского искусства, Дартмус колледж, Ганновер

Джеймс Кроу, профессор археологии, Эдинбургский университет Оттавы

Питер Ян Кунихолм, профессор и заслуженный директор Лаборатории эгейской и ближневосточной дендрохронологии Малкольма и Кэролин Винер Корнельского университета

Анжелика Лайу, Гарвардский университет и Афинская Академия

Александр Лингас, лектор музыкального отделения Городского университета Лондона

Джон Лауден, профессор, Куртольд, Институт искусств, Лондон

Эндрю Лус, профессор отделения теологии и религии Дюрхэмского университета

Генри Магуайер, профессор истории искусств, Университет Джона Хопкинса, Балтимор

Джон МакГаккин, профессор раннехристианской церковной истории Объединенной теологической семинарии, профессор византийских христианских исследований, Колумбийский университет

Эрик Мак Гир, Институт Св. Климента, Торонто

Салли МакКи, ассоциированный профессор исторического отделения университета Калифорнии-Дэвис

Рут Макридес, Центр изучения Византии, Османские и современно-греческие исследования, Институт археологии и античности, Бирмингемский университет

Маргарет Маллет, профессор византийской истории, Королевский университет в Белфасте

Мариа Манделл Мэнго, лектор университета по дисциплине «Византийская археология», член совета Колледжа Св. Иоанна, Оксфордский университет

Афанасий Маркопулос, литературный факультет Афинского университета

Тимоти Миллер, профессор исторического отделения Университета Сальсбери, Мэриленд

Розмари Моррис, непостоянный член совета исторического факультета Нью-Йоркского университета

Кирилл Мэнго, заслуженный профессор византийского и современного греческого языка и литературы, заслуженный член совета Колледжа Эксетер, Оксфордский университет

Андреас И. Мюллер, Баварская академия, Мюнхен

Джон Несбитт, Исследовательская ассоциация византийской сигиллографии, Центр византийских исследований в Дамбартон Оакс, округ Вашингтон

Доминик О’Мира, отделение философии, Университет Фрейбурга, Швейцария

Роберт Оустерхаут, профессор византийского искусства и архитектуры, Университет Пенсильвании

Мария Парани, лектор византийского и поствизантийского искусства и археологии, Кипрский университет

Гюнтер Принцинг, профессор византийской истории, Университет Майнца

Джон Прайор, ассоциированный профессор исторического отделения Сиднейского университета

Шарлота Руэше, профессор классического и византийского греческого языка, Королевский колледж, Лондон

Хелен Саради, филологическое отделение Университета в Патрах, Греция

Дайон Смит, лектор византийской истории, Королевский университет в Белфасте

Дионисий Стасакопулос, отделение византийских и современных греческих исследований, Королевский колледж, Лондон

Бернард Стольте, профессор византийского права Гронингенского университета, директор Королевского голландского института в Риме

Эллис-Мэри Талбот, директор византийских исследований, Дамбартон Оакс, округ Вашингтон

Роберт Тафт, Общество Иисуса, понтифик Восточного института, Рим

Анне Тихон, профессор византийских исследований, Католический университет в Лувэне (Лувэн-ля-Нев).

Эрих Трапп, профессор Византийских исследований, Боннский университет

Найджелл Уилсон, преподаватель классических языков и литературы, заслуженный член совета Колледжа Линкольна, Оксфордский университет

Майкл Уитби, профессор классических языков и литературы, Уорвикский университет

Марк Уиттоу, лектор университета по современной истории, преподаватель современной истории, член совета Колледжа Св. Петра, Оксфордский университет

Джеффри Физерстоун, CNRS, Париж

Алан Харви, старший лектор средневековой истории, Нортумбрийский университет

Джон Хэлдон, профессор византийской истории, Принстонский университет

Сесили Хеннеси, христианское образование, Лондон

Тодд Хикки, Калифорнийский университет, Беркли

Джеймс Говард Джонстон, лектор университета по византийским исследованиям, член совета Корпус Христи колледж, Оксфордский университет

Кэтрин Холмс, член совета и преподаватель истории, колледж Оксфордского университета

ПЕРЕГРИН ХОРДЕН, профессор средневековой истории, Роял Холловей, Лондонский университет

Джеффри Хоррокс, профессор сравнительной филологии, Кембриджский университет

Ненси П. Шевченко, независимый ученый, Южный Вудсток, Вермонт, США

Жан-Клод Шейне, Центр истории и цивилизации Византии, Коллеж де Франс, Париж

Джас Элснер, старший член совета Хамфри Пэйна в области классического искусства и археологии, Корпус Христи колледж, Оксфордский университет

Майкл Энголд, заслуженный профессор византийской истории, Эдинбургский университет

Кристофер Энтвистл, отделение древней истории и Европы, Британский музей

Дэвид Якоби, заслуженный профессор, Историческое отделение, Еврейский университет, Иерусалим

ИЛЛЮСТРАЦИИ, ПЛАНЫ, КАРТЫ, ТАБЛИЦЫ

III.9.1. Физерстоун. Император и императорский двор

Рис. 1. План-эскиз Верхнего и Нижнего Дворца со стенами Никифора Фоки (адаптировано по изд. W. Muller-Wiener. Bildlexikon zur Topographie Istanbuls, 1977: 232)

Рис. 2. Хрисотриклиний и окружавшие его здания

III.10.1. Хэлдон. Управленческие структуры и администрация

Рис. 1. Имперская и финансовая администрация, ок. 560 г.

Рис. 2. Имперская военная и дворцовая администрация, ок. 560 г.

Рис. 3. Имперская администрация, ок. 700–1050 гг.

Рис. 4. Двор и администрация при Комнинах и Ангелах, ок. 1081–1204 гг.

Рис. 5. Двор и администрация при Ласкарисах и Палеологах 1204–1453 гг.

III.16.1. Магуайер: Изобразительное искусство и текст

Рис. 1. Икона Благовещения, монастырь Св. Екатерины, Синай

III.16.2. Шевченко: Искусство и литургия

Рис. 1. Псалтирь Гамильтона: почитание иконы Пресвятой Богородицы

III.16.4. Кормак: Искусство и иконоборство

Рис. 1. Хлудовская Псалтирь: иконоборец забеливает изображение Христа (Москва, Государственный Исторический Музей)

III.16.5. Вассилаки: Иконы

Рис. 1. Синай. Монастырь Св. Екатерины. Икона Христа Вседержителя, VI в., энкаустика

Рис. 2. Лондон. Британский Музей. Торжество Православия, ок. 1400 г.

Рис. 3. Синай. Монастырь Св. Екатерины: две части триптиха со Спасом Нерукотворным, середина X в.

Рис. 4. Кастория, Византийская коллекция, двусторонняя икона, вторая половина XII в.

IV.20. Говард Джонстон: Византия и ее соседи

Карта 11. Кавказ, ок. 1000–1460 гг. (по Haldon J. *The Palgrave Atlas of Byzantine History*)

Карта 12. Северные соседи империи (по Mango C. *The Oxford History of Byzantium*)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Периодика и серийные издания

<i>AB</i>	<i>Analecta Bollandiana</i>
<i>ACO</i>	<i>Acta Conciliorum Oecumenicorum</i> , 4 vols. in 27 pts. (Berlin–Leipzig, 1922–74)
<i>AD</i>	<i>Archaiologikon Deltion</i>
<i>AHB</i>	<i>Ancient History Bulletin</i>
<i>AJA</i>	<i>American Journal of Archaeology</i>
<i>ANRW</i>	<i>Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt</i>
<i>BASP</i>	<i>Bulletin of the American Society of Papyrologists</i>
<i>BCH</i>	<i>Bulletin de Correspondance Hellénique</i>
<i>BF</i>	<i>Byzantinische Forschungen</i>
<i>BMGS</i>	<i>Byzantine and Modern Greek Studies</i>
<i>BNJ</i>	<i>Byzantinische neugriechische Jahrbücher</i>
<i>BSA</i>	<i>Annual of the British School at Athens</i>
<i>BZ</i>	<i>Byzantinische Zeitschrift</i>
<i>CA</i>	<i>Cahiers Archéologiques</i>
<i>CAH 12</i>	A. K. Bowman, P. Garnsey, and A. M. Cameron (eds.), <i>The Cambridge Ancient History</i> , vol. 12: <i>The Crisis of Empire, AD 193–337</i> (Cambridge, 2005, 2nd edn.)
<i>CAH 13</i>	A. M. Cameron and P. Garnsey (eds.), <i>The Cambridge Ancient History</i> , vol. 13: <i>The Late Empire, AD 337–425</i> (Cambridge, 1998)
<i>CAH 14</i>	A. M. Cameron, B. Ward-Perkins, and M. Whitby, <i>The Cambridge Ancient History</i> , vol. 14: <i>Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425–600</i> (Cambridge, 2000)
<i>CCSG</i>	<i>Corpus Christianorum Series Graeca</i>
<i>CFHB</i>	<i>Corpus fontium historiae byzantinae</i>
<i>CMG</i>	<i>Corpus medicorum graecorum</i>
<i>CQ</i>	<i>Classical Quarterly</i>
<i>DCAE</i>	<i>Deltion tes Christianikes Archaiologikes Hetaireias</i>
<i>DOP</i>	<i>Dumbarton Oaks Papers</i>
<i>EHB</i>	A. E. Laiou and others (eds.), <i>The Economic History of Byzantium from the Seventh through the Fifteenth Century</i> , 3 vols. (Washington, DC, 2002) [http://www.doaks.org/EHB.html]

<i>EHR</i>	<i>English Historical Review</i>
<i>EMC</i>	<i>Échos du monde classique</i>
<i>EO</i>	<i>Échos d'Orient</i>
<i>FM</i>	<i>Fontes Minores</i>
<i>GRBS</i>	<i>Greek, Roman and Byzantine Studies</i>
<i>ICS</i>	<i>Illinois Classical Studies</i>
<i>IG</i>	<i>Inscriptiones Graecae</i>
<i>IK</i>	<i>Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien</i>
<i>ILS</i>	<i>Inscriptiones Latinae Selectae</i>
<i>JEA</i>	<i>Journal of Egyptian Archaeology</i>
<i>JHS</i>	<i>Journal of Hellenic Studies</i>
<i>JÖB</i>	<i>Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik</i>
<i>JÖBG</i>	<i>Jahrbuch der Österreichischen byzantinischen Gesellschaft</i>
<i>JRA</i>	<i>Journal of Roman Archaeology</i>
<i>JRS</i>	<i>Journal of Roman Studies</i>
<i>JTS</i>	<i>Journal of Theological Studies</i>
<i>JWCI</i>	<i>Journal of the Warburg and Courtauld Institutes</i>
<i>LBG</i>	<i>Lexikon zur byzantinischen Gräzität</i>
<i>LSJ</i>	H. G. Liddell and R. Scott, rev. H. S. Jones, <i>A Greek–English Lexikon</i> (Oxford, 1940, 9th edn.)
<i>Mes. Bibl.</i>	C. Sathas (ed.), <i>Mesaionike Bibliotheke</i> , 7 vols. (Venice, 1892–4)
<i>NCMH 2</i>	R. McKitterick (ed.), <i>New Cambridge Medieval History</i> , vol. 2: c. 700–c. 900 (Cambridge, 1995)
<i>NCMH 3</i>	T. Reuter (ed.), <i>New Cambridge Medieval History</i> , vol. 3: 900–1024 (Cambridge, 1999)
<i>OCA</i>	<i>Orientalia Cristiana Analecta</i>
<i>OCP</i>	<i>Orientalia Cristiana Periodica</i>
<i>ODB</i>	A. Kazhdan and others (eds.), <i>The Oxford Dictionary of Byzantium</i> , 3 vols. (New York–Oxford, 1991)
<i>OMRL</i>	<i>Oudheidkundige mededelingen uit het Rijksmuseum van Oudheden te Leiden</i>
<i>PG</i>	<i>Patrologia Graeca</i>
<i>PBSR</i>	<i>Papers of the British School at Rome</i>
<i>PL</i>	<i>Patrologia Latina</i>
<i>RE</i>	<i>Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft</i>
<i>REB</i>	<i>Revue des Études Byzantines</i>
<i>REG</i>	<i>Revue des Études Grecques</i>
<i>RSBN</i>	<i>Rivista di studi bizantini e neoellenici</i>
<i>SC</i>	<i>Sources Chrétiennes</i>
<i>SIFC</i>	<i>Studi italiani di filologia classica</i>
<i>Sitz. Bay. Akad. Wiss., ph.-ph.-hist. Kl.</i>	<i>Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-philologische und historische Klasse</i>
<i>TAPA</i>	<i>Transactions of the American Philosophical Society</i>
<i>TF</i>	<i>Text und Forschungen</i>
<i>TIB</i>	<i>Tabula Imperii Byzantini</i>
<i>TM</i>	<i>Travaux et Mémoires</i>

TU	Text und Untersuchung
VTIB	<i>Veröffentlichungen der Kommission für die Tabula Imperii Byzantini</i>
VV	<i>Vizantijskij Vremennik</i>
ZPE	<i>Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik</i>
ZRVI	<i>Zbornik radova Vizantološkog Instituta</i>

Рукописи

Athens, Nat. Lib.	Athens, National Library (Ethnike Bibliotheke)
Florence, Laur.	Florence, Biblioteca Medicea-Laurenziana
Leipzig, Univ. Lib.	Leipzig, Universitätsbibliothek
London, BL	London, British Library
Milan, Ambros.	Milan, Biblioteca Ambrosiana
Naples, Bibl. Naz.	Naples, Biblioteca Nazionale
Oxford, Bodl.	Oxford, Bodleian Library
Paris, BN	Paris, Bibliothèque Nationale
Sinai	Mt Sinai, Monastery of St Catherine
Vat.	Rome, Biblioteca Apostolica Vaticana
Vienna, ÖNB	Vienna, Österreichische Nationalbibliothek

Тексты и их критические издания

В большинстве случаев принимались во внимание *LBG*, *LSJ* и *ODB*.

<i>An. Komn.</i>	D. Reinsch and A. Kambylis (eds.), <i>Annae Comnenae Alexias</i> (Berlin, 2001)
<i>Anth. Gr.</i>	W. R. Paton (ed. and trans.), <i>The Greek Anthology</i> , 5 vols. (London, 1916–18)
Attal.	<i>Michael Attaleiates, Historia</i> , ed. I. Bekker (Bonn, 1853); I. Pérez Martín (ed.), <i>Miguel Attalates, Historia</i> (Madrid, 2002)
Chalk.	I. Bekker (ed.), <i>Laonici Chalcocondylae Historiarum libri decem</i> (Bonn, 1843)
<i>Chron. Pasch.</i>	L. Dindorf (ed.), <i>Chronicon Paschale</i> , 2 vols. (Bonn, 1832)
<i>CIC</i>	<i>Corpus Iuris Civilis</i> , ed. T. Mommsen, P. Krueger, and others, 3 vols. (Berlin, 1928–9)
<i>Cod. Iust.</i>	<i>Codex Justinianus</i> , in <i>CIC</i> , vol. 2
<i>Cod. Theod.</i>	<i>Codex Theodosianus</i> , 2 vols. in 3 parts, ed. T. Mommsen and P. M. Meyer (Berlin, 1905)
<i>De Adm. Imp.</i>	G. Moravcsik and R. H. J. Jenkins (eds. and trans.), <i>Constantine Porphyrogenitus, De Administrando Imperio</i> , vol. 1: <i>Text and Commentary</i> (Washington, DC, 1967); vol. 2: <i>Commentary</i> (London, 1962)
<i>De Cer.</i>	J. J. Reiske (ed.), <i>De Cerimoniis Aulae Byzantinae</i> , 2 vols. (Bonn, 1829–30)
<i>Dig. Ak.</i>	E. Jeffreys (ed. and trans.), <i>Digenis Akritis: The Grottaferrata and Escorial versions</i> (Cambridge, 1998)
<i>Digest.</i>	<i>Digesta</i> , ed. T. Mommsen (= <i>CIC</i> , vol. 1; Berlin, 1928)

- Doukas V. Grecu (ed.), *Ducas Istoria Turco-bizantina (1341–1462)* (Bucharest, 1958)
- Eusebios, *HE* Eusebius, *Historia ecclesiastica*: E. Schwartz (ed.), *Eusebius Werke* 2.1–3: *Die Kirchengeschichte* (Leipzig, 1903–9)
- Eusebios, *VC* Eusebios, *Vita Constantini*: F. Winkelmann, *Eusebius Werke* 1.1: *Über das Leben des Kaisers Konstantin* (Berlin, 1975); A. M. Cameron and S. Hall, *Eusebius, Life of Constantine: Introduction, Translation and Commentary* (Oxford, 1999)
- Genes. A. Lesmüller-Werner and I. Thurn (eds.), *Iosephi Genesisii regum libri quattuor* (Berlin–New York, 1978)
- Greg. L. Schopen and I. Bekker (eds.), *Nicephori Gregorae Byzantina Historia*, 3 vols. (Bonn, 1829–55)
- Hes. *Works* *Works and Days*, in H. G. Evelyn-White (ed. and trans.), *Hesiod, the Homeric Hymns and Homeric* (London, 1959)
- Isidore, *Orig.* W. M. Lindsay (ed.), *Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive originum libri XX* (Oxford, 1911)
- Justin C. Munier (ed.), *L'Apologie de Saint Justin philosophe et martyr* (Fribourg, 1995)
- Kantak. L. Schopen (ed.), *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris, Historiarum Libri IV*, 3 vols. (Bonn, 1828–32)
- Laskaris, *Ep.* N. Festa (ed.), *Theodori Ducae Lascaris epistulae CCXVII* (Florence, 1898)
- Leo Diac. C. B. Hase (ed.), *Leonis Diaconi Caloensis Historiae* (Bonn, 1828)
- Lib. *Or.* R. Foerster (ed.), *Libanii Opera*, 3 vols. (Leipzig, 1902–17)
- Lib. *Pont.* L. Duchesne (ed.), *Liber Pontificalis*, 3 vols. (Paris, 1886–1957)
- Lyd. *De Mag.* A. C. Bandy (ed. and trans.), *Ioannes Lydus, On Powers or The Magistracies of the Roman State* (Philadelphia, 1983)
- Maur. *Strat.* *Mauricii Strategicon*: G. T. Dennis and E. Gamillscheg (eds.), *Das Strategikon des Maurikios* (Vienna, 1981)
- Nik. Chon. J. L. van Dieten (ed.), *Nicetas Choniates, Historia* (Berlin–New York, 1975)
- Nov. *Iustiniani Novellae* in *CIC*, vol. 3
- Pachym. A. Failler (ed. and trans.), *Georges Pachymérès, Relations historiques*, 5 vols. (Paris, 1984–2000)
- Pan. K. Holl (ed.), *Epiphantos, Panarios* (Leipzig, 1933)
- Photios R. Henry (ed. and trans.), *Photios, Bibliothèque*, 8 vols. (Paris, 1959–77)
- Prok. *Buildings* J. Haury, rev. P. Wirth (ed.), *Procopii Caesariensis opera omnia*, vol. 4: *De aedificiis* (Leipzig, 1963); H. B. Dewing (ed. and trans.), *Procopius*, vol. 7: *Buildings* (Cambridge, Mass.–London, 1940)
- Prok. *SH* J. Haury, rev. P. Wirth (ed.), *Procopii Caesariensis opera omnia*, vol. 3: *Historia arcana* (Leipzig, 1963); H. B. Dewing (ed. and trans.), *Procopius*, vol. 6: *Anecdota or Secret History* (Cambridge, Mass.–London, 1940)
- Prok. *Wars* J. Haury, rev. P. Wirth (ed.), *Procopii Caesariensis opera omnia*, vols. 1–2: *De Bellis* (Leipzig, 1962–3); H. B. Dewing (ed. and trans.), *Procopius*, vols. 1–5: *The Wars* (Cambridge, Mass.–London, 1940)

- Proklos, *Hom.* F. Leroy (ed.), *L'homilétique de Proclus de Constantinople. Tradition manuscrite, inédits, études connexes* (Vatican City, 1967)
- Psellos, *Chron.* S. Impellizzeri and others (eds. and trans.), *Michele Psello, Imperatori di Bisanzio: cronografia*, 2 vols. (Milan, 1984)
- Sokr. *HE* G. Hansen (ed.), *Sokrates, Kirchengeschichte* (Berlin, 1995)
- Sphrantzes, *Cron.* R. Maisano (ed.), *Giorgio Sfranze, Cronaca* (Rome, 1990)
- Theod. Met. *Presb.* L. Mavromatis(ed.), *Theodoros Metochites, Presbeutikos in La fondation de l'empire serbe. Le kralj Milutin* (1978): 89–119
- Theod. Stud. *Ep.* G. Fatouros(ed.), *Theodori Studitae epistulae* (Berlin–New York, 1992)
- Theoph. C. de Boor (ed.), *Theophanes, Chronographia*, 2 vols. (Leipzig, 1883–5)
- Theoph. Cont.* I. Bekker (ed.), *Theophanes Continuatus* (Bonn, 1838)
- Timarion* R. Romano (ed. and trans.), *Pseudo-Luciano, Timarione* (Naples, 1974)
- Veget. C. Lang (ed.), *Vegetii Epitoma rei militaris* (Stuttgart, 1872)
- Vita Alypii* *Vita Sancti Alypii: vita prior*, in H. Delehaye (ed.), *Les Saints Stylites* (Paris–Brussels, 1923): 148–69
- Vita Io. El.* A.-J. Festugière and L. Ryden (eds.), *Léontios de Néapolis, Vie de Syméon le Fou et Vie de Jean de Chypre* (Paris, 1974)
- Vita Petri* A. Mai (ed.), *Vita et conversatio Sancti Petri Argivorum, Patrum nova bibliotheca*, vol. 9.3: 1–17 (Rome, 1888)
- Vita Theod. Syk.* A.-J. Festugière (ed.), *Vie de Théodore de Sykéon*, I: *Texte grec*; II: *Traduction, commentaire et appendice* (Brussels, 1970)
- Vita Theophylakti* A. Vogt (ed.), 'Vie de S. Théophylacte de Nicomédée', *AB* 50 (1930): 71–82
- Zepos, *Jus* J. and P. Zepos, *Jus graecoromanum*, 8 vols. (Athens, 1931; repr. Aalen, 1962)

Примечание: все ссылки на интернет ресурсы достоверны на июнь 2007 г.

ЧАСТЬ III

ИНСТИТУТЫ И ОТНОШЕНИЯ

III.9. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Глава III.9.1

ИМПЕРАТОР И ИМПЕРАТОРСКИЙ ДВОР

Джеффри Физерстоун

В трактате X в., известном под названием «О церемониях» («*De Ceremoniis*»), императора Константина VII Багрянородного, упорядоченность и достоинство церемоний императорского Дворца уподобляются гармоничному движению в созданной Богом вселенной. Дворец, будучи центром и источником земного порядка, рассматривался как отражение порядка небесного. Благодаря усвоению христианством императорского культа времен поздней античности, личность императора рассматривалась как священная, равно как и дворец, в котором он жил, и все действия, которые совершал. Византийский термин «дворец» (*palation*) объединял в себе значения как прямое – места жительства, так и переносное – общества, окружавшего императора, что приблизительно соответствовало понятию «двора» («*court*») в западной традиции (*De Cerimoniis* 1935–9: I.2; Toynbee 1973: 185–200; Mango 1980: 218–22; Kelly 1998: 139–50).

В официальном титуловании по-прежнему употреблялись и более ранние наименования царской особы: *август*, *автократор* и *деспот*, но со времен Ираклия императора в основном называли *василевсом*, тогда как в отношении императрицы предпочитали употреблять термин *василисса* вместо латинизированного *августа*. Для усиления династического аспекта императорского служения Лев III вводит для своего сына Константина (V) легитимизирующий титул «багрянородного» («порфирогенита»), то есть «рожденного в порфире», которым наделяли детей правящего императора: такой порядок был принят за основу в правление императоров Македонской династии. Именно Константин V узаконил использование придворных титулов в отношении членов императорской фамилии, возвысив своих детей, наделив их титулами кесарь и новелиссим (Bury 1911: 35–6; Dagron 1994; McCormick 2000).

Высшие государственные должности получили собирательное наименование «сенат» (*синклит*, *синклитикос система*) или «те, кто правит», «архонты» (*hoi en telei*, *hoi archontes*). Приблизительно половина из них были офицерски-

ми чинами (стратигами, domestиками, друнгариями и т. д.), а военная карьера была одним из способов получить место в высших слоях дворцового общества или даже взойти на императорский трон. Наивысшие гражданские должности (кесарь, магистр, анфипат и т. д.) занимали ближайшие союзники и родственники императора. Кроме того, имелось также и дворцовое духовенство. Средние и низшие должности – военные, гражданские, духовные – продавались, причем плата зависела от доходности должности, или *роги*. За членство в великой этерии (*рога* более 20 номисм) платили 16 литр; за каждые дополнительные 7 номисм роги (свыше 20) плата повышалась на 1 литру. Прислуживающие у императорского стола или при переодевании императорской особы, а также входившие в штат слуг отпрысков императорской фамилии (*рога* 10 номисм) платили 6 литр – на одну меньше, нежели желающие пополнить состав императорского клира. Императорские евнухи, *кувикулярии* также оплачивали свои должности. Они составляли императорский эскорт и пользовались повышенным влиянием во дворце. Незаконнорожденный сын императора, Василий Лакапин, выступивший на стороне Константина VII против своей собственной семьи, был вознагражден за это одной из высших должностей – паракимомена или камергера (управляющего двором) и, таким образом, получил в свое ведение не только все придворные, но и все имперские административные должности, подчиняясь при этом одному императору. И хотя впоследствии Константин сместил его с этой должности, позднее он был восстановлен в ней Никифором Фокой, наделившим Василия еще и почетным титулом проедра, то есть «управляющего сенатом». Позднее Лакапин содействовал убийствам как Фоки, так и Цимисхия, после чего правил империей как регент при Василии II, пока последний не отстранил его от власти. Будучи великим покровителем искусств, именно Василий Лакапин, вероятнее всего, заказал составление трактата «О церемониях» в окончательной редакции (*De Cerimoniis* 1829: 692–4; Bury 1911: 120–1; Featherstone 2004).

На нижней ступени находились самые незначительные по своему положению слуги во Дворце: диитарии (*diaitarioi*) или слуги, приставленные к разнообразным помещениям, привратники, осветители и т. д. и, конечно же, весьма многочисленные рабы, о которых мы почти ничего не знаем. Служащие Ипподрома и члены цирковых партий также представлены в списках должностных лиц Большого императорского дворца.

Оценки численности челяди этого Дворца в средневизантийский период, основанные на подсчете приглашенных на пиры и измерении пространства, занимаемого придворными в галерее Св. Софии во время богослужений, варьируются от одной до двух тысяч человек. Все отношения между ними регулировала строгая система старшинства в зависимости от ранга занимаемой должности (Kazhdan and McCormick 1997; McCormick 2000).

Характер и работу византийского двора лучше всего иллюстрирует описание церемоний Большого императорского дворца в Константинополе. Хотя общую его протяженность можно определить и по современной карте Стамбула, сам дворец давно исчез, поэтому устройство его помещений и порядок проведения церемоний можно воссоздать лишь на основании письменных источников.

Выстроенный Константином на возвышении – земляной террасе с видом на Мраморное море, дворец начинался от Августииона напротив храма Св. Софии, и тянулся к югу вдоль Ипподрома, с которым имперские церемонии, несмотря ни на что, были связаны очень тесно. В отношении раннего периода нашим основным источником являются выдержки из произведений начальника имперской канцелярии (магистра оффиций) VI в. Петра Патрикия с описаниями церемоний V и VI вв. Поэмы Кориппа, восхвалявшие Юстина II, также позволяют окинуть взглядом старинный дворец времен коронации Юстина и аудиенции, данной им аварам. Другим важным источником является *Клиторологий*, или *Трактат о пирах* Филофея, датированный 899 г. К тому времени зданием Старого Дворца пользовались лишь по особым поводам, а повседневная жизнь императора и его двора проходила в более новых строениях, расположенных ниже на террасах Мраморного моря, центром которых были императорский Китон, или частные апартаменты, с прилегающим Золотым залом (Хрисотриклинием). Использование термина «Дворец», согласно источникам, не ограничивалось пределами нижней террасы (Bury 1907; Cameron, A. M. 1976; Oikonomides 1972: 81–235).

Таким образом, к X в. такие прославленные строения Старого Дворца, как Халки или Бронзовые ворота на Августиионе, Консistorий, или аудиенц-зал, Большой Триклин или обеденный Зал Девятнадцати лож, Августий, где по традиции начинались церемонии императорских бракосочетаний, и даже Кафисма, или императорская ложа на Ипподроме, больше не считались частью императорской резиденции. Как и Магнавра, прежнее здание Сената на Августиионе, который по-прежнему использовался в случаях государственной важности, старые здания – некоторые из них насчитывали около 600 лет – были не более, чем музейными экспонатами. Старые строения поддерживались тем не менее в промежуточном состоянии – их ремонтировали для использования в особых случаях. Именно этот беспорядочный ансамбль старых и новых зданий фигурирует в многообразии церемоний одноименного трактата, потому его зачастую считают функционально единым целым. Но это искаженное понимание, которое не позволяет в полной мере оценить изобретательность византийцев при использовании в имперских идеологических целях помещений Дворца, в частности, полуразрушенной древнейшей его части. Оно не отражает исторической реальности. Императоры той поры появлялись в Старом Дворце лишь по особым поводам. Более вероятным кажется, что в эту местность переезжало некоторое количество высокопоставленных должностных лиц, точно так же, как в более ранний период они строили свои особняки близ Старого Дворца, пример чему – дворец Лавса по ту сторону Ипподрома. Феоктист, регент при Михаиле III, выстроил себе особняк на месте, называемом Апсис (предположительно Перистиль и Апсидный зал (Walker Trust), укрепил его металлическими решетками и выставил стражу (Mango 1997; Bolognesi and Featherstone 2002).

Около 969 г. император-воин Никифор Фока счел излишним охранять и содержать дворцовый комплекс полностью и выстроил стены, окружив ими новый Дворец на нижней террасе, таким образом, полностью отсекая его от всех более старых зданий кроме Кафисмы, которая стала теперь основным переходом из города во Дворец. Прежний главный вход Халки, хотя и был восстановлен

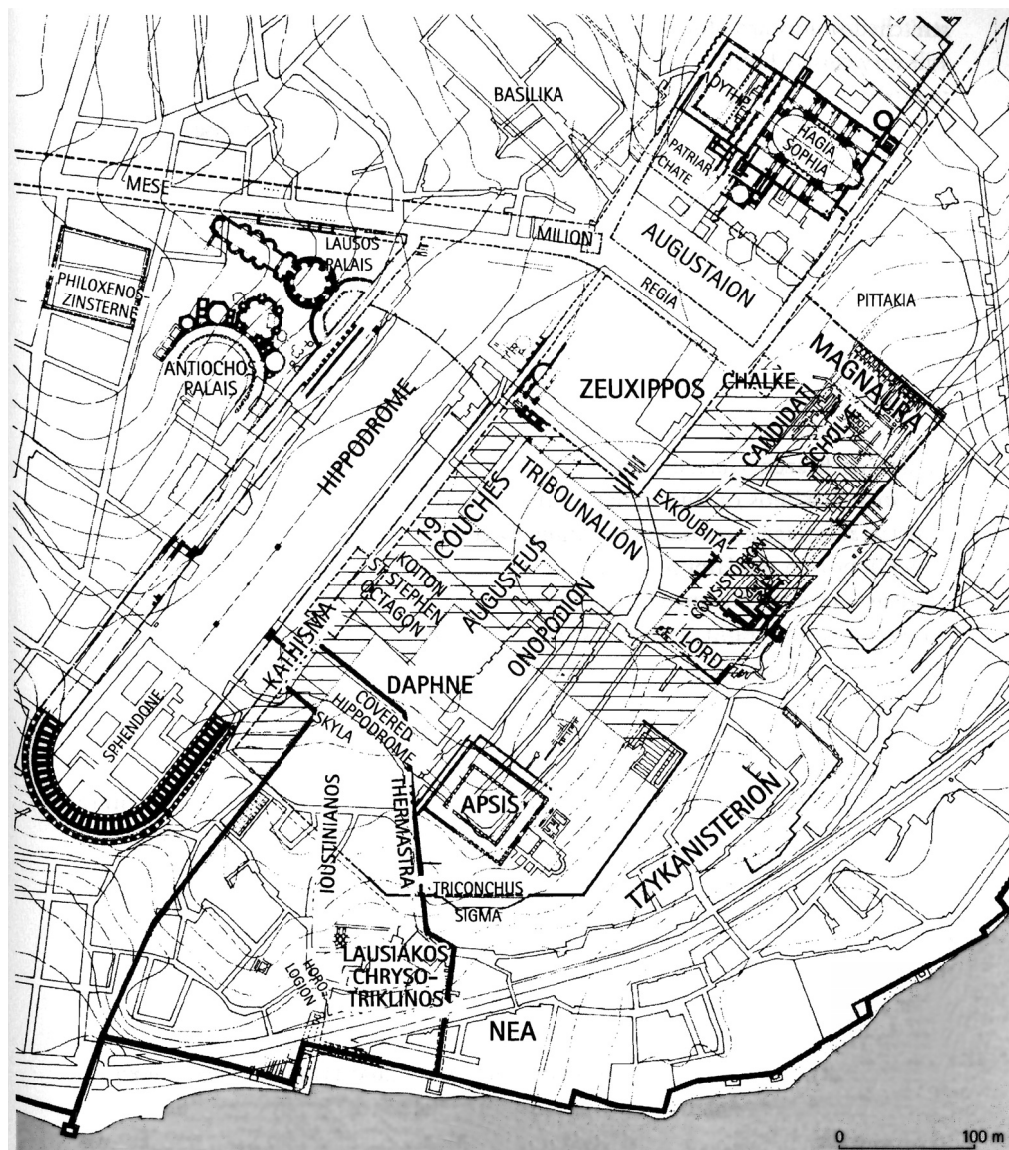

Рис. 1. План-схема Верхнего и Нижнего Дворца со стенами Никифора Фоки (адаптировано по изд.: W. Müller-Wiener, *Bildlexikon zur Topographie Istanbuls*, 1977: 232)

и перестроен в период правления Комнинов, отныне использовался лишь для церемониальных процессий, направлявшихся в храм Св. Софии и из него. Фактически стены Фоки стали предвестниками забвения Большого императорского дворца. Комплекс на нижней террасе, отныне иногда именовавшийся Вуколеоном, сохранился нетронутым до IV Крестового похода, но императоры династии Комнинов предпочитали жить во дворце во Влахернах. Однако, согласно «Трактату о титулах и чинах» Псевдо-Кодина (XIV в.), в таких случаях как, например,

коронации, они все же прибывали в Большой императорский дворец (Pseudo-Kodinos 1966: 252–63).

Эта столь длительная приверженность к Большому дворцу весьма значима. Его сохраняли так долго, как только могли, с тем, чтобы придать правлению очередного императора законность и славу прошлых лет. Такая консервативная тенденция, типичная для византийского правления, отмечалась в *De Ceremoniis*, послужившим для нас главным источником информации о дворе: большая его часть наполнена сведениями, взятыми из документальных описаний церемоний прежних времен в старых зданиях. Вопреки ожиданиям, составитель, к сожалению, очень мало говорит нам о повседневном ритуале Дворца во времена составления трактата. Такие великолепные постройки как экседра в Триконхе Сигма, где, как нам известно, из Продолжателя Феофана, василевс Феофил предпочитал проводить как можно больше времени, или Новая церковь (*Неа Эклессиа*), построенная Константином VII, дедом Василия I, упоминаются лишь мимоходом.

Центром повседневной жизни двора в X в. был Хрисотриклиний. Датированный правлением Юстина II, этот восьмиугольный зал был промежуточным помещением, соединявшим личные апартаменты императора с общественными частями Дворца. Будучи по своей форме подобен церкви Свв. Сергия и Вакха или собору Сан-Витале в Равенне, Хрисотриклиний, своды которого с семи сторон скрывали занавеси, тогда как восточная апсида была открыта центральному пространству, был задуман так, чтобы вход и выход императора, то есть каждое его появление перед подданными, были обставлены с подобающей торжественностью. Здесь император исполнял свои повседневные обязанности, а именно: назначения на должности, участие в пирах, но наибольшее значение имела «Дневная Процессия», когда должностные лица собирались в прилегающих залах Лавсиака и Юстиниана на случай вызова императором.

Ориентация апсиды на восток была не единственным элементом, напоминавшим храм. В апсиде находилось изображение Христа, вероятно, мозаичное, под которым император восседал, принимая знаки благоговейного почитания подданных и гостей. Главный вход находился с западной стороны и вел на террасу, туда же выходили двери залов Лавсиака и Юстиниана.

Арочный свод непосредственно слева от апсиды примыкал к часовне Св. Феодора, соединенную с Филаком, Сокровищницей Дворца. Сводчатое помещение напротив часовни служило ризницей. Центральное сводчатое помещение с северной стороны выходило к Пантеону, о котором нам известно только то, что он был достаточно велик для того, чтобы, по меньшей мере, один высокопоставленный чиновник дожидался внутри начала церемоний, а сводчатое помещение непосредственно слева от западных дверей выходило к Диатариклиону (*Diatarikion*), или комнате управляющего, где квартировал папий, то есть дворецкий, комендант.

Центральное и самое дальнее, западное сводчатое помещение на противоположной, южной стороне Хрисотриклиния вело к личным апартаментам соответственно императора и императрицы. Оставшееся сводчатое помещение непосредственно справа от восточной апсиды являлось возможным местом расположения Ариститириона Константина VII, или комнатой для завтраков, где

остальные члены императорской семьи, включая детей, могли, покинув Китон, присоединиться к императору за десертом в компании избранных гостей по окончании пиров в Хрисотриклинии (Featherstone 2005).

Из двух сравнительно скудных глав *De Ceremoniis* о повседневных ритуалах мы узнаем, что Дворец обычно был открыт каждое утро после заутрени. Этериарх или командующий караульной ротой вначале открывал сложный переход со двора Дафны, в старом верхнем дворце, ведущий в зал Лавсиака, и затем уже вместе с папием открывал западные двери Хрисотриклинии. После этого они открывали Юстинианов зал и, пройдя его, открывали ворота на противоположном конце, которые вели к крытому входу, именуемому Скила, выходившему на так называемый «Крытый Ипподром». Последний был частью Старого, верхнего Дворца, а ворота и Скила являлись самым прямым переходом из него в новый, Нижний Дворец. Соответствуя по своему положению так называемому «*Stadio*» Домицианова дворца на Палатине, Крытый Ипподром был не местом конных состязаний, но прямоугольным парком, окруженным галереями.

Именно здесь имперские должностные лица ждали открытия Дворца, после чего входили, занимая места в «Процессии», то есть, согласно своему должностному положению, на скамьях Юстинианова зала. Придворные отстаивали свои законные места в «Процессии» с ожесточенным упорством, и не встать со скамьи, когда мимо проходит более высокопоставленное должностное лицо, означало, возможно, дать почву для обвинения в оскорблении величия (*lèse-majesté*), то есть серьезном обвинении в противлении императорской власти. Дневная процессия была пережитком римского *Salutatio Augusti* и, в особенности, *Cottidiana Officia*, когда император приветствовал высших сановников. Но, как и в случае с классическим прецедентом данной церемонии, нам неизвестно, участвовали ли в процессии все государственные служащие ежедневно: ни одно конкретное должностное лицо не упоминалось в связи с определенными днями недели. Даже присутствие высших должностных лиц – магистров и патрикиев указано в обычные воскресные дни, однако Процессия в такие воскресенья проводилась лишь по желанию императора. К несчастью, *De Ceremoniis* почти ничего не сообщает нам о том, где или как решались повседневные административные вопросы. Есть упоминание о дневном открытии кабинетов (*асикритиев*) позади зала Лавсиака, где *логофет дрома* или официальный глава ведомства иностранных дел, ждал вызова императора. Следует предположить, что изрядное количество должностных лиц приходило ежедневно на прием в эти кабинеты (Winterling 1999: 117–38).

Распорядок ежедневной процессии был следующим. В конце «первого часа», то есть около 7 утра, когда все занимали свои места, глава недельной смены слуг, назначенных в Хрисотриклиний, трижды стучал в двери, ведущие в Китон. Ему запрещено было входить внутрь, как и любому другому лицу, исключая служителей спальных покоев, китонитов, которые открывали двери и облачали императора в скарамангий¹ или цветную шелковую тунику. Входя в Хрисотриклиний, император проходил под восточной апсидой, кланялся иконе Христа и садился, но не на главный трон в центре апсиды, который в обычные дни пустовал, как

¹ Аналог совр. саккоса – прим. переводчика.

бы согласно упрощенному церемониалу, а на золотое седалище или стул слева от трона. После этого он вызывал логофета, который выходил из-за западной занавеси, раздвигаемой дворецким – папием. При своем первом появлении логофет, как и многие другие, простирался ниц в *проскинисисе*, то есть в поклоне: *salutatio* (приветствие) переходило в *adoratio* (восхваление) уже в позднеантичный период. После этого император приказывал логофету ввести тех, кого он желал видеть. В непраздничные дни, когда особо важных дел не было, папий объявлял *minsai*, то есть роспуск собрания (от позднелатинского *missa*), встряхивая и позванивая ключами в конце «третьего часа», около 9 часов утра. Услышав сигнал, должностные лица покидали Юстинианов зал и расходились по домам. Одна из записей в трактате «О церемониях» утверждает, что тот же самый порядок соблюдался и когда Дворец открывался после полудня, хотя точное время не указывается. Дальнейшие записи повествуют о том, что, принимая иностранных высоких гостей, император восседал на укрытом пурпуром возвышении справа от трона, так же как по воскресеньям, в расшитой жемчугом мантии с золотой каймой и, если сам того желал, в короне. По воскресеньям, до объявления *minsai*, артоклин, распорядитель пира, читал вслух имена приглашенных к столу. Пирыв проходили в Юстиниановом зале или в самом Хрисотриклинии. Император усаживался за стол, установленный в стороне от всех прочих – *апоконти*. С ним за столом сидели только члены его семьи и наиболее высокопоставленные должностные лица, кесарь или зоста патрикия, которые чаще всего приходились ему родственниками, и Патриарх. Прочие сановники рассаживались за остальными столами близ императорского в соответствии с занимаемым должностным положением (*De Cerimoniis* 1829: 518–25; Treitinger 1956: 84–92; Winterling 1999: 29–32).

Таким был минимальный повседневный ритуал. Большую часть дней он дополнительно увеличивался за счет других церемоний, которые, в зависимости от их торжественности, либо полностью проводились в нижнем Дворце, либо включали также шествие в храм Св. Софии. Малые церковные праздники отмечали на нижней террасе литургией в одной из дворцовых церквей, таких как церковь Богородицы Фара на террасе за Хрисотриклинием или часовня Св. Василия в зале Лавсиака. За празднованием обычно следовал пир. Такие персональные празднования как день рождения императора или возобновленные брумалии (зимний праздник), также проходили на нижней террасе, с танцами в помещении Триконха Сигмы и пиром в Хрисотриклинии (*De Cerimoniis* 1935–9: II.86–7; *De Cerimoniis* 1829: 599–607).

Церемонии вступления в должность для всех, кроме наиболее высокопоставленных должностных лиц, также проходили в Хрисотриклинии, к примеру, – назначения стратига, либо, на более высоком уровне, – патрикия или зосты патрикия. Как и официальные государственные приемы в Магнавре и богослужения в храме Св. Софии в дни больших церковных праздников, назначение патрикиев или зост патрикиев проходило при полном собрании должностных лиц. Хрисотриклиний принимал более торжественный вид. Император надевал корону и садился на центральный трон, а не на возвышение, а позади него, в апсиде, полукругом выстраивались кувикуларии. Начиная от занавеси у западной двери, папий с кадилом обходил Хрисотриклиний, воскуряя благовония, после чего

обкуривал императора. Должностные лица допускались в зал согласно рангу, группами, разделенными на восемь «входов» или «занавесов»¹ (для того, чтобы их впустить, поднимали занавес), и выполняли *проскинисис* под наблюдением церемониймейстера. После того, как все собирались, кандидата подводили к императору и возводили на должность, при этом все собрание восклицало в адрес императора «Многая лета». После чего все проходили процессией по Старому Дворцу, и императора с новым патриkiem или зостой патрикия в местах остановки шествия приветствовали возгласами цирковые фракции. Процессия продвигалась к храму Св. Софии, где вновь назначенный причащался Св. Христовых Тайн и получал благословение Патриарха. После чего патрикий отправлялся домой в сопровождении цирковых фракций, а зоста патрикия направлялась в Магнавру, где сама становилась объектом церемонии *проскинисиса* со стороны жен имперских сановников, которые допускались в зал также восьмью группами – «занавесами», согласно рангу своих мужей. После чего она возвращалась в нижний Дворец, где жила, если была членом императорской фамилии (*De Cerimoniis* 1935–9: I.51–60; 63–6).

Итак, отметим, что фактически церемония вступления в должности патрикия или зосты патрикия проводилась в Хрисотриклинии. Подобным же образом и там же, с «рабочими визитами» принимали зарубежных послов, стоявших в таком случае в отдалении от императора. Однако их первая встреча с императором с большим великолепием проходила в Магнавре, откуда процессия следовала по маршруту, проходившему через Старый Дворец. То же самое верно даже для таких больших праздников как Пасха и Рождество, когда император прибывал в окружении большой процессии подданных (*prokensos*) в храм Св. Софии, и по таким случаям прилагались все усилия, чтобы возродить Старый Дворец к жизни. Утром, очень рано, все атрибуты праздника – Большой Крест Св. Константина (неотъемлемая принадлежность процессии), Жезл Моисея, римские скипетры, *птихии* (какие бы то ни были!) и прочие реликвии (большая их часть хранилась теперь в часовне Св. Феодора) – выносились и устанавливались на своих, по-видимому, традиционных местах в Старом Дворце. Императорскую корону и одеяния также посылали из нижнего Дворца и выставляли в восьмиугольном помещении (Октагоне) позади старого Китона во дворце Дафны. В эти дни нижний Дворец не был открыт, как обычно, а все имперские служащие и члены цирковых фракций прямоком направлялись в парадных одеждах в Старый Дворец к местам встречи, расположенным на всем протяжении маршрута, по которому должен был следовать император. Самыми важными остановками были: Августий, где императора приветствовали служители Хрисотриклинии и караульная рота; далее – церковь Св. Стефана за Ипподромом, где император поклонялся Кресту Св. Константина; далее Октагон, где на императора надевали корону и облачение к празднику; затем процессия снова возвращалась назад и проходила Августий, где для выполнения *проскинисиса* (приветственных земных поклонов – см. выше) его ожидал логофет; следующая остановка – крытый вход Августия, известный под названием Золотого Рукава, где император принимал

¹ По-гречески «вилы» – прим. ред.

поклонение (проскинисис) от магистров и других высокопоставленных служащих; далее процессия следовала через Оноподион, где проскинисис совершали друнгрии царского флота; еще дальше шествие проходило Консистирию, где были установлены еще один Константинов крест и Жезл Моисея и где ожидали протоаскриты и царские нотариусы; далее – в галереях Кандидатов, Экскувитов, Схол императора прославляла на латыни, в выражениях, на то время почти невразумительных, имперская гвардия, несшая старинные знамена и штандарты – все, какие только были на тот момент в сохранности. Дальнейшим пунктом следования являлся Трибуналий, где императора приветствовали цирковые факции. Потом он проходил через Пропилеи дворцовой церкви Свв. Апостолов к Халки под приветственные возгласы факций; а оттуда шел на литургию в храм Св. Софии (*De Cerimoniis* 1935–9: I.3–28).

Для государственных приемов в Магнавре имперские служащие направлялись к первому часу утра, а император прибывал частным образом, как всегда, когда он не принимал участия в официальной процессии, пользуясь системой коридоров, приводившей его из нижнего Дворца в Магнавру. Там, после того, как император, в мантии и короне, занимал место на Соломоновом троне, проходил прием государственных служащих – в восемь занавесов, каждому из которых предшествовали остиарии, то есть носильщики жезлов¹. Когда прибывшие с визитом иностранцы простирались в земном поклоне (*проскинисисе*), звучал орган. А в то время, как логофет задавал предписанные протоколом вопросы, срабатывали автоматические устройства трона: львы на ступенях, ведущих к трону, рычали и виляли хвостами, птицы на деревьях пели. Автоматика любезно прекращала свое действие в то время, когда иностранец говорил, а потом, на время, пока он выходил, включалась снова (*De Cerimoniis* 1829: 566–70).

Таков был прием иноземцев по сведениям Лиутпранда, чьи *Antapodosis* и *Legatio* являются богатейшим источником информации о византийском дворе, а *De Cerimoniis* содержит описания трех таких приемов арабских послов и еще один, княгини Руси Ольги в правление Константина VII. Как и другим правителям союзников, Ольге, по-видимому, был пожалован имперский титул зосты патрикия и, в соответствии с приличествовавшим ее новому положению церемониалом, она, вместе с императрицей Еленой и ее невесткой, женой Романа II, принимала во время второго приема в Юстиниановом зале *проскинисис* жен имперских служащих (Liudprand 1997: 147–50, 187–218; *De Cerimoniis* 1829: 583–95; Tinnefeld 2005).

После таких приемов или после литургии в храме Св. Софии император обычно возвращался к себе в Китон частным образом, по коридорам, тогда как официальные лица и инозецы, приглашенные на обед, шествовали во Дворец через старые строения на верхней террасе. К X в. пиры почти всегда проводились в Юстиниановом зале или в Хрисотриклинии, где мы находим единственное в *De Cerimoniis* упоминание о кухнях. В особых случаях музыкальное сопровождение пиров осуществляли хористы храма Св. Софии и церкви Свв. Апосто-

¹ Привратник, царский дворцовый служащий; одновременно должность и сан, которые обычно давались евнухам; подчинялся примикирию – прим. ред.

лов, которые находились за занавесами боковых сводов Хрисотриклиния. Игра на органе сопровождала внесение различных блюд. По большим светским праздникам могли устраивать и танцы, – либо перед началом пира в триконхе Сигмы, либо в Хрисотриклинии во время еды. Тем не менее, в каждый из двенадцати дней Рождества, согласно сохранившейся старой традиции, пиры проходили в Триклине – Большом Триклинии, Зале Девятнадцати лож, на которых приглашенные возлежали в римском стиле. Организация таких рождественских пиров с полным перечнем приглашенных придворных – должностных лиц, прислуги и указанием места каждого в зале описано в деталях в *Клиторологии* Филофея (Oikonomides 1992: 165–85; см. также Oikonomides 1997).

Еще одна часть Старого Дворца, где долгое время сохраняли церемониал глубокой древности – Кафисма Ипподрома. Шесть пространных глав *De Cerimoniis* в подробностях описывают порядок проведения скачек и выхода императора к народу в годовщину со дня основания города, 11 мая. Эти главы содержат ценную информацию, взятую из более старых источников, касающуюся различных церемоний, связанных со скачками и отражающих позднеантичную имперскую идеологию. Но, опять же, следует сделать поправку на антикварианизм. Более правдивый и содержательный, хотя и беглый взгляд на Ипподром средневизантийского периода дает описание скачек, устроенных или, вернее сказать, инсценированных для арабских послов в 946 г. Здесь, как и на церемониях в других местах, никак не связанных с Ипподромом, мы видим, что роль цирковых фракций отныне сведена к сугубо символической функции пения восхвалений и танцев. Более того, и сами скачки, похоже, являются немногим более чем очередным поводом для экстравагантной демонстрации костюмов; налицо очевидное неуважение к спорту, поскольку и победившей, и проигравшей факции воздавались равные почести. Все это должно наводить на мысль, что Ипподром, бывший некогда местом, где правитель лицом к лицу встречался с чернью, а факции выражали живейший интерес к скачкам и злободневным вестям, также стал к X в. чем-то вроде музейной экспозиции, где стилизованные церемонии повторялись ежегодно в установленные даты, в том числе для того, чтобы впечатлить зарубежных гостей (*De Cerimoniis* 1829: 588–90; Cameron, A. D. E. 1976: 231–308; Dagron 2000; Mango 1981: 344–50).

Каков бы ни был характер церемоний на Ипподроме, Кафисма тоже была обнесена стенами Фоки в 969 г., а скачки продолжали проводить до 1204 г., хотя в эпоху Комнинов Ипподром уже использовали для развлечений в западном стиле, таких, как рыцарские поединки. Будучи консервативным по своему характеру, византийский дворцовый церемониал однако же эволюционировал, изобретая себя заново. Правда, в конце X в. Консисторий по-прежнему упоминается как «зал, где натянут навес, и где назначают магистров», и создается впечатление, что такие назначения по-прежнему проводились именно там. Но следует заметить, что само имя этого зала к тому времени было забыто, не говоря уже о его изначальной функции, и мы не можем быть уверены в продолжительности существования той или иной церемонии. Устраивая свою коронацию в 963 г., Никифор Фока пренебрег и Старым Дворцом, и Ипподромом, которые, по крайней мере частично, фигурировали в описаниях коронаций со времени коронации

Льва II, в пользу импровизированной военной церемонии у Золотых ворот за городом, точь в точь скопированную из описания коронации Льва I в 457 г. За церемонией последовали триумфальный вход в Золотые ворота и движение процессии под хвалебные возгласы простонародья по Меси до храма Св. Софии для коронации Патриархом. Решение Фоки не начинать правления в Старом Дворце, большая часть которого вскоре останется вне его стен, и войти в город через Золотые ворота было, вероятно, связано с реставрацией последних как триумфальной арки в тот же период (*De Cerimoniis* 1829: 438–40; Mango 2000: 181–6).

Большой императорский дворец называли «запрудой на реке перемен». Мероприятия Никифора Фоки уменьшили его роль в имперском церемониале, но этого было недостаточно Комнинам, которые пятьдесят лет спустя перенесли двор во Влахерны, где он и оставался до самого конца Византийской империи, и откуда, посредством трактата Псевдо-Кодина, церемониал распространился на Запад, закрепившись в европейской придворной традиции (Kazhdan and McCormick 1997: 195–6; Pseudo-Kodinos 1966: 23–123).

ЛИТЕРАТУРА

- BARDILL, J. 1999. 'The Great Palace of the Byzantine Emperors and the Walker Trust Excavations', *JRA* 12: 217–230.
- BAUER, F. A. (ed.) 2006. *Visualisierungen von Herrschaft. Fruehmittelalterliche Residenzen – Gestalt und Zeremoniell* (Istanbul).
- BOLOGNESI RECCHI-FRANCESCHINI, E., and FEATHERSTONE, M. 2002. 'The boundaries of the Palace: *De Cerimoniis* II, 13', *TM* 14: 37–46.
- BURY, J. B. 1907. 'The Ceremonial Book of Constantine Porphyrogenetos', *HER* 12: 209–27, 418–439.
- 1911. *The Imperial Administrative System in the Ninth Century, with a revised text of the Kletorologion of Philotheos* (British Academy Supplemental Papers I; London).
- CAMERON, A. D. E. 1976. *Circus Factions: Blues and Greens at Rome and Byzantium* (Oxford).
- CAMERON, A. M. 1976. *In Laudem Iustini Augusti minoris, Libri IV* (London).
- DAGRON, G. 1994. 'Nés dans la pourpre', *TM* 12: 105–42.
- 2003. *Emperor and Priest: the imperial office in Byzantium*, trans J. Birrell (Cambridge).
- and others. 2000. 'L'Organisation et le déroulement des courses d'après le *Livre des Cérémonies*', *TM* 13: 1–200.
- De Cerimoniis*. 1829. J. H. Leich and J. J. Reiske (eds.), *De Cerimoniis Aulæ Byzantinæ* (Bonn).
- De Cerimoniis*. 1935–9. A. Vogt (ed.), *Constantin Porphyrogénète, Le Livre des Cérémonies* (Paris).
- EBERSOLT, J. 1910. *Le Grand Palais de Constantinople et le Livre des Cérémonies* (Paris).
- FEATHERSTONE, J. M. 2004. 'Further remarks on the *De Cerimoniis*', *BZ* 97: 113–21.
- 2005. 'The Chrysotriklinos as seen through *De Cerimoniis*', in Hoffmann 2005: 810–17.

- . 2006. 'The Great Palace as reflected in the *De Cerimoniis*', in Bauer 2006: 47–60.
- HALDON, J. 1990. *Constantine Porphyrogenitus, Three Treatises on Imperial Military Expeditions* (Vienna).
- HOFFMANN, L. (ed.) 2005. *Zwischen Polis, Provinz und Peripherie. Kulturgeschichtliche Beiträge zur byzantinischen Hauptstadt, zur Provinz und zur Byzanzrezeption in den Nachbarstaaten* (Wiesbaden).
- JONES, A. H. M. 1964. *The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic, and Administrative Survey* (Oxford).
- KAZHDAN, A., and McCORMICK, M. 1997. 'The social world of the Byzantine Court', in Maguire 1997: 167–97.
- KELLY, C. 1998. 'Emperors, government and bureaucracy', in *CAH* 13: 138–83.
- LIUDPRAND. 1997. P. Chiesa (ed.), *Liudprandi Cremonensis Antapodosis, Homelia Paschalis, Historia Ottonis, Relatio de Legatione Constantinopolitana* (Turnhout).
- McCORMICK, M. 1986. *Eternal Victory: Triumphal Rulership in Late Antiquity, Byzantium and the Early Medieval West* (Cambridge).
- . 2000. 'Emperor and court', in *CAH* 14: 135–63.
- MAGDALINO, P. 'In search of the Byzantine courtier', in Maguire 1997: 141–65.
- MAGUIRE, H. (ed.) 1997. *Byzantine Court Culture from 829–1204* (Washington, DC).
- MAJESKA, G. 1997. 'The Emperor in his Church: imperial ritual in the Church of St Sophia', in Maguire 1997: 1–12.
- MANGO, C. 1980. *Byzantium: The Empire of New Rome* (London).
- . 1981. 'Daily life in Byzantium', *JÖB* 31: 344–50; repr. in *Byzantium and its Image* (1984), no. IV.
- . 1997. 'The Palace of the Bukoleon', *CA* 45: 45–6.
- . 2000. 'The Triumphal Way of Constantinople and the Golden Gate', *DOP* 54: 173–88.
- NICOL, D. M. 1972. *The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453* (London).
- OIKONOMIDES, N. 1972. *Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles* (Paris).
- . 1997. 'Title and income at the Byzantine Court', in Maguire 1997: 199–215.
- OSTROGORSKY, G. 1968. *A History of the Byzantine State*, trans. J. Hussey (Oxford, 3rd edn.).
- PSEUDO-KODINOS. 1966. J. Verpeaux (ed.), *Pseudo-Codinos, Traité des offices* (Paris).
- TINNEFELD, F. 2005. 'Zum Stand der Olga-Diskussion', in Hoffmann 2005: 531–67.
- TOYNBEE, A. 1973. *Constantine Porphyrogenitus and his World* (London).
- TREITINGER, O. 1956. *Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell* (Darmstadt).
- WINTERLING, A. 1999. *Aula Caesaris. Studien zur Institutionalisierung des römischen Kaiserhofes in der Zeit von Augustus bis Commodus* (Munich).

Глава III.9.2 БЮРОКРАТИЯ И АРИСТОКРАТИЯ

Жан-Клод Шейне

От начала до средневековья

Эпоха средневековья, строго говоря, начинается с правления Ираклия. Именно во время его царствования империю после ее, как предполагалось, окончательного триумфа над своим извечным врагом – персами – потеснили на востоке арабы, которых византийцы знали давно, но которых отныне сплотила новая и динамичная религия – ислам.

Обстоятельства вынуждали императоров изменять административные структуры, чтобы адаптироваться к новым условиям, то есть усилить позиции в борьбе против арабов на Востоке и, в меньшей степени, – против западных завоевателей, причем, в тот самый момент, когда государственные финансы страдали от болезненных потерь богатых восточных провинций. Создание военно-административных округов (фем) и преобразование центральных административных служб в Константинополе – блестящий пример того, как в Византии осуществлялись реформы. Императоры не принимали революционных решений, не следовали согласованному плану, но, оказавшись в опасных обстоятельствах, просто спасали от старой системы то, что могли. Остатки профессиональной армии рассеялись по провинциям, все еще остававшимся под властью Константинополя, и это было единственным способом обеспечить войска продовольствием, оружием, экипировкой; отныне рекрутский набор молодых солдат проводился в пределах новых территориальных подразделений. «Фемная» реформа была завершена менее, чем за столетие, хотя и невозможно соотнести ее с каким-либо императорским решением, принятым в определенное время. В Константинополе старые структуры порождали новые должности и новых государственных деятелей. К примеру, сакелларий, глава сакеллы (*Sakellion*), бывшей ранее департаментом Священных Палат (*Sacrum Cubiculum*), стал руководителем финансовой службы (Brandes 2002: 427–79; Haldon 1990: 376–402).

Состав правящей элиты, командовавшей армиями и нанимавшей на государственную службу, изменился. Прежние византийские императоры, не страдая,

впрочем, нежеланием жаловать высшие гражданские или военные должности ближайшим родственникам, обычно предпочитали все же продвигать лиц знатного происхождения, чью преданность и способности они имели случай оценить, и которые, в свою очередь, были обязаны им своим состоянием и общественным положением. Старинная землевладельческая аристократия, образовавшая в результате наследования, составляла Сенат (Синклит). После Ираклия земельные владения этого общественного класса оказались под угрозой вследствие потери многочисленных провинций на Западе и на Востоке, набегов арабов-завоевателей в Малой Азии. В Италии он почти исчез, тогда как на Востоке старинные знатные фамилии Константинополя, похоже, пережили кризис VII в., поскольку столица и прилегающие пригородные районы война затронула в меньшей степени. В VIII в. аристократия, вероятно, состояла в оппозиции наемным войскам императоров из династии Исавров, и этим политическим и социальным разделением, возможно, объясняется, хотя лишь частично, разделение между иконодулами, чьи предводители (Феодор Студит, Патриарх Тарасий и Феофан) принадлежали к старинным фамилиям, и иконоборцами, преданными сторонниками Константина V, а позднее Льва V (Cheynet 2000).

На заре арабских нашествий, представлявших существенную опасность на протяжении двух веков, выделился новый общественный класс военных, основание которого было положено во времена Льва III и Константина V, но который начинает упоминаться в источниках не раньше IX–X вв. Исследование эволюции аристократических фамилий облегчается фактом все более частого принятия ими родовых имен, как то: Мелиссины, Склиры, Малеины, Фоки, Дуки, Аргирь, посредством чего они создавали себе политический капитал, используя славу предков. Среди специфических черт этих фамилий можно упомянуть их провинциальные корни, связывавшие их с местным населением провинций. Это население они энергично защищали, из него набирали солдат и офицеров в свои армии, посредством его приобретали влияние, позволявшее соперничать с царской властью. Еще одной отличительной их чертой является упорное стремление к должности и иерархическому положению *стратига*, если оно некогда уже было достигнуто одним из членов фамилии и если, к тому же, лицо, претендовавшее на такую должность, прежде имело случай приобрести профессиональные навыки, сопровождая в походах, к примеру, отца или дядю. Перечень *стратигов* фемы Анатолик X в. показывает, насколько Фокам и их родственникам по женской линии удалось монополизировать эту должность, самую важную в империи после должности *доместика схол*, за исключением разве что периода правления Романа Лакапина, когда они оказались в опале (Dagron and Mihăescu 1986: 289–315). Эта склонность к наследованию типична для той эпохи, когда императоры также делали все, что только могли, для основания династий, все более преуспевающая в этом. Такая предрасположенность к передаче одной семье определенных должностных полномочий, вопреки абсолютной свободе императора назначить любого, кого ему хотелось, на любую должность, объясняет долговечность многих семей, несмотря на государственные перевороты, приводившие к сменам династий. Мелиссины, появившиеся во времена Константина V, все еще фигурировали в числе константинопольской знати XV в.

Однако высшие военные должности не знали кастовой закрытости и любой храбрец мог проложить себе путь к ним «собственным мечом». Эта надежда на продвижение была особенно реальна для иноземцев, прежде всего, армян, бывших до X в. наиболее многочисленными. Империя принимала «все национальности», ассимилируя персов, арабов, славян при условии, чтобы они оставались верны своим новым правителям и приняли христианство. Зачастую эти иноземцы были местными правителями в своих собственных областях. На протяжении одного-двух поколений «новичков» присоединяли посредством брака, и к концу X в. осталось очень немного аристократических семей, в жилах которых не текла бы армянская или грузинская кровь.

Эту аристократию обогащала не только военная добыча, все чаще отнимаемая у врага, но также награды императора за воинские подвиги. Политические союзы как следствие браков служили дополнительной экономической стратегией, поскольку заключение «внутриклассовых» браков преобладало именно среди военной элиты. Практика равноправного разделения наследства между детьми, включая, по всей видимости, и дочерей, из поколения в поколение разделяла семейные состояния, предоставляя средство давления императору. Щедрость последнего, проявлявшаяся, в том числе, в назначении на должности с пожизненным содержанием, *рогой*, могла возместить внезапное уменьшение фамильного состояния и, напротив, конфискации имущества могли ослабить власть чрезмерно непокорных и мятежных веначальников. Чтобы сократить риск потери имущества, аристократия не вкладывала всех своих богатств в земельную собственность, несмотря на свои постоянные посягательства на земли свободных деревенских общин, а собирала сокровища в виде монет, драгоценных камней и ювелирных украшений, драгоценных одежд, — что-то подобное женщины зачастую получали в приданое (Cheynet 1998). Такой капитал, значительную часть которого составляли *роги*, распределяемые императором, было легко и перемещать, и прятать, и потому он легко ускользал от надзора имперских агентов и тут же оказывался под рукой в случае нужды, к примеру, собрать войска во время мятежа.

В политическом плане присущее всем военным лидерам желание расширить военную территорию и, таким образом, обогатиться самим и вознаградить своих людей, не уберегло от глубоко скрытого соперничества в рядах сторонников различных фракций, даже там, где брачные союзы заключались с целью усмирить закоренелую вражду. Так, конфликт между семействами Склиров и Фок стал знаковым в истории X в. и позволил Василию II в конце концов одержать верх.

Старинные аристократические фамилии Константинополя играли при дворе весомую роль, чему благоприятствовала их близость к императору и способность употреблять во благо интеллект и талант на заре культурного возрождения, которое началось во второй период иконоборства и процветало в основном в столице. Эти семьи занимали посты в государственном управлении и Церкви. Иллюстрацией такой двойной функции служит семейство Фотия, из которого в период с конца VIII до конца IX вв. происходило несколько высокопоставленных гражданских чиновников и несколько Патриархов. Давность существования гражданской аристократии установить сложнее, поскольку такие семьи стали

принимать и передавать по наследству родовые прозвища (фамилии) гораздо позже, однако она, без сомнения, не уступает давности существования военной аристократии.

Константинопольская гражданская аристократия и аристократия провинциальная, военная, были объединены в общую иерархию, в центре которой находился император, – в полном составе ее можно было наблюдать во время пиров в честь великих православных праздников или знаменательных событий. Порядок расположения гостей там был столь сложным, что *атриклины* (распорядители пиров) вынуждены были составлять *такты* (краткие руководства по иерархии приглашенных) и периодически, через равные промежутки времени, пересматривать их, поскольку земная иерархия, будучи отражением небесной, никоим образом не должна была нарушаться (Oikonomides 1972). Введение новых должностей позволяло императорам оказывать покровительство своим сторонникам. Более того, строгого разделения между санами и должностями мужчин, носивших бороды, и безбородых евнухов в XI в. больше не наблюдалось.

Вместе с тем, совместное пребывание при дворе не уменьшило непонимания между гражданской аристократией столицы и некоторыми семействами военной знати из Малой Азии, как показывает неудачная попытка Никифора Фоки прославить в лике «мучеников» солдат и командиров, которые пали в бою, защищая христиан от мусульман.

Правление Василия II. Решающий момент

Экспансия империи, достигшая высшей точки в первой половине XI в., и ставшее ее результатом экономическое развитие вызвали стремительный рост количества гражданских служащих. Увеличение числа фем вследствие разделения прежних, больших по размеру округов и обширных территорий, завоеванных императорами-воинами, повлекло за собой рост количества управленческих должностей, хотя не все фемы, особенно малые, «армянские», имели полностью укомплектованный управленческий аппарат. Императоры, таким образом, получали больше вакантных должностей, а также большой доход от налогов, благодаря чему выплачивали зарплаты и удовлетворяли амбиции тех, кого на эти должности назначали.

Правление Василия II знаменовало собой настоящий поворотный момент в преобразовании византийской административной системы и правящих классов, поскольку оно утвердило прежние нововведения и послужило обязательным образцом для его преемников. Он окончательно санкционировал превращение *тагм* (*tagmata*) в профессиональную армию, тем самым обеспечив возможность исчезновения «фемных» армий и формирование новых иерархий в пределах фем. Уже в течение десятилетий, предшествовавших его царствованию, военные офицеры жаловались, что судьи и чиновники на жаловании вмешивались в управление фемами и даже притесняли солдат, проливавших свою кровь во имя безопасности всех. Этот перевес гражданской власти становился все более выраженным, и к XI в. *стратиги* уступили судьям (*krites*) место глав окружной (то есть «фемной») администрации.

Василий II, чуть не лишившийся трона в результате грандиозных восстаний аристократии в Малой Азии, тем не менее не проводил в отношении этих групп враждебной политики. По правде говоря, он принял меры против семейств Фок и Малеинов, но благоприятствовал возвышению и процветанию других фамилий, часть из которых уже были столь знамениты как, например, Аргиры, а другие еще малоизвестны – к таковым относились Далассины, Контостефаны и, прежде всего, Комнины. Именно в правление Василия начали формироваться партии, боровшиеся за трон на протяжении XI в., в частности та из них, что постепенно сплотилась вокруг Комнинов. Завоевание Болгарии выравнивало баланс империи в пользу ее европейской части и привело к формированию мощной группировки военных семейств близ Адрианополя, одного из основных центров военных операций против болгар. За исключением этой группы, военная аристократия постепенно утратила контакт со своими местами происхождения, поскольку была вынуждена проживать в столице, чтобы заручиться благосклонностью императора и сохранять социальный статус. Именно там представители военных фамилий знакомились с представителями старинной гражданской аристократии и часто заключали с ними брачные союзы (Cheynet 1990).

Здесь мы наблюдаем первую кадровую перестановку внутри правящего класса. Василий старался «разбавить» состав аристократии в Каппадокии примесью болгарской и грузинской знати, но оставалось слишком мало времени до тюркского нашествия и его усилия не успели принести плоды (Howard-Johnston 1995). После смерти Василия его наследники, будучи неуверены в прочности своего положения на троне, попытались взять верх над процветающей в те времена экономической элитой столицы, вовлекая ее в государственные дела. Они распределяли должности, которые обеспечивали занимавшим доступ в Синклит в то время, когда данный орган был гарантом престолонаследия. Провинциалы, – наилучший пример тому Михаил Атталиат, – выигрывали от социальной мобильности, основанной на таланте, в пору расцвета учебных заведений Константинополя. Император Константин Мономах даже основал Школу права с целью подготовки государственных служащих, принадлежавших к тому, что мы сегодня назвали бы «средним классом». В результате такого расширенного набора кадров появились новые затные имена, что отражено в самых ранних из сохранившихся архивных документов и на печатях. Однако те, кто в течение долгого времени занимал посты в центральном правительстве, без сомнения, лучше остальных смогли воспользоваться новыми возможностями. Этим объясняется привилегированное положение Хрисовергов, Катафлоров, Раденов, Ромеев и прочих. В конце концов, некоторые семьи из числа военной аристократии, некогда обустроившиеся в столице, стали стремиться к выгодному социальному положению судей и, более всего, управляющих (*episkeptites*) общественной собственностью, в изобилии имевшейся в наличии с тех пор, как государство решило присвоить право эксплуатации многочисленных наследных владений на завоеванных территориях, а также на землях, конфискованных во время гражданских войн. Такая «конверсия» была на тот момент несомненным признаком упадка (Kazhdan and Ronchey 1997; Cheynet 2000).

Династическая система Комнинов

Династические беспорядки в сочетании с норманнским, печенежским, тюркским нашествиями и последовавший в результате финансовый и денежный кризис вызвали в последней трети XI в. новый и непредвиденный переворот. В 1081 г. Алексей Комнин захватил власть и основал династию, просуществовавшую более века и, в определенном смысле, остававшуюся у власти до конца империи, поскольку Ангелы, Ласкарисы и Палеологи все были ответвлениями этого огромного фамильного древа.

То, что территория империи с утратой большей части Малой Азии была существенно урезана, ощущалось с в нескольких аспектах одновременно. Это повлекло уменьшение управленческого аппарата наряду с сокращением некоторого количества крупных государственных служб в столице и упразднением ряда должностей в финансовой службе, которым константинопольская аристократия была обязана происхождением своего состояния. Это, похоже, ослабило экономику и, следовательно, снизило социальный статус всех тех, чья собственность находилась в Малой Азии и кому не удалось переместить часть имущества в Европу.

Алексей Комнин воспользовался случаем «реструктурировать» аристократию, сплотив ее вокруг своей семьи. Давней традицией, – еще более давней, чем предполагалось прежде, – была расстановка императором на стратегических позициях своих родственников с целью обеспечения собственной безопасности. Но при Комнинах эта практика стала системой таких масштабов, что принадлежность к верховной военной аристократии, а также, хотя и в меньшей степени, к гражданской аристократии, стала уделом исключительно этой фамилии. Эта монополия вылилась в результате в реформу системы государственной службы, результатом чего стал «свежесозданный» титул *севаста*, на основании которого была выстроена целая новая иерархия (*севастократор*, *протосеваст*), что подразумевало связь с семейством Комнинов-Дук. С того времени место в обществе зависело от наличия родственных или свойственных отношений с императором, как можно видеть из списка участников правительственных советов, проводившихся при Мануиле Комнине, где племянники императора расположены в порядке дат рождения их отцов. Все, кто имел несчастье не заключить брачного союза с Комнинами до правления Алексея, оказались в положении маргиналов. В XII в. принятие в императорскую семью означало успешную карьеру. Ряды высшего общества стали более сплоченными и закрытыми по сравнению с предыдущими веками даже при том, что, обеспечивая армии необходимым количеством командного состава, со стороны продолжали привлекать особо выдающихся офицеров, хотя последние были все же немногочисленны. Именно таким образом в ряды высшей аристократии вливались франки и турки (Magdalino 1993).

Император держал под неусыпным контролем свою огромную разросшуюся семью, чьи доходы он обеспечивал, щедро предоставляя *пронии* (имения) в пожизненное пользование и избегая, таким образом, быстрого уменьшения общественных финансовых средств. Но подобная «суперличная» система имела два

недостатка: она ослабевала, если император не был сильной личностью или если легитимность его правления находилась под вопросом, и тогда аристократия регионов в значительной мере пренебрегала им. Последняя выигрывала от бесспорного экономического подъема в провинциях, но гораздо меньше ощущала зависимость от судьбы Константинополя и его правителей, хотя все еще являлась основным связующим звеном, обеспечивавшим лояльность местного населения. Было бы преувеличением утверждать, что между этими двумя социальными группами отсутствовала возможность взаимообмена. К примеру, в конце XII в. Сгуры, коренные пелопоннесцы, были представлены на государственной службе в Константинополе. Тем не менее мы можем понять, почему после смерти Мануила Комнина упадок был так скор, а после катастрофы 1204 г. жители провинций, оставшихся в руках Византии, не отреагировали согласованным сопротивлением и не отбили Константинополь у латинов.

Комнины старались поддержать свою популярность в столице несмотря на то, что захват власти Алексеем и грабеж, за этим последовавший, забылись не скоро. Императоры заботились о благосостоянии гражданских чиновников, формировавших придворные службы и патриаршую администрацию. Последние получили некогда славные титулы *новелиссимов* и *куропалатов* и всегда могли легко найти инструкции в законах или риторике, которые надлежало использовать при исполнении должностных обязанностей, либо (в тех случаях, когда они намеревались подвизаться на церковном поприще) пройти обучение в Патриаршей школе. Они пополняли свой доход, оказывая услуги, нанимаясь на службу к важным особам при дворе и составляя для них свадебные песни, похоронные оды или описания их военных подвигов. Величайший историк своего времени, Никита Хониат – замечательное тому подтверждение. Прибыв из провинций Анатолии, по примеру своего старшего брата Михаила, ставшего митрополитом Афинским, Никита получил хорошее образование и стал гражданским служащим, начав с одной из низших должностей и, в конце концов, возвысился до должности логофета *секретов*, что, однако же, не помешало ему критиковать Ангелов и Комнинов в своей *«Истории»*.

Константинопольская знать была озабочена растущим перевесом латинов, а также проживавших в столице провинциалов или родственников императора, которые фактически использовали посредничество западных торговцев, чтобы избавляться от своих сельскохозяйственных излишков. А поскольку константинопольские аристократы являлись опорой высших церковных слоев, они были выраженными сторонниками непримиримости в противостоянии Рима и Константинополя, что способствовало их недоверию латинам, хотя и нельзя утверждать наверняка, что кризисные ситуации 1182 и 1204 гг. были неизбежны.

Окончательная трансформация (1261–1453 гг.)

После 1204 г. империя снова изменила свои границы, территориально сократившись до эквивалента нескольких фем Македонского периода, хотя на протяжении двух десятилетий правления Михаила VIII Палеолога византийцам, вероятно, представлялось, что они вернулись в эпоху Комнинов. Никейским импера-

торам удалось сформировать управленческий аппарат из имевшихся в наличии человеческих ресурсов, хотя они так никогда полностью и не изгладили различия, отделявшего изгнанников Константинополя с их ностальгией по столице, по своим утраченным местам, от местной элиты, которую, похоже, удовлетворяло никейское процветание.

Михаил VIII, пользуясь славой полководца, отвоевавшего Константинополь, сумел сдерживать византийскую элиту (Laiou 1973), но, начиная с правления его сына, Андроника II, императоры уже неспособны были удовлетворять запросы знати, в частности, в том, что касалось раздач *проний*, истощавших их собственные ресурсы. Они были также бессильны ограничить автономию городов, в которых традиционно проживала аристократия. Гражданские войны между Андроником II и его внуком, а еще больше та, которую вел Иоанн VI Кантакузин, вызвали сильную реакцию богатых землевладельцев и повлекли за собой резкие перемены в Фессалонике и восстание зилотов. У императора почти не осталось реальной власти за пределами ближайшего семейного окружения и собственного дома. Когда последний император Константин XI прибыл из Морей в Константинополь, чтобы вступить в правление империей, сократившейся до размеров столицы, его сопровождали преданные ему члены семьи и слуги, помогавшие ему еще в Морее.

После того, как сербы и турки захватили почти все императорские земли, земельная аристократия претерпела вынужденные изменения: впервые имена знати возникают в купеческой среде XIV–XV вв. Впрочем, задолго до того знатные жители империи уже использовали подставных лиц для того, чтобы зарабатывать на ремеслах и торговле. В тех редких случаях, когда до нас дошли имена собственников константинопольских лавок X в., мы можем отметить, что большинство их принадлежало аристократии. Новшеством последнего века существования Византии было то, что торговля стала почти единственным источником доходов, доступным знати и даже гражданским чиновникам, которые, подобно некоему Патрикию при Иоанне VI Кантакузине, извлекали выгоду из своих обязанностей налоговых сборщиков, скупая излишки продовольствия у крестьян (Oikonomides 1979). И напротив, богатые торговцы поступали на императорскую службу, лучшим чему примером стал пример семьи Нотара, происходившей из оживленного портового города Монемвасии (Matschke 1995). Последний представитель этой фамилии, мегадука Лука стал первым министром при Константине XI и мог бы даже по распоряжению султана Мехмеда II возглавить всю греческую общину Константинополя, если бы переговоры не сорвались, в результате чего он и его сын были казнены. Взаимоотношения с западными торговцами были неоднозначны. С одной стороны, многие сотрудничали с латинами. Некоторые, как Нотара, даже предпочитали размещать состояния в безопасном месте – в Венеции или Генуе. Но с другой стороны, латины позаботились о том, чтобы оставить за собой самые важные торговые сделки и ограничить всякого рода конкуренцию.

Как мы видели, судьба аристократии была теснейшим образом связана с судьбой империи. Когда Андроник I Комнин из личных амбиций казнил каждого десятого аристократа, он тем самым способствовал ослаблению государства,

причем в то время, когда сильно возросли внешнеполитические сложности. Продолжительность пребывания у власти аристократии зависела от государя. Выбирая почти исключительно из рядов элиты, император назначал чиновников на гражданскую службу по своему усмотрению, хотя всегда существовала необходимость учитывать значимость тех или иных семей и не обижать понапрасну тех из них, которые пользовались влиянием среди военных и простонародья, как в столице, так и в провинциях.

ЛИТЕРАТУРА

- ANGOLD, M. 1984. *The Byzantine Aristocracy, IX to XIII Centuries* (Oxford).
- BRANDES, W. 2002. *Finanzverwaltung in Krisenzeiten. Untersuchungen zur byzantinischen Administration im 6.–9. Jahrhundert* (Frankfurt am Main).
- BROWN, T. S. 1984. *Gentlemen and Officers: Imperial Administration and Aristocratic Power in Byzantine Italy, A. D. 554–800* (Rome).
- CHEYNET, J.-C. 1990. *Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210)* (Paris).
- 1998. 'Aristocratie et héritage (XIe–XIIe s.)', in G. Dagron and J. Beaucamp (eds.), *La transmission du patrimoine* (Paris): 53–80.
- 2000. 'L'Aristocratie byzantine (VIIIe–XIIIe siècle)', *Journal des Savants* (Paris): 281–322.
- 2006. *The Byzantine Aristocracy and its Military Function* (Aldershot).
- DAGRON, G., and MIHAESCU, H. (eds.) 1986. *Le traité sur la guérilla (de velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969)* (Paris).
- HALDON, J. 1990. *Byzantium in the Seventh Century: The Transformation of a Culture* (Cambridge).
- HOLMES, C. 2005. *Basil II and the Governance of Empire, 976–1025* (Oxford).
- HOWARD-JOHNSTON, J. D. 1995. 'Crown lands and the defence of imperial authority in the tenth and eleventh centuries', *BF* 21: 75–100.
- KAZHDAN, A., and RONCHEY, S. 1997. *L'aristocrazia bizantina dal principio dell'XI alla fine del XII secolo* (Palermo).
- LAIYOU, A. E. 1973. 'The Byzantine aristocracy in the Palaeologan period: a story of arrested development', *Viator* 4: 131–51 (= *Gender, Society and Economic Life in Byzantium*, no. VI).
- MAGDALINO, P. 1993. *The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180* (Cambridge).
- MATSCHKE, KL.-P. 1995. 'The Notaras family and its Italian connections', *DOP* 49: 59–72.
- OIKONOMIDES, N. 1972. *Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles* (Paris).
- 1979. *Hommes d'affaires grecs et latins à Constantinople* (Montreal-Paris).

Глава III.9.3 СВЯЩЕНСТВО, МОНАХИ, МИРЯНЕ

Мери Каннингем

Священство

Слово «священство» или «клир» (*«kleros»*) изначально относилось ко всем христианам, являвшимся частью Божьего наследия – «клирономии» (*«kleronomia»*) (1 Петр 5: 3). Позднее термин использовался для обозначения тех, кому было предназначено служить, наставляя в благочестии мирян, то есть рядовых членов христианской Церкви. В ранний период церковной истории (I–II вв. н.э.) вскоре возникла трехуровневая структура, состоявшая из епископов, священников и диаконов, но ясно, однако, что некоторые виды служения, как то: пророчество, учительство, исцеление могли осуществлять и рядовые члены Церкви (1 Кор. 12: 27–31). Последние виды служения оказались в забвении во II в., вероятно, вследствие злоупотреблений и ересей наподобие монтанизма, частью которого были харизматическое учительство и пророчество. В течение II–III вв. все возрастающее значение приобретал епископ как первоисточник единства и власти в христианской Церкви. Ириней Лионский (ум. ок. 200 г.) подчеркивал важность преемственности рукоположения епископов от апостолов в Церкви, тогда как Киприан (ум. 258 г.) утверждал: «Где есть епископ, там есть и Церковь» (Ер. 66. 8). Ясно, что какие бы функции не выполняли на протяжении первых трех столетий пресвитеры и диаконы, именно епископы были наделены властью надзирать за христианской общиной, совершать Таинства, сохранять и укреплять православное учение проповедью и участием в церковных соборах (Rapp 2005).

В течении IV в., с принятием христианства как официальной государственной религии Константином I и последующими императорами, система организации «белого духовенства» подверглась дальнейшему упорядочению. Разделение на епархии соответствовало делению римских территорий на политические провинции; так, главный город в каждой провинции стал резиденцией (кафедрой) митрополита, главы епископов, обладавшего властью над епископами в пределах своей территории. Епископы городов, которые могли гордиться преемствен-

ностью епископства от апостолов или сыграли исключительно важную роль в раннем становлении христианства, в том числе Рима, Александрии, Антиохии, Иерусалима, а после 381 г. и Константинополя, выделялись из ряда своих коллег и к VI в. стали известны как Патриархи (Юстиниан I, *Nov. CXXXIII. 3*). Сам термин «епископ» оставался общеупотребительным на протяжении всего византийского периода, хотя в ходу были и выражавшие повышенное уважение почетные звания «Патриарх», «митрополит» и «архиепископ». Начинает выстраиваться упорядоченная епископская иерархия, начиная от патриархатов: так, Константинополь в качестве столицы Восточной империи занял место Александрии в качестве «второго патриархата после Рима» (I Константинопольский собор, канон 3). Митрополиты больших городов были следующими по своей значимости, а епископы, находившиеся под их юрисдикцией, по старшинству следовали за ними. Данная иерархия была закреплена документально в таких документах, как *Notitiae Episcopatum*, составлявшихся начиная с VII в. и далее. Такие тексты постоянно пересматривались вследствие политических и внутрицерковных преобразований (Dagrouzès 1981). Порядок, в котором в этих документах перечислялись епископы, определял их расположение в ходе литургических и имперских церемоний, последовательность подписания ими актов церковных Соборов и прочие официальные проявления церковной иерархичности.

В средний и поздний периоды византийской истории, трехуровневая иерархия священства, включавшая епископов, пресвитеров или священников и диаконов, сохранялась с дополнением в лице служителей низшего ранга: иподиаконов, диаконисс, чтецов и прочих. Различие одного сана от другого заключалось не только в соотношении священнических и управленческих функций в составе обязанностей духовных лиц, но также и в способе посвящения. Количество служителей церкви на какой-либо определенный момент времени установить затруднительно, но источники, такие, как Постановления церковных Соборов проливают определенный свет. Клир храма Св. Софии в Константинополе VII в. насчитывал более 600 человек; пытаясь сократить это число, император Ираклий установил максимальное количество служителей в каждом сане, начиная от священников и кончая привратниками. Вследствие военных поражений XI в. беженцы — клирики, покинувшие захваченные противником территории империи, все более отягощали церковную казну столицы (Hussey 1986: 321–2). Ясно, что в меняющихся обстоятельствах поздневизантийского мира, становилось все тяжелее придерживаться прежних канонов, например, таких как запрет на перемену церковнослужителей за пределы епархии.

Клир находился в ведении епископа, архиепископа, Патриарха, регулировавшего его образ жизни согласно нормам церковного права. Каноны церковных Соборов, позднейшие комментарии к ним и имперское законодательство устанавливали те правила, которыми духовенство руководствовалось при исполнении своих обязанностей. Многие из канонов, ставшие для Церкви непререкаемым правилом, были утверждены на Трулльском соборе (691–692 гг.), который также отверг якобы древний, но на самом деле составленный в IV в. в Сирии документ, известный под названием «*Апостольские постановления*» (*Apostolic Constitutions*). Каноны Трулльского собора касаются таких вопросов, как рекомендуемый возраст посвя-

щения в тот или иной духовный сан, celibат и брак, занятия, совместимые с выполнением обязанностей церковнослужителя, частота произнесения проповедей, облачения священнослужителей и многие другие. Что касается celibата, Собор рекомендовал его лишь как добровольное решение большей части духовенства за исключением епископов. Брак при этом был возможен только с определенными категориями женщин (за исключением вдов, женщин легкого поведения, актрис, служанок) и теоретически должен был состояться еще до вступления в клир (до причисления к иподиаконству). Интересно отметить, что каноны, в которых идет речь о семейном положении и занятиях духовенства, больше подчеркивают важность формальной чистоты кандидата, нежели этической значимости личного поведения. Последние каноны церковного Собора были опубликованы Патриархом Фотием в 879–880 гг., после чего продолжали составлять комментарии к каноническому праву, особенно в XII–XIV вв.

Степени священства

1. Епископ

Как было сказано выше, понятие епископ применялось к Патриархам, митрополитам, архиепископам и епископам (а также викарным епископам и помощникам (наместникам) епископов – *хореепископам*) на протяжении всего византийского периода. После Вселенского Патриарха Константинопольского, который, начиная с VII в. занимал единственный оставшийся в границах Византии патриарший престол, вторую по высоте ступень иерархии в Православной Церкви занимали митрополиты. Патриархи избирались заседанием Синода в Константинополе, представлявшим на рассмотрение императора три кандидатуры. Он имел право лично выбрать из них или, в случае, если ни один из кандидатов не удовлетворял его, назначить нового Патриарха самостоятельно.

Титул «архиепископ» применялся в особых случаях, к примеру, в крупных городах, таких, как Афины, не являвшихся центрами митрополии. Автокефальные архиепископы принадлежали к особой категории, образовавшейся обычно в результате разделения провинции, являвшейся в церковном отношении единой, на две части. Этот почетный титул мог присваиваться епископу второй столицы, если существовавший митрополит отказывался разделить власть и ответственность. Он оставался под непосредственным руководством Патриарха и без викарных епископов. *Хореепископы* (дословно – сельские епископы) возглавляли христианские общины в сельской местности и подчинялись епископу из близлежащего города. В IV в. полномочия сельских епископов постепенно сокращались и им было позволено лишь рукополагать священнослужителей низших рангов. После второго Никейского собора (787 г.), запретившего им назначать даже чтецов (*анагоностов*) без разрешения епископа (канон 14), этот особый епископский ранг начинает исчезать (Jugie 1904).

Согласно каноническому праву (I Никейский собор, правило 49), епископы избирались собранием викарных епископов данной провинции, которому митрополит поручал выбрать три кандидатуры. После этого он сам посвящал в сан одного из кандидатов. Вероятно, Юстиниан I поощрял церковнослужителей низ-

шего ранга и именитых граждан к участию в выборах епископа, но II Никейский собор (787 г., правило 3) вновь утвердил правило привлекать к их проведению одних только епископов. Начиная приблизительно с IX в. и далее мы имеем все больше сведений относительно того, что выборы епископа часто проходили в Константинополе, что противоречило каноническому праву, требовавшему постоянного присутствия митрополитов в столичном городе. В XI в. прилагались усилия к тому, чтобы изменить положение дел, но эта практика была окончательно санкционирована лишь в 1072 г. Патриархом Иоанном Ксифилином.

Начиная приблизительно с IV в. и далее от епископов требовался celibat при рукоположении, а если они уже были женаты, то могли расстаться с женами, обеспечив им проживание в соответствующем монастыре. При этом многие епископы были оторваны от монастырей, некоторые происходили из мирской, профессиональной среды и были сильно взаимосвязаны. От епископов требовали также определенного уровня образованности. Епископ должен был, по крайней мере, читать каноны, Священное Писание, творения Св. Отцов, и должен был выучить Псалтирь наизусть. Правило 19 Трулльского собора утверждает, что средний уровень образования церковнослужителей к концу VII в. снизился; однако от епископа требовали проповеди в соответствии с традиционными богословскими и риторическими стандартами. Обязанности священнослужителя, в том числе совершение Евхаристии и отправление Таинств, являлись первейшим долгом епископов; однако в дополнение к этому епископы отвечали за все церковные структуры и священнослужителей их епархий, осуществляли надзор за управлением церковным имуществом и финансами, заседали в церковных судах и посещали как поместные, так и Вселенские соборы. Епископам во всех этих вопросах помогали служители и помощники низшего ранга, чьи разнообразные функции описаны ниже.

2. Священник или пресвитер (*«presbyteros»* – *«старший»*)

В раннехристианской Церкви священники или пресвитеры служили как советчики, учителя, пастыри, помогавшие епископу, к которому относились территориально. По мере того, как христианство распространялось в течение IV в., священникам все чаще доверяли ответственность за приход и позволяли совершать Евхаристию. Священникам также все чаще позволяли проповедовать во время праздничных богослужений, хотя их обращения к пастве должны были следовать после епископской проповеди, если епископ присутствовал на богослужении. На протяжении византийской истории священники могли назначаться либо в общественный приходской храм – «собор» под управлением епископа, или в частные богослужебные заведения, опять же, существовавшие с благословения епископа. Хотя священники обычно жили на небольшое жалованье от епархии и пожертвования прихожан, они также тяготели к занятиям светскими профессиями. Имперские законы и постановления ряда церковных Соборов были направлены на урегулирование перечня видов деятельности священников, но все церковные источники, включая более позднюю интерпретацию канонического права, признают право священников зарабатывать в миру, равно как и в Церкви (Constantelos 1985). Требования к образованию священников были нестроги-

ми. От них требовали знания основ христианской веры, канонов и беспорочной жизни. Минимальный возраст рукоположения мужчин составлял 30 лет (Юстиниан I, *Nov. CXXXIII*; Трулльский собор, правило 14). От священников никогда, ни в один период истории Византии не требовали celibата, однако предполагалось, что они должны вступать в брак до рукоположения в иподиаконы.

3. *Диаконы («diaconos» – «служитель»)*

Выполняя важную задачу в Церкви с самых ранних времен и на протяжении всего византийского периода, диаконы в своем служении были, тем не менее, ограничены, довольствуясь второстепенной, пастырской ролью. Диакон помогал священнику или епископу за Божественной литургией, при Крещении и совершении прочих Таинств. В то же время некоторые отрывки литургических текстов заставляют предположить, что диакон своим служением символизирует мирян, обращенных в молитве к Богу. Различные административные и пасторские полномочия делегировались диаконам с ранних времен. Они помогали епископам раздавать милостыню в общине, распоряжаться финансами и собственностью, справляться с прочими богослужебными обязанностями (Лаодикийский собор, правила 21, 23, 25). Диаконы подчинялись как епископам, так и священникам, но в итоге пользовались значительными полномочиями, в особенности в Константинопольском патриархате. Количество диаконов, служивших в храме Св. Софии, было в VII в. ограничено до 150; позднее их число, вероятно, еще уменьшалось. Диаконы имели право рукополагаться с 25 лет. Они, как и священники, могли быть женаты.

Низшие должности

4. *Диаконисса (diakonissa)*

Краткое указание на служение диаконисс содержится уже в Послании апостола Павла к Римлянам (16: 1–2), в котором он упоминает о Фиве, диакониссе Церкви Кенхрейской. Возможно, Павел упоминает не о женщине, официально носившей такой сан, а просто о ком-то, кого он считал «служащей» в церкви. Другими ранними источниками, упоминавшими о женщинах-диаконах, являются Ориген в комментариях к вышеупомянутому отрывку Послания к Римлянам, *Дидаскалия* (III в.) и *Апостольские постановления* (конец IV в.). Из большинства этих источников становится ясно, что диакониссы были связаны обетом целомудрия и что в этот сан могли посвящать не только дев, но и вдов. Официальное упоминание о служении диаконисс содержится в 19 правиле I Никейского Собора (325 г.). Основной литургической функцией диакониссы было помогать при Крещении женщин. Она также действовала как посредник между женщинами прихода и епископом, поддерживала порядок среди женщин, являвшихся членами общины, и служила специально женщинам. Данный вид служения на Западе после прекращения Крещений взрослых исчез. В Византии он, похоже, сохранялся долго – до XI в. Минимальный возраст рукоположения в сан диакониссы вначале составлял 60 лет, позднее – был уменьшен до 40 (Халкидонский собор, правило 15, Трулльский собор, правило 14).

5. Иподиаконы

Ранг иподиакона являлся ступенью к рукоположению в сан диакона. Брак должен был состояться до посвящения в иподиаконы, как и в случае с тремя вышеупомянутыми священническими санами.

6. Чтецы (анагносты)

Чтец является представителем низшего духовенства; в его обязанности входит чтение, обычно с амвона, отрывков из Посланий Апостолов и Ветхого Завета, согласно чину Божественной литургии. Как и прочие служители невысокого ранга, чтец при посвящении получал благословение крестом (*sphragis*) вместо епископского рукоположения – хиротонии (*cheirotonia*). Последнее было обязательным для церковнослужителей более высокого ранга.

7. Прочие малые церковные должности

В число прочих представителей клира входили привратники, экзорцисты, певцы и вдовы. Все эти служители либо помогали при богослужении, либо выполняли административные и пасторские функции. Большинство из них получало плату от епархии или, в случае с частными церковными заведениями, от благотворителей, но, весьма вероятно, большинство из них было занято в светских профессиях с целью получить дополнительный доход.

8. Основные должности при храме Св. Софии

Многочисленный состав церковнослужителей, служивших Патриарху, был постоянно связан с Великой церковью храма Св. Софии в Константинополе. В их число входили: *синкелл*, или помощник Патриарха, великий *эконом*, распорядитель финансов, великий *скевофилак*, или хранитель литургических сосудов, великий *сакелларий*, или казначей, и многие другие. Этих служителей по большей части подбирали из клириков, особенно из диаконата. Их обязанности и положение не имели ничего общего с их церковным статусом, поскольку их служение рассматривалось как «внешнее» по отношению к их литургическим функциям. Полномочия и влияние различных церковных должностей с течением времени изменялось; в период после 1261 г. Патриарх все больше пользовался услугами особых служителей, так называемых экзархов, что позволяло обходиться без *экономов* (Hussey 1986: 316).

Монахи и монахини

Традиционно считается, что монашество зародилось в Египте и в IV в. распространилось в северном и западном направлениях (см. также ниже, III.11.5. Монашество и монастыри). На самом же деле, оно, вероятнее всего, имеет более общий источник – выбор благочестивого, безбрачного образа жизни отдельными мужчинами и женщинами в городах, а также пустынных поселениях, начиная от апостольского периода и далее. Такое призвание, похоже, влекло за собой частное или публичное обещание хранить целомудрие. Церковные Соборы начала IV в. утверждают, что это рассматривалось как связующее обязательство, по-

добное брачной клятве верности (Elm 1994: 26–7). Уход в Египетскую пустыню таких представителей периода зарождения монашества, как Св. Антоний (родился ок. 250 г.), таким образом, способствовал возникновению и оформлению культуры, в которой уединенно предаваться молитве, хранить безбрачие и жить отдельно от остального общества уже рассматривалось как выбор, доступный мирянам – и мужчинам, и женщинам.

Три образа монашеской жизни возникли уже в этот ранний период и оставались важными на протяжении всего византийского периода: отшельнический (одиононый) и общежителный (киновия), а лучшим примером совмещения их обоих стала лавра – система пустынножителства, развивавшаяся в Египте и Палестине. Отшельнический способ монастырской жизни мог быть совершенно нерегулируемым, как в случае с египетскими *старцами* конца III–IV вв., или мог подчиняться нормам и являться предметом регулирования согласно правилам общежития. Эта категория в ее широчайшем смысле включала мужчин и женщин, пытавшихся жить по Евангельскому учению, призывающему тех, кто хочет совершенства, раздать имущество нищим и следовать за Христом (Мф. 19:21).

К началу IV в., особенно в Египте, мужчины и женщины, удалившиеся от остального общества ради жизни в пустыни, подали пример крайнего аскетизма и преданности молитве. Многие из них жили в непосредственной близости друг от друга, как, к примеру, в Скетисе и Нитрии, но полное уединение как отличительная черта такого образа жизни оставалось идеалом. Общежителная система впервые возникла в монастырях, основанных Пахомием и Шенуте, который подчеркивал важность послушания среди монахов и необходимость находиться под руководством монастырского начальства. Имена ведущих деятелей Церкви, таких, как Василий Кесарийский, Евстафий Севастийский, Григорий Назианзин (Богослов), связывают с развитием киновий Малой Азии. Св. Василий составил два свода правил, – Великий и Малый, с того времени и далее оказывавшие существенное влияние на византийское монашество. *Лавра*, в которой отшельнический и киновитский образы жизни могли сочетаться, обычно состояла из ряда центральных общих построек, таких как церковь, трапезная, пекарня, амбары, а также определенного количества уединенных келий, где монахи жили в одиночестве в течение недели, собираясь вместе лишь по субботам и воскресеньям для участия в богослужениях и пополнения запасов продовольствия. Такие заведения изначально формировались группами учеников вокруг харизматического духовного лидера. Ясно, что все три стили монастырской жизни в различных формах сохранялись на протяжении столетий существования Византии, а многие из более поздних монастырей также поддерживали монахов-отшельников, хотя такие институты оставались преимущественно общежителными.

Миряне

Термин «миряне» («laity» от греч. «*laos*» – люди, народ), относится ко всем членам христианской общины, не принадлежащим к клиру. Изначально это общество включало монахов и монахинь, посвятивших свои жизни Богу, но не имевших права совершения Таинств, поскольку они не входили в состав цер-

ковнослужителей. Однако к IV–V вв. монахов начали рассматривать как особую категорию, отдельно от клира и мирян, а в числе последних наметилось все возрастающее символическое разделение. По окончании раннего периода миряне стали зрителями на литургических церемониях, поскольку предписанные молитвы, песнопения и литургические тексты произносили церковнослужители и хор. Они представляли собой восприимчивую, хотя иногда и непокорную аудиторию, которой епископы и священники адресовали проповеди. Впрочем, приблизительно с VII в. сложно определить, насколько они понимали дошедшие до нас все более и более высокопарные проповеди по случаю церковных праздников. Наиболее личный контакт мирянина с клиром осуществлялся в Таинствах, отправлявшихся церковнослужителями на протяжении всей жизни того или иного лица; не будучи приурочены к определенным точным датам, как на Западе, они обычно включали Крещение и Миропомазание, Исповедь, Причастие, Брак и Елеосвящение (Соборование больных или умирающих).

Повседневная жизнь византийских христиан, по всей видимости, была в значительной мере подчинена вере и участию в жизни Церкви. Весьма вероятно (если судить по множеству храмов и монастырей, существовавших по всей империи, и глубоко религиозному характеру дошедшей до нас литературы и произведений искусства), что православное христианство составляло важную часть идентичности и мировоззрения византийцев. Это влияние усиливались благодаря ежедневным и еженедельным богослужениям, участию в Таинствах, почитании святых, реликвий, икон и прочих проявлений Божьей Силы. Миряне также разделяли систему положений христианской этики в том, что касалось отношения к беднейшим и слабейшим членам общества, придерживались аскетической дисциплины в том, что касалось соблюдения постов, нравственности.

О посещаемости храмов на протяжении византийского периода и о том, каково было размещение внутри церковного здания различных гендерных и социальных групп, известно мало. Императорам, которые официально являлись мирянами, позволено было присутствовать в алтаре и прислуживать при совершении Божественной литургии. Они вместе со своими придворными, как предполагалось, играли важную роль в религиозных и имперских церемониях, проводившихся в императорском дворце, а также в процессиях, проходивших через Константинополь. Согласно Св. Иоанну Хрисостому, проповедовавшему в конце IV – начале V вв., богатые граждане, как мужчины, так и женщины, в сопровождении собственных рабов посещали храм регулярно. Средний и беднейший классы, в том числе представители различных профессий, ремесленники, чернорабочие, посещали его настолько часто, насколько позволяла их работа, вероятнее всего, еженедельно, а не ежедневно. Однако из проповедей Иоанна Златоуста ясно следует, что беднейшие члены общества, включая нищих и калек, стояли при входе снаружи, прося милостыни до и после службы (Mayer and Allen 2000: 36–7). Возможно, аналогичный тип посещаемости характерен и для церковной жизни позднего периода, хотя столь же подробные сведения на этот счет практически отсутствуют.

Миряне Византии могли также участвовать в церковной жизни помимо богослужений, празднеств и Таинств. Богатые граждане, как мужчины, так и женщины, часто завещали свое имущество Церкви с целью основания храмов, монастырей,

благотворительных учреждений. Многие такие мирские благотворители старались установить и сохранить некоторый контроль над организацией и управлением основанных ими учреждений, исходя и из духовных, и из материальных соображений. Взаимодействие между церковной, монастырской, мирской сферами благодаря их взаимозависимости на протяжении всего византийского периода было постоянным. В благодарность за покровительство, защиту и материальную помощь монахи и церковнослужители воздавали верующим мирянам своими молитвами, духовным руководством, убежищем (пристанищем) и надеждой на спасение души. Общины или братства (*диаконии*) также предоставляли православным христианам возможности участия в религиозной жизни. Большинство таких сообществ, которые могли состоять из мирян (мужчин и женщин) и церковнослужителей, вменяли себе в обязанность почитание той или иной иконы или святого, уход за больными, устройство Крестных ходов. По имеющимся данным, братства существовали в Византии как минимум с VI в. и до конца империи, хотя в период иконоборства они, вероятно, пришли в упадок.

Хотя клир, монахи и миряне относились к различным группам византийского общества, ясно, что их взаимодействие было взаимовыгодно. Не считая епископов, все церковнослужители Византии, которые, в отличие от западных, хотя и носили особые одежды, не имели права заниматься некоторыми профессиями и обладали такими привилегиями, как освобождение от некоторых налогов и военной службы (Elliott 1978), жили в общине и обычно были женаты. Монахи и монахини, хотя теоретически и должны были находиться за стенами монастырей, фактически служили общине разнообразными способами и, в свою очередь, зависели от покровительства и защиты своих основателей или землевладельцев. Масштабность распространения духовных идеалов уединения и молитвы, которые разделяло все общество, стала причиной того влияния, которым пользовались монастыри, а также их густонаселенности. В итоге поражает то, насколько существенное значение Православная Церковь придавала мирянам как активной, содействующей группе в рамках глубоко христианского общества. Миряне как «царственное священство» (1 Петр. 2: 9) всегда рассматривались в Византии как основание Церкви, в которой служили «профессионалы», предстоявшие за них пред лицом Господа.

ЛИТЕРАТУРА

- BROWN, P. 1971. 'The rise and function of the holy man in late antiquity', *JRS* 61: 80–101.
- CHARANIS, P. 1971. 'The monk as an element in Byzantine Society', *DOP* 25: 68–84.
- CONSTANTELOS, D. 1985. 'Clerics and secular professions in the Byzantine Church', *Byzantina* 13.1: 375–400.
- ELLIOTT, T. G. 1978. 'The tax exemptions granted to clerics by Constantine and Constantius II', *Phoenix* 32: 326–36.
- ELM, S. 1994. *'Virgins of God': The Making of Asceticism in Late Antiquity* (Oxford).

- DARROUZÈS, J. 1981. *Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae. Texte critique, introduction et notes* (Paris).
- HUSSEY, J. M. 1986. *The Orthodox Church in the Byzantine Empire* (Oxford).
- JUGIE, M. 1904. 'Les chorévêques en Orient', *EO* 7: 263–8.
- LEROY, J. 1958–9. 'La réforme Studite', *OCA* 153–5: 181–214.
- MAGDALINO, P. 1981. 'The Byzantine holy man in the twelfth century', in S. Hackel (ed.), *The Byzantine Saint* (London): 51–66.
- MAYER, W., and ALLEN, P. 2000. *John Chrysostom* (London).
- RAPP, C. 2005. *Holy Bishops in Late Antiquity: The Nature of Christian Leadership in an Age of Transition* (Berkeley).
- TALBOT, A.-M. 1985. 'A comparison of the monastic experience of Byzantine men and women', *Greek Orthodox Theological Review* 30. 1: 1–20.
- THOMAS, J., and HERO, A. (eds.) 2000. *Byzantine Monastic Foundation Documents*, 5 vols. (Washington, DC).

Углубленное чтение

Общее введение в организационное устройство византийской Церкви и роль в ней клира, монахов и мирян в византийском обществе см.: Hussey J. M. 1986. *The Orthodox Church in the Byzantine Empire* (Oxford); J. Meyendorff, *Imperial Unity and Christian Divisions: The Church 45–680 AD* (New York, 1989). Обзор Эмиля Германа «Мирская Церковь» (Emil Herman 'The Secular Church') в издании J. M. Hussey (ed.), *The Cambridge Medieval History*, vol. IV: *The Byzantine Empire*, part II, 'Government, Church and Civilisation' (Cambridge, 1967) по-прежнему представляет ценность в качестве общего введения, но см. также разделы «Церковная организация» (С. Г. Холл), «Монашество» (П. Руссо) и «Святые» (П. Браун) (S. G. Hall, 'The organization of the church', P. Rousseau, 'Monasticism', and P. Brown, 'Holy Men') в *CAH* 14: 731–810. Постановления церковных Соборов опубликованы в изданиях E. Schwarz (ed.), *Acta conciliorum oecumenicorum*, 4 vols. (Berlin, 1927–84); G. D. Mansi, *Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio*, (Paris–Leipzig, 1901–27), 53 тома в 58 частях; общедоступный, хотя и изданный в сокращении английский перевод можно найти в книге H. R. Percival, *The Seven Ecumenical Councils* (Oxford–New York, 1900). Списки епархий в различные периоды истории Византии см. в работах: Darrouzès, 1981; E. Gerland, *Corpus notitiarum episcopatum Ecclesiae Orientalis Graecae* (Kadiköy-Istanbul, 1931); J. Darrouzès 'Listes synodales et notitiae', *REB* 28 (1970): 57–96; N. Oikonomides, *Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles* (Paris, 1972). О celibate священнослужителей см.: J. J. Allen (ed.), *Vested in Grace: Priesthood and Marriage in the Christian East* (Brookline, Mass., 2000). О роли императоров в религиозном церемониале см.: S. R. F. Price. *Rituals and Power* (Cambridge, 1984). Ценное общее введение в византийскую литургику можно найти в работе: R. F. Taft. *The Byzantine Rite: A Short History* (Collegeville, Minn., 1992¹); см. также III. 11. 4 в дан-

¹ Переводы: Тафт Р. Ф. Византийский церковный обряд. Краткий очерк / Пер. с англ. А. А. Чекаловой; Редакция русского перевода и послесловие В. М. Лурье. – СПб.: Алетейя, 2000; Тафт Р. Ф. Византийский обряд: Коротка історія / Перекл. Р. Скакун. – Львів: Видавництво УКУ, 2011 (прим. ред.).

ной книге. О роли духовенства в благотворительной работе см.: D. Constantelos, *Byzantine Philanthropy and social Welfare* (New Brunswick, NJ, 1968).

Общее введение о жизни монахов и монахинь, о монашестве см. в работах:

P. Charanis, 1971. 'The monk as an element in Byzantine Society', *DOP* 25: 68–84;

R. Morris, *Monks and Laymen in Byzantium, 843–1118* (Cambridge, 1995);

A. Papadakis, 'Byzantine monasticism reconsidered', *Byzantinoslavica* 47 (1986): 34–46;

A.-M. Talbot, 'An introduction to Byzantine monasticism', *ICS* 12 (1987): 229–41;

A.-M. Talbot. 1985. 'A comparison of the monastic experience of Byzantine men and women', *Greek Orthodox Theological Review* 30.1: 1–20;

J. Thomas, A. Hero (eds.) 2000. *Byzantine Monastic Foundation Documents*, 5 vols. (Washington, DC) (содержит полезные общие сведения в дополнение к отдельным переводным монастырским типиконам);

J. Thomas, *Private Religious Foundations in the Byzantine Empire* (Washington, DC 1987).

Существует очень мало вспомогательной литературы специально о мирянах Византии.

Общее введение о проблемах духовности того периода см.:

C. Mango, *Byzantium: The Empire of New Rome* (London, 1980) (особенно часть II);

J. Meyendorff, *Byzantine Theology: Historical Trends and Doctrinal Themes* (London-Oxford, 1974) (особенно часть II)¹;

R. Morris (ed.), *Church and People in Byzantium* (Birmingham, 1990).

О братствах см.: P. Horden, 'The confraternities in Byzantium' в издании W. J. Sheils and D. Wood (eds.), *Voluntary Religion* (Oxford, 1986): 25–45; а также J. Nesbitt and J. Wiita, 'A confraternity of the Comnenian era', *BZ* 68 (1975): 360–84.

О культах и почитании икон см.: R. Cormack, *Writing in Gold: Byzantine Society and its Icons* (London, 1985);

J. Herrin, 'Women and the faith in icons in early Christianity', в издании R. Samuel and G. Stedman Jones (eds.), *Culture, Ideology and Politics: Essays for Eric Hobsbawm* (London, 1982): 56–83.

О роли женщин в византийском обществе см.: J. Herrin, 'In search of Byzantine women: three avenues of approach', в издании A. M. Cameron and A. Kuhrt, *Images of Women in Antiquity* (London–Sydney, 1983); J. Herrin, 'Femina byzantina: the Council of Trullo on women', *DOP* 46 (1991): 97–105.

---

¹ Перевод: Мейендорф И. Византийское богословие. Исторические направления и веручение / Пер. с англ. А. Кавтаскина. – М.: Когелет, 2001 (прим. ред.).

III.10. ГОСУДАРСТВО

Глава III.10.1 УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ И АДМИНИСТРАЦИЯ

Джон Хэлдон

Римское и византийское государство распределяли ресурсы посредством иерархии административных структур. Наиболее важной при этом являлась префектура претория, на уровне которой начислялся, собирался, перераспределялся поземельный налог. Каждая префектура находилась в границах определенной территории, хотя в некоторых случаях границы пересматривали, а территории перераспределяли. В начале правления Константина I было три основных префектуры: Восток (протянувшийся от Мезии и Фракии на Балканах до Верхней Ливии в Африке); Иллирик, Италия, Африка; Галлия, включая Британию и Тингитану в Северной Африке. К 440 г. система была реорганизована в четыре префектуры: Галлия; Италия с Северной Африкой; Иллирик (частично) и Восток. Галлия, Италия и большая часть североафриканских префектур были утрачены в середине – конце V в., остались только Иллирик и Восток, но с завоеваниями Юстиниана были учреждены новые префектуры в Италии и Африке. Каждая префектура подразделялась на *диоцезы* (*dioecesaе*, «директории») под представительским управлением наместника (*vicarius*) префекта претория, а каждый диоцез подразделялся на провинции с правителем провинции во главе. Мельчайшей административной единицей являлся тогда город (*civitas* или *polis*) с пригородом (окружной территорией – *territorium*), на которую, в конечном итоге, ложились начисление и сбор налоговых повинностей (Jones 1964: 366–454; Stein 1968: 39–50; Kelly 1998: 162–9).

Префектуры на уровне диоцезов, а еще точнее, на уровне управления провинциями, отвечали за сбор большей части общественных налогов и за отправление правосудия, содержание общественной почты, государственные оружейные мастерские, провинциальные общественные работы. Два других финансовых подразделения – священных щедрот (*sacrae largitiones*, ответственное за добычу

золота и серебра в рудниках, выпуск монет и воинских наград, государственные швейные мастерские) и *res privata* (частных имений) под управлением комитов (ответственных за доход в виде ренты, полученный с имперских земель) — управляли финансовыми ресурсами наравне с префектурами. В течение VI в. подразделения священных щедрот и личных имений продолжали развиваться: различные виды собственности, находившиеся в управлении последнего, были разделены на пять независимых друг от друга отделов (включая первоначально существовавший *res privata*), ответственных за различные виды собственности и расходов, тогда как на уровне диоцеза деятельность подразделения священных щедрот была постепенно отнесена на провинциальном уровне к компетенции префектур претория. При Ираклии в конце 620-х гг. выпуск монет претерпел радикальную централизацию, а спустя следующие двадцать или около того лет *sacrae largitiones* как отдельное подразделение было упразднено. Префектура Иллирик исчезла, поскольку был утрачен имперский контроль над большей частью Балкан, а префектура претория Востока распалась. Её подразделения образовали независимые службы, каждая из которых находилась под начальством своего собственного логофета (управляющего финансами), подчинявшегося непосредственно императору и старшему чиновнику при дворе, зачастую сакелларию (*sakellarios*) (Jones 1964; Hendy 1985: 395–420; Barnish 2000: 170–81; 193–203).

Изменения в управлении и структуре подразделений священных щедрот и частных имений (*res privata*), преобразовали всю административную систему и последовали за резким сокращением империи в середине VII в. К середине VIII в. главный логофет налоговой службы (*genikon logothesion*) отвечал за поземельный налог и сопряженные с ним доходы; аналогично департамент военных финансов (*stratitikon logothesion*) ведал рекрутским набором, списками личного состава, выплатами военным, в то время как еще одно подразделение, идик (*idikon*) или специальная логофесия (*logothesion*), отвечала за вооружение, имперские мастерские и множество связанных с этим разнообразных нужд. Различные подразделения, некогда вместе составлявшие *res privata*, также стали полностью независимыми и находились под руководством собственных начальников. Общественная почта, находившаяся ранее в ведении *magister officiorum* (начальника дворцовых служб), стала независимым подразделением под управлением собственного логофета. Прочие подразделения, изначально входившие в состав императорского дома, наподобие священной опочивальни, развиваясь, преобразовывались в специальные сокровищницы и склады для тех или иных государственных нужд, тогда как сама опочивальня, известная как китон (*koiton*), стала личной сокровищницей-казной императора, источником средств на хозяйственные нужды. Подразделения бывшей провинциальной администрации, как и названия провинций, сохранялись в системе фем (*themata*) до начала IX в., хотя сами диоцезы исчезли. Каждый такой округ в отношении налогообложения и сбора налогов находился под надзором «директора» или «управляющего» — диикита (*doiketes*) с персоналом служащих в провинции и центральным ведомством-секретом (*sekretion*) или управлением в столице. К 830–840-м гг. позднеримские провинции пришли в упадок и были заменены более современной структурой, во главе с протонотарием («начальником нотариев») в каждой феме, подчиненным

начальству в Константинополе в делах управления фемной налоговой администрацией. Каждая фема также имела судью – крита (*krites*), ответственного за гражданское управление и юстицию, и хартулария (*chartoularios*), ответственного перед ведомством военных финансов в Константинополе за ведение воинских реестров и связанные с этим прочие вопросы. Все они находились под номинальной властью стратигов (*strategos*), генералов, сменивших прежних главнокомандующих (*magistri militum*), но сохранивших определенный уровень автономии. Такая структура, развивавшаяся очень медленно и, вероятно, достигшая в своем развитии завершенности ко времени правления Феофила (829–842), сохранялась до конца XI в. (Bury 1911: 18–20, 36–114; Henty 1985: 424–9; 619–62; Haldon 1997: 180–207).

Проблемы, с которыми сталкивалось правительство после завоевания восточных провинций мусульманами в 630-х и 640-х гг., нашли отражение в кризисных мероприятиях, предпринятых с целью их преодоления, в частности, во временном изменении роли служащих в должности *коммеркиариев* (*kommerkiarioi*), ранее – *comites commerciorum* (чиновники, контролировавшие производство и продажу шелка, что являлось государственной монополией, и одновременно таможенники, ведавшие импортом и экспортом ценных товаров); от 660-х до 730-х гг. их деятельность, вероятно, была связана также и с поставками продовольствия войскам в провинции. Начиная приблизительно с 730–731 гг. возникают учреждения, называемые царскими *коммеркиями* (*kommerkia*), которые выполняли схожую, но более ограниченную функцию вплоть до первых десятилетий IX в., когда введение фемных *протонотариев* (*protonotarioi*) и системы подчиненного им снабжения продовольствием войск фемы сделало их дальнейшее существование излишним. *Коммеркиарии* вернулись в прежнее положение таможенных служащих, контролировавших торговлю и обмен с районами, лежавшими за пределами империи (Haldon 1997: 233–44; Brandes 2002: 48–62; 239–426).

С начала IX в. более профессиональная система, возглавляемая фемными *протонотариями* (которая развивалась, вероятно, с середины VIII в.), стала постоянно действующей. Но по мере экспансии империи и наступательных боевых действий, преобладавших в конце IX в. и далее, эта система начинала изменяться. Наступившая маргинализация фемных *militias* заключалась в том, что фемные войска, частично находившиеся на самообеспечении, все чаще и чаще заменяли наемники-профессионалы. Для их содержания также собирали и доставляли продовольствие. Кроме того, войска часто расквартировывали среди местного населения, которое было позволено использовать для постоя, обеспечения продовольствием и предметами первой необходимости. Таким образом, на плечи налогоплательщиков возлагалось все более тяжелое бремя. На протяжении второй половины XI в. это привело к перенапряжению налоговой системы и работающего населения (Henty 1989; Harvey 1989: 80–119; Angold 1984: 8–9, 59–70).

Одно из существенных различий между позднеримской и поздневизантийской административными структурами заключалось в том, что императоры, начиная с середины или конца VII в., по крайней мере, теоретически, сохраняли за собой право непосредственного надзора за ходом дел во многих подразделениях,

вместо того, чтобы делегировать полномочия небольшому количеству высокопоставленных чиновников, таких, как магистры или преторианские префекты. Управленческие структуры можно разделить на несколько сфер компетенции: государственные финансы, юстиция и тюрьмы, транспорт и почтовая связь, домохозяйство императора, провинциальные (периферийные) и дворцовые войска. Каждая такая группа подразделений (*sekreta*) имела свой собственный персонал, иногда значительных размеров. Так, например, было в случае с персоналом общественной казны (*genikon logothesion*), управление которой насчитывало около одиннадцати иерархических уровней, включало подразделения для каждой *фемы* и многие другие, связанные с финансами, виды деятельности. Иногда же штат был крайне немногочисленными, как, например, в ведомстве *орфанотрофа* (*orphanotrophos*), куратора Великого императорского сиротского приюта и его имущества – оно имело лишь три иерархических уровня и ограниченное количество подразделений для различных родов имущества. Сложность взаимоотношений, связывавших многие подразделения, обуславливалась частичным совпадением сфер полномочий многочисленных ведомств. Следует особо подчеркнуть центральную роль императорского двора, поскольку, с одной стороны, доступ к императору был возможен лишь через то или иное придворное ведомство. С другой стороны, разница между общественной, дворцовой и частной казной императора никогда не прослеживалась слишком четко. Это означало и то, что государственные финансовые средства часто перетекали, по большей части, в карманы частных лиц, и то, что императоры часто вкладывали средства из своих личных доходов в мероприятия государственной важности (Bury 1911; Oikonomides 1972: 21–4, 281–90; Winkelmann 1985).

Ключевой составляющей структуры имперской администрации была заложенная в ней система старшинства. В целом она сохранялась, невзирая даже на то, что ее структура всегда была неустойчивой вследствие появления вводившихся время от времени новых титулов, изменявших соотношение различных рангов служащих. В еще большей мере ее могли нарушать личные отношения какого-либо должностного лица с императором, определявшие реальное положение чиновника в большей степени, нежели существовавшая титулярная система. При этом, однако, несмотря ни на что, в соотношении чиновников прослеживалась определенная упорядоченность, что зафиксировано различными документами, создававшимися начиная с позднеримского и на протяжении всего византийского периодов. К X в. эта система оформилась окончательно и представилась возможность составить иерархический перечень титулов и должностей, которым руководствовались в ходе императорского церемониала, торжественных приемов и пиров, процессий и т. п. Магистр церемоний, придворные и слуги императорского дворца, префект города – все они играли ключевую роль в поддержании и соблюдении традиции, хотя сама «традиция» постоянно изменялась (Oikonomides 1972; Winkelmann 1985: 15–42, 66–8).

Карьера в государственном управлении привлекала возможностью как незаконных, так и и положенных по закону вознаграждений, и могла выстраиваться при помощи разнообразных средств. До кризиса середины VII в. юридическое образование представляло собой хорошую квалификационную основу для заня-

тия должности при дворе, равно как и в провинциальных властно-полномочных структурах, хотя достаточно было и общего знакомства с традиционной классической наукой. В конце VII–VIII вв. эта ситуация изменилась и, похоже, многие чиновники в провинции были полными профанами в юриспруденции и отправления правосудия. Но грамотность была общепринятой нормой, поэтому грамотные письмоводители входили в состав государственной администрации, зависевшей от передачи жизненно важной информации в письменной форме, не только между служащими, но от поколения к поколению. К X и XI вв. знание закона снова стало важной частью образования высших чиновников. Теоретически любая должность была открыта и доступна каждому, но на практике в системе имелись отклонения, вызванные существованием властной элиты и отношениями патронажа – неотъемлемой частью отношений в средневековом обществе. Административная иерархия разделялась по уровням, отдельно для военных и гражданских должностей, а также, к X в., по позициям, доступным для евнухов и неевнухов, хотя в целом система отнюдь не была строгой и допускала исключения (Winkelmann 1985; 1987: 98–142; Weiss 1973).

Чиновники подлежали введению в должность посредством официальной церемонии, в ходе которой они получали знаки должностной принадлежности – церемониальный воинский пояс и плащ (мантию) или другое одеяние, характерное для их нового служебного ранга и подразделения, приносили присягу на верность императору и во всеуслышание провозглашали себя православными. К IX в. подавляющее большинство младших служащих при вступлении в должность просто получали отличительный знак службы, так что в присутствии императора необходимости не было. Высшие должностные лица, напротив, имели большое значение для императора и потому выбирались им напрямую и назначались его личным изустным приказанием в ходе церемонии, которую правитель официально возглавлял и на которой сановник или офицер (если должность была воинская) совершал традиционное поклонение императору. Такие церемонии применялись и в отношении священнослужителей константинопольских храмов, поскольку они также входили в состав государственной должностной иерархии. Продвижение по службе зависело от постоянства и ритмичности движения кадров внутри каждого подразделения; к примеру, на протяжении VIII–IX вв. командование фем довольно часто подвергалось должностным перемещениям, иногда по горизонтали – на альтернативные должности, а иногда вверх, по вертикали. Там, где перемещение происходило с одной должности на другую аналогичную, чиновник при переводе мог иногда получить титул более высокого ранга, в соответствии с чем возрастали и зарплата, и социальное положение. Если все складывалось удачно, человек в достаточной мере способный и талантливый мог рассчитывать взойти по карьерной лестнице на довольно высокие должности, а если он привлекал внимание императора или другого влиятельного высокопоставленного сановника, то, возможно, даже стать министром или сановником. Жалование росло, прибавляясь по мере должностного продвижения, и к моменту отставки должностные лица получали повышенную сумму денег, а также некоторые правовые привилегии и иногда освобождение от налогов. Некоторые чиновники-управленцы, особенно в период начиная с X в., продавали

свои должности перед своей отставкой с целью скопить определенную сумму денег, тогда как «аристократизация» бюрократии начиная с X в. и далее также изменила путь развития и способ функционирования государственного аппарата (Oikonomides 1972; Winkelmann 1985; Lemerle 1967; Cheynet 1990).

Административные структуры империи претерпели ряд основополагающих изменений в правление Алексея I Комнина, задавшего стандарт управления империей в том виде, в котором он просуществовал до ее падения в 1453 г. Налоговая и финансовая администрация, как дворцовая, так и имперская, полностью перешла под руководство одного высокопоставленного сановника, *megas logariastes*, или великого логариаста. *Βεστιαριῦν* (*vestiariion*) (дословно – общественный гардероб) и *οικειάκα* (*oikeiaka*), подразделение, ответственное за государственное налоговое имущество, с несколькими подотделами, стали отныне центральными административными подразделениями, хотя прежний геникон (*genikon*) (общественная казна) сохранил за собой фискальные полномочия в отношении провинций. Крупные имения (состояния), находившиеся в ведении благотворительных учреждений, таких как императорские сиротские приюты (*orphanotropheion*) под управлением *ορφανοτρόφων*, становятся все более важными источниками финансовых средств для правительства, а их увеличивающаяся роль явно видна из того высокого положения, которое занимали их главы на протяжении XII в. Дром (*dromos*) или общественные почтовые и транспортные системы, основа системы снабжения имперских армий, а также государственной экономики, продолжали существовать отныне под управлением имперской канцелярии, членом которой являлся логофет дрома. Однако в связи с этим подразделением находились также императорские конюшни, возглавляемые хартуларием, к которым отныне относились и крупные земельные владения, известные как *χαρτουλαράτα* (*chartoularata*) или ория (*oria*) (последние располагались вдоль побережий и находились под властью *мегадуки* (*megas doux*), командующего имперским флотом). Это были фискальные землевладения, чьи доходы или производимая продукция предназначались для нужд армии и флота. Остальные административные подразделения, или *секреты*, были переданы в ведение единого куратора или управляющего (*логофета*) подразделениями *секретов*. Имперский надзор осуществлял целый ряд должностных лиц и служб, наиболее важной из которых была имперская канцелярия, возглавляемая чиновником, носившим титул *протоасекрит* (*protasekretis*). Особо важным должностным лицом являлся так называемый *месадзон* (*mesazon*), дословно – «посредник», личный помощник императора, фактически выполнявший функции премьер-министра (Magdalino 1993: 228–37, 266; Kazhdan and Epstein 1985: 62–73; Angold 1984: 126–33; 225–8).

Правосудие осуществлял ряд центральных судов, к середине XII в. также возглавляемых *протасекритом*. Ему содействовал чиновник в новой, созданной Алексеем I должности *дикаиодота* (*diakaiodotes*), возглавлявший собственный суд, а также великий друнгарий (первоначально командовавший одним из императорских дворцовых подразделений – вигла (*vigla*), то есть караулом), который продолжал председательствовать в так называемом суде Велума (*Velum*) или Крытого Ипподрома. Императорская стража отвечала за прочие подразделения дворцовой гвардии, которая составляла также и основу вооруженных сил в лю-

бом имперском военном походе. Наиболее важными подразделениями были *этаirea* (*hetaireia*), варанги и два небольших гвардейских подразделения, охранявших имперскую казну, так называемые *вестуариты* (*vestiaritai*). Мануил I создал новое подразделение *вардариотов* (*vardariotai*) (уроженцев Македонии и Фракии). Вдобавок императоры также присоединяли к своей свите малые и временные подразделения, зачастую из иноземцев. Великие доместики Востока и Запада, числившиеся при дворе, но чаще находившиеся на местах службы, являлись командующими восточных и западных воинских подразделений (*tagmata*) полевой армии (Magdalino 1993: 261–5; Angold 1984; Oikonomides 1976; Hohlweg 1965; Ahrweiler 1960: 89 ff.).

С постепенным восстановлением империи в эпоху Комнинов, прежние фемы (*themata*) были воссозданы вновь, однако отныне они действовали на несколько иных, чем ранее, принципах, поскольку сам термин «фема» теперь означал просто провинцию без какого бы то ни было прямого военного подтекста. К 1180-м гг. фемные провинции простирались от Халдии и Трапезунда на востоке, на Понтийском побережье, в западном направлении через районы Пафлагонии/Вукеллариев, Оптиматов, Никомидии, Опсикия, затем Неокастра, Фракиссия, Миласы/Меланудиона, Кивирриотов и Киликии. Вооруженные силы, расквартированные в каждом из этих регионов, находились под командованием «герцогов» – византийских дук (*doukes*), являвшихся также и правителями своих территорий (Angold 1984; Magdalino 1993; Hohlweg 1965: 45–82; Kühn 1991: 168–9).

После 1204 г. государства-правопреемники Византии попытались спасти остатки привычных для них административных структур XII в. Наиболее успешной в этом отношении была Трапезундская империя, продолжавшая самостоятельно существовать вплоть до 1461 г. Никейские императоры подобным же образом восстановили эффективную систему управления империей на основе нововведений Комнинов, хотя и в несколько упрощенной и сокращенной форме, соответствовавшей сократившимся размерам ее территории и сложности управления. Наиболее значимым изменением был все более личный, «домохо-зяйственный» характер имперской администрации, сложившийся в результате взаимодействия нескольких факторов. Во-первых, разорение империи в 1204 г., вероятно, подорвало основу централизованного делопроизводства в дворцовых архивах и подразделениях государственной власти, вследствие чего, хотя копии документов на местах, в провинциях, вероятнее всего, и сохранились, императоры попали в жесткую зависимость от информации, исходившей от их ближайших советников. Во-вторых, тип административной системы во времена династии Комнинов уже тяготел к правлению высокопоставленных чиновников, напрямую связанных с императорской фамилией посредством брака или других родственных, свойственных отношений. На тот момент это по-новому расставило акценты в отношении центральной роли немногочисленной группы высокопоставленных чиновников, личных помощников императора и *месадзона* (*mesazon*) в новых обстоятельствах, что означало доступ к опыту и знаниям, однако в весьма ограниченной форме, в которой следовало создать новые методы администрирования и централизованного делопроизводства. Правительство, таким образом, даже более, нежели ранее замыкалось в рамках императорского дворца,

что делало его более сходным с правительствами некоторых западных держав, таких, как Англия Плантагенетов, нежели с прежней безличной бюрократической восточно-римской традицией (Nicol 1984: 217–22; Zakythinos 1975: 46–145, 227–44; Angold 1975: 147–236, 239–96; Laiou 1972: 3–5, 114–21, 123; Nicol 1972: 23–41, 45–51, 114–17; Ostrogorsky 1968: 422–7, 442–4, 481–3).

Когда Никейский император Феодор I Ласкарис в свою очередь встал перед необходимостью организации режима правления, он находился в сильной зависимости от этой малой группы высших придворных сановников – членов императорского дома, постепенно развивая прочие элементы административного аппарата по тому же образцу. Ключевой фигурой являлся *месадзон*, выполнявший роль координатора правительственных операций и занимавший гораздо более официальное положение в системе, нежели при Комнинах. Финансовые операции были сосредоточены в императорском *вестуарии* (*vestiariion*), а прочими мероприятиями имперского управления руководили различные подразделения императорского дома и канцелярии. Результатом такого сокращения стало то, что прежняя бюрократия с различными подразделениями *секретов* больше не возобновлялась, и правительство фактически сократилось до пределов императорского двора и его секретариата.

После реставрации империи с возвратом Константинополя в 1261 г. это стало нормой имперского управления до самого 1453 г. Но данная модель постоянно эволюционировала. При Ласкарисах, к примеру, не было официально учрежденного верховного суда и правосудие осуществлялось *ad hoc* (по ситуативному принципу) императорским судом. Император Михаил VIII Палеолог для выполнения данной функции учредил специальный судейский трибунал, известный просто как *секрет* (*sekretion*). По тому же принципу чиновники императорской канцелярии, такие, как *epi tou kanikleiou* (дословно – «смотрители (хранители) чернильницы») или мистики (*mystikos*), служили в сугубо личном качестве вплоть до времени правления Феодора I, когда, вероятно, стала развиваться более формальная организация императорской канцелярии, во многом повторяющая Комниновскую структуру, но с обязанностями и функциями, более соответствующими новым условиям. Императорский двор возглавлял гражданское правительство и военное командование. Целому ряду высокопоставленных чиновников, наделенных особыми полномочиями при дворе, император, к тому же регулярно, поручал военное командование в провинциях, командование полевой армией или доверял выполнять другие особые поручения, в том числе должность правителя провинции. Все ведущие должностные лица императорского дома – *протовестуарии* (*protovestiarious*) (на самом деле имевший непосредственное отношение к дворцовому церемониалу, а не к гардеробу), *паракимомен* (*parakoimomenos*) (канцлер), дворецкий – *пинкер* (*pinkernes* – дословно «чашник»), *протостратор* (*protostrator* – «старший конюший») или *протосекрет* (*protasekretis*) могли, таким образом, отсылаться со двора с особыми поручениями. На деле сферы полномочий всегда в значительной мере совпадали, поскольку император поручал отдельным должностным лицам такие задачи, для решения которых считал их наиболее подходящими (Angold 1975: 151–81; Zakythinos 1975: 90–124; Nicol 1972; Matschke 1971: 38–57, 74–95).

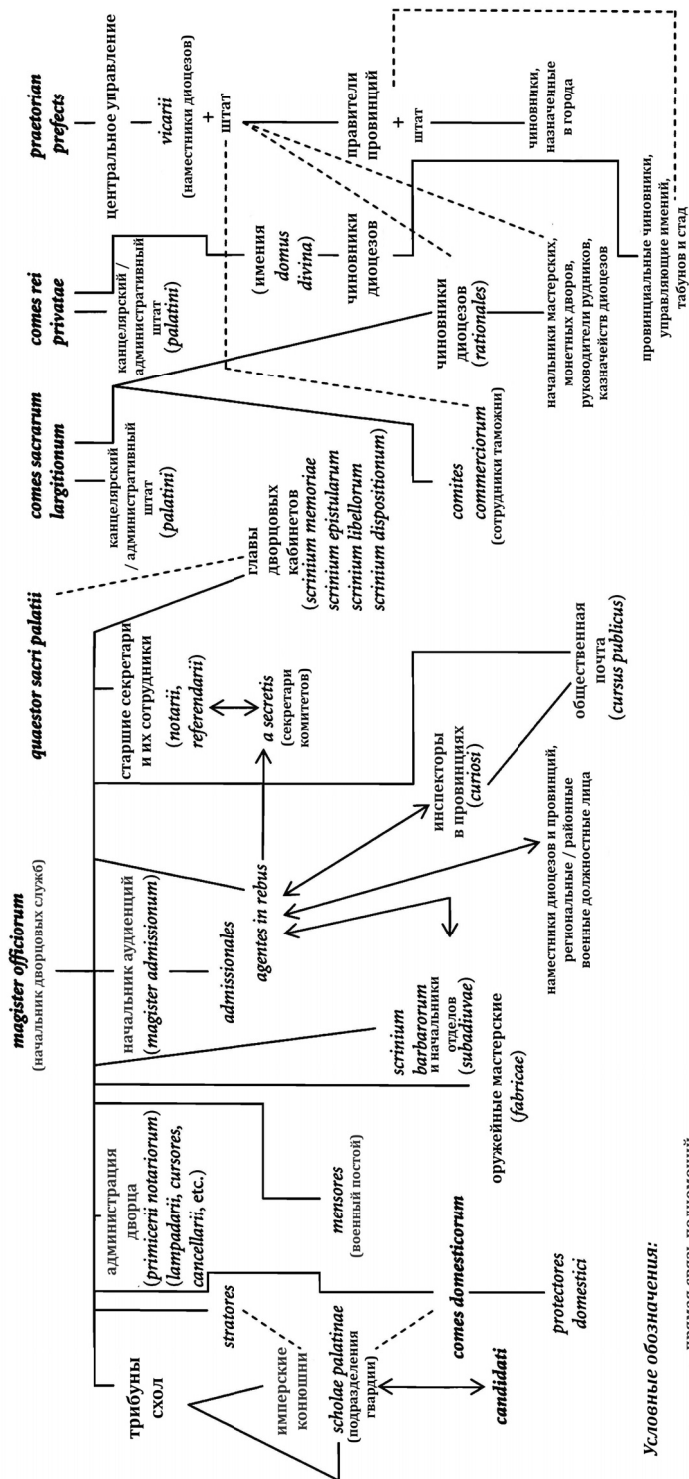

Рис. 1. Имперская и финансовая администрация, ок. 560 г. (по Delmaire 1995).

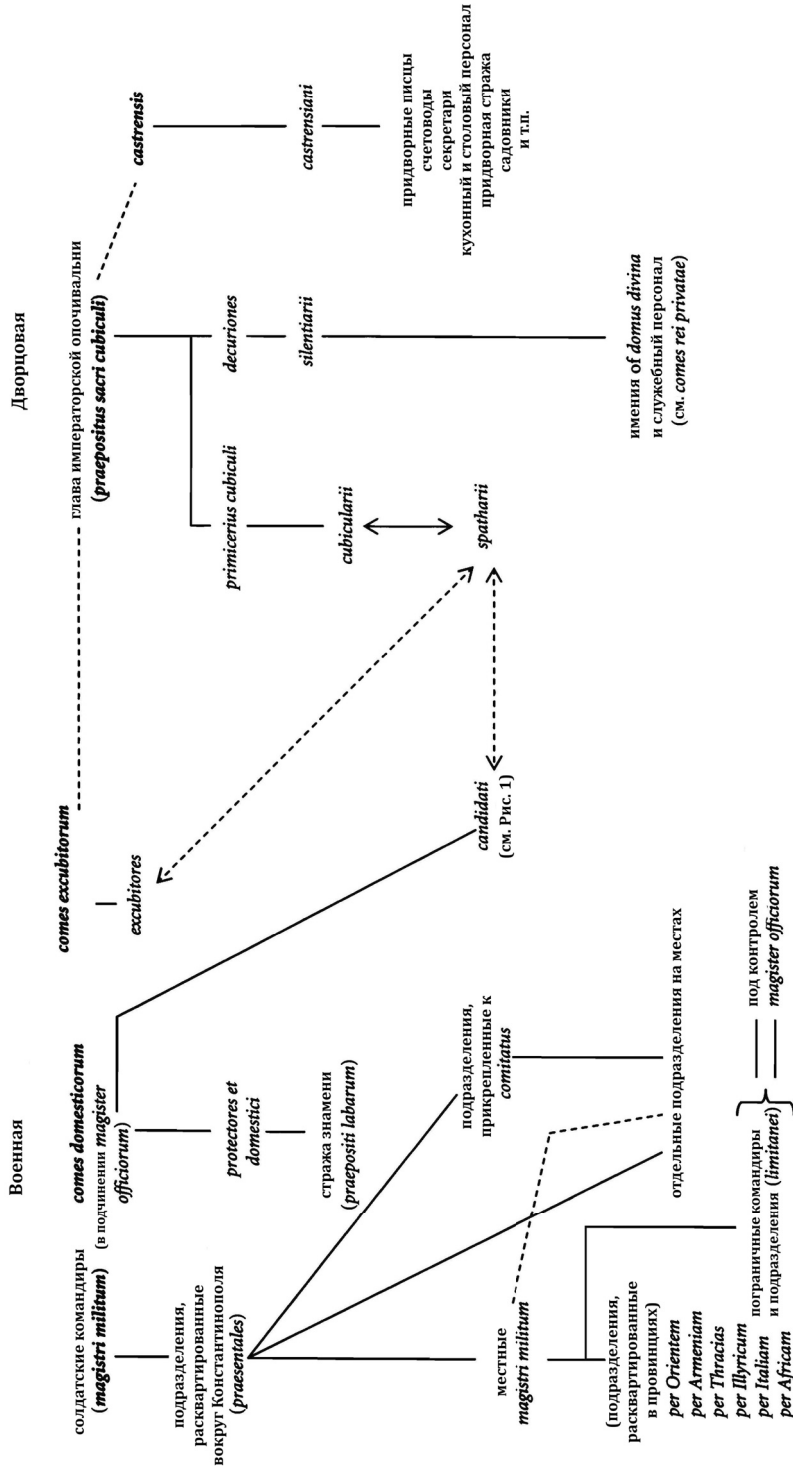

Рис. 2. Имперская военная и дворцовая администрация, ок. 560 г., (по Delmaire 1995)

ЛИТЕРАТУРА

- AHRWEILER, H. 1960. 'Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IXe–XIe siècles', *BCH* 84: 1–109.
- ANGOLD, M. 1975. *A Byzantine Government in Exile: Government and Society under the Laskarids of Nicaea, 1204–1261* (Oxford).
- 1984. *The Byzantine Empire 1025–1204: A Political History* (London).
- BARNISH, S., LEE, A. D., and WHITBY, L. M. 2000. 'Government and administration', in *CAH* 14: 164–206.
- BARTUSIS, M. C. 1992. *The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204–1453* (Philadelphia).
- BRANDES, W. 2002. *Finanzverwaltung in Krisenzeiten: Untersuchungen zur byzantinischen Administration im 6.–9. Jahrhundert* (Frankfurt am Main).
- BURY, J. B. 1911. *The Imperial Administrative System in the Ninth Century, with a revised text of the Kletorologion of Philotheos* (British Academy Supplemental Papers I; London).
- CHEYNET, J.-C. 1990. *Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210)* (Paris).
- DELMAIRE, R. 1995. *Les institutions du bas-empire romain de Constantin à Justinien: les institutions civiles palatines* (Paris).
- HALDON, J. F. 1997. *Byzantium in the Seventh Century: The Transformation of a Culture* (Cambridge, 2nd rev. edn.).
- HARVEY, A. 1989. *Economic Expansion in the Byzantine Empire, 900–1200* (Cambridge).
- HENDY, M. F. 1985. *Studies in the Byzantine Monetary Economy, c. 300–1450* (Cambridge).
- 1989. 'Byzantium, 1081–1204: the economy revisited, twenty years on', in idem, *The Economy, Fiscal Administration and Coinage of Byzantium* (London), no. III.
- HOHLWEG, A. 1965. *Beiträge zur Verwaltungsgeschichte des Oströmischen Reiches unter den Komnenen* (Munich).
- JONES, A. H. M. 1964. *The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic and Administrative Survey*, 3 vols. and maps (Oxford).
- KAZHDAN, A., and EPSTEIN, A. 1985. *Change in Byzantine Culture and Society in the Eleventh and Twelfth Centuries* (Berkeley).
- KELLY, C. 1998. 'Emperors, government and bureaucracy', in *CAH* 13: 138–83.
- KÜHN, H.-J. 1991. *Die byzantinische Armee im 10. Jahrhundert* (Vienna).
- LAIYOU, A. E. 1972. *Constantinople and the Latins: The Foreign Policy of Andronikos II 1282–1328* (Cambridge, Mass.).
- (ed.) 2002. *The Economic History of Byzantium from the Seventh through the Fifteenth Century*, 3 vols. (Washington, DC).
- LEMERLE, P. 1967. 'Roga et rente d'état aux Xe–XIe siècles', *REB* 25: 77–100.
- MAGDALINO, P. 1993. *The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180* (Cambridge).
- MATSCHKE, K.-P. 1971. *Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert. Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354* (Leipzig).
- NICOL, D. M. 1972. *The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453* (London).
- 1984. *The Despotate of Epiros 1267–1479: A Contribution to the History of Greece in the Middle Ages* (Cambridge).
- OIKONOMIDES, N. 1972. *Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles* (Paris).
- 1976. 'L'Évolution de l'organisation administrative de l'empire byzantin au XIe siècle (1025–1118)', *TM* 6: 125–52.

- OSTROGORSKY, G. 1968. *A History of the Byzantine State*, trans. J. Hussey (Oxford).
- STEIN, E. 1968. *Histoire du Bas-Empire*, vol. 2: *De la disparition de l'Empire d'Occident à la mort de Justinien (476–565)* (Amsterdam).
- TOYNBEE, A. 1973. *Constantine Porphyrogenitus and his World* (London).
- WEISS, G. 1973. *Oströmische Beamte im Spiegel der Schriften des Michael Psellos* (Munich).
- WINKELMANN, F. 1985. *Byzantinische Rang- und Ämterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert* (Berlin).
- 1987. *Quellenstudien zur herrschenden Klasse von Byzanz im 8. und 9. Jahrhundert* (Berlin).
- ZAKYTHINOS, D. A. 1975. *Le despotat grec de Morée, Vie et institutions*, edn. revue et augmentée par Chr. Maltezou (London).

Глава III.10.2

АРМИЯ

Джон Хэлдон

Войска V–VI вв. можно разделить на две категории: стационарные приграничные части, известные как *лимитаны* (*limitanei*) (в широком смысле – прежние легионы, а также вспомогательные подразделения), и мобильные войска – комитаты (*comitatenses*) (в основном, подразделения, организованные в конце III–IV вв.) Такое формальное деление было несколько искусственным: сферы действия подразделений зачастую пересекались, поскольку многие части полевой армии были сформированы при гарнизонных поселениях на более или менее постоянной основе. Мобильные войска были сгруппированы в дивизионы под руководством главнокомандующих региона или *magistri militum* («солдатских командиров»), каждый из которых занимал крупный оборонительный участок (основную оборонительную позицию), при этом лимитаны находились в их полном распоряжении. Около 600 г. таких основных подразделений насчитывалось восемь, в том числе два возле Константинополя. Лимитаны находились в подчинении у дук. В 560 г. около 25 таких воинских частей обороняли границы и внутренние районы. Подразделения флота, осуществлявшие военные действия в открытом море и в прибрежной зоне, прежде являвшиеся частью специального подразделения, сформированного Юстинианом и известного как *квестура экзерцитус* (*quaestura exercitus*), располагались в главных балканских и сирийских портах, тогда как речной флот и сухопутные войска стояли вдоль Дуная и обеспечивались провиантом по морю из районов Эгеиды (Dixon and Southern 1996; Elton 1996; Jones 1964: 607–86; Lee 1998; Whitby 2000).

Такое организационное устройство развилось в результате перемен, происшедших в III в. Оно довольно успешно работало вплоть до великой войны с Персидским царством Сасанидов с 602 по 626 гг., но не смогло противостоять трудностям, возникшим в результате раннеисламских завоеваний и катастрофических потерь доходов от налогообложения и ресурсов восточных провинций между 634 и 642 гг. Правительство между 637 и 640 гг. отреагировало на это переводом различных частей полевой армии обратно во внутренние районы, преимущественно в центральную и западную Малую Азию. Там они были рас-

квартированы по всей Малой Азии и начался процесс, в ходе которого группы провинций, занятых каждой из полевых армий, стали в итоге известны каждая под именем своей армии. Сами полевые вооруженные силы были постепенно преобразованы в части провинциальных войск наподобие милиции, причем, основу каждой из таких частей составляли профессиональные солдаты. Сами провинции были преобразованы в военные регионы, уже к IX в. известные как *фемы* (*themata*), каждый – под командованием генерала (*сmpamuga*, *strategos*), получившего в итоге к концу IX в. также и полномочия надзора над гражданскими и финансовыми государственными службами своего округа. Гражданское управление существовало во все более изменявшейся форме до тех пор, пока не была принята серия мер по официальному признанию того, какого рода изменения произошли, после чего и военное и гражданское/финансовое устройство пришли в гармонию. Различие между мобильными полевыми частями и стационарными приграничными подразделениями исчезло.

Имевший место процесс локализации сильно сократил полевую армию каждого региона до размеров, немногим превосходившим милицию, тогда как скудность средств привела к тому, что правительство поощряло солдат, владевших земельной собственностью, обзаводиться оружием и экипировкой на собственные средства. В результате эволюции к X в. образовалась особая категория «военных земель», имевших специальный защищенный статус, которые правительство рассматривало как основу для рекрутского набора в провинциальные армии. Таким образом, армия конца VIII в. и далее состояла из нескольких категорий солдат: регулярные войска профессионалов (основа фемных вооруженных сил), прочие подразделения наподобие милицейских (составлявшие большинство), постоянные профессиональные войска (имперские подразделения или *тагмы* (*tagmata*)) в Константинополе, иноземные наемники (хазары, курды, турки и прочие). Имперские военно-морские силы были реорганизованы подобным же образом к тому же самому периоду путем учреждения флота в нескольких провинциях для прибрежной обороны, поскольку начиная с 650 г. арабские боевые корабли стали серьезной морской угрозой для империи (Haldon 1997: 208–53 и 1999: 79; Whittow 1996: 113–25).

В разное время и в разных местах солдат содержали по-разному. С IV по VII вв. всем подразделения обеспечивали продовольствием, хотя с конца V в. на Востоке его заменили наличными, так что полковые комиссары закупали провиант и все необходимое на местных рынках или напрямую у производителей, после чего раздавали солдатам. Мобильные подразделения получали довольствие от доходов провинций, на территории которых располагались, в обмен на расписки об освобождении от уплаты налогов в следующем году. Такой порядок был введен администрацией префектуры претория для того, чтобы расходы на армию можно было учитывать при регулярном налогообложении. О вооруженных силах, проходивших по территории региона, администрацию информировали заранее для того, чтобы провиант можно было поставлять на марше – на всей протяженности маршрута следования войск. Экипировку, в том числе одежду, а также лошадей и оружие собирали в виде натурального оброка или производили в государственных мастерских. Во всей империи, в городах было несколько

оружейных факторий. В конце VI в. оружие и одежду войска закупали самостоятельно, на специальное денежное пособие. Армейские лошади поставлялись в виде оброка и закупались по фиксированным ценам, некоторые – на императорских конских заводах. Поставки железной руды, древесины, угля также осуществлялись за счет натурального налогообложения.

Кризис второй половины VII в. повлек за собой изменения данного порядка. Большая часть накладных расходов по содержанию армии была напрямую перенесена на счет местного населения. Наличные платежи сократились до минимума, а войска в большинстве своем содержались за счет поставок в виде натурального оброка напрямую от населения по местам их расположения. Повсеместное размещение солдат облегчало это, приводя в результате к растущей зависимости от солдатских подсобных домохозяйств в вопросах снабжения провизией и даже оружием. К концу VIII в. многих солдат в провинции призывали только на определенную часть года. Оружие, обмундирование, лошадей и вьючных животных продолжали брать в виде натурального оброка. Однако, несмотря на эти изменения, снабжение армии, в особенности в ходе военных действий, оставалось весьма сходным с тем, как оно осуществлялось до 650 г., и к IX в., хотя и в сокращенном и преобразованном виде, по-прежнему действовала позднееримская его структура (Haldon 1999: 139–48).

Структуры, развивавшиеся на протяжении VII–VIII вв. в совокупности принято называть «системой фем», хотя термин «*фема*» возникает в несовременном ему источнике к началу IX в., а военные провинции обозначали общим названием «команды» – *стратегии* (*strategiai*). Наступательные боевые действия периода, начиная с середины IX в., имели особенно важные последствия для этих нововведений. Фемные милицейские войска не годились для наступательных операций и поэтому, отчасти под руководством растущей элиты провинциальных землевладельцев-военных офицеров, начали развиваться регулярные полевые армии с более сложной тактической структурой, специальными навыками ведения боя, вооружением и более агрессивным общим характером. Постоянные профессиональные подразделения играли возрастающую роль, поскольку государство начало заменять фемную воинскую повинность наличными платежами, которые затем использовали в качестве жалования наемникам. Результатом стала пестрая, многонациональная армия, как отмечалось внешними наблюдателями, состоявшая из местных подразделений наемников, а также из иноземцев – росов, норманнов, тюрок, франков, как в пехоте, так и в кавалерии. Возможно, наиболее известными из них являются знаменитые варанги-варяги (росские и скандинавские авантюристы и наемники), впервые рекрутированные в правление Василия II. Среди их наиболее выдающихся лидеров был Гаральд Гардрада, позднее ставший королем Норвегии (1046–1066) и встретивший смерть от руки английского короля Гарольда Годвинсона в битве у Стамфордского моста в 1066 г. Гаральд сражался во главе варягов с 1034 г. приблизительно до 1041 г. (ODB 902).

Развивались новые стратегические и тактические командные структуры. Появлялись также и новые военные округа, начиная с преобразований прежних *клицур* (*kleisourai*) – маленьких приграничных команд – в *фемы* (*themata*), параллельно с объединением покоренных территорий в фемы, обычно совсем неболь-

шие и сгруппированные вокруг главных крепостей¹. Самые крупные и в военном смысле более боеспособные части имперских *тагм* (*tagmata*) и подобным же образом наемники, располагались начиная с 970-х гг. вдоль границ. Наиболее крупные воинские части развивались, каждая под командованием *дуки* (*doux*) или же *катепана* (*katepano*), независимо от местной (фемной) администрации, образуя щит из провинций, прикрывающий прежние фемы. Подобный порядок был установлен и на Балканах, и в западных провинциях (McGeer 1995: 197–224; Haldon 1999: 74–85).

Но успешные наступательные военные действия имели и отрицательные последствия. Переоценка имперской военной силы и пренебрежение оборонительными мероприятиями со стороны центрального правительства, пытавшегося таким образом свести на нет влияние провинциальной (военной) элиты, ослабило ее способность гибко реагировать на внешние угрозы нападений. Фемные вооруженные силы постепенно утратили свое значение. Армии наемников сами начали использовать политические разделения в обществе, занимая чью-либо сторону, что приводило к гражданской войне и краху оборонительных структур империи. Результатом этого явилось поражение при Манцикерте, последовавшие затем гражданские войны и завоевание центральной Анатолии тюркскими скотоводами-кочевниками (Kühn 1991; Haldon 1999: 85–93 and 2003; Vryonis 1971).

В результате масштабных военных и финансовых реформ при императорах династии Комнинов после 1081 г. была воссоздана должным образом оплачиваемая и обученная армия. Части иноземных наемников продолжали играть видную роль, но благодаря формированию местных, византийских подразделений наемников, специализированных в различных родах войск, восстановилась способность имперских армий сражаться с внешним противником на своих собственных условиях. Отчасти основой этого послужили наращивание и содержание войск путем предоставления государством некоторым лицам доходов от собственности – *прони* (*pronoia*) – в обмен на содержание и обучение солдат, как пехотинцев, так и кавалеристов. Растущее влияние Запада, выразившееся во введении новых видов вооружения, как, например, арбалета, и усвоение западной кавалеристской тактики отличает этот период от предыдущего столетия. В отношении стратегического управления, в тех случаях, когда термин *фема* (*thema*) все еще использовался, он просто означал «провинция», а система дукатов, сохранившаяся с конца X–XI вв., стала основной моделью военной организации (Birkenmeier 2001: 30–3; Kühn 1991: 168–9; Haldon 1999: 94–8).

К концу правления Мануила I (1143–1180) воссозданные фемы Малой Азии тянулись от Трапезунда на юго-восточном участке Черного моря к западу через Пафлагонию и вокруг западной оконечности центрального плато вниз, в сторону Киликии. Армии, базировавшиеся в данном регионе, находились под командованием *дук* (*doukes*), которым обычно принадлежала как военная, так и гражданская власть, тогда как крепости и города были под управлением имперских чиновников, называвшихся *прокафимены* (*prokathemenoi*), при поддержке или содействии

¹ Так называемые малые или «армянские» фемы (прим. ред.).

кастрофилак (*kastrophylax*), или «командующего крепостью». Сооружение крепостей, формирование гарнизонов и содержание постоянно действующей армии было, однако же, дорогостоящим и, в конечном итоге, оказывалось чрезмерным для имперской казны, а структурная несостоятельность административно-управленческой системы Комнинов, проявившаяся после смерти в 1180 г. Мануила I, вторжения сицилийских норманнов на Балканы и IV Крестовый поход полностью положили конец всякой надежде на восстановление византийского правления в Малой Азии. Тем не менее, правители Никейской империи построили на этом комниновском фундаменте свою собственную систему, которой они во многом были обязаны своими успехами в отпоре и, на некоторое время, дальнейшем сдерживании продвижения тюрок в регионе. Но система *фем* с располагавшимися в них военными подразделениями под управлением дук требовала постоянных расходов и императоры династии Палеологов могли позволить ее себе лишь на короткое время. Степень зависимости от наемников-иноземцев поначалу зависела от обстоятельств. Никейские императоры в существенном количестве использовали наемников-латинов (в основном кавалерию), и эта практика, разумеется, продолжалась, несмотря на проявившуюся вскоре разницу между войсками латинских наемников «на жаловании», с одной стороны, и отдельных латинских рыцарей, наделенных доходами от проний, с другой стороны. Войскам местного формирования, как конным, так и пешим, гарнизонам приграничных и прочих крепостей выплачивали небольшое содержание и поддерживали рядом налоговых льгот и привилегий. В конце XIII в. основное различие между полевыми армиями и провинциальными гарнизонными войсками заключалось в том, что первые формировались из наемников или содержались за счет *проний*, тогда как вторые обеспечивались прежде всего за счет освобождений от налогов. Но существуют и становятся все более многочисленными сведения относительно сокращения составляющей латинского наемничества и замены его турецким. Турки начинают с того времени играть все более выдающуюся роль, многие из них упоминаются в источниках как *туркопулы* (*Tourkopouloi*), термин, использовавшийся для обозначения отпрысков турок-христиан (Birkenmeier 2001: 156–68; Bartusis 1992: 137–212).

Поскольку ресурсы становились все более и более ограниченными, солдат полевой армии содержали за счет проний, таким образом, мало-помалу сглаживая различия между полевыми и гарнизонными подразделениями. С конца XIII в. в источниках упоминаются различные особые категории солдат, нанятых для службы в восстановленном и вновь учрежденном при Михаиле VIII флоте, отличавшиеся друг от друга условиями рекрутского набора и службы: *гасмулы* (*Gasmouloi*), изначально – лица греческого и латинского происхождения, оплачивались как наемники; *цаконы* (*Tzakones*) или *лаконы* (*Lakones*), выходцы с северного Пелопоннеса, служили в легковооруженных войсках на тех же условиях. *Фелематарии* (*Thelematarioi*), или «добровольцы» служили, получая в качестве оплаты от императора земельные наделы в районе Константинополя, тогда как *просаленты* (*Prosalentai*) также, вероятно, получали земли где-либо в прибрежных районах и на островах в уплату за службу гребцами на имперских кораблях. К началу XIV в. командующий провинциальной армией и гражданской админи-

страцией носил звание *кефала* (*kephale*) – «главы», а подконтрольные ему регионы, называвшиеся *катепаники* (*katepanikia*), обычно включали крепость и поселения в ее окрестностях. Прежние *дуки* (*doukes*) и *прокафимены* (*prokathemenoi*) с их федами исчезли, как только империя уменьшилась в размерах, а ее территориальная структура претерпела соответствующие изменения и преобразования. Финансовая администрация осталась независимой и находилась под прямым контролем правящего центра.

Армии XIV–XV вв. были разношерстными: солдаты союзников с соседних территорий, такие как сербы, болгары, аланы (последние – выходцы с Северного Кавказа), половцы (тюрки), сельская милиция в провинциях, служившая за освобождение от налогов; иноземцы, которым в обмен на военную службу предоставлялась земля (нововведение, благодаря которому, к примеру, в начале XIV в. на службу набирали куманов¹); военизированные товарищества (вооруженные роты) наемников, например, каталонцы², а также держатели проний различных размеров. Начиная с 1320-х гг., а в особенности с 1330-х гг. турецкие солдаты из различных союзнических эмиратов Малой Азии использовались Византией в ходе военных походов в Европу, а поскольку большая часть Малой Азии, за исключением небольшого числа прибрежных городов, была утрачена, единственной практически применимой стратегией для региона оставалась стратегия сдерживания и дипломатии. К концу XIV в. турецкие «союзники» уже доминировали, прежние объединенные вооруженные силы Сербии и Болгарии фактически прекратили боевые действия в направлении Византии, что знаменовало начало турецкой (османской) оккупации Балкан, начавшейся с захвата Галлиполи в 1350 г. (Bartusis 1992: 137–90).

Частые гражданские войны в последнем столетии истории империи лишь истощили ее средства и поставили в почти полную зависимость от иноземных войск в том, что касалось ее выживания и сохранения власти императора в Константинополе. К 1360 г. имперские вооруженные силы исчислялись сотнями, а не тысячами и, поскольку наименования нескольких прежних военизированных формирований все еще фигурируют в нарративных источниках, было сделано предположение, что они выжили, сохраняясь в уменьшенном виде до самого падения столицы в 1453 г. Но большинство византийских армий, возглавляли италийцы или турки, несшие службу либо в качестве союзников, либо в качестве наемников. Армия, оборонявшая столицу от войск Мехмеда II в 1453 г. была, вероятно, типична: небольшое количество местных солдат, италийцы из некоторых крупных городов (Генуя, Венеция и пр.), критяне, жители острова Хиос. Их насчитывалось, вероятно, всего около 7000–8000, из которых, предположительно 5000 были византийцами. Все подобные расчеты основаны на зачастую противоречивой информации, приводимой в источниках, из которых многие являются свидетельствами очевидцев, но этот скромный подсчет дает некоторое представление о ситуации в империи в ее последние дни, подразумевая тот факт, что многие иноземцы, так же, как и византийцы, успешно служили в рядах

¹ Половцы (прим. ред.).

² Наемная каталонская пехота-алмуагвары (прим. ред.).

добровольцев (венецианцы, к примеру, вставали на защиту своего собственного квартала и интересов) (Bartusis 1992: 120–35, 258–70; Runciman 1965).

Имперские военно-морские силы в позднеримский период были относительно ограничены. Небольшие флотилии базировались вдоль берегов Дуная; имелся свой флот в Равенне, флотилия в Константинополе. *Квестура* (*quaestura*) – детище Юстиниана не пережила изменений первой половины VII в., хотя районы Эгеиды продолжали поставлять людей и корабли. Возникшие в конце VII в. военно-морские корпуса, известные как «корабельные войска» или *карависианы* (*Karabisianoi*), являлись, вероятно, сохранившимся элементом *квестуры*. В виду огромной угрозы, которую представляли арабские военно-морские силы начиная с 660-х гг., данное подразделение переросло в центральный элемент провинциальных военно-морских сил средневизантийского государства. Флот, относившийся к району Эллады, также, без сомнения, организовался к началу 690-х гг. В то же время, имперский флот, базировавшийся в Константинополе, вероятно, расширился и участвовал во многих боевых действиях против мусульманского военно-морского флота начиная с 650-х гг., являясь ключевым орудием при снятии осад периода 674–678 гг. и 717–718 гг. (Ahrweiler 1966; Haldon 1997: 212–20; ODB 663–4, 1444; Pryor and Jeffreys 2006: 19–34).

Осознавая потребность в эффективно действующем флоте, империя расширяла военно-морские силы. Приблизительно к 830 г. уже существовали три основные военно-морские фемы: на побережье Эгейского моря, на Самосе, Кивирриоты (*Kibyrrhaiotai*) плюс имперский флот и небольшие флотилии в Элладе и на Пелопоннесе. На Западе потеря Карфагена (в 690-е гг.) и североафриканского побережья лишила империю ее военно-морских баз в этом регионе. Возможно, военно-морскую деятельность продолжала и поддерживала Сицилия, кроме того, существует небольшая вероятность военно-морских действий империи у Балеарских островов. Но с конца 840-х гг. Балеарские острова уже давали приют пиратам и разбойникам, а к началу IX в. империя, вероятно, утратила заинтересованность в Западном Средиземноморье. Невозможность должным образом содержать флот (что оказалось дорогостоящим) в те времена, когда Сицилия, а потом Крит были в 820-е гг. завоеваны, привела к тому, что последний особенно быстро стал исходным пунктом постоянных морских атак на прибрежные земли империи.

Со времен Василия II императоры считали, что дешевле рассчитывать на союзников и вассалов (союзнические и зависимые государства), таких, как Венеция, нежели оплачивать дорогостоящий, постоянно действующий флот в Константинополе. Несмотря на то, что империя стала все в большей степени зависеть от невизантийских сил, чьи интересы зачастую носили потенциально враждебный характер, ее флот был значительно сокращен в течение XI в. (Pryor and Jeffreys 2006: 34–122).

При Алексее I имперский флот подвергся кратковременной реконструкции. В первые несколько лет своего правления он реорганизовал командные структуры флота, учредил новую высшую командную должность – *мегадуку* (*megas doux*) – и объединил остатки провинциальных флотов с императорской флотилией Константинополя. Некоторые усилия были потрачены на возобновление

существенного военно-морского присутствия в Эгейском море и Адриатике. Для поддержки имперского флота на Эгейских островах были установлены специальные «военно-морские» налоги в виде обеспечения продовольствием определенного количества боевых кораблей и моряков или сбора средств в натуральной и денежной форме. Но император Мануил позволил свести к минимуму эти обязательства. Наемные матросы и корабли, а также союзники продолжали играть центральную роль, но преемники Мануила снова позволили флоту придти в упадок. К концу XII в. империя оказалась беспомощной перед лицом превосходивших военно-морских сил, которые способна была тогда собрать Венеция или другая крупная италийская республика. Лишь на короткое время в ходе недолго продлившихся реформ при Михаиле VIII была сделана хоть какая-то попытка снова восстановить независимость имперских военно-морских сил, но и она потерпела неудачу из-за недостатка средств, от которого страдала империя первой половины XIV в., погруженная в смуту разрушительными гражданскими войнами (Ahrweiler 1966; Birkenmeier 2001; Haldon 1999: 79, 94–7; Bartusis 1992: 44–5, 58–61).

ЛИТЕРАТУРА

- AHRWEILER, H. 1966. *Byzance et la mer: la marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VII–XV siècles* (Paris).
- BARTUSIS, M. C. 1992. *The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204–1453* (Philadelphia).
- BIRKENMEIER, J. W. 2001. *The Development of the Komnenian Army: 1081–1180* (Leiden).
- CAMERON, A. M. (ed.) 1995. *States, Resources and Armies: Papers of the Third Workshop on Late Antiquity and Early Islam* (Princeton).
- DIXON, K. R., and SOUTHERN, P. 1996. *The Late Roman Army* (London).
- ELTON, H. 1996. *Warfare in Roman Europe, AD 350–425* (Oxford).
- HELDON, J. F. 1997. *Byzantium in the Seventh Century: The Transformation of a Culture* (Cambridge, 2nd rev. edn.).
- 1999. *Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565–1204* (London).
- 2003, ‘Approaches to an alternative military history of the period ca. 1025–1071’, in V. N. Vlyssidou (ed), *The Empire in Crisis (?): Byzantium in the 11th century (1025–71)* (Athens): 45–74.
- JONES, A. H. M. 1964. *The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic, and Administrative Survey* (Oxford).
- KÜHN, H.-J. 1991. *Die byzantinische Armee im 10. Jahrhundert* (Vienna).
- LEE, A. D. 1998. ‘The army’, in *CAH* 13: 211–37.
- MCGEER, E. 1995. *Sowing the Dragons Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century* (Washington, DC).
- PRYOR, J., and JEFFREYS, E. 2006. *The Age of the ἈΠΟΜΩΝ: The Byzantine Navy ca. 500–1204* (Leiden).
- RUNCIMAN, S. 1965. *The Fall of Constantinople 1453* (Cambridge).

- VRYONIS, S. 1971. *The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century* (Berkeley–Los Angeles–London).
- WHITBY, L. M. 2000. 'Armies and society in the ancient world', in *CAH* 14: 469–95.
- WHITTOW, M. 1996. *The Making of Orthodox Byzantium, 600–1025* (Basingstoke).

Углубленное чтение

- HALDON, J. H. 1995. *State, Army and Society in Byzantium: Approaches to Military, Social and Administrative History* (Aldershot).
- 2001. *The Byzantine Wars* (Stroud).
- 2002. *Byzantium at War* (Oxford).
- OIKONOMIDES, N. (ed.) 1997. *Byzantium at War* (Athens).
- TREADGOLD, W. 1995. *Byzantium and its Army, 284–1081* (Stanford).

Глава III.10.3 ДОХОДЫ И РАСХОДЫ

Вольфрам Брандес
Джон Хэлдон

За исключением последних двух столетий существования империи большую часть государственного дохода получали в сельскохозяйственном и связанных с ним производствах. Сумма дохода, полученного от торговли и таможенных платежей, в зависимости от периода варьировалась, – временами она могла быть и значительной, как, например, в течение VI или XI–XII вв., но ее всегда перевешивали доходы от сельского хозяйства. В точности оценить соотношение между двумя источниками невозможно из-за отсутствия количественных данных. Однако к концу XIII в. в связи с уменьшением территории империи торговля приобретает более важное значение, вследствие чего ослабленное Византийское государство было вынуждено столкнуться в конкурентной борьбе за указанные ресурсы с итальянскими торговыми городами (Matschke 2002).

Основополагающий принцип римского и византийского налогообложения заключался в максимальном увеличении площади землепользования и, следовательно, доходов. В позднеримский период это достигалось за счет системы, в которой земли регистрировали для налогообложения, но не обрабатывали, приписывая их при начислении налога находившимся по соседству землевладельцам. Данный процесс был известен как *adiectio sterilium*. Налог начислялся в соответствии с формулой, связывавшей землю определенного размера, качества, вида выращиваемых культур с рабочей силой, – формулой, упоминавшейся в письменных источниках как система *capitatio-iugatio*. Земля несельскохозяйственного использования не подлежала прямому налогообложению. Налоговое бремя перераспределялось в определенные промежутки, изначально – циклично, каждые пять, десять или пятнадцать лет, хотя на практике это происходило гораздо менее регулярно. Основой обложения являлись кадастровые записи, которые, по крайней мере, до конца VI в., а, возможно, и после, упрощали ежегодное бюджетирование. Начиная с VII или VIII вв. был введен целый ряд изменений. Предполагалось, что каждый объект налогообложения должен давать фиксированный доход, распределяемый между налогоплательщиками, которые несли совместную ответственность за не-

доимки, деля их между собой. Объект налогообложения, в сущности, — община, сообща отвечал по платежам и задолженностям тех земель, которые относились к данному объекту налогообложения, но по тем или иным причинам не обрабатывались. Как компенсацию в облегчение этого налогового бремени можно было просить и получить освобождение от налогов, но если община снова принимала в обработку земли, за которые отвечала таким образом, ей также приходилось выплатить и недоимки, образовавшиеся вследствие освобождения от налогов. На протяжении того же самого периода города утратили свою роль ключевых посредников в процессе сбора налогов, в большинстве своем переданную отныне имперским чиновникам в провинциях и сельским общинам или *хорионам* (*chorion*), которые сами по себе являлись объектом налогообложения (Kaplan 1992: 89 ff., 95–100, 186 ff.; Oikonomides 1996: 24–41, 46–66; Lefort 2002: 279 ff.).

Основополагающие принципы такого правопорядка, включая общинную ответственность за необрабатываемую землю, не изменились и после периода преобразований в конце VII в., хотя процесс, посредством которого государство привлекало целевые объемы доходов, протекал, развивался и видоизменялся. В частности, земельный и подушный налоги перестали выступать как взаимосвязанные: вместо комбинированного обложения по системе *capitatio-iugatio* земельный налог или *канон* (*kanon*) отныне применялся отдельной позицией, с заменой на подушный налог, известный как *канникон* (*kannikon*) или «налог с домашнего очага», взимавшийся с каждого домохозяйства. Эти изменения не могли произойти внезапно, и хотя не сохранилось актов имперского законодательства, которые позволяли бы нам понять, когда и как они произошли, но завершены они были к середине IX в., а, возможно, и задолго до того (Haldon 1997: 173–207; Brandes 2002; Oikonomides 1996). Средневизантийская система к X в. обросла регистрационными записями и постановлениями о частной собственности предыдущих периодов. Византийская империя развила одну из наиболее успешных систем регистрации земельной собственности и налогообложения в средневековом мире, а также одну из наиболее изощренных бюрократических систем для управления ею.

Регулярное налогообложение земли было дополнено широким рядом чрезвычайных налоговых сборов и отработок, включая обязанность принимать на постой солдат и чиновников, содержать дороги, мосты, укрепления, поставлять и / или производить длинный перечень товаров, как, например, уголь или лесоматериалы, древесину в качестве повинности. Этот порядок сохранялся в целости на протяжении среднего и поздневизантийского периодов, хотя латинские наименования повинностей были преимущественно заменены греческими или эллинизированными эквивалентами. Некоторые типы земельной собственности всегда освобождались от многих таких дополнительных налогов, в частности, земля, находившаяся в собственности у военных, и принадлежавшая лицам, зарегистрированным на службе в ведомстве общественной почты, поскольку такие собственники в определенной мере зависели от своего имущества при исполнении должностных обязанностей. Кроме того, чиновники налоговой службы взыскивали целый ряд зачастую непомерных платежей с налогоплательщиков в счет полагававшегося им жалованья. Эти платежи, количество и частота которых, похоже, увеличились с X в. и далее, в конце XII в. уже наносили урон, поскольку

центральная администрация начала «забывать» регулярно оплачивать труд своих чиновников (Harvey 1989: 102–11; Oikonomides 1996: 76 ff.). Коммерческие доходы в больших и малых городах возрастали и могли время от времени достигать значительных размеров, но, как мы уже сказали, только под конец существования империи могли сравняться с полученными в сельском хозяйстве (Harvey 1989: 226–43; Dagron 2002).

Хотя основной поземельный налог и сопутствующий налог с очага и стали фундаментальными элементами системы налогообложения, она осложнялась прибавлением широкого ряда дополнительных, косвенных и эпизодических сборов: кроме необычных налогов натурой или вышеупомянутых услуг сборщики налогов от правительства стали добавлять сверх требуемого все больше и больше дополнительных сборов в форме платы за свои услуги и за повинность оказывать им гостеприимство (которая впоследствии заменялась деньгами), так что налоговая система стала непомерно разветвленной. К XI в. дополнительные налоги и индивидуальные запросы чиновников-сборщиков налогов зачастую превосходили регулярный (постоянный) земельный налог на значительную величину. С 1060-х гг. обесценивание монет из драгоценных металлов вкупе с коррупцией среди бюрократии привело практически к крушению налоговой системы (Harvey 1989: 97–9, 105–14; Oikonomides 1996: 85–121, 143–5; 2002: 1019–26).

Основополагающие преобразования были произведены не ранее начала XII в., когда император Алексей I по причине инфляционного давления, сложности и хаотичного характера прежней системы попытался ввести важные изменения. Прежние налоги и повинности были рационализированы, установлены стандартные ставки, в бюрократической системе наведен порядок (Morrisson 1979; Harvey 1989: 96–102). Но, поскольку богатым и влиятельным гражданам удавалось добиться освобождения от многих налогов для себя лично и для своих земель, груз государственных потребностей лег на плечи как никогда угнетенного крестьянства; как следствие, все более явное социальное разделение в империи, возросшее с эволюцией новой, средневизантийской элиты, которая постепенно превратилась в аристократию, должностную или по рождению. В конце IX в. система общинной ответственности за необрабатываемые участки была преобразована в систему, согласно которой такую землю могли временно освободить от налогообложения, отделить от налоговой территории, к которой она изначально относилась, и дальше управлять ею обособленно или предоставить специальные условия сокращения налогообложения. Такие меры вмешательства, вероятно, были направлены на сохранение как можно более строгого контроля над земельными ресурсами как источником налоговых поступлений. Кроме того, в тот же период в целях поддержания контроля над базой налогообложения и конкуренции с элитой и власть имущими само государство стало преобразовывать налогооблагаемые земли в государственные, так что рентные платежи правительству как землевладельцу отныне во многих отношениях не отличались от налоговых. Эволюция *прони* на протяжении конца XI–XII вв. (средне- или долгосрочная дотация из доходов казны, обычно для того, чтобы содержать одного и более воинов, удовлетворяя их нужды) представляла собой альтернативный способ перераспределения государственных средств, но также становилась и причи-

ной совмещения сфер действия различных налогов (Oikonomides 1996: 153–224; Magdalino 1997; Kaplan 1992: 359–73).

До конца XII в. правительству удавалось сохранять весьма эффективный контроль над налоговыми средствами (Oikonomides 2002: 990–1019). Но рост аристократии, в X в. впервые принявший угрожающие государству масштабы, продолжался. Выходцами из числа элиты являлись императоры конца IX в., а кто именно из них находился у власти в значительной мере определялось их способностью вступать в родственные альянсы – посредством брака, удельного правления и т. д. с равными себе. В частности, после 1204 г. передача императорской власти стала основным методом имперского управления и администрирования, при помощи которого привлекали государственные ресурсы. Централизованное налогообложение – поземельный налог и сопряженные с ним налоговые сборы оставались основой правительственных финансов, но, поскольку империя территориально уменьшалась, более важную роль стала играть торговля, хотя и она уже была ограничена силой и доминирующей позицией в международной торговле италийских купцов и средиземноморских держав. Тот факт, что внешнеторговый *коммеркий* (*kommerkion* – таможенный сбор) стал к концу империи более важным источником доходов, нежели поземельный налог, является подтверждением неразрешимой проблемы, вставшей перед императорами в последнее столетие существования Византии (Maksimović 1988; Oikonomides 2002: 1026–39).

К концу XIII в. поземельный налог был повышен на основе единой ставки, устанавливаемой для равных промежутков времени, но изменяемой в соответствии с местными условиями и другими факторами, а налог на рабочую силу введен вновь как индивидуальный налоговый сбор с крестьян-арендаторов и их домашних хозяйств. Дополнительные налоги и сборы продолжали повышаться, некоторые из них стали начисляться на землевладельцев, к примеру, многие из них предназначались для специальных типов правительственных расходов или для покрытия затрат государства в случае особой необходимости, такой, как оплата набора на военную службу наемников, выплата дани иностранным государствам. В одном случае на Пелопоннесе на протяжении первой половины XV в. налоги, вводившиеся османами, контролировавшими регион на протяжении приблизительно 16 лет после 1404 г., сохранила и Византийская империя, вступившая во владение данной территорией, так что терминология исламского налогообложения приобрела византийский контекст: *ушр* (*ushr* – десятина), *харадж* (*haradj* – поземельный налог) (например, см.: Laiou-Thomadakis 1977: 158–82; Oikonomides 2002: 1033–9).

Подсчитать доходы государства весьма сложно. Один приблизительный расчет для Восточной империи VI в., включая Северную Африку и италийские префектуры, оценивает общий доход наличными в 5–6 млн. *солидов*, причем большинство этой суммы – поступления из Египта и префектуры Восток¹. Последние исследования отражают весьма драматичный спад в результате утраты в се-

¹ Ср. аналогичные расчеты: Серов В. В. Финансовая политика ранневизантийского императора (анализ мероприятий Анастасия I). – Барнаул, 2000; Серов В. В. Чрезвычайный бюджет Византии в VI в. – Барнаул, 2010; Серов В. В. Финансовая политика Юстиниана Великого. – Новосибирск; Барнаул, 2011 (*прим. ред.*).

редине VII в. восточных провинций – до менее, нежели 1,5 млн. *солидов* и дальнейшее постепенное повышение до 3 млн. или немногим более того к середине IX в. (Hendy 1985: 157–73, with 173–201; Morrisson 2002: 936–46, с табл. 6). Подъем был, таким образом, весьма медленным и продлился вплоть до IX в. Хотя Анатолия лишь отчасти находилась под имперским контролем, к середине XII в. доход вновь вырос и составил около 60 % от аналогичной суммы VI в., а после потери еще части территории, приблизительно к середине XIV в., он снова снизился до менее, чем 25 % этой суммы. Это, конечно же, исключительно грубый подсчет, ставший предметом большого числа нареканий. К тому же нам приходится вести расчет, учитывая изменяющуюся стоимость средств, полученных в натуральной форме или трудозатрат от различных государственных повинностей, то есть, к примеру, то, что их соотношение к денежному доходу, должно быть, значительно возрастало в период с середины VIII до середины IX вв., хотя потом государство снова компенсировало затраты по этим повинностям. Эти цифры неизбежно являются предметом весьма существенных оговорок и представляют собой лишь то, что может быть рассчитано, иногда лишь очень приблизительно, исходя из сопоставления данных риск-анализа (*die analisis*) количества наличных денег и объемов производства, данных источников и математического моделирования экономических индикаторов для доиндустриальных экономических систем.

Подтверждением тому является и столь же приблизительный и сомнительный подсчет имперских расходов, хотя нет никаких сомнений в том, что большую часть периода между правлениями Юстина II и Василия II армия и связанные с ней военные расходы в той или иной форме поглощали большую часть ежегодного дохода государства на уровне как минимум 35 %, а, возможно, и намного больше – в VI в. и даже еще большую их часть – в материально затруднительных обстоятельствах VII–VIII вв. (Hendy 1985: 158–9, 168–72; Oikonomides 2002: 1010–16). Двор тратил деньги на строительные работы, щедро одаривал армию, субсидировал соседние и отдаленные государства, в последнем случае зачастую на очень существенные суммы. К примеру, Гуго Прованский, король Италии получал около 7200 *номисм* наличными, не считая подарков – шелков и столового серебра, как защитник имперских интересов в борьбе с ломбардскими мятежниками в 935–936 гг. На всем протяжении истории империи двор выплачивал значительные суммы золотом и серебром иноземным правителям, в частности, вождям кочевых племен за оказание помощи или нейтралитет, подтверждением чему являются клады, обнаруженные в степи, в северной и северо-западной части Дуная (Oikonomides 2002: 1016; Laiou 2002: 692 ff.; Curta 2005). Он также вкладывал средства в сложную систему *роги* (*rogai*) или государственных выплат¹ в соответствии с рангами и титулами дворцовой иерархии – приблизительно подсчитано, что сумма жалований 60 ведущих имперских служащих при дворе и в провинции в X в. равнялась около 60 000–80 000 *номисм* в год, к чему следует добавить сумму, возможно в два-три раза большую, – *роги* царских особ (Oikonomides 2002: 1010 ff.). И хотя приобретение земель для обогащения

¹ Возм.: пенсий (прим. переводчика).

всегда сохраняло свое значение, многие представители элиты, за исключением нескольких знатных фамилий в столичной зоне, сильно зависели от весьма значительных сумм, полученных ими в качестве оплаты труда в золотых монетах и ценных шелках. Это отражало и природу централизованной имперской политической иерархии, и культурное превосходство двора и дворца, а также ряд других факторов, как, к примеру, тот факт, что на протяжении VII–IX вв. значимые по размерам территории даже тщательно защищенных внутренних провинций были объектом вражеской, экономически деструктивной деятельности, так что вложения в земельную собственность далеко не всегда окупались. Император Никифор I наградил Михаила (позднее Михаила II) и Льва (позднее Льва V), выдавших Вардана Турка, верховными военными должностями и императорской земельной собственностью (Kaplan 2006a). Годовой доход, полагавшийся сановнику, занимавшему высшую военную или гражданскую должность, колебался от 10 до целых 40 литр в золотых монетах ежегодно, так что за относительно короткий период можно было скопить состояние весьма существенных размеров в форме ликвидных активов. Лиутпранд Кремонский отмечал, что многим высшим должностным лицам понадобилась помощь слуг, чтобы унести свое золото, полученное в виде ежегодных выплат огромных сумм государственного жалованья по случаю Пасхи. Должностные лица на уровне *магистров* получали 24 литры золотых монет, *патрикии* – 12 литр золота каждый, и так далее по нисходящей, до представителей самых низших должностей, получавших всего 1 литру золотых монет. Неизвестно, насколько точны цифры, приведенные Лиутпрандом, но список заработных плат имперских военных правителей содержит аналогичные данные о размере таких доходов. Следует, впрочем, также учитывать, что фемные *стратиги* Малой Азии и южнобалканских территорий, получавшие *роги* или жалованье в размере от 10 до 40 литр золотых монет в год, обязаны были из этой суммы также оплачивать услуги своей свиты и домохозяев (Oikonomides 1997: 202–3). С начала X в. оплата труда титулованных особ приобрела упорядоченный характер, но, в конечном итоге, стала обходиться слишком дорого: ситуация ухудшилась настолько, что при Алексее I выплату *роги* имперским титулованным особам отменили (Oikonomides 1997: 207–8).

Далее следовали ставки ежегодных выплат различным провинциальным армиям – для солдат, офицеров и штабных должностных лиц, обслуживающего персонала, который был значителен. В начале IX в. выплаты феме Армениаков суммарно составили 93 600 *номисм*; феме Македония – около 79 200 *номисм*. В то время имелось, по меньшей мере, двенадцать таких военных провинций, хотя и весьма различных по размеру (Армениаки и Анатолик были однозначно из числа самых крупных и наиболее затратных), но, тем не менее, это указывает на характер расходов, которые государство несло по их содержанию. Кроме того, имелись и воинские подразделения, содержавшиеся централизованно, *тагмы* (*tagmata*), подразделения наемников с гораздо большим жалованьем в расчете на человека по сравнению с провинциальными армиями, хотя поначалу они и были существенно ограничены в количестве. К этому следует добавить стоимость содержания остальных бюрократических и административных правительственных подразделений Константинополя и провинций, наряду с накладными расходами,

которые они несли как часть постоянных текущих затрат (Hendy 1985: 181–201). К периодическим затратам на содержание армии и имперского флота следовало также добавить издержки снаряжения войск для целого ряда частых военных походов, а они обычно были весьма затратным дополнительным бременем для государственной казны и населения. Так, походы в Сирию в 910–911 гг. и на Крит в 949 г. обошлись, по самым скромным подсчетам, приблизительно более чем 203 000 *номисм* и 127 000 *номисм* соответственно. Другие походы стоили еще дороже, как, например, поход против сицилийских норманнов в 1155 г., на который потребовалось дополнительно 2 160 000 *иперпиров* (Hendy 1985: 221–3).

Немногие императоры известны истории как составившие солидные накопления финансовых средств. Феофил, предполагается, оставил менее 7 млн *номисм*, а Василий II – более 14 млн, но в последнем случае источник большей части средств – награбленное в восточных походах и в Болгарии, конфискат, дань с соседних государств в уплату за протекторат (Oikonomides 2002: 1016–18). По большей части государственный доход находился, так или иначе, в равновесии с расходами, хотя, опять же, следует иметь в виду существенную сумму материальных благ, напрямую потребляемых в форме поставок для армии, находящейся в походе, работу *дрома* или государственной курьерской и транспортной служб, различные повинности, взимаемые натурой, вышеупомянутое содержание дорог и мостов, производство некоторых видов вооружения, к примеру, наконечников для стрел, гвоздей и снастей для флота и т.д.

Ни одно из этих бюджетных соображений, конечно же, не учитывается при расчете валового национального продукта империи. Значительных размеров доходы получали частные лица и организации, такие, как монастыри и Церковь. Более того, не следует забывать, во-первых, что доход государства был лишь частью общей суммы богатств, произведенных в сельском хозяйстве, торговле и ремесле, и, во-вторых, государственная экономика во многих отношениях оставалась обособленной, если не полностью независимой от экономической деятельности общества в целом (Hendy 1985; Morrisson 2002; Laiou 2002; Oikonomides 2002).

ЛИТЕРАТУРА

- BRANDES, W. 2002. *Finanzverwaltung in Krisenzeiten: Untersuchungen zur byzantinischen Administration im 6.–9. Jahrhundert* (Frankfurt am Main).
- CURTA, F. 2005. 'Byzantium in Dark-Age Greece (the numismatic evidence in its Balkan context)', *BMGS* 29: 113–46.
- DAGRON, G. 2002. 'The urban economy, seventh–twelfth centuries', in *EHB*: 393–461.
- HALDON, J. 1997. *Byzantium in the Seventh Century: The Transformation of a Culture* (Cambridge, 2nd rev. edn.).
- HARVEY, A. 1989. *Economic Expansion in the Byzantine Empire, 900–1200* (Cambridge).
- HENDY, M. F. 1985. *Studies in the Byzantine Monetary Economy, c. 300–1450* (Cambridge).
- KAPLAN, M. 1992. *Les hommes et la terre à Byzance du VIe au XIe siècles: propriété et exploitation du sol* (Paris).

- 2006a. 'Quelques aspects des maisons divines du VIe au IXe siècle', in Kaplan 2006b: 138–156.
- 2006b. *Byzance: villes et campagnes* (Paris).
- LAIYOU, A. E. 2002. 'Economic and non-economic exchange', in *EHB*: 681–96.
- LAIYOU-THOMADAKIS, A. E. 1977. *Peasant Society in the Late Byzantine Empire: A Social and Demographic Study* (Princeton).
- LEFORT, J. 2002. 'The rural economy, seventh–twelfth centuries', in *EHB*: 231–310.
- MAGDALINO, P. 1997. 'The Byzantine army and the land: from *stratitikon ktēma* to military *pronoia*', in N. Oikonomides (ed.), *Byzantium at War (9th–12th Century)* (Athens): 15–36.
- MAKSIMOVIĆ, L. 1988. *The Byzantine Provincial Administration under the Palaiologoi* (Amsterdam).
- MATSCHKE, K.-P. 2002. 'The late Byzantine urban economy', in *EHB*: 463–95.
- MORRISON, C. 1979. 'La logarikē: réforme monétaire et réforme fiscale sous Alexis Ier Comnène', *TM* 7: 419–64.
- 2002. 'Byzantine money: its production and circulation', in *EHB*: 909–66.
- OIKONOMIDES, N. 1996. *Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe–XIe s.)* (Athens).
- 1997. 'Title and income at the Byzantine court', in H. Maguire (ed.), *Byzantine Court Culture from 829 to 1204* (Washington, DC): 199–215.
- 2002. 'The role of the Byzantine state in the economy', in *EHB*: 973–1058.

Углубленное чтение

- BANAJI, J. 2006. 'Precious metal coinages and monetary expansion in late Antiquity', in *Dal Denarius al Dinar: L'Oriente e la moneta romana. Atti dell'incontro di studio, Roma 16–18 settembre 2004* (Rome): 265–303.
- BRANDES, W., and HALDON, J. F. 2000. 'Towns, tax and transformation: state, cities and their hinterlands in the east Roman world, ca. 500–800', in G. P. Brogiolo, N. Christie, and N. Gauthier (eds.), *Towns and their Hinterlands between Late Antiquity and the Early Middle Ages* (Leiden): 141–72.
- CHEYNET, J.-C. 1983. 'Devaluation des dignités et dévaluation monétaire dans la seconde moitié du XIe siècle', *Byzantion* 53: 453–77.
- DÖLGER, F. 1927. *Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders des 10. und 11. Jahrhunderts* (Munich).
- HENDY, M. F. 1989. 'Byzantium, 1081–1204: the economy revisited', in idem, *The Economy, Fiscal Administration and Coinage of Byzantium* (London): no. III.
- KARAYANNOPOULOS, I. 1958. *Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates* (Munich).
- 1966. 'Fragmente aus dem Vademecum eines byzantinischen Finanzbeamten', in *Polychronion. Festschrift F. Dölger zum 75. Geburtstag* (Heidelberg): 318–34.
- KRAVARI, V., LEFORT, J., and MORRISON, C. (eds.) 1989–1991. *Hommes et richesses dans l'Empire byzantin*, 2 vols. (Paris).
- LAIYOU, A. E. 1980–1. 'The Byzantine economy in the Mediterranean trade system: thirteenth–fifteenth centuries', *DOP* 34–5: 177–222.
- 2002. 'The Byzantine economy: an overview', in *EHB*: 1145–64.

- LEFORT, J., BONDOUX, R., CHEYNET, J.-C., GRÉLOIS, J.-R., KRAVARI, V., and MARTIN, J.-M. 1991. *Géométries du fisc byzantin* (Paris).
- LEMERLE, P. 1979. *The Agrarian History of Byzantium from the Origins to the Twelfth Century* (Galway).
- MORRISON, C., and others 1989. *Hommes et richesses dans l'Empire byzantin, I: IVe–VIIe siècles* (Paris).
- OIKONOMIDES, N. 2004. *Social and Economic Life in Byzantium* (Aldershot).
- 2005. *Society, Culture and Politics in Byzantium* (Aldershot).
- OSTROGORSKY, G. 1927. *Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jh.* (Stuttgart).
- SVORONOS, N. 1959. *Recherches sur le cadastre byzantin et la fiscalité aux XIe et XIIe siècles* (Athens-Paris).
- 1976. 'Remarques sur les structures économiques de l'empire byzantin au XIe siècle', *TM* 6: 49–67.
- 1994 (ed. P. Gounaridis). *Les nouvelles des empereurs macédoniens concernant la terre et les stratiotes* (Athens).

III.11. ЦЕРКОВЬ

Глава III.11.1 СТРУКТУРА И АДМИНИСТРАЦИЯ

Майкл Энголд

Майкл Уитби

Епископ был стержнем церковной администрации, которая, несколько спонтанно развиваясь на протяжении 100–500 гг. н. э., стала в империи, с одной стороны, иерархией, контролирующей религиозную деятельность отдельных городов, провинций, епархий. С другой стороны, она была административным фундаментом, выполнявшим самые разнообразные задачи, все чаще выпадавшие на долю Церкви (также см.: III.9.3. Священство, монахи, миряне). Епископская община почти неизменно основывалась в большом городе. Теоретически епископ изначально избирался именно общиной, но посвящение в сан требовало участия соседних епископов, так что и христианская иерархия провинции имела возможность сказать свое веское слово. С IV в. главный епископ провинции, обычно «митрополит» провинциальной столицы, мог иметь право конфирмации, а со времени возникновения Патриархатов некоторым странам потребовалось назначение своих митрополитов. Сеть епископатов распространялась с различной скоростью на разных территориях, но к концу IV в. она очень близко повторяла светские городские структуры, на которых основывалось имперское управление. В городах, необычно больших по занимаемой территории, например, Кесарии Каппадокийской, городскому епископу содействовали «сельские епископы» – *хорепископы* (*chorepiskopoi*); подчас и деревни крупных размеров, и военные поселения также имели собственного епископа (Jones 1964). Славянское и арабское нашествие в VII в. существенно сократили количество епископских кафедр, поскольку количество городов уменьшилось.

Епископы отвечали за богослужение в своих общинах, в том числе – за толкование Св. Писания при разрешении споров и, более всего, за регулярную проповедь. Церковное служение девиствующим, вдовам, странникам, бедным и немощным обусловило ответственность епископа за систему патронажа, чья мощь

росла вместе с благосостоянием Церкви, после того, как Константин позволил ей получать имущество в дар и по наследству, чему сам показал пример пожертвованием существенных размеров в Риме (Brown 1992). Эти выплаты были настолько важны, что Юлиан попытался создать языческий «дубликат» этой системы, опираясь на своих новоявленных верховных жрецов в провинциях.

Епископы приобретали существенное влияние на местах, зачастую вместе с возможностью мобилизовать значительных размеров группы сторонников в свою поддержку, но они также поддерживали хорошие отношения и с потенциальными благотворителями, то есть самыми богатыми членами общества. Сложность этих взаимоотношений находит отражение в агиографии, пример чему – *Житие Иоанна Милостивого*. Константин наделил епископов также и существенной судебной властью и, хотя последующие императоры ограничили права обращения в епископский суд, судейство стало основной составляющей публичных обязанностей епископа (Drake 2002): его судебные решения считались неподкупными, не подлежали апелляции, для достижения компромиссов (мировых соглашений) епископ мог применять имперское законодательство по своему усмотрению (Giardina 2000). В частности, Церковь сохраняла за собой право налагать дисциплинарные взыскания на своих собственных членов (*Cod. Theod.* XVI.2.47), и с этой привилегией приходилось считаться императору, имея дело с провинившимся клириком.

Круг полномочий епископа становился шире, поскольку епископы все чаще кооптировались в управление империей. Как крупные местные землевладельцы епископы участвовали в назначении гражданских чиновников и контроле за их деятельностью, разработке регулятивных документов, к примеру, по строительству, защите своих общин от произвола имперских чиновников, финансировании общественных работ (Liebeschuetz 1990, 2001). Во многих местах епископы *de facto* возглавляли свои общины во всех отношениях; именно епископ ходатайствовал перед императором об освобождении от налогов, организовывал подвоз продовольствия в голодные годы и после вражеских набегов, вел переговоры с военачальниками завоевателей с целью «купить» их покровительство или выкупить пленных, поддерживал дух местного населения в критические моменты, выставляя на всеобщее обозрение реликвии или проводя особые богослужения. Епископ мог даже организовать вооруженную оборону города, а в самом крайнем случае сопровождал паству в изгнании или плену. Обычно деятельность епископа отвечала имперским интересам, но там и тогда, где и когда власть императора ослабевала, инициативы епископа могли ей противоречить: в 478 г. епископу Фессалоники были вручены ключи от города после того, как его жители заподозрили, что император Зинон намеревался расквартировать в городе готов, а в Асеме (Aseumus) в 592 г. местный епископ воспрепятствовал Петру, брату императора Маврикия, включить местный гарнизон в состав своей армии.

Именно список епископских обязанностей и обуславливал выбор того или иного лица; тут важно было принять правильное решение, поскольку сместить епископа с должности было трудно. Святость и другие религиозные качества не оставались без внимания, но обязанности епископа были мало привлекательны для лица, всецело преданного аскетическому идеалу, так, например, Иаков Ни-

сибирский был обеспокоен нарушением режима его аскезы. Если аскет все же уступал давлению и принимал сан, последствия могли быть неблагоприятными: Феодор Сикеот считал невозможным сочетать христианские идеалы с реалиями финансового управления. Образованность являлась ценным качеством для проповеди и прочих публичных действий, и это вело к тому, что большинство епископов происходили из высших слоев общества (Brown 1992). В крупных городах, при избрании кандидата во епископы, административный опыт и социальные связи высокопоставленного светского чиновника иногда говорили сами за себя: Св. Амвросий Медиоланский во время своего избрания был правителем провинции, а *комит Востока* (*comes Orientis*), Ефрем Амидский, был обязан назначением на епископский престол Антиохии своему действительному участию в восстановительных работах после крупного землетрясения 527 г. Ведущие епископы располагали богатством и властью, что заставляло стремиться к этому положению: язычник Претекстат острил: «Выберите меня епископом Рима и я завтра же стану христианином». В Александрии Феофил поставил преемником на троне своего племянника Кирилла, а в Галлии епископ Григорий Турский имел обширные высокие родственные связи по обеим (материнской и отцовской) линиям. Симония¹ была злободневным вопросом, так что в V в. Соборам даже приходилось специально ее запрещать. В меньших по размеру провинциальных городах столь знатных персон, вероятно, не было, но епископы, скорее всего, также избирались из числа местной элиты. Переводы с одной кафедры на другую запрещались, поэтому такого понятия как «епископская карьерная лестница» не существовало, и единственной возможностью продвижения было возвышение до должности епископа из епископского окружения: келейник (*синкелл* – *synkellos*), казначей (*скевофилак* – *skeuophylax*), носители прочих управленческих должностей (*эконом* – *oikonomos*) были достаточно знакомы с работой епископа, а также обладали необходимыми личными связями, чтобы повлиять на ход выборов (Hunt 1998).

В крупных городах для исполнения епископских обязанностей требовался значительных размеров вспомогательный персонал: в Апамее в 518 г. петицию против епископа подписали 77 церковнослужителей (ACO III: 106; 17 священников, 42 диакона, 3 иподиакона, 15 чтецов). Важнейшие по значению города обслуживал обширный штат церковнослужителей: в 535 г. Юстиниан постановил сократить численность клира в Константинополе, и количество служащих в храме Св. Софии и еще трех прилежащих церквях было ограничено до 485 (Justinian, Nov. III.1: 60 священников, 100 диаконов, 90 иподиаконов, 110 чтецов, 25 певцов, 100 привратников и еще 40 диаконисс в придачу): в столице имелось также 800 диаконов, состоявших на довольствии в специально освобожденных от налогов мастерских – они осуществляли бесплатные похороны (Justinian, Nov. LIX). Александрийские *параболаны* (*parabalani*), могильщики (гробокопатели), больничные служители, прочие сопровождающие лица, известные как рьяные сторонники своих епископов, подверглись сокращению в количестве от 600 до 418 (Cod. Theod. XVI.2.43). Церковные благотворительные работы требовали надзо-

¹ Святокупство, продажа и покупка церковных должностей (*прим. ред.*).

ра за больницами и странноприимными домами и могли представлять сложность в сфере экономических операций, тогда как правовые обязанности епископа подразумевали привлечение нотариев для ведения записей и юристов (*scholastici*) как судебных представителей или советников. Все большее количество епископского клира служило за пределами епископской церкви: в Эдессе в 451 г. епископ Ива, по его словам, имел клир более 200 человек, из которых только 71 человек, как достоверно известно, числился при его церкви, а остальные, предположительно, служили при других храмах города (АСО II. 1: 386, 394–396). Малые епископские кафедры, предположительно, имели гораздо меньший клир, пропорционально местному населению, размеру территории и уровню благосостояния, но точных цифр у нас нет (Jones 1964).

Финансирование их деятельности требовало значительных средств. В 546 г. Юстиниан учредил 6 категорий епархий (не считая патриархатов), соответствовавших должностному окладу епископа и его свиты от более 30 литр до менее двух литр золотом: в качестве епископа Анастасиополя, небольшого городка с епископской кафедрой в Галатии, Феодор Сикеот получал более 5 литр, эквивалент заработной платы образованного профессионала того времени (*Vita Theod. Syk.* 78). Епископы из бедных поселений зависели от поддержки своих митрополитов и Патриархов, что помогало обеспечивать их лояльность. Больших размеров города были, соответственно, богаче: в 520-е гг. ежегодный доход Церкви в Равенне составлял около 160 литр золотом (Agnellus (ed. Neurath) 60), тогда как Св. Иоанн Милостивый, как считается, обнаружил 8000 литр в Александрийской казне в начале VII в. (*Vita Io. El.* 45). Епископы могли радоваться доходам, сопоставимым с доходами правителей провинций и высших должностных лиц империи, хотя в беднейших епархиях клиру иногда приходилось работать ради дополнительного заработка. Сельские священники, без сомнения, были очень бедны, как и общины, в которых они служили. Клер пользовался освобождением от налогов и обязанности обслуживать Поместные соборы (это стало взысканием за некоторые церковно наказуемые проступки), также подлежала освобождению от налогов и церковная собственность. Таким образом, Церковь влияла на размеры имущества, подлежавшего светскому налогообложению.

Еще до правления Константина I среди епископов одной местности было принято регулярно собираться для обсуждения доктринальных, дисциплинарных, организационных вопросов. Эта практика была утверждена решением Никейского собора 325 г., постановившего епископам каждой провинции собираться дважды в год. Такие собрания, служившие для урегулирования споров между епископами и назначения новых встреч, поднимали авторитет и усиливали власть епископа митрополии, поскольку встречи проводились в его городе. Провинции, согласно светскому административному делению, объединялись в диоцезы и надструктуры – архиепархии, то есть будущие патриархаты, получившие официальное признание в Никее. В III в. епископ Рима достиг превосходства в Италии, Александрия контролировала Египет, а Антиохия и Карфаген получили некоторое превосходство в префектуре Восток и Африке. Шестое правило Никейского собора утвердило права Александрийского епископа, приводя в качестве прецедента Рим и Антиохию (Chadwick 1998).

Это постановление привело к существенным противоречиям, поскольку в 325 г. Константинополя еще не существовало, но он, естественно, потребовал признания позднее, когда за ним закрепился статус преемника имперской столицы, а Иерусалим еще не был признан Святым Городом. В IV в. Иерусалим боролся за выход из-под контроля со стороны митрополита провинции Кесарии: полезные связи в имперской политике, тот факт, что его святыни охранялись империей, растущий поток паломников – все в данном случае тому способствовало (Hunt 1982). В Халкидоне в 451 г. было принято разделить юрисдикцию префектуры Восток между Иерусалимом и Антиохией. В случае с Константинополем пришлось труднее, поскольку его притязания были существеннее. Константинопольским собором 381 г. восточной столице было предоставлено первенство – почетный второй ранг после Древнего Рима, а также полномочия в церковных делах соседних епархий – Фракии, Понта, Асианы. Это решение было подтверждено 28-м правилом Халкидонского собора, которое отказались принять последующие Папы римские, хотя постепенно с ним согласились на всей восточной территории (Allen 2000). Как резиденты имперской столицы Константинопольские патриархи стали применять к себе эпитет «Вселенские»; Папы римские сочли такую практику вызовом своему вселенскому превосходству и потому энергично сопротивлялись ей (Hall 2000). Выступления в защиту Никейских постановлений зачастую были лишь прикрытием для нападков на Константинополь.

Понятие о примате Рима развивалось постепенно, чему способствовали случавшиеся время от времени доктринальные диспуты. Епископы римские претендовали на первенство как преемники Св. Петра, и к ним еще до Константина обращались с просьбами о вынесении решений по спорным вопросам. К значительному расхождению привело противостояние с арианами, так как Св. Афанасий, будучи изгнан из Александрии проарианским императором Констанцием, обрел убежище на Западе и обратился за поддержкой к Юлию Римскому. На этом основании Собор в Сердике (София) в 343 г. провозгласил вселенскую апелляционную юрисдикцию Рима и осудил попытки привлекать светскую власть к церковным делам (Barnes 1993). В Халкидоне в 451 г. составление Томоса свт. Львом Римским стало еще одним триумфом римских властей в доктринальных дискуссиях, а последующая обеспокоенность Востока в отношении формулировки Собора также вызвала противление папским притязаниям на превосходство (Allen 2000).

Церковная значимость Рима порождала все более настойчивые усилия восточных правителей взять древнюю столицу под свой контроль. Юстиниан на короткое время восстановил над ним свою власть, но с конца IV в. императоры в редких случаях могли навязать свою волю Папе римскому. На Востоке сходный вопрос в отношении имперского контроля над церковной иерархией поднимался со времен христологических споров V в. Несториане, изгнанные из империи как еретики, упрочили свои позиции в Иране, царстве Сасанидов, где создали собственную епархиальную структуру и созывали Соборы под предводительством католикоса, имевшего резиденцию в Ктесифоне и назначавшегося персидским правителем (Herrin 1987). К середине VI в. монофиситы по всей территории им-

перии постепенно учредили отдельную епископскую иерархию, которая контролировала большую часть Египта и Армении и значительную часть префектуры Восток (Frend 1972). Принятие постановлений Халкидонского собора в конечном итоге стало рассматриваться как признак лояльности империи: Хосрой II позволил несторианам и монофиситам сохранить за собой свою собственность в захваченных им римских городах, но насильственно отнял имущество халкидонитов; после арабских завоеваний последователи Халкидона получили название «мелькиты» (люди царя).

В общих чертах административная структура византийской Церкви в том виде, в каком она сформировалась при Юстиниане, без существенных изменений просуществовала до самого конца Византийской империи. Это свидетельствовало как об административных и законодательных способностях Юстиниана, так и о способности самой Церкви адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам. Юстиниан позаботился о том, чтобы церковная структура была закреплена в имперском законодательстве (Meuendorff 1968). В своей знаменитой преамбуле к Новелле VI Юстиниан провозгласил идеал – гармонию между императором и священством, причем в отношении последнего особо указал на молитву о духовном благоденствии христианского общества как на его первейший долг, тогда как защита Церкви стала наиболее серьезной из императорских обязанностей. Именно в этой связи и возник термин «цезарепапизм», которым описывалась роль императора в церковных делах. Это стало предметом продолжительных дискуссий между отвергавшими данное понятие как не отражающее духовной автономии византийской Церкви, и теми, кто отстаивал его ценность на том практическом основании, что деятельность византийской Церкви во многом регулировалась имперским законодательством (Dagron 2003). К XII в. императоры усвоили себе титул *эпистимонархов* (*epistemonarches*) или законодателей Церкви. Поступив таким образом, они ясно дали понять, что ответственность за организацию Церкви в итоге ложится на них (Angold 1995). Принятие этого титула не означало притязаний на решение вопросов веры. Это, в конце концов, являлось непосредственной обязанностью Собора, на котором, следует добавить, председательствовал император или один из его представителей. Как институт византийская Церковь до XIV в. пользовалась относительно небольшой автономией. Окончательный выбор Патриарха ложился на императора, который способен был также смещать Патриархов по собственному усмотрению.

Когда в начале VII в. Патриарх Сергей (610–638 гг.) реорганизовал штат Патриаршей церкви, потребовалось разрешение императора, которое и было получено в форме новеллы от 612 г. императора Ираклия (610–641 гг.). Этим документом был утвержден состав клира храма Св. Софии: 80 священников, 150 диаконов, 40 диаконисс, 70 иподиаконов, 160 чтецов, 25 певцов, 100 привратников. Их основной функцией было собирать пожертвования во время церковных служб в храме Св. Софии. В дополнение имелись и внесписочные должности, заполнявшиеся рядовым управленческим персоналом, всего 88. До сих пор нет никаких упоминаний о главных должностных лицах Патриаршей церкви. Похоже, это все же вопрос состава групп, специально сформированных и наделенных теми или иными функциями. В храме Св. Софии было, к примеру, девять *экономов*

(*oikonomoi*) с большим количеством подчиненных. В определенной мере они подчинялись великому *эконому* (*Oikonomos*), отвечавшему за управление доходами и собственностью храма Св. Софии. На эту должность вскоре назначал уже сам император, а не Патриарх. Следующим по старшинству был еще один ставленник императора – великий *скевофилак* (*skeuophylax*), казначей Патриаршей церкви. Главой патриарших нотариусов был *хартофилак* (*chartophylax*), опять-таки назначавшийся императором. Контроль над архивом и нотариатом, насчитывавшими в 612 г. около 40 членов, наделял *хартофилака* одновременно и властью, и ответственностью (также см.: III.9.3. Священство, монахи и миряне). Еще одна группа служилых лиц, выделявшаяся в патриаршей администрации – *экдики* (*ekdikoi*) – была создана Юстинианом для обслуживания церковного трибунала, известного как *экдикцион* (*ekdikion*). К VII в. их возглавил *протоэкдик* (*protekdikos*). Патриаршья администрация, таким образом, преобразовалась в ряд служб, каждая из которых имела своего руководителя. Главенство и иерархическая подчиненность должностных лиц в Патриаршей церкви были формально закреплены в XI в. *Протоэкдики* окончательно вошли в их число в конце XII в, что отражало все возрастающую важность, которую с течением времени приобретала церковная юстиция. Среди прочих обязанностей возглавляемого им трибунала было и общение с теми, кто искал убежища под сводами Великой Церкви (Macrides 1988).

Высшие должностные лица Патриаршей церкви являлись *ex officio Endemoussa Synodos* – официалами Патриаршего Синода. Членство в нем прочих лиц чем дальше, тем больше ограничивалось епископами митрополий и автокефальными архиепископами. Его истоки однозначно восходили к середине V в., когда употребление данного термина было отмечено впервые. Наиболее важные вопросы церковной жизни, скорее всего, решались на местном уровне, не доходя до Синода. Он служил чем-то наподобие апелляционного суда, но в течение долгого времени собирался только по исключительным поводам. Однако к IX в. он стал более или менее постоянно действующим органом (Hajjar 1962). Это создавало существенные затруднения. Только епископы митрополий, находившихся в относительной близости к Константинополю, могли рассчитывать посещать заседания регулярно. Очень часто такие епископы-митрополиты пользовались также привилегиями при императорском дворе. Это означало, что группа прелатов-политиков с устойчивыми связями в Константинополе начала формировать внутрицерковную элиту, главенствовавшую в Патриаршем Синоде. Это означало также, что Синод отныне был способен справляться с гораздо большим количеством судебных дел, нежели в прошлом. В результате граница между церковной и имперской юстицией начинает размываться (Tiftixoglu 1969). Это явно прослеживается в случаях с ходатайствами о браке. В прошлом такие случаи с большей вероятностью попадали в светские, императорские суды. Патриархи начали оказывать влияние и на брачное законодательство (Angold 1995).

Алексею I Комнину довелось разбираться с недоразумениями, возникшими в результате частичного совпадения юрисдикций. Он провозгласил брачное право сферой имперской законодательной деятельности, но согласился, что спорные случаи, повлекшие за собой брак, должны были обычно рассматриваться в церковном суде. Он взял на себя ответственность за случаи ереси. Алексей вме-

шался в организацию Патриаршей церкви: он определил права и обязанности *хартофилака*, признанного представителем Патриарха (Nicole 1894). В 1107 г. он способствовал реформе патриаршего клира. Алексей считал, что они не справляются со своими пастырскими обязанностями в отношении клира, результатом чего являются вспышки ереси. Он одобрил создание ордена проповедников (*дидаскалов* – *didaskaloi*) при храме Св. Софии. В провинции в обязанность епископов вменялось следить за духовными потребностями паствы (Gautier 1973).

Не ясно, осуществилась ли идея с орденом проповедников. Опасность ересей вскоре миновала. И вместо проповеди члены ордена занялись обучением. При Патриаршей церкви был создан целый ряд учительских должностей, во главе которых встали *дидаскалы* Евангелия. Намерение было, по всей вероятности, повысить качество образования патриаршего клира. До этого начинания не было ни малейших признаков того, чтобы Патриаршая церковь выполняла образовательную функцию. Цель создания этих учительских должностей была, на первый взгляд, пастырской, но чем дальше, тем больше от занимавших их требовали составления речей по торжественным поводам для Патриарха и императорского двора. Почти не остается сомнений в том, что создание института *дидаскалов* усилило организацию Патриаршей церкви (Angold 1995). Положение учителя часто открывало путь к повышению по службе. Случалось, оно открывало доступ к одной из высоких должностей в Патриаршей церкви, а чаще – к епископству. Примечательно, что в XII в. епископы, занимавшие важнейшие митрополичьи кафедры, преимущественно были выходцами из патриаршего клира. Впрочем, это не ново. Примеры тому имелись и раньше. Многие епископы, о которых мы не владеем подробной информацией, учились в Константинополе, хотя и не служили в патриаршей администрации. Один из фактов византийской истории заключался в том, что наиболее важные должности в Церкви и государстве обычно находились в руках узкого круга элиты, но принадлежность к этой элите зависела от хорошего образования, которое на протяжении большей части византийской истории можно было получить только в Константинополе (также см.: III.17.2. Образование).

Количество епископов в различные исторические периоды варьировалось. На Соборе в Иерии в 754 г. присутствовали 338 епископов; на Втором Никейском соборе в 787 г. их было около 365, в 869–870 гг. – приблизительно 100, а в 879–880 гг. – 383. Иными словами, число действующих епископов в VIII–IX вв. колебалось от 300 до 400. Было предпринято систематическое изучение происхождения и профессионального роста византийских епископов как социальной группы. Систематические указатели свидетельствуют о том, что исследованы лишь важнейшие епархии, в которые назначались представители константинопольской элиты. Но даже там, где можно составить относительно полные списки епископов за столетие и более, по-прежнему очень сложно выявить какую бы то ни было закономерность епископской семейственности и происхождения.

Епархиальная организационная структура византийской Церкви выявлена на основании ряда документов, известных сегодня как *Notitiae Episcopatum* (Dagrouzés 1981). По меньшей мере, их сохранилось 21 – наиболее ранний, принадлежавший Псевдо-Епифанию, датируется VII в., последний издан после 1453 г.

Они обычно составлялись в митрополиях, иерархию которых возглавляла Кесария Каппадокийская. В ведении каждой митрополичьей кафедры находились викарные епископства. Иногда в иерархию включались и автокефальные архиепископства, такие как Кипр (основано в конце V в.) и Болгария (организовано Василием II в 1018 г.) Используемые с определенной долей осторожности, эти списки дают ключ к изменениям в епископской организации. До турецких завоеваний XI в. они показывали, что свое преимущество сохранили храмы Анатолии (Hendy 1985: карты 20–23). Митрополии возглавляли структуру церковной иерархии и имели большое количество подведомственных викарных епископств. Иными словами, епархиальная организация сохранилась во времена арабских нашествий VII–IX вв. нетронутой. Это тем более впечатляло, что нашествия совпадали по времени с упадком городской жизни. Часто все, что оставалось от большого античного города, составлял его епархиальный центр. Положение европейских провинций было иным. Будучи во многом мирным, славянское проникновение в большую часть региона означало перемену епархиальной организации. Лишь несколько центров, таких как Фессалоника и Афины, долгое время просуществовали как центры митрополий. Церковь в Патрах, являвшаяся изначально викарным епископством Коринфа, кажется, пережила период миграции славян и в начале IX в. возвысилась до положения митрополии как часть территории, над которой был восстановлен утраченный Византией контроль. На протяжении следующих двух столетий церковная организация византийских провинций была воссоздана вновь (Hendy 1985: карта 15). Характерной чертой было поставление епископов славянским племенам, но наиболее часто у епископства был определенный центр, который мог развиваться либо как поселение с урбанистическими характеристиками, либо иначе. За исключением Фессалоникской, европейские митрополии по рангу следовали за своими Анатолийскими соотечественницами. Они были беднее и имели меньше викарных епископств. К примеру, даже Фессалоника имели только 12 викарных епископств (среднее их количество было гораздо ниже), тогда как Эфес – 38, а Сарды – 25. Анатолийские церкви были также намного богаче, но все это изменилось с заселением Анатолии турками¹ в XI–XII вв. Тогда как церковная организация оставалась прежней на всем византийском побережье, епархии внутренних районов пришлось слить воедино. Этот процесс продолжался в XIV в., когда турки² окончательно обосновались вдоль западного побережья Анатолии. Центр притяжения решительно переместился в европейские провинции. На некоторое время основание Латинской империи (1204–1261 гг.) выглядело так, как будто бы представляло серьезную угрозу превосходству европейских епархий, поскольку занимавшие их православные либо уехали, либо были изгнаны и заменены латинскими священнослужителями. Однако отвоевание Византией Константинополя означало, что церковное устройство успешно возрождалось.

Каждый епископ имел свою собственную администрацию – приблизительное подобие Патриархата. Местная нотариальная организация была подразделени-

¹ Сельджуками (*прим. ред.*).

² Османы (*прим. ред.*).

ем епископской Церкви. Они подчинялись *примикирию* (*primmikerios*) – одному из важнейших должностных лиц епископата. Нотарии назначались епископом и действовали на местном уровне. Обычно их назначали в село, но, случалось, что и в одно из подразделений епархии, известное как *энория* (*enoria*) и приблизительно равное приходу.

Однако в византийской Церкви так никогда и не развилась система приходов, сопоставимая по масштабам с приходской системой латинского Запада (Beck 1959). Имеются церкви, называемые *экклесии кафолики* (*ekklesiai katholikai*)¹, что приблизительно соответствует приходским, но это характерная черта больших городов, а не сельской местности. Византия меньше нуждалась в системе приходских церквей, потому что одно епископство занимало в среднем гораздо меньшую территорию, нежели обычно на Западе. Викарные епископства часто основывали в местечках немногим больше деревни, похожих на приходы Англо-Саксонской Церкви. Священники обычно числились при епархии, а не при определенной церкви или местности. Отсутствие приходской системы объясняет преобладание частных и государственных церквей, удовлетворявших духовные нужды отдельных территорий.

Финансирование епархий – загадка. Наверное, наиболее важный источник доходов происходил от арендованной и домашней собственности. В византийской Церкви так и не получила развития церковная десятина, но обычным делом были выплаты мирян епископу, известные как *каноникон* (*kanonikon*). Указом императора Исаака I Комнина в середине XI в. их перевели в разряд постоянных выплат, мотивируя их, так же как десятину, аналогией с ветхозаветным налогом с первого урожая. Из-за сильного сопротивления платежу фиксированного налога вскоре пришлось вернуться к привычным платежам. Духовенству также приходилось платить епископу *каноникон*, установленный на уровне одной *номисмы*. Епископ также имел право на ряд платежей на уровне одной *номисмы* за посвящение и рукоположение чтеца и трех номисм – за диакона и священника. Он также имел право брать плату за заключение брака (Papaïanne 1986). Большинство митрополий были относительно богаты, но в общем византийские епископы были, по сравнению со своими западными соотечественниками, исключительно бедны. Общественное положение и уровень жизни священников был соответственно низким, и во многих отношениях они почти не отличались от крестьян. Имения церковнослужителей зачастую были закреплены за епископами, которые ставили их в такое же зависимое положение, как любого из крестьян в отношении помещика. Опрометчивый законодательный акт середины XII в. освобождал священников от уплаты налогов и государственной службы. Многие поэтому поспешно искали священного сана, что привело к установлению ограничений в количестве священников, имевших право требовать освобождения. Это в итоге окончилось формированием местной элиты, более богатой, нежели основная масса крестьян (Angold 1995).

Монастыри в организации византийской Церкви занимали особое место (также см.: III.11.5. Монашество и монастыри). Как правило, они были малы, бедны,

¹ Кафоликоны (*прим. ред.*).

устроены на время, но некоторое их количество, — чаще всего в Константинополе или его окрестностях, — были влиятельными, богатыми, древними. Монастырь Св. Иоанна Студита, к примеру, был основан в середине V в. и имел длительную историю вплоть до падения Константинополя в 1453 г. (Janin 1969). На Халкидонском соборе (451 г.) монастыри были помещены под власть местного епископа. На практике же богатейшие и наиболее влиятельные монастыри способны были избежать епископского надзора. Они получали императорские и патриаршие привилегии, защищавшие их автономию. Среди наиболее интересных нововведений — появление Святых гор. Первой известность приобрела Святая гора Олимп в Вифинии (Janin 1975). Ее монастыри стали центрами сопротивления иконоборским императорам в VIII–IX вв., но так и не доросли до конфедерации монастырей, в отличие от горы Афон (Bryer and Cunningham 1996; Speake 2002), горы Ганы (во Фракии), горы Латрос (на юго-западе Анатолии) (Janin 1975) или Метеоры (в Фессалии) (Nicol 1975). На какое-то время в XIV в. монастыри горы Афон возглавили управление византийской Церковью и дали империи ряд Патриархов. Источником их влияния в равной мере являлись их положение защитников исихасма и земельная собственность значительных размеров. Они также являлись центром всего вселенского Православия — от Руси до Ближнего Востока (Meyendorff 1988).

Возникновение горы Афон как оплота византийской Церкви после 1261 г. явилось отражением растущего авторитета Церкви в то время, когда Византийская империя пришла в упадок. Патриарший реестр за период с 1315 по 1400 гг. показывает, что Патриарший Синод нес ответственность за гораздо больший ряд судебных процессов, чем в предыдущие периоды (Hunger 1981). Византийская Церковь также искала согласия с османскими правителями. Это подготовило путь соглашению 1454 г. с Мехмедом Завоевателем, который при господстве новой религии предоставил Православию некоторые гарантии защищенности (Papadakis 1972).

ЛИТЕРАТУРА

- ALLEN, P. 2000. 'The definition and enforcement of orthodoxy', in *CAH* 14: 811–34.
- ANGOLD, M. 1995. *Church and Society in Byzantium under the Comneni, 1081–1261* (Cambridge).
- BARNES, T. D. 1993. *Athanasius and Constantius: Theology and Politics in the Constantinian Empire* (Cambridge, Mass.).
- BECK, H.-G. 1959. *Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich* (Munich).
- BROWN, P. 1992. *Power and Persuasion in Late Antiquity* (Madison).
- 2002. *Poverty and Power in the Later Roman Empire* (Hanover).
- BRYER, A. A. M., and CUNNINGHAM, M. (eds.) 1996. *Mount Athos and Byzantine Monasticism* (Aldershot).
- CHADWICK, H. 1998. 'Orthodoxy and heresy from the death of Constantine to the eve of the First Council of Ephesus', in *CAH* 13: 561–600.

- DAGRON, G. 2003. *Emperor and Priest: The Imperial Office in Byzantium*, trans. J. Birrell (Cambridge).
- DARROUZÈS, J. 1981. *Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae. Texte critique, introduction et notes* (Paris).
- DRAKE, H. A. 2002. *Constantine and the Bishops* (Baltimore).
- FREND, W. H. C. 1972. *The Rise of the Monophysite Movement: Chapters in the History of the Church in the Fifth and Sixth Century* (Cambridge).
- GAUTIER, P. 1973. 'L'Édit d'Alexis Ier Comnène sur la réforme du clergé', *REB* 31: 169–202.
- GIARDINA, A. 2000. 'The family in the late Roman world', in *CAH* 14: 392–415.
- HAJJAR, J. 1962. *Le synode permanent dans l'Église byzantine des origines au Xe siècle* (Rome).
- HALL, S. G. 2000. 'The organization of the Church', in *CAH* 14: 731–44.
- HENDY, M. F. 1985. *Studies in the Byzantine Monetary Economy c. 300–1450* (Cambridge).
- HERRIN, J. 1987. *The Formation of Christendom* (Princeton).
- HUNGER, H., and KRESTEN, O. 1981–. *Das Register des Patriarchats von Konstantinopel*, 3 vols. (Vienna).
- HUNT, E. D. 1982. *Holy Land Pilgrimage in the Later Roman Empire AD 312–460* (Oxford).
- 1998. 'The Church as a public institution', in *CAH* 13: 238–76.
- JANIN, R. 1969. *La géographie ecclésiastique de l'empire byzantin*, I: *Le siège de Constantinople et le patriarcat oecuménique*, 3: *Les églises et les monastères* (Paris, 2nd edn.).
- 1975. *Les églises et les monastères des grands centres byzantins* (Paris).
- JONES, A. H. M. 1964. *The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic, and Administrative Survey* (Oxford).
- LIEBESCHUETZ, J. H. W. G. 1990. *Barbarians and Bishops: Army, Church, and State in the Age of Arcadius and Chrysostom* (Oxford).
- 2001. *Decline and Fall of the Roman City* (Oxford).
- MACRIDES, R. J. 1988. 'Killing, asylum and the law in Byzantium', *Speculum* 63: 509–38.
- MEYENDORFF, J. 1968. 'Emperor Justinian, the empire and the church', *DOP* 22: 45–60.
- 1988. 'Mount Athos in the fourteenth century: spiritual and intellectual legacy', *DOP* 42: 157–65.
- NEURATH, C. (ed.) 1996. *Liber pontificalis: Agnellus von Ravenna*, 2 vols. (Freiburg).
- NICOL, D. M. 1975. *Meteora: The Rock Monasteries of Thessaly* (London).
- NICOLE, J. 1894. 'Une ordonnance inédite de l'empereur Alexis Ier Comnène sur les privilèges du chartophylax', *BZ* 3: 17–20.
- PAPADAKIS, A. 1972. 'Gennadius and Mehmed the Conqueror', *Byzantion* 42: 88–106.
- PAPAGIANNE, E. 1986. *Ta oikonomika tou engamou klerou sto Byzantio* (Athens).
- RAPP, C. 2005. *Holy Bishops in Late Antiquity: The Nature of Christian Leadership in an Age of Transition* (Los Angeles).
- SPEAKE, G. 2002. *Mount Athos: Renewal in Paradise* (New Haven).
- TIFTIXOGLU, V. 1969. 'Gruppenbildungen innerhalb der Konstantinopolitanischen Klerus während der Komnenenzeit', *BZ* 62: 25–72.

Глава III.11.2 ЕПИСКОПСКИЕ СОБОРЫ НА ВОСТОКЕ

Кларенс Галлахер

Вселенские соборы

В данном разделе речь идет о собраниях епископов и прочих деятелей Церкви, происходивших на Востоке. Эти собрания ясно свидетельствуют о соборном характере ранней Церкви: когда возникали противоречия, епископы все вместе отправлялись на совет, где и решали тот или иной вопрос. После легализации христианства Константином стало возможным собирать епископов со всей империи и устраивать встречи представителей всей Церкви. Эти всеобщие соборы созывались прежде всего для решения споров, касавшихся догматов вероучения, хотя касались они также и церковной дисциплины. В итоге их назвали «вселенскими», поскольку их распоряжения носили обязательный характер для всей Церкви. Также имели место соборы местного характера, на которые епископы той или иной местности собирались для обсуждения дисциплинарных вопросов. Мы, прежде всего, обсудим семь Вселенских соборов, проходивших с 325 по 787 гг. Далее рассмотрим канонические правила церковной дисциплины, провозглашенные этими, а также Поместными соборами. Эти правила заложили фундамент церковного законодательства на Востоке и Западе.

Когда в 313 г. Константин пришел к соглашению с Лицинием в отношении политики религиозной терпимости, он обнаружил, что христиане кардинально расходятся друг с другом в отношении Лица Иисуса Христа. Так, противоречие разгорелось вокруг учения Ария (ум. 336 г.), известного александрийского проповедника, учившего, что Сын Божий не вечен, а сотворен прежде времени Отцом. У него нашлись сторонники, и арианское движение распространялось очень быстро. Пытаясь восстановить единство Церкви, Константин созвал Собор епископов со всей империи. Он состоялся в 325 г. в Никее при участии 250 епископов. Епископы определили свою веру в совечность и соравенство Отца Сыну, используя слово *омоусиос* (*homoousios*) для выражения единственности Сына с Отцом. Собор издал документ, известный как Никейский Символ Веры и сформулировавший основные постулаты христианской веры – во Святую

Троицу, Отца, Сына и Святаго Духа, в Воплощение, Страдания, Смерть, Воскресение Спасителя Христа, Сына Божия.

В 381 г. еще один всеобщий церковный Собор был созван в Константинополе Феодосием I с целью окончательного урегулирования арианского противоречия. На него собрались 150 восточных епископов, тогда как представителей Запада не было вовсе. Собор подтвердил формулировку постулатов веры в том виде, в котором их предложил Никейский собор; позднее ему припишут создание так называемого Никео-Константинопольского Символа Веры. Он содержал дополнения к Никейскому Символу Веры: продолжение получил раздел о Втором Лице Св. Троицы – Христе, более пространным стало высказывание о Св. Духе, появились заключительные формулировки – о вере во единую, святую, соборную и апостольскую Церковь, во единое Крещение во оставление грехов, в воскресение мертвых и жизнь будущего века. Данный Собор был признан Вселенским на Халкидонском соборе (451 г.), где утверждалось, что Символ Веры, принятый 150-ю Отцами Церкви, собравшимися в Константинополе, был громогласным выражением Кафоличности веры. Данный Символ Веры по-прежнему используется сегодня во время евхаристических богослужений и на Востоке, и на Западе.

Через пятьдесят лет смута в церковных рядах снова усилилось, и Феодосия II убедили созвать Третий Вселенский собор для урегулирования противоречия, возникшего между Несторием, Патриархом Константинополя (428–431 гг.) и Кириллом, Патриархом Александрии (412–444 гг.). Проблема была опять-таки христологической. Мария являлась матерью Иисуса, но надлежало ли называть ее «Божией Матерью»? Патриарх Несторий утверждал, что такое название безосновательно, хотя и считал Марию Матерью Христа, Христа-человека. Из этого следовало заключить, что Несторий различал не только две Природы, но и два Лица во Христе – Человека и Бога. По этому поводу епископы собрались в Эфесе в 431 г. Несторий был осужден и сослан. Собор официально постановил именовать Св. Деву Марию *Theotokos* («Богородицей»). Достоверно неизвестно, придерживался ли Несторий на самом деле тех взглядов, которые приписывает ему Кирилл Александрийский, но в изгнании его поддержала Ассирийская Восточная Церковь, с тех пор именовавшаяся Несторианской, хотя она никогда не проповедовала несторианство в том виде, в котором его опровергал Эфесский собор.

Спустя всего двадцать лет после Эфеса Евтихий, константинопольский монах, учил, что Христос имел после Воплощения только одну Природу. Его опроверг и осудил Патриарх Флавиан, но он жаловался императору Феодосию II, который и созвал Собор епископов для урегулирования спора. Они встретились в 449 г. в Эфесе под председательством Диоскора, Патриарха Александрии, реабилитировали Евтихия и сместили Флавиана. Папа Лев I не признавал этот Собор, называя его *Latrocinium* (Разбойничьим). Однако в следующем году Феодосий умер, и это позволило Маркиану созвать еще один Собор, чтобы скорректировать решения, принятые в Эфесе в 449 г. Он собрался в 451 г. в Халкидоне при участии приблизительно 500 епископов, которые все представляли Восток, за исключением двух африканских епископов и двух папских легатов. Решения Собора 449 г. были пересмотрены, Евтихий осужден. Этот Собор составил фор-

мулировку основ вероучения – Определение¹ Халкидонского собора, которое подтверждало православные взгляды Отцов Никеи (325 г.) и Константинополя (381 г.). Христос провозглашался Имеющим одно Лицо и две Природы:

«Следуя Божественным Отцам, все мы единогласно учим исповедовать одного и того же Сына, Господа нашего Иисуса Христа, совершенным в Божестве и совершенным в человечестве, истинным Богом и истинным человеком, Его же – состоящим из души и тела, единосущным нам по человечеству, во всем нам подобным, кроме греха; рожденным прежде веков от Отца по Божеству, и Его же – в последние дни, ради нас и ради нашего спасения, [рожденным] от Марии Девы Богородицы по человечеству, одного и того же Христа, Сына, Господа, едиnorodным, в двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемым (при этом различие двух естеств никак не уничтожается их соединением, а напротив, сохраняется свойство каждого естества, совокупляемого в единое лицо и в единую ипостась), не на два лица рассекаемым или разделяемым, но одного и того же Сына, и едиnorodного Бога Слова, Господа Иисуса Христа, как учили о Нем в древности Пророки, и как Сам Господь Иисус Христос научил нас, и как передал нам Символ Отцов наших»².

Это определение было принято не повсеместно. Последователи Кирилла (ум. 444 г.) не могли согласиться с терминологией Халкидона – учением об одном Лице и двух Природах во Христе. Идеологические противники называли их «монофиситами», поскольку они придерживались выражения «единая природа», которое употреблял Кирилл, но название «монофиситы» в данном случае вводит в заблуждение, поскольку создает впечатление, что они соглашались с учением Евтихия, которое они же отрицали. Они открыто заявляли о приверженности Кириллу, согласно которому во Христе «единая воплотившаяся Природа – Бога Слова». Кирилл явно использовал слово *фисис* (*physis*) в смысле отличном от того, в котором оно использовалось в Халкидонском определении. Рим и Константинополь приняли Халкидонское учение и, тем самым, отделились от последователей Кирилла в Западной Сирии и Египте. Позднее император Зинон, пытаясь восстановить единство, призывал Акакия, Патриарха Константинополя (472–489 гг.) выработать приемлемую для всех вероучительную формулу и, тем самым, примирить и упразднить разделение сторонников Халкидона и монофиситов. Акакий составил формулировку основ веры, в которой, хотя и утверждал, что Иисус Христос есть истинный Бог и истинный Человек, избегал терминологии Халкидона, вызывавшей затруднения. Документ был опубликован императором в 428 г. и приобрел известность как *Энотикон* (*Henotikon*). Он был разослан всем епископом «Александрии, Египта, Сирии и Пентаполя». *Энотикон* цитирует материалы первых трех Вселенских соборов и утверждает единосущность во Христе Бога и Человека, но избегает халкидонских терминов «природа» и «лицо». Это было неприемлемо для «монофиситов» – именно тех,

¹ Орос – прим. переводчика.

² Текст приводится по изданию: Путь, Истина и Жизнь. Вероучительные тексты Православной Церкви / [сост. Т. Брознец, перев. с церк.-слав. Д. Каратеев]. – К.: «Послушник», 2013. – С. 32–33 (прим. переводчика).

для примирения с которыми и был составлен документ. В Риме он был воспринят как отрицание Халкидонского учения. Вследствие этого в 484 г. Папа Феликс III направил в Константинополь протестное письмо, а на заседании Собора, состоявшемся в том же году в Риме, Акакий был отлучен от Церкви. В ответ Акакий распорядился удалить епископа Рима из диптиха иерархов. Так начался первый раскол между Римом и Константинополем. Он известен под названием Акакиева раскола¹, ему суждено было продлиться последующие тридцать пять лет (484–519 гг.).

Последующие два Вселенских собора также касались христологических проблем. Юстиниан I решительно намерен был осуществить воссоединение с «монофиситами». Поэтому он написал богословский трактат, который опубликовал между 542 и 545 гг. В нем осуждались произведения трех богословов Антиохийской школы, Феодора Мопсуестийского (350–428 гг.), Феодорита Киррского (393–466 гг.), выступавшего на стороне Нестория против Кирилла, и Ивы Эдесского (ум. 457 г.), критиковавшего Кирилла Александрийского. Всех троих обвинили в «несторианстве», а «Три Главы» (их произведения) были Юстинианом запрещены. Такое решение вызвало сопротивление, и в 553 г. для урегулирования противоречий был созван очередной Собор. Сто шестьдесят пять восточных епископов, собравшись в Константинополе, осудили «Три Главы» и анафематствовали их авторов. Папа Вигилий поначалу не поддержал такое решение. Однако в конце концов он уступил давлению со стороны императора, согласился с постановлениями Собора и пересмотрел свое предыдущее решение в пользу «Трех Глав». Фактически осуждение Трех Глав мало способствовало примирению с «монофиситами», которых данное событие не затронуло.

В следующее столетие еще одно христологическое противоречие привело к созыву Шестого Вселенского собора. На этот раз вопрос заключался в том, имел ли Христос одну или же две Воли; Сергей, Патриарх Константинополя, предполагал наличие одной Воли во Христе. «Монофелитство» было еще одной попыткой достичь компромисса между халкидонитами и монофиситами. Именно так провозгласил своим императорским указом в 638 г. василевс Ираклий. Для урегулирования противоречия василевс Константин IV созвал в Константинополе Собор епископов из патриархатов Константинополя и Антиохии. Собор состоялся в 680–681 гг. под председательством легатов Папы Агафия. Он касался исключительно вопроса монофелитства и пришел к заключению о наличии во Христе двух Воль – Божией и Человеческой. Все обвиненные в монофелитстве были анафематствованы, в том числе Папа Гонорий I (625–638 гг.) и четыре бывших Константинопольских патриарха.

Седьмой Вселенский собор был созван в Никее в 787 г. императрицей Ириной и под председательством Патриарха Тарасия², положил конец первому периоду иконоборства. На Соборе присутствовали триста пятьдесят епископов, в том числе два папских легата, а также представители Патриархов Александрии, Антиохии и Иерусалима. Догматическим постановлением был осужден

¹ Акакиева схизма (*прим. ред.*).

² Формально на Соборе, как и полагалось, председательствовал 15-летний сын Ирины, василевс Константин VI (*прим. ред.*).

иконоборский Собор 754 г. и официально определено то, каким образом и в какой мере следовало почитать иконы. Собор провел точное различие между законным, в дозволенной мере почитанием икон и абсолютным благоговейным поклонением, с которыми полагалось относиться к одному только Богу. Постановление подписали все присутствовавшие, императрица Ирина и ее сын Константин. Папа Адриан I (ум. 795 г.) одобрил решение Собора. Этот Собор 787 г. стал Седьмым Вселенским собором, – последним, признанным в качестве такового византийской Церковью.

Однако как для Востока, так и для Запада, Вселенским может считаться еще один Собор. *Номоканон* (*Notokanon*) IX в. включает правила Собора, состоявшегося в Константинополе в 879–880 гг. На этом соборе речь шла о восстановлении Фотия на патриаршем престоле в Константинополе и был положен конец тому, что чаще всего именуют «Фотиевой схизмой». Это был Собор примирения. Он реабилитировал Патриарха Фотия и восстановил единство между Римом и Константинополем. Некоторые византийские писатели считают его Восьмым Вселенским собором Православной Церкви. Он обнародовал постановление о вере, признававшее недействительным все дополнения к Символу Веры. Собор 879–880 гг. выработал три дисциплинарных правила. Первое правило представляет особый интерес, поскольку затрагивает взаимоотношения, которые, предположительно, существовали между Римом и Константинополем. Этим правилом Собор провозгласил необходимость взаимного уважения между патриархатами в дисциплинарных вопросах. Оговаривалось, что любого, находившегося под прещением со стороны Рима, следовало считать таковым и со стороны Константинополя. Аналогично, любое наказание, наложенное Константинополем, считалось таковыми и в Риме. И хотя эта взаимность была сформулирована в виде правила, Собор в то же время утверждал, что привилегии епископа Рима сохранялись «как в настоящее время, так и в будущем».

Первые церковные Соборы наиболее известны своими доктринальными постановлениями, но они также выносили распоряжения о церковном правопорядке, обычно упоминаемые в литературе как «каноны» или «правила». Первые четыре Вселенских собора обнародовали более шестидесяти дисциплинарных правил. Эфесский не издал ни одного распоряжения касательно общецерковной дисциплины. Правила трех остальных Вселенских соборов были включены в древние сборники и стали каноническим правом Православной Церкви. Первый Никейский собор издал двадцать правил для решения различных практических вопросов – о тех или иных обязанностях епископов и клира. Так, правилом 6 устанавливается примат Александрии в Египте, Ливии, Пентаполе, «поскольку подобный обычай существует и в отношении епископа Рима»; Антиохия признается имеющей аналогичное преимущество на Востоке. Согласно правилу 5, епископские собрания следовало проводить в каждой провинции дважды в год. Некоторые каноны касаются мирян, отпавших во времена гонений. Первым Константинопольским собором сформулировано семь правил, наиболее известным из которых было правило 3: «Поскольку Константинополь является Новым Римом, его епископ имеет право пользоваться привилегиями и почестями вторым после епископа Рима». В Халкидоне приняли тридцать правил. Большая их часть

касается обязанностей епископов и клира. Правило 19 повторяет распоряжение о том, чтобы епископские Соборы проводились дважды в год. Есть правило, направленное против клириков, захватывающих собственность своего епископа после его смерти (правило 22); о том, что епархия не может оставаться без епископа более трех месяцев (правило 25). Самое противоречивое из Халкидонских правил – новая редакция Константинопольского правила 3 «касательно прерогативы святейшей Церкви вышеупомянутого Константинополя, Нового Рима, поскольку он является императорской столицей», из которого следует, что митрополитов Понта, Азии и Фракии должен поставлять архиепископ Константинопольский. Этот канон был неприемлем для Папы Льва Великого, но позже был включен в своды канонического законодательства Востока и Запада.

Второй Никейский собор (787 г.) составил 22 правила. Первое из них представляет особый интерес, поскольку подтверждает достоверность всех правил и право «шести святейших Вселенских Соборов и соборов, созываемых поместно, издавать такого рода законодательные акты». Этот канон считается утверждающим правила Трулльского собора, которые мы рассмотрим далее. Прочие каноны касаются по большей части епископов, клира, монахов, в частности, утверждается, что достаточно отныне собирать Соборы в провинциях единожды в год, а не дважды, как требовалось ранее (правило 6).

Последние два Константинопольских собора не разрабатывали дисциплинарных норм. Поэтому десятилетие спустя Юстиниан II созвал в 691 г. Константинопольский собор, чтобы восполнить этот пробел (он приобрел известность как Трулльский собор, поскольку собрался в купольном зале дворца – Трулло.) Поскольку он считается дополнением к Пятому и Шестому соборам, Трулльский собор часто называют Пято-Шестым и пользующимся Вселенским авторитетом на равных с ними. Трулльский собор издал 102 правила, имеющих важное значение для канонического права Восточной Церкви. В некоторых из них явно просматривается расхождение с Римом. По этой причине правила вначале не принимали в Риме, а Папа Сергий I (687–701 гг.) отказался подписать акты Собора. Позднее Папы согласились принять Трулльские правила, но лишь в той мере, в которой те не противоречили римским традициям. Эти Трулльские каноны важны, поскольку та еkklesiологическая позиция, которую они отражают, свидетельствует о восприятии церковного правопорядка, отличном от того, которое прослеживается в канонических сборниках Запада. Второе правило Трулльского собора – акт исключительной важности, поскольку содержит официальный перечень канонических источников, которыми должна руководствоваться Церковь (Антиохия и Александрия были представлены на Соборе, равно как и небольшое количество епископов латинского Запада). Правило упоминает 85 Апостольских Правил, правила Первого Никейского собора, Первого Константинопольского, Эфесского, Халкидонского соборов, а также правила, заимствованные из писаний двенадцати восточных епископов, включенные в Восточные своды канонического законодательства. Он также включает некоторое количество постановлений Поместных соборов, издававших дисциплинарные акты: Анкирского, Неокесарийского, Гангрского, Антиохийского, Лаодикийского соборов, Собора в Сердице (София), канонов, принятых в Африке. Все перечисленные правила

были санкционированы Собором, а второе правило Трулльского собора, в свою очередь, находит обоснование в первом правиле Второго Никейского собора 787 г.

Поместные соборы

Анкийский собор был проведен в 314 г. в составе приблизительно 12 епископов Сирии и Месопотамии. Правила этого Собора представляют интерес, поскольку они первыми вступили в силу по окончании гонений. Собор сформулировал 25 правил. Некоторыми из них устанавливали епитимии, которые полагалось нести лицам, отпавшим от Церкви во время гонений, прочие формулируют положения о наказаниях для согрешивших (блуд, супружеская измена, аборт, убийство). Правило 10 утверждает: если диакон до рукоположения объявляет о своем желании жениться, «пусть женится, это не препятствует ему быть диаконом», но если он промолчит, но впоследствии все же женится, «да будет извержен из диакона». Из этого явствует, что еще в начале IV в. существовал всеобщий закон, запрещающий жениться неженатым диаконам.

Неокесарийский собор в Понте проводился между 314 и 325 гг. и издал 15 правил, устанавливающих наказания за различные грехи. Женившиеся более одного раза должны были понести епитимию, и священник мог отказаться быть гостем на свадьбе второбрачных. Правило 11 утверждает, что мужчина не может быть рукоположен во священники до достижения 30 лет, а правило 15 оговаривает, что в каждом большом городе должно быть семь архидаконов. В Ганграх, митрополии Пафлагонии, Собор был проведен приблизительно между 325 и 381 гг. в присутствии тринадцати епископов. Он был созван против движения радикальных аскетов, которых обвиняли в презрении к браку, в том, что они поощряли женщин брить головы и носить мужскую одежду, постились по субботам, избегали соблюдения церковных постов и посещали свои собственные частные литургические собрания, пренебрегая церковными. Скрытое осуждение такого преувеличенного аскетизма восполняется и исправляется эпилогом, утверждающим важность традиционного учения Церкви об аскетизме и воздержании. Было издано двадцать правил, включая правило, предписывавшее отлучать от Церкви любого, кто отказывался получать Причастие от женатого священника (правило 4).

Антиохийский собор был проведен в 341 г. в присутствии 97 восточных епископов и императора Констанция. Этому собору приписывают принятие четырех положений о вере, в которых избегали употреблять термин «*омоусион*» («*homoousion*») Первого Никейского собора. Он издал 25 правил, в большинстве своем относительно епископов и священников, многие из них имеют аналоги в Апостольских Правилах. В некоторых правилах отчетливо проявился соборный характер ранней Церкви: если епископы провинции не могут прийти к соглашению относительно обвиняемого епископа, для решения вопроса им следует созвать епископов соседних провинций (правило 14); епископа нельзя назначать без Собора и присутствия митрополита (правило 19); Собор епископов должен проводиться в каждой провинции дважды в год «с тем, чтобы священники и диа-

коны, и каждый, кто считает, что с ним обошлись несправедливо,... мог заручиться постановлением Собора» (правило 20). Правилom 21 установлено, что епископа нельзя переводить в другую епархию. Епископов следует избирать Собором провинции (правило 23).

Лаодикийский собор во Фригии проводился между 343 и 381 гг. На нем было принято шестьдесят правил. Определенное количество правил относится к молитвословию и чтению во время Божественной литургии. Епископ, вызванный на заседания Собора, обязан на нем присутствовать. Священники и диаконы не могут посещать питейные заведения. Еретикам не дозволено входить в Дом Божий, брак с еретиком запрещен; законом запрещено также принимать пищу с язычниками, иудеями, евреями. Последнее правило содержит перечень книг Ветхого и Нового Заветов.

Собор Сердики (современная София) был созван в 342 г. для решения вопроса о православии Афанасия, епископа Александрии (328–373 гг.). Его отказ пойти на компромисс с арианством привел к тому, что его сместили Собором, проведенным в 335 г. в Тире. Он бежал в Рим, и императоры Констант и Константин, чтобы уладить дело, собрали Собор. Он задумывался как Вселенский, с участием представителей Востока и Запада. Однако восточные епископы отказались от участия в нем, поскольку западные епископы позволили Афанасию присутствовать на нем как законно избранному епископу Константинополя¹. Вследствие этого западные епископы собрались сами и подтвердили его восстановление на престоле. Этот Собор особенно знаменит рядом принятых на нем дисциплинарных правил, в частности, правилom, в определенных обстоятельствах назначавшим епископа Рима апелляционной инстанцией. Эти правила приобрели важное значение, поскольку в течение некоторого времени их приписывали Первому Вселенскому собору.

Последний Поместный собор, упомянутый во втором Трулльском правиле, – Карфагенский. Имеется в виду ряд постановлений Африканской Церкви, принятых Собором в 419 г. Аврелий, занимавший первый африканский престол в Карфагене с 391 г. до своей смерти в 427 г., под влиянием Св. Августина собирал несколько епископских собраний с 393 по 419 гг. Правила всех этих Соборов были утверждены на Соборе 419 г. и стали известны как Свод правил Африканской Церкви. Дионисий Эксиг включил их в свое Римское собрание, а позже в VI в. их добавили в Греческое собрание канонических актов. В этом собрании 138 правил, они касаются множества вопросов, которые мы уже рассмотрели, говоря о других Поместных соборах. Епископы, священнослужители, диаконы должны воздерживаться от отношений с женами и соблюдать это ритуальное воздержание на протяжении всего периода, когда они совершают Таинства (правила 4 и 25). Из этого следует, что в Карфагене в то время имелись женатые епископы и священники. Священник, наказанный своим епископом, мог апеллировать к соседним (правило 11). Поместные собрания епископов должны были проводиться регулярно (правило 21). Многие правила направлены против дон-

¹ В тексте скорее всего опечатка, так как свт. Афанасий был законно избранным епископом Александрии, а не Константинополя (*прим. ред.*).

тизма, в чем мирское оружие признавалось помощницей Кафолической Церкви. «Набожнейший из императоров» призывался к уничтожению языческих идолов и храмов (правило 58).

Два Собора состоялись при участии как греческой, так и латинской стороны, но не были приняты Греческой Церковью. К ним относятся Лионский собор 1274 г. и Флорентийский собор 1439 г.¹. Оба эти Собора будут рассмотрены в следующем разделе, в котором речь идет о ключевых моментах разделения между греческим Востоком и латинским Западом.

Из этого обзора явствует, что епископские Соборы играли в первые века христианства ключевую роль. Привычным способом разрешения того или иного вопроса был созыв Поместного собора епископов. Для Константина созыв Первого Вселенского собора был наиболее действенным мерой при попытке восстановить единство разделившейся Церкви. Это стало образцом для остальных Вселенских соборов первого тысячелетия. Позже, в IV в., как мы видели, в различных частях Востока аналогичным образом поступали поместные епископы. Подобным же образом действовала и Церковь Африки. На почве этих Соборов взросло церковное каноническое право. Как нам известно из первого правила Халкидонского собора («нам рассудилось за благо, чтобы правила, повсюду издаваемые Соборами Святых Отцов, оставались в силе»), вскоре были составлены сборники законодательных актов. Таким образом, церковное законодательство стало суммой постановлений, принятых епископами на Соборах. Это привело к практике управления делами Церкви посредством епископских Соборов. Отсюда правило собирать Поместные соборы дважды в году. Это считалось столь важным, что мы находим правила на этот счет в числе постановлений нескольких Соборов раннего периода.

Все это показывает, как на практике осуществлялась соборность епископов. Тому же соборному принципу следовала в Сирии и Персии Ассирийская Восточная Церковь и Сирийская Православная Церковь. Также и на Западе для принятия решений в сфере церковной дисциплины зачастую созывались Поместные соборы. Короче говоря, во всей Церкви первого тысячелетия, как на Востоке, так и на Западе, регулярные собрания епископов стали обыкновенной практикой в деле руководства христианами.

ЛИТЕРАТУРА

Рассмотренные в данной главе правила Соборов можно найти в следующих источниках: PG 137–138. Эти тома содержат каноны на греческом и латинском с комментариями Вальсамона.

PERCIVAL, H. R. (ed.) 1991. *The Nicene and Post-Nicene Fathers*, 2nd Ser. vol. 14: *The Seven Ecumenical Councils of the Undivided Church, their Canons and Dogmatic Decrees together with the Canons of all the Local Synods which have received Ecumenical Accep-*

¹ Ферраро-Флорентийский собор (прим. ред.).

tance (Edinburgh–Michigan) – правила Соборов на английском языке с вводным историческим обзором и краткими комментариями к канонам.

RHALLES, G., and POTLES, M. 1852–9. *Syntagma ton theion kai hieron kanonon*, 6 vols. (Athens) – содержит правила на греческом с комментариями Феодора Вальсамона, много лет считалось стандартным изданием.

TANNER, N. P. (ed.) 1990. *Decrees of the Ecumenical Councils*, 2 vols. (London) – том I содержит правила семи Вселенских соборов на греческом, латинском, английском языках, рассмотренные в данной главе.

NEDUNGATT, G., and FEATHERSTONE, M. (eds.) 1995. *The Council in Trullo Revisited* (Rome) – содержит правила Трулльского собора на языке оригинала – греческом, латинскую версию с английским переводом; издание также содержит определенное количество документов Трулльского собора.

Литература, освещающая полемику по разбираемой проблематике:

L'HUILLIER, P. 1996. *The Church of the Ancient Councils: The Disciplinary Work of the First Four Ecumenical Councils* (New York).

TANNER, N. P. 2001. *The Councils of the Church: A Short History* (New York).

Глава III.11.3 ДВЕ ЦЕРКВИ

Кларенс Галлахер

Целью данного раздела является составить представление об отношениях между Церковью Рима и Церковью Константинополя от Первого Никейского собора до падения Константинополя в 1453 г. И Рим, и Константинополь ратифицировали постановления первых четырех Вселенских соборов и пребывали друг с другом в полном каноническом общении. В этом отношении они были отделены от своих собратьев-христиан, не принявших учение Эфесского собора 431 г. (ныне известная как Ассирийская Восточная Церковь) или Халкидонского собора 451 г. (Сирийская Православная Церковь). Это полное церковное общение продолжалось в течение всего первого тысячелетия. И греческий Восток, и латинский Запад разделяли одно и то же вероучение, выражая его одним и тем же Символом Веры. Одни и те же соборные правила и апостольские традиции составляли основу их церковной дисциплины. Они считали себя Единой Церковью, разделяющей единую веру в Иисуса Христа. Находясь в таком единении, каждая община постепенно развивала свое собственное литургическое наследие и духовность, выраженную в богословии и дисциплине. Однако, начиная с V в. и далее, между Римом и Константинополем наблюдалось все возрастающее отчуждение. Многие факторы сыграли в этом свою роль, но все это почти не имело непосредственного отношения к богословию. Факторы были из области географии, политики, культуры. На отношения между Римом и Константинополем повлияли завоевание Запада варварами в V в. и исламские завоевания в Восточной Римской Империи в VII в. Раскол между Востоком и Западом, когда он окончательно состоялся, имел причиной разногласия в традиции и идеологии. Эти разногласия достигли критической точки в Средние века вследствие завоевания норманнами византийской Южной Италии, Крестовых походов и централизованной григорианской реформы папства. Разделение Церквей достигло финальной стадии после IV Крестового похода и грабежа Константинополя в 1204 г. (Runciman 1955: 158–70).

Отсутствие общего языка также сыграло свою роль во всем этом. Незнание греческого в Риме и латыни в Константинополе стало серьезной причиной вза-

имного непонимания. Латинизация Западной Церкви в IV–V вв. вылилась в полнейший языковой разрыв между Западной и Восточными Церквями. К концу V в. знание греческого в Риме практически сошло на нет. Аналогично в Константинополе, хотя латынь и оставалась некоторое время официальным языком двора и императорской канцелярии, в V–VI вв. ее сменил греческий. Этому языковому барьеру суждено было стать важным фактором в постепенно растущем отчуждении греческого Востока от латинского Запада.

К окончательному разрыву между Востоком и Западом привело множество событий. Первое из них – Акакиева схизма (484–519 гг.) Как уже упоминалось в связи с Вселенскими соборами (см. выше III.11.2), император Зинон попросил Константинопольского патриарха Акакия разработать ряд доктринальных положений, которые были бы приемлемы для всех и, таким образом, устранить разделения между сторонниками Халкидона и так называемыми «монофиситами». Христологические положения, разработанные Аაკием, были приняты и обнародованы императором в 482 г. Они приобрели известность как «*Энотикон*» (*Henotikon*) (указ о единстве), но были неприемлемы для монофиситов. Рим счел их отрицанием учения Халкидона, и Папа Феликс III в 484 г. направил протест в Константинополь, отлучив от Церкви Патриарха Акакия, тогда как Акакий приказал удалить с диптиха имя епископа Рима. Так начался первый раскол между Римом и Константинополем, которому суждено было длиться в течение следующих тридцати пяти лет (484–519 гг.). Конец ему в 519 г. положили своим вмешательством император Юстин и Папа Гормисда (514–523 гг.) (Chadwick 2003: 50–4).

Еще один явный признак расхождения между Востоком и Западом можно усмотреть в Трулльском соборе 691 г. Как указано в разделе о Соборах (III.11.2), множество правил, провозглашенных этим Собором, доказывает антогонизм в отношениях с Римом. В числе римских практических положений, подвергавшихся критике, было западное правило celibата для церковнослужителей. Папа Сергей I (687–701 гг.) отказывался подписывать акты Собора. Позднее Папы согласились принять Трулльские каноны, но лишь настолько, насколько они не противоречили римским традициям. Иконоборское движение VIII в. не только произвело разделение внутри Константинопольской Церкви, но и отделило ее от Римской. Папы протестовали против иконоборства императоров и осудили иконоборский Собор 754 г. Мир был восстановлен на Втором Никейском соборе 787 г. Тот факт, что этот Собор не принял Карл Великий, привел к дальнейшему разделению между Востоком и Западом (Chadwick 2003: 64–70).

Все эти годы между Константинополем и Римом сохранялось доктринальное единство и церковное общение, хотя и наблюдались расхождения по поводу административных и дисциплинарных норм, литургических традиций. Каждая из двух Церквей исповедовала один и тот же Символ Веры, читала одно и то же Священное Писание, разделяла одну и ту же веру в Иисуса Христа и во единую, святую, соборную апостольскую Церковь. Различие двух течений явно и резко выделяются при сравнении двух выдающихся личностей IX в.: Папы Николая I (858–867 гг.) и Патриарха Фотия (858–867 и 877–886 гг.). Событие, именуемое «Фотиевой схизмой», было вызвано столкновением между этими

двумя главами Церквей. Раскол длился недолго, но был показателен: греческий Восток и латинский Запад чем дальше, тем больше удалялись друг от друга. Раскол можно рассматривать как коллизию двух концепций Церкви, развивавшихся на протяжении столетий: византийская концепция времен Константина имела в основе идеи верховенства императора в церковных вопросах, соборности (коллегальности) в отношениях «пентархии» Патриархов (Римского, Константинопольского, Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского) и контрастировала с римской концепцией с ее растущим акцентом на монархическом примате епископа Рима.

В 863 г. Папа Николай I осудил и отлучил от Церкви Фотия и в качестве законного Патриарха восстановил Игнатия, покинувшего патриарший престол в 858 г. Как Фотий, так и император Михаил III этот факт проигнорировали; последний в 865 г. писал Папе, решительно протестуя против такого несанкционированного вмешательства во внутренние дела византийской Церкви. В 867 г. в Константинополе был созван Собор, на котором Папа Николай I был осужден. Позже в том же году Михаил III, который в 865 г. писал к Папе, был убит, а новый император Василий I, заботясь о том, чтобы снискать поддержку Папы, сместил Фотия и восстановил Игнатия на месте Патриарха. После чего он попросил Папу Адриана II прислать легатов на Константинопольский собор для помощи в устроении церковных дел. Этот Собор в 869 г. анафематствовал Фотия вместе с его сторонниками. Тем не менее, десять лет спустя в Константинополе прошел Собор по вопросу восстановления Фотия на патриаршем престоле, положивший конец Фотиевому расколу. Собор 879 г. был Собором примирения. Он реабилитировал Патриарха Фотия и восстановил единство между Римом и Константинополем. Он принял вероопределение, осуждавшее любые дополнения к Символу Веры. Здесь имеется в виду интерполяция в Никейский Символ Веры: «Веруем в Духа Святого, Господа Животворящего, от Отца и от Сына исходящего». Слово *filioque* добавили к Никейскому Символу Веры в Испании в VI в., намереваясь подчеркнуть божественность Сына и опираясь на учение Св. Августина. Латинские миссионеры в Болгарии использовали в IX в. текст со вставкой, но для многих восточных христиан это было неприемлемо, во-первых, поскольку это была несанкционированное дополнение к Символу Веры и поскольку они считали, что это влекло за собой искажение теологии Св. Троицы. Именно *filioque* стало основной причиной раздора между Востоком и Западом, когда Фотий представил его как основное богословское затруднение в полемике с Папой Николаем I (Dvornik 1948: 175 ff.).

Собор 879–880 гг. провозгласил три дисциплинарных правила. Первое правило представляет особый интерес, поскольку касается отношений, которые должны были существовать между Римом и Константинополем и между патриархатами в целом. Этим правилом Собор провозгласил, что между патриархатами по дисциплинарным вопросам должно существовать взаимное уважение. Из этого вытекало, что любое наказание, порицание, осуждение со стороны Рима и на территории Римской Церкви должно было считаться таковым и со стороны Константинополя. Аналогично, любое наказание, порицание, осуждение Константинопольской Церковью на ее территории должно было признаваться

таковым Церковью Рима. И хотя эта взаимность была официально узаконена правилом, Собор в то же время утверждал, что привилегии епископа Римского должны сохраняться. В чем же именно эти привилегии заключались, определено не было (Gallagher 2002: 79–84).

Наряду с расхождениями по дисциплинарным и административным вопросам, не следует забывать и о других серьезных разногласиях между Востоком и Западом и даже внутри Западной Церкви IX в. Фотий испытывал значительные затруднения из-за теологии *filioque* и его добавления к Символу Веры. Каролингам трудно было согласиться с результатами Второго Никейского собора и последующим распространением иконопочитания. Фотий просто не принял претензий Папы Николая в отношении примата папской юрисдикции. Епископ Рима рассматривался как один из пяти Патриархов и в этом заключался важный коллегиальный аспект – принцип Соборности в управлении Церковью. И хотя данные разногласия в богословской мысли и подходах к церковному управлению, конечно же, существовали, они не нарушали общения между Церквями: они не вылились в раскол. Они беспокоили общество, но не сломили общности веры во Христа. Более того, в X в. даже в сложных обстоятельствах взаимного непонимания стало возможным инициировать и развивать то, что можно считать миссионерским мероприятием, начатым по благословению как Константинопольской Церкви в лице Патриарха Фотия, так и Римской Церкви в лице двух Пап, Адриана II и Иоанна VIII. Этим мероприятием явилась миссионерская работа в Великой Моравии в 863 г. двух греков из Фессалоники, Кирилла и Мефодия, которые сегодня считаются апостолами славян (Gallagher 2002: 85–95).

В XI в. новые факторы еще более усугубили кризис в отношениях между Римом и Константинополем. На Западе развернулось новое реформаторское движение¹. Послереформенное папство возобновило претензии на вселенскую юрисдикцию, выдвигавшиеся Папой Николаем I во времена Фотия. Политические факторы, в частности, вооруженная агрессия норманнов в византийской Италии, обостряли ситуацию. Норманны силой заставляли греков перенимать латинские обычаи. В ответ Константинопольский патриарх Михаил Кируларий (1043–1058 гг.) потребовал от латинской части населения Константинополя принятия греческих традиций, а когда те отказались, он, по некоторым данным, закрыл латинские церкви. (По правде говоря, сведения, подтверждающие этот факт, скудны – имеются лишь обвинения со стороны кардинала Гумберта). Пытаясь разрешить трудности, Папа Лев IX в 1054 г. направил в Константинополь трех легатов во главе с кардиналом Гумбертом из Сильва Кандида. Кируларий ясно дал понять, что считает Римского епископа равным себе и отказался признать примат Рима. Он резко оборвал переговоры с римской делегацией. После чего папский легат оставил буллу об отлучении Патриарха на алтаре храма Св. Софии и покинул Константинополь. Кируларий вместе со своим синодом отплатил той же монетой, отлучив папского легата (Chadwick 2003: 206–18).

1054 г. долгое время считался датой раскола между Востоком и Западом. Это неверно. Обмен отлучениями касался только Патриарха и папского легата. Тем

¹ Ключенское монашеское движение в поддержку папства (*прим. ред.*).

не менее, его можно считать еще одной вехой на пути, в конечном итоге приведшем к расколу. Неясно, когда состояние раскола окончательно стало общепризнанным, свершившимся фактом. Даже после 1054 г. дружественные отношения между Востоком и Западом продолжались и была надежда, что взаимное непонимание могло разъясниться. Крестовые походы во многом довершили раскол. Они привнесли новый дух ненависти и горечи и перевели конфликт в разряд массовых. Первый факт откровенно раскольничьих действий, по мнению некоторых, имел место в 1098 г., когда норманнский крестоносец Боэмунд I¹ захватил Антиохию и назначил там латинского Патриарха. Греческий Патриарх удалился в Константинополь, и греческому населению невольно пришлось признать латинского Патриарха. Таким образом, с 1100 г. существовал местный, Антиохийский раскол (Chadwick 2003: 258–73).

Попытки объединения можно обнаружить в переписке между императором Мануилом I Комнином (1143–1180 гг.) и Папой Александром III (1159–1181 гг.). Множество посольств перемещались между Римом и Константинополем для обсуждения возможностей воссоединения. Император поручил Андронику Каматиру написать трактат (*«Святая Защита»*), подытожить в нем богословские несоответствия, возникшие между Римом и Константинополем, и продемонстрировать православие греков. Однако попытки воссоединения ни к чему не привели. Противостояние греков и латинов в Константинополе нарастало. Это, в частности, показывает величайший канонист, Феодор Вальсамон, считавший латинов схизматиками. (Он был назначен Патриархом Антиохии, но не смог вступить в должность, поскольку престол уже заняли латины). Яркие антилатинские настроения в Константинополе вылились в 1128 г. в резню латинских колонистов и разрушение их храмов. Далее как стихийное бедствие последовал Четвертый Крестовый поход. В 1204 г. этот поход направлялся в Египет, но отстраненный от власти император из Константинополя попросил у крестоносцев помощи в восстановлении на троне. Интервенция обернулась для Византии как нельзя хуже: крестоносцы в конце концов захватили и разграбили Константинополь. Император ромеев бежал, а Папа Иннокентий III учредил Латинский патриархат. Весь этот эпизод стал прискорбным событием, навсегда оставшимся в памяти византийской Церкви. После 1204 г. не оставалось сомнений, что христианский Восток и христианский Запад больше не пребывают друг с другом в единстве и каноническом общении (Runciman 1955: 145 ff.; Angold 2003).

Были сделаны две значимые попытки восстановить единство. Василевс Михаил VIII Палеолог (1259–1282 гг.) в 1261 г. отвоевал Константинополь и положил конец существованию там Латинской империи. Он искренне желал христианского единства, но руководствовался также и политическими мотивами. В Сицилии ему угрожал нападением Карл Анжуйский, желавший стать императором Константинополя. Поэтому Михаилу VIII понадобилась поддержка папства. Папа Григорий X (1271–1276 гг.) созвал Собор, прошедший в 1274 г. в Лионе. Папской курией был подготовлен документ о вероисповедании для принятия императором. Он не был результатом соборного обсуждения – дискуссии между

¹ Герцог Боэмунд Тарентский (прим. ред.).

Востоком и Западом. Православная делегация согласилась признать притязания Папы и произносить в дальнейшем Символ Веры с *filioque*. Однако это соглашение осталось на бумаге. Большинство церковнослужителей и мирян византийской Церкви его отвергли, и в итоге оно ни к чему не привело.

Восток и Запад продолжали расходиться в вопросах богословия и понимании христианской жизни (Kolbaba 2000). На Западе традицию Отцов Церкви заменил новый теологический метод схоластики, быстро развивавшийся в XII–XIII вв. В Византии Церковь продолжала жить в атмосфере греческих Отцов. Различие в подходах прослеживается также и в спорах об исихасме середины XIV в. Они касались методов мистического созерцания в молитве, практиковавшихся монахами Св. Горы Афон. Исихаст – человек, посвятивший себя молитве во внутренней тишине, «сердечной молитве». Наиболее известным поборником исихасма стал мистический богослов Григорий Палама (1296–1369 гг.), монах горы Афон, в 1347 г. назначенный архиепископом Фессалоники. Его учение о мистической молитве было торжественно принято греческой Церковью на двух Соборах, прошедших в Константинополе в 1341 и 1351 гг. Западное христианство никогда не признавало этих Соборов, что еще раз указывает на расхождение между Востоком и Западом (Hussey 1986: 220–35).

Второй Собор по вопросу воссоединения проводился в 1438–1439 гг. Папа Евгений IV (1431–1447 гг.) в 1438 г. переместил Собор из Базеля в Феррару¹. Василевс Иоанн VIII Палеолог (1425–1448 гг.) был озабочен тем, как помешать упорному продвижению османов в направлении Константинополя. Он самолично, вместе с Константинопольским патриархом во главе огромной делегации от византийской Церкви прибыл в Феррару, а в 1439 г. во Флоренцию. Богословы обеих Церквей продолжили дискуссии по основным пунктам противоречий. Таковыми являлись двойное исхождение Святого Духа (спор о *filioque*), использование пресного хлеба в Таинстве Евхаристии латинами, доктринальное положение о чистилище, примат Папы римского. Дискуссии ведущих богословов с обеих сторон растянулись на целые месяцы, были сделаны серьезные попытки достичь согласия. Распространенным было убеждение, что святые не ошибаются в отношении веры, поэтому, хотя латинские и греческие святые выражали свою веру по-разному, в основном они приходили к согласию. В конце концов, этот аргумент перевесил и 5 июля 1439 г. было подписано постановление об унии – *Laetentur Coeli*. Оно включало положения о *filioque*, чистилище, пресном хлебе и притязаниях Папы римского. Собор постановил придерживаться важного для церковного единства принципа: единство доктрины могло сосуществовать с уважением к различным обрядам и традициям в каждой Церкви. Православные делегаты признали обоснованными притязания Папы римского, но с дополнением: «согласно актам Вселенских соборов и священным канонам». Имелось также и дополнение – «возобновляя порядок в отношении прочих Патриархов, установленный в канонах ... без предубеждения в отношении их привилегий и прав». Участники Собора согласились с тем, что возможна разумная и обоснованная интерпретация *filioque*, но не требовали добавить его в текст Символа Веры; они

¹ По причине начавшейся эпидемии чумы (прим. ред.).

приняли римское учение о чистилище. Каждая Церковь была вольна использовать квасной или пресный хлеб в Таинстве Евхаристии согласно своим традициям. Марк, митрополит Эфесский, был единственным греческим епископом, отказавшимся подписать унию. В постановлении ничего не говорилось о celibate священнослужителей, разводе, повторном браке. На Западе прошли масштабные торжества. В Константинополе, однако же, многие священники, подписавшие документ, немедленно по возвращении домой сменили мнение, и большинство священнослужителей и мирян унию отвергло. Император обнародовал постановление лишь в 1452 г. Со стороны Запада последовала незначительная военная помощь, и 29 мая 1453 г. Константинополь был захвачен турками, а Великая церковь Св. Софии стала мечетью. Настал конец и самой Византийской империи, и ее унии с латинами (Chadwick 2003: 258–73).

ЛИТЕРАТУРА

- ANGOLD, M. 1995. *Church and Society under the Comneni, 1081–1261* (Cambridge).
——— 2003. *The Fourth Crusade: Event and Context* (Harlow).
CHADWICK, H. 2003. *East and West: The Making of a Rift in the Church* (Oxford).
DVORNIK, F. 1948. *The Photian Schism: History and Legend* (Cambridge).
GALLAGHER, C. 2002. *Church Law and Church Order in Rome and Byzantium* (Birmingham).
GILL, J. 1964. *The Council of Florence* (Cambridge).
HUSSEY, J. M. 1986. *The Orthodox Church in the Byzantine Empire* (Oxford).
KOLBABA, T. 2000. *The Byzantine Lists: Errors of the Latins* (Urbana).
MEIJER, J. 1975. 'A Successful Council of Union': *A Theological Analysis of the Photian Synod of 879–880* (Thessalonike).
MEYENDORFF, J. 1989. *Imperial Unity and Christian Divisions: The Church 450–680 A.D.* (New York).
PAPADAKIS, A., and MEYENDORFF, J. 1994. *The Christian East and the Rise of the Papacy: The Church 1071–1453 A.D.* (New York).
RUNCIMAN, S. 1955. *The Eastern Schism: A Study of the Papacy and the Eastern Churches during the Eleventh and Twelfth Centuries* (Oxford)¹.
WARE, T. 1997. *The Orthodox Church* (Harmondsworth, rev. edn.).

¹ См. пер.: Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия / Пер. с англ. Т. Б. Менской. — М., 1998 (прим. ред.).

Глава III.11.4 ЛИТУРГИЯ

Роберт Тафт

«Отечественная история»: этапы становления византийской литургии

«Византийский обряд»¹ представляет собой литургическую традицию, развивавшуюся в православном патриархате Константинополя и на зависимых территориях, а позднее распространившуюся на другие православные патриархаты Александрии, Антиохии, Иерусалима. Различают пять частичных совпадающих этапов «византийской истории» данного обряда: (1) «палеовизантийский период» – до момента преобразования Византия в Константинополь в 330 г.; (2) последовавший затем «имперский период»; (3) византийское «раннее средневековье» – с 610 по 850 гг. (приблизительно); (4) Студийский период – с 800 по 1204 гг.; (5) «Новосавваитский» период с 1204 г. и далее.

1. Палеовизантийская литургия

Нам мало что известно о церковных традициях Византии в период до 330 г., когда Византий стала Константинополем и начала играть в империи надлежащую политическую и церковную роль. Пережитки литургии тех времен – Византийская анафора и Литургия часов, показывает, что это был типичный позднеантичный антиохийский тип обряда без особых «византийских» черт.

2. Византийский обряд становится имперским

На «имперском этапе», особенно в последние десятилетия IV в., обряд Великой церкви приобретает стациональный (то есть процессионный) характер² и выраженную антиарианскую богословскую окраску (Baldovin 1987: ch. 5;

---

¹ Обряд – связный, унифицированный свод богослужебных обычаев, которому следуют все церкви внутриединой церковной системы (*прим. переводчика*).

² Стациональное богослужение – городское богослужение, для которого характерны процессии с остановками, совершаемые от епископской церкви к остальным церквам и другим приходским святыням (*прим. переводчика*).

Taft 1992: ch. 3). Его развитие достигает высшей точки в золотой век правления Юстиниана I (527–565 гг.) и его ближайших преемников, когда в литургию прибавилась доля имперского столичного блеска.

На этом этапе развивается система соборной литургии, которая просуществует до времени, последовавшего за Латинским завоеванием (1204–1261 гг.), то есть в течение 3-го и 4-го периодов. К началу VI в., особенно с сооружением Юстинианом храма Св. Софии, византийский обряд приобретает ритуальный блеск и теологическую осмысленность, особенно вследствие противостояния с монофиситами, посредством введения новых праздничных служб, добавления Символа Веры (511 г.) и нескольких новых, и по сей день бессмертных песнопений: *Трисвятое* (ок. 438–439 гг.), *Единородный Сыне* (535–536 гг.), *Херувимская песнь* (573–574 гг.).

Еще большее значение для развития литургии имели процессии, для сопровождения которых эти песнопения и предназначались. Большинство византийских описаний литургии периода, предшествовавшего иконоборству (726–843 гг.), просто-напросто не упоминают церковное здание и все происходившее внутри него. Они считают важным происходившее вне храма, в ходе стациональных процессий и богослужений. Эти «станции» наложили на Божественную литургию и на прочие обряды Великой церкви неизгладимый отпечаток: входы, процессии, посвящения стали характерными элементами всей Византийской литургии (Mateos 1971: 34–45; Baldovin 1987: ch. 6; Mathews 1971: ch. 4–7) и оказали плодотворное влияние на форму и организацию константинопольского церковного строительства раннего периода, особенно сооружение алтарей, пристроен (экзонартекс, нартекс¹) и многочисленные монументальные входы, каждый из которых создавался, чтобы облегчить прибытие и торжественный вход процессии в храм (Taft 1992: 33–5; 1997–8: 74–82). Именно они приносят значительную долю символизма в литургию, в устройство церковных зданий, в классику литургического комментария со времен Максима Исповедника (ок. 630 г.) и далее (Taft 1980–1).

2.1. Взгляд извне: храм и литургия как Вселенная

Византийцы, конечно же, не являются изобретателями того, что храм изображает мир видимый и невидимый, начиная от самого верха – Престола Господня на херувимах, до низу, где протекает человеческая жизнь: понятие храма как микрокосма – общераспространенный феномен человеческого религиозного сознания. Но храм Св. Софии, освященный 27 декабря 537 г., придал этому тезису выразительности, никем и никогда ранее не достигавшейся. Благоговейное величие его просторов, ослепительный блеск освещения с удивительным постоянством вызывали у того, кто видел храм впервые, восторженный возглас человека, обнаружившего земное небо, небесный жертвенник, вторую твердь небесную, образ Вселенной, трон самого Царя Славы.

Вселенский символизм находит отражение и в литургических текстах того периода, что придает экспрессии типологии, в рамках которой земная церковь

¹ Внешний притвор и притвор соответственно (прим. переводчика).

рассматривается как пространство, предваряющее небесное святилище, а земная литургия является «сослужением», участием в молении, которое Небесный Агнец и ангельские хоры приносят перед престолом Царя Славы. Этот первый уровень византийской литургической интерпретации отражен в таких добавочных элементах литургии V–VI вв. как Молитва Входа и *Херувимская песнь* (573–574 гг.), и системно описан около 630 г. в *Мистагогии* Максима Исповедника (ум. в 660 г.) – наиболее раннем комментарии к византийской литургии.

3. «Тёмные века» и иконоборство

В «тёмные века», с 610 г. по (приблизительно) 850 г., Византии пришлось пережить тяжелые времена. VII в. был для Востока тем же, что V в. для Запада – концом Римской империи. Классический древний мир умирал мучительной и беспокойной смертью: славянские племена около 580 г. перешли Дунай и обосновались на Балканах и в Греции. После Ираклия (610–641) империи постоянно угрожали со всех сторон. Один за другим сдались под натиском ислама Александрия, Антиохия и Иерусалим, а учение монофиситов смертельно ослабило в этих патриархатах Православную Церковь. Период патриархатов и греческое господство на Востоке подошли к концу, империя погрузилась в квазифеодализм, а некогда большие города съезжились до размеров осаждаемых провинциальных крепостей. И что еще хуже, Православная Церковь находилась на пороге серьезнейшего за всю свою историю внутреннего кризиса – иконоборства (726–843 гг.).

Что касается литургии, период с VII по IX вв. – время следования традициям: богослужение продолжает совершаться по чину Великой церкви, хотя и в более стесненных обстоятельствах. Но наблюдались также консолидация и сокращение, вызванные уменьшением масштабов общественной жизни и памятников. Соппротивление иконоборцам также ознаменовало перемены, поскольку преобразование, вызванное этим легендарным конфликтом, достигло кульминации и вылилось в Студийскую реформу.

3.1. Новая Мистагогия

На протяжении столетия, при жизни Максима Исповедника (ум. 660г.), на заре иконоборского кризиса, традиционная *теория* Максимовой «вселенской» литургической интерпретации начала уступать позиции более буквальному, представленчески-повествовательному видению истории литургии. Не оставляя вселенской, небесной литургической типологии, унаследованной из *Мистагогии* Максима Исповедника, около 730 г. Патриарх Герман I добавил к трактовке византийской литургии еще один уровень интерпретации, присутствующий, хотя и менее явно прослеживаемый, в ранневизантийских литургических текстах: интерпретации Евхаристии не только как «воспоминания», но как действительного образа истории спасения во Христе (Taft 1980–1). При Германе эти два лейтмотива стали неотъемлемой частью византийского синтеза.

Введение более точной, буквальной трактовки поверх прежнего мистического уровня византийской интерпретации совпадает с началом борьбы с иконоборцами, когда Православие оказалось вовлеченным в схватку не на жизнь, а на смерть в защиту иконопочитания; выражение радикального реализма Воплоще-

ния противопоставляется консервативной реакции, отстаивающей более символический и, в крайних проявлениях, иконоборский спиритуализм. Действие новой ментальности сразу заметно в представленческой Мистагогии, около 730 г. интегрированной в более раннюю, Максимову традицию Патриархом Германом, в осуждении Седьмым Вселенским Собором 787 г. учения иконоборского собора 754 г. о том, что только Евхаристия является действительным символом¹ Христа, и, в конце концов, – в иконографическом подходе средневизантийской Церкви.

3.2. Новые подходы в архитектуре и отделке зданий

Соображения экономии и влияние монастырей того времени породили менее массовый, менее публичный, менее городской, менее стациональный и более «камерный» тип литургии. На смену монументальной архитектуре Юстинианова периода пришли средне- и поздне-византийские храмы, часто в сравнении с ней миниатюрные, сжатые до размеров, позволяющих применить новый иконографический подход: единая схема оформления была возможна лишь в храме достаточно малого размера, позволяющего окинуть взглядом все его внутреннее пространство (также см.: II.7.2. Церкви и монастыри; II.7.4. Стенная роспись и мозаика).

Поскольку церкви стали меньше, городские стациональные богослужебные обряды, рассчитанные на литургическое пространство общегородского масштаба, пришлось сжать до пределов, ограниченных стенами все уменьшавшихся церковных зданий, и некогда величественное и массовое шествие Входа стало пережитком церковного прошлого, сократившись до ритуальных поворотов на пространстве крошечного нефа. Это выразилось в уклонении в больший, нежели ранее, символизм, поскольку прежние процессии, сократившись до ритуальных выходов священнослужителей из-за алтарной преграды, отныне интерпретируемых как епифании Христа в слове и в Святых Дарах.

Движение в направлении уменьшения масштабов священнодействия также повлекло за собой все большую «приватизацию» литургии. Не только процессии сократились до ритуально-атавистических элементов, не имеющих практической значимости, которые оканчиваются едва успев начаться, но и в самой церкви ритуальное действо также перемещено в более, нежели когда-либо, закрытый алтарь. Обилие частных часовен с собственным клиром – еще один признак перехода от монументальной общественной службы к более домашней и монастырской.

4. Студийский период

Период приблизительно от 800 г. до Четвертого Крестового похода и Латинского завоевания 1204–1261 гг. – во многом время восстановления и укрепления Византийской империи. Но бывали также и спады. Так, начальный период возрождения при Македонской династии сменился в 1071 г. крахом на границах: победы норманнов и сельджуков привели к полной и окончательной потере Италии

¹ Или иконой – прим. переводчика.

и открыли туркам доступ в Малую Азию. Далее при Комнинах, в 1081–1204 гг., последовало частичное оживление и относительный подъем.

Для Церкви, потрясенной столетием иконоборства (726–843 гг.), нарастающим конфликтом и охлаждением отношений между Западом и Востоком, в этот период прослеживалось все большее подчинение патриархата императорской власти и все большее подражание монастырской духовной, церковной и литургической практике. Поражение иконоборцев в 843 г., в основном ставшее победой монашества, вызвало деморализацию мирского духовенства и резкий скачкообразный подъем монастырского влияния: лишь во времена противостояния иконоборцам и в последующие годы монахи стали играть главенствующую роль в иерархии Православной Церкви, в истории ее литургии. Это произошло во многом благодаря влиянию Св. Феодора, игумена Студийского монастыря (ум. 826 г.), который в 799 г. привел своих монахов из Саккудиона (Вифиния) в столицу, где было безопасней. Там они нашли прибежище в пришедшем в упадок Студийском монастыре V в., который вскоре возродили к жизни, тем самым торжественно открыв эру Студийской реформы.

На протяжении всего средневизантийского периода в литургии преобладал и развивался именно этот студийский синтез, монастырский обряд различных масштабов, начиная от соборных богослужений Великой церкви (Pott 2000: ch. 5; Пентковский 2001: 21–48). Этот монастырский чин, окончательно кодифицированный в расширенных и подробных правилах Студийского монастыря (*Typika*), будет сосуществовать, а потом окончательно вытеснит соборный обряд Типикона Великой церкви (Mateos 1962–3) во время реставрации империи, последовавшей в 1261 г. за латинской оккупацией.

4.1. Победа Православия и литургическая реформа

Недавние достижения в изучении византийских евхологических¹ рукописей (Parenti and Velkovska 2000; Arranz 1996) подтверждают, что иконоборство стало водоразделом в истории византийской литургии (Parenti 1997). Источники обнаруживают явные следы литургической реформы, начиная, по всей видимости, от победы над иконоборцами, на протяжении недолгого патриаршества Мефодия I (4 марта 843 г. – 14 июня 847 г.). Реформа, среди прочего, включала новую редакцию Божественной литургии Св. Иоанна Златоуста, которая на рубеже тысячелетий сменила Литургию Св. Василия Великого, прочно заняв место основного литургического формуляра Православной Церкви (Parenti 2001). Приблизительно в то же время изменения отмечены также в рукописях византийской литургической Псалтири, где, как и в Евхологии, старая и новая редакции продолжают использоваться параллельно с IX в. и до конца XI в. Несмотря на эти изменения, с литургической точки зрения соборная/приходская литургия в Византии была гораздо более консервативной, нежели монастырское богослужение. Изменения в Евхологии, начатые в то время, были в действительности минимальными, больше напоминая косметический, нежели капитальный ремонт.

¹ Евхологии (Молитвослов) – сборник, содержащий молитвы, которые читали совершавшие службу епископы и священники во время разного рода богослужений (*прим. переводчика*).

В студийских монастырях, однако, литургическое творчество, подогреваемое ярким сопротивлением иконоборцам, развивалось быстрыми темпами. Несмотря на многочисленные трудности, с которыми студийские монахи сталкивались при новом Патриархе Мефодии, который, на их взгляд, слишком мягко обошелся с бывшими иконоборцами, победа над иконоборством поставила монахов Константинополя в выгодное, по сравнению со светским духовенством, положение. Монастыри стали богаче, получили большую самостоятельность, их количество, особенно в городах, увеличилось, и по окончании ранневизантийского периода стали строить больше монастырских, нежели светских церквей.

Оставшаяся часть истории византийского обряда отражает растущее влияние монашества в Православной Церкви. Симбиоз собора и монастыря впервые возникает как образ в «Сказании о двух Градах», Константинополе и Иерусалиме (Taft 1990, 1997; Pott 2000: ch. 4), далее – в «Сказании о двух монашеских Пустынях», Палестине и горе Афон, и по мере того, как история приближалась к развязке, – в синтезе исихастов XIV в. (Taft 1988).

Это можно назвать бесконечной историей, поскольку мы наблюдаем не начало нового, а продолжение существующего. Еще до описываемого периода, в то время как на Константинопольскую литургию оказывали влияния палестинские традиции, постепенная византинизация литургии Святого Града (Иерусалима) уже была в разгаре, что, несомненно, явилось следствием верховенства Константинопольского патриархата на Востоке с конца эпохи поздней античности. До VII в. именно Иерусалим сохранял авторитет в литургических вопросах, и свое влияние он распространял в том числе на Константинополь. Однако позже, с первой половины VII в., влияние стало взаимным, а Константинополь стал не только реципиентом, но и источником распространения литургических традиций: так будет продолжаться до постиконаборского периода, когда Великая церковь победоносно восстанет «из пепла». На рубеже веков река повернулась вспять, и Константинополь с тех пор явно первенствовал в области литургического творчества (Дмитриевский 1907: гл. 3; Baumstark 1905: 282–9; 1927).

Хотя многие аспекты взаимодействия двух традиций по-прежнему далеко не ясны, в общих чертах их можно описать следующим образом (Taft 1988). После первой фазы иконоборского кризиса (726–787 гг.), когда все разработанные на тот момент богослужебные обряды Великой церкви продолжали использоваться даже и после того, как империя погрузилась во мрак «тёмных веков», семена нового побега уже проросли в монастырях Студийского братства. Центральная роль в истории византийского богослужения принадлежит Св. Феодору Студиту, благодаря его заинтересованности в поражении иконоборцев и в монастырской реформе. Именно поэтому он пригласил в Студий нескольких монахов из Лавры Св. Саввы в Иудейской пустыни между Иерусалимом и Мертвым морем – судьбоносное решение, чреватое последствиями для всей будущей истории византийского обряда (Pott 2000: ch. 4).

Монастырь Св. Саввы сам пережил знаменательное возрождение – восстановление после нападения персов в 614 г. Именно этим его вторым рождением датируется всплеск в иерусалимской литургической поэзии – создание песнопений, в которых Св. Феодор выступает как испытанный вождь православия в борьбе

с еретиками. Именно это иерусалимское богослужение, а не *Аколутфия акимитов* (*Akolouthia ton Akoimeton*) или «Богослужение неусыпающих монахов», распространенное на тот момент в монастырях столицы (Taft 1982: nos. 3, 9, 19, 24–6, 79), студиты синтезировали по материалам *Asmatike Akolouthia*, или соборного «Богослужебного песенного последования» Великой церкви для создания смешанной Студийской службы: палестинский Орологий с его псалмодией и гимнодией наживили на костяк литаний и молитв из Евхология Великой церкви.

Изначально рассеянные по тексту разнородных рукописей (*каноны, стихиры, кондаки, тропари, кафисмы*), эти новые поэтические произведения в конце концов были кодифицированы в позднейших византийских антологиях, применяемых для суточного (Октоихи – рукописи, в которые такого рода материал для воскресных служб начали объединять еще с VIII в., но само название Октоих впервые возникает в XI в.), великопостного и пасхального (Триодь, X в.), а также неподвижного циклов литургического года, причем именно в таком порядке, начиная с указанных столетий (Минея, X–XII вв.). Как только этот материал был сведен воедино, при интерференции разнородных циклов литургических изменяемых элементов стала ощутима потребность в регулировании все более интенсивного и перегруженного «дорожного движения». Поэтому в начале второго тысячелетия появляется Расширенный типикон, новый тип монастырской книги, предназначенный для урегулирования наложения трех несовпадающих циклов изменяемых элементов (Пентковский 2001: 21–48; Thiermeyer 1992; Thomas and Hero 2000; Jordan 2000, 2005, 2007).

Наиболее ранние Типиконы первого поколения, Студийский типикон (*Stoudite Typika*), наподобие западных (к примеру, *Правило Господне*, или *Правило Св. Бенедикта*), немногим превосходят обычные монастырские правила с элементарными литургическими предписаниями. Но эти предписания явно студийского происхождения традиция вскоре распространила из Константинополя в другие православные монастырские центры: основополагающее правило святогорцев (агиоритов) – монахов горы Афон, *Иномуносис* (*Hypotyposis*) Великой лавры Св. Афанасия, написанный лично Св. Афанасием вскоре после основания Великой лавры в 962–963 гг., – всего лишь слегка подретушированный вариант более раннего Студийского Ипотипосиса (Пентковский 2001: 21–48; Taft 1988: 182–4).

Этот Типикон студийского типа по мере усугубления синтеза Савваитской и Константинопольской богослужебных практик обрстал литургическими элементами, а также распространялся повсюду. Первый из таких преобразованных студийских типиконов был составлен Алексеем, игуменом Студийским, позднее Константинопольским патриархом с 1025 по 1043 гг., для монастыря, основанного им близ столицы. Именно этот Типикон, ныне доступный только в шести славянских рукописных списках, Св. Феодосий Печерский перевел на славянский язык в XI в. и ввел как правило для Киево-Печерской лавры, колыбели православного монашества для восточных славян, откуда он распространился по всей Руси и Московии (Пентковский 2001: 21–48; Arranz 1976: 64–5; Taft 1988: 184).

К началу XII в. образец зрелого студийского синтеза появляется также в Южной Италии, в полной форме – в виде Свято-Спасского Типикона Месси-

ны (1113 г.) (Arranz 1969). Он обнаружен на горе Афон в Ивирском монастыре, в Типиконе Георгия III Мтачминдели (ок. 1009–1029 – июнь 1065 гг.), восьмого *игумена* Ивируса (ок. 1044–1065 гг.). Его Типикон, основанный на константинопольском греческом оригинале, составленном ранее 906 г., был переведен на грузинский язык между 1042 и 1044 гг., еще до того, как Георгий стал настоятелем: его объем – несколько рукописей на грузинском языке, самая ранняя из которых датируется XI в. Этот основополагающий документ, – первое полное описание литургической жизни на горе Афон, – доказывает, что наиболее ранние святогорские чинопоследования Божественной литургии следовали студийскому образцу, который к тому времени уже представлял собой сплав савваитских традиций с чином Великой церкви (Пентковский 2001: 21–48; Taft 1988: 185–6).

Этот синтез, окончательно состоявшийся к XII в., добавляет к более равному и спокойному пустынножительному молению палестинского монашества оттенок ритуальной торжественности, чтобы придать ему то, что М. Арранц называет «ярко выраженным византийским колоритом, определенным уклоном в соборную традицию, важностью, приписываемой пению в ущерб чтению Псалтири и т. п.» (Arranz 1972: 85), – и все это становится неотъемлемой характеристикой Литургии Часов. К XII в. Студийский чин использовался на Афоне и Руси, в Грузии и Южной Италии (Пентковский 2001: 21–48).

Новые богослужения Страстной Седмицы и Пасхи (Janeras 1988; Bertonière 1972; Taft 1990 и 1997), равно как и изменения в церковной музыке, также отражают эту эволюцию. В музыкальных источниках константинопольского происхождения сразу заметны две традиции – соборная и монастырская, как параллельные, но независимые, причем соборная несколько превалирует. Далее, поскольку они оказывали друг на друга влияние, монастырский чин постепенно становится ведущим и с XI в. начинает преобладать (Strunk 1977: 137 и *passim*; Conomos 1985). Архитектура и иконография следуют вышесказанному, на свой манер отражая эти изменения и реформы (Mathews 1971: *passim*, особенно гл. 4; Taft 1994: 179–91; 1992: гл. 6; Parenti 1997: 14–16).

4.2. Средневизантийский синтез

Новый Евхологий и Типикон; новое сочетание Константинопольской и Иерусалимской Божественной литургии, богослужения Страстной Седмицы и Пасхи; новая литургическая музыка; новая архитектура; новая литургическая диспозиция и иконография храма; новая мистагогия, дающая всему этому новую интерпретацию – очевидно, что средневизантийский синтез можно считать завершенным. На сцене появляется Евергетидский типикон¹ (1143–1158 гг.), несомненно, один из наиболее значимых средневековых литургических текстов, дошедших до нас из Византии (Jordan 2000, 2005, 2007). 179 листов литургического *ordo* (*Athens, Nat. Lib.* 788) – это один из наиболее пространственных сохранившихся литургических документов, весьма вероятно, самый длинный литургический Типикон всех времен. Во многом его можно рассматривать как вершину литургического

¹ Типикон монастыря Пресвятой Богородицы Евергетисы (Благодетельницы), основанного в 1048 г. недалеко от константинопольских стен (*прим. переводчика*).

творчества студийской эпохи. Но, как и все исторические периоды, разделение на которые мы вводим произвольно, облегчая изложение материала, периоды литургической истории не имеют четкого окончания, и Евергетидский типикон уже содержит добавления савваитских текстов «второй волны», что приближает нас к завершающей стадии нашей истории.

5. Заключительный этап: преобладание новосавваитской традиции

Приближение византийской литургии по своему характеру к монастырской, имевшее место еще до Четвертого Крестового похода (1204 г.) (Strunk 1977: 137), только усилилось в период правления латинян (1204–1261 гг.), когда деморализованное светское духовенство, будучи неспособно как прежде совершать сложное «Богослужение с песнопениями» по чину Великой церкви, волей-неволей согласилось с «монастырезацией» богослужения. В период Палеологовой реставрации (1259–1453 гг.) византийская Церковь оставалась мощной и влиятельной силой в жизни народа, особенно во время возрождения исихасма, начавшегося на горе Афон (Taft 1988: 190–4). Но с тех пор это была уже Церковь, возглавляемая монашеством.

5.1. От студитов до агиоритов: рост значимости горы Афон

В Константинополе общежительное монашество по образцу студийского занимало позицию главенствующей, эталонной формы городского монашества вплоть до XIII в., хотя уже к XII в. в богослужебные чинопоследования студийских монастырей столицы начинают проникать савваитские элементы «второй волны». В других местах центр притяжения начал смещаться к Западу, поскольку турецкое давление на Востоке сместило фокус византийского монашества из Малой Азии в направлении монастырских центров Греции. Но агиориты в конце концов сменили строгий общежительный устав студитов на более свободно структурированный монастырский устав (устав лавры и скитов или маленьких монастырей Палестины) савваитов. Мы находимся на пороге новой эпохи, заключительного «новосавваитского» этапа формирования современного византийского обряда (Taft 1988). Этот окончательный, неосавваитский синтез в период распространения и преобладания исихасма постепенно изменил, повсеместно и окончательно вытеснил Студийский чин (который, по сути, являлся «Савваитским» чином предыдущего поколения). Он представляет собой, в основном, всего лишь немного измененный вариант студийского синтеза, поэтому мы можем называть его «новосавваитским», чтобы отличать от Студийского чина, который, как было показано ранее, есть ни что иное, как синтез савваитских элементов с древним соборным богослужебным чином Константинополя.

На протяжении периода Студийской реформы это «перекрестное оплодотворение» становится все более интенсивным, в особенности после гибели иерусалимской традиции вследствие разрушения Иерусалимского кафедрального собора, Храма Св. Воскресения или Храма Гроба Господнего халифом аль-Хакимом в 1009 г. Но феникс восстал из пепла, и начиная с XI в. палестинские монахи дорабатывают Студийский чин, приводя его в соответствие со своими потреб-

ностями, в особенности в том, что касается порядка ночных молитв, *агrypний* (*agrypnia*), а позднее – канона ежедневных *orthros* (*часов*) и количества псалмодий – сердца монастырской службы (Taft 1988). Процесс был впервые описан Никоном (ок. 1025 – после 1088), монахом монастыря Богородицы на Черной горе (*Mauron Oros*), на севере Антиохии в Сирии. Описывая новые монастырские обычаи, он впервые в предисловии к своему труду под названием *Тактикон* (*Taktikon*) употребил слово «*Типикон*». Итак, если Константинопольский чин претерпел «монастырезацию» под влиянием Палестины, Палестинский чин подвергся еще большей «византинизации». И хотя Никон Черногорец перечисляет различия обрядов студийских и иерусалимских монастырей, внимательное прочтение его Тактикона (I. 1–23) показывает, что это хотя и контрастирующие между собой, но, тем не менее, варианты в основном одного и того же Савваитского чина (Taft 1988: 180–1).

«Внешняя история»: распространение византийского чина

Такова в общих чертах «внутренняя история» византийская обряда. «Внешняя история» также претерпела глубочайшие изменения. В начале V в. данные из Греции, Каппадокии, Понта доказывают, что церкви этих грекоговорящих православных регионов, даже находясь под политическим господством столицы, не использовали Константинопольский обряд. Но в 691–692 гг. литургические правила Пято-Шестого Трулльского собора наглядно доказывают, что богослужебный чин уже стал связным и последовательным настолько, что давал возможность выразить непримиримость в отношении других богослужебных практик (латинской, армянской). С этого момента прочие церкви также начинают применять этот обряд, а к концу I тысячелетия территория его распространения охватывала уже весь Константинопольский патриархат; проник он также и в православные монастыри Антиохии, Палестины, Синая (Taft 1988), постепенно, с IX по XIII вв., распространяя свои традиции даже на немонастырские церкви других православных патриархатов (Taft 1992: 56–8).

Наиболее ранний из сохранившихся списков иерусалимской евхаристической Литургии Св. Иакова, – свиток, датируемый IX в. (*Vat. gr.* 2282), – уже содержит несомненные следы византинизации. В первом веке II тысячелетия литургическая византинизация православных патриархатов Александрии, Антиохии и Иерусалима, последовательно ослабляемых учением монофиситов, исламскими завоеваниями и Крестовыми походами, проходила очень быстро, особенно под покровительством Феодора Вальсамона (ок. 1130/40 – ум. после 1195). К концу XIII в. процесс более или менее завершился в Александрии и Антиохии, хотя «местная» Иерусалимская литургия Св. Иакова продолжала свое существование в Иерусалимском патриархате, а греческие рукописи не византийских литургий мелькитов продолжали копировать до самого конца Византии. Их историю еще предстоит написать (Nasrallah 1987; Taft 1992: 57, 64 n. 31).

Заключение

Итак, к середине XIV в. картину можно считать завершенной: *диатаксис* (*diataxeis*)¹ или руководства-рубрикаторы, продукт антиохийского исихасма, отныне преобладают в описываемой нами сфере, регламентируя литургию в форме, в основном сохранившейся вплоть до наших дней (Taft 1988: 192–4). Однако, что касается стран, которые Стефано Паренти метко окрестил «византийской периферией», сохранение или добавление различных местных традиций (Parenti 1991, 1997) только подтверждает высказывание известного немецкого литургиста Антона Баумштарка (1872–1948), что «формы литургии по самой своей природе являются предметом постоянного изменения», и что «по-видимому, в природе литургии – быть связанной с конкретными обстоятельствами места и времени».

ЛИТЕРАТУРА

- ARRANZ, M. 1969. *Le Typicon du Monastère du Saint-Sauveur à Messine. Codex Messinensis gr. 115, AD 1131* (Rome).
- 1972. 'Les prières presbytérales des matines Byzantines', *OCP* 38: 64–115.
- 1976. 'Les grandes étapes de la liturgie byzantine: Palestine–Byzance–Russie. Essai d'aperçu historique', in *Liturgie de l'église particulière, liturgie de l'église universelle* (Rome): 43–72.
- 1996. *L'eucologio costantinopolitano agli inizi del secolo XI. Hagismatarion e Archieratikon (Rituale e Pontificale) con l'aggiunta del Leiturgikon (Messale)* (Rome).
- BALDOVIN, J. F. 1987. *The Urban Character of Christian Worship: The Origins, Development, and Meaning of Stational Liturgy* (Rome).
- BAUMSTARK, A. 1905. 'Die Heiligtümer des byzantinischen Jerusalems nach einer übersehenen Urkunde', *Oriens Christianus* 5: 227–89.
- 1927. 'Denkmäler der Entstehungsgeschichte des byzantinischen Ritus', *Oriens Christianus*, 3rd ser., 2: 1–32.
- BERTONIERE, G. 1972. *The Historical Development of the Easter Vigil and Related Services in the Greek Church* (Rome).
- CONOMOS, D. E. 1985. *The Late Byzantine and Slavonic Communion Cycle: Liturgy and Music* (Washington, DC).
- ДМИТРИЕВСКИЙ, А. А. 1907. *Древнейшие патриаршие Типиконы – Святогробский иерусалимский и Великой Константинопольской церкви. Критико-библиографическое исследование* (Киев).
- JANERAS, S. 1988. *Le Vendredi-saint dans la tradition liturgique byzantine: structure et histoire de ses offices* (Rome).

¹ Наставление, состоящее из отдельных рубрик, шаг за шагом описывающее, как именно должен выполняться богослужебный ритуал. Комментарии в примечаниях переводчика приведены по изданию: Тафт Р. Ф. Византийский церковный обряд. Краткий очерк / Пер. с англ. А. А. Чекаловой; ред. рус. пер. В. М. Лурье. – СПб.: Алетейя, 2005 (*прим. переводчика*).

- JORDAN, R. H. 2000, 2005, 2007. *The Synaxarion of the Monastery of the Theotokos Evergetis*, 3 vols. (Belfast).
- MATEOS, J. 1962–3. *Le Typicon de la Grande Église. Ms. Sainte-Croix no. 40, Xe siècle. Introduction, texte critique, traduction et notes*, 2 vols. (Rome).
- 1971. *La célébration de la parole dans la liturgie byzantine: étude historique* (Rome).
- MATHEWS, T. F. 1971. *The Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy* (University Park, Pa.).
- NASRALLAH, J. 1987. 'La liturgie des patriarchats melchites de 969 à 1300', *Oriens Christianus* 71: 156–81.
- PARENTI, S. 1991. 'Influssi italo-greci nei testi eucaristici bizantini dei "Fogli Slavi" del Sinai (XI sec.)', *OCP* 57: 145–77.
- 1997 *L'eucologio slavo del Sinai nella storia dell'eucologio bizantino* (Rome).
- 2001. 'La "vittoria" nella Chiesa di Costantinopoli della Liturgia di Crisostomo sulla Liturgia di Basilio', in R. F. Taft and G. Winkler (eds.), *Acts of the International Congress of Comparative Liturgy Fifty Years after Anton Baumstark (1872–1948)* (Rome): 907–28.
- and VELKOVSKA, E. 2000. *L'Eucologio Barberini gr. 336* (Rome, 2nd edn.).
- ПЕНТКОВСКИЙ, А. М. 2001. *Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси* (Москва).
- POTT, T. 2000. *La réforme liturgique byzantine: étude du phénomène de l'évolution non-spontanée de la liturgie byzantine* (Rome).
- STRUNK, O. 1977. *Essays on Music in the Byzantine World* (New York).
- TAFT, R. F. 1980–1. 'The Liturgy of the Great Church: an initial synthesis of structure and interpretation on the eve of Iconoclasm', *DOP* 34–5: 45–75.
- 1982. 'Select bibliography on the Byzantine Liturgy of the Hours', *OCP* 48: 358–70.
- 1988. 'Mount Athos: a late chapter in the history of the Byzantine rite', *DOP* 42: 179–94.
- 1990. 'A Tale of Two Cities: the Byzantine Holy Week Triduum as a paradigm of liturgical history', in J. N. Alexander (ed.), *Time and Community: In Honor of Thomas Julian Talley* (Washington, DC): 21–41.
- 1992. *The Byzantine Rite: A Short History* (Collegeville, Minn.).
- 1994. *A History of the Liturgy of St. John Chrysostom*, vol. II: *The Great Entrance: A History of the Transfer of Gifts and Other Preanaphoral Rites of the Liturgy of St. John Chrysostom* (Rome, rev. edn.).
- 1997. 'Holy Week in the Byzantine tradition', in A. G. Kollamparampil (ed.), *Hebdomadae sanctae celebratio* (Rome): 67–91.
- 1997–8. 'Quaestiones disputatae: the skeuophylakion of Hagia Sophia and the Entrances of the Liturgy revisited', part I, *Oriens Christianus* 81 (1997): 1–35; part II, 82 (1998): 53–87.
- THIERMEYER, A.-A. 1992. 'Das Typikon-Ktetorikon und sein literarhistorischer Kontext', *OCP* 58: 475–513.
- THOMAS, J., and HERO, A. (eds.) 2000. *Byzantine Monastic Foundation Documents*, 5 vols. (Washington, DC).

Углубленное чтение

В дополнение к вышеперечисленным работам полезно изучить следующее:

TAFT, R. F. 1997. *Beyond East and West: Problems in Liturgical Understanding* (Rome, 2nd edn.)

——— 1978, 1991, 2000. *A History of the Liturgy of St. John Chrysostom*, vols. 2, 4, 5 (Rome).

——— 2000. *Divine Liturgies—Human Problems in Byzantium, Armenia, Syria, and Palestine* (Aldershot).

——— 1993. *The Liturgy of the Hours in East and West: The Origins of the Divine Office and its Meaning for Today* (Collegeville, Minn., 2nd edn.): ch. 17.

——— 1995. *Liturgy in Byzantium and Beyond* (Aldershot).

WINKLER, G. 2005. *Die Basilius-Anaphora* (Rome).

Глава III.11.5 МОНАШЕСТВО И МОНАСТЫРИ

Джон Макгакин

Практика монашества

Удивительно следить за тем, как христианское монашество (традиционно занятое проповедью в сельской местности и пригороде, использовавшее преломление хлеба как центральный символ Причастия и приоритетно опиравшееся на ценности взаимного благотворения), сумело в столь короткий срок взрастить аскетический идеал и сделать его своим оплотом. Однако, начиная, вероятно, с самых ранних времен существования официальной христианской церковной организации и, однозначно, со II в. и далее, именно так и сложилось. Последние исследования указывают на преобладание аскетического императива в эллинистическом окружении, образовавшего питательную среду для развития раннехристианских общин (Wimbush 1990; Kirschner 1984). Образцы проповеди и базовые структуры христианского богослужения настаивают на предположении, что Церковь первоначально являлась, скорее всего, урбанистическим, миссионерским, общественно-благотворительным феноменом, но монашество «запело» немного по-другому – звуки его песни глубоко отзывались в христианском мире и, не в последнюю очередь, в его византийской части. Это было, безусловно, справедливо для являвшихся изначально вотчиной христианского монашества Сирии, Египта, Палестины и Каппадокии. В Сирии и Египте зародился неординарный, высокопопулярный литературный жанр сказаний о раннехристианском монашестве. Жития и Апофтегмы¹ отцов-пустынников представляют собой уникальное сочетание апокалиптической литературной библейской мудрости с эллинистической философской традицией школы *хриси* (*chreia*), а также ярчайших проявлений народного религиозного сознания IV–V вв. Эта плодородная, но взрывная смесь дала новый толчок прежнему античному аскетизму, что по-настоящему вызвало рождение монашества на заре византийской эры. Апологеты конца IV в. и последующих периодов далеко разнесли славу монахов-

---

¹ Изречения – прим. переводчика.

пустынников, придав явлению пустынножительства огромную популярность даже в Византии. Выдающимися примерами являются Житие Св. Антония Великого, написанное Св. Афанасием, истории «Лавсаика» Палладия, Жития палестинских монахов Кирилла Скифопольского, «Луг духовный» Иоанна Мосха.

Монашество было и остается весьма успешным парадоксом, приводящим к единению со Христом (также см.: III.9.3. Священство, монахи, миряне). В основе его – идея жить в одиночестве (*monazein*), всерьез сосредоточившись на спасении души; но феноменологически оно расцвело в виде тесно связанных сообществ посвященных (мужчин и женщин), столь хорошо организованных и столь сосредоточенных в своем намерении, что за несколько поколений они радикально изменили образ жизни всемирного христианства. Монашество, возможно, начиналось как движение ухода от мира, из позднеантичных больших городов с намерением жить простой и тихой жизнью в пригороде, но почти в то же время многие из этих отшельников-одиночек (несмотря на все протесты и стремление к противоположному) начинают занимать высокие должности в Церкви, претендуя на роль епископов и священников, что по самой природе своей являлось городским и политическим служением. На протяжении нескольких сотен лет монашеское движение ухода от мира явилось столь успешным, что преобразовало саму природу христианского лидерства¹ в преимущественно аскетическое стремление. Изобильная риторика монастырских текстов (преобладающий вид литературы византийского мира) постоянно подчеркивает его обособленную роль, отшельническую отрешенность от мирских дел и общественных занятий. Это не должно затмить в глазах читателя фундаментальную важность политической и социальной функций, которые монашество осуществляло в рамках общевизантийского социального опыта – и не в последнюю очередь после X в., когда монастыри часто становились крупными землевладельцами. Именно так и объясняется всенародное прославление аскетического императива: его более или менее полным соответствием идеалам христианской святости и церковного порядка в византийском мире. Византийцы (со знанием дела отдавая дань восхищения парадоксам) вскоре усовершенствовали идеал городского монаха, отшельника-космополита. Литературный образ императоров, обращавшихся за советом по наиболее острым, сокровенным вопросам государственной политики к монахам-аскетам своего времени, это не просто риторический троп.

Египетский и сирийский аскетизм

Монастырскую традицию зачастую описывают как зародившуюся в Египте в начале IV в. Символическую роль основателя монашества отводили Св. Антонию, поскольку его жизнеописание, составленное Св. Афанасием, было одной из наиболее популярных книг для чтения в ранневизантийский период. История начинается с его обращения ко Христу и отказа от довольно обеспеченной жизни в Александрии ради суровости, скудости и уединения в полупустыне, прилегавшей к Нилу. Вначале он жил в окрестностях деревни, но вскоре стал подумывать

¹ Возм. – идеала (прим. переводчика).

о более полном уединении и постепенно удалился в безлюдные и дикие места. Поскольку он преуспел в духовном делании и премудрости, став чудотворцем и «другом Господним», то привлек к себе учеников и таким образом «взрастил» монашескую общину. Его Житие (*Vita*) в этом отношении дает общее описание характеристик уже известных к тому времени различных типов монастырского уклада, существовавших в середине IV в. И хотя пример Св. Антония является образцом для подражания, с позиций исторической точности он не является безусловным «основателем» монашества. Отшельничество существовало в Сирийской Церкви по крайней мере за столетие до него, и даже само Житие Св. Антония повествует нам о том, что он оставил свою сестру на попечение женщин-монахинь, уже к тому времени имевшихся в Александрийской Церкви.

Сирийская Церковь еще с ранних времен требовала от тех, кто приходил с намерением креститься (а такое намерение вплоть до V в., как правило, изъявляли не ранее достижения зрелого возраста), полностью отделиться безбрачному житию (Abouzayd 1993). Это значит, что в Сирии внутренний тесный круг крещенных христиан фактически объединял аскетов – приверженцев целибата. Все они были известны как *Ihidaya* (отшельники) или Бенья Кьяма (*Ben'ay Qyama*) (дети Завета). Такие аскетические общины мужчин и женщин традиционно жили либо в домах, либо группами при храмах и вскоре стали выполнять важную функцию, задавая тон общественных собраний. Такие общины являлись прямыми потомками сообществ дев и вдовиц, упоминаемых в Новом Завете (Voobus 1960). Пример такого образа жизни и того, как он смог послужить образованию узкого круга лиц, пользовавшихся влиянием в христианском церковном управлении, можно найти у Афраата «Персидского мудреца», аскета-епископа IV в., чьи «Образцы»¹ уже содержат многое из того, что позднее появится вновь как классические основы монашества. Таким образом, с наиболее ранних времен апокалиптический (связанный с отказом от мира) образ монашеского идеала жизни претендовал на прямую и законную преемственность от эсхатологической христианской общины в том виде, в котором она описана в Евангелии. Типичным для сирийских и раннеегипетских источников было описание аскетического образа жизни как «не от мира сего», по ассоциации с «ангельским житием», как способа предвосхитить будущий век. Сирийская Церковь развивала свою монастырскую историю, опираясь на образ святых, живших в уединении в окрестностях деревень, служивших таким образом важными посредниками во многих общественных диспутах. Феодорит в «Истории сирийских монахов» дает классическое описание данного явления и впервые знакомит читателя с сенсационным аскетизмом (к примеру, столпничеством), который вскоре и сам проложил себе дорогу в Византию. Сочетание монашеского призвания со служением «праведника» как посредника, целителя, экзорциста возымело, таким образом, большое значение с ранних времен существования христианства (Fowden 1982).

Однако в Египте IV в. распространение монашества было необычайным и значительным. Антония вскоре превзошли копты, к примеру, Св. Пахомий (Rousseau 1999) или Шенуте (Timbie 1986), организовавшие многотысячные

¹ Другое название – «Примеры» (прим. переводчика).

общины христиан — зилотов, живших сообща в высокоорганизованных поселениях вдоль Нила. Согласно Пахомию, была введена концепция монастыря как своего рода свободной федерации, объединенных общей деятельностью — молитвой и ручным трудом монахов и монахинь (всегда проживавших отдельными общинами, но иногда располагавшимися рядом из соображений безопасности). Шенуте был первым, кто составил общепризнанный чин пострижения в монашество или т. н. обеты, для монахов-аскетов. Безводные земли в окрестностях Нила и безлюдные просторы Палестины и Сирии вскоре прославились как «города в пустыне», а во времена господства Византии и даже позднее эти территории застраивались важнейшими монастырями (Chitty 1966). До наших дней сохранились лишь величайшие: места наподобие Мар Шаба¹ близ Вифлиема, монастыря Св. Екатерины на Синае или Св. Георгия Хозевита в Вади Келте. Руины малых византийских монастырей до сих пор разнообразят пейзаж Палестины. В период наивысшего подъема, до установления исламского правления, на относительно небольшой территории Палестины процветало не менее 140 монастырей (Binns 1994). В средневизантийский период концепция Святых Гор (в дикой, лесистой местности) стала популярной заменой пустынной традиции, а из всех известных поселений, к примеру, на горе Латрос, горе Олимп или горе Афон, последняя до сих пор остается образцом того, как колония отшельников могла организоваться и процветать под имперским патронатом (Morris 1996).

Стили восточного монашества

Идеализированный образ Св. Антония возвысил понятие отшельничества как превосходящую все прочие форму монашеского жития, в которой индивид искал полного уединения для совершенствования в молитве и аскетизме. Отшельники, разумеется, были одиночками, но даже они имели учеников; из этого опыта вскоре вырос еще один жанр монашества, а именно лаврианство. Лавра представляла собой сообщество монахов, преимущественно отшельников, каждый из которых следовал своим собственным путем, но собиравшихся вокруг общепризнанного старца (аввы), формируя нечто в роде большой духовной семьи. Братия лавры должна была собираться вместе по воскресеньям или большим праздникам в одной общей церкви, где они пели псалмы (начало монашеской практики молитвенного богослужения, распределявшегося по частям — часам на весь день) и служили Божественную литургию. Образ жизни лавры основывался на теснейших личных отношениях с одним харизматичным лидером. Она не подчинялась общему правилу, монахи не ели и не жили вместе, но, в конце концов, лавры стали располагаться более компактно, укрываясь за крепостными стенами с общинным храмом в центре укрепленного поселения. Это архитектурное решение стало классической формой для большей части последующих богослужебных заведений, и термином «лавра» стали иногда обозначать просто «большой монастырь».

Отличной от келейного, одиночного отшельничества или лавры как ассоциации монахов-отшельников, выступает также киновиальная форма монашества

¹ Преподобного Саввы — прим. ред.

(названная так от греческого слова, обозначающего общежитие). Общежительная модель символически ассоциируется с Пахомием, но широкое распространение получает уже после того как ее с энтузиазмом восприняли в Каппадокии такие влиятельные лидеры Церкви, как Св. Евстафий Севастийский, Св. Василий Кесарийский, Св. Григорий Назианзин (Богослов). Киновияльное монашество (основная отличительная черта которого – общее дневное правило и общая трапеза) однозначно являлось стандартным типом монастырского заведения на протяжении византийской эры, но смена типа монашества на протяжении индивидуального жизненного пути монаха всегда оставалась возможной.

Св. Григорий и Св. Василий (два ведущих Никео-Каппадокийских Отца Церкви), будучи сами влиятельными политиками, аскетами, епископами, многое сделали для утверждения идеи монашества как основополагающей для церковной организационной структуры, но изначальная встревоженность епископов тем, что ревностные монахи могут подорвать их правление, отразилась в актах Гангрского собора 340 г. Тем не менее, местные общины симпатизировали ревностным аскетам и, начиная с V в. и далее, часто назначали их своими главами – епископами. Вопрос об управлении был более или менее урегулирован (в пользу местных епископов) правилами Халкидонского собора в 451 г., когда монахи были окончательно подчинены епископату, – парадоксально, но этот законодательный акт повысил престиж монашества, поскольку официально поместил его в самом сердце церковных управленческих структур. В то время, когда возросло число епископов-аскетов, казалось естественным поставлять монашествующих и в священники. Данная модель использования монахов на службе в церковных учреждениях, – литургически и пастырски, – приобрела широкое распространение. Однако она так и не стала общепринятой нормой для византийской Церкви, в особенности в крупных городских центрах типа Константинополя и Фессалоники, где группа немонашествующего духовенства, интеллектуалов и аристократии надежно защищала свои права и привелегии от монашествующих.

Св. Григорий и Св. Василий вместе определили контуры аскетического «правила», которое было принято за основу большинством византийских монашествующих общин, стремившихся с их помощью регулировать свою повседневную жизнь. Св. Василий первоочередное значение придавал физическому труду. Его идеал состоял в том, чтобы монахи и монахини зарабатывали на жизнь своими руками. Св. Григорий был более склонен отводить значимую роль интеллектуальной жизни. В общем и целом, византийское монашество традиционно следовало обоим представлениям: некоторые общины жили земледелием, тогда как другие в большей степени поощряли науку и образование (по крайней мере, отчасти). Большинство библиотек в зданиях монастырей, однако, наполнялись строго церковной и аскетической литературой. Лишь некоторые, такие, как составленная Феодором Метохитом в монастыре Хора в Константинополе XIV в., имели более обширное собрание, и это благодаря тому, что оно отражало его личные вкусы и предпочтения как аристократа-мирянина.

Основные теоретики византийского монашества, такие как Св. Василий Великий и Св. Феодор Студит (чьи работы стали архетипичными для последующих столетий), так настаивали на том, что монашествующие должны зарабатывать

на жизнь трудом рук своих, что большинство аскетических сообществ тяготели к положению активных производителей, а не потребителей. Это стало частью монашеского духа – не просто средством направить в нужное русло энергию отдельного монашествующего индивида, но чем-то большим, поскольку в большинстве случаев гарантировало тяготение общины к финансовой стабильности и даже росту ее благосостояния в условиях экономического микроклимата империи. Во многие периоды истории Византии, особенно в то время, когда инфляция носила скачкообразный, непредсказуемый характер, монастыри были одной из немногих безопасных гаваней как объект вложения средств аристократии. И потому мы видим на всем протяжении истории Византии аристократов и богатых торговцев жертвовали монастырям, выполняя, таким образом, роль «основателей» с целью укрыться за стенами монастыря (зачастую со своими семьями) в старости или в случае возможных политических неурядиц или опалы. Монастыри были для византийских монахов и их приверженцев-мирян не только образом Царства Божия на земле, местом ожидания спасения и искупления грехов, но также и безопасной гаванью, обществом, в котором дисциплина, мир, культура совместного жительства, вероятно, намного превосходила все ставшее привычным в повседневной «мирской» жизни (McGuckin 2001a).

Монашество в Константинополе

Монастыри появились в Константинополе довольно рано. Первым из них была киновия Далмата, построенная сенатором Сатурнином для сирийского монаха, Св. Исаака в 382 г. Сначала прибежища аскетов располагались кольцом в пригороде, но вскоре их стали основывать и в центре, почти в каждой части города, поскольку и сам город расширился, так что почти с самого начала Константинополь стал настоящим городом монастырей. Некоторые исследователи (Janin 1969, 1975; Dagron 1974; Charanis 1971; Talbot 1987; Hatlie 2007) отмечают быстрое распространение монастырей в столице. В 430 г., когда Несторий попытался ограничить социальную включенность константинопольского монашества, последовавшие за этим народные волнения сыграли не последнюю роль в его политическом поражении (McGuckin 1996a), а ко времени осуждения Евтихия в 448 г., его смещение с должности собственноручно подписали не менее 23 проживавших в городе *игуменов*. В официальном документе, положившем конец Акакиевой схизме, было перечислено 53 главных *игумена* города, а Собор 536 г. насчитывал среди присутствующих 63 высших должностных лица местных монастырей. Р. Жанен (Janin 1969) утверждает, что специальные монастыри существовали в столице также и для различных этнических групп, в частности, сирийцев, латинян, египтян, каждая из которых вела богослужение на своем собственном языке. Мало что известно о точном количестве женских обителей, хотя в городе их было несколько. Одно из исследований византийских литературных источников отмечает, что почти треть всех известных монастырей Византии существовали в самом Великом Городе (Byrer 1979: 219). Благодаря постоянным пожертвованиям императора и аристократии монашество процветало на протяжении всего периода существования империи. И даже во времена, ка-

жущиеся отнюдь не лучшими, неприятности, например, вражду, вспыхнувшую между монахами и императорами-иконоборцами, или указы Никифора Фоки, имевшие целью ограничить земельную собственность обителей, можно просто счесть временными или реформаторскими мерами. Византийские власти всегда поддерживали (и регламентировали) монашество. Его разрушение с неизбежностью пришло извне: от рук латинян и исламских завоевателей.

Конец IV в. стал также свидетелем правления в Константинополе первого аскета-епископа в лице Св. Григория Назианзина (Богослова) (McGuckin 2001b). Начиная с V в. и далее (за некоторыми заметными исключениями) двор часто обращался к знаменитым монахам в поиске очередного Патриарха или Архиепископа. С самого начала Патриарх в значительной мере контролировал монастыри. Тем не менее, контроль не был абсолютным, поскольку каждый основатель самостоятельно определял меру вовлеченности в дела местной Церкви и, таким образом, задавал контуры границ юрисдикции местного епископа. Но поскольку Патриарху принадлежало последнее слово в том, может ли монастырь пользоваться услугами рукоположенных священнослужителей, его власть была значительна, простираясь даже над относительно независимыми обителями. Постепенно главы крупнейших в городе обителей стали видными членами постоянно заседавшего в Константинополе Синода и, таким образом, связь между монашествующими и руководством местной Церкви стала и в Константинополе, и повсеместно еще теснее.

К V в. в Константинополе было основано много монашеских обителей, специализирующихся на общественной благотворительности (Constantelos 1968). К основным их видам относились: больницы – *носокомии* (*nosokomeia*), приюты для бедных – *птохии* (*ptocheia*), гостиницы – *ксеноны* (*xenones*), сиротские приюты – *орфанотрофии* (*orphanotropheia*), дома престарелых – *герокомии* (*gerokomeia*) (также см.: III.11.6. Благотворительные учреждения; III.13.6. Здоровье, гигиена, врачевание). В большинстве своем эти учреждения были частными, даже если основатель являлся членом императорской фамилии, и небольшими по размеру. Своим появлением они зачастую были обязаны завещанию, которое предписывало, к примеру, перестроить особняк богача-основателя для нужд учреждения. Священнослужитель, управлявший Сиротским приютом Константинополя, являлся влиятельной фигурой и при случае мог со своей должности возвыситься до положения Патриарха. Большинство обителей, независимо от того, выполняли они общественное служение или нет (а некоторые из них существовали в первую очередь для совершения богослужений и поощрения молитвенной жизни среди своих «исихастов»), обычно находились под управлением триумвирата священнослужителей: *игумена* (*hegoumenos*) (аббата), *эконома* (*oikonomos*) (управляющего), *экклесиарха* (*ekklesiarches*) (ризничего). В обязанности *игумена* входило поучать братию и отдавать общие распоряжения по управлению обителью; зачастую именно ему полагалось выслушивать «откровение помыслов» каждого монашествующего, так что, по крайней мере, в больших монастырях, было принято назначать *игуменом* особо уважаемого старца, который становился духовником¹

¹ Дословно – «другом души» (soul-friend) (прим. переводчика).

и исповедником монахов. Отношения между духовно опытным старцем и монахом были отношениями, подобными отношению Христа и апостолов, а тема духовного братства (в особенности, в поздневизантийских монашеских писаниях) занимала видное положение (Turner 1990).

Повседневная жизнь в византийских монастырях

Образ жизни византийского монастыря, предположительно, варьировался в зависимости от характера заведения. Некоторые из них были изолированы, другие – более открыты местному окружению, некоторые – более общинно-коллекциальны, тогда как прочим было более присуще основополагающее социальное разделение общины на высший и низший классы. К примеру, монахи хора отличались от *диаконов* (*diakonetai*), носили различные одеяния и следовали в большинстве случаев отличным режимам питания и поведения, а в трапезной и храме им отводились разные места. Вероятно, имелась большая разница и между обителями, основанными как сельскохозяйственное предприятие, как центр иконографии или книгопроизводства, как крупное общежительное заведение или же как меньших размеров монастырское подразделение (*метохий* или *скит*), зависевшее от более крупной обители, расположенной отдельно. В последнем часто имелась всего лишь горстка монахов, живших небольшой «семьей» под руководством старца, и часто проводивших более сосредоточенную жизнь в молитве и подвигах. На протяжении всей византийской истории можно наблюдать, как монахи перемещались между различными монастырями, зачастую расположенными в разных местах, изменяя формы монашеской жизни, иногда отправляясь далеко в поисках новых старцев. Каждая обитель, теоретически, основывалась на своем уставе (*типикон*). Это¹ и повседневный распорядок монастыря определялись правилом и характером обители, заданными ее основателями. Различные уставы (*типики*) обычно основывались на предписаниях Правила Св. Василия Великого, который обобщает до единообразия теорию монашеского жития на Востоке. В конце концов Типикон Лавры Св. Саввы в Палестине и Типикон Студийского монастыря в Константинополе стали теми прототипами, на основании которых были составлены многие более поздние типики (обширное аннотированное собрание такого рода документов см.: Thomas and Hero 2000). Определенная степень допустимой свободы в византийских монастырях существовала, особенно для тех, кто до поступления в монастырь имел образование и принадлежал к аристократии. Ее уровень был гораздо выше, нежели это обычно имело место на Западе. Византийские аристократы могли сохранять личную собственность и после поступления в монастырь, рассматривая это как пополнение монастырского имущества. Многие знаменитые монахи делали крупные вклады в монастыри, в которые поступали. В конце X в. Симеон Новый Богослов, ставший настоятелем обители Св. Мамы всего три года спустя после начала своей монашеской жизни, фактически переосновал заведение и перестроил монастырский храм, используя самые дорогие материалы (McGuckin 1996b). До трех раз

¹ Дух монастыря (прим. переводчика).

в неделю, после утреннего богослужения *игумен* должен был обычно давать монахам духовные и практические указания, и некоторые из таких сборников распоряжений, Катехизисы¹, до сих пор дают очень ясную картину монастырских идеалов. Два наиболее важных собрания – Катехизис Феодора Студита (IX в.) и Симеона Нового Богослова (конец X в.). Писания Феодора Студита стали почти учредительным документом для славянских монастырей и в основном таковыми и остаются для Православной Церкви в целом. Он оказывал предпочтение модели крупной киновии (в его время сообщество студитов насчитывало 700 монахов), где монахи посвящают себя общественной благотворительности, активно вмешиваются в дела Церкви, энергично развивают книгопроизводство (возможно, минускульный тип письма вышел именно оттуда). Однако, несмотря на стандартизацию, имевшую место при Св. Феодоре, византийский монашеский опыт всегда сохранял живое чувство приверженности лавре и скиту, в которых он зародился и вырос.

Постепенная утрата Византией внутренних территорий в последние годы существования империи оказалась столь же разрушительна для монастырской жизни, как и для империи в целом. После латинской оккупации Константинополя в XIII в. большинство монастырей безнадежно обеднело, хотя на момент падения столицы в 1435 г. еще активно функционировало восемнадцать из них. Отдаленные и зарубежные обители – на Крите, Кипре, в славянских землях, несмотря на смену властителей, держались стойко и их расписные церкви остались красноречивым свидетельством распространения византийской культуры посредством основания монастырей. Некоторые из монастырей-крепостей, таких как монастырь Св. Екатерины на Синае или Великая лавра Св. Саввы в Палестине сохранились до наших дней, так же как (и это впечатляет больше всего) большие монастыри-колонии на горе Афон.

Несмотря на дошедший до нас широчайший ряд литературных и архивных источников, все еще сложно составить четкую единую картину представлений о византийском монашестве, отчасти потому, что парадигмы Запада все еще доминируют в сознании ученого мира, а также потому, что «менее официальные» записи о повседневной жизни монастырей не столь многочисленны, как уставные документы, и многие из сохранившихся панегирических духовных произведений (об архивных документах выше см.: I.2.12 Б). И такие проблески истины касательно повседневной реальности исходят, беспорядочно и в большом количестве, преимущественно из агиографических источников. Общую картину сложно составить еще и потому, что (вне горы Афон) археологические объекты подвергались жесточайшему разорению (см.: II.7.2. Церкви и монастыри). Пульс жизни византийского монашества вплоть до наших дней не перестает биться на Афоне, а также, несмотря ни на что, и во всем остальном восточном христианском мире (Dalrymple 1997); оно ждет своих исследователей, ибо старинные традиции монастырского гостеприимства все еще в почете. Поэтому и литургический, и теологический аспекты, без сомнения, подлежат дальнейшему изучению. Возможно, для современного исследователя большую сложность представляют

¹ Они же эротапокрисии – «вопросоответы» (*прим. ред.*).

«недостающие контексты», а именно то, каким образом и почему данный образ жизни некогда был столь важен для общества и столь тесно связан с политической и культурной составляющей византийского мира.

ЛИТЕРАТУРА

- ABOUZAYD, S. 1993. *Idayutha: A Study of the Life of Singleness in the Orient from Ignatius of Antioch to Chalcedon 451 AD* (Oxford).
- BINNS, J. 1994. *Ascetics and Ambassadors of Christ: The Monasteries of Palestine, 314–361* (Oxford).
- BRYER, A. A. M. 1979. 'The late Byzantine monastery in town and countryside', in *Church in Town and Countryside = Studies in Church History* 19: 219–41.
- BRYER, A. A. M. and CUNNINGHAM, M. (eds.) 1996. *Mount Athos and Byzantine Monasticism* (Aldershot).
- CHARANIS, P. 1971. 'The monk as an element of Byzantine society', *DOP* 205: 68–84.
- CHITTY, D. 1966. *The Desert a City: An Introduction to the Study of Egyptian and Palestinian Monasticism under the Christian Empire* (London).
- CONSTANTELOS, D. 1968. *Byzantine Philanthropy and Social Welfare* (New Brunswick).
- DAGRON, G. 1974. *Naissance d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451*: (Paris).
- DALRYMPLE, W. 1997. *From the Holy Mountain* (London).
- FOWDEN, G. 1982. 'The pagan holy man in late antique society', *JHS* 102: 35–59.
- HATLIE, P. 2007. *The Monks and Monasteries of Constantinople ca. 350–850* (Cambridge).
- JANIN, R. 1969. *La géographie ecclésiastique de l'empire byzantin*, I: *Le siège de Constantinople et le patriarcat oecuménique*, 3: *Les églises et les monastères* (Paris, 2nd edn.).
- 1975. *Les églises et les monastères des grands centres byzantins* (Paris).
- KIRSCHNER, R. 1984. 'The vocation of holiness in late antique society', *Vigiliae Christianae* 38: 105–24.
- McGUCKIN, J. A. 1996a. 'Nestorius and the political factions of fifth-century Byzantium: factors in his downfall', *Bulletin of the John Rylands University Library* (Special Issue; J. F. Coakley and K. Parry (eds.), *The Church of the East: Life and Thought*): 78.3: 7–21.
- 1996b. 'St Symeon the New Theologian and Byzantine monasticism', in Bryer and Cunningham 1996: 17–35.
- 2001a. *Standing in God's Holy Fire: The Byzantine Spiritual Tradition* (London).
- 2001b. *Saint Gregory of Nazianzus: An Intellectual Biography* (New York).
- MORRIS, R. 1996. 'The origins of Athos', in Bryer and Cunningham 1996: 37–46.
- ROUSSEAU, P. 1994. *Basil of Caesarea* (Oxford).
- 1999. *Pachomius: The Making of a Community in Fourth-Century Egypt* (London, 2nd edn.).
- TALBOT, A.-M. 1987. 'An introduction to Byzantine monasticism', *ICS* 12: 229–41.
- TIMBIE, J. 1986. 'The state of research on the career of Shenoute of Atripe', in B. A. Pearson and J. E. Goehring (eds.), *The Roots of Egyptian Christianity* (Philadelphia): 250–70.

- THOMAS, J., and HERO, A. (eds.) 2000. *Byzantine Monastic Foundation Documents*, 5 vols. (Washington, DC).
- TURNER, H. J. M. 1990. *Symeon the New Theologian and Spiritual Fatherhood* (Leiden).
- VOOBUS, A. 1960. *A History of Asceticism in the Syrian Orient*, vol. 2 (Louvain).
- WIMBUSH, V. (ed.) 1990. *Ascetic Behaviour in Greco-Roman Antiquity* (Minneapolis).

Углубленное чтение

- В дополнение к вышеупомянутым исследованиям ценную информацию, в особенности относительно раннего периода монашества, содержат:
- W. Lowther Clark (trans.), *The Lausiaca History of Palladius* (London, 1918);
- C. Mango, *Byzantium: The Empire of New Rome* (London, 1980): 105–124;
- T. Vivian, *Journeying into God: Seven Early Monastic Lives* (Kalamazoo, 1996);
- B. Ward, *The Desert Christian: Sayings of the Desert Fathers: The Alphabetical Collection* (New York, 1980).

Глава III.11.6 БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Тимоти Миллер

Византийская империя располагала рядом благотворительных учреждений, предназначенных служить приютом для путников и бездомных скитальцев (*ксенов, хенои*), обеспечивать бесплатной медицинской помощью больных, воспитывать сирот, организовывать раздачу пищи во время голода (Constantelos 1991: 113). Даже Эдвард Гиббон упоминал об этих учреждениях, хотя его предвзятое мнение относительно морального упадка христианского Рима мешало ему осознать их значимость (Gibbon 1897: vol. 3: 27, 375; vol. 4: 218). Невозможно точно оценить, сколько нуждающихся людей получило пользу от такой благотворительности. Ученые утверждали, что византийские благотворительные учреждения были слишком малы и немногочисленны, чтобы облегчить страдания бедняков, больных и бездомных империи (Nutton 1986; Kislinger 1986–8: 11). С другой стороны, следует заметить, что император Никифор Фока (963–969 гг.) издал закон, запрещающий основывать новые лечебницы для больных, поскольку считал, что в империи их уже достаточно (Zepos, *Jus*, vol. 1: 251).

Законы императора Юстиниана (527–565 гг.) содержат ценные сведения относительно разнообразия благотворительных учреждений. В Новелле CXX Юстиниан определяет типы благотворительных учреждений в Константинополе и провинциях как: *ксенодохионы* (*xenodochia*) (странноприимные дома), *птохотрофионы* (*ptochotropheia*) (дома призрения), *носокомии* (*nosokomeia*) (лечебницы), *евагия ики* (*evageis oikoi*) (прочие религиозные учреждения) – общее понятие, которое император однозначно отличает от монастырей. Современное исследование письменных источников, папирусов и надписей подтвердило формулировки Юстиниана (Mentzou-Meimare 1982). С 325 по 843 гг. можно насчитать 164 благотворительных организации, не считая константинопольских. Из них три наиболее распространенных типа учреждений были перечислены у Юстиниана: 59 *ксенодохионов*, 49 *носокомионов*, 22 *птохотрофиона*. Кроме того, налицо впечатляющее количество специализированных учреждений, оказывавших помощь нуждающимся: 10 *герокомий* (*gerokomeia*) (домов престарелых), 8 *диаконий* (*diakonai*) (бань и зернохранилищ), 7 *лохокомий* (*lochokomeia*) (родильных домов),

6 *лобокомий* (*lobokomeia*) (лепрозориев), 2 сиротских приюта и 1 *тиффлокомион* (*typhlokomeion*) (учреждение для слепых) (Mentzou-Meimare 1982: 306–7).

В своем Своде гражданского права (*Corpus juris civilis*) Юстиниан перечислял благотворительные учреждения как представительства христианской Церкви, подчиненные местному епископу. Современные ученые согласны с тем, что завет Христа помогать страждущим лежал в основе развития особого рода услуг – благотворительности Византии. Согласно Евангелию от Матфея, Христос требовал, чтобы христианин кормил голодного, одевал нагого, давал приют страннику, заботился о больных (Мф 25: 34–35). Как следствие, раннехристианские общины старались помогать настолько большому количеству людей, насколько только могли (Amundsen and Ferngren 1986: 47–50).

Во II в. в Риме епископ собирал воскресные пожертвования и раздавал их сиротам, вдовам, больным, узникам, странникам и всем прочим нуждающимся (Justin., гл. 67). На этой стадии развития христианские сообщества были еще столь малы, а количество нуждающихся столь ограничено, что епископ мог осуществлять надзор за благотворительностью и без создания обширной институциональной структуры. Однако уже сто лет спустя некоторые церковные общины в грекоговорящих провинциях проводили в жизнь более сложные программы помощи.

«*Дидаскалия Апостолов*» (*Didascalia Apostolorum*), руководство, составленное в III в. для сирийских церквей, требовало, чтобы местный епископ заботился о сиротах мужского и женского пола до того момента, как выдаст девушек замуж, а юношей обучит ремеслу. Это требование означало, что епископ должен содержать школу-интернат для детей с персоналом взрослых-воспитателей (Funk 1905: 219–21). Еще сто лет спустя, в 361 г., Александрийская Церковь располагала отдельными домами призрения для сирот и вдов и складскими помещениями для хранения продовольствия (Sokr. HE 137).

Сиротские приюты были, таким образом, старейшими благотворительными учреждениями Византии. Константинопольский *Орфанотрофион* (*Orphanotropheion*) всегда занимал первое место среди благотворительных заведений столицы, поскольку был основан первым. Один константинопольский священник по имени Зотик открыл это учреждение, предположительно, в правление Констанция II (337–361 гг.) (Miller 2003: 52–61). Однако *орфанотрофионы* редко упоминаются в византийских источниках любого периода. Тем не менее, епископы поддерживали сиротские приюты, начиная с 330-х гг. и до XIV в., при этом обычно объединяя интернаты со школами, где воспитывали будущих церковнослужителей. К примеру, Св. Евфимий потерял отца ок. 400 г. и его дядя доверил отрока попечению епископа Мелитины (Сирия), который его крестил и поставил чтецом местной церковной школы, обучив чтению и письму. Когда Евфимий достиг соответствующего возраста, епископ рукоположил его во священника (Miller 2003: 120–2). В VI в. Св. Алипий, оставшись сиротой, получает в точности такую же подготовку при епископе Адрианополя в Памфилии (*Vita Alypii* 149–150).

Традиция принимать сирот в епископские школы, где готовили будущих священнослужителей, сохранялась и в средне-, и в поздневизантийский периоды. В X в. митрополит Петр Аргосский открыл епископскую школу для множества

сирот. Некоторых из них он подготовил к священнослужению, – его преемником на месте епископа стал сирота-воспитанник этой школы, – а прочих отослал для обучения к ремесленникам-мастеровым (*Vita Petri* 8). В XIII в. епископ Навпакта Иоанн Апокавк обучал некоторых из своих сирот чтению и пению за литургией, в то время как других отправил для изучения счета и каллиграфии. В своих письмах он честно признается, что некоторые из сирот имели серьезные нелады с дисциплиной (Bees 1971–4: 85, 151–2).

О сиротах заботились также и монастыри. Наибольшей популярностью пользовалась школа при монастыре Св. Василия в предместье Кесарии Каппадокийской, принимавшая и сирот, и детей, имевших родителей. Св. Василий задумал эту школу как место обучения и подготовки будущих монахов, но некоторым сиротам позволял ежедневно отлучаться для постижения ремесла. Св. Василий поддерживал также аналогичную школу для девочек (*PG* 31. 951–958).

Хотя необходимость обеспечивать сирот пищей и жильем, дать им воспитание и образование изначально требовала от христианской общины развития для них ряда специализированных услуг, эти учреждения сохраняли тесную связь с местным епископом или монастырем и редко где, за исключением Константинополя, возникали как самостоятельные учреждения. Более того, сиротским приютам приходилось выполнять, в первую очередь, функции школы и, таким образом, в своем развитии придерживаться линии, отличной от направления развития других благотворительных учреждений.

Центральное благотворительное учреждение Византии, единственное, оказавшееся способным наиболее гибко адаптироваться в соответствии с нуждами многих категорий людей – *ксенодохион* (*xenodocheion*) или *ксенон* (*xenon*) для иноземцев. В дохристианскую эру писатели использовали слово *ксенон* для описания гостевых комнат в просторном доме или дворце, но к III в. *ксенон* стал также означать торговый постоялый двор. *Ксенодохион* всегда означал гостиницу для путешественников и, таким образом, оба слова стали синонимами. Однако в 332 г. слово *ксенодохион* встречается в новом значении. Христианский император Константин наделял зерном из состава анноны¹ духовенство сирийских церквей (в том числе Антиохии), вдов и бедняков, живших в *ксенодохионе*. В данном случае это слово обозначает временное пристанище ксенов, крестьян-беженцев из сирийских деревень. Несколько лет спустя епископ Леонтий проявлял особое попечение о *ксенодохионе* и *ксеноне* для антиохийской бедноты в городе и его окрестностях (Miller 1997: 21–2).

В 350-х гг. Евстафий, аскет-епископ из Севастии в Малой Азии, открыл *ксенодохион* для бедноты, особенно для прокаженных. Ученый Елифаний утверждает, что такие *ксенодохионы* на малоазийских землях обычно назывались *птохотрофией* (*ptochotropheia*) (Pan., vol. 3: 333). Подражая Евстафию, Св. Василий Кесарийский основал *птохотрофион* близ своего города – в этом заведении прини-

¹ В данном случае имеется в виду самый важный государственный налог в виде комбинации подушной подати и земельного налога, взимаемый в ранней Византии с землевладельцев (с каждого податного тягла – югума); по форме взимания и распределения мог быть как натуральным (в виде продуктов питания длительного хранения – зерно, соленая свинина, свиной жир, оливковое масло, соль, вино, одежда, фураж, дрова), так и денежным, либо смешанным (*прим. ред.*).

мали странников, лечили больных и заботились о прокаженных. В состав служащих *птохотрофона* Св. Василия входили врачи (Miller 1997: 85–8). Наконец, новый арианский епископ Александрии Георгий Каппадокийский создавал ксенодохи для бедноты в столице Египта в рамках кампании по завоеванию приверженцев, с целью расположить к себе сердца жителей Александрии и убедить их не поддерживать Св. Афанасия, лидера никейцев (*Pap.*, vol. 3: 341). К моменту воцарения Юлиана (361–363 гг.) христианские *ксенодохи* стали столь популярны в восточных провинциях, что этот рьяный языческий император попытался основать аналогичные благотворительные учреждения под «эгидой» греко-римских богов (Volk 1983: 28–30).

Столетие после обращения в христианство Константина Великого стало свидетелем быстрого распространения *ксенодохионов*, и, в то же время, некоторые из этих учреждений начали особо заботиться об отдельных категориях нуждающихся, в том числе прокаженных, как это делали Св. Евстафий Севастийский и Св. Василий Кесарийский. К концу IV в. Св. Иоанн Златоуст открыл в Константинополе две лечебницы (*носокоми*) с врачами (Constantelos 1991: 120). К V в. Нил Анкирский (Синайский) уже смотрел на такие медицинские учреждения как на нечто распространенное настолько, что образ добросовестного больничного лекаря стал у него метафорой Христа – целителя душ (*PG* 79. 248).

В то же время Церковь Тримифуна на Кипре организовала *ксенодохион* для ухода за престарелыми. К V в. такими *гирокомиями* особенно изобиловала Палестина. В 360-е гг. епископ Елисей (Элевсий) Кизикский основал специальную резиденцию для вдов Вифинии – *хиротрофион* (*cherotropheion*) (Mentzou-Meimare 1982: 256).

Почему же именно IV в. стал свидетелем основания стольких *ксенодохий* и специализированных благотворительных учреждений? Одна из причин заключалась в быстрой христианизации восточных городов в эти годы. Еще до обращения ко Христу Константина Великого многие провинции Востока уже имели в составе населения множество христиан. С обращением императора процесс христианизации многократно ускорился, и епископы все чаще стали играть ведущую роль в управлении полисами. Они начали осознанно проводить в жизнь программу обращения в христианство греческих крупных городов, превращая языческие храмы в церкви и строя новые общественные учреждения на месте театров и гимнасиев (Miller 1997: 68–74).

В своей проповеди в Антиохии Св. Иоанн Златоуст подвел итог программе христианизации утверждением, что основанием города должно быть милосердие: Антиохия должна помогать людям, имея в виду их потребности, а не способность приносить пользу обществу (*PG* 56. 279). В Константинополе Св. Григорий Назианзин убеждал граждан оставить пустые и праздные развлечения языческой городской жизни – скачки, театр, бои животных, всевозможную развращающую роскошь и обратиться к делу помощи бедным, больным, престарелым. Св. Григорий хотел, чтобы Константинополь стал Божьим Градом (*PG* 36. 280). Одним из способов создания христианского полиса для Антиохии, Константинополя, Александрии и других восточных городов было содержать приюты для бедных и специализированные *ксенодохи*.

В то же время, когда грекоговорящие города становились христианскими, новые демографические факторы побуждали толпы бедняков к переселению из сельской местности в города. Иногда причиной такой миграции становился голод, как, например, в 332 г., когда Константин выделял обитателям *ксенодохи* хлеб из состава *анноны*, но даже в хорошие времена крестьянство тоже стекалось в города. Недавние исследования показывают, что восточные провинции прежней Римской империи в IV в. начинают процветать и это процветание приводит в результате к росту населения. Поскольку количество крестьян превышало количество доступных для обработки земель, избыточная рабочая сила перемещалась в города. Многие *ксены* (*хепοί*), получавшие помощь в христианских *ксенодохионах*, происходили из таких крестьян-переселенцев (Miller 1997: 69–74).

В классическом *полисе* отсутствовали учреждения, которые оказывали бы помощь этим «иноземцам». Поскольку они не имели гражданства, то не имели и прав получать бесплатно хлеб вместе с горожанами. Традиционно аристократия, как, например, Ливаний Антиохийский, презирала таких *ксенов*, считая их источником преступности и нестабильности (*Or.* 41). С другой стороны, христианское духовенство их поддерживало. Св. Иоанн Златоуст даже чувствовал себя в роли защитника таких бездомных вторым магистратом *полиса* (*PG* 51. 261).

Епископы окончательно утвердили благотворительные учреждения в облике *полиса*. К VI в. Юстиниан верил, что новый город должен иметь храмы, общественные бани и благотворительные заведения (*ксеноны*, *хепоны*) (*Prok. Buildings* 4. 10. 20; 5. 4. 15–16). В конце империи, когда Мехмед II покорил Константинополь, Андроник Каллист восхвалял величайший из городов за его стены, церкви, дворцы и его «*носокоми*, *гирокоми* и *птохотрофии*, к которым город выказывал столько ревности» (*PG* 161. 1135).

Юстиниан утвердил за епископами право надзора за всеми благотворительными учреждениями в своих городах (*Nov.* CXX; CXXXI). Однако после 600 г. империя пережила кризис, поскольку арабские войска заняли Египет, Палестину, Сирию, а авары, славяне и булгары захватили европейские провинции. Как только условия улучшились, ок. 800 г. епископы вновь начали поддерживать благотворительные учреждения. В IX в. Феофилакт открывает двухэтажную больницу в Никомидии (*Vita Thophylacti* 75). В XI в. Патриарх Антиохийский был попечителем лечебницы в своем городе (Miller 1997: 111). В XIII в. епископ Фока выстроил *ксенон* для Филадельфии, чем возбудил зависть в жителях соседнего *полиса*, Сард (Laskaris, *Ep.* 164–165).

Императоры также поддерживали благотворительные заведения. В 370-е гг. Валент (364–378 гг.) передал Св. Василию императорское имение для организации *птохотрофиона* в Кесарии, а Юстиниан выделял часть доходов от налогообложения в поддержку больницы Св. Сампсона в Константинополе (Miller 1997: 104). Юстин II (565–578 гг.) производил ежегодные выплаты в пользу Константинопольского орфанотрофиона (Aubineau 1975: 82). После арабских вторжений императоры стали проявлять еще большее внимание к благотворительным учреждениям, особенно в Константинополе.

К 889 г. императоры преобразовали Константинопольский орфанотрофион в независимое государственное ведомство и поместили основные больницы го-

рода под управление *хартулария сакеллы* (Oikonomides 1972: 121–3). Патриарх утратил свою непосредственную функцию надзора и попечения над благотворительными заведениями, хотя формально и государственное, и церковное право все еще относили их к его юрисдикции.

При поддержке Константинополя благотворительные учреждения стали крупными землевладельцами в провинциях. К 1200 г. лечебница Св. Сампсона имела в своем распоряжении столько земель вокруг древней Приены в Малой Азии, что местное население даже называло ее крепость Сампсона (Miller 1990: 132–4).

В 1136 г. Иоанн II (1118–1143 гг.) открыл в Константинополе тщательно спроектированную современную больницу, которую передал в ведение имперского монастыря Пантократора (Вседержителя). Василевс освободил этот монастырь от налогов и церковного контроля. Монахи, в свою очередь, должны были использовать свои доходы для содержания больницы, а также *гирокомиона* и лепрозория (Thomas and Hero 2000: 725).

В процессе становления нового христианского полиса византийские епископы также убеждали богатых аристократов финансировать благотворительные заведения для своих городов таким же образом, как их предки жертвовали на содержание галерей, театров, бань. В начале V в. Патриарх Прокл прославлял одну из константинопольских женщин, которая, по его словам, превзошла консулов Древнего Рима с их гражданским духом, выстроив для города храм и сиротский приют (Proklos. *Hom.* 182–183). В 430-е гг. один эфесский аристократ выстроил для своего города обширный птохион, вмещавший семьдесят бездомных (АСО 2. 1. 3: 405) Тогда как в пригороде Константинополя Паулин употребил свое состояние на открытие монастыря и госпиталя, посвященных Косме и Домиану (Miller 1997: 124).

В двух своих новеллах Юстиниан подтвердил ключевую роль частных пожертвований в деле содержания благотворительных заведений. Хотя император признавал, что епископы обязаны осуществлять надзор над всеми благотворительными начинаниями в своих городах, он позволял частным лицам организовывать заведения с независимой администрацией, свободные от непосредственного епископского контроля, и позволял наследникам жертвователя назначать персонал самостоятельно. Лишь в случае, когда основанное учреждение не выполняло поставленных задач, имели право вмешаться местные епископы (Nov. CXX; CXXXI).

От периода кризиса не сохранилось никаких сведений относительно частных благотворительных заведений. Тем не менее, в начале IX в. Св. Феодор Студит пишет письмо Мосху, другу, жившему за Прусой¹, в котором есть упоминание о том, что Мосх и его сестра содержали сиротский приют для восьмидесяти мальчиков и девочек (Theod. Stud. *Ep.* 333–334). Св. Феодор оставил нам, таким образом, конкретное свидетельство относительно размера византийских детских домов. Его письмо доказывает не только то, что некоторые из сиротских приютов в провинциях были велики, но также и то, что и после 600 г. частные лица продолжали содержать на свои пожертвования крупные благотворительные учреждения.

¹ Совр. Гемлик (*прим. переводчика*).

В XI в. юрист Михаил Атталиат использовал свои скромные сбережения на постройку *птохиона* для паломников и бедноты в Редесто, присовокупив созданное заведение к небольшому монастырю. Используя связи в правительстве, он добился неподчиненности своего *птохиона* местному епископату и всем государственным чиновникам. Все позднейшие византийские благотворительные учреждения выявляют аналогичные характеристики. Они обычно были закреплены за монастырями и пользовались свободой от церковного и правительственного надзора. Основав монастырь Пантократора и зависимые от него благотворительные учреждения, Иоанн II Комнин действовал аналогичным образом, хотя средства, к которым он имел доступ как василевс, позволяли ему поддерживать гораздо более сложно организованную и дорогую лечебницу, нежели скромный птохион Атталиата (Thomas and Hero 2000: 326–32).

Возможно, наиболее острое противоречие, касающееся византийских благотворительных заведений, возникло в отношении лечебниц. Св. Василий Кесарийский и Св. Иоанн Златоуст начали нанимать врачей для ухода за бедняками-пациентами в *ксенонах* IV в. Сопоставляя эти учреждения с учреждениями средневековой Европы и ранним периодом Новой истории Франции и Англии, некоторые ученые утверждали, что византийские лечебницы в первую очередь уделяли внимание уходу за больными, а не их лечению. Более того, они отрицают существование устойчивой связи между профессией врача в средневековой Греции и благотворительными учреждениями (Nutton 1986; Horden 2005: 64–8).

Однако прочие историки утверждают, что носокомии (с 600-х гг. называемые ксенонами) стали основными центрами византийской профессиональной медицины (Magdalino 1993: 363; Hohlweg 1989: 183). *Ксеноны* развивались как основные центры византийской медицины из-за своих связей с *архиятрами* (*archiatroi*), бывшими в древности главными врачами *полиса*. Во II в. император Антонин Пий учредил фиксированное количество должностей *ярхиятров* для каждого города и обеспечил их государственным жалованием как лучших представителей профессии (*Digest*. 27. 1. 6. 8). Однако в VI в. византийское правительство преобразовало институт *архиятров* в городах. Историк Прокопий утверждал, что Юстиниан упразднил выплату им жалования, но сами «главные врачи» никуда не исчезли (Miller 1997: XXII–XXV). После правления Юстиниана источники часто упоминают о них, но всегда как о служащих лечебниц (Serfass 2008: 99). Известно, что около 600 г. архиятр лечил пациентов в лечебнице (*ксеноне*) Св. Самсона в Константинополе (*PG* 89. 112–113). В середине VII в. *архиятр* осуществлял контроль за лечением пациентов в ксеноне Хригодота, где работал ежемесячно (Crisafulli and Nesbitt 1997: 134). Аналогичные ежемесячные перемещения персонала, вероятно, применяли все византийские лечебницы, поскольку врачи в больнице при монастыре Пантократора использовали такую же систему ежемесячных ротаций. К IX в. *архиятры* участвовали со своим больничным начальством в главных императорских церемониях.

То, что *архиятры*, ведущие врачи Византии, лечили пациентов в *ксенонах*, поясняет еще одну необычную черту благотворительных госпиталей. Источники доказывают, что не все пациенты были бедны. В 650-е гг. в лечебнице Св. Самсона была сделана хирургическая операция диакону Св. Софии, человеку, имевше-

му дом и семью в Константинополе (Crisafulli and Nesbitt 1997: 125–30). В X в. личный слуга императора также лечился там. В XII в. в госпитале при больнице монастыря Пантократора одну из коек занимала свояченица правящего василевса Мануила I (Miller 1997: XXI). Обращение членов правящей элиты в византийские больницы показывает, насколько эти заведения отличались от Отэль-Дьё де Парí или Больницы Св. Варфоломея в Лондоне.

То, что аристократы попадали как пациенты в благотворительные лечебницы, оставляет открытыми два вопроса. Не вытеснили ли в конце концов такие пациенты бедноту из лучшей больницы Константинополя? Более того, источники свидетельствуют о том, что некоторые дети в Орфанотрофии владели собственностью существенных размеров. Возможно, в правящих кругах Византии считалось, что благотворительные учреждения должны приносить пользу всем социальным слоям, чтобы обеспечить высокий уровень лечения и ухода каждому, включая по-настоящему нуждающихся? Или же в Константинополе были созданы элитные заведения, из которых богатые постепенно вытеснили бедных? Информации для ответа на эти вопросы недостаточно.

ЛИТЕРАТУРА

- AMUNDSEN, D., and FERNGERN, G. 1986. 'The early Christian tradition', in R. Numbers and D. Amundsen (eds.), *Caring and Curing: Health and Medicine in the Western Traditions* (New York–London): 40–64.
- AUBINEAU, M. 1975. 'Zoticos de Constantinople: nourricier des pauvres et serviteur des lépreux', *AB* 93: 67–108.
- BEEES, N. A. 1971–4. 'Unedierte Schriftstücke aus der Kanzlei des Joannes Apokaukos', *BNJ* 21: 55–247 (страницы пронумерованы отдельно, как appendix).
- CONSTANTELOS, D. 1991. *Byzantine Philanthropy and Social Welfare* (New Rochelle, NY, 2nd edn.).
- CRISAFULLI, V., and NESBITT, J. (ed. and trans.) 1997. *The Miracles of Saint Artemios* (Leiden).
- CRISLIP, A. T. 2005. *From Monastery to Hospital: Christian Monasticism and the Transformation of Health Care in Late Antiquity* (Ann Arbor).
- FUNK, F. (ed.) 1905. *Didascalia et Constitutiones Apostolorum* (Paderborn).
- GIBBON, E. 1897. *The Decline and Fall of the Roman Empire*, ed. J. Bury, 7 vols. (London).
- HOHLWEG, A. 1989. 'La formazione culturale e professionale del medico a Bisanzio', *Koinonia* 13: 165–88.
- HOLMAN, S. R. 2001. *The Hungry are Dying: Beggars and Bishops in Roman Cappadocia* (Oxford).
- HORDEN, P. 2005. 'How medicalized were Byzantine hospitals?', *Medecina e storia* 10: 45–74.
- KISLINGER, E. 1986–8. 'Xenon und Nosokomeion – Hospitler in Byzanz', *Historia hospitalium* 17: 7–16.
- MAGDALINO, P. 1993. *The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180* (Cambridge).
- MENTZOU-MEIMARE, K. 1982. 'Eparchia kai euage hidrymata mechri tou telous tes Eikonomachias', *Byzantina* 11: 241–308.

- MILLER, T. 1990. 'The Sampson Hospital of Constantinople', *BF* 15: 101–35.
- 1997. *The Birth of the Hospital in the Byzantine Empire* (Baltimore–London, 2nd edn.).
- 2003. *The Orphans of Byzantium: Child Welfare in the Christian Empire* (Washington, DC).
- NUTTON, V. 1986. 'Review essay', *Medical History* 30: 218–21.
- OIKONOMIDES, N. 1972. *Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles* (Paris).
- SERFASS, A. 2008. 'Wine for widows: papyrological evidence for Christian charity in Late Antique Egypt', in S. R. Holman (ed.), *Wealth and Poverty in Early Church and Society* (Grand Rapids): 88–102.
- THOMAS, J., and HERO, A. (eds.) 2000. *Byzantine Monastic Foundation Documents*, 5 vols. (Washington, DC).
- VOLK, R. 1983. *Gesundheitswesen und Wohltätigkeit im Spiegel der byzantinischen Kloster-typika* (Munich).

Более подробную информацию о благотворительных учреждениях Византии см. в первом издании Constantelos, D. 1968. *Byzantine Philanthropy and Social Welfare*. Д. Константелос рассматривает также то, как восточные епископы, лидеры монашества, светская аристократия и императоры сами для себя понимали филантропию, и то, как они организовывали помощь тем, кто в ней нуждался. Т. Миллер в своей работе *'Birth of the Hospital in the Byzantine Empire'* сосредотачивает внимание на лечебницах для больных (носокомиях, позднее называемых ксеноны) и их отношении к греческим врачам. Эта работа также содержит полезную информацию о причинах бурного расцвета благотворительных учреждений в течение IV столетия. Монография С. Р. Холмана *'The Hungry are Dying'* обращает внимание на ключевую роль Каппадокийских отцов в формировании позднеримских и византийских благотворительных институтов и самого отношения к благотворительности. Исследование А. Т. Крислипа *'From Monastery to Hospital'* представляет ряд новых ценных догадок о происхождении медицинских учреждений в позднеримский период, однако излишне минимизирует роль еретических групп в стимулировании новых филантропических институтов. В статье К. Ментзу-Меймере *'Eparchia kai euage hidrymata mechri tou telous tes Eikonomachias'* представлен наиболее полный список провинциальных благотворительных учреждений, кроме того, в примечаниях она содержит обширные пассажи из первоисточников, описывающие эти учреждения. Книга Роберта Фолька о монастырских типиконах *'Gesundheitswesen und Wohltätigkeit im Spiegel der byzantinischen Klostertypika'* сообщает весьма важную информацию относительно организации византийских больниц и работы врачей, информацию, которую он кропотливо собирал из многих византийских монашеских уставов. Наконец, работа Т. Миллера *'Orphans of Byzantium'* впервые исследует как осуществлялся уход за осиротелыми и брошенными детьми в Византии.

Глава III.12 ЭКОНОМИКА

Алан Харви

Государство оказывало огромное влияние на экономическую жизнь империи на протяжении большей части ее истории. Оно единолично отвечало за производство и введение в обращение денег, осуществляя последнее посредством трат на содержание армии, администрации, вознаграждение императором подданных и, – особенно в Константинополе, – щедрые расходы на строительные работы. Доходы поступали из провинций в Константинополь посредством всеобъемлющей системы земельного налогообложения. Государство также облагало налогом торговые сделки и имело право реквизировать сырье и продукты питания. К прочим значимым источникам средств относились императорские владения, расположенные по всей империи, приносявшие доход лично императору и государственным службам. Столица являлась наиболее важным центром формирования экономического спроса. Императорский двор, домохозяйства знати, патриархат, обширные и многочисленные монастыри предъявляли устойчивый спрос на предметы роскоши. Это создавало дополнительные возможности развития для широкого ряда разнообразных торговцев и ремесленников. Независимо от периода времени сложно оценить население Константинополя (см.: II. 5. Население, демография, заболевания), но оно однозначно намного превышало население любого другого города империи, в особенности, начиная с VII в., и поэтому требовало для своего содержания огромного количества продуктов питания. В эпоху поздней античности государство организовывало поставки зерна из Египта. Позднее превышение рыночного спроса над предложением при нормальных условиях было значительным, хотя процесс находился под контролем епарха города (Dagron 2002; Maniatis 1999, 2000). До окончания XII в. государство оказывало сильное влияние на функционирование экономики.

С IV в. до середины VI в. условия в Восточной Римской империи благоприятствовали экономической активности. Сеть безопасного транспортного сообщения по суше и по морю облегчала обмен товарами. Денежная система, в частности, золотой *солид*, являлись краеугольным камнем экономической системы

и устойчивой мерой стоимости, что также играло важную роль в повышении экономической активности.

Археологические исследования в различных частях Восточного Средиземноморья выявили увеличение количества поселений. Количество сельского населения начиная с IV в. устойчиво росло. Столь же очевиден был и рост городов. Расходы на сооружение общественных и церковных зданий, а также фортификацию вели к увеличению количества денег в местной экономике. Спрос на продукты питания и прочие товары в Константинополе и других крупных городских центрах обуславливал необходимость их крупномасштабной транспортировки по суше и особенно по морю. Константинополь получал зерно из Египта, масло и вино, главным образом, из Сирии и Палестины, что являлось стимулом сельскохозяйственной специализации, как, например, интенсивного производства масла во многих сирийских деревнях. Также огромного количества сырья требовало ремесленное производство. Хотя торговый путь в Константинополь из Египта, Палестины и Сирии был наиболее важным, до конца VI в. имел место также значительный по масштабам коммерческий обмен между Константинополем, Северной Африкой и Италией (Morrisson and Sodini 2002:209–12). С середины VI в. стали очевидны серьезные экономические проблемы. Кампания Юстиниана по отвоеванию византийских земель усугубила налоговое бремя, которое несли жители империи. Набеги славян и аваров на Балканы становились все более опустошительными, и во Фракии, начиная с V в., наблюдался упадок городов. Преобразование городов на Балканах в укрепленные поселения (*кастра*, *kastra*) произошло в эпоху поздней античности и, начиная с VII в., предшествовало аналогичной трансформации в Малой Азии. Ко всем этим проблемам добавилась чума. Она разразилась в Египте в 541 г., достигла Константинополя и других частей Восточной империи в 542 г. и ее эффект был многократно усилен последующими рецидивами. Ввиду отсутствия достоверных данных об уровне смертности, дискуссия о ее экономическом эффекте возможна лишь гипотетически, но он, вероятно, заключался в сокращении экономического спроса и неблагоприятных последствиях для большинства секторов экономики (Morrisson and Sodini 2002).

Экономическая история VII–VIII вв. особенно противоречива, отчасти потому, что дошедшие до нас данные источников столь ограничены. Набеги арабов в Малой Азии и вторжения славян на Балканы порождали значительную нестабильность, сильно осложнявшую экономическую жизнь. Почти неоспорим тот факт, что экономическая активность в этот период сократилась. Основные расхождения в интерпретации касаются масштабов сокращения. Комментарии А. Лайу относительно расхождений между археологическими данными и данными письменных источников см. в ее работе (Laiou 2002b: 70). Первые – археологические данные производят гораздо более сильное впечатление экономического спада. Археологические исследования свидетельствуют, что число сельских поселений резко уменьшилось. Раскопки продемонстрировали основательное сокращение масштабов занимаемой территории в Коринфе, Афинах, Сардах, Эфесе и многих других городах. Случайные находки мелкой монеты VII–VIII вв. гораздо более редки, нежели мелкой монеты более раннего и более позднего

периодов¹. Их обращение отражало жизнеспособность или, иными словами, монетаризованность экономики из-за их использования в повседневном товарообмене. Их редкость именно в этот период можно объяснить закрытием в VII в. монетных дворов в провинции. И хотя общее представление, сформированное на основе археологических данных, свидетельствует об очень резком сокращении экономической активности, письменные источники содержат некоторые сведения о торговле. «*Чудеса Св. Димитрия*» содержат подробности относительно торговли зерном в Фессалонике. Разрыв связей с пригородом вынуждал население города искать продавцов зерна вдали от родных мест. Чиновники играли руководящую роль при допуске кораблей в город и, вероятнее всего, действовали и как должностные лица, и как продавцы-перекупщики. Сведения из «*Чудес*» и других текстов того периода использовались как подтверждение непрерывной коммерческой активности. Однако ясно, что система торговли зерном претерпевала сбои, нарушения и нуждалась в кардинальном пересмотре, отсюда – ведущая роль чиновников в организации поставок зерна (Laiou 2002b; Haldon 1990; Dunn 1993).

Фискальные и монетарные данные свидетельствуют о гипотетическом оздоровлении экономики в первой половине IX в. Финансовые операции приобрели более спокойный характер, чем в VIII в., когда попытка Константина V собирать налоги золотом привела к жесточайшему разладу: цены падали, поскольку деньги становились более редкими. Для успешного проведения реформ Константина V экономика была недостаточно коммерциализована и монетаризована. Напротив, налоги, введенные Никифором I, – мероприятие, которое так страстно обличал Феофан, – предположительно имели более продолжительное воздействие. Реформа медного фоллиса, проведенная Феофилом, восстановила уровень денежного предложения в европейских провинциях; так, монеты в значительном количестве обнаружены в Коринфе. Это были первые, слабые признаки экономического возрождения, гораздо сильнее проявившегося в последующие столетия (Oikonomides 2002; Henny 1985: 424–5).

К X в. признаки оздоровления наметились в сельской экономике. Повышение военной безопасности создало ситуацию, более благоприятствовавшую интенсификации аграрного производства сельскими общинами. Важным фактором оживления сельской экономики стал рост населения, наблюдавшийся вплоть до первой половины XIV в. Возросли доходы земельных собственников от их владений, поскольку на их землях обустроивалось отныне большее количество крестьян (*нариков*, *paroikoi*). По архивным документам можно проследить распространение сельских поселений в Македонии начиная с X в. Привилегированные землепользователи получали от государства концессии, дававшие им право на размещение крестьянских домохозяйств в своих владениях с освобождением от ряда фискальных обязательств при условии, что крестьяне уже не являлись плательщиками налогов или ренты в пользу государства. Для обеспечения налоговых требований государства регулярно проводились перерасчеты налогов. Для землепользователей основная важность дарования привилегий заключалась в защите их от интен-

¹ Следует учитывать, что монеты более раннего времени тоже оставались в обращении и, таким образом, общая денежная масса сократилась незначительно (*прим. редактора*).

сификации налоговых обязательств, поскольку количество крестьян в их имениях возрастало. Так, в Македонии с X в. до начала XIV в. наблюдался существенный рост сельского населения, и как землепользователи, так и государство извлекли выгоду из последующего роста доходов. Документальные свидетельства из Македонии дополняют результаты тщательнейших археологических исследований в других частях Греции, которые выявляют устойчивую тенденцию распространения сельских поселений начиная с XI в. (Lefort 2002; Harvey 1989: 47 ff.).

Деревни, в которых селились независимые крестьяне-производители, владевшие землями и платившие налоги непосредственно государству, попали под все возрастающее давление. Отныне возможность расширять площади обрабатываемых земель стала для них ограниченной из-за влиятельных соседей, а в некоторых случаях они испытывали затруднения, сопротивляясь вторжениям на свои земли *париков*, селившихся в близлежащих имениях (Lefort 2002). Данный процесс наиболее явно прослеживается в Македонии, хотя несколько иную модель находим в западной Малой Азии, где крестьянская община была сильна до XIII в. (Angold 1995: 325–9). Случай с Македонией, скорее всего, был типичен для упомянутых сословий в большинстве регионов империи. Изменения, имевшие место в сельском сообществе, отразились в административных нововведениях XI в. Финансовая служба *геникона*, отвечавшая за сбор земельного налога, утратила значимость, и в качестве главного источника дохода ее сменило подразделение *икуакона* (*oikeiakon*), отвечавшее за управление императорскими имениями (Oikonomides 2002). Поскольку доля независимых крестьян-собственников в сельском населении стала меньше, а количество *париков*, укоренившись в имениях государства и знатных землепользователей, увеличивалось, государство получало значительную часть своих доходов от рентных платежей *париков*, а налоговые платежи крестьян-собственников становились менее значимыми. Рост сельского населения, таким образом, был выгоден и государству, и влиятельным землепользователям.

Расширение сельскохозяйственного производства не ограничивалось, однако, повышением производительности в результате прироста рабочей силы. Земельные собственники располагали средствами для усовершенствования производства в своих владениях, в частности, для сооружения ирригационных систем и для сельскохозяйственной специализации – производства на продажу вина и оливок. Начиная с XII в. масло в больших количествах экспортировали с Пелопоннеса. Суда, принадлежавшие монастырям горы Афон, в X в. регулярно доставляли морем вино в Фессалонику и Константинополь; в конце XII в. вино, доставленное морем в Константинополь на судах, принадлежавших Великой лавре, привлекло внимание должностных лиц, безуспешно попытавшихся обложить груз налогом. О коммерческой деятельности мирских землевладельцев известно меньше. Исаак Комнин, основатель Космосотира, имел привилегии, позволявшие ему содержать и эксплуатировать суда и, весьма вероятно, что и прочие аристократы-землевладельцы пользовались аналогичными правами (Harvey 1989).

Рост сельскохозяйственного производства естественным образом усилил приток финансовых средств в столицу. Дополнительной движущей силой концентрации богатства стало расширение привилегий, дарованных Алексеем I

прочим членам семейства Комнинов. Крупные имперские учреждения – Мангана, Орфанотрофион и монастырь Пантократора, домохозяйства знати, богатые монастыри отличались высоким уровнем спроса на предметы роскоши. И хотя произведения писателей наподобие Цеца и Птохопродрома позволяют составить об этом лишь наиболее общее представление, Константинополь XII в., очевидно, был шумным городом с большим количеством искусных ремесленников, купцов, художников, мелких торговцев. Имелись в нем также приезжие различных национальностей, вдобавок постоянно присутствовавшим итальяским купцам (Magdalino 1993: 109–23).

Оживление городской экономики в тот период было наиболее явно выражено в европейских провинциях. Из-за ограниченности письменных источников, касающихся преимущественно Константинополя, в своем понимании городской экономики провинций мы зависим от данных археологии. Общая модель экономики европейских провинций – модель роста. Города увеличивались в размерах, возрастали объемы торговли, росло количество денег в обращении. Фивы, будучи наиболее важным из городов центральной Греции, своим положением во многом были обязаны производству высококачественных шелковых тканей, в ремесле которых в XII в. было задействовано существенных размеров еврейское население города. Наиболее ценные из фиванских шелков приподносили в дар в дипломатических целях, и в XII в. в городе регулярно вели дела итальянские купцы. Фивы как производитель товара для внерегионального рынка представляли собой исключение из общего правила, тогда как многие другие города процветали благодаря производству товаров для местного или регионального потребления. В Коринфе при раскопках обнаружен торговый и ремесленный квартал, содержащий гончарные мастерские, стеклодувные мануфактуры, металлообрабатывающую мануфактуру¹, несколько розничных торговых точек. Он также являлся значимым административным центром и портом, из которого экспортировалась продукция, произведенная во внутренних районах страны. В прочих городах, как, например, в Афинах, заселенность стала гуще, поскольку количество населения возрастало. Данная модель роста городов характерна для большей части европейских провинций; к примеру, население Хрисополя возле реки Стримон разрослось, выйдя за пределы городских укреплений, и в XIV в. была сооружена новая, внешняя городская стена. Многие другие порты обретают значимость как рынок сбыта сельхозпродукции внутренних районов страны. Самым известным примером является Альмира, один из городов, наиболее часто посещаемых в XII в. венецианскими купцами. В государственной и церковной административной структуре он был малозначим, будучи всей своей важностью обязан роли торгового центра и рынка сбыта сельскохозяйственной продукции плодотворной Фессалии (Kazhdan and Epstein 1985; Harvey 1989; Laiou 2002b).

Имелось несколько причин устойчивого повышения объемов торговли в европейских провинциях. Все большее сельскохозяйственное процветание, предположительно, повышало спрос на товары. Для удовлетворения своих потребно-

¹ Термин мануфактура в данном случае неудачен для мастерских и одновременно лавок, в которых не осуществлялось разделение труда. Правильнее говорить об эргастриях (*прим. редактора*).

стей крестьяне, вероятно, рассчитывали на посредничество ближайшего рынка или периодически проводимой ярмарки. Богатые землевладельцы с их более существенными потребностями могли обращаться к торговцам на более крупных рынках Фив и Коринфа. Эти города имели перед Константинополем преимущество в расстоянии: города, расположенные ближе к столице, вероятно, были менее мотивированы к развитию ремесленного производства, поскольку спрос на его продукцию легче было удовлетворять в Константинополе (Harvey 1989). Спрос повышался также благодаря присутствию итальянских купцов. В 1082 г. Алексей I пожаловал венецианским купцам право торговли в империи без оплаты *коммеркия* (*kommerkion*), налога на торговые сделки, вследствие чего пизанские и генуэзские купцы получили меньший объем прав. Наиболее часто в венецианских деловых документах XII в. упоминались населенные пункты: Константинополь, Коринф, Спарта, Фивы, Альмира. Относительно значимости итальянского коммерческого присутствия в империи высказывались различные взгляды. Наиболее давняя точка зрения заключалась в том, что их торговля росла за счет византийских купцов и наносила ущерб экономике (Ostrogorsky 1968: 359). Относительно недавно возникло предположение, что их присутствие укрепляло спрос на сельскохозяйственную продукцию, от чего выигрывали византийские землевладельцы и крестьяне (Harvey 1989: 223–4). Хенди попытался приуменьшить значимость итальянской торговли в Византии XII в., утверждая, что общая стоимость итальянской собственности в империи того времени сопоставима с богатством незначительного числа византийских аристократов, но и он согласен с тем, что они могли оказывать значительное влияние в тех городах, где торговали постоянно (Hendy 1985: 590–602). Это влияние не ограничивалось теми городами, которые наиболее часто упоминались в документах. В некоторых коммерческих контрактах оговаривалось условие, что торговец должен совершить путешествие по суше от Фив до Константинополя, а такой путь, вероятно, открывал дополнительные возможности для ведения выгодной торговли.

Наблюдался явный контраст между европейскими провинциями и Малой Азией, где экономические связи были сильно нарушены в конце XI – начале XII вв. Сведения об экономическом подъеме появляются здесь к середине XI в. Города стали более густонаселенными, следствием чего стал рост мелкомасштабного товарного производства для местных рынков. Благодаря военной нестабильности вследствие набегов сельджуков как город, так и село оказались в сложных условиях. Реставрация византийского правления в западной Малой Азии и укрепление фортификации способствовало оздоровлению экономики в XII в.; в XIII в. Никейская империя отличалась большей степенью безопасности, что стало основой ее экономического роста. Приток влиятельной аристократии и рост сельского населения привел к более эффективному использованию сельскохозяйственных ресурсов. Коммерческая активность в городах возрастала, примером чему, в частности, является Смирна, во многом процветавшая в XIII в. (Magdalino 1993: 123–32; Angold 1975: 97–120).

Экономический рост XI–XII вв. был отмечен увеличением количества денег в обращении. Последнее сопровождалось ростом имперских расходов и, на протяжении большей части данного периода, ростом доходов от налогообложения

и имперской собственности. Золотая *номисма* обесценивалась, поначалу, с середины XI в., – незначительно, в 1070-е гг. обесценивание стало более выраженным и в 1080-е гг. реальная стоимость *номисмы* составила менее 1/3 ее номинальной стоимости. Налицо всеобщее согласие исследователей относительно того, что вторая фаза обесценивания явилась результатом бюджетного кризиса; утрата Малой Азии резко сократила доступные государству средства и в то же время имелась насущная необходимость в военных расходах для противостояния угрозе со стороны норманнов, печенегов, турок-сельджуков. Ранняя же фаза обесценивания вызывает больше споров. Хенди утверждал, что она также была вызвана соображениями наполнения бюджета и отличалась от более поздней стадии только масштабами (Hendy 1985: 236). Морриссон, используя в своем анализе монетарную теорию, предположила, что это было обесценивание роста, когда увеличение количества денег связано с увеличением объемов торговли (Morrisson 1976). Сознательное решение девальвировать денежную единицу было вызвано бюджетными факторами, поскольку количественная теория денег не являлась частью образа мышления византийской администрации. Тем не менее, в качестве интрукмента анализа экономических тенденций она в самых общих чертах применялась, и ее аргументация замечательно сочетается с моделью экономического роста того времени. Стабильность денежной единицы была восстановлена Алексеем I Комнином в 1092 г. Он заменил прежние деньги (трех видов: *номисма*, *миллиарисий* и *фоллис*) новой системой, состоящей из четырех видов денежных единиц – в нее вошли: золотой *иперпирон* (*hyperpyron*), *номисма* из электра¹, биллоновая *номисма*² и медный *тетартерон* (*tetarteron*). Обладая дополнительным спектром номиналов, новые деньги придавали торговому обмену большую гибкость (Hendy 1985: 513–17).

Рост объемов торговли и увеличение количества денег в обращении нашли свое отражение в фискальной практике. Повышенная монетаризация и усовершенствованный доступ к рынкам облегчили сельскохозяйственным производителям получение наличных денег, необходимых для выплаты ренты и налогов. Хотя распределение денег и являлось административным процессом, оно находилось в непрямой, непростой зависимости и от экономических условий. Государство собирало налоги преимущественно в золотых *номисмах*, а разменная монета меньшей стоимости выдавалась сборщиками налогов в качестве сдачи. Количество монет, введенных в обращение такой процедурой, по всей вероятности, возрастало, поскольку сельская экономика процветала и, в особенности, поскольку возрастало сельское население. Изменения уровня налогообложения также свидетельствуют о повышении плотности монетаризации экономики. Налоговое давление на большую часть сельского населения в конце XI в. стало более интенсивным. А поскольку обесценивание денег в 1070–1080-е гг. стало более явно выраженным, в одно и то же время в обращении находились *номисмы*, различные по своей реальной стоимости. Некоторые знатные землевладельцы смогли воспользоваться этой ситуацией, выплачивая налоги в наиболее обесценившихся денежных единицах, внося, таким образом, меньшую плату в реальном

¹ Сплав из золота и серебра (прим. переводчика).

² Сплав, состоящий из золота, серебра и одного из неблагородных металлов, как правило, меди (прим. переводчика).

выражении. Сборщики налогов покрывали дефицит, выжимая больше из менее влиятельных налогоплательщиков. Как следствие, уровень налоговых поступлений значительно варьировался от одной деревни к другой, пока в 1106–1109 гг. Алексей I не реформировал фискальную систему, установив повсеместно более высокие ставки налогов (Hendy 1969: 53–8; также см.: 1. 2. 15. Нумизматика).

Увеличение земельного налога не было единственным налоговым бременем, лежавшим на населении. Оно подвергалось также ряду дополнительных оброков – денежных и натуральных платежей, направленных на содержание армии и имперских чиновников, находившихся при исполнении обязанностей; трудовых повинностей, таких, как работа по возведению укреплений, мостов, прокладке дорог, рубке и транспортировке леса. Некоторые из дополнительных оброков в XI в. зачастую заменялись денежными выплатами, в их числе *стратия* (*strateia*) – обязанность владельцев данной категории земель обеспечивать солдатами войска фем, и *митамон* (*mitaton*) – повинность, заключающаяся в принятии солдат на постой. Замена повинности или натурального оброка денежной выплатой не происходила автоматически. В регионах, где шли боевые действия, несение *митамона* могло быть более выгодным для государства, чем взимания платы наличными. Подобно этому, поставка сырья, например, древесины, имела стратегическое значение и в этом случае, опять же, замена натурального оброка денежным далеко не обязательно входила в интересы государства. Решение о реквизиции натурпродукта или об изъятии денежных средств зависело от обстоятельств, в частности, от организации логистики имперских военных кампаний, но возросшая монетаризация экономики давала императору и его сановникам возможность более гибкого реагирования в конкретных обстоятельствах (Harvey 1989: 102–12; Dunn 1992; Oikonomides 1996).

Роль государства в экономической жизни империи сильно снизилась с потерей в 1204 г. Константинополя. Даже после возвращения столицы в 1261 г. возможности государства в сфере контроля над финансовыми и материальными средствами значительно сократились по сравнению с предыдущими столетиями. Оно больше не имело власти над экономически производительными районами Южной и Центральной Греции. А в землях, оставшихся под его контролем, оно не обладало полномочиями, позволявшими ограничить власть знатных и монастырских землевладельцев. Доходы, поступающие государству от земельного налога, были ограничены вследствие сокращения территориальной базы налогообложения и чрезмерности налоговых льгот привилегированным землевладельцам. Государство также мало что получало от *коммеркия* вследствие конкурентного превосходства и доминирования на море венецианцев и генуэзцев. Оно все больше и больше зависело от доходов с имперских имений. Экономическая модель прежних столетий, когда доходы в огромном количестве поступали в столицу из провинций, а деньги распределялись посредством императорских расходов и дарений, начиная с XIII в. стала гораздо менее актуальной.

С XIII в. итальянские купцы стали играть более определяющую роль в экономической жизни Византии. При разделе империи в результате Четвертого Крестового похода венецианцам достались некоторые порты и острова, имевшие стратегическое значение для развития их торговли. В частности, был ва-

жен Крит, поскольку давал возможность контроля над торговлей в Эгейском море и Леванте, а Корон и Модон стали жизненно важными центрами экспорта сельскохозяйственной продукции Пелопоннеса. Венецианцы смогли сохранить эти преимущества и после реставрации византийской власти в Константинополе в 1261 г., когда генуэзцы также получили концессии на длительный срок. Они сохранили свое присутствие на Хиосе, что открывало доступ к фокейским квасцам, а порт Кафа на Черном море стал опорным пунктом их торгового господства в регионе. Их поселение в Галате замыкало на себе всё возрастающие объемы торговли, отвлекая торгующих от Константинополя. Постоянное итальянское присутствие имело место во многих городах, что давало возможность продавать итальянские товары и в окружающих поселениях сельской местности. Итальянские купцы и их представители торговали тканями и изделиями из металла западного производства, а также сырьем и сельскохозяйственной продукцией (Matschke 2002b: 771–2). Византийские торговцы, напротив, часто испытывали трудности с получением доступа к рынкам итальянских колоний. Для их преодоления использовались различные ухищрения, такие, например, как принятие венецианского гражданства. Встречались, конечно же, значимые фигуры и среди византийских купцов. Жители Монебвасии были на протяжении определенного периода XIV в. весьма успешны в своей коммерческой деятельности, простиравшейся за границы империи. Представители византийской аристократии также стали отныне больше участвовать в коммерции, отчасти потому что с середины XIV в. уже не могли полагаться на свои доходы от земельной собственности. И хотя существует значительное количество подтверждений византийской коммерческой активности в XIV и XV вв., она имела место при несомненном венецианском и генуэзском превосходстве. Византийские купцы в сделках с итальянцами занимали второстепенные позиции (Matschke 2002b).

К началу XIV в. империя утратила контроль над Малой Азией, за исключением нескольких уединенных аванпостов. Она по-прежнему сохраняла существенных размеров территорию в Европе, но на протяжении XIV в. приток доходов в пользу государства и землевладельцев под влиянием ряда факторов сократился. Права землевладения были нарушены в результате оккупации сербами большей части Македонии в середине столетия. Некоторые землевладельцы, состоявшие в хороших отношениях с сербским монархом, смогли сохранить свою собственность. Привилегии были пожалованы монастырям горы Афон, прочие же землевладельцы утратили свои имения и собственность. Даже если они и получали их обратно после восстановления византийского правления, собственность, пострадавшая от войн и депопуляции, значительно теряла в цене. Продвижение османов в Европу во второй половине XIV в. делало положение в сельской экономике еще более ненадежным. Демографический спад, последовавший за эпидемией чумы, оказал опустошительное воздействие на доходы землевладельцев и, хотя византийские сведения на этот счет менее исчерпывающие, нежели данные по средневековому Западу, общая модель ясна. На острове Лемнос в 1350–1360-е гг. были зафиксированы многочисленные случаи оставления крестьянами домохозяйств на монастырских землях. Данные относительно земель в Македонии, принадлежавших монастырям горы Афон, свидетельствуют о сокращении кре-

стьянского населения до 80 % между 1321 и 1409 гг. Это сокращение, возможно, усугубили политические и военные факторы, поскольку крестьяне пользовались большей безопасностью на территориях, находившихся под контролем османов. Поскольку давление последних на Константинополь и Фессалонику возрастало, условия на землях, все еще находившихся под контролем византийцев, стали более сложными, а продуктивное земледелие — практически невозможным. В период временного снижения османского давления после битвы при Анкаре государство сделало несколько попыток стимулирования сельскохозяйственного производства. Афонские монастыри получили дополнительные привилегии, побуждавшие их повысить безопасность и производительность в своих владениях на полуострове Кассандры, производственный потенциал которых позволял поставлять в Фессалонику значительное количество продовольствия (Laiou 2002a). Эти усилия увенчались весьма незначительным успехом, а возрождение османской власти сделало хозяйственные условия в районе Фессалоники весьма нестабильными. Впрочем, благодаря высокому уровню спроса данное обстоятельство создало дополнительные возможности для владельцев земель в пределах города; жалобы на спекуляцию сыпались как из рога изобилия. Константинополь также страдал от сокращения территории пригорода. Из-за сокращения средств государству все сложнее было содержать город на должном уровне. Посетители города делились впечатлениями о полуразрушенных жилищах, наподобие деревенских, внутри городских стен. Тем не менее, коммерческие кварталы продолжали существовать до конца империи. Значительный спрос, несмотря на стесненные обстоятельства поздней империи, по-прежнему предъявлял императорский двор, а также богатая городская аристократия значительных размеров. Это позволяло существовать целому ряду торговцев и ремесленников. Некоторые византийцы были заняты в банковском деле, но сфера их операций в основном ограничивалась Константинополем и Фессалоникой. Несмотря на все эти свидетельства экономической активности, экономика Константинополя XV в. по сравнению с предыдущими столетиями сильно сократилась и ко времени захвата города османами численность его населения, предположительно, упала до 50 000 человек. Экономические условия оставались неблагоприятными до момента завоевания города, когда стабильность, обеспеченная османами, облегчила оживление экономической активности (Matschke 2002a; Magdalino 2002).

ЛИТЕРАТУРА

- ANGOLD, M. 1975. *A Byzantine Government in Exile: Government and Society under the Laskarids of Nicaea 1204–1261* (Oxford).
- 1995. *Church and Society in Byzantium under the Comneni, 1081–1261* (Cambridge).
- DAGRON, G. 2002. 'The urban economy, seventh to twelfth centuries', in *EHB*: 393–461.
- DUNN, A. 1992. 'The exploitation and control of woodland and scrubland in the Byzantine world', *BMGS* 16: 235–298.

- . 1993. 'The *kommerkarios*, the *apotheke*, the *dromos*, the *vardarios*, and the west', *BMGS* 17: 3–24.
- . 1994. 'The transition from *polis* to *kastron* in the Balkans (III–VII cc.): general and regional perspectives', *BMGS* 18: 60–80.
- HALDON, J. 1986. 'Limnos, monastic holdings and the Byzantine state: ca. 1261–1453', in A. Bryer and H. Lowry (eds.), *Continuity and Change in Late Byzantine and Early Ottoman Society* (Birmingham): 161–215.
- . 1990. *Byzantium in the Seventh Century: The Transformation of a Culture* (Cambridge).
- HARVEY, A. 1989. *Economic Expansion in the Byzantine Empire, 900–1200* (Cambridge).
- . 1995. 'The middle Byzantine economy: growth or stagnation?', *BMGS* 19: 243–61.
- HENDY, M. F. 1969. *Coinage and Money in the Byzantine Empire, 1081–1261* (Washington, DC).
- . 1985. *Studies in the Byzantine Monetary Economy c. 300 – c. 1450* (Cambridge).
- KAPLAN, M. 1992. *Les hommes et la terre à Byzance du VI au XIe siècle: propriété et exploitation du sol* (Paris).
- KAZHDAN, A., and EPSTEIN, A. W. 1985. *Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries* (Berkeley).
- LAIYOU, A. E. 2002a. 'The agrarian economy, thirteenth–fifteenth centuries', in *EHB*: 311–75.
- . 2002b. 'Exchange and trade, seventh–twelfth centuries', in *EHB*: 697–770.
- LAIYOU-THOMADAKIS, A. E. 1977. *Peasant Society in the Late Byzantine Empire: A Social and Demographic Study* (Princeton).
- . 1980–1. 'The Byzantine economy in the Mediterranean trade system; thirteenth–fifteenth centuries', *DOP* 34–5: 177–222.
- LEFORT, J. 2002. 'The rural economy, seventh–twelfth centuries', in *EHB*: 231–310.
- MAGDALINO, P. 1993. *The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180* (Cambridge).
- . 2002. 'Medieval Constantinople: built environment and urban development', in *EHB*: 529–37.
- MANIATIS, G. C. 1999. 'Organization, market structure and modus operandi of the private silk industry in tenth-century Byzantium', *DOP* 53: 263–332.
- . 2000. 'The organizational setup and functioning of the fish market in tenth-century Constantinople', *DOP* 54: 13–42.
- . 2001. 'The domain of private guilds in the Byzantine economy, tenth to fifteenth centuries', *DOP* 55: 339–69.
- MATSCHKE, K.-P. 2002a. 'The late Byzantine urban economy', in *EHB*: 462–95.
- . 2002b. 'Commerce, trade, markets and money', in *EHB*: 771–806.
- MORRISON, C. 1976. 'La dévaluation de la monnaie byzantine au XIe siècle: essai interprétation', *TM* 6: 3–48.
- . 2002. 'Byzantine money: its production and circulation', in *EHB*: 909–66.
- and SODINI, J.-P. 2002. 'The sixth-century economy', in *EHB*: 171–220.
- OIKONOMIDES, N. 1996. *Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe–XIe s.)* (Athens).
- . 2002. 'The role of the Byzantine state in the economy', in *EHB*: 973–1058.
- OSTROGORSKY, G. 1968. *History of the Byzantine State*, trans. J. Hussey (Oxford, 3rd edn.).
- PATLAGEAN, E. 1977. *Pauvreté économique et pauvreté sociale à Byzance, 4e–7e siècles* (Paris).
- SMYRLIS, K. 2006. *La fortune des grands monastères byzantins (fin du Xe – milieu du XIVe siècle)* (Paris).

III.13. ОБЩЕСТВО

Глава III.13.1 РОЛЬ ЖЕНЩИН

Лиз Джеймс

Начало исследования роли женщин в Византии можно датировать еще временами Эдварда Гиббона, нелестно отзывавшегося об императрице Феодоре на основании наиболее вызывающих пассажей Прокопия – свое мнение, «скрыв под густой вуалью неродного языка», он повторил в *«Упадке и падении Римской империи»* (Gibbon, ed. Burg, 1897). Жизнеописания отдельных женщин, прежде всего, императриц, обнаруживают постоянную тенденцию и преобладали в фокусе всех работ о женщинах – от «Византийских портретов» Шарля Дилья (1906)¹ до «Византийских императриц» Линды Гарлэнд (1999). Однако, поскольку феменизм становился все более приемлемым для академических кругов, изменилось и изучение роли женщин. Ученые 1970–1980-х гг., находясь одновременно под влиянием и феминизма, и марксизма, интересовались индивидуальными жизнеописаниями женщин, не принадлежавших к императорской фамилии, с целью представить византийскую женщину в соответствующем правовом и социально-экономическом контексте и исследовать практические стороны ее жизни (Cameron 1975; Beaucamp 1977; Laiou 1981, 1985; Hergin 1982, 1983; Talbot 1985; Garland 1988). В конце 1980-х гг. и 1990-х гг. акцент сместился к рассмотрению идеологических представлений, выстраивавшихся вокруг женщины, а именно, что значило быть женщиной в Византии и что византийцы думали о женщинах (Galatariotou 1984–5; Brown 1988; Harvey 1990; Hill 1999). В последнее время ученые заинтересовались проблемами гендера и гендерных отношений, поместив византийских женщин, наряду с византийскими мужчинами, в соответствующий контекст (отражено в работе James 1997), а также перечитывая первоисточники с целью исследования женской ментальности (Peltomaa 2005).

---

¹ Переводы см.: Дилья Ш. Византийские портреты. М., 1914. Вып. 1–2 (М: Искусство, 1994).

Эти столь разнообразные подходы обеспечили солидным объемом информации о женщинах Византии. Ключевым в нашем понимании роли византийской женщины является то, что фактически вся имеющаяся информация проходит сквозь «фильтр» мужского восприятия, происходя из созданных мужчинами источников, письменных или визуальных. Женщины, как правило, являются предметом повествования, а не повествуют о себе и потому их появление в исторических источниках необходимо рассматривать именно в таком свете. В своем исследовании женских ролей нам необходимо читать и рассматривать не только то, что доносят до нас визуальные и письменные источники, но также и то, что они от нас скрывают, учитывая влияния, окрашивающие их восприятие (Smythe 1997).

Справедливо будет отметить, что византийское общество было, в нашем понимании, женоненавистническим и патриархальным, поскольку господствующая идеология в отношении женщин рассматривала их как существ низшего порядка по отношению к мужчинам, слабых и не заслуживающих доверия, ставя в один ряд с детьми, умственно неполноценными и рабами как не могущих публично свидетельствовать в суде. Они были безнравственными соблазнительницами, обладавшими неподвластной контролю и потому неконтролируемой сексуальностью и их настоящее место было дома, подальше от общественной жизни в какой бы то ни было форме (Brown 1988). Мужчины и мужское поведение являлось нормой; второстепенная роль женщин этой нормой обуславливалась.

Это была идеология, основанная на учении Церкви. Отцы Церкви описывали женщин как низших и слабейших в сравнении с мужчинами, ибо они через Еву несли ответственность за грехопадение Человека-Мужчины. Женщины также были предрасположены либо к занятиям колдовством, либо к одержимости бесами. Они были легковверны до невозможности. Они были также постоянными источниками искушений и инструментами дьявола. Однако, как созданные по образу Божию и благодаря искупительным деяниям Св. Девы Марии, женщины также признавались Церковью духовно равными мужчинам. Эти две взаимно противоречащие роли являлись основой их социальных ролей в византийском обществе (Galatariotou 1984–5).

Исходя исключительно из этого, можно было бы предположить, что роли женщин в Византии были строго очерчены. Весь вопрос состоит здесь в том, что идеологии представляют положение дел в идеале. И, несмотря на установившуюся идеологию, женщинам удавалось играть в византийском обществе более активную роль, чем можно было бы предположить (Hill 1997; Smythe 1997).

Господствующее догматическое воззрение заключалось в том, что, поскольку женщина являлась причиной грехопадения мужчины и постоянным источником искушения, наибольшая исходившая от нее угроза заключалась в ее сексуальности и, тем самым, в нарушении добродетели и целомудрия мужчины. Для преодоления этой подобным образом воспринимаемой опасности появилось и было освящено ранней Церковью широкое разнообразие женских ролевых моделей: дева, трансвестит, кающаяся блудница, женщина, отказавшаяся от брачных отношений с мужем. Эти модели подразумевали отвержение сексуальности (Galatariotou 1984–5). Однако «нормальная» жизнь женщины предполагала брак, а затем материнство, помещая идеалы и реальность в состояние конфликта,

создавая напряжение между контролируемой сексуальностью деторождения и ее полным отрицанием. Таким образом, идеология изменилась, и постепенно брак стал рассматриваться как свойственная женщине роль, тесно связанная с вытекающим из него материнством. Дева, жена, мать, вдова и были, в основном, теми немногими приемлемыми в христианстве социальными ролями для женщин. Это изменение идеологии можно проследить различными способами; один из них заключается в изменении природы женской святости. В раннехристианский период женщины-святые имели тенденцию быть мученицами, девственницами, трансвеститами, кающимися блудницами, подобно Св. Марии Египетской и Св. Пелагии, и женами, подобно Св. Матроне, оставившими своих мужей, дабы посвятить свои жизни Христу (Patlagean 1976; Harvey 1990). К IX в. эти ролевые модели изменились и идеальной женщиной-святой стала домохозяйка, жена, наподобие Св. Марии Новой или Св. Фомаиды Лесбосской, которые, оказавшись в неблагополучном браке вместе с детьми, тем не менее сохраняли его и в таком браке преуспевали в добродетели.

Глядя на реальную женщину, мы начинаем более ясно представлять себе, как идеология и реальность взаимодействовали в повседневной жизни. Византийское государство по своей природе давало женщинам (если вообще давало) весьма незначительный доступ к общественной жизни. Под властью императора находились три ключевые политические или общественные составляющие: Церковь, армия и гражданская администрация. Во всех трех женщины были лишены должностей из-за принадлежности к своему полу. Как и в Риме, женщины не были задействованы на общественной службе: женщина, получившая власть над мужчиной, становилась объектом серьезных подозрений. Политическая или «общественная» жизнь женщин была, таким образом, строго ограничена. Однако дома, в так называемой «частной», внутрисемейной сфере женщины играли большую роль. Единственному моногамному браку отдавало предпочтение и государство, и Церковь, а семья, рожденная в браке, становилась все более важным социальным институтом. Похвала хорошей жене и матери, участвующей в благотворительности, все чаще встречается в произведениях византийцев-мужчин, наводя на мысль о возрастании идеологического статуса этих ролей. Женщины отвечали за воспитание детей, как сыновей, так и дочерей в период их становления, и за получение ими соответствующего образования (Laiou 1992). После материнства следующей наиболее важной ролью женщины было ведение домашнего хозяйства. Женщины всех классов и слоев общества обладали важными личными, экономическими и имущественными правами, гарантированными законом. За женщиной сохранялось право владения ее приданым (хотя распоряжался им ее муж), она могла отчуждать унаследованное имущество; вдовы сохраняли право собственности и управления фамильным имуществом, включая приданое (Beaucamp 1977, 1990; Laiou 1985). Они также имели власть над сыновьями. Юридические акты повествуют о женщинах, выступавших в судах свидетельницами и истицами (причем, успешно), добиваясь расторжения брака, решения имущественных споров, контроля над собственностью. Дочери так же, как и сыновья, имели право долевого участия в наследстве родителей, и собственность передавалась по женской линии (Beaucamp 1977, 1990). В семье от

женщины ожидали активности в хозяйственных делах, и реальность женского владения собственностью – ключевой фактор в понимании византийской семейной жизни.

Описывая то, на что имели право женщины, всегда следует отдавать себе отчет и в том, на что они права не имели в сравнении с тем, на что имели право и что делали мужчины. Женщина была носителем и хранителем семейной чести, поэтому девственность дочерей и чистота вдовства высоко ценились и охранялись. Тогда как мужское сексуальное поведение считалось приемлемым, сексуальное невоздержание молодых женщин было наказуемо: любая девушка, утратившая невинность с кем-либо другим, кроме обрученного с ней, после обручения могла быть отвергнута женихом. Тем не менее, изнасилование все чаще признавалось преступлением, за которое насильник должен был нести наказание, в отличие от супружеской неверности, в которой обе стороны признавались одинаково виновными (Laiou 1993). Роль жены и матери была ограничена; она находилась под контролем Церкви, государства и родителей, и все они принимали участие в построении брачных отношений. Имела ли вообще конкретная женщина право голоса при выборе спутника жизни, сказать сложно.

Для понимания роли женщины в Византии важно всегда удерживать в равновесии два аспекта проблемы: идеологию и фактическую информацию. Так, в то время, как существуют сведения о женщинах, выполняющих практические роли в сфере хозяйственной деятельности, их следует дополнить и уравновесить вопросом: возможно, в источниках имеются сведения относительно того, что женщинам делать было присуще или же неприсуще, а не о том, какую работу они фактически выполняли? В то время, как специфических сведений о жизни крестьянок имеется мало, исходя из них женщины, предположительно, принимали участие в сельскохозяйственных работах, но только в некоторых их видах, к примеру, жатве, но не во вспашке или в выпасе скота (Byrer 2002). Было ли это связано с тем, что они могли выполнять лишь действия, удерживавшие их в непосредственной близости от дома или же с тем, что приемлемым считалось описывать их как выполняющих такие действия, которые удерживали бы их дома? В городах они, по всей вероятности, были задействованы на разнообразных работах и в разнообразных профессиях – от лекарей и повивальных баб до содержательниц питейных заведений, банщиц, мойщиц, служанок, пекарей, продавщиц еды, танцовщиц, проституток (Kalavrezou 2003). Впрочем, большинство этих ролей ценились невысоко и, в любом случае, считались всего лишь одной из разновидностей проституции.

Женщины могли участвовать в торговле, и действительно, это было возможным, поскольку они владели имуществом, которое могло быть вовлечено в торговлю выше уровня уличных торговцев, вкладывая деньги в открытие лавок, и даже имели возможность выступать как заемщики денег (Laiou 1999). Основное профессиональное направление, в котором мы действительно видим их участие, – изготовление и продажа одежды; идеологические представления о том, что хорошая женщина занята только тем, что прядет и ткет, возможно, являются здесь основополагающим фактором. Еще одним основным занятием, зафиксированным в «мужских» источниках, является проституция. Хотя по меньшей мере

две императрицы, предположительно, были проститутками, это не делало такой образ жизни заслуживающим доверия и образцом для подражания. Раскаявшиеся блудницы по-прежнему изображались как героини чудесных обращений, а благотворительные «дома призрения кающихся» для желавших оставить подобный образ жизни указывали на то, что проституция считалась образом жизни, достойным покаяния.

Хотя жизнь женщины могла и не быть столь уединенной, как может быть, желали того господствующие идеологические представления, она все-таки была ограничена в общении. Мы видим, что женщины уходили из дома по разнообразным законным, но количественно ограниченными и идеологически весомым поводам, включая участие в церковных службах, посещение бань, гробниц, визиты к родственникам, бедным, покупки, участие в празднованиях по случаю светских и имперских знаменательных событий и даже в восстаниях.

Насколько образованы были женщины Византии, остается неясным. Женская грамотность не была всеобщей и имела тенденцию сохраняться в высших слоях общества. И хотя имеется множество упоминаний о матерях, обучавших своих детей псалмопению и библейским историям, эти женщины могли знать такие тексты наизусть, а не узнавать посредством прочтения. Женщины-писатели оставались исключением. После V в. нам известно об очень немногих из них: гимнограф Касия (IX в.) и единственная женщина-историк в Византии Анна Комнина (XII в.). Как библиофилы известны только женщины из императорских и аристократических фамилий.

Идеология женского начала оказывала влияние на религиозную жизнь женщин. В религиозной сфере женщины не могли занимать ни одну из должностей в священнослужении, ибо это означало оказаться в положении превосходства над мужчинами. Однако Жития женщин-святых вынужденно противоречат и справляются с этим разнообразными способами. В Церкви женщины, как правило, благородного происхождения, могли основывать монастыри, управлять монастырскими общинами и исполнять все службы в монастыре кроме обязанностей священника. Для знатных женщин монастырь мог стать и семейным центром и местом властвования, переходящим из поколения в поколение (Talbot 1985; Weyl Carr 1985; Galatariotou 1988). Для неаристократки монастырь мог представлять собой убежище от ролей жены и матери; он мог также представлять собой тюрьму для нежеланных или неугодных дочерей, где они могли стать прислугой, выполняя тяжелую работу для благородных дам. Хотя, возможно, женщины и являлись значимой силой в период иконоборства и были исключительно преданы использованию икон в богослужении, не исключено и то, что их появление в исторических источниках по данному поводу фикция, назначение которой подчеркнуть неестественный характер происходящих событий (Herrin 1982, 2000; Cormack 1997).

Как отмечалось, политическая власть женщин в Византии была ограничена. Принцесс использовали для заключения дипломатических браков. Монахини и настоятельницы, последние обычно благородного происхождения, могли влиять на религиозную деятельность и очень редко – вмешиваться в политику, обычно с незначительным результатом. Благородные дамы занимали высокое

положение при дворе в свите императрицы, основывали монастыри, создавали литературные кружки, служили покровительницами искусств (Runciman 1984). Знатная дама VI в. Аниция Юлиана, имевшая тесные связи при императорском дворе, сумела, используя богатство и связи, досадить правящему императору Юстиниану (Harrison 1989).

Однако продолжим читать между строк источников (Harvey 1990). Почему императрицы и святые представлены в исторических источниках, как изображительных, так и письменных? Отчасти ответ заключается в том, что они действительно пользовались некоторой властью и влиянием и были значимыми участницами описываемых или изображаемых событий. С другой стороны, как женщины они могли служить статистами для изображения успеха, поражения, достойного и недостойного поведения. Так, некий историк VIII в. мог бы привести императрицу Ирину, восстановившую в 787 г. иконопочитание, в пример того, как Бог действует через слабых, но добродетельных – женщину вдову и ее осиротевшего сына, тогда как иконоборец мог опровергать восстановление иконопочитания как «женскую прихоть» (James 2001). Таким образом, Ирина служит символом, равно как и проводником для понимания современных ей исторических событий.

Императрицы, на первый взгляд, имели некоторую политическую силу. Кажется бесспорным, что «императрица» была официальным лицом в организационной структуре империи. Подобно императору, императрица не подчинялась закону и не несла по нему ответственности. Если император умирал, оставив юного наследника, ожидалось, что мать ребенка займет место регента; если император был неспособен к выполнению своих обязанностей, его жена вступала в права правления: ни один император никогда не имел регентши женского пола, которая не приходилась бы ему родственницей. Служение императрицы проявляло себя и в других сферах общественной жизни. Императрицы были представлены на монетах, что является наиболее публичной стороной императорского имиджа. Изображение императрицы в искусстве также призвано было подчеркнуть официальный характер ее роли.

Однако предел власти императрицы выглядит неопределенно. Хотя влияние женщин в общественной жизни зачастую осуществлялось посредством доступа к более влиятельной личности мужского пола, следует подчеркнуть, что таким образом действовали и менее влиятельные мужчины. Что нового открывает для нас возвышение императриц, так это то, что женщины имели доступ к политической власти посредством отношений с мужчинами. Такие отношения могли выстраивать сестры (например, Пульхерия), матери (Ирина, Феодора II, Феофано), жены (Ариадна, Феодора, София), дочери (Ариадна, чьи мужья стали императорами посредством брака с ней) правящих императоров (Garland 1999; James 2001; McClanan 2002). Византийская история дает много примеров, когда императрица переживала своего мужа и передача власти во многом зависела от нее, благодаря не ее рождению, а ее положению вдовы императора. Это предполагало формализацию роли императрицы, поскольку официальный доступ к политической власти зависел от ее положения, а не от личности. В отсутствие правителя мужского пола – императора (единственная фигура в византийской политической системе,

по значимости стоящая выше императрицы) «должность» императрицы была самой важной в иерархическом смысле. В результате роль регента являлась частью положения императрицы и в случае, когда император оставлял несовершеннолетнего наследника (так было, к примеру, с Ириной (Herrin 2001), или в случае с Софией, когда император был неспособен к правлению (Cameron 1975)). Тогда гражданское управление сосредотачивалось в ее руках: императрица-регент назначала и смещала служащих и держала под определенным контролем налоги и судопроизводство.

Впрочем, господствующая идеология подчиненности женщины способствовала ограничению ее возможностей. Чтобы преуспеть, императрица-регент должна была быть в хороших отношениях с Патриархом; те же, кто не был, рисковали оказываться в затруднительных положениях, как показал опыт Феофано. Что же касается армии, поскольку женщины армиями не командовали, императрица должна была держать при себе фаворитов-командующих или же подвергаться риску свержения с трона. Для женщины наиболее простым путем решения данного вопроса было выйти замуж за военачальника или назначить официального командующего, но обратной стороной медали было то, что военачальник мог узурпировать власть. Феофано попыталась удержаться в своем положении, выйдя замуж за успешного военачальника, и мгновенно была смещена с трона своим новым мужем; Софию, которая надеялась править при помощи назначенцев, последние оттеснили на второй план. Одна императрица Ирина успешно уладила этот вопрос, назначив на ключевые гражданские и военные посты евнухов. В качестве таковых они не имели права претендовать на императорскую власть лично, поскольку император не должен был иметь телесных повреждений, и потому представляли лишь ограниченную угрозу власти императрицы.

Изменение моделей женской императорской власти может отражать изменение женских социальных ролей, хотя данных, удостоверяющих это, недостаточно. Для раннего периода имеется больше данных об императрицах, лично вмешивавшихся в управление империей, таких женщинах, как Евдоксия, Пульхерия, Верина, Феодора, София и Мартина, оставивших свой след в событиях V–VII вв. Это был период, относительно которого также имеются и свидетельства женского участия в интеллектуальных кругах (философ Ипатия). В то же время образом женской святости была девственница, сопротивлявшаяся попыткам завязать отношения со стороны жениха, будущего мужа, или блудница, эффектно и зрелищно кающаяся в своем образе жизни. Женщины основывали храмы, заказывали рукописи, как, например, Аниция Юлиана, или строили лечебницы.

Дошедших до нас данных об императрицах VII–XI вв. гораздо меньше, возможно, потому, что империю больше всего заботило военное дело и выживание. Две императрицы проявили инициативу в отношении восстановления иконопочитания в период иконоборства, и одна из них, императрица Ирина, являлась правящей императрицей. Однако один из преобладающих образов императрицы того периода – образ жены и матери. Другая императрица, почитавшая иконы, Св. Феодора, изображается в письменных источниках как заботящаяся о спасении души своего мужа-иконаборца и как регент своего сына (Herrin 2001): именно в этот период на передний план выходят святые-домохозяйки. Несмотря на то,

что императрица Ирина и осуществляла строительство зданий, в целом за этот период сохранилось гораздо меньше данных о женском патронаже, хотя то же самое, до некоторой степени, верно и в отношении мужского.

С начала XI в. императрицы и женщины императорской фамилии все более часто выполняли все более значимые роли. Начиная от императрицы Зои и минуя женщин династии Комнинов, женщинам случалось приходить к власти в империи, и они, конечно же, представляли собой силу, с которой приходилось считаться (Hill 1999). Женское покровительство строительству было значительным, женское присутствие в литературных кругах – заметным. Чем дальше, тем больше, по мере появления класса новой аристократии в Византии, начиная с XI в., знатные дамы в рамках господствующей идеологии, предположительно, приобрели и стали играть все большую роль как носители фамильных имен и наследницы состояний. Женская образованность и покровительство искусствам в высших слоях общества в этот период, вероятно, возросли. Женщины даже фигурируют в романтической литературе, указывая на некоторую экзальтацию в отношении женского начала и любви. Новые женщины-святые в этот период, тем не менее, редки, и тяготеют к соответствию модели «святой-матери». Но хотя, как мы можем видеть, женские роли и меняются, идеология, отводящая женщине второе после мужчины место, неизменна. То, что смог вырасти целый класс женщин-аристократок, в большей степени говорит о росте аристократии, нежели о возвышении женщины (Hill 1997).

Для понимания роли женщин в Византии нам следует всегда помнить, что наши источники не просто повествуют о том, чем занимались женщины. То, что они сообщают нам, избирательно и сформировано под влиянием отношений к женщине, женскому поведению и к той роли, в которой автор или патрон-заказчик видит ту или иную женщину при создании текста или изображения. Мы имеем возможность видеть те или иные стороны жизни женщин, но при этом нам всегда необходимо напоминать, что перед нами лишь частичное и предвзятое изображение, воспринимая его с поправкой на мужские представления о женщинах.

ЛИТЕРАТУРА

- BEAUCAMP, J. 1977. 'La situation juridique de la femme à Byzance', *Cahiers de Civilisation Medievale* 20: 145–76.
- 1990. *Le statut de la femme à Byzance (4e–7e siècle), 1: Le droit impérial* (Paris).
- BROWN, P. 1988. *The Body and Society: Men, Women and Sexual Renunciation in Early Christianity* (London–New York).
- BRYER, A. A. M. 2002. 'The means of agricultural production: muscle and tools', in *EHB*: 101–13.
- CAMERON, A. M. 1975. 'The empress Sophia', *Byzantion* 45: 5–21.
- CLARK, E. A. 1994. 'Ideology, history and the construction of "woman" in late ancient Christianity', *Journal of Early Christian Studies* 2.2: 49–63.

- CLARK, G. 1993. *Women in Late Antiquity* (Oxford).
- CORMACK, R. 1997. 'Women and icons, and women in icons', in James 1997: 24–51.
- DIEHL, C. 1906. *Figures byzantines* (Paris).
- GALATARIOTOU, C. 1984–5. 'Holy women and witches: aspects of Byzantine concepts of gender', *BMGS* 9: 55–94.
- 1988. 'Byzantine women's monastic communities: the evidence of the typika', *JÖB* 38: 263–90.
- GARLAND, L. 1988. 'The life and ideology of Byzantine women', *Byzantion* 58: 361–393.
- 1999. *Byzantine Empresses: Women and Power in Byzantium AD 527–1204* (London).
- GIBBON, E. 1897. *The Decline and Fall of the Roman Empire*, ed. J. B. Bury, 7 vols. (London).
- GROSDIDIER DE MATONS, J. 1967. 'La femme dans l'empire byzantin', in P. Grimal (ed.), *Histoire mondiale de la femme* (Paris): vol. 3, 11–43.
- HARRISON, R. M. 1989. *A Temple for Byzantium* (London).
- HARVEY, S. A. 1990. 'Women in early Byzantine hagiography: reversing the story', in L. L. Coon and others (eds.), *That Gentle Strength: Historical Perspectives on Women in Christianity* (Charlottesville): 36–57.
- HERRIN, J. 1982. 'Women and the faith in icons in early Christianity', in R. Samuel and G. Stedman Jones (eds.), *Culture, Ideology and Politics: Essays for Eric Hobsbawm* (London): 56–83.
- 1983. 'In search of Byzantine women: three avenues of approach', in A. M. Cameron and A. Kuhrt (eds.), *Images of Women in Antiquity* (London): 167–90.
- 2000. 'The imperial feminine in Byzantium', *Past and Present* 169: 3–35.
- 2001. *Women in Purple: Rulers of Medieval Byzantium* (London).
- HILL, B. 1997. 'Imperial women and the ideology of womanhood in the eleventh and twelfth centuries', in James 1997: 76–99.
- 1999. *Imperial Women in Byzantium 1025–1204* (London).
- JAMES, L. (ed.) 1997. *Women, Men and Eunuchs: Gender in Byzantium* (London).
- 2001. *Empresses and Power in Early Byzantium* (London).
- KALAVREZOU, I., and others. 2003. *Byzantine Women and their World* (Harvard–Yale).
- LAIYOU, A. E. 1981. 'The role of women in Byzantine society', *JÖB* 31.1: 233–60.
- 1985. 'Observations on the life and ideology of Byzantine women', *BF* 9: 59–102.
- 1992. *Manage, l'amour et parenté à Byzance aux XIe–XIIIe siècles* (Paris).
- 1993. 'Sex, consent and coercion in Byzantium', in A. E. Laiyou (ed.), *Consent and Coercion to Sex and Marriage in Ancient and Medieval Societies* (Washington, DC): 109–226.
- 1999. 'Women in Byzantine society', in L. E. Mitchell (ed.), *Women in Medieval Western European Culture* (New York–London): 81–94.
- McCLANAN, A. 2002. *Representations of Early Byzantine Empresses* (London–New York).
- PATLAGEAN, E. 1976. 'L'Histoire de la femme déguisée en moine et l'évolution de la sainteté féminine à Byzance', *Studi Medievali*, 3rd ser. 17: 597–623 (repr. in *Structure sociale, famille Chrétienté à Byzance (IVe–XIe siècle)* (London, 1981): no. XI).
- PELTOMAA, L.-M. 2005. 'Gender and Byzantine studies from the viewpoint of methodology', *Anzeiger der phil.-hist. Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften* 140.1: 23–44.

- RANCIMAN, S. 1984. 'Women in Byzantine aristocratic society', in M. Angold (ed.), *The Byzantine Aristocracy, IX to XIII centuries (Oxford)*: 10–23.
- SMYTHE, D. C. 1997. 'Women as outsiders', in James 1997: 149–67.
- TALBOT, A.-M. 1985. 'A comparison of the monastic experience of Byzantine men and women', *Greek Orthodox Theological Review* 30: 1–20.
- WEYL CARR, A. M. 1985. 'Women and monasticism in Byzantium', *BF* 9: 1–15.

Дополнительная литература:

Общие введения – книги и статьи о женщинах в Византии: Grosdidier de Matons 1967; Clark 1993; Laiou 1999. В недавнем потоке публикаций об императрицах можно выделить работы: Garland 1999; Hill 1999; James 2001; Herrin 2001; McClanan 2002. Об идеологических представлениях, формировавшихся вокруг женщин, см.: Galatariotou 1984–5; Clark 1994; Hill 1997; и Smythe 1997; о законодательстве Beaucamp 1990. Издание Kalavrezou 2003 представляет собой каталог с вводными эссе с выставки, посвященной повседневной жизни женщин в Византии.

Глава III.13.2 СЕМЬИ И РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Рут Макридес

Семья характеризуется как «одна из форм связей, процветавшая в Византии» (Kazhdan and Constable 1982: 32). Однако в византийском греческом языке нет специального термина для обозначения семьи. Показательно, что наиболее часто употребляемое слово, *сингенния* (*syngeneia*), обозначало как семью, так и родство вообще. Согласно трактатам и сводам законов имелось две разновидности *сингеннии*: «по природе» (*physei*) и «по соглашению» (*thesei*). К последней категории (родства по соглашению) относились: брак – *анхистерия* (*anchisteia*), восприемничество в крещении – *анадохе пневматики* (*anadoche pneumatike*), усыновление / удочерение – *иофесия* (*huiiothesia*), побратимство – *адельфопойя* (*adelphopoia*) (Schminck 1976: 140).

Основополагающее значение семьи в Византии подчеркивается и тем, до какой степени семья служила моделью прочих видов отношений; терминология родства широко применялась даже для описания неродственных связей. Учитель пользовался ею применительно к ученику, друг, обращаясь к другу, император – в общении с подданными или иноземными правителями. Использование терминов «семейственности» было также распространено и в Церкви, где отношения между исповедующимся и исповедником описывались как отношения сына и отца, равно как и отношения между монахом / монахиней и настоятелем. Возможно, наиболее поразительное из всех свидетельств о центральной роли семейных отношений исходит от тех, кто разорвал связи с этим миром, от живших вне семьи, отказавшихся «от детей и родителей, от каких бы то ни было плотских отношений» и, тем не менее, вовлеченных в эти самые отношения путем принятия на себя обязательств, сопоставимых с родственными, – восприемников при крещении и названных братьев (Macrides 1987: 144, 154).

Хотя мнения и сходятся в том, что типичная византийская семья была семейством атомарного, «центростремительного» типа (ODB 2: 776; Laiou-Thomadakis 1977: 79), сведения из огромного количества источников за весь период существования Византии показывают, что византийцы обладали гораздо более широким и разносторонним пониманием того, что могло составлять семью. Оно под-

разумевало, как показывает само слово *сингенія*, систему родственных (и аналогичных им) связей между рядом людей, к которым можно было обратиться за помощью экономической, военной или другого рода (Patlagean 1984: 32). Такие отношения, заключенные «по соглашению» или избранию, дополняли биологические, кровнородственные. А значит, в любом исследовании византийские семейные отношения, брак, восприимчивость, усыновление могут и должны рассматриваться вместе. Все эти виды отношений использовались византийцами, чтобы причислить к биологически определенному семейному кругу тех, кто находился за его пределами. Такие родственные связи имели общий элемент: они формировались церковным ритуалом и соединяли не только основных действующих лиц, но и их семьи; создание родственных связей сопровождалось дарением подарков; с такими связями были сопряжены определенные обязательства.

Источники для исследования византийских взглядов на семейные отношения разнообразны по своей природе и отличаются повышенной концентрацией соответствующих материалов в поздневизантийский период. Исторические повествования излагают историю императорских и аристократических семейств Константинополя, а Жития святых описывают семейную жизнь, которую впоследствии отвергал новоявленный святой. В дополнение к законодательным актам прочие юридические документы представляют собой материалы дел, рассматривавшихся в гражданских и церковных судах: *Пура (Piera)* в XI в., дела Димитрия Хоматиана, архиепископа Охридского, и Иоанна Апокавка, митрополита Навпакта в XIII в. Решения Патриарха и Синода, в особенности из патриаршьего реестра 1315–1402 гг., дошедшие до нас в оригинале, представляют собой обширнейшее, сохранившееся до наших дней собрание византийских судебных дел, в том числе касавшихся семейного имущества. В число прочих вопросов, рассматривавшихся в гражданских и церковных судах, входили браки несовершеннолетних, браки с «запрещенными» категориями лиц, разводы, вторые и третьи браки. Тогда как большинство вышеназванных источников информируют о городских жителях, инвентарные описи (*практики*), созданные в целях оценки в Македонии XIV в., предоставляют сведения о крестьянских семьях, составе домохозяйств, количестве детей в семье.

Конец IX в. явился периодом формирования семейных структур. В ряде новелл император Лев VI внес изменения в порядок вступления в брак и усыновления, что придало Церкви более серьезное значение в обоих случаях. До издания Львом VI новеллы LXXXIX брак был законным, если заключался в соответствии с гражданским законодательством. С принятием этого закона Церковь получала монополию на образование матримониальных союзов (Laiou 1992: 10–12). Аналогично в новелле XXIV император предписывал, чтобы усыновление проводилось священниками в Церкви. Усыновление стало, таким образом, «духовным взаимоотношением» сродни понятию крещения, которое само по себе сравнивали с усыновлением уже со святоотеческих времен (Macrides 1990: 110).

IX в. был важен для истории семьи также и еще в одном отношении. Изменения практики вступления в брак и усыновления сопровождалось расширением перечня препятствий к браку между связанными узами родства или усыновления. Что касается первых, препятствием служило родство шестой степени, то

есть запрет на вступление в брак распространялся даже на детей двоюродных братьев и сестер (Laiou 1992: 13). Что касается последних, существовавший еще со времен правления Юстиниана I запрет на брак родителей с приемными детьми распространялся отныне и на возможность брачных отношений между биологическими и приемными детьми одних родителей. Эти условия ставили препятствия к браку в случаях «приемных» родственных отношений в один ряд с препятствиями, существовавшими в случаях восприемничества в крещении (Macrides 1990: 114). И если брачные запреты рассматривать с целью определения состава семьи в Византии, из вышеизложенного становится ясно, что родственные отношения, созданные в результате брака, усыновления, восприемничества в крещении, расширяли понятие семьи далеко за пределы привычного перечня участников семейных отношений.

Данные законодательные изменения, обеспечившие Церкви ведущую роль в создании родственных отношений, сопровождались и другими нововведениями, связанными с семьей. Начиная с IX–X вв. лексикон родственных отношений стал более точным (Patlagean 1996: 472). К X в. в обиход вошли родовые прозвища («фамилии»), что свидетельствовало о «стабилизации концепции родословия» (Kazhdan 1997: 91, 109). Еще одно указание на растущее значение семьи можно усмотреть в отношениях внутри императорских фамилий. Преемники императора Ираклия в VII в. видели в своих родственниках опасных противников, способных заключить в темницу, убить, изувечить, тогда как Комнины извлекали максимум выгод из своих родственных связей (Kazhdan and Constable 1982: 54). Во времена их правления наименования, обозначавшие ту или иную степень родственной связи с императором, стали равносильны титулам, обозначавшим иерархические позиции (Magdalino 1993: 210–17; app. 2). Аналогично, именно Комнины первыми стали в полной мере использовать брачные союзы с зарубежными императорскими фамилиями (Macrides 1992a: 271–5).

Брак

«Пожизненный союз и единение мужчины и женщины» (Scheltema and van der Wal 1962: B.28.4.1) связывал родительские семьи мужа и жены и создавал новую семью, чьи потомки были связаны кровно, а также с экономической-правовой точки зрения с семьями матери и отца. Браки устраивались родителями молодоженов или другими их родственниками (Patlagean 1996: 483) и сопровождались обязательным «дарением» приданого — *проукс* (*proix*) обоим детям (Macrides 1992b: 94)¹. И хотя законом разрешалось вступление в брак девушек с 13, а юношей с 15 лет, данные гражданских и церковных судов показывают, что на практике, в особенности девушки, вступали в брак гораздо раньше (Laiou 1984: 279, 283; Kiousoroulou 1990: 29; Macrides 1992a: 273). Стимулом к столь ранним бракам, засвидетельствованным на всех уровнях общественной иерархии и во все периоды, было желание со стороны родителей или других родственников обеспечить будущее детей на случай преждевременной смерти роди-

¹ Проукс означал прежде всего приданое невесты, его перечень: предбрачный дар жениха именовался иповол (прим. редактора).

телей. Действительно, в 40 % судебных дел из реестров Хоматиана или Апокавка первый брак расторгался со смертью одного из супругов (Laiou 1984: 280). Евстафий Ромей, судья в суде константинопольского Ипподрома в XI в., провозгласил в одном из судебных решений, помещенном в сборнике *Πира* (17.14), что если бы молодым для вступления в брак пришлось ждать достижения совершеннолетия (25 лет), они к тому времени осиротели бы (Zepos and Zepos 1931/1962: 65).

Еще один побудительный мотив к организации ранних браков описан схолиастом (комментатором) *Эклоги Василик* (1142 г.) в В.2.3.162. Он утверждает, что император мог женить своего сына на 8- или 10-летней дочери правителя неприятельского государства, чтобы предотвратить нападение на империю, но его подданным не следовало подражать ему, принимая его поведение за образец, поскольку он действовал из соображений крайней необходимости (Burgmann 1988: 147). Однако в силу того, что император мог нарушать закон под влиянием вынуждающих к тому политических обстоятельств, было бы неверно утверждать, что причины, побуждающие к тому же его подданных, носили менее стратегический характер (Macrides 1992a: 263–80). В своих комментариях схолиасты проводят аналогии между поведением императора и его подданных в отношении брачных союзов. Разница между ними заключается в красноречивости императорского примера, на котором можно ясно показать обстоятельства и цели брака, что обычно невозможно на основании записей о брачных процессах императорских подданных.

Можно провести и дальнейшие параллели. Император, подобно его подданным, опускался и до устройства браков в запрещенных степенях родства, дабы предотвратить утечку богатства и власти за пределы семьи. Один писатель XIII в., защищая подобный брак, устроенный императором для своего подданного, который уже был связан с ним родственными узами посредством брака, утверждал: «Ибо даже несмотря на то, что это запрещено Церковью, императорам это позволено ради всеобщего благосостояния и целесообразности» (Laiou 1992: 56). Императорские подданные подобным же образом пытались вступать в запрещенные виды брачных союзов. Их дела рассматривались церковными и гражданскими судами в XI и XII вв., «в то время, когда брачный союз стал для аристократии одним из наиболее мощных инструментов развития и утверждения политической власти» (Laiou 1992: 21). Однако не все подобного рода дела имеют отношение к аристократии, хотя таких подавляющее большинство (Laiou 1992: 59–66). Запрещения на брак могли также использоваться для расторжения брака в случае, если возникала необходимость.

Император устраивал браки своих подданных или своих собственных детей с целью заручиться поддержкой, лояльностью, доброжелательностью, готовностью к услугам вновь созданной семьи. Родственники могли обращаться друг к другу за помощью. Этот момент нашел негативное отражение в совете, данном Иоанном Дукой императору Никифору Вотаниату, жениться на Марии Аланской, поскольку она «иностранка и не имеет толпы родственников, которые будут докучать императору» (Macrides 1992a: 275; cf. Kazdan and Constable 1982: 54).

Даже если речь и не шла о родстве с императором, две семьи, связанные брачными узами, оказывали друг другу поддержку, хотя и несколько иного по-

рядка: сотрудничество и взаимная экономическая помощь имели место и в этом случае. Примеры вовлеченности в отношения посредством заключения брака в судебных решениях, касавшихся собственности, обнаружены в патриаршем реестре. В деле 1401 г. Гавриил, сын кира Перии Лампедена, желает приобрести часть поля, принадлежащую его брату, чтобы помешать кому-то извне купить наследную семейную землю. «Противная сторона (*meros*) – его жена» утверждает, что он для этого заложил драгоценности, полученные в качестве приданого. Еще в одном деле того же года двоюродный брат жены некоего Вуллотиса назначает Вуллотиса судебным исполнителем, наследником жены и ее душеприказчиком (Macrides 1998: 182).

Дарение подарков было основой формирования родственных союзов. Родители или прочие родственники были обязаны обеспечить детей свадебными подарками, приданым (*proix*) или *donatio propter nuptias* – иповолом (*hypobolon*), которое иногда также называли «приданым» (Gedeon 1896: 114). Последнее было изначально, в законодательстве Юстиниана равно по стоимости приданому жены, но позднее, в XIII и XIV вв., сократилось соответственно до половины и трети стоимости приданого жены. Вместе эти дарения составляли брачную собственность пары. Судебные дела из патриаршего реестра показывают, что приданное состояло из движимого и недвижимого имущества (Macrides 1992b: 90, 94). Дети, получившие приданое, могли, тем не менее, рассчитывать на наследство после смерти родителей. Но обязательные расходы на брак старших детей могли уменьшить приданное и наследство других детей в семье, в особенности младших сыновей. Тем не менее, согласно законодательству, все дети от брака имели право на часть родительской собственности. То, сколько именно они могли унаследовать, зависело от количества детей, последовательности заключения ими браков и расположения к ним родителей (Macrides 1992b: 96–8; Laiou 1998: 135–6). Еще одним ограничивающим фактором, влиявшим на размеры наследства детей от одного брака, являлось рождение детей от последующих браков. «*Пира*» (25.25) приводит высказывание Евстафия Ромея в поддержку неофициального соглашения между вдовой и ее любовником как предпочтительного по сравнению со вторым браком. Он утверждает, что второй брак значительно сократил бы собственность ее детей от первого брака, а также повлиял бы на ее чувства к ним (Zepos and Zepos 1931/1962: 98–9). В другом деле молодой человек был пренебрегаем своим вдовым отцом по причине любви последнего к своей сожительнице – паллаки (*pallake*) и ее детям. Сын, лишенный пищи и крова, также не имел возможности жениться, будучи лишен приданого (Macrides 1990: 115 n. 74).

Усыновление

Еще одна форма заключения родственного союза – усыновление – стала доступна по законодательству василевса Льва VI как для женщин «от природы лишенных дара материнства», так и для мужчин, лишенных возможности иметь потомство вследствие оскотления. До этого закона только женщинам, чьи дети умерли, было позволено усыновлять, да и то в виде исключения, и лишь с разрешения императора. Отныне даже женщины, никогда детей не имевшие, не были

лишены этого утешения. Новелла Льва VI сгладила одно из неравенств между мужчинами и женщинами, подтвердив тем не менее, что *patria potestas* больше не распространялось на приемных детей.

Хотя в отношении усыновления и вступали с благословения Церкви, что законодательно закрепил новеллой XXIV Лев VI, частью этой процедуры было еще и заключение договоров. Нотариальные формы договоров усыновления (XIII–XV вв.) передают обстоятельства усыновления: обедневшая вдова ищет приемных родителей для своего ребенка или получает предложение от предполагаемых родителей. Формы свидетельствуют, что усыновителями выступали как бездетные пары, так и родители, уже имевшие детей.

Усыновления, как и прочие формы родственных отношений, влекли за собой взаимные обязательства. Мать, оставляя дитя, под страхом штрафа обязывалась не пытаться нарушить, опротестовать, изменить договор или же забрать ребенка у приемных родителей. Приемный ребенок обязывался служить своим приемным родителям и почитать их. Обязанности приемных родителей разделялись на две категории. Согласно одному типу договоров, они обязывались обеспечивать приемыша всем необходимым, жильем, пищей, приданым. Последнее было обязанностью родителей по закону (Scheltens and van der Wal 1962: B.28.4.11 (p. 1326)). Другой тип договора делал приемного ребенка наследником собственности и продолжателем генеалогической линии (*генос*), «законным» потомком рода.

Это различие в степени обеспечения приемного ребенка показывает, что имелись степени принадлежности к семье как с точки зрения детей, так и с позиции их приемных родителей. Без специальной оговорки в контракте о том, что приемный сын вводится в право наследования, он мог претендовать только на наследство, не учтенное в завещании.

Усыновление в значительной мере отличалось от прочих форм родства «по соглашению». Формулировки показывают, что естественные и приемные родители общались напрямую. То есть приемный ребенок мог знать свою кровную семью и общаться с кровными родственниками. Но даже в таком случае усыновление, вероятно, не образовывало связей с более широким родственным кругом ни для кого, кроме самого приемного ребенка. Усыновление создавало семью, обеспечивая ее наследником для продолжения рода, но такие связи не были социальными (Macrides 1990: 109–18 and 1999: 307–18).

Восприемничество

Наиболее распространенным средством расширения семьи было восприемничество в крещении, поскольку каждый младенец должен был иметь «крестного» – *анадоха* (*anadochos*), присутствующего при «принятии Святого Крещения». В ходе обряда крещения создавались духовные связи родства, объединявшие крестных и природных (кровных) родителей как сородителей – *синтекной* (*synteknoi*), а отпрысков обоих семейств – как духовных братьев и сестер. Родители иногда выбирали родственников в крестные своим детям, но гораздо больше примеров, когда восприемниками становились друзья или те, чьей дружбы

искали. Предложение стать крестным отцом могло укрепить существующую дружбу или создать новую. Семьи, связанные восприемничеством, общались, ели и пили вместе, посещали друг друга и дарили подарки. Крестные родители обязаны были наставлять своих крестников в вере. Впрочем, более заметно их действие как вторых родителей для осиротевших приемных детей, которых они воспитывали, которым давали образование, приданое и с которыми даже вступали в коммерческие сделки (Macrides 1987: 139–62).

Адельфопойя (adelphophōiia) Побратимство

Принятие человека в качестве названного брата / сестры явственно отличается от прочих видов связей. И хотя существовал обряд празднования и создания такого союза, а в договорах он выступает формой родства по соглашению, Церковь отвергала его как «недопустимый по закону». К тому же в постановлении, его опровергавшем, имеется признание того, что позднее данный тип связи исчез. Тем не менее, даже члены церковной иерархии становились названными братьями (Patlagean 1978: 625–36). Такая связь существовала подобно связи между крестными и кровными родителями ребенка. Оба типа связи основывались на дружбе или надежде на нее и влекли за собой обязательства взаимной помощи и поддержки. *Адельфопойя* давала возможность доступа друг к другу и создания тесных личных отношений между мужчиной и женщиной или представителями одного пола (Macrides 1990: 110).

Монашество

Только монастырская жизнь могла всерьез соперничать с семьей, и монастырская община также строилась по типу семейной. Подразумевалось, что новые, внутримонастырские связи вытесняли все прочие формы родства и выполняли некоторые функции семейных отношений, хотя монахам обязательно напоминали не связывать себя узами родственных отношений с мирянами и мирянками даже в качестве восприемников или названных братьев (Macrides 1987: 144). Родительские роли могли принять на себя и насельники монастыря, когда заключалось соглашение воспитать, выучить и наделить приданым ребенка, не связанного монашескими обетами (Macrides 1999: 315). В прочих отношениях даже те, кто был принят в монастырь, сохраняли связи с семьей. Многие основанные монастыри были связаны с семьями своих основателей. Члены одной и той же семьи могли поступить в монастырь, где произнесли обеты их родственники. Монахи и монахини продолжали видеться с семьями, иногда посещая их, но еще чаще принимая посетителей. Монастыри навсегда сохраняли связи с отдельными семьями, обеспечивая погребение и ежегодное поминание членов семьи основателя (Talbot 1990: 119–29).

ЛИТЕРАТУРА

- ANGOLD, M. (ed.) 1984. *The Byzantine Aristocracy, XI to XIII Centuries* (Oxford).
- BURGMANN, L. 1988. *Ecloga Basilicorum* (Frankfurt am Main).
- GEDEON, M. I. 1896. 'Byzantina symbolaia', *BZ* 5: 112–17.
- KAZHDAN, A. 1997. The formation of Byzantine family names in the ninth and tenth centuries', *Byzantinoslavica* 58: 90–109.
- and CONSTABLE, G. 1982. *People and Power in Byzantium: An Introduction to Modern Byzantine Studies* (Washington, DC).
- KIOUSOPOULOU, A. 1990. *O thesmos tes oikogeneias sten Epeiro kata ton 130 aiona* (Athens).
- LAIYOU, A. E. 1984. 'Contribution à l'étude de l'institution familiale en Épire au XIIIe siècle', *FM* 6: 275–323.
- 1992. *Mariage, amour et parenté à Byzance aux XIe–XIIIe siècles* (Paris).
- 1998. 'Marriage prohibitions, marriage strategies and the dowry in thirteenth-century Byzantium', in J. Beaucamp and G. Dagron (eds.), *La transmission du patrimoine* (Paris): 129–60.
- LAIYOU-THOMADAKIS, A. E. 1977. *Peasant Society in the Late Byzantine Empire: A Social and Demographic Study* (Princeton).
- MACRIDES, R. 1987. 'The Byzantine godfather', *BMGS* 11: 139–62.
- 1990. 'Kinship by arrangement: the case of adoption', *DOP* 44: 109–18.
- 1992a. 'Dynastic marriages and political kinship', in J. Shepard and S. Franklin (eds.), *Byzantine Diplomacy* (Aldershot): 263–80.
- 1992b. 'Dowry and inheritance in the late period: some cases from the patriarchal register', in D. Simon (ed.), *Eherecht und Familiengut in Antike und Mittelalter* (Munich): 89–98.
- 1998. 'The transmission of property in the patriarchal register', in J. Beaucamp and G. Dagron (eds.), *La transmission du patrimoine* (Paris): 179–88.
- 1999. 'Substitute parents and their children in Byzantium', in M. Corbier (ed.), *Adoption et fosterage* (Paris): 307–18.
- MAGDALINO, P. 1993. *The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180* (Cambridge).
- PATLAGEAN, E. 1978. 'Christianisation et parentés rituelles: le domaine de Byzance', *Annales* 33 (1978): 625–36 (repr. in *Structure sociale, famille, Chrétienté à Byzance (IVe–XIe siècle)* (London, 1981)).
- 1984. 'Les débuts d'une aristocratie byzantine et le témoignage de l'historiographie: système des noms et liens de parenté aux IXe–Xe siècles', in Angold 1984: 23–42.
- 1996. 'Families and kinship in Byzantium', in A. Burguière and others (eds.), *A History of the Family*, vol. 1 (Paris): 467–88.
- SCHELTEMA, H. J., and VAN DER WAL, N. 1962. *Basilicorum Libri LX*. Ser. A, vol. IV (Groningen).
- SCHMINCK, A. 1976. 'Der Traktat *Περὶ γάμων* des Johannes Pediasimos', *FM* 1: 126–74.
- TALBOT, A.-M. 1990. 'The Byzantine family and the monastery', *DOP* 44: 119–29.
- ZEPOS, I., and ZEPOS, P. 1931, repr. 1962. *Jus graecoromanum*, 4 vols. (Aalen).

Рекомендуемое чтение

О родственных связях «по соглашению» см.: Patlagean 1978; R. J. Macrides, *Kinship and Justice in Byzantium, 11th–15th centuries* (Aldershot, 1999), nos. I–V; C. Rapp, ‘Ritual brotherhood in Byzantium’, *Traditio* 52 (1997): 285–326; D. Smythe, ‘In denial: same-sex desire in Byzantium’ in L. James (ed.), *Desire and Denial in Byzantium* (Aldershot, 1997): 139–48. О передаче собственности: J. Beaucamp and G. Dagron (eds.), *La transmission du patrimoine* (Paris 1998); О сиротах: T. S. Miller, *The Orphans of Byzantium* (Washington, DC, 2003). О фамилиях (родовых именах): D. M. Nicol, ‘The prosopography of the Byzantine aristocracy’, in Angold 1984: 79–91; Kazhdan, A. 1997. The formation of Byzantine family names in the ninth and tenth centuries’, *Byzantinoslavica* 58: 90–109. О родах: J.-C. Cheynet, *Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210)* (Paris, 1990): 261–86. О домохозяйствах: P. Magdalino, ‘The Byzantine aristocratic *oikos*’, in Angold 1984: 92–111. О монашестве: R. Morris, ‘The Byzantine aristocracy and the monasteries’, in Angold 1984: 112–37.

Глава III.13.3 ПАТРОНАЖ И СВИТЫ

Гюнтер Принцинг

Византийское общество развивалось из позднеантичного римского и унаследовало его основные черты. Некоторые из них сохранялись постоянно: к примеру, иерархическая структура с императором в центре и недопущение крестьянского населения к делам государственного управления, как на центральном уровне, так и на уровне провинции. Другие же характеристики были объектом изменений с течением времени или же исчезали совсем, позволяя развиваться новым чертам.

Сенат¹ – хороший пример данного процесса. Сенат первоначально занимал доминирующую позицию и включал около 300 человек. В IV–V вв. в результате новых назначений и привязки многих государственных должностей к рангу сенатора все изменилось, и сенат стал сложной структурой, состоящей из более чем 2000 человек. Эти сенаторы носили не только наследственный почетный титул *vir clarissimus*, но являлись также и *honorati* – членами имперской аристократии. Но с тех пор, как рост размеров сената принес с собой обесценивание статуса *clarissimus*, были введены новые почетные степени: *vir illustri* – для высших должностей гражданской и военной администрации и *vir spectabilis* – для занимавших менее важные должности. Но обесценивание титулов, в конце концов, коснулось и *illustres*, и *illustrissimi*, так как начиная с середины V в. все сенаторы назывались *illustrissimi*. В последнем случае равновесие поддерживалось переводом прежних *illustres* в разряд *gloriosi* и *magnifici*² приблизительно в середине VI в. (Demandt 1989: 281; Haldon 2002: 138 f.).

Только императору было позволено возводить кого-либо в ранг сенатора, и в этом он пользовался полной свободой решения. В то время, как и позднее, в Византийской империи не было аристократии по рождению, которую император был бы вынужден принимать в расчет. По этой причине члены сената, будучи все без исключения богаты, происходили из самых разнообразных слоев обще-

---

¹ Греч. синклит (прим. редактора).

² «Славнейшие» и «величайшие» (прим. редактора).

ства. Но тому, кому удавалось однажды проникнуть внутрь этого круга, открывалась возможность пользоваться разнообразными привилегиями, доступными сенаторам и позволявшими им помогать членам своих семей и подопечным занять лучшие позиции, то есть добиться более высокого дохода, положения, влияния. Кроме того, сенаторов, как и прочих влиятельных, наделенных властью особ в столице и провинциях, часто просили о помощи как *патронов* (*patroni*) лица более социально уязвимые, торговые корпорации, институты или гражданские представители. То есть, их рассматривали как лиц, способных предоставить и осуществлять патронаж (лат. *patrocinium*; греч. *προστασία* (*prostasia*); правовую, материальную и прочую помощь и защиту, или более конкретно, финансовую поддержку), в особенности, когда приходилось иметь дело с государством – сборщиками налогов и прочими должностными лицами. Одна из негативных сторон патронажа заключалась в том, что подопечные подобного влиятельного персонажа – дината (*dynatoi*) зачастую подвергались риску стать полностью или почти полностью зависимыми от своих патронов посредством, к примеру, передачи им своих земель. Это было одной из основных причин для регулярно повторявшихся имперских мероприятий, направленных против института патронажа (см.: Tinnefeld 1977: 36–44; Demandt 1989: 333–7; Saradi 1994: 69–83, 320). Таким образом, в ранневизантийский период в распространении патронажа с двоякими его последствиями можно усматривать еще одну черту поздней античности.

По-видимому, существует некоторый уровень соответствия между растущей важностью патронажа в ранневизантийский период и растущей склонностью, в особенности в конце периода, к формированию различных типов свит и эскортов. Любой, собиравший вокруг себя свиту (личных последователей, до некоторой степени вооруженное окружение), из кого бы она ни состояла, вероятно, поначалу действовал так в целях самозащиты и защиты собственности (от грабителей и внешних врагов), а также с целью произвести впечатление на внутренних противников и в качестве меры предосторожности, равно как и для увеличения собственной власти и влияния, ну и, конечно же, для усиления личной значимости в глазах окружающих.

Так, в V–VII вв. мы наблюдаем все возрастающее количество так называемых *вукеллариев* (*bucellarii*) (см.: ODB 316), подразделений военизированной охраны или элитных защитных войск, состоящих из «варваров» (то есть людей иноземного происхождения) на службе у высокопоставленных военных (таких, например, как Велисарий) или гражданских должностных лиц. С формированием подобных подразделений (чему благоприятствовало государство) они, то есть *вукеллари*, стали служить защитой частной собственности, власти и безопасности влиятельных гражданских или военных лиц, а также могли быть использованы против внутренних противников. Таким образом, мы имеем дело с крупными частными или наполовину частными военизированными эскортами, создание которых допускалось или даже поощрялось государством. Однако со временем (вероятно, уже к началу VII в.) они полностью влились в ряды имперских вооруженных сил как полноправные элитные войска – нововведение, которое в конце концов закончилось созданием фемы Вукеллариев в Малой Азии (см.: ODB 316–17).

С другой стороны, детали процесса, приведшего к созданию эскортов, названных, несколько неточно, *факциями* (*factiones*), определить затруднительно (ср.: Winkelmann 1987: 75 ff.; но см.: ODB 773–4). Начиная приблизительно с IX в. их наличие внутри различных ветвей военной или гражданской государственной власти, а также параллельно с ними, можно, хотя и с различной степенью однозначности, отчасти предположить, отчасти подтвердить. Они, по всей видимости, развивались, с одной стороны, из системы, объединявшей подопечных под патронажем, личных дружеских связей, групп зависимых лиц, а, с другой стороны, из зависимости от вооруженной охраны или личной стражи. Такого рода свита-стража основывается на чисто личной зависимости последователей от своего господина, официально не регламентирована и обозначается как «частная». Однако даже и такого рода свита не могла обеспечить господину полноценной и долговременной защиты, если вспомнить хотя бы о внутреннем соперничестве. С другой стороны, для молодых людей, имевших в своем распоряжении мало средств, которые позволили бы занять выгодное положение благодаря обычным связям, принятие в такого рода свиту открывало возможность попасть под защиту сильной и влиятельной особы, хотя и смирившись с почти полной зависимостью от этой особы. В таких обстоятельствах они могли надеяться не только продвинуться по службе благодаря господину, но и возвыситься как социально, так и политически, а при небольшой доле везения продолжить возвышение и даже достичь наивысших постов при дворе и в государстве.

Источники, повествующие о возвышении будущего императора Василия I (867–886) (см.: Lilie and others 1998–2002: no. 832), содержат великолепный тому пример. Поскольку источники делятся на две группы, есть некоторые расхождения в том, как они приподносят события, следовательно, есть коренные противоречия в том, что касается многочисленных подробностей биографии этого императора. Однако основные сюжетные линии его биографии в значительной мере восстановлены. Будущий василевс родился между 832 и 836 гг. и вырос возле Адрианополя. Его родители были простыми и бедными людьми (впрочем, патрикий и логофет дрома Константин Маниак мог доводиться ему дядей (Lilie and others 1998–2002: no. 3962)). Василий, будучи молодым и впечатляюще красивым, очевидно, не имел перспектив, оставаясь дома, и около 855 г. переехал в столицу. Там он стал близким другом Николая, привратника – просмонария (*prosmnarios*) монастыря Диомида, и дружба эта была усилена посредством ритуального установления духовного «кровного» побратимства (*adelphopoia / adelphopoiesis*, см.: ODB 19 и III.13.2. Семьи и родственные связи). Брат Николая, в свою очередь, был врачом на службе у высокопоставленного комита стен (*komes tou teichous*) Феофила (или Феофилицы (Lilie and others 1998–2002: no. 8221)), который не только приходился родственником императору Михаилу III, но и возглавлял этарею (*hetaireia*), которую сам же содержал, одевал и вооружал. При посредничестве брата-врача Василий вступил в этарею Феофила и продвинулся в ней до звания *стратора*. Когда Феофилу по долгу службы приходилось путешествовать в Патры, он делал это в сопровождении свиты. Так Василий познакомился с влиятельной вдовой Даниелис, владевшей крупными земельными наделами (Lilie and others 1998–2002: no. 12–15). Та, будучи совершенно очарована Васи-

лием, побудила его стать побратимом своего сына и сделала богатым посредством денежных дарений. Вернувшись в столицу, Василий использовал деньги для покупки земли в родных краях, приобрел влияние и славу. Несмотря на это, поначалу он все еще оставался в свите Феофила. При этом Феофил также был в хороших отношениях с императором, который и сам был окружен собственной свитой – личной охраной, принявшей форму фатрии / фратрии (*phatria / phratría*), то есть узкого круга посвященных, почти что конспиративной группы или политического формирования «быстрого реагирования» (Beck 1965: 16). Поэтому охрана Михаила III и свита Феофила временами действовали сообща. Во время этих совместных действий император обратил внимание на Василия и взял его в свою свиту, где тот поначалу носил звание стратора, но впоследствии, по милости Михаила III, возвысился еще больше: в 858 г. он становится протостратом, а около 865 г. – патрикием и паракимоменом. В качестве последнего, опять таки при помощи ловкого использования связей духовного кровного побратимства, он обзавелся кругом присягнувших ему на верность ближайших сторонников, будучи сам их лидером – киром (*kyrios*). На эту группу он смог полностью положиться во время восстания с целью убийства кесаря Варды, которого сам же и сопровождал (в апреле 866 г.). Убрав со сцены наиболее могущественного из своих соперников, который тоже имел в своем распоряжении мощную свиту, Василий, таким образом, расчистил дорогу к последней ступени своего возвышения до положения императора. Михаил III сначала назначил его магистром, потом – усыновил, а 26 мая 866 г., возвысив еще более, возвел в соправители. Заняв такое положение, Василий еще раз воспользовался человеком из своей собственной свиты, на этот раз – против самого василевса: Михаил III был убит 23 сентября 867 г., предположительно, во дворце Св. Мамы, а на следующий день Василий был провозглашен императором единолично (Beck 1965: 17; Winkelmann 1987: 79–94; Lilie 1994: 96–8).

В данном очерке о возвышении Василия – блистательном, но бесчестном – можно однозначно выделить следующие моменты: (1) центральную роль различных свит, а именно этареи Феофила, фатрии Михаила III, этареи самого Василия, существование которой можно установить на основе законодательства, хотя ее присутствие в источниках менее очевидно; (2) существенную материальную поддержку со стороны богатой и влиятельной вдовы Даниелис, которая помогла Василию приобрести богатство, репутацию и большой политический вес; (3) ритуально закрепленное духовное побратимство на крови, подчеркиваемое в источниках (также подр. см.: Rapp 1997: 286–90, 304–14), которое при отсутствии прочих легальных форм связей служило, так сказать, для придания как формальной силы, так и неоспоримой законности факту возникновения особой группы лиц, а также дружеским отношениям с Даниелис. (Со своей стороны Михаил III расширил масштабы данного явления, приняв на себя роль крестного отца, то есть создав синтекнии (*syntekniai*) при крещении детей членов своей фатрии).

Но означало ли это, что форма патроциния (*patrocinium*) – патронажа, как описано выше, уже вышла к тому времени из употребления и больше не имела значения? Вряд ли. Хотя сельский патронаж во многом сократился в результате

изменений в VII в., он никоим образом не исчез. Напротив, в некоторых областях он соблюдался вплоть до поздневизантийского периода. Чтобы гарантировать налоговые поступления, императоры (особенно Роман I и Василий II) время от времени издавали законы против избыточного приобретения земли, часто сопровождавшегося применением силы со стороны патронов, в число которых можно включить и Церковь как организацию. Но эффект от принятия этих законов трудноизмерим и потому, вероятно, несколько сомнителен (Saradi 1994: 84–99, 314 f., 320 f.).

Напротив, тем более поразителен рост, начиная с X в., новой формы персонального патронажа – простасия (*prostasia*). Это форма простасия (покровительства), которое, согласно Кекавмену, должно было оказываться непосредственно патроном (в качестве таковых опять таки выступали архонты, динаты, а также любое лицо, обладавшее властью, влиянием, связями, включая членов церковной иерархии и крупные монастыри) своему протеже. Впрочем, на практике она все чаще основывалось на взаимности. Иными словами, даже от тех, кого патрону рекомендовали, доверив его попечению, все чаще, а в конце концов и в большинстве случаев, ожидалось, что они проявят благодарность за предоставление покровительства в виде некоей материальной компенсации – подарка, некой услуги или другого рода «добраго дела» (см.: Mullett 1988; 1990; 1997: 176, 221; Angold 1995: 378, 389; Saradi 1994: 69–83, 316). Однако в более поздний период при Михаиле VIII была предпринята попытка, – программно оформленная, хотя почти не вошедшая в практику, – законодательно запретить такого рода «взаимность», по меньшей мере, в отношении должностных лиц и чиновников, подчиненных императору (Burgmann and Magdalino 1984: 382; Saradi 1994: 318). То же можно сказать и в отношении патронажа, который, кстати, следует отличать от религиозного и культурного патронажа в виде пожертвований.

Вернемся к теме свит. Как мы видели, с IX в. и далее в ход все чаще идут новые стратегии поиска друзей, патронов, покровителей, помощников или союзников в соответствующем окружении, особенно там, где на карту поставлены положение при дворе или нахождение в центре политических или военных сил. В процессе поиска важно было не только определить пути и возможности предложения, но также заставить их служить себе, обратив, насколько возможно, в свою пользу. При этом, чтобы извлечь выгоду, использовать их, необходимо было действовать беспринципно и оппортунистически (см.: Winkelmann 1987: 96). Благодаря своей относительной ясности (несмотря на некоторые сомнения в интерпретации источников), последовательность возвышения Василия I, – практически единственный тому пример в Византии, – дает наглядный урок того, как можно было воспользоваться «институтом» свит и эскортов (Beck 1965: 28).

Есть и другие, относящиеся к периоду от 800 г. до середины XI в., хотя и менее впечатляющие, примеры возвышения или, по крайней мере, попыток возвышения отдельных претендентов или императоров при помощи (иногда половинчатой) частных эскортов, которые содержали либо сами искавшие власти, либо в их пользу – третьи лица. Эти примеры дают дополнительное подтверждение важности роли таких группировок в борьбе за императорское правление, а также в борьбе за ключевые управленческие посты при дворе и в государственной ад-

министрации (Beck 1965: 18–30). Но в то же время они демонстрируют, – в особенности на примерах неудачных попыток захвата власти, – насколько непрочны были такие союзы по соглашению, основанные на «лояльности и преданности» (Beck 1965: 21). В любом случае, самое позднее с конца XI в. амбициозной личности типа Василия I стало затруднительно проложить себе подобный путь в высшие политические эшелоны или к самому трону. Даже в случае узурпации власти, например, Андроником I Комниным (1183–1185), сознательно попиравшим многие обычаи и условности, очень трудно (при всем уважении к Лили) найти *homo novus* даже среди его ближайших союзников. Напротив, Андроник зависел в основном от людей из почти что прежних кругов чиновников и должностной аристократии, из которых его предшественники и ранее избирали себе высших чиновников и ближайших союзников (см.: Cheynet 1990: 431–4; Lilie 1994: 102).

В правление Андроника I мы уже приближаемся к тому времени, когда, как нам кажется, свиты и эскорты как средство достижения и сохранения власти или как средство, служившее конспиративным интересам и позволявшее собрать оппозицию, будет встречаться все реже. К тому времени устанавливается принцип семейственности или клановости, династического правления, доведенный почти до совершенства Комнинами (Lilie 1984: 83–119; Magdalino 1993: 181–217; 1996: 147–52; Haldon 2002: 146; Stanković 2006: 39–147, 301). Данную систему переняли и развивали Палеологи, она оставалась в силе до самого конца империи.

Тем не менее, при Комнинах и Ангелах имелись также и другие более или менее оппозиционные группы и объединения, по своим характеристикам подобные эскортам и действовавшие конспиративно. Но в отношении таких групп с конца XI в. зачастую сложно с точностью судить об их особенностях и специфике личного состава. Отчасти так потому, что источники изобилуют нетипичными и весьма разнообразными выражениями, а отчасти потому, что они бедны подробностями. Даже в том, что касается новых исследований в данной области, которые проводились преимущественно в направлении просопографии и социальной истории (Cheynet 1990), мы редко сталкиваемся с четко выраженными свитами. Вместо этого создается такое впечатление, что исследователю приходится иметь дело с мириадами тесно связанных групп друзей, родственников, союзников, объединениями иногда соперничающими, а иногда и дружественными, кликами и конспиративными группировками, возникающими в борьбе за благосклонность императора или непосредственно за трон, а также за должности, почести, влияние как в Константинополе, так и в провинциях. Их лидеры – первые лица аристократии и бюрократии – по большей части играли видные роли при дворе, в центральном или провинциальном государственном управлении или на военной службе, а в некоторых случаях сотрудничали с высокопоставленными деятелями Церкви. А если основные действующие лица таких групп обосновывались в провинции, это могло отражаться и на региональном, а иногда и на этническом, «цветовом» составе или основании свиты (в основных чертах см.: Cheynet 1990, and Magdalino 1993: 217–27). В данном контексте следует иметь в виду также наличие *архонтов* или влиятельных лиц в провинциях, функцио-

нировавших там на «своей» территории. Учитывая это, источники иногда сообщают о военных действиях, в которых использовали свои свиты в личных целях (но всегда ли в таких случаях речь шла именно о «свите»?), преследуя и предавая мучениям отдельных граждан, их жен, семьи (к примеру, см.: Cheynet 1990: 318; Angold 1995: 415).

Широкомасштабное разделение империи в результате событий 1204 г. в значительной степени оставалось в силе и после того, как Константинополь был отвоеван в 1261 г. Без сомнения, оно создало обильную питательную почву для антагонизма и разного рода конфликтов, которые видные деятели пытались разрешить при поддержке групп последователей или свит. Такие конфликты выливались в XIV в. в гражданские войны и внутреннюю династическую вражду. А потому нет ничего удивительного в том, что свиты снова стали заметны и легко различимы в окружении Иоанна IV Канатакузина (Weiss 1969: 11–13, 23–53, 138–50).

Он, как и прочие магнаты и военные (преимущественно из числа аристократии), как в столице, так и в провинции, наряду с находившимися под его командованием регулярными войсками, имел в своем распоряжении свиту, подобную тем, которые в XI в. описывали, наряду с прочими, Кекавмен и Скилица (см.: Beck 1965: 23; Ostrogorsky 1971: 13; Magdalino 1984: 97). Эта свита состояла отчасти из членов семей и родственников, отчасти из домашней прислуги и прочих «зависимых лиц» (как «рабов», так и свободных слуг), друзей близко и лично связанных с господином (*уки* – *oikeioi*, *укиотаты* – *oikeiotatoi*, *филы* – *philoi*) (см.: Ostrogorsky 1971: 27; Weiss 1969: 27 f., 138–50; Bartusis 1992: 221–3). В отношении Кантакузина Вейс разграничивает два типа последователей: «политическая» или «великая» свита, включавшая всевозможных друзей и разнообразных родственников, предавших себя под его начало и, к тому же, присягнувших в этом; «малую свиту» – вассалов и слуг (группа, состоящая из разного рода слуг, зависимых лиц, рабов), прочих членов семьи, ближайших друзей (Weiss 1969: 143–7).

В заключении несколько слов о предположительном количестве участников свит. Об этом мало что можно узнать из источников. В целом, не следует считать свиты особо обширными, хотя в средневизантийский период они могли при некоторых обстоятельствах достигать нескольких тысяч. Паракимомен Василий (Ноф), к примеру, согласно Льву Диакону (Leo Diac. 47), мобилизовал и вооружил в поддержку Никифора Фоки 9 августа 963 г. более 3000 своих слуг / рабов. Лили (Lilie 1994: 95) оценивает это как «личное окружение», наподобие свиты Василия I. В этом можно сомневаться. Ядро свиты Василия, состоявшее из свободных зависимых лиц (которое, по моему мнению, было несколько уже по составу и численно значительно меньше), вероятно, разрослось *ad hoc* за счет дополнительного контингента слуг. Во всяком случае, когда речь идет о поздневизантийских свитах, исследователи в основном оперируют значительно меньшими цифрами: состав более 500 человек уже исключительно велик. В среднем следует исходить, вероятно, из количества в несколько десятков человек; во всяком случае, их масштаб в дальнейшем зависел уже от размеров состояния и положения господина (Bartusis 1992: 221–34).

ЛИТЕРАТУРА

- ANGOLD, M. 1995. *Church and Society in Byzantium under the Comneni, 1081–1204* (Cambridge).
- BARTUSIS, M. C. 1992. *The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204–1453* (Philadelphia).
- BECK, H.-G. 1965. *Byzantinisches Gefolgschaftswesen* (Munich; repr. in Beck 1972: no. XI).
 ——— 1972. *Ideen und Realitäten in Byzanz* (London).
- BURGMANN, L, and MAGDALINO, P. 1984. 'Michael VIII on maladministration: an unpublished Novel of the early Palaiologan period', in *FM* 6: 377–390.
- CHEYNET, J.-C. 1990. *Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210)* (Paris).
- DEMANDT, A. 1989. *Die Spätantike: römische Geschichte von Diocletian bis Justinian, 284–565* (Munich).
- HALDON, J. 2002. *Das Byzantinische Reich: Geschichte und Kultur eines Jahrtausends*, trans. H. Ehrhardt (Düsseldorf).
- LILIE, R.-J. 1984. 'Des Kaisers Macht und Ohnmacht. Zum Zerfall der Zentralgewalt in Byzanz vor dem Vierten Kreuzzug', in R.-J. Lilie and P. Speck (eds.), *Varia I* (Bonn): 9–120.
 ——— 1994. *Byzanz: Kaiser und Reich* (Vienna–Weimar–Cologne).
 ——— and others. 1998–2002. *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (641–867)*, 7 vols. (Berlin–New York).
- MAGDALINO, P. 1984. 'The Byzantine aristocratic *oikos*', in M. Angold (ed.). *The Byzantine Aristocracy, IX to XIII Centuries* (Oxford): 92–111.
 ——— 1993. *The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180* (Cambridge).
 ——— 1996. 'Innovations in government', in M. Mullet and D. Smythe (eds.), *Alexios I Komnenos, 1: Papers* (Belfast): 146–66.
- MULLETT, M. 1988. 'Byzantium: a friendly society?', *Past and Present* 118: 3–24.
 ——— 1990. 'Patronage in action: the problems of an eleventh-century bishop', in R. Morris (ed.), *Church and People in Byzantium* (Birmingham): 125–47.
 ——— 1997. *Theophylact of Ochrid: Reading the Letters of a Byzantine Archbishop* (Birmingham).
- OSTROGORSKY, G. 1971. 'Observations on the aristocracy in Byzantium', *DOP* 25: 3–32.
- RAPP, C. 1997. 'Ritual brotherhood in Byzantium', *Traditio* 52: 285–326.
- SARADI, H. 1994. 'On the "Archontike" and "Ekklesiastike Dynasteia" and "Prostasia" in Byzantium with particular attention to the legal sources: a study in the social history of Byzantium', *Byzantion* 64: 69–117, 314–51.
- STANKOVIĆ, V. 2006. *The Komnenoi in Constantinople (1057–1185): The Evolution of a Ruling Family* (Belgrade).
- TINNEFELD, F. 1977. *Die frühbyzantinische Gesellschaft. Struktur–Gegensätze–Spannungen* (Munich).
- WEISS, G. 1969. *Johannes Kantakuzenos – Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch – in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert* (Wiesbaden).
- WINKELMANN, F. 1987. *Quellenstudien zur herrschenden Klasse von Byzanz im 8. und 9. Jahrhundert* (Berlin).

Глава III.13.4 ПИЩА, ВИНО, ЗАСТОЛЬЕ

Энтони Брайер

Сегодня три эти темы звучат как взаимосвязанные, но что их и в самом деле объединяет, так это то, что византийские продукты, вина и праздничные застолья дошли до наших дней лишь в виде названий. До распространения селективного животноводства византиец мог поднять свинью одной рукой – увыв, вкус тогдашнего бекона утрачен безвозвратно. Более долговечен культурный фактор: проще установить, кто не мог и не стал бы есть свинину. Главное, византиец не искал бы ответа на этот вопрос в справочнике того времени (вроде «Суды»). Он поступил бы подобно современным социоантропологам, сверяясь с византийскими сонниками, рационами питания, табелью о рангах того времени. Продукты, вина, застолье значатся, таким образом, в ряду тем экономики, медицины, администрирования. А настоящим гурманам нет нужды заглядывать далее обширного «Оксфордского справочника питания» (*The Oxford Companion to Food* (Davidson 1999)).

Пища

У византийцев не было единого для всех рациона питания, так же как не отличалась единообразием и продукция традиционно принадлежавших им земель. Земледелие и торговля, посты и пиршества, скрытые и напоказ, и даже зависимость от климата и микроклиматов – все это весьма разнообразно. Осмелимся, однако, выделить три сугубо византийские константы. *Первая* константа – приверженность крестьянства автаркии или самообеспечению (натуральному хозяйству) сдерживала развитие сельскохозяйственных технологий и лишала интереса выращивать излишки несмотря на стимулы со стороны государственного налогообложения и инициативы землевладельцев (Harvey 1989: 120 ff.). *Вторая* константа – разительное различие между городским и сельским рационом, в особенности в отношении зерновых. *Третья* и наиболее проблематичная константа – культура, весьма «непостоянная постоянная». К примеру, ошибочно (как это делали) описывать современные практики европейских турецких фермеров-

переселенцев в деревнях восточной Анатолии в качестве указывающих на сельскохозяйственные технологии их непосредственных предшественников-армян, не говоря уже о более ранних поселениях той же местности, земледельцах-хеттах. На территории современной северной Греции валахи помимо орудий труда, распространенных в местах расположения их колоний, использовали и совершенно иные инструменты, хотя и в тех же целях. Данные столь же разрознены и разношерстны, сколь разнообразны вопросы об этом. В Византии не сохранилось деревянных мукомольных орудий, а большинство письменных источников происходят из монастырей. Монастыри имели обширные землевладения, но, тем не менее, восхваляли воздержание как добродетель. Современные диетологи могли бы (по разным причинам) рекомендовать крестьянский или великопостный рацион, который в Византии носил оттенок обратного снобизма.

Приведем три иллюстрации таких культурных несовпадений. *Во-первых*, во II в. Гален считал, что зерно грубого помола, приготовленное всего за несколько миль от Пергама, совершенно несъедобно (для него и его товарищей-горожан): «Мы страдали от ужасающего запаха, наши головы болели, а глаза слезились» (Mitchell 1993: 1, 168). *Во-вторых*, во внутренней части Галатии был расположен Сикеон, где, согласно Житию Св. Феодора (ум. 613 г.), «мы вообще впервые в мире слышим о гостинице, которая привлекала посетителей качеством пищи» (Davidson 1999: см.: «Приготовление пищи в Византии»). Конечно, можно и так описать придорожную гостиницу¹, гораздо более известную своими проститутками, одной из которых и была мать Св. Феодора. Но ее как раз более заботили его школьные завтраки, а впоследствии, согласно проповедям, – упразднение из рациона белого хлеба, а также жареной и вареной птицы. Однако этот пример попросту предостерегает нас от прямого сопоставления агиографических сведений с нашим современным образом питания. За неимением других источников можно без опасения утверждать лишь то, что пшеница в Сикеоне пользовалась спросом и имела в наличии. Св. Феодору, первому среди крестьян, превосходившему лучших работников на гумне, самому суждено было стать крупным церковным землевладельцем и возлежать на вечере за императорским столом. *В-третьих*, в конце X в. митрополит Лев говорит императору, что на возвышенности Синада во Фригии они не смогли прожить на одних хрисовулах. Это уже ближе к «реальности». Константинопольский клирик обнаружил, что там не было ни масла, ни вина, ни пшеницы, ни ячменя, ни дров – один навоз для растопки. Почему навоз не использовали как удобрение? (Vinson 1985: 68–70).

Византийская пища была столь же разнообразна и скудна, как локальные климатические и экономические зоны до повсеместного распространения картофеля, помидоров, риса, шпината, кукурузы, баклажанов, сахарного тростника и появления в XVI в. новых методов сельскохозяйственного производства и консервации. Со времен античности государство насаждало некоторое единообразие рациона в силу необходимости контролировать и снабжать армии и крупные городские агломерации (Рим, Константинополь до VII в.) зернохранилищами

¹ Пандохион (прим. редактора).

с зерном, маслом, вином. Западные средневековые города-крепости, включая такие колонии франков как Галата напротив Константинополя, Каффа в Крыму, Акра на Святой Земле, также отличались высокой плотностью населения. Напротив, византийские города, простиравшиеся за пределами своих городских стен классического периода, как то Константинополь, Никея, Фессалоника, имели структуру населения, подобную современным садо-огородным пригородам. Николай Месарит описывал окрестности церкви Св. Апостолов в самом сердце Константинополя приблизительно в 1200 г. как независимую общину и самостоятельное хозяйство с собственными пшеничными полями, фруктовыми садами, рощами, виноградниками, что упраздняло необходимость «штурмовать» городские зернохранилища и порты на Мраморном море, расположенные ниже (Downey 1957). Еще один литературный троп: практически основным производством византийской столицы в пределах городской ограды было огородничество, а за ее пределами, в бескрайних полях – полеводство. Овощи, зелень и свежая рыба были местными. Но кухня Константинополя немыслима без оливкового масла и животного жира, поставлявшихся сушей и морем. Большинство продуктов издалека в силу необходимости проходило отбор или консервацию, как, к примеру, пафлагонский бекон, вяленая *бастурма* (*pastrami*), осетровая икра – *ботарго* (*botargo*) и та самая, всемирно известная приправа из рыбьего потроха – *гарум* (*garum*). Византийским вкладом в современную индустрию пакетированных супов стали *трахана* / *тархана* (*trachanas, tarhana*) из проросших зерен зерновых, – их растили в низинах, сушили, а потом разводили в молоке или кисломолочных продуктах во время летнего выпаса скота в горах. Снабжение армии провизией было классической проблемой государственного продовольственного обеспечения, равно как и *аннона* (распределение пищи среди гражданского населения) в различных формах, по сути, налоговый сбор. Византийские войска ели сухари, османы ввели в рацион рис, но и те, и другие, расположившись на *аплектах* (*aplekta*), лугах за стенами торговых городов, находили там фураж и сено¹.

Тексты наподобие Книги Эпарха, Продромических поэм, Иерофил Софист, византийские сонники и диетарии дают представления не о том, какова на вкус была пища горожан, а о том, что больше всего ценилось в литературной традиции. Это был особый таксис: рыба – крупная и зажаристая; мясо – свинина и оленина; дикая и домашняя птица. Основным блюдом было молочное, но у валахов *фета* была пищей для пиршеств подобно икре – обычно все это можно было найти в монастырской трапезной. Важное значение имеют социальные различия в типах и сортах хлеба. Самая белая пшеничная мука сорта *durum*² ценилась дороже всех сортов темной, непросеянной муки или ячменного хлеба.

¹ Термин апликт использовался также для именованя военного лагеря, стационарного пункта снабжения армии, расположенного вблизи дороги, и для обязанности византийских крестьян давать продовольствие чиновникам во время их разъездов (*прим. редактора*).

² Сорт пшеницы с высоким содержанием клейковины, выращиваемый в Средиземноморье (*прим. переводчика*).

Вино

Вино в Византии было совершенно особым напитком, необходимым, кроме всего прочего, для медицинских и литургических целей. Как и в эпоху античности, виноград на вино выращивали по всему побережью Балканского полуострова и в Анатолии, что приблизительно соответствовало ареалу распространения оливковых деревьев и производства оливкового масла. Оба производства взаимосвязаны, поскольку виноградная лоза в основном росла, оплетая оливковые деревья, а плоды в обоих случаях требовали выдавливания жидкости, отжима, хранения. Что еще более важно, производство и вина, и оливкового масла, как правило, требовало доступа к морю, по которому оба товара экспортировались и могли облагаться пошлиной. И тот и другой товары транспортировали в амфорах или широких глиняных кувшинах, доказательством чего служат результаты раскопок на местах кораблекрушений, что в особенности касается ранне- и средневизантийской торговли (см.: П.8.4. Керамика). Использование амфор и *пифосов* имело место вплоть до поздневизантийской эпохи, но позднее западные торговцы и завоеватели, вероятно, предпочитали деревянные бочки, значимое подтверждение чему мы находим в сохранившейся документации.

В 968 г. Лиутпранд Кремонский жаловался, что вино в Константинополе пить невозможно, поскольку оно отдает дегтем, смолой или гипсом. Это, вероятно, первая запись о реакции иностранца на ретсину (*retsina*). Как амфоры, так и бочки просмаливали – обрабатывали смолой или дегтем. И, тем не менее, X в. можно считать (весьма условно) рубежом в процессе развития византийского пиршества и винопития. Классическая традиция и литургическая практика предписывают, чтобы вино смешивалось с водой; позднее вино, как правило, пили в чистом виде. В тавернах – *фускариях*, вероятно, подавали кислое молодое вино. *Кондитон* (*konditon*) или пунш со специями стоил дороже.

В позднейший период в качестве экспортных продуктов для Запада возникают разнообразные сорта винограда и вин: чем слаже они были, тем лучше сохранялись при транспортировке морем, и тем дороже ценились. Госпитальеры экспортировали вино (сегодня называемое *Commanderia* – Командорским) с Кипра. К XIV в. их командоры на острове занимались также производством сахара из тростника. Вино и сахар на Кипре взаимосвязаны. Оба товара проникли на Запад, минуя венецианскую Кандию или Крит, хотя этимологически слово «леденец» – канди, кандия (*candy, candia*) более восточного происхождения, чем западного. Венеция вывозила мальвазию (*Malvasia* – франц. *Malvoise*, англ. *Malmsey*) с Крита, но название данного сорта винограда происходит от морейского города-крепости Монемвасия, хотя его выращивание долго продолжалось и лишь в настоящее время прекратилось на Мадейре. Вино с острова Санторин (Фера) продавалось в Италии как *vino santo*.

Начиная с XIII в. Генуя импортирует *мускатное* вино с северных островов Эгейского моря, таких как Лемнос и Самос. В окрестностях Мраморного моря даже после 1453 г. ценились вина Редесто (Текирдага), Триглии (Трилии). С островов Ионического моря и восточной Адриатики в Зант и Венецию морем доставляли вино, которое и в наши дни сохранило название *Робола*. Были и дру-

гие вина (финиковые, гранатовые), мед, пиво, пивные напитки, подкрашенные напитки самых разных видов, но никаких дистиллятов и спирта. Не имея даже слова для обозначения алкоголя, византийцы называли все это «горячительными» напитками.

Монастырские хозяйства, к примеру, на Афоне, особенно славились виноградниками. К началу XV в. два главных монастыря Трапезунда более 80% зарегистрированных доходов получали от продажи вина. Его широко экспортировали в Крым, но ситуация в торговле сменилась на противоположную и сегодня в Понте вина не производятся. Исламские завоеватели, разумеется, запретили производство вина на бывших византийских территориях, но запрет не обязательно распространялся на возделывание винограда. Неокрашенный виноградный сироп (сусло – англ.: *must*, тюрк.: *pekmez*) по-прежнему был в цене. Зибббо (*zibibbo*) – вина и виноград из бухты Зебиб в Тунисе достигали Сицилии. Коринка (смородиновое вино) вела происхождение из города-эпонима Коринфа, хотя на самом деле доставлялась морем из близлежащей Востицы, которая и дала названию соответствующему бренду. Несмотря на османские завоевания, приморские таверны Контантинополя и франкской Перы¹ никогда не закрывались. К моменту превращения в 1490 г. храма Св. Софии в мечеть насчитывалось около тридцати мест, где продавалась боза, просяное пиво. Какова бы ни была этимология названия, в лексикон английских моряков оно вошло как «буза».

Застолье

Застолье было основополагающим элементом культуры Византии, но пища и даже вино представлены в источниках эпизодически. Общераспространенным было демонстративное потребление того и другого на брачных пирах. Поздневизантийские изображения брака в Кане Галилейской зачастую идеализированно преподносят детали византийской моды (как то скатерти или столовый этикет), которых в Евангелии не было (Ин. 2:1–10).

Расстановка столов – сугубо византийский вклад в организацию пира. Ею выражается порядок (*таксис*) политической власти, социальной значимости, прав рождения: *Notitia Dignitatum* или декларируемая последовательность размещения, *клиторологий* или *тактикон* стола. Вопрос в том, какого рода этот «стол» или, еще точнее, места за столом? Располагались ли они, как на греческом симпозиисе, римском императорском пире или же как на иудео-христианской Пасхе – Тайной вечере? Здесь хотелось бы знать больше, чем сообщает Евсевий, о том, как принимал и чем потчевал император Константин Великий 318 Отцов Вселенского собора в Никее в 325 г. Евсевий лишь подчеркнул, что епископы без страха вошли в охраняемый императорский зал и возлегли, дабы выпить вина со своим правителем во образ Царствия Христова.

Этот «стол», точнее, сервировочный столик, с одной стороны был доступен для служащих, наполнявших чаши и подносявших яства, и находился в пределах досягаемости правой руки каждого из возлежавших, поскольку на

¹ Район по ту сторону Золотого Рога, там же, где и Галата (*прим. редактора*).

левый локоть они опирались. По крайней мере, на изображениях трехсторонний П-образный триклиний к IV в. преобразовался в открытое расположение в форме «С» (сигма). Но принцип размещения гостей остался прежним. Если посмотреть на сцену Тайной вечери, как на мозаике Сант-Аполлинаре Нуово в Равенне или в Евангелии Россано, Христос (возможно, в подражание императору) занимал главенствующее положение как хозяин на правом конце «С». Напротив него, на левом конце возлежал самый почетный гость (скажем, Св. Петр). Двенадцать апостолов расположены в убывающем порядке слева направо до самого последнего (скажем, Иуды), который, что парадоксально, ближе всех к хозяину, но последний, в силу необходимости, возлежит к нему спиной. Хозяева оказывали гостю наименьшую честь, общаясь с ним через плечо (Malmberg 2003: 79–88).

В Константинополе примером такой расстановки стал Триклиний – Зал Девятнадцати лож, расположенный между Ипподромом и Священным Дворцом. Император главенствовал среди двенадцати гостей в апсиде, а сам зал по периметру окаймляли девять пар расположенных друг напротив друга «С», каждая для двенадцати гостей, что в общем давало 229 присутствующих.

В 899 г. *атриклин* (распорядитель пира) Филофей записал протокол Рождественского пира (одного из серии двенадцати пиров перед Богоявлением) в Зале Девятнадцати лож, отразив в этом документе практику VI в. Император входил первым, возможно, со стороны восточной апсиды и возлегал у стола на возвышении. В сопровождении пяти герольдов (которые выкрикивали на латыни), под звуки водяного органа его двенадцать приближенных почетных гостей присоединялись к нему, появляясь из «западного» портика. К восемнадцати столам и ломам (поэтапно), слева (что ценилось выше) и справа, слуги сопровождали в условленном порядке 168 сенаторов в форменных накидках – *хламидах* и особых сандалиях, далее места занимали двадцать четыре араба в белом, двенадцать болгар и двенадцать нищих (последние справа). Арабы и болгары как категория приглашенных, вероятно, заменили готов, исавров и армян, ранее участвовавших в пирах. Каждый этап банкета, прибытие приглашенных согласно очередности, представления, прерывавшие пир, вплоть до финального вноса кувшинов, салфеток и ухода гостей было размечено объявлениями герольдов, заранее условленными возгласами гостей, общими молитвами, когда стихал орган (Malmberg 2003: 96–8).

Литературные и изобразительные источники, будучи антиквариатом уже во времена их создания, поднимают вопросы культуры и власти. Если императорский банкет имитировал греческий симпосий, то как это сочеталось с христианскими представлениями о Тайной вечере? На практике, которая, впрочем, не была неизменной, император возлежал, а церковнослужители сидели, если им доводилось обедать вместе (как Максиму и Св. Мартину Турскому в 386 г.). В 899 г. *атриклин* Филофей особо отмечает, что Патриарх во время обеда сидел, а император и его гость возлежали. Никто из исследователей, кажется, не задавался вопросом, была ли в предполагаемой патриаршей трапезной на юго-западе храма Св. Софии, где случалось гостить императору, возможность не только сидеть, но и лежать. Но во дворце собственная столовая была и у *августы*; женщины сиде-

ли там отдельно, в соответствующем порядке. Сидели и только сидели за столом также и невысокопоставленные особы.

Имперская отличительная особенность, дохристианская традиция возлежать за столом имела отрицательную сторону – культурное несоответствие, поскольку пользовались лишь одной рукой и за «столом» (сервировочным столиком), который вмещал лишь двенадцать приглашенных, не могло быть ни ножей, ни столовых приборов. Но в христианской и имперской иконографии трон стал символом власти и епископы говорили *ex cathedra* задолго до того как Триклиний, константинопольский Зал Девятнадцати лож (а также подобные ему сооружения в Трире, Равенне, Латеране) вышел из употребления. В Константинополе имело место нечто большее, нежели культурное несоответствие. Сам центр дворцовой жизни сместился вниз по склону холма от Ипподрома к Мраморному морю. Как долго возлежание за трапезой в старом зале оставалось привычным предметом сохранности и реставрации, подобно музейному антиквариату?

Следующий этап имеет конкретную дату. В 949 г. Лиутпранд Кремонский также описал Рождественский пир в Зале Девятнадцати лож, где возлежали император и его гости. Триклиний, вероятно, был вынесен за стены Большого императорского дворца Никифором II Фокой в 969 г. Более интересно предположение о том, что его девятнадцать мраморных столов были перемещены в сохранившуюся до наших дней трапезную Великой лавры на горе Афон, основанную Св. Афанасием под патронатом Никифора в 962/3 г. (Malmberg 2003: 89–90). Здесь аналогичное расположение: два ряда по девять столов в форме С и стол настоятеля в апсиде, каждый из столов доступен с одного конца. Но есть жизненно важное отличие: монахи не возлежали, а сидели. Это позволяло им пользоваться за столом вилками, появившимися с IX в. По контрасту с более поздней стеной росписью, изображающей Тайную вечерю в том же помещении, сама *трапезная* Великой лавры наиболее реалистичный «реликт» традиционного византийского обеденного зала.

Более поздние монастырские трапезные (такие как на острове Патмос и в Неа Мони на Хиосе) оснащены массивными столами с углублениями для столовых приборов и скамьями в два ряда по бокам, а также высоким столом в апсиде. Начиная с конца XI в. французские, а затем и турецкие эмиссары, торговцы и завоеватели все более и более осваиваются в византийских залах для торжественных приемов и аудиенций. Это были обширные верхние прямоугольные залы с тронными нишами, возвышавшиеся над служебными помещениями и кухнями, с окнами, выходящими во двор. Дошедшими до наших дней примерами тому являются Нимфаион (Кемальпаша) в Никейской империи, Текфур Сарай на месте Влахернского дворца в Константинополе, дворец деспотов Морей в Мистре и дворец Великих Комнинов в Трапезунде. Император и султан нарушили бы все устои или таксис, если бы ели за одним столом. Но и они шли на сближение. Сфрандзи сообщает, что в 1420 г. Мануил II Палеолог на корабле в водах Босфора и Мехмед I на берегу в шатре «пили, ели и посылали друг другу угощение» (Sphran. Chron. 16 (VII.3)).

ЛИТЕРАТУРА

- DAVIDSON, A. 1999. *The Oxford Companion to Food* (Oxford).
- DOWNEY, G. 1957. 'Nikolaos Mesarites: description of the Church of the Holy Apostles at Constantinople', *TAPA*, ns 47: 855–924.
- HARVEY, A. 1989. *Economic Expansion in the Byzantine Empire, 900–1200* (Cambridge).
- MALMBERG, S. 2003. *Dazzling Dining: Banquets as an Expression of Imperial Legitimacy* (Uppsala).
- MITCHELL, S. 1993. *Anatolian Lands: Men and Gods in Asia Minor*, 2 vols. (Oxford).
- VINSON, M. P. 1985. *The Correspondence of Leo, Metropolitan of Synada and Syncellus* (Washington, DC).

Рекомендуемое чтение

- BRUBAKER, L., and LINARDOU, K. (eds.) 2007. *Eat, Drink and Be Merry (Luke 12: 19): Food and Wine in Byzantium* (Aldershot).
- DALBY, A. 1996. *Siren Feasts: A History of Food and Gastronomy in Greece* (London).
- 2003. *Flavours of Byzantium* (Totnes).
- DEMBINSKA, M. 1985. 'Diet: a comparison of food consumption between some Eastern and Western monasteries in the 4th–12th centuries', *Byzantion* 55: 431–62.
- DUNBABIN, K. M. F. 2003. *The Roman Banquet: Images of Conviviality* (Cambridge).
- KANEVA-JONSON, M. 1995. *The Melting Pot: Balkan Food and Cookery* (Totnes).
- KARPOZILOS, A. 1984. 'Realia in Byzantine Epistolography, X–XIIc', *BZ* 77: 20–37.
- LAIYOU, A. E. (ed.) 2002. *The Economic History of Byzantium, from the Seventh through the Fifteenth Century*, 3 vols (Washington, DC).
- LAIYOU-THOMADAKIS, A. E. 1977. *Peasant Society in the Late Byzantine Empire: A Social and Demographic Study* (Princeton).
- MAYER, W., and TRZCIONKA, S. (eds.) 2005. *Feast, Fast or Famine: Food and Drink in Byzantium* (Brisbane).
- PAVIOT, J. 1991. 'Cuisine grecque et cuisine turque selon l'expérience des voyageurs, XV–XVI siècles', *BF* 16: 167–77.
- PERRY, C. 2005. *A Baghdad Cookery Book* (Petits Propos Culinaires 79; Totnes).
- WILKINS, J., and others (eds.) 1995. *Food in Antiquity* (Exeter).

Глава III.13.5 РАЗВЛЕЧЕНИЯ, ТЕАТР, ИППОДРОМ

Шарлота Руэше

Исторический фон

Понятие развлечений в античном и средневековом мире является спорным. Для современного читателя оно включает побочную, неосновную деятельность, направленную на получение удовольствия индивидом или группой (группами). В греко-римском мире общественные действия и зрелища были основной составляющей жизни высокоорганизованного сообщества. И на Востоке, и на Западе от богатых граждан требовали участия в финансировании такого рода событий во благо всех своих сограждан. Более того, наиболее важные представления проводились как часть празднеств в честь божеств, включая императора. Чтобы такие представления были как можно ближе к совершенству, их проводили в рамках определенного контекста. И это не только атлетические состязания спортсменов – театральные пьесы, драматическая декламация, музыкальные развлечения также преподносились зрителю в форме состязания, что, с одной стороны, обеспечивало достижение исполнителями совершенства, с другой же стороны подчеркивало важность победы: этот последний аспект со временем приобретал всевозрастающую значимость, что подчеркивалось и поощрялось правителями.

В грекоговорящем мире Восточного Средиземноморья характерными чертами празднества были процессии, состязания, и жертвоприношения почитаемому божеству; на протяжении всего эллинистического и римского периодов они постоянно увеличивались по количеству и масштабам. На латиноговорящем Западе празднества были столь же важны, хотя театрализованные действия далеко не обязательно принимали форму многожанровых состязаний: вместо этого идея борьбы и победы могла воплотиться в боях с дикими животными, гладиаторских боях, гонках колесниц. Такие представления были особенно дорогостоящими, изобилие и блеск зрелища служили отражением славы благотворителя-организатора, вследствие чего такие мероприятия все чаще стали проводиться за счет императорской благотворительности. Но Восток и Запад не были отделены

друг от друга: состязания в греческом стиле распространились на Западе, бои гладиаторов и диких животных проникли на Восток, где, за неимением специально предназначенного круглого амфитеатра, для них приспособляли городские театры и стадионы. Огромных размеров цирк или ипподром, требовавший пространства достаточного для того, чтобы четыре колесницы могли двигаться, перегоняя друг друга, и, развернувшись, продолжать движение в обратном направлении, как, например, в Большом цирке в Риме, стал отличительной чертой крупного городского центра римского имперского правления: император или его представитель разделяли увлечения народа – Диоклетиан построил ипподром в своей новой столице в Никомидии (см. обзор в работе: Humphreys 1986).

Основой таких развлечений служили имперские праздники, все более возрастающие количественно. В Риме середины IV в. для празднований и торжеств отводилось большее количество дней, нежели столетием ранее, в середине III в. Празднества могли проводиться также и с целью отметить некое знаменательное событие, например, победу императора. Вокруг данного института формировалась особая группа населения – профессиональные участники представлений, которые могли также устраивать развлечения по неофициальным, частным поводам.

Поздняя античность

Именно на таком историческом фоне Св. Константин создавал город Константинополь. Город в греческих традициях был основан латиноговорящим императором и имел отличительную черту – соединенный с императорским дворцом ипподром (Dagron 1974). На Ипподроме имелась особая императорская ложа – *кафисма* (*kathisma*) с прямым переходом во дворец. Константин и его преемники украсили его значительным количеством изображений, включая памятник из Дельф, знаменовавший победу греков над персами в 479 г. до н. э. Констанций установил египетский обелиск в Большом цирке в Риме, а его пару водворили не без некоторых сложностей на Ипподроме в Константинополе. Константин торжественно отметил основание города состязаниями и праздником греческого типа; а в ходе своего правления он также дал разрешение на сооружение императорской башни в Гиспеллуме, в Италии, где проводились театральные представления и гладиаторские состязания в честь его семьи (*ILS* 705). Такая деятельность была глубоко вплетена в ткань поведенной жизни. Празднования эпохи поздней античности изображены на коммеморативных медальонах (см.: Alföldi 1976] и консульских диптихах из слоновой кости (наиболее полно опубликованы в (Delbrück 1929)); они также нашли отражение на многих богатых мозаиках того периода.

В центре почти всех такого рода торжеств находилась идея состязания: не имея, насколько нам известно, каких бы то ни было традиционных азартных игр, зрители Греции, Рима, позднеримской империи увлеченно болели за определенного танцора, цвет колесницы или тип гладиатора. Такие зрелища долгое время подвергались критике со стороны языческих философов как нестоящие развлечения, а также из-за тех страстей, которые они возбуждали; знаменитый

Марк Аврелий презирал такие чувства (*Commentarii* 1.5). Христианские авторы поднимали данные темы, прибавляя собственные соображения. Они с самого начала с антипатией относились к действиям, берущим начало в языческих культах, и смотрели на такие развлечения как на отвлекающие паству от посещения церквей, вызывающие избыток страстей. К тому же у них имелись особые возражения против театров, где разыгрывались аморальные сцены из языческой мифологии. Но критика проповедников IV в., наиболее знаменитым из которых был Св. Иоанн Златоуст, была направлена и в адрес по-прежнему процветавших празднеств. Обращение в христианство Константина и деятельность его преемников-христиан привели к упразднению одной из составляющих торжеств – публичных жертвоприношений, но роль процессии и состязания по-прежнему оставалась центральной, а общественная жажда зрелищ и развлечений имела под собой прочные основания.

Природа таких празднеств, однако же, постоянно эволюционировала. Тогда как в результате неодобрения со стороны христиан под давлением находились все развлечения, замечено, что первыми исчезли наиболее дорогостоящие. Гладиаторские бои, запрещенные Константином в 325 г., продолжались до V в., а потом исчезли. Зрелища с участием диких животных, вероятно, также были дорогостоящими: велико было стремление показать самые экзотические виды животных, и из переписки Симмаха (конец IV в.) мы узнаем, насколько сложно было их достать. Но и в IV в. подобных зрелищ все еще ждали от вступавшего в должность консула (*Nov. Just. CV, 537*). Стоимость всегда можно было снизить за счет использования местных животных вместо экзотических: известны случаи состязаний с участием медведей (отмечен в VI в. в Константинополе) или быков (как отмечалось, быков для таких целей разводили в Афродисии (*Rouché 1993: no. 44*)).

Все эти виды празднеств были весьма экстравагантны. Представление с участием спортсменов и акробатов, выживших после предыдущих выступлений, требовало уже неизмеримо меньших расходов. Атлетические состязания на протяжении веков привлекали к участию в них подготовленных представителей обеспеченных слоев, а также некоторых профессиональных атлетов. Но изменения в обществе и самосознании в III–IV вв. привели к значимой трансформации с исчезновением гимнастических залов – института, который в каждом городе тренировал и готовил молодых людей к занятиям спортом. Спортивные залы – гимнасии (*gymnasia*) предположительно исчезли к концу IV в., а с ними и традиция атлетических состязаний. Сохранилась профессиональная акробатика, как можно видеть на консульских диптихах, и частные «спортивные упражнения» для аристократии.

Театральные представления происходили в различных формах. По-прежнему были актеры, способные частично или полностью разыгрывать трагедии или комедии – костюмированные действия (как то изображено на консульских диптихах). Но гораздо шире были распространены представления мимов и пантомима. Пантомима исполнялась одним актером-танцором, представлявшим истории без слов, но с музыкальным аккомпаниментом, в манере, подобной балету. Назначением пантомимы было возбудить эмоции, исполнители пантомимы в конце кон-

цов стали соперничать в публичных состязаниях, так что и сама внешность их стала объектом пристрастия и подражания. Вследствие этого языческие философы и христианские епископы рассматривали их как опасно перевозбуждающих, потворствующих низменным страстям.

Мимы исполняли пьесы без масок; сюжет мог быть и мифологическим, но чаще взятым из повседневной жизни, грубым и непристойным. Представления мимов изначально просто включали в программу празднеств, но в конце концов и для них стали устраивать состязания. Однако труппы актеров-мимов также путешествовали, устраивая представления для богатых ценителей искусства в провинции.

Гонки колесниц завершают список самых экстравагантных зрелищ. Организация таких спектаклей в конце концов стала рассматриваться как часть функций римского императора и, таким образом, должна была производиться за счет императора в Риме, Константинополе и больших городах империи. Со времен римской Республики четыре колесницы стали различаться цветом: синяя, зеленая, красная и белая – у каждой были собственные стойла и сторонники-болельщики.

От позднеантичного до византийского периода

К середине V в. основными сохранившимися формами развлечений в Римской империи были гонки колесниц, пантомима и представления мимов, иногда представления с животными. Постепенно группы, созданные для организации гонок колесниц, – четыре «факции» стали отвечать также и за прочие развлечения. Так, отец императрицы Феодоры был дрессировщиком медведей для «зеленых» (Prok. *SH* 9.2), Мимы «зеленых» фигурируют также в одной надписи-посвящении (Roueché 1993: текст 1.1.III). Это имело тенденцию усиливать соперничество болельщиков: сторонники «зеленых» во время гонок колесниц отныне стали поддерживать «зеленых» танцоров пантомимы. Конфликты сторонников различных цветов, будучи всегдашней чертой римской жизни, становятся все более острыми и выливаются в грандиозное восстание 532 г. в Константинополе, когда толпы скандировали «Ника» («Побеждай») – данный слоган зрители обычно выкрикивали, подстегивая соревнующихся (Cameron 1973, 1976).

Но сам факт того, что развлечения такого рода настолько укоренились в виде многовековой традиции, означал, что не было возможности упразднить эти виды деятельности. Более того, церемонии, которые предназначались в основном для демонстрации императорской власти, сложно пересекались и переплетались с миром представлений и зрелищ. Болельщики на представлениях отвечали также за приветственные возгласы в адрес правителей. Надпись в Эфесе повествует, как нового правителя приветствовали возгласом «Просим!», который обычно сопровождал выход актера на сцену (Roueché 1999). К VI в. соперники объединились вокруг двух из четырех цветов – синего и зеленого: данные объединения все более вовлекались в процесс общественной ратификации императора. Факции и их сторонники, таким образом, играли важную роль в гражданском противостоянии конца VI – начала VII вв. По мере того, как империя Ираклия и его после-

дователей, развиваясь, приобретала новую форму, факции не исчезали, а также эволюционировали. Представления и процессии оставались основными элементами в общественной жизни Византийской империи, а с ними и факции, но все приобретало характер ритуала, так что в X в. Книга Церемоний уже содержит точный порядок действий и заранее установленные возгласы «синих» и «зеленых» для целого ряда церемониальных поводов. Постоянно в одно и то же время гонки колесниц проводились только трижды в год, но их организовывали также и по особым поводам, как, например, императорские победы (McCormick 1986).

То, что в составе развлечений надолго сохранились гонки колесниц, было следствием наличия в центре Константинополя Ипподрома и его роли в императорском церемониале: отмена такого действия означала бы проявление правителем недостатка щедрости. Более того, представление победы на арене цирка постоянно трактовалось как символ императорских побед. Отцы Церкви критиковали гонки за то, что те развлекали христиан и вызывали излишне сильные чувства, но такого рода критицизм был явно недостаточен для того, чтобы искоренить столь существенное проявление императорской мощи и великолепия. Ипподром оставался символом Византии, что лучше всего выразилось в выборе изображений Ипподрома и гонок как украшения собора Св. Софии в Киеве в XI в. (Ivanov 1992).

К тому же древние традиции празднования сохранялись во многих столичных процессиях и церемониалах; процессии проходили на протяжении года, а факции регулярно участвовали в торжествах, организованно издавая антифонные возгласы. Эти возгласы по-прежнему включали латинские выражения, вернее, их транслитерацию времен имперского двуязычия; такие церемонии выражали утешительную мысль о преемственности, сохранившуюся до самого конца империи. В провинциях подобные традиции продолжались в менее узнаваемой форме, но местные празднования в честь местных божеств с процессией и ярмаркой сохранились в виде поклонения местным святым во время *панигиры* (Vryonis 1981).

Будучи менее затратными, нежели гонки колесниц, бои с дикими животными, вероятно, продолжались по меньшей мере до VI в., однако данной традиции суждено было медленное перерождение в современные бои быков. В провинциях некоторые стадионы, более не использовавшиеся для атлетических соревнований, перестраивали с целью создания площадок («рингов») для боев с дикими животными (например, в Афродисии и Эфесе); еще в конце VI в. преступников приговаривали «ad bestias» – к убийству животными. В правление остготских королей Колизей в Риме все еще использовали для подобных зрелищ, а в числе мест для сидения имелись «именные» – с надписями имен римских сенаторов. Но к концу VII в. амфитеатр Константинополя (Кинегий) появляется лишь в сообщениях о публичных казнях, как зловещий отзвук его предыдущей функции.

Необходимость поддерживать императорский престиж не имела ничего общего с представлениями пантомимы и мимов. Отцы Церкви критиковали их даже более страстно, нежели ипподром, за растлевающее влияние на зрителя, поскольку влияние это заключалось не только в перевозбуждении аудитории, но также и в их основном содержании. Пантомима с ее весьма специфическими чертами

и близостью языческой традиции предположительно исчезла в VI в. Менее ясна судьба представлений мимов, поскольку данный термин в действительности включает в себе целый ряд представлений от пьес и жанровых сцен до клоунады и буффонады. Трулльский собор 691 г. счел уместным запретить представления мимов. Но гораздо более важной была отмена Юстинианом общественного финансирования. Все общественные развлечения в древнем мире зависели от финансирования богатыми и правителями; к VI в. ни те, ни другие не имели причин финансировать «драматические» представления.

Таким образом, начиная с VI в. и позднее, термин «мимы», вероятно, перестали использовать для описания труппы актеров со стандартизированными ролями, как в римский период; вместо того, он использовался с презрительным оттенком применительно к актерам буффонады и клоунам. Клоунада продолжала существовать и, похоже, некоторым образом ассоциировалась с Ипподромом и факциями: на фресках собора Св. Софии в Киеве изображены клоуны, а также гонки колесниц (Ivanov 1992). Императоров могли осуждать за общение с мимами, но есть также свидетельства об отдельных «жестикюляторах», зарабатывавших на жизнь, развлекая богатых.

Потому неудивительно, что мы не находим письменных свидетельств об общественных зданиях, предназначенных для театральных представлений, которые функционировали бы после VI в. В действительности участь подобных зданий прояснить сложно, и не в последнюю очередь потому, что археологи склонны были констатировать упадок, не доискиваясь его специфики. Во многих городах Востока и Запада театры, крепко построенные и зачастую находившиеся на стратегических позициях, в конце концов стали использоваться как основа для фортификационных сооружений, хотя такие приспособления редко надежно датируются, в особенности, на Востоке. Но отдельно стоящие здания, вероятно, использовались, возможно, эпизодически, для развлечений по меньшей мере вплоть до VI в., хотя сведения об этом зачастую оставляют без внимания; граффити из многоэтажных зданий в Эфесе с изображением представлений мимов и самих актеров конца V – начала VI вв. были обнаружены в 1890-х гг., а опубликованы лишь веком позднее (Roueché 2002). Таким образом, осталось проделать работу по исследованию эволюции таких зданий и выступавших в них актеров.

Много споров было в отношении того, какие типы представлений сохранились в средневековой Византии. Тот факт, что византийские авторы продолжали читать греческие драматические тексты и широко использовать язык театра, иногда создавал впечатление, что театральные представления в той или иной форме продолжались. Обычно слово «театрон» применялось в отношении Ипподрома, последнего из сохранившихся мест публичных представлений. Оно использовалось также для обозначения малых групп, собранных для лекций и риторических диспутов, или для описания разного рода публичных зрелищ. Аналогичные изменения можно проследить и для других театральных терминов.

Самые энергичные усилия раскрыть тему драматических представлений в Византии остались безуспешны. Одно из возможных объяснений этого кроется в понимании того, насколько официальные и религиозные церемониальные действия, заимствовавшие так много из мира представлений, с развитием факций

удовлетворяли (гораздо более, нежели мы можем себе представить) вкусу к возбуждению и зрелищам жителей Константинополя, а, возможно, и тех общин, о деятельности которых документальных свидетельств сохранилось меньше. Еще один пренебрегаемый доселе аспект темы византийского представления – публичная риторика, выступления и проповедничество, что подчеркивалось в недавних изданиях (Mullett 2003; Cunningham 2003). Здесь, как и везде, наше понимание византийских отношений и ожиданий по-прежнему развивается и изменяется. Отбросив надуманную идею театральной преемственности, которая строилась на преемственности терминологии, мы можем теперь точнее позиционировать действия и развлечения Византийской империи.

В точности так, как были «приватизированы», то есть приобрели частный характер, драматические представления, атлетические виды спорта из греко-римского прошлого сохранялись как частная привилегия императора и двора. Императоры, вероятно, совершенствовали атлетические навыки и, более всего, навыки верховой езды в связи с занятием охотой. Эти виды деятельности развивались и, по крайней мере, к средневизантийскому периоду двор с удовольствием играл и наблюдал за игрой в циканион – персидское развлечение наподобие поло. С Запада была позаимствована идея рыцарских турниров. Оба эти вида спорта давали знати возможность проявить ловкость друг перед другом. Для более низких классов актуальность сохраняли более простые занятия и различные виды настольных игр, о которых напоминают выструганные или резные игровые доски (поля), сохранившиеся по всей империи, зачастую вне датируемого контекста. В V в. в этом отношении сохранялось нечто вроде общественного попечения: доноры устанавливали игровые поля, очевидно, для общественных развлечений, которые иногда вырезали с обратной стороны постаментов старых статуй (Roueché 2007). Более богатые люди могли позволить себе элегантные переносные доски, и популярность таких занятий, похоже, неуклонно возрастала на протяжении всего византийского периода, способствуя развитию развлечений и игр в современном смысле – как частного и индивидуального источника удовольствий.

ЛИТЕРАТУРА

- ALFÖLDI, A. 1976. *Die Kontorniat-Medaillons* (Berlin).
- CAMERON, A. 1973. *Porphyrius the Charioteer* (Oxford).
- 1976. *Circus Factions: Blues and Greens at Rome and Byzantium* (Oxford).
- CUNNINGHAM, M. 2003. 'Dramatic device or didactic tool? The function of dialogue in Byzantine preaching', in Jeffreys 2003: 101–13.
- DAGRON, G. 1974. *Naissance d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451* (Paris).
- DELBRÜCK, R. 1929. *Die Consulardiptychen und verwandte Denkmäler* (Berlin).
- EASTERLING, P. E., and HALL, E. (eds.) (2002). *Greek and Roman Actors* (Cambridge).
- FINKEL, F. (ed.) 2007. *Ancient Board Games in Perspective* (London).

- HUMPHREYS, J. 1986. *Roman Circuses* (London).
- IVANOV, S. A. 1992. 'Slavic jesters and the Byzantine hippodrome', *DOP* 46: 129–32.
- JEFFREYS, E. (ed.) 2003. *Rhetoric in Byzantium* (Aldershot).
- MCCORMICK, M. 1986. *Eternal Victory: Triumphal Ruler ship in Late Antiquity, Byzantium and the Early Medieval West* (Cambridge).
- MULLETT, M. 2003. 'Rhetoric, theory and the imperative of performance: Byzantium and now', in Jeffreys 2003: 151–70.
- PUCHNER, W. 2002. 'Acting in the Byzantine theatre: evidence and problems', in Easterling and Hall 2002: 304–24.
- ROUECHÉ, C. 1993. *Performers and Partisans at Aphrodisias* (London).
- 1999 'Enter your city! A new acclamation from Ephesos', in P. Scherrer and others (eds.), *Steine und Wege: Festschrift für Dieter Knibbe* (Vienna): 131–6.
- 2002. 'Images of performance: new evidence from Ephesus', in Easterling and Hall 2002: 254–81.
- 2007a. 'Late Roman and Byzantine game-boards at Aphrodisias', in Finkel 2007: 100–5.
- 2007b. 'Graeco-Roman pavement signs and game-boards: a British Museum Working Typology', in Finkel 2007: 106–9.
- VRYONIS, S. 1981. 'The Panegyris of the Byzantine Saint' in S. Hackel (ed.). *The Byzantine Saint* (Birmingham): 196–226.

Рекомендуемое чтение

Об ипподромах см. Humphreys 1986; о выдающихся личностях Константинопольского ипподрома см.: Dagron 1974. Существует обширная библиография по вопросу цирковых факций; данные основных современных исследований приведены в работах Cameron 1973 и 1976. Все современные работы о театральных представлениях византийского периода основываются на исследованиях Уолтера Панчера, в доступном обобщенном виде представлены на английском языке в работе Puchner 2002.

Глава III.13.6 ЗДОРОВЬЕ, ГИГИЕНА, ЛЕЧЕНИЕ БОЛЕЗНЕЙ

Перегрин Хорден

В вопросах гигиены и медицины в теории и на практике, учитывая разнообразие Византийской империи и ее более нежели тысячелетнюю историю, никакие обобщающие утверждения невозможны. Это единственное, что можно более или менее достоверно утверждать по данному поводу. Если бы фактически имелись некие закономерности в вопросах здоровья для отдельных социальных групп или географических регионов, мы, как правило, не смогли бы их выявить: даже на таком, более чем скромном уровне, конкретных данных недостаточно. И потому нельзя считать простым совпадением то, что в *ODB* отсутствуют статьи «Здоровье» и «Гигиена», а темы «Лечение» и «Болезнь» освещены лишь кратко.

Затруднения начинаются уже с элементарных вопросов о том, какие заболевания досаждали *homo byzantinus* (понятие среднестатистической личности в Византии) (Kazhdan and Constable 1982). Даже для непродолжительных периодов времени невозможно составить ничего подобного полному «патоценозу» (этот термин Грмек использует в работе (Grmek 1969) применительно к сводной таблице наиболее распространенных заболеваний). Материальных свидетельств о палеопатологии недостаточно (Sodini 1993); и, в любом случае, они равноценны взгляду на обширный ряд распространенных заболеваний в замочную скважину, поскольку ничего не говорят нам о болезнях, поражавших мягкие ткани (Horden 2000). Пробелы отчасти восполняют письменные данные, особенно агииография (Magoulias 1964): Эвелин Патлажан удалось составить краткий перечень заболеваний, поразивших ее в произведениях писателей IV–VI вв., в особенности, в описаниях чудес (Patlagean 1977: 105–12), а Эллис-Мэри Тальбот – извлечь более широкий перечень из базы данных средневизантийской агииографии в Дамбартон Оакс (Laiou 2002: 55). Византийские медицинские рукописи – простые перечни заболеваний и лекарств, составленные последовательно «с головы до ног», также могут сослужить исследователю определенную службу (Ben-nett 2003). Но общим результатом, если позволить себе оказывать предпочтение определенным видам письменных свидетельств, будет преобладание горячки

(без уточнения термина), параличей, желудочно-кишечных и глазных заболеваний. Это почти равносильно утверждению о том, что Византия и ее население, как и большинство прочих древних и средневековых культур Восточного Средиземноморья и Среднего Востока, была подвержена самым разнообразным заболеваниям (ср.: Sallares 1991: гл. II.7 – о заболеваемости в Древней Греции).

Об отдельных заболеваниях на фоне общей картины можно с точностью сказать и того меньше. Диагностика возвратных эпидемий чумы, периодически поражавших империю начиная со времен правления Юстиниана и далее до VIII в., еще менее точна, чем было принято полагать, и что бы мы там ни говорили о ее последствиях, все это немногим более, чем просто предположения (Horden 2005b). Нам недостает также подробных исследований эндемических (свойственных определенной местности) заболеваний, таких как проказа и малярия в Византии (напротив, об античном мире такие работы есть (Sallares 2002)).

Относительно же прочих факторов, влиявших на здоровье, таких, как рацион питания, о них мало что можно сказать сверх того, что императоры, монахи и крестьяне, хотя и в каждом случае на свой манер, питались неправильно – иногда избыточно, но чаще, конечно же, недостаточно (Kazhdan and Constable 1982: 55). Наиболее распространенный рацион можно назвать сбалансированным в отношении основных ингредиентов – зерновых, бобовых, гороха, оливкового масла, вина, фруктов и овощей, с (предположительно) возрастающим потреблением мяса среди тех, кто мог себе это позволить (Laiou 2002: 53). Менее ясно, каковы были общепринятые пропорции потребления данных продуктов. Не можем мы, откровенно говоря, и установить связь между «профилем» документально зафиксированных в Византии рационов питания и распространением какого-либо определенного заболевания.

Ретроспективная диагностика византийских болезней не просто затруднительна: она признана невозможной на концептуальных основаниях (Cunningham 1992). Из этого следует, что историку заболеваемости в Византии доступен, согласно сведениям источников, лишь анализ описаний заболевания, не выходящих за рамки нозологии и этиологии (то есть классификация болезней и их причин). На практике историк дисциплинированно возвращается к тем же данным, что и ранее, – в основном, медицинским и агиографическим текстам, но уже будучи свободным от давления необходимости ставить диагноз. Проблема, таким образом, сводится к тому, чтобы решить, насколько каждая отдельно взятая серия описаний болезней реально отражает опыт или мнения значительной группы византийцев, а не просто представления автора ее описания. Независимо от того, избегаем ли мы точной диагностики или же нет, в конце концов мы приходим к неизбежному расплывчатому утверждению о том, что в вопросах здоровья и здравоохранения Византийская империя являлась типичным досовременным обществом, будучи обществом средневосточным. Обособлением ее на фоне более широкого географического и хронологического контекста ничего, в сущности, не достигается. Напротив, многое, скорее, теряется, поскольку византийские данные сами по себе недостаточны.

Практически то же верно и в отношении лечения и предупреждения заболеваний. Возьмем гигиену в современном смысле этого понятия всего лишь как

пример профилактики заболеваний. Мылись ли византийцы? Естественно, единого однозначного ответа на этот вопрос быть не может. Евреи, проживавшие в империи, практиковали свою собственную, ритуальную гигиену. А исходя из того, что противоположности в христианском обществе сходятся, можно предположить, что лишь строжайшие аскеты и самые неимущие нищие не мылись никогда (хотя мы могли бы помнить, что на Среднем Востоке песок более эффективное очищающее средство, нежели загрязненная вода). Между двумя противоположностями мы обнаруживаем предсказуемо широкий спектр привычек. Относительно чистоплотности крестьян и ремесленников мы можем лишь догадываться, что она была минимальной – опять же, на основании сравнительных обзорных исследований по Среднему Востоку. Один образованный и довольно известный человек, Иоанн Цец, похвалялся тем, что мылся в бане только дважды или трижды в год и при этом (подобно Александру Великому) благоухал чистотой (Wilson 1996: 191). С другой стороны, значительное количество монахов мылось в бане ежемесячно – чаще, чем можно было ожидать (Kazhdan and Epstein 1985: 80). А лучшим показателем того, что гигиена тела была важной частью византийской гражданской жизни стало то, что Церковь взяла ее под свой контроль, придав оттенок благотворительности, еще до того, как пришли в упадок античные общественные бани, так что учреждения гигиены стали постоянной, хотя и не обязательно повседневной чертой жизни в Константинополе и других крупных городах (Magdalino 1990).

Недостаток гигиены в современном смысле никто, конечно, не связывал с болезнью, пока с момента падения Константинополя не пролетело более 400 лет. Запахи представляли более серьезную угрозу, нежели загрязнение, зловоние было верным признаком нарушения чистоты воздуха и, следовательно, опасности болезни. Реакция общественности была, тем не менее, сдержанной. Некоторые законодательные акты касались расположения бытовых отходов в городах, но, по всей видимости, не было ничего и близко сопоставимого по масштабам с урбанистическим регулированием окружающей среды в некоторых частях средневековой Европы более позднего периода (Bouras 2002: 509–10, 519; Zupko and Laures 1996; *ODB* – см. статью: «Latrines» («Общественные уборные»)). Если мы спросим себя, как византийцы старались предохраняться от заболеваний, нам придется более широко рассмотреть все то разнообразие сведений, которое удастся собрать. Это, например, один из таких случаев, когда профилактические амулеты и заклинания попадают в сферу изучения истории медицины (Maguire 1995: 6, 132–3; Vikan 1984). К данной теме имеют также отношение и таинства: Крещение с его «здоровоохранительным» обрядом экзорцизма и Божественная литургия с ее еще более благоприятным психосоматическим воздействием – исцелением души (в гораздо менее метафорическом смысле, нежели принято считать) как неотъемлемой прелюдией к исцелению тела (Horden 2001). Во избежание болезни предполагалось следовать определенному образу жизни. Некоторые места надлежало обходить стороной – к таковым относились развалины храмов, топи болот, где могли ютиться демоны (Horden 1993). Но нельзя сказать, что византийцы верили, будто бы все или даже большая часть болезней изначально были делом рук демонов. Объяснение естественными причинами даже такого традиционно «специфи-

ческого» недуга, как эпилепсия, считалось вполне приемлемым, причем предположительно не только среди образованных (Horden 1993: 186–7). На протяжении всей византийской истории у многих людей было определенное понятие о том, что природный баланс жидкостей в организме являлся залогом здоровья. Как доказывают современные исследования двугоморальных (обычно «горячих» и «холодных») культур, возможна и локальная гуморальность – упрощенная версия парадигмы четырех телесных соков Гиппократ-Галена.

Именно на основании такого подхода некоторые византийцы были заинтересованы в письменных рецептах оздоровления. Как в древнем Средиземноморье и средневековой Европе, самые богатые и наиболее заботившиеся о здоровье могли заказывать подробные персональные программы профилактики заболеваний, регулировавшие все стороны их жизни – питание, сон, физические упражнения и даже эмоции с тем, чтобы минимизировать риск заболеваемости (Delatte 1939: 455–99; Romano 1998). И снова исследование прекращено ввиду недостатка данных. Мы не знаем, насколько часто таких предписаний придерживались, если их вообще придерживались, не знаем, кто их придерживался. Богатым покровителям, вероятно, более импонировала сама идея здорового образа жизни; их больше привлекал статус получателя медицинского предписания (поскольку лишь немногие имели возможность придерживаться режима), тогда как выполнение его на деле требовало усилий.

Что же было в случае, когда профилактическая медицина того или иного рода терпела неудачу? Когда заболевание вспыхивало, тому находилось несколько, не исключających друг друга объяснений, из которых следовали соответствующие стратегии лечения, точно так же, как и предшествовало болезни несколько стратегий ее избежания. Возможно, наибольшее число попыток лечения производилось на дому и заключалось в ожидании *vis medicatrix naturae* (то есть ничего не делания); занимались также самолечением простейшими травами, молитвой, заклинаниями; на помощь могли позвать одного из членов семьи, в особенности женщину (хозяйку дома, мать, жену). Сознание за собой греха заставляло прибегать к священнику и помощи Св. Таинств или же, *in extremis*, к святому (святой) на его / ее могиле (Crisafulli and Nesbitt 1997, with Vikan 1984). Вепа в возможность того, что заболевание было вызвано колдовством, сглазом, порчей, могла побудить прибегнуть к ответной магии. Натуралистическая этиология была более распространенной. К лекарствам, которые ученые называли бы магическими, могли, тем не менее, прибегать как к последнему или даже первому средству. Можно было посоветоваться также и с каким-нибудь врачом, хотя сам факт того, что человек (мужчина или реже женщина) носит звание *ямпа* (*iatros*) (или *ямпины* (*iatraina*)), ничего не говорил будущему пациенту об уровне его образования и о тех терапевтических навыках, которых от него можно было ожидать. В столице врачи принадлежали к корпорации и, возможно, проходили в той или иной форме нечто подобное профессиональной аккредитации (Grumel 1949). В прочих местах целителям приходилось как-то крутиться и, полагаясь на собственную сомнительную репутацию, привлекать новых пациентов и удерживать старых.

Тем не менее, нельзя сказать, что византийская медицина просто «законсервировала» античные медицинские познания (Nutton 1984: 2). Многие из дошед-

ших до нас текстов являются практичными, весьма искусными и соответствующими изменяющимся потребностям. Местами, в рамках унаследованной от времен античности парадигмы Галена, они отличаются новизной (Scarborough 1984; Bennett 2003). Кроме того, они связаны теперь с новыми местами лечения. Одно из таких мест – больница (см.: III.11.6. Благотворительные учреждения). Не следует переоценивать количество больниц, то есть масштаб благотворительности, позволявшей приютить больного под кровом и предоставить ему врачебную помощь. Также вряд ли следует полагать, что общее качество медицинской помощи в них кардинально отличалось от доступного на христианском Западе или исламском Среднем Востоке (Horden 2000; 2005a). И все же византийские лечебницы остаются во многих отношениях совершенным проявлением византийского здравоохранения: это было сочетание знания с практикой, античности с новизной, опровергающее обвинение в стагнации, объектом которого так долго была медицинская история Византии (также см.: Miller 1997).

ЛИТЕРАТУРА

- BENNETT, D. C. 2003. 'Xenonika: Medical Texts Associated with *Xenones* in the Late Byzantine Period' (University of London Ph.D. thesis).
- BOURAS, C. 2002. 'Aspects of the Byzantine city', in *EHB*: 497–528.
- CRISAFULLI, V., and NESBITT, J. (ed. & trans.) 1997. *The Miracles of St. Artemios* (Leiden).
- CUNNINGHAM, A. 1992. 'Transforming plague: the laboratory and the identity of infectious disease', in A. Cunningham and P. Williams (eds.), *The Laboratory Revolution in Medicine* (Cambridge): 209–44.
- DELATTE, A. (ed.) 1939. *Anecdota Atheniensia et alia*, vol. 2: *Texts grecs relatifs à l'histoire des sciences* (Paris).
- GRMEK, M. D. 1969. 'Préliminaires d'une étude historique des maladies', *Annales* 24: 1473–83.
- GRUMEL, V. 1949. 'La profession médicale à Byzance à l'époque des Comnènes', *REB* 7: 42–6.
- HORDEN, P. 1993. 'Responses to possession and insanity in the earlier Byzantine world', *Social History of Medicine*, 6: 177–94.
- 2000. 'The millennium bug: health and medicine around the year 1000', *Social History of Medicine* 13: 201–19.
- 2001. 'Religion as medicine: music in medieval hospitals', in P. Biller and J. Ziegler (eds.), *Religion and Medicine in the Middle Ages* (Woodbridge–Rochester): 135–53.
- 2005a. 'How medicalised were Byzantine hospitals?', *Medicina e Storia* 10: 45–74.
- 2005b. 'Mediterranean plague in the age of Justinian', in M. Maas (ed.), *The Cambridge Companion to the Age of Justinian* (Cambridge): 134–60.
- KAZHDAN, A., and CONSTABLE, G. 1982. *People and Power in Byzantium: An Introduction to Modern Byzantine Studies* (Washington, DC).
- and EPSTEIN, A. W. 1985. *Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries* (Berkeley).

- LAIYOU, A. E. 2002. 'The human resources', in *EHB*: 47–55.
- MAGDALINO, P. 1990. 'Church, bath and *diakonia* in medieval Constantinople', in R. Morris (ed.), *Church and People in Byzantium* (Birmingham): 165–88.
- MAGOULIAS, H. J. 1964. 'The lives of the saints as a source of data for the history of Byzantine medicine in the VIth and VIIth centuries', *BZ* 57: 127–50.
- MAGUIRE, H. (ed.) 1995. *Byzantine Magic* (Washington, DC).
- MILLER, T. 1997. *The Birth of the Hospital in the Byzantine Empire* (Baltimore, 2nd edn.).
- NUTTON, V. 1984. 'From Galen to Alexander: aspects of medicine and medical practice in late antiquity', in Scarborough 1984: 1–19.
- PATLAGEAN, E. 1977. *Pauvreté économique et pauvreté sociale à Byzance, 4e–7e siècle* (Paris).
- ROMANO, R. 1998. 'Il calendario dietetico di Ierofilo', *Atti della Accademia Pontaniana*, NS 47: 197–222.
- SALLARES, R. 1991. *The Ecology of the Ancient Greek World* (London).
- 2002. *Malaria and Rome: A History of Malaria in Ancient Italy* (Oxford).
- SCARBOROUGH, J. (ed.) 1984. *Symposium on Byzantine Medicine* (Washington, DC = *DOP* 38).
- SODINI, J.-P. 1993. 'La contribution de l'archéologie à la connaissance du monde byzantin (IVe–VIIe siècles)', *DOP* 47: 139–84.
- VIKAN, G. 1984. 'Art, medicine and magic in Early Byzantium', in Scarborough 1984: 5–86.
- WILSON, N. G. 1996. *Scholars of Byzantium* (London, 2nd edn.).
- ZUPKO, R. E., and LAURES, R. A. 1996. *Straws in the Wind: Medieval Urban Environmental Law – the Case of Northern Italy* (Boulder, Colo.).

Углубленное чтение

Особенно полезные сведения можно найти в работах: Scarborough 1984, Maguire 1995, Miller 1997.

Глава III.14

ПРАВОСУДИЕ

Юридическая литература

Бернард Стольте

Византия дала миру обширную правовую литературу (Pieler 1978; Van der Wal and Lokin 1985; Troianos 1999), хотя и с небольшим уклоном в теорию права. Большой частью это нормативная или дескриптивная литература, а законодательство имеет, скорее, тенденцию к воспроизведению ранее существовавших норм, нежели к реформированию. Римское прошлое играло важную роль и с точки зрения идеологии, и с точки зрения документации. И зачастую весьма сложно определить, до какой степени законодательные тексты могли играть роль в юридической практике своего времени.

В сфере светского права переход от поздней античности к Византии произошел в правление Юстиниана I (527–565 гг.). Кодификация Юстинианом римского права в виде *Дигест* (и *Институций*) и *Кодекса* привела к концу древнего римского права и положила начало византийскому законодательству (Stolte 1994; Liebs 2000: 244–52). *Дигесты* (533 г.) являются антологией текстов римских юристов I в. до н. э. – III в. н. э.; подавляющее большинство из них – правовые коллизии, в настоящее время составляющие, тем не менее, целостную нормативную систему (ed. Mommsen and Krüger 1882). *Кодекс* (второе издание датируется 534 г., первое – не сохранилось) является антологией римских императорских конституций¹, наиболее ранняя из которых относится к правлению императора Адриана (117–138 гг.) (ed. Krüger 1877). Оба свода законов почти полностью написаны на латыни. Их обнародование имело законодательный эффект изъятия из юридической практики того, что в них не значилось; существовавшие на тот момент предписания и своды законов вышли из употребления. Юстиниан также опубликовал учебник для студентов I курса – *Институции* (533 г.)², по образцу институций Гая (II в. н. э.; ed. Krüger 1872). И в этом случае первоначальное издание устаревает с появлением последующего. Имеющиеся рукописи отражают

¹ Распоряжения императора – эдикты, декреты, мандаты, рескрипты; наряду с решениями сената входили в число важнейших законодательных актов (прим. переводчика).

² Учебник права в 4 книгах, получивший нормативный статус (прим. переводчика).

предполагаемый эффект, сказавшийся на распространении этих измененных текстов, которые больше не переписывались.

Юстиниан дал инструкции комитам, ответственным за составление кодификации, согласовывать юридические тексты и императорские конституции с законом того времени. Сегодня общепризнанным считается, что изменения, внесенные выполнявшими императорское поручение, были существенно менее многочисленны, нежели долгое время принято было полагать, причем такие изменения в большинстве случаев вначале представляли на рассмотрение императора и санкционировали специальными конституциями (Lokin 1995).

В результате этой интенсивной законотворческой программы на протяжении первых нескольких лет Юстинианова правления закон был модернизирован и кодифицирован. Тем не менее, его непосредственному применению препятствовали продолжавшееся на протяжении долгого времени употребление латыни и амбициозно завышенный интеллектуальный уровень. Оба эти препятствия героически преодолевали учащиеся юридических школ, для которых Юстиниан разработал детализированный курс обучения. Преподаваемые там курсы были, в первую очередь, практически нацелены на усовершенствование понимания терминологии, а далее – на истолкование законов. В дополнение к программе сохранилось обширное количество литературы для занятий в классах: дословных и обобщающих переводов, комментариев в форме конспектов (заметок к лекциям) и отдельно взятых трактатов. (Хорошим примером является «парафраза» Юстиниановых Институций Феофилом: ed. Ferrini 1884–97). Разнообразные греческие изложения латинских текстов с неизбежностью имели тенденцию вытеснять оригиналы и довольно скоро в этом преуспели, хотя первым официально изданным переводом стали Василики (ок. 900 г.; см. ниже). Такие переложения имели хождения и, должно быть, использовались на основе «книг законов» – нескольких меньшего размера сборников, выпускавшихся почти до самого конца Византии, из которых Исаурийская Эклога (см. ниже) была первой.

Юстиниан издал огромное количество *novellae constitutiones*, или *Новелл* (ed. Schoell and Kroll 1895). Они были поправками к его кодификации, причем, некоторые из них – пространные и весьма радикальные. Поначалу их регулярно публиковали на латыни и греческом, но вскоре – только на греческом, за исключением нескольких особых случаев. *Новеллы* никогда официально не объединяли в сборники; частная коллекция из 168 новелл, семь из которых были более поздними, нежели Юстиниановы, восполнила этот пробел. Краткие изложения-резюме этих длинных текстов, например, *Синтагма* Афанасия Эмесского (ed. Simon and Troianos 1989), пользовались вполне естественной популярностью. Императоры продолжали издавать новеллы, хотя и с различной интенсивностью: после Ираклия (610–641, ed. Konidaris 1982) они, вероятно, некоторое время не появлялись, но уже Лев VI снова составлял их в большом количестве (ed. Noailles and Dain 1944).

Императоры Македонской династии Василий I (867–886 гг.) и Лев VI (886–912 гг.) преобразовали законодательные тексты в так называемые *Василики* (сокр. от *ta basilica nomima*) (Pieler 1989), по-прежнему, точно следуя примеру Юстиниана, настолько точно, что они, по существу, опубликовали греческую вер-

сию Юстинианова законодательства, в которой, тем не менее, отрывки *Дигест*, *Кодекса* и *Новелл* были отныне сгруппированы по темам. По всей вероятности, в их намерения не входило опровергать Юстиниановы тексты. И не смотря на то, что в них наблюдаются незначительные изменения, Василики говорят языком VI в. История их происхождения ясна не до конца; имеются разные версии – из 60, 40 и вновь из 60 книг. Более важен тот факт, что они являлись компиляцией существующих в греческом переводе латинских *Дигест* и *Кодекса* VI в.; соответствующие главы *Новелл* обычно представлены в оригинальном полном тексте, тогда как *Институции* почти полностью отсутствуют. Дошедшая до наших дней версия состоит из 60 книг, не все из которых сохранились (Van der Wal 1989). Большинство рукописей сопровождают схолии. Важно различать «старые» схолии, которые точно так же, как и основной текст, фактически являются фрагментами версий VI в. и комментариев к текстам Юстиниана, и «новые» схолии, которые были написаны как комментарий, то есть, следовательно, позднее самих Василик. Некоторые из этих схолий надписаны именем их автора, в остальных случаях определить авторство и датировку затруднительно. Издание (Scheltema, van der Wal, and Holwerda 1953–88) представляет текст и схолии к нему в отдельных томах и объединяет вместе схолии к одной и той же рукописи, потому подчас читатель находит более одной серии схолий к одной и той же книге, помещенных последовательно одна за другой.

В дополнение к двум основным кодификациям имеется некоторое количество «книг законов». В 741 г. Лев III и Константин V выпустили законодательный сборник из 18 титулов, так называемую *Эклогу* (ed. Burgmann 1983). Она – воплощенная проблема с точки зрения современного исследователя византийского законодательства: это, несомненно, закон, который невозможно отменить, но в то же время в некоторых вопросах *Эклога* отличается от существующего законодательства. В прошлом значимость отличий преувеличивали, но их существование, тем не менее, реально и заставляет задуматься над проблемой практического применения противоречивших друг другу и, однако же, действовавших правовых норм.

Аналогичные проблемы возникают в отношении *Прохирона* и *Исагоги*. Оба сборника датируются концом IX в., оба имеют силу закона, не отменяя при этом Юстинианова законодательства. Дополнительной проблемой является порядок, в котором были изданы эти книги законов. Заменяла ли *Исагога* в свое время *Прохирон*, согласно традиционной точке зрения, которую отстаивал Т. Е. Ван Бошове (van Bochove 1996), или же *Прохирон* был издан позднее, придя на смену *Исагоге*, как предполагает А. Шминк (Schminck 1986), – ни одна хронология не решает всех проблем и не дает ответов на все вопросы; наиболее любопытным расхождением между ними двумя является политическая теория, подробно изложенная с пояснениями в разделах *Исагоги* об императоре и Патриархе, – ее приписывают Патриарху Фотию. Прочие различия далеко не столь существенны, и оба свода законов, опять же, очень близко повторяют Юстиниановы тексты. Сохранились также и версии, сочетающие в себе обе эти книги законов.

Эта близкая приверженность главным образом Юстиниановым текстам будет наблюдаться вплоть до самого конца Византийской империи. *Шестикнижие*

(*Hexabiblos*) Арменопула (1345 г.), компиляция существующего византийского закона, по большей части проистекает из *Василик* и, таким образом, поддерживает преемственную связь с Юстиниановым прошлым (ed. Heimbach 1851).

Однако есть источники, более непосредственно отображающие жизнь того времени. Имперское законотворчество в форме Новелл продолжалось и после Юстиниана. В основном такие Новеллы были посвящены злободневным вопросам. Тематические компиляции, как, например, *Земледельческий закон* (*Notos georgikos*) (ed. Ashburner 1912), являются особым случаем: они представляют частные собрания существующего законодательного материала и в качестве таковых составлялись, вероятно, для применения на определенной территории в течение определенного времени, но определить эту территорию и время оказалось столь затруднительно, что их тоже следует признать имеющими непростую историю.

Византия также породила обширную церковноправовую литературу. Церковные Соборы издавали постановления (каноны) и их собрания формируют ядро канонического права. Первые четыре Вселенских собора пользовались особым статусом, но вскоре на свет появились общепринятые своды, фактически включавшие в себя их решения наряду с постановлениями последующих Вселенских соборов, большого количества местных Соборов и подборок цитат Отцов Церкви (ed. Joannou 1962). Рукописи сохраняют данный материал в огромном разнообразии сборников; каждый из них отражает воззрения составителя, поскольку Церковь никогда не издавала авторизованного *Corpus iuris canonici*. Особым типом сборников являются *номоканы*, руководящим началом которых являлось понимание того факта, что Церковь и государство связаны неразрывно. Император имел право вмешиваться и вмешивался в дела Церкви и *vice versa*¹ – в результате и Церковь, и государство могли устанавливать правовые нормы по тому или иному вопросу, так что и *каноны* (*kanones*), и *номы* (*nomoi*) были действительны. Следовательно, удобно было объединять их вместе, и VI в. породил собрания канонов с приложением светского законодательства, наиболее распространенным из которых стала *Collectio Tripartita* (ed. Van der Wal and Stolte 1994). Еще более удобно было иметь составной свод нормативных актов, систематизированных по темам. Наиболее популярным из таких сводов стал *Номоканон Четырнадцати титулов* (ed. Pitra 1868: 433–640). Очевидно, что только собрания, объединяющие каноны со светским законодательством, являются номоканами в собственном смысле, но терминология в источниках и специальной литературе весьма беспорядочна.

После Трулльского собора (691–692 гг.) *канон* перестал быть основной формой развития канонического права, его роль стали играть решения Константинопольского патриарха, советы духовных лидеров и авторитетные комментарии к уже существующему каноническому праву. Достойным примером последнего являются писания Феодора Вальсамона². Его комментарий к *Номоканону в XIV титулах* и являющегося его частью *Corpus canonum* производит впечат-

¹ Наоборот (лат.) – прим. переводчика.

² Антиохийский патриарх Феодор IV Вальсамон (XII в.) (прим. переводчика).

ление материала, на который ссылается каноническое право XII в.: кроме собственно канонов мы находим там имперское законодательство, судебные дела (см. ниже), синодальные постановления и т. д., многие из которых, вероятно, были бы утрачены, если бы не его комментарий (ed. Rhalles and Potles 1852–9: vols. 1–4). Кроме того, важные комментарии принадлежат Зонаре и Аристину (ibid.: vols. 2–4).

В 1335 г. монах Властарь¹ сделал для канонического права то, что десятью годами позже предстояло повторить для светского права Арменопулу. Его *Алфавитная сингагма* (Rhalles and Potles 1852–9: vol. 6) представляла собой относительно краткий свод канонического права, при составлении которого он опирался на существующие (также светские) тексты, и его работа, как и *Шестикнижие* (*Hexabiblos*), получила широкое распространение.

Данный обзор византийской правовой литературы, разумеется, никоим образом нельзя считать полным. В других изданиях имеются более полные подборки материала по данной теме. Бросается в глаза отсутствие источников, относящихся к правовой практике, хотя такой труд, как *Пира* (*Peira*) (XI в.; ed. Zachariä von Lingenthal 1856; Oikonomides 1986), повествующий об огромном количестве судебных дел, задумывался автором² как учебник права, и в качестве такового является представителем литературного жанра, начало которому в Византии положили *Институции* Юстиниана. Наряду с работой Вальсамона, Пира способствует углубленному пониманию применения византийских нормативных источников в реальных судебных делах.

Обзор правовой литературы невозможен без рассмотрения ее роли в формировании «правовой жизни» общества, тем более в таком государстве как Византия. Для целей данного издания дихотомия между правовой литературой и практикой интерпретируется прагматически: правовой литературой считается любой письменный источник, который не берет свое начало непосредственно в правовой практике. К примеру, имперский закон, учебник права, канон Вселенского собора, трактат о препятствиях к браку, краткий свод светского или канонического права, *Notitia episcopatum* являются правовой литературой, в то время, как частные юридические документы, принадлежащие к разряду договоров или решений суда, к правовой литературе не относятся. Неплодотворным представляется обсуждение пограничных случаев, к примеру, решений Димитрия Хоматиана (ed. Prinzing 2002) или постановлений Патриаршего суда, сохранившихся в реестре Патриарха (ed. Hunger and Kresten 1981–). Столь же бесполезно размышлять над вопросом, является ли та или иная литература правовой или же нет. Более важным представляется вопрос ценности этой правовой «литературы» для историка-византиниста, который обычно чувствует себя более непринужденно, имея дело с документами из правовой практики.

Прежде всего, различие между литературой и практикой не позволяет отчетливо представить огромную разницу между литературными источниками. Имперский закон и учебник – отнюдь не одно и то же, и научный трактат не может

¹ Иеромонах Матфей Властарь (прим. ред.).

² Учебное руководство «Пира» – «Опыт» было составлено со слов константинопольского судьи Евстафия Ромея (прим. ред.).

иметь той же силы, что официальный законодательный акт. Еще более осложняет дело то что многие письменные документы относятся более, чем к одному жанру или же, хотя и начинали свое существование в одном жанре, в конце концов стали принадлежать к совсем другому. К примеру, *Пи́ра* была задумана в качестве учебника, но приобрела авторитет наравне с законодательными актами. Хуже всего то, что формальная власть имперского законодательного акта имела мало общего с обязательной силой, например, нынешнего решения парламента, а отмененный закон не исчезал из правовой практики. Наши современные модели взаимозамещения законодательных актов, например, то, что более новый закон отменяет более старый, а специальный имеет предпочтение перед общим, не работали в Византии, которая в этом отношении не переняла опыт Рима. Особенностью Византии, к тому же, является так и не разрешенная проблема отношений Церкви и государства – соотношения *канона* и *нома* (Troianos 1991). Вообще говоря, законодательству отводилось место и полномочия совещательного «голоса власти», который мог поддерживать и поддерживал то или иное решение, направляя, таким образом, в то или иное русло мнение судей и участников судебного разбирательства.

Эти и тому подобные соображения, которым уделяла внимание, прежде всего, группа историков-правоведов из Франкфурта под руководством Дитера Симона, изменили лицо византийской правовой истории в последние тридцать лет (например, см.: Simon 1973). Они в особенности уместны в отношении тех историков Византии, которые пожелают точно знать, в какой мере правовая литература может обеспечить их информацией о социальных и экономических реалиях. И хотя юридическая практика в любом случае будет более информативной для них, нежели правовая литература, было бы несправедливо списывать последнюю со счетов по причине вышеописанных сложностей. Задача на будущее – более тщательная оценка в каждом индивидуальном случае предпосылки создания источника правовой литературы и то, каким образом он применялся на практике самими византийцами. Внимание, уделяемое в этих источниках определенному явлению, будет окончательным указанием на то, что данное явление имело место в определенный момент истории, даже если для нас затруднительно в точности определить, какую роль оно играло. Незачем говорить и о том, что аргументы *e silentio* особенно опасны для исследователя.

После всего сказанного остается дать несколько общих характеристик византийской правовой литературы. Хотя византийский закон много позаимствовал у римского и в своем формировании в особенности опирался на Юстинианово законодательство, византийское общество не было римским обществом времен поздней Республики или ранней Империи, то есть тех периодов, когда римский закон, предположительно, переживал свои лучшие времена. В частности, постепенное смещение акцента от казуального права к имперскому законодательству, которое совершилось уже в эпоху поздней Римской империи, изменило форму римского закона. Изменение соответствовало центру империи, западный характер права постепенно сменялся восточным, а латинская культура – эллино-греческой. С точки зрения такой перспективы Юстинианово законодательство стало нехарактерным возвратом в прошлое, имевшим далеко идущие послед-

ствия: его форме и содержанию суждено было стать ориентиром для будущих поколений византийских юристов (то, что правовая историография по большей части изучала Юстинианово законодательство исключительно с целью убедиться в том, до какой степени оно сохранило славное «классическое» наследие, это уже другой вопрос). Здесь уже упоминались языковые проблемы, но даже после того, как латынь исчезла (была отменена из практических соображений), на протяжении длительного времени римская правовая терминология неизменно употреблялась в византийском правовом дискурсе: в рукописях специальные термины бросаются в глаза, будучи написаны латинскими буквами, хотя и употребляются как греческие слова. Гораздо позже они были заменены собственно греческими терминами, но латино-греческая лексика (Burgmann and others 1990), которой исследователи отчасти обязаны оживлением изучения всего Юстинианова наследия, долгое время сохранялась при переписке документов (Troianos 2000, с расширенной библиографией).

Имперское законодательство выполняло и другие функции, кроме предания правового содержания пожеланиям императора. Данный аспект ученые научились ценить в большей мере, нежели в прошлом. Существует продолжительная традиция соблюдения риторических условностей, ведущая начало от позднеимперского имперского законодательства и далее. Не менее давнюю традицию следует усматривать в довольно простом стиле прозы древнеримских юристов и их византийских коллег.

Величайший контраст между «классической» римской и византийской правовой литературой заключается в интеллектуальном качестве законотворческой мысли. За исключением эпохи Юстиниана, когда в кодификации проявился руководящий гений Трибониана (Honore 1978), византийские юристы не достигли уровня своих римских предшественников в искусстве законотворчества. До некоторой степени наша трактовка византийской правовой литературы, вероятно, проигрывает от тех сложностей, которые мы испытываем, пытаясь стать на позицию этих византийских юристов, которые, очевидно, считали для себя более затруднительным конкурировать с римским правовым наследием, нежели, к примеру, итальянские юристы в Средние века. Не так просто установить, в какой мере они понимали, насколько богатый материал находится в их распоряжении и умели его использовать, к примеру, по тексту Василика. Имея дело с византийским законом, лучше всего, вероятно, оставить современные представления о законе как системе. В пользу такого подхода в любом случае говорит тот эклектический путь, которым Византия по большей части следовала в правовых вопросах. В конце эпохи ей явно недоставало интеллектуально-правовых способностей древних римлян.

ЛИТЕРАТУРА

ASHBURNER, W. 1912. 'The Farmer's Law', *JHS* 32: 68–95.

BURGMANN, L. 1983. *Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos V* (Frankfurt).

- FÖGEN, M.-T., MEIJERING, R., and STOLTE, B. 1990. *Lexica Iuridica Byzantina* (FM 8; Frankfurt).
- CIC. *Corpus Iuris Civilis*, ed. T. Mommsen, P. Krueger, and others, 3 vols. (Berlin, 1872–95).
- FERRINI, C. 1884–97. *Institutionum graeca paraphrasis*, 2 vols. (Berlin).
- HEIMBACH, G. E. 1851. *Manuale legum sive Hexabiblos* (Leipzig).
- HONORÉ, T. 1978. *Tribonian* (London).
- HUNGER, H., and KRESTEN, O. 1981–. *Das Register des Patriarchats von Konstantinopel*, 3 vols. (Vienna).
- JOANNOU, P.-P. 1962. *Discipline générale antique*, 3 vols. (Grottaferrata).
- KONIDARIS, J. 1982. 'Die Novellen des Kaisers Herakleios', *FM* 5: 33–106.
- KRÜGER, P. 1872. *Iustiniani Institutiones*, in *CIC*, vol. 1.
- 1877. *Codex Iustinianus*, in *CIC*, vol. 2.
- LIEBS, D. 2000. 'Roman Law', in *CAH* 14: 238–59.
- LOKIN, J. H. A. 1995. 'The end of an epoch: epilegomena to a century of interpolation criticism', in R. Feenstra and others (eds.), *Collatio iuris romani. Études dédiées à Hans Ankum à l'occasion de son 65e anniversaire* (Amsterdam): 261–73.
- MOMMSEN, T., and KRÜGER, P. 1882. *Iustiniani Digesta*, in *CIC*, vol. 1.
- NOAILLES, P., and DAIN, A. 1944. *Les Nouvelles de Léon VI le Sage* (Paris).
- OIKONOMIDES, N. 1986. 'The "Peira" of Eustathios Romaïos: an abortive attempt to innovate in Byzantine law', *FM* 7: 169–92.
- PIELER, R. E. 1978. 'Rechtswissenschaft', in H. Hunger (ed.), *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*, vol. 1 (Munich): 341–480.
- 1989. 'Anakatharsis ton palaion nomon und Makedonische Renaissance', *Subseciva Groningana* 3: 61–77.
- PITRA, I. B. 1868. *Iuris ecclesiastici Graecorum historia et monumenta*, vol. 2 (Rome).
- PRINZING, G. 2002. *Demetrii Chomatēni Ponēmata Diaphora* (Berlin–New York).
- RHALLES, G., and POTLES, M. 1852–9. *Syntagma ton theion kai hierēon kanonon*, 6 vols. (Athens).
- SCHELTEMA, H. J. 1970. *L'Enseignement de droit des antécédents* (Leiden).
- VAN DER WAL, N., and HOLWERDA, D. 1953–88. *Basilicorum libri LX*, 17 vols. (Groningen).
- SCHMINCK, A. 1886. *Studien zu mittelbyzantinischen Rechtsbüchern* (Frankfurt).
- SCHOELL, R., and KROLL, W. 1895. *Novellae*, in *CIC*, vol. 3.
- SIMON, D. 1973. *Rechtsfindung am byzantinischen Reichsgericht* (Frankfurt).
- and TROIANOS, S. 1989. *Das Novellensyntagma des Athanasios von Emesa* (Frankfurt).
- STOLTE, B. H. 1994. 'Justinianus Bifrons', in P. Magdalino (ed.), *New Constantines: The Rhythm of Imperial Renewal in Byzantium, 4th–13th Centuries* (Aldershot): 45–56.
- TROIANOS, S. N. 1991. 'Nomos und Kanon in Byzanz', *Kanon* 10: 37–51.
- 1999. *Oi peges tou Byzantinou dikaiou* (Athens, 2nd edn.).
- 2000. *E ellenike nomike glossa* (Athens).
- VAN BOCHOVE, T. E. 1996. *To Date and Not to Date: On the Date and Status of Byzantine Law Books* (Groningen).
- VAN DER WAL, N. 1989. 'Probleme bei der Restitution verlorengegangener Basilikenbücher', *Subseciva Groningana* 3: 143–54.

- and LOKIN, J. H. A. 1985. *Historiae iuris graeco-romani delineatio: les sources du droit byzantin de 300 à 1453* (Groningen).
- and STOLTE, B. H. (eds.) 1994. *Collectio Tripartita: Justinian on Religious and Ecclesiastical Affairs* (Groningen).
- ZACHARIÄ VON LINGENTHAL, K. E. 1856. *Practica ex actis Eustathii Romani* (Leipzig) (= Zepos, *Jus* (1931), vol. 4).

Углубленное чтение

Ввиду отсутствия хорошей современной истории византийского права, ценность по-прежнему представляет издание К. Е. Zachariä von Lingenthal, *Geschichte des griechisch-römischen Rechts* (Berlin, 1892, 3rd edn.). Однозначного одобрения, хотя и не во всех отношениях, заслуживает А. Kazhdan, 'Do we need a new history of Byzantine law?', *JÖB* (1989): 1–28. Можно, конечно, согласиться со многими, но не всеми его соображениями. Также см.: B. H. Stolte, 'Not new but novel: notes on the historiography of Byzantine law', *BMGS* 22 (1998): 264–79. Проблемы преемственности источников были в общем и целом определены и освещаются в многочисленных новых изданиях, вышедших или готовящихся к публикации. Франкфуртская серия *Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte*, в составе которой одиннадцать томов *Fontes Minores*, содержит множество таких изданий, а также материалы к А. Kazhdan, *New History*; см. также *Athener Reihe*, *Forschungen* и серию *Subseciva Groningana*. Современные издания обычно сопровождаются переводом, однако, если говорить о Василиках, читателю, не владеющему классическим греческим, приходится обращаться к латинскому переводу, сопровождающему старое и неполное издание Хеймбаха (Heimbach).

Склонность рассматривать византийский закон сам по себе, а не как переложение римского законодательства в греческой обертке, относительно недавнее явление: см. материалы Парижского конгресса византийских исследований (2001 г.), где содержится обзор достижений последних десятилетий, опубликованный в *Fontes Minores* 11 (2005)¹.

¹ К такого рода фундаментальным работам несомненно относится и монография известного питерского византиниста И. П. Медведева: Медведев И. П. *Правовая культура Византийской империи*. – СПб.: Алетейя, 2001. (прим. ред.).

III.15. ДУХОВНЫЙ МИР

Глава III.15.1 ВИЗАНТИЙСКОЕ БОГОСЛОВИЕ (ТЕОЛОГИЯ)

Эндрю Лаут

Пониманием сущности истории и мироздания¹ в православной византийской теологии мы обязаны, с одной стороны, христианскому Св. Писанию, а с другой стороны, идеям философов классической античности, в особенности Платона и мыслителей, развивавших его взгляды. Тексты Св. Писания учили византийских богословов о Боге Вседержителе, сотворившем мир и управляющем им посредством Божественного Провидения. Они также приводили к мысли о Боге как более, нежели Первопричине бытия, но, скорее, Субъекте в некотором смысле живом и личном (хотя современное понятие «личности» является позднейшим научным достижением), Которому, по меньшей мере, следует приписывать такие свойства, как воля и целесообразность. Бог также понимался как Создатель космоса из ничего, *ex nihilo*, даже несмотря на то, что такая доктрина лишь в скрытой форме и единожды подтверждалась Св. Писанием (2 Макк. 7: 28). Понимание Отцами Церкви мироздания за некоторыми исключениями (в их числе – «фундаменталист» Севериан Габальский (ок. 400 г.) и Косьма Индикоплов (автор «Христианской топографии», середина VI в.) во многом сформировалось под влиянием Платонова «Тимея», произведения, в котором космос рассматривается как живое существо, состоящее из души и тела, по аналогии с человеческим естеством, так что и последнее можно считать «малым космосом» (*mikros kosmos*). И хотя идея мировой души, наряду с идеей космоса как живого организма, либо эксплицитно отвергалась Отцами, либо понемногу утратила свое значение, идея человека как микрокосма, отражающего в себе присущее космосу «разнообразие-в-гармонии», сохраняет значимость. Прочие составляющие платоно-стоического понимания космоса, в том числе идея звезд и планет как живых существ, с подтверждением установившихся ранее астро-

---

¹ Возм. – космоса (прим. переводчика).

логических понятий также были утрачены (по крайней мере, в писаниях Отцов, хотя их полемические выступления против астрологии наводят на мысль, что многие христиане этих взглядов по-прежнему придерживались). Тем не менее, идея небесных тел, витавшая в интеллектуальном мире, имеет тенденцию к замене в христианской космологии ангельскими существами (и прославляемыми Церковью Патриархами, пророками, святыми) – некий манифест эллинистического искусства в христианском представлении. Идея человека как микрокосма соответствует доктрина, что Бог создал человеческие существа «по образу Своему и по подобию» (Быт. 1: 26), – доктрина, которая гораздо шире представлена в святоотеческой мысли, нежели в самом тексте Св. Писания (Camelot 1956).

Данный общий взгляд на космос нашел классическое выражение в работах, приписываемых Св. Дионисию Ареопагиту, появившемуся в истории византийской мысли в первой трети VI в. Его писания представляют взгляд на Бога и сотворенный миропорядок, что имело огромное влияние среди византийцев, влияние, во многом обязанное масштабам, до которых они придавали живое впечатление идеям и темам, уже давно лелеемым Византией. Согласно Св. Дионисию, любая реальность имеет троичную структуру: начинаясь от Бога, существующего (или, скорее, превосходящего пределы сущего и реального) в качестве Троицы, или Триады Отца, Сына и Святого Духа, троичность проявляется далее в Царствие Небесном, состоящем из трех уровней, на каждом из которых по три разновидности существ: 1) серафимы, херувимы, престолы; 2) господства, силы, власти; 3) начала, архангелы и ангелы и, наконец, в иерархии Церкви земной, в которой три Таинства – Крещение, Евхаристию и Миропомазание совершают три категории священнослужителей: епископы, священники, диаконы – для трех категорий мирян – монахов, непосредственно мирян и готовящихся к Крещению или отлученных от церковного общения (оглашенные, кающиеся грешники и одержимые). Эти категории Св. Дионисий называет иерархиями, в точности воспроизводя свое собственное выражение, само по себе не означающее (хотя и влекущее за собой) их субординацию, но означающее «священный порядок, знание, действие, присутствующее Господу в наибольшей мере» (*Cael. Hier.* III. 1. 1; Suchla 1990–1: vol. 2, 17), поскольку единственная цель построения иерархий, будь то небесной или человеческой, – явить Славу Божию и привлечь в союз с Ним все многообразие Его творений. Божья слава проявляется как красота, зовущая к себе тех, кто способен ее воспринять (Св. Дионисию было известно платоновское производное слова *kallos* – от слова «звать» – *kalein*). Для Св. Дионисия именно в ходе литургического действия и происходит *par excellence* встреча с красотой Славы Божьей. Этот призыв вернуться к единению с Богом влечет за собой еще одну триаду – триаду деяний: очищение, просвещение и единение или совершенство, а троичственная природа иерархии символизирует и осуществляет этот троичственный процесс очищения, просвещения, и единения с Богом (Louth 1989; Rorem 1993).

Научное видение Св. Дионисия, вооружившись опрометчивой терминологией неоплатоников (то, насколько его терминология унаследовала концептуальные определения неоплатоников, является предметом диспута среди ученых), разделило участь неоплатонизма: темы и идеи уже знакомые, взлелеянные греческим святоотеческим богословием перешли по наследству практически всем визан-

тийским богословам позднейших периодов как пьянящий призрак неоплатонизма, причем был позаимствован и язык, использовавшийся для их выражения (даже в византийской гимнографии извилистые эпитеты Св. Дионисия стали общераспространенными). Период утверждения Дионисиева видения византийского мира – приблизительно VI–VII вв. – образует нечто вроде водораздела в византийской теологии. К концу VII в. огромное количество усилий было направлено на то, чтобы прояснить и определить православную веру в категориях триипостасной природы Бога и соединения Божественной и человеческой природ во Христе, тогда как с самого начала VI в. наблюдается все возрастающая заинтересованность в разъяснении природы человеческого отклика – ответа на любовь воплотившегося Господа к своему созданию, в особенности, к человеку, и как следствия для человеческих существ – необходимости следования этому ответному чувству (Grillmeier 1987–96; Louth 2002: 147–55).

Более широко была разработана аргументация и гораздо больше соборных решений было вынесено по проблемам христологии – относительно того, как Бог стал Человеком во Христе – нежели в отношении догмата о Св. Троице. Тогда как соборные определения в отношении Св. Троицы редки и разрозненны – догмат соравенства лиц Единого Божества, выраженный в учении об омоусии (*homooousion*) («единосущности», то есть сосуществования в одной сущности, равенства по сущности), была однозначно утверждена в отношении всех Трех Лиц в ходе Вселенского собора спустя много времени после того, как перестала быть предметом споров, – прямое и непосредственное соборное определение терминов, использовавшихся для выражения догмата о Св. Троице (усия – *ousia*, ипостась – *hypostasis*) отсутствует, в отличие от христологии, а выражение «Един от Троицы», скорее, используется в соборных текстах, нежели получает в них свое определение. Тому есть причина основополагающей важности: это следствие вселенского признания византийскими богословами того, что Бог Сам по Себе совершенно непознаваем. В данном смысле невозможность богопознания была выражена по-разному. Византийское богословие проводит различие между теологией (*theologia*), то есть богословием в строгом смысле слова, нашим пониманием Самого Бога, то есть догмата о Св. Троице и свойств Бога, и *икономией* (*oikonomia*) – Божьего завета с тварным миром, как в создании его, так и в искуплении. Мы весьма несведущи в области *теологии* (*theologia*), а то малое, что мы знаем, в основном служит препятствием к возникновению кривотолков, тогда как в области *икономии* (*oikonomia*), хотя и многое скрыто от нас, есть нечто, что способен вместить наш Богом созданный разум. Свойства Божии, относящиеся к области познания *теологии* (*theologia*), являются большей частью отрицаниями неверных¹ описаний (зачастую представленных в греческом языке отрицательной частицей «альфа»): Бог безначален, несоздан, бессмертен, безграничен, неопишуем, несоставлен², бестелесен (*anarchos*, *aktistos*, *athanatos*, *apeiros*, *aperigraphos*, *asynthetos*, *asomatos*) и т. д. (John of Damascus, *Exp. Fid.* 2, 8 (ed. Kotter 1969: 8–9, 18–19); Louth 2002: 91–2).

¹ Неприсущих Богу (прим. переводчика).

² Прост (прим. ред.).

Св. Дионисий ввел в византийскую теологию термин (неоплатонического происхождения) «апофатическая теология», теология отрицания, указывая, что данный вид отрицания не означает того, что Бог не обладает этими свойствами, но что Он превосходит их¹ (замечание, сделанное Св. Дионисием посредством использования приставки *hyper-* как альтернативы *α-*). В противоположность апофатической теологии «катафатическое богословие» характеризует то, как Бог открывает Себя в *икономии* (*oikonomia*). Более поздний способ выражения этой же мысли (хотя и использовавшийся менее систематически гораздо раньше), утверждать, что Бог, познаваем в энергиях или действиях (*energeiai*), непознаваем в сущности (*ousia*). Потому догмат о Св. Троице, принадлежащий области *теологии* (*theologia*), более свойственен апофатической теологии, нежели катафатическому богословию; «будучи вершиной катафатической теологии», он также «относится и к теологии апофатической», как отмечает Владимир Лосский (Lossky 1930: 283). Догмат о Св. Троице не является некой интеллектуальной головоломкой, в которой согласовываются троичность и единство Бога, но, скорее, просто утверждается, что Бог превосходит даже единство и проявляет себя как Бог и ничто другое во Отце, Сыне и Святом Духе. Каппадокийские Отцы – Василий Великий (ок. 330–379 гг.), его друг Св. Григорий Назианзин (329/330–389/390 гг.) и его младший брат Св. Григорий Нисский (ок. 330–395 гг.) ввели различие между использованием термина «ипостась» для Лиц² Св. Троицы и «усия» для их общей Божественной сущности, хотя они и не используют данную терминологию систематически, иллюстрируя данное различие разными способами. Тот факт, что Лица Св. Троицы объединены одной Божественной сущностью (*ousia*), выражается применением термина «*homoousios*», впервые представленного в Символе Веры Первого Вселенского собора, состоявшегося в Никее в 325 г.: Сын и Дух Святой названы *homoousios* – единосущными Отцу. Доктрина Св. Троицы мало продвинулась за пределы этих минимальных утверждений (Louth 2002: 96–100). Св. Иоанн Дамаскин, обобщая тринитарную теологию Св. Отцев, ввел понятие «перихорисис» (*perichoresis*), взаимопроникновения Лиц Св. Троицы. Спор, имевший место в последние пятьсот лет существования Византии в отношении двойственности происхождения Духа, – исходит ли Дух Святой от Отца или же и от Отца, и от Сына, к чему в конце концов пришли в латинской версии Никео-Константинопольского Символа веры, дополненного *Filioque*, – был продиктован со стороны Византии в меньшей степени необходимостью достоверного подтверждения известного факта, а в большей – нежеланием преступить слово Св. Писания (Ин. 15: 26, где говорится о «Духе истины, который от Отца исходит» Swete 1876).

Катафатическое богословие есть богословие утвердительное в отношении того, что Бог открыл в творении и посредством божественного откровения. Для Св. Дионисия и для византийского богословия в целом катафатическое богословие не столько противопоставляется апофатической теологии, сколько опирается на нее. В Своем действии, в икономии, Бог открывает нечто о Себе, открывает

¹ То есть наделен ими в превосходной степени (*прим. переводчика*).

² В оригинале – *members* (*прим. ред.*).

Он также и то, что мы можем и должны утверждать о вере, но, как только мы пытаемся проследить обратную связь и применить это к Самому Богу, мы вынуждены признать, что Бог превосходит даже самые возвышенные из наших умопостроений и что, в конце концов, мы наиболее правы в отношении Божественного откровения, окончательно отрицая его. Это вносит в богословие гипотетичность характеристики византийской теологии в лучших ее проявлениях, хотя иногда и полностью отсутствующую. Это также располагает теологию к открытости и образности, как литературной, так и изобразительной, более, нежели опоре на логику и научность, хотя и последняя имеет место. Именно основополагающее место образа в христианском богословии защищал Св. Иоанн Дамаскин в споре с иконоборцами.

Иконоборский спор воспринимался обеими сторонами как спор о Воплощении: иконоборцы подходили к рассмотрению любого изображения Христа как содержащего либо монофиситское смешение природ, либо несторианское их разделение. Для иконопочитателей же изображение Христа и святых в материальной форме равнялось подтверждению реальности Воплощения, в котором Бог принял материальную, человеческую форму (Hussey 1986: 30–68; Dagron 1993: 93–165). Между этим спорами – века дискуссий и диспутов относительно способа соединения Божественного и человеческого в одном Лице Христа. Христология имплицитно присутствовала уже в спорах, приведших к формулировке догмата о Св. Троице, а утверждение Никейской доктрины *homoousion* привело к тому, что христологический вопрос встал во всей остроте. Поскольку если Слово или Сын Божий воплотившийся был «Един от Троицы» и ничем не уступал в Божественности Отцу, тогда утверждение факта Воплощения влекло за собой одновременное утверждение во Христе и полноты Божественности и полноты человечества. Еще до Никейского собора многие христианские мыслители думали о Воплощенном как о некоем промежуточном существе, менее, чем Боге, но более, нежели человеке. Дело разрешила доктрина *homoousion*. С точки зрения Св. Афанасия Александрийского (ок. 296–373 гг.), данное учение влекло за собой то, что во Христе следовало признать полностью Божественное Слово Божие, жившее человеческой жизнью вследствие восприятия человеческой природы. Парадокс божественного Человека и очеловечившегося Бога был, таким образом, утвержден, а непостижимое умаление (*synkatabasis*) Бога до человека рассматривалось как указание на бесконечность любви Бога к роду человеческому. Это нисхождение Бога до человеческого состояния призывало человеческие существа к ответному восхождению до состояния Божьего (обожению), а падение человеческой природы было преодолено тем, что Господь принял на себя человеческие брэнность и страдания: как отмечает в одной часто цитируемой фразе Св. Афанасий, «Слово Божье вочеловечилось, чтобы мы могли обожиться» (*De Incarnatione* 54; Kannengiesser (ed.) 1993: 458). Реальность принятия на себя Богом человеческой природы означала, что мать Иисуса, Мария, с полным правом могла называться *Theotokos* (Богородицей), то есть давшей рождение Богу, наименование, которое первым широко применял Св. Афанасий. Одно из наиболее ранних употреблений имени Богородица – в молитве, сохранившейся в египетском папирусе, датированном не позднее IV в.: логика Воплощения, как понимал

ее Св. Афанасий, имела своим естественным следствием возрастание популярности почитания Матери Божьей.

Однако дальнейшие попытки поразмышлять над смыслом понимания Воплощения, предпринятые другим и сторонником Св. Афанасия, Аполинарием Лаодикийским (ок. 310–390 гг.), казалось, утверждали единосущность Сына Отцу лишь посредством отрицания целостности человеческой природы, воспринятой Сыном: он отрицал, что человечество Христа имело человеческую душу и разум. Такое отрицание было вскоре опровергнуто, особенно двумя Каппадокийскими Григориями, утверждавшими, по словам Св. Григория Назианзина, что Христово человечество нельзя преуменьшать, ибо «что не воспринято, то не исцелено». Аполлинаризм также возбудил реакцию со стороны некоторых богословов, преимущественно из Антиохии и потому называемых антиохийцами, попытавшихся сохранить целостность Христова Божества и Человечества, тщательно различая их (или даже разделяя), так чтобы одно не вторгалось на территорию другого. В их экзегезе евангельских повествований (тематика их экзегетики, вероятно, вдохновила их христологию) они проводили различие между *prosopon* Божества и *prosopon* Человечества (*prosopon*, вероятно, означало лицо, в смысле действующего лица в пьесе, драматического персонажа): каждый отрывок Св. Евангелия был отнесен к одному из двух *prosopon*, чудеса – Божеству Слова, а немощи и страдания – Его человеческому лику. Эта «антиохийская» позиция, вероятно, была в значительной мере позицией меньшинства в Церкви конца IV в. и получила очень малый резонанс в позднейшей византийском богословии. Большинство христиан, похоже, следовали «александрийскому» подходу Св. Афанасия и Св. Кирилла (Fairbairn 2003).

Антиохийцы по-прежнему подозревали, что любая попытка, подобная Афанасиевой, – подчеркнуть глубину единства Божества и человечества во Христе, – повлечет за собой некую форму скрытого аполлинаризма. Эти подозрения в конце концов спровоцировали открытое столкновение, когда один антиохийский священник, Несторий (ум. ок. 450 г.), новоназначенный в 428 г. Патриарх Константинопольский, возражал против употребления в отношении Св. Девы Марии наименования *Богородица* (*Theotokos*). Возражение Нестория возбудило ревность святителя Кирилла Александрийского (ок. 380–444 гг.); последовал конфликт, касавшийся вопросов как богословия, так и церковной политики, слишком сложных, что не позволило сторонам придти к соглашению, и был созван Собор в Эфесе в 431 г., на котором Несторий был осужден. После осуждения Нестория святитель Кирилл с готовностью подписал мировое соглашение («Формула единения», 433 г.), предложенное Иоанном, Патриархом Антиохии, в котором утверждение Св. Кирилла о единстве Христа и законности наименования Богородица (*Theotokos*) уравнивалось утверждением о целостности двух природ, из которых Божественная была единосущна (*homoousios*) Отцу, а человеческая – единосущна (*homoousios*) нам. Пятнадцатью годами позже инициатором нового спора в Константинополе стал старый и заслуженный архимандрит Евтихий (ок. 378–454 гг.), утверждавший, что приверженность взглядам Кирилла, чем дальше, тем больше считавшимся краеугольным камнем православной христологии на греческом Востоке, означала, что после Воплощения с необходимостью следовало говорить об

«единой природе» (*mia physis*). И снова целый ряд событий приводит к созыву IV Вселенского собора, прошедшего в 451 г. в Халкидоне, на котором на основе формулы Собора было составлено определение православной христологии, содержащее, однако, терминологические обороты латинской теологии в выражениях Папы Льва I (ум. 461 г.), чьи легаты играли важную роль на Соборе. Христологическое определение свидетельствовало о Христе как одном Лице (*hypostasis*), познаваемом «в двух природах» (*en duo physisin*) (Tanner 1990: 86).

Оба Собора – Эфесский и Халкидонский – отстояли православную христологию ценой раскола: Эфесский привел к отделению тех, кто оставался верен Несторию, они вскоре переселились из Римской империи в Персию, где процветали и при Сасанидах, и позднее при арабском правлении в качестве так называемой «Церкви Востока»; Халкидон же отпугнул многих на Востоке, – чувство, что Св. Кирилл предал, привело к расколу на Востоке, в особенности в Сирии и Египте, где разделение так и не было преодолено. Представители данной группы, называемые с точки зрения Православия «монофиситами», не так просто поддавались давлению и на протяжении веков после Халкидона представляли серьезный теологический вызов халкидонскому Православию. К их числу принадлежал и величайший богослов постхалкидонской эпохи Севир Антиохийский (ок. 465–538 гг.) (Allen 2004). Давление со стороны монофиситов в сочетании с изначальным уважением, которым Св. Кирилл пользовался в греческом мире, привело в VI в. к попытке интерпретировать решения Халкидонского собора в терминологии Св. Кирилла (движение, названное «Кирилловым халкидонизмом», а еще ранее – «неохалкидонизмом»), разъяснявшее Халкидонское определение путем идентификации воплотившейся Ипостаси с Сыном, вторым Лицом Св. Троицы, усиливая это утверждением, что «Един от Троицы плотию пострадал» (так называемая формулировка теопасхитов), и соглашаясь с Кирилловой формулой Воплотившегося Слова, «единая природа Бога Слова воплощенная» (*mia physis tou Theou Logou sesarkomene*), ставшей в православной интерпретации знаковой. Данное пояснение создало основу для злополучных попыток со стороны Юстиниана достичь единства между Православием и монофиситами и было одобрено на V Вселенском соборе, прошедшем в 553 г. в Константинополе. Дальнейшая христологическая дискуссия развернулась уже в VII в., когда христологические компромиссы, – во-первых, моноэнергизм, а потом и монофелитство (доктрина о том, что Христос имел единое богочеловеческое действо, и о том, соответственно, что он обладал одной, Божественной волей), – пропагандируемые василевсом Ираклием в безнадежной попытке объединить Православие и монофиситство были опровергнуты прежде всего Св. Максимом Исповедником (580–662 гг.) (Louth 1996). Для него это было продолжением борьбы против аполлинаризма: обе ереси нарушали представление о целостности человеческой природы Христа, а, как ранее утверждал Св. Григорий Богослов (Назианзин), «что не воспринято, то и не исцелено». Учитывая, что человеческая воля привела род человеческий к грехопадению, Св. Максим не сомневался, что она нуждается в исцелении.

Этот беглый очерк истории христологических споров имеет целью пояснить, какого рода теологические рычаги выдвинули на первый план окончательную

формулировку христологических догматов Православия, которая и стала решающей для византийского богословия. Не умаляя Своей Божественности в неопостижимом процессе кеносиса (*kenosis* – самоуничижения, см.: Флп. 2: 7), Бог Слово воспринял без преуменьшения и человеческую природу, «во всем подобную нам, кроме греха» (Халкидонское определение, ср.: Евр. 4: 15). Как Бог, ставший человеком, Он подчинил Себе силу греха, победил грех, дав, таким образом, возможность человеческому естеству выполнить ту цель, для которой оно изначально было создано, то есть стать, по словам Св. Афанасия, Богом: Воплощению Божьему здесь соответствует человеческое обожение.

Византийское богословие глубоко занимала проблема того, что собственно включал в себя процесс обожения. После Дионисиева «водораздела», упомянутого выше, данный вопрос все больше и больше становился в центре его внимания. Литература, исследовавшая это, была почти полностью написана монахами и для монахов, хотя есть и многочисленные исключения: некоторые работы Св. Максима Исповедника были написаны для группы людей, вероятно, являвшихся его духовными детьми при императорском дворе, тогда как Св. Симеон Новый Богослов (949–1022 гг.) (ed. Darrouzès, Krivochéine, Koder) также давал советы мирянам в Константинополе, хотя сохранившиеся его работы полностью посвящены монашеству. В основе такой литературы – средоточие мудрости раннего монастырского аскетизма, в особенности собраний изречений Отцов египетской пустыни IV в.

Два источника из числа этих ранних материалов имели огромное влияние на византийское аскетическое богословие и в некоторых отношениях дополняют друг друга: гомилии Евагрия (346–399 гг.) и Св. Макария (Louth 1981: 98–131). Евагрий являлся учеником и Св. Василия Великого, и Св. Григория Богослова, а также обоих Свв. Макариев, монахов египетской пустыни. Почти все его писания имеют целью дать пояснения относительно внутренней борьбы и молитвенного делания монахов в их поиске единения с Богом (хотя у Св. Василия письмо № 8 является догматическим письмом Евагрия о догмате Св. Троицы). В процессе объяснения Евагрий использует преимущественно психологию Платона: человеческая душа состоит из ума (интеллекта) и двух иррациональных сил – чувственной (*thymos*) и желающей (*epithymetikon*). Молитва есть дело ума, более того, она есть «естественное состояние» ума, но в исполнении этого дела ему могут препятствовать иррациональные стороны души, беспокоящие и развлекающие ее. Евагрий представляет анализ, отличающийся исключительной психологической глубиной того, как ум может прийти в состояние чистой молитвы. Обе иррациональные части души должны быть приведены в состояние покоя, *thymos* возбуждается гневом и обидой, негодованием в различных формах, что якобы омрачает душу и мешает молиться, тогда как *epithymetikon* является постоянным источником рассеяния внимания. В ходе своего анализа Евагрий развивает понятие развлечения или поглощения логикоассоциативных рядов мыслей, называемых *logismoi* (каждая из которых имеет собственного демона), – их он разделяет на восемь категорий: объедение, блуд, жадность, печаль, гнев, уныние, тщеславие и гордость (*gastrimargia*, *porneia*, *philargyria*, *lype*, *orge*, *akedia*, *kenodoxia*, *hyperephania*). Состояние спокойствия, делающее возможным

для ума вовлечение в молитву, зовется *apatheia* (бесстрастие – свобода от страстей, то есть существование, незатрагиваемое происходящим вокруг). *Apatheia* раскрывает и высвобождает ум для молитвы или созерцания: она дает уму способность видеть реальность, – как реальность сотворенного миропорядка, так и скрытую за ней реальность, которая есть Бог, а поскольку Бог находится за пределами любого человеческого представления, такая молитва понималась как не имеющая потребности в образах. Евагрий часто рассматривает душу как проходящую три этапа развития: *praktike* – этап аскетической борьбы, *physike* – этап естественного созерцания, становящийся возможным по достижении *apatheia*, и, наконец, *theologia* – состояние чистой молитвы, в которой ум соединен с Богом (Louth 1981: 102–12). Большая часть этой терминологии уходила корнями в эллинистическую философию и постепенно стала определяющей для всего византийского аскетического богословия.

Движение в направлении единения с Господом влечет за собой аскетическую борьбу, поскольку человеческие существа рождаются в падшем мире, а падение есть результат Адамова согрешения в раю (Быт. 3). Византийцы в большинстве своем воспринимали историю грехопадения Адама как историческую правду, хотя они знали и о ее символическом значении в раскрытии природы греха и разлучения с Богом. Непосредственный результат грехопадения Адама и является отправной точкой богословского подхода в проповедях Св. Макария, втором, наряду с трудами Евагрия, главном источнике по византийскому аскетическому богословию (Dörries 1978; Stewart 1991; Plested 2004). Несмотря на то, что их приписывают то одному, то другому Макарию Великому из египетской пустыни, эти гомилии происходят не из Египта, а из Сирии, и мы не знаем, кто их написал. В дополнение к описанию Евагрия, они изображают картину хитросплетений лабиринта человеческой души, которая в результате грехопадения находится во власти сатанинских сил. Единственное, что способно освободить человеческие существа от власти тьмы – это благодать Святого Духа. Будучи лишен Духа, человек может только одно – молиться о Его пришествии: ему приходится заставлять себя молиться, день и ночь жалуясь на свое греховное состояние и умоляя Бога. Пришествие и вселение Св. Духа есть нечто осязаемое, опыт (*peira*), приносящий чувство уверенности (*plerophoria*), нечто, переживаемое как экстаз. С сошествием Духа душа достигает состояния *apatheia* и вся ее жизнь становится единой молитвой. Однако автор гомилий Св. Макария не сосредотачивает внимания на душе, как это делает Евагрий, скорее, он склонен думать о сердце как органе молитвы, и о человеческом естестве как состоящем из двух частей – души и тела. Он, как следствие, рассматривает преображение не только души, но также и тела, сравнивая это преображение с Преображением Христа на горе Фавор.

Эти две традиции в византийском аскетическом богословии дополняют друг друга. Попытки объединить некоторые из их эмфаз обнаружены в духовных главах Диадокха из Фотики (сер. V в.) (ed. des Places 1966; Louth 1981: 125–31) и в теологоаскетическом синтезе Св. Максима Исповедника (ed. Laga, Steel, Declerck, Van Deun, Janssens; Thunberg 1995). Богословы более позднего периода по-разному дополняли эти традиции. К примеру, Св. Максим, а следом за ним Св. Иоанн Дамаскин (ок. 670–750 гг.) представили заимствованный у Аристотеля

более детальный анализ человеческой души, взятый непосредственно из произведений Немесия Эмесского (написанных ок. 390 г.), а сам Св. Максим дает описание неоплатонических концепций, излагая свои представления о единении души с Богом почти наверняка через призму учения Св. Дионисия Ареопагита. Но еще более важным, нежели все подобные детали, представляется то, каким образом Св. Максим Исповедник объединил догматическую традицию, которая нами здесь уже обсуждалась, не самую простую космологию Св. Дионисия и вышеупомянутые аскетические традиции в необычайном синтезе, в котором все эти части формируют взаимосвязанное целое и взаимно освещают друг друга, – в синтезе, который является не просто интеллектуальным конструктом, но тем, что прославляется в ходе церковной литургии и тем, что возможно применить в личном аскетическом опыте. Понятие человека как микрокосма придает личному аскетизму космическую роль; поскольку так же, как космос в некотором смысле участвовал в человеческом грехопадении, то и человек, будучи микрокосмом, функционирует как «связующая космоса» (*syndesmos tou kosmou*), так что гармония, достигнутая посредством стяжания благодати в личном аскетическом подвиге, способствует в некотором смысле восстановлению космоса. Богословское видение Св. Максима – это идея космической литургии, в которой каждое человеческое существо призвано играть свою роль.

Обе рассмотренные нами аскетические тенденции трактуют аскетическую борьбу в ответ на призыв Божьей благодати как возможность реальной, подлинной трансформации человечества. Данная трансформация, проявляющаяся в отдельных индивидах как преображение Божественным светом, интерпретировалась как аналог Преображения Господня на горе Фавор. Акцент на опыте трансформации привел к признанию духовной власти и авторитета (а также претензий на таковую), основанных на подобном опыте. Уже в VI в. в традициях монашества было доказывать действенность Таинств повествованиями о видениях, явленных святым при их совершении (зачастую в полемическом контексте: доказывалась подлинность православной Евхаристии в сравнении с евхаристией монофиситов и напротив). Здесь возникает конфликт между иерархической властью, получаемой в Таинствах, и духовной властью, основанной на опыте, поразительный пример чего мы находим в Житии Св. Симеона Нового Богослова, утверждавшего, что имеет опыт преображения Божественным светом, а также, что только имеющим подобный опыт позволительно совершать Таинства (Holl 1898).

К XIII в. (если не ранее) среди аскетов горы Афон возникло движение, особо подчеркивавшее реальность подобной трансформации, достигаемой молитвой. Так называемая Сердечная молитва (в подражание языку гоимий Св. Макария) достигалась повторением молитвы Иисусовой, понимаемой как путь преодоления рассеяния и достижения состояния безобразной молитвы, в котором аскет осознает присутствие преображающего света. Иисусова молитва являлась результатом длительной эволюции монашеской практики, сочетавшей предание себя Иисусу как Воплощенному Слову с использованием кратких молитв как способа держать ум пред Богом свободным от развлечения. К XIII в. она приобрела следующую словесную форму: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». В XIV в. претензии таких аскетов или исихастов, как их обыч-

но называли (от слова *hesychia* – спокойствие, тишина), на созерцание во время молитвы нетварного Божественного света вызывали споры и насмешки (Meyendorff 1959: 65–70). В последовавшей дискуссии Св. Григорий Палама (ок. 1296–1359 гг.), сам бывший монахом Св. горы Афон, а позднее ставший архиепископом Фессалоники, принял сторону монахов (ed. Christou and others). В ответ на утверждение, что Бог совершенно непознаваем и потому не может быть пережит как молитвенный опыт, Св. Григорий развил идею, уже присутствовавшую в византийской традиции, о различии между сущностью Бога (*ousia*) и его энергиями или действиями (*energeiai*), утверждая, что в сущности Своей Бог непознаваем, но Он являет Себя в своих действиях или энергиях, которые и есть Сам Бог, а не просто некие внешние проявления Бога, и этот Божественный свет, опытно представлявшийся исихастам, одна из Божественных энергий. Большая часть аргументации вращалась вокруг интерпретации Евангельского эпизода Преображения, в котором утверждалось, что фаворский свет, виденный учениками, был нетварным светом, исходящим от Божественной природы Христовой. Аргументация Св. Григория нашла поддержку со стороны монахов Св. горы Афон, а также целого ряда Константинопольских соборов (Meyendorff 1959: 141–53).

Византийское понимание духовного мира нашло выражение в теологической доктрине и аскетическом учении, зачастую весьма непростом и хитросплетенном. Однако ощущение тайны Божией, открытость изобразительному и поэтическому образу означали, что такое видение не было уделом одной лишь образованной элиты. Совершение Божественной литургии в здании храма, представляющем духовный космос, исполненный красоты – цвета, пения, запаха, жеста, уводило за пределы сухой концепции и сообщало некую часть этого видения всем присутствующим, даже необращенным еще в христианство послам русов, которые в Великой церкви Св. Софии, «не знали, где находятся, – на небе или на земле, ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой...» (*Повесть временных лет*; Zenkovsky 1974: 67).

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- ATHANASIOS OF ALEXANDRIA, *De Incarnatione*, издание: C. Kannengiesser (ed.), *Athanase d'Alexandrie, Sur l'Incarnation du Verbe* (SC 199: Paris, 1993).
- DIADOCHOS OF PHOTIKE, издание трудов: E. des Places (ed.), *Œuvres Spirituelles* (SC 5ter; Paris, 1966).
- DIONYSIOS THE AREOPAGITE, *De Coelesti Hierarchia*, in B. Suchla and others (eds.), *Corpus Dionysiacum*, 2 vols. (Patristische Texte und Studien 33, 36; Berlin–New York, 1990–1): vol. 2.
- GREGORY PALAMAS, издание трудов: P. K. Christou and others (eds.), *Syngrammata Gregoriotou Palama*, 5 vols. (Thessalonike, 1962–92). См., также: J. Meyendorff (ed.), *Défense des saints hésychastes*, 2 vols. (Leuven, 1973, 2nd edn.); и R. E. Sinkewicz (ed.), *The One Hundred and Fifty Chapters* (Toronto, 1988).

- JOHN OF DAMASCUS, *Expositio Fidei*, in B. Kotter (ed.), *Die Schriften des Johannes von Damaskos*, vol. 2 (Berlin–New York, 1969).
- MAXIMOS THE CONFESSOR, критическое переиздание трудов осуществляется в серии Corpus Christianorum Series Graeca; до настоящего времени опубликовано: C. Laga and C. Steel (eds.), *Quaestiones ad Thalassium*, 2 vols. (CCSG 7, 22; Louvain, 1980–90); J. H. Declerck (ed.), *Questiones et dubia* (CCSG 10; Louvain, 1982); P. Van Deun (ed.), *Expositiones in Psalmum LIX, Orationis Dominicae* (CCSG 23; Louvain, 1991); P. Van Deun (ed.), *Liber Asceticus* (CCSG 40; Louvain, 2000); B. Janssens (ed.), *Ambigua ad Thomam et Epistula Secunda ad Thomam* (CCSG 48; Louvain, 2002).
- SYMEON THE NEW THEOLOGIAN, издание трудов в серии: Sources Chrésiennes: J. Darrouzès (ed.), *Chapitres théologiques, gnostiques et pratiques* (SC 51; Paris, 1957); J. Darrouzès (ed.), *Traité théologiques et éthiques*, 2 vols. (SC 122, 129; Paris, 1966–7); B. Krivochéine (ed.), *Cathéchèses*, 3 vols. (SC 96, 104, 113; Paris, 1963–5); J. Koder (ed.), *Hymnes*, 3 vols. (SC 156, 174, 196; Paris, 1969–73).

ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- ALLEN, P., and others. 2004. *Severus of Antioch* (London–New York).
- CAMELOT, T. 1956. ‘La théologie de l’image de Dieu’, *Revue des sciences philosophiques et théologiques* 40: 443–65.
- DAGRON, G., and others. 1993. *Évêques, moines et empereurs* (= J.-M. Mayer and others (eds.), *Histoire de Christianisme*, vol. 4) (Paris).
- DÖRRIES, H. 1978. *Die Theologie des Makarios/Symeon* (Göttingen).
- FAIRBAIRN, D. 2003. *Grace and Christology in the Early Church* (Oxford).
- GRILLMEIER, A. 1975, 1987, 1995, 1996. *Christ in Christian Tradition* (London), vols. 1 (2nd edn.), 2.1, 2, 4.
- HOLL, K. 1898. *Enthusiasmus und Bussgewalt: eine Studie zu Symeon dem Neuen Theologen* (Leipzig).
- HUSSEY, J. M. 1986. *The Orthodox Church in the Byzantine Empire* (Oxford).
- LOSSKY, V. 1930. ‘La notion des “analogies” chez le Pseudo-Denys l’Aréopagite’, *Archives d’histoire doctrinale et littéraire du moyen âge* 5: 279–309.
- . 1944. *Essai sur la théologie mystique de l’Église d’Orient* (Paris; Eng. trans. J. Clarke (London) 1957).
- LOUTH, A. 1981. *The Origins of the Christian Mystical Tradition: Plato to Denys* (Oxford).
- . 1989. *Denys the Areopagite* (London).
- . 1996. *Maximus the Confessor* (London–New York).
- . 2002. *St John Damascene: Tradition and Originality in Byzantine Theology* (Oxford).
- MEYENDORFF, J. 1959. *Introduction à l’étude de Grégoire Palamas* (Paris).
- . 1974. *Byzantine Theology: Historical Trends and Doctrinal Themes* (London–Oxford).
- PELIKAN, J. 1974. *The Spirit of Eastern Christendom* (= *The Christian Tradition: A History of the Development of Doctrine*, vol. 2) (Chicago–London).
- PLESTED, M. 2004. *The Macarian Legacy: The Place of Macarius-Symeon in the Eastern Christian Tradition* (Oxford).
- PODSKALSKY, G. 1977. *Theologie und Philosophie in Byzanz* (Munich).

-
- ROREM, P. 1993. *Pseudo-Dionysius: A Commentary on the Texts and an Introduction to their Influence* (New York).
- STEWART, C. 1991. *'Working the Earth of the Heart': The Messalian Controversy in History, Texts, and Language to AD 431* (Oxford).
- SWETE, H. B. 1876. *On the History of the Doctrine of the Procession of the Holy Spirit from the Apostolic Age to the Death of Charlemagne* (Cambridge).
- TANNER, N. P. (ed.) 1990. *Decrees of the Ecumenical Councils*, 2 vols. (London).
- THUNBERG, L. 1995. *Microcosm and Mediator: The Theological Anthropology of Maximus the Confessor* (Chicago–La Salle).
- ZENKOVSKY, S. A. (ed.) 1974. *Medieval Russia's Epics, Chronicles and Tales* (New York).

Глава III.15.2 ФИЛОСОФИЯ

*Катерина Иеродиакону
Доминик О'Мира*

Византийская философия: современные исследования

Современные исследования философии Византии можно охарактеризовать как находящиеся на начальной стадии. Много основополагающей работы еще предстоит провести прежде, чем наши знания можно будет назвать находящимися на должном уровне. Многие византийские философские тексты по-прежнему не представлены в критических изданиях, включающих не только заслуживающий доверия достоверный греческий текст, но также и обоснование авторства и точную информацию касательно древних письменных источников (два вопроса, имеющие особую важность для оценки византийского философского текста). Современные переводы и комментарии едва ли назовешь широко доступными. Практически отсутствуют и сколько-нибудь удовлетворительные монографии об отдельных философах, как, например, в случае, наверное, наиболее выдающегося византийского философа Михаила Пселла, чьи работы по-прежнему опубликованы далеко не полностью. В отношении многих периодов византийской истории мало что известно о конкретных условиях, в которых преподавалась философия или о более широком интеллектуальном и социальном контексте философской рефлексии. Различные факторы способствовали упадку в этой сфере знаний. Исследователи придерживались тенденции рассматривать византийских философов всего лишь как ученых, передававших и приукрашавших древние философские тексты. Ограничительный современный подход к изучению философии означал также и то, что в течение долгого времени всерьез воспринимались только «классические» греческие философы, а философы эллинистического периода и поздней античности (неоплатонизм – исходная точка развития византийской философии) повсеместно игнорировались. Дополнительным фактором является впечатление некоторой подчиненности философии христианскому богословию, если не смешения обоих направлений, хотя данный фактор, действующий также и в отношении средневекового Запада, не

слишком препятствовал мощному развитию современного изучения философии средневековой Западной Европы. В силу этого византийские философские тексты могли доставаться на долю современных богословов, чей интерес далеко не в первую очередь носил философский или хотя бы исторический характер. Наконец, акцент византийских исследований имел тенденцию находиться вне области познания философии, – в таких дисциплинах как искусство, археология, институциональная и социальная история. Сегодня ситуация изменилась. Регулярно выходят в свет компетентные критические издания источников, в частности, в сериях *Corpus philosophorum Medii Aevi – Philosophi Byzantini* и *Bibliotheca Teubneriana*. Имеется несколько подробных исследований философских учений Византии и ее интеллектуального и социального контекстов (Lemerle 1971; Podskalsky 1977). Некоторые исследования в тех или иных областях доказали, что византийские мыслители внесли оригинальный вклад в развитие философии (Ierodiakonou 2002; Sacouros and Congourdeau 2006). Недавний подъем в развитии изучения философии эллинистического и позднеантичного периодов также помогает углубить понимание воззрений византийских философов.

Философия: определения и структура

Термин «философия» (*philosophia*) у византийских авторов имеет широкий ряд значений: красноречие, образованность, энциклопедичность познаний, христианский образ жизни (в последнем смысле употребляется, к примеру, относительно мученичества или монашества (Dölger 1953: 197–208)). И хотя этот ряд слишком широк для наших целей, его, вероятно, следовало бы признать слишком ограниченным для определения византийской философии в границах того, что считается «философией» на современном факультете философии в университете. Студентам-новичкам в неоплатонических философских школах Афин и Александрии V–VI вв. предлагался стандартный перечень из шести определений философии:

- (1) знание о сущностях (*onta*);
- (2) знание о Боге и человеке;
- (3) приготовление (*melete*) к смерти;
- (4) уподобление (*homoiosis*) человека Богу до возможных пределов;
- (5) искусство (*techne*) искусств и наука наук;
- (6) любовь к мудрости (любомудрие).

Все шесть определений философии соответствуют: Аристотелевой (1, 5), стоической (2), (нео-) платонической (3, 4) концепциям философии, указывая также и на происхождение термина (6) (ср.: Westerink, Trouillard, and Segonds 1990: XLIX–LII). Эти определения различных школ в качестве взаимодополняющих и объединенных целью философии, сформулированной в определении (4), вновь упоминаются у различных византийских авторов, к примеру, в «Диалектике» Св. Иоанна Дамаскина. Для наших целей можно было бы говорить о «византийской философии» в терминах из области понятий, заимствованных византийскими авторами из сложного и многообразного наследия древней философии, в частности, из текстов Аристотеля, стоиков, (нео-) платоников,

об их работах, где приводятся эти тексты, их вкладе в вопросы, затрагиваемые в этих текстах, о применении ими и дальнейшем развитии концепций и теорий, ведущих происхождение из этих текстов в ответ на интеллектуальные запросы своего времени и общества.

Философские школы поздней античности также оставили византийским мыслителям структуру философии, подразделяя ее на различные науки, имеющие последовательно возрастающую ценность. В начале «практическая философия» (включающая этику, «экономику» – хозяйственную этику и политику), которая учит рациональной организации моральной жизни души как соединенной с телом (ср.: O'Meara 2003: 50–65). Моральные достоинства, добродетели, приобретаемые таким образом, позволяют продвигаться к более высокой жизни, основанной на интеллектуальных достоинствах, развивавшихся посредством изучения «теоретической философии», включавшей «физику», «математику» и «богословие» (в аристотелевом понимании, то есть метафизику). «Богословие» является вершиной философских наук, поскольку ему приходится иметь дело с познанием трансцендентного и его первичных (божественных) принципов, приближающих душу к богоуподоблению. Данное разделение философии привело также к составлению учебного курса, в котором работы Аристотеля и Платона читались как представляющие различные науки в порядке возрастания. Логика, часто рассматривавшаяся как инструмент научного познания, изучалась в начале курса, перед практической философией (Roueché 1974). Разделение философии мы вновь находим, к примеру, у Св. Иоанна Дамаскина и можем позднее проследить в описании Пселлом интеллектуального развития (*Chron.* 6, 36–38). Предположительно, Пселл также использовал его в своем философском учении. Однако обучение философии в Византии в большинстве случаев не выходило за рамки начального уровня, то есть логики, лишь иногда доходя, вероятно, до этики, физики и математики.

Периодизация византийской философии

В Афинах Прокл (ум. 485 г.), Дамаский (глава школы на момент ее закрытия в результате законодательного запрета Юстинианом в 529 г.) и его ученик Симпликий, в Александрии – Аммоний (ученик Прокла) и его ученики и последователи (Асклепий, Иоанн Филопон (Грамматик), Олимпиодор, Давид, Илия) являлись представителями поздней неоплатонической философии, систематизированного и многообразного истолкования учения Аристотеля и Платона, направленного на богоуподобление мыслящей человеческой души (Westerink, Trouillard, and Segonds 1990: X–XLII). Эти афинские и александрийские школы давали византийским мыслителям понятия о философии и об обучении ей (см. выше), а также учебную литературу (свои комментарии на творения Аристотеля и Платона), передаваемую, в частности, учителям в Константинополь.

Влияние неоплатонических школ обнаруживается в работах Псевдо-Дионисия, Иоанна Скифопольского, Св. Максима Исповедника и Св. Иоанна Дамаскина. Есть доказательство существования элементарного философского обучения (логике и этике) в VII–VIII вв. (Roueché 1974). В Константинополе в IX в. философию пре-

подавали Лев Математик и в X в. Константин, «глава философов» (Lemerle 1971). В тот же период Св. Фотий преподавал с исправлениями и дополнениями Аристотелеву логику, а также критиковал метафизику Платона (теорию форм) и его политику, в то время как Арефа Кесарийский, также комментировавший Аристотелеву логику, проделал важную редакторскую работу над рукописями Платона.

Настоящее возрождение философии началось с Михаила Пселла в XI в. Оправдывая свое прозвище «главы философов»¹, он учил всем направлениям философии, во всей полноте используя обширную философскую библиотеку, унаследованную от поздней античности. Будучи близким Проклу по своим воззрениям, он сам себя считал прирожденным философом и применял свою обширную эрудицию, обсуждая проблемы, поднимаемые его учениками и знакомыми (см. его краткий труд *De Omnifaria Doctrina*) (ed. Westerink 1948). Однако интерес к Проклу, подогретый Пселлом, был столь высок, что Св. Николай Метонский столетие спустя все еще ощущал необходимость в написании особого труда «Опровержение «Элементов теологии» Прокла» (ed. Angelou 1984). Ученику и последователю Пселла, Иоанну Италу, использовавшему философский анализ в богословских вопросах, пришел на смену Феодор Смирнский, автор обобщающего труда по физике. Ученик Итала Евстратий Никейский сотрудничал с Михаилом Эфесским, при покровительстве Анны Комниной восполняя пробелы в имеющихся в наличии позднеантичных комментариях на Аристотеля, составляя комментарии к аристотелевой этике, политике, физике. Их работа была инструментом передачи и революционным открытием – возвращением аристотелевой мысли латинскому Западу (Mercken 1990).

После падения Константинополя в 1204 г. некоторая преемственность в философской традиции прослеживается в учении Влеммида и учебниках логики и физики. Однако, обновление особенно заметно в эпоху Палеологов (XIII–XIV вв.). Пахимер подготовил краткое изложение философии Аристотеля и списки комментариев к трудам неоплатоников, дополнив комментарии Прокла к трудам Парменида. Софоний, Лев Магенасий, Феодор Метохит создали переложения работ Аристотеля, а Метохит, так же как Пахимер, читал редкие тексты неоплатоников и критиковал научные притязания физики и метафизики Аристотеля в спорах с Никифором Хумном, который, в свою очередь, нападал на неоплатоническую философию (Bydén 2003). Никифор Григора, ученик Метохита, проявляет неоплатонические воззрения, вспоминая Пселла, и критикует логику, в то время как Варлаам Калабрийский, будучи своим и в латинской, и в греческой культурной среде, защищает ее (см. далее). Новым фактором в этих дебатах является все возрастающее присутствие западных латинских схоластов, отмеченное, в частности, аристотелевой логикой и методом, переводы которых на греческий осуществляли: Мануил Оловол (Боэций), Плануд (Боэций, Августин, Макробий, Цицерон), а в XIV в. – Димитрий и Прохор Кидонисы (Августин, Ансельм, Фома Аквинский, Боэций) (Nikitas 1990; Papathomopoulos and others 1995; Papathomopoulos 1999).

В качестве значимых мыслителей в заключительный период (XV в.) можно упомянуть Георгия Гемиста Плифона, Геннадия Схолария и Виссариона. Пли-

¹ «Ипат философов» (прим. переводчика).

фон, по-видимому, предпринял попытку обновления позднего неоплатонизма как теологической и политической альтернативы христианству, тогда как Схоларий проводил просхоластическую линию защиты воззрений Аристотеля. Виссарион попытался занять среднюю позицию между своим учителем Плифоном и Схоларием. Эти дебаты, в которые были вовлечены и другие византийские мыслители, имели существенное значение для эволюции философии в эпоху итальянского Возрождения (Woodhouse 1986).

Философия и христианская доктрина

Постановка вопроса о прикладном значении философии применительно к христианской вере в Византии была иной, нежели на средневековом латинизированном Западе. В Византии христианское богословие не стало институционализированной наукой (в отличие от Запады): это могло означать как большее пространство для применения философии, так и большую необоснованность перед лицом радикального антирационализма (в частности, монашеского толка). Философию можно было оценивать как часть эллинистического бэкграунда (подосновы) византийской культурной идентичности и, во всяком случае, наряду с риторикой и правом, она являлась частью курса высшего образования, а в качестве таковой – неотъемлемой составляющей византийской культуры. Однако христианские писания, жизненно важные для византийской идентичности, также могли быть и свидетельством того, что философия бесполезна и опасна (1 Кор. 1: 18–25; Кол. 2: 8). Не менее важной представляется реакция христианских авторов патристического периода. В начале, соревнуясь с философскими школами, христианские авторы (зачастую и сами имевшие философскую подготовку) отстаивали свою веру как единственную истинную философию. Философы (Цельс, Порфирий) отвергали такие притязания, в свою очередь провоцируя опровержение своих взглядов Оригеном, Св. Мефодием Олимпийским, Евсеием Кесарийским (и прочими), которые однако же готовы были признать ценность философии как подготовки к вере, полезной для развития и понимания веры и как средства опровержения ересей. Климент Александрийский, Ориген, Св. Григорий Нисский, Псевдо-Дионисий имплицитно или эксплицитно применяют именно такой подход. Энтузиазм Пселла в отношении философии, в частности, (языческой) теологии Прокла, заходил весьма и весьма далеко. Но представляя данную теологию, он отмечал ее еретические составляющие, дистанцируясь от них или же не приводя их в работе (так же поступил и Исаак Севастократор в своих эксерптах из Прокла). Усугубляющийся кризис привел к осуждению Итала в 1082 г. Споры между Метохитом и Хумном и между Плифоном и Схоларием относительно Платона и Аристотеля отчасти вращались вокруг вопроса о совместимости платон-аристотелевой философии с христианской доктриной (Ševčenko 1962; Bydén 2003; Woodhouse 1986). Проблемным темам платонизма (подчиненности первопричин, вечности форм и материи, предсуществования душ, метемпсихоза) можно было противопоставить различные позиции учения Аристотеля (первенство Бога, осуществляющего малый Промысл, вечность мира, отсутствие блаженства вне земного существования). Тем не менее позднеантичные толкователи оставили много

места и для работы византийских мыслителей в том, что касается интерпретации точного значения данных тем и позиций. И, конечно же, интерпретация христианской доктрины сама по себе была открыта для дискуссий, в которых философские идеи могли оказывать свое влияние.

Логика в Византии

Помимо изучения отдельных мыслителей, контекста их деятельности, области их познаний в философии, учений, писаний, вклада в дискуссионные вопросы, современному исследователю доступно также изучение развития отдельных направлений философии – логики, этики, физики, метафизики. Это требует наличия надежных критических изданий и детального анализа, прежде всего, анализа византийского восприятия и интерпретации соответствующих древнегреческих текстов (Платона, Аристотеля, стоиков, последователей Аристотеля и неоплатоников), подготовки обзоров, справочников и учебников. По большей части эту работу в отношении различных направлений философии еще предстоит выполнить. Логика рассматривается здесь как пример применения такого рода подхода.

Дискуссия византийских философов относительно ценности логики представляет собой один из наиболее интригующих вопросов в исследовании интеллектуальной жизни Византии. Множество византийских авторов восхваляли и сами так или иначе использовали логику в ее античных традиционных формах, но в то же время многие не менее яростно отвергали логические доктрины языческих философов и их применение, в особенности в богословии. К примеру, Св. Фотий в своих письмах и философских произведениях подчеркивал важность роли логики в поисках истинного знания. Позднее Пселл и Итал неоднократно настаивали на систематическом использовании логики: по мнению Евстратия, даже Христос в споре якобы прибегал к помощи силлогизмов Аристотеля (Joannou 1952). Никифор Григора, с другой стороны, утверждал, что от исследований логическим методом следовало полностью отказаться, а теорию логики считать совершенно бесполезной (ср.: *Flor.* 932–41 (ed. Leone); *Antirr.* I: 2. 3. 281. 1–14 (ed. Beyer)). Однако многим из его современников, в том числе Варлааму и Св. Григорию Паламе, было свойственно более сложное отношение к логике. Они одновременно подчеркивали, что логика все же является полезной для защиты христианской веры от язычников и еретиков, но выражали также совершенно разные взгляды в отношении ее ограничений; в то время как Варлаам утверждал, что логический метод может быть использован как доказательство христианских догматов, Палама настаивал, что логические аргументы не помогут приобрести знания о Боге и Его свойствах (Sinkewicz 1980).

Несомненно, что логика, в частности, силлогистика Аристотеля, повсеместно преподавалась на протяжении всего византийского периода в качестве подготовки к изучению философских вопросов, а также догмата о Святом Духе. Об этом в изобилии свидетельствуют не только биографические сведения, касающиеся обучения логике видных деятелей Византии, но также и значительное количество сохранившихся византийских рукописей логики Аристотеля, относящихся

к ней схолий и логических трактатов (Benakis 1988). В действительности преобладание в Византии логики Аристотеля было столь неоспоримо, что даже когда византийские ученые предлагали изменения или пытались дополнить ее другой древней логической традицией, к примеру, гипотетическими силлогизмами стоиков, они рассматривали эти изменения лишь как незначительные усовершенствования системы Аристотеля. К XI в. стандартная программа учебного курса средних классов в византийской образовательной системе начиналась с изучения «Исагоги» Порфирия и Аристотелевых «Категорий», «*De Interpretatione*» («Об истолковании») и «Первой Аналитики» (1. 1–7). И потому всегда существовала потребность в доступных для восприятия работах по логике, чтобы сделать трактаты Аристотеля более понятными для учащихся.

Образовательная цель византийских трудов в области логики прослеживается в их стилистике и содержании. И хотя существуют, конечно же, некоторые византийские комментарии, выполненные в античных традициях, большинство византийских авторов оказывали явное предпочтение написанию парафраз и компендиев, предназначенных стать введением в логику, небольших логических трактатов на определенные темы, зачастую составленных в форме диспута, а также толкований на отдельные места Аристотеля, которые обычно добавлялись на полях или между строк текста. Эти работы большей частью не содержат подробных комментариев для лиц, посвященных в тонкости логики Аристотеля; они скорее являются вводными текстами, не предполагающими для читателя каких-либо существенных познаний в данной области. Студентам, использовавшим их, нужны были не схолии, не углубленное изучение логики, – они желали знать либо от них требовали знаний основ предмета.

Перечислим лишь некоторые из наиболее авторитетных византийских трудов по логике: Фотиев синопсис «Категорий», схолии Арефы на «Категории», анонимный компендиум по логике, изданный в 1929 г. Гейбергом (Heiberg), «*De Interpretatione*» и «Первую Аналитику» в парафразах Пселла, Апории (Вопросоответы) Итала по основным проблемам логики, комментарии Феодора Продрома ко «Второй Аналитике», введения в логику Влеммида и Пахимера, «*De Interpretatione*» в парафразе Мангентина, парафраза «*Sophistici Elenchi*» («Софистических опровержений») Софония, схолии Иосифа Филагрия на «Исагогу», «Категории» и «*De Interpretatione*» и, наконец, объемистые комментарии Геннадия на «Исагогу», «Категории» и «*De Interpretatione*» (см.: Ierodiakonou 2002 passim; Kotsabassi 1999).

И хотя византийцы зачастую не обнаруживали своих источников, очевидно, что различные философские традиции оказывали влияния и на работы в области логики. Основное влияние исходило от комментаторов-неоплатоников (Порфирия, Аммония, Иоанна Филопона, Симпликия, Олимпиодора, Илии), чьи тексты были хорошо известны византийцам и чьи схолии время от времени переписывались с очень незначительными изменениями. Тем не менее в большинстве случаев неясно, имели ли византийцы непосредственный доступ к древним комментариям или же они заимствовали материал предшествующих компиляций. Еще одной тенденцией византийцев было включать в работы по логике взгляды Св. Отцов, к примеру, Св. Иоанна Дамаскина или Св. Григория Богослова, что-

бы показать, что логические доктрины замечательно согласуются со Священным Писанием. Более того, как раз в конце византийской эры частое и весьма распространенное использование латинских трудов отражает существенное повышение интереса византийских ученых к логике. Следовательно, проект исследования трудов и авторов, оказавших влияние на работы византийских логиков, является весьма сложным, в особенности учитывая тот факт, что не все древние и византийские комментарии сохранились до наших дней.

Однако было бы чрезмерным упрощением представлять византийские труды в области логики как простые компиляции взглядов, ранее обнаруженных в античных источниках. Есть случаи, когда византийские авторы с гордостью подчеркивают свой собственный вклад в логику или открыто критикуют теорию логики Аристотеля. Однако мы можем обнаружить различные уровни независимости мышления с их стороны: иногда они прибегали к слегка отличной аргументации для подтверждения признанного утверждения, иногда привносили небольшое, но интересное дополнение к античной доктрине, иногда вступали в существенное расхождение с общепринятой точкой зрения и старались вносить свои собственные идеи, отдельные из которых были следствием основной цели – примирить христианскую традицию с древней философией. Итак, хотя тексты византийских логиков и кажутся поначалу весьма схожими с источниками, из которых они воплотились, при ближайшем рассмотрении они одновременно оказываются и весьма отличными, поскольку содержат также разработку традиционных проблем в нетрадиционной манере. Это не означает, что византийские логики были оригинальными мыслителями; в конце концов с их стороны и не было претензий на стремление к оригинальности. С другой стороны, византийские логические работы являются источниками информации о ученых-логиках более ранних периодов и дают нам изобилие классификаций, усовершенствований, модификаций доктрины Аристотеля, многие из которых представляют интерес, а некоторые отличаются исключительной тонкостью.

ЛИТЕРАТУРА

- ANGELOU, A. A. (ed.) 1984. *Nicholas of Methone, Refutation of Proclus' Elements of Theology* (Athens).
- BENAKIS, L. 1988. 'Commentaries and commentators on the logical works of Aristotle in Byzantium', in R. Clausen and R. Daube-Schackat (eds.), *Gedankenzeichen. Festschrift Klaus Oehler* (Tübingen): 3–12.
- BYDÉN, B. 2003. *Theodore Metochites' Stoiheiosis Astronomike and the Study of Natural Philosophy and Mathematics in Early Palaiologan Byzantium* (Göteborg).
- CACOUROS, M., and CONGOURDEAU, M.-H. (eds.) 2006. *Philosophie et sciences à Byzance de 1204 à 1453* (Louvain).
- DÖLGER, F. 1953. *Byzanz und die Europäische Staatenwelt* (Ettal).
- IERODIAKONOU, K. (ed.) 2002. *Byzantine Philosophy and its Ancient Sources* (Oxford) (с новейшей библиографией).
- JOANNOU, P. 1952. 'Eustrate de Nicée', *REB* 10: 24–34.

- KOTSABASSI, S. 1999. *Byzantinische Kommentatoren der aristotelischen Topik. Joannes Italos und Leon Magentinos* (Thessalonike).
- LEMERLE, P. 1971. *Le premier humanisme byzantin* (Paris).
- MERCKEN, H. P. F. 1990. 'The Greek commentators on Aristotle's Ethics', in R. Sorabji (ed.), *Aristotle Transformed: The Ancient Commentaries and their Influence* (London): 407–43.
- NIKITAS, D. Z. (ed.) 1990. *Boethius' De topicis differentiis und die byzantinische Rezeption dieses Werkes* (Athens).
- O'MEARA, D. 2003. *Platonopolis: Platonic Political Philosophy in Late Antiquity* (Oxford).
- PAPATHOMOPOULOS, M. (ed.) 1999. *Ancii Manlii Severini Boethii De consolatione philosophiae. Traduction grecque de Maxime Planude* (Athens).
- TSAVARI, I., and RIGOTTI, G. (eds.) 1995. *Augustini De trinitate. Translation by Maximos Planudes*, 2 vols. (Athens).
- PODSKALSKY, G. 1977. *Theologie und Philosophie in Byzanz* (Munich).
- ROUECHÉ, M. 1974. 'Byzantine philosophical texts of the seventh century', *JÖB* 23: 61–76.
- ŠEVČENKO, I. 1962. *Études sur la polémique entre Théodore Métochite et Nicéphore Choumnos* (Brussels).
- SINKEWICZ, R. E. 1980. 'A new interpretation for the first episode in the controversy between Barlaam the Calabrian and Gregory Palamas', *JTS* 31: 489–500.
- WESTERINK, L. G. (ed.) 1948. *Michael Psellus, De omnifaria doctrina* (Utrecht).
- TROUILLARD, J., and SEGONDS, A. 1990. *Prolégomènes à la philosophie de Platon* (Paris).
- WOODHOUSE, C. 1986. *George Gemistos Plethon* (Oxford).

Дополнительная рекомендуемая литература

Полезные обзоры содержат следующие работы:

- HUNGER, H., *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner* (Munich, 1978), vol 1: 3–62.
- IVANKA, E. VON, *Plato Christianus* (Einsiedeln, 1964).
- OEHLE, K., *Antike Philosophie und byzantinische Mittelalter* (Munich, 1969).
- TATAKIS, B., *La philosophie byzantine* (Paris, 1949) (Перевод на новогреческий язык и библиография с 1949 по 1976 гг. см.: L. Benakis, Athens, 1977; перевод на английский язык см.: N. J. Moutafakis, Indianapolis–Cambridge, 2003).
- WILSON, N. G., *Scholars of Byzantium* (London, 1983).

Последние критические издания текстов рассмотренных нами византийских авторов:

- ARETHAS OF CAESAREA, *Scholia on Porphyry's Isagoge and Aristotle's Categories*, ed. M. Share (Athens, 1994).
- JOHN OF DAMASCUS, *Schriften*, ed. B. Kotter (Berlin, 1969).
- GEORGE PACHYMERES, *Commentary on Plato's Parmenides*, ed. T. Gadra and others (Athens, 1989).
- *Philosophia, Buch 10. Kommentar zur Metaphysik des Aristoteles*, ed. E. Pappa (Athens, 2002).

- PHOTIOS, *Epistulae et Amphilochia*, ed. L. G. Westerink (Leipzig, 1986), qu. 137–47.
- GEORGE GEMISTOS PLETHON, *Traité des vertus*, ed. B. Tambrun-Krasker (Athens, 1987).
- *Contra Scholarii pro Aristotele obiectiones*, ed. E. Maltese (Leipzig, 1988).
- *Oracles Chaldaïques, Recension de Georges Gémiste Pléthon*, ed. B. Tambrun-Krasker (Athens, 1995).
- MICHAEL PSELLOS, *Philosophica minora*, I, ed. J. M. Duffy (Leipzig–Stuttgart, 1992).
- *Philosophica minora*, II, ed. D. J. O'Meara (Leipzig–Stuttgart, 1989).
- NIKEPHOROS GREGORAS, *Fiorenzo o Intorno alla Sapienza*, ed. P. Leone (Naples, 1975).
- *Antirrhetika*, I, ed. H.-V. Beyer (Vienna, 1976).

Библиографию можно найти:

- BARBER, C., and JENKINS, D. (eds.), *Reading Michael Psellos* (Leiden, 2006).
- BENAKIS, L., 'Bibliographie internationale sur la philosophie byzantine (1949–1990)', in *Bibliographie byzantine publiée à l'occasion du XVIIIe Congrès international d'Etudes byzantines* (Athens, 1991): 319–77.
- 'Commentaries and commentators on the works of Aristotle (except the logical ones) in Byzantium', in B. Mojsisch and O. Pluta (eds.), *Historia philosophiae Medii Aevi. Festschrift Kurt Flasch* (Amsterdam, 1991): 45–54.

III.16. МИР СИМВОЛОВ

Глава III.16.1 ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО И ТЕКСТ

Генри Магуайер

Экфрасис

Важный вопрос, касающийся всех исторических письменных источников, особенно византийских документов, сводится к характеристике соотношения между текстом и объективной реальностью. Что касается истории искусств, дискуссия по данному вопросу в последние годы по большей части сосредоточилась вокруг риторического жанра экфрасиса. В античных руководствах по риторике экфрасис определялся как описание «лиц, поступков, времен, мест, времен года и многого другого» (Rabe 1913: 22; Webb 1999a: 7–18). Однако уже к позднеантичному периоду экфрасисы зачастую посвящались произведениям искусства и архитектуры. Так что экфрастическое описание изобразительного искусства оставалось в Византии популярной литературной формой вплоть до XV в. Экфрасисы иногда составлялись как отдельные произведения, сами по себе, но чаще они все же входили в состав другого текста, к примеру, проповеди или панегирика.

Многие экфрасисы зданий и произведений искусства, сохранившиеся со времен Византии, учитывая исчезновение самих описанных в них памятников, вдохновили некоторых ученых использовать византийские описания в качестве руководства при восстановлении утраченных памятников и произведений изобразительного искусства (Webb 1999b: 61). Но экфрасис не был простым описанием, и некоторые авторы указывали на те проблемы, которые возникали в результате использования византийских экфрасисов для целей археологической реконструкции.

Поскольку экфрасис являлся риторическим жанром, сформировавшимся в период античности, он развивал традиции античной риторики, в особенности, использование топов или цитирования. Обильное использование топов может

придавать весьма архаичный характер поздневизантийским образцам жанра; к примеру, экфрасис иконы Богородицы с Младенцем авторства Иоанна Евгеника (XV в.) (Boissonade 1844: 335–40) изобилует отрывками из экфрасиса III в. об обучении Ахилла, написанного Филостратом Старшим (*Imagines* 2.2.2). Особенно затруднительной чертой византийского экфрасиса является то, что он заимствует отрывки античных топов, чья изначальная цель заключалась в прославлении реализма и правдоподобия античного искусства. Некоторые из современных комментаторов, восхищавшихся византийским искусством по причине его абстрактности и схожести с модернистским искусством XX в., считали применение таких топов к византийскому искусству неуместным. Кирилл Мэнго говорил о «косности искусствоведческого критицизма перед лицом явления, не имеющего аналогов в искусстве» (Mango 1963: 66).

Более положительную оценку роли риторики в византийских описаниях произведений искусства дал Джон Онианс, указывавший, что риторика восхваления стала наиболее важной формой красноречия во времена абсолютистской политической системы Римской империи, а амплификация или преувеличение являлись основным элементом панегирика (Onians 1980: 12–17). Таким образом, со II по VI вв. ораторы, сплетая речи из того, что видели, все более склонны были прочитывать в изображениях больше, чем в них было представлено на самом деле. Амплификация (поэтическое преувеличение) вела к развитию способности воображать у ораторов и их слушателей, которые к VI в. в самом деле уже способны были видеть в абстрактном изображении больше, нежели их предшественники. Риторика, согласно Ониансу, стала причиной своего рода инфляции воображения и в то же самое время – прогрессирующего диссонанса, расхождения отклика слушателей с действительным внешним видом произведения.

Лиз Джеймс и Рут Вебб в одной из статей также высказываются в пользу позитивной оценки роли риторики в византийских искусствоведческих текстах (James and Webb, 1991: 1–17). Подчеркивая, что всякое представление реальности является частичным и избирательным, они утверждают, что понятия экфрасиса не соответствует реконструкции материального внешнего облика произведения искусства, его (экфрасис) следует сам по себе расценивать как культурный артефакт, а не просто как источник археологической информации. Они описывали экфрасис как «живой отклик на произведение искусства, более перцептивный, чем объективно дескриптивный (скорее выражающий фрагментарное субъективное восприятие, нежели являющийся объективным описанием)». Кроме того, тенденция экфрасиса представлять в хронологическом порядке повествование, далеко выходящее за рамки того, что можно увидеть на изображениях, означает, что им отводилась, скорее, функция описания событий, отображенных живописцем (к примеру, историй из Евангелий), нежели функция описания самих картин. В таком качестве, согласно Джеймс и Вебб, экфрасис является формой описания, параллельной изображению, а не зависящей от него, и, следовательно, не является надежным описанием произведения искусства.

Дискуссия о взаимоотношении экфрасисов и произведений искусства, которые они якобы описывают, вращается вокруг вопроса, возможно ли восстановить археологическую информацию по письменным источникам или же исследовате-

лю под силу только воссоздать историю восприятий и интерпретаций. В этом отношении историки искусства имеют преимущество перед другими историками в том смысле, что текст уже нельзя сопоставить, к примеру, с битвой, имевшей место в прошлом, но очень даже возможно – с сохранившимся произведением изобразительного искусства. Даже несмотря на это, вышеозначенные противоречия привели к сомнениям в отношении предмета некоторых экфрасисов: к примеру, проповедь, которую Патриарх IX в. Фотий посвятил изображению Богородицы с Младенцем в храме Св. Софии в Константинополе (Maguire 1995: 109); в других же случаях предмет описания не вызывает споров и сохранился до наших дней. Так, когда придворный и историк Пселл описывал в XI в. сады, сооруженные Константином IX Мономахом в его городском дворце в Мангане, он риторически составляет и вводит в повествование сравнение (синкрисис – *synkrisis*) между лестницей из садов, ведущей в направлении Константинополя, и экстравагантными лестницами, сооруженными в центре Рима по приказу Нерона (*Chron.* 6.173–5, 186–7, 201). При этом, общий вид садов Манганы, сохранившихся по сей день вместе со своей обширной террасой, подтверждает точность описания, представленного Пселлом; в данном случае риторика и объективная реальность идут рука об руку, поясняя друг друга (Maguire 2000: 260–1).

В целом, очевидно, что византийские авторы экфрасисов часто в точности описывали именно то, что видели в том или ином произведении искусства и не стеснялись продолжить повествование, расширив представленную картину. Однако византийские писатели фиксировали свои наблюдения на языке, весьма отличном от нашего собственного. Их язык не был языком формального анализа, подобным созданному критиками-искусствоведами конца XIX – начала XX вв., не был он и языком семиотики, характерным для современной теории критицизма. Скорее, как показано выше, византийские писатели использовали лексикон критицизма античной риторики, лексикон, изначально ориентированный на описание различных разновидностей искусства. Поскольку византийцы использовали язык античного искусствоведческого критицизма для характеристики своего собственного искусства, их описания современному читателю зачастую казались высокопарными и то и дело ошибочно воспринимались как указание на то, что византийцам не знакомо понятие абстрактного элемента в их искусстве (в частности, см.: Grigg 1987: 3–9). На самом же деле византийцы очень тонко чувствовали разницу между тем, что современный исследователь назвал бы реализмом и абстракционизмом, что, к примеру доказывают фрагменты драпировки, выполненные с элементами иллюзорного моделирования игры света и тени, и фрагменты, на которых представлена более стилизованная техника золотого шитья – хрисографии (Maguire 1995: 110). Подобные стилистические различия описывались византийцами не в эстетических терминах, а по сущности того, что они обозначали, к примеру, человеческую и божественную природу Господа Иисуса Христа или духовные характеристики различных категорий святых.

Еще одним следствием использования византийцами лексики античного арт-критицизма является то, что они часто использовали топы не как точные описания, но с целью передачи общего впечатления. К примеру, принято было, описывая разноцветный пол здания, уподоблять его цветущему весеннему лугу.

Этот топос, история которого восходит еще к творчеству автора II в. Лукиана (*De Domo*: 9), применялся средневековыми писателями и к мостовым, мощеным осколками мрамора (*opus sectile*), как в случае описания пола в Капелла Палатина в Палермо (XII в.) греческим проповедником того времени Филагатом (Rossi Taibbi 1969: 175). А поскольку пол Capella Palatina является абстрактной композицией, не содержащей изображения цветов, очевидно, что в данном случае топос употреблен Филагатом не как точное описание пола, а как метафора, с целью передачи общей идеи многоцветности.

Эпigramмы

Кроме экфрасиса, существовали многочисленные эпigramмы, которые сочинялись византийцами либо в качестве надписей на произведениях искусства, либо как независимые поэтические тексты, в ответ на тот или иной памятник архитектуры или иконографии. Проблемы интерпретации этих эпigramм в некотором смысле аналогичны проблемам интерпретации экфрасисов, поскольку данные поэтические произведения включают во многом те же самые топы и имеют аналогичную проблематику отношения к своим референтам. Трудности возникают даже в случае обнаружения эпigramмы-надписи на предмете. В некоторых случаях можно доказать, что поэтический отрывок, нанесенный на ту или иную икону, картину или мозаику, изначально был составлен для другой работы, — не той, на которой он помещен сейчас. Часто эпigramма была составлена несколькими столетиями ранее, так что вся надпись по сути является цитатой (Maguire 1996: 6–7). В некоторых случаях эпigramма изначально вообще была составлена не для того или иного памятника, но как независимое стихотворение, которое лишь впоследствии было использовано как надпись, применительно к произведению искусства. Собрания эпigramм на различные темы могли даже составляться византийскими поэтами как потенциально возможные надписи, не имея ввиду конкретных произведений (Lauxtermann 1994: 56–7, 143). К тому же в некоторых случаях, в частности, в манускриптах, можно спорить о том, был ли составитель эпigramмы также и художником-создателем данной работы или же патроном-заказчиком. Даже в случае повторного использования эпigramмы, подобно топам в экфрасисах, не копировались бездумно. Из-за консерватизма византийской религиозной иконографии, физическое описание, приведенное в эпigramме «повторного использования», зачастую в точности соответствовало тому произведению искусства, к которому надпись стала относиться впоследствии. Но в других случаях стихотворение при его повторном использовании не отвечало полностью внешнему облику изображения и тем не менее было настолько уместно, что все же доносило до зрителя духовное содержание картины (Maguire 1996: 12–14).

Надписание того или иного стихотворения на том или ином произведении изобразительного искусства было актом зрительского отклика даже в том случае, если стихотворение было гораздо старше картины. Ответы свидетельствуют о постоянном диалоге между изображениями и византийским зрителем. К примеру, реакция византийских зрителей на изображения религиозного содержания

стала более эмоциональной, так что и сами изображения, став более адаптированными к «зрительскому» восприятию, становятся и более экспрессивными и драматичными в своем представлении. И напротив, более эмоциональные изображения должны были вызывать и более сильный отклик у зрителя (Maguire 1996: 14–25).

Метафора и символические образы

Метафора была важным элементом в византийской литературе, в особенности применявшимся в различных формах панегириков, как то проповеди и гимны, составленные в похвалу Пресвятой Богородице, или энкомии в честь императоров. Многие метафоры, использовавшиеся византийскими писателями, также появляются и в византийских трудах об искусстве, подвергаясь при этом некоторым ограничениям. В императорских панегириках василевсов и членов их семей сравнивали с садами, деревьями, растениями, цветами. Присутствие императора и императрицы сравнивалось с приходом весны и звонким пеньем птиц (Maguire 1997–8: 122–123). Добродетели императоров уподоблялись танцующим грациям, а императорские недруги принимали вид диких зверей, которых император либо укрощал, как Орфей, либо побеждал и уничтожал, как пастух Давид (Maguire 1994: 192). Все эти метафоры имели свои иллюстрации в искусстве Византийской империи. Например, кипарисовые деревья, птицы в саду и танцовщицы изображены на эмалях, составляющих так называемую Корону Константина Мономаха, находящуюся в настоящее время в Венгерском национальном музее в Будапеште (Evans and Wixom 1997: 210–12), тогда как император в роли истребителя львов и других диких животных изображен на шкатулке из слоновой кости X–XI вв., сохранившейся в сокровищнице Тройского собора (Evans and Wixom 1997: 204–6).

По контрасту с имперским изобразительным искусством средневековое византийское церковное изобразительное искусство было гораздо более сдержанным в применении метафорической образности в силу особых, доктринальных причин. Даже несмотря на то, что византийская церковная литература была богата метафорами, что особенно верно в отношении гимнов и проповедей, восхвалявших Пресвятую Богородицу, относительно небольшое количество этих образов нашло свое отражение в религиозном изобразительном искусстве. К примеру, иллюстрации к Великому Акафисту имели тенденцию избегать визуального изображения картин плодородия и изобилия, посредством которых Пресвятая Дева метафорически описывается в данном поэтическом произведении (Lafontaine-Dosogne 1984; Pätzold 1989; Spatharakis 2005; Velmans 1972). Богатейший символизм природы, связанный с богородичными сюжетами, который мы часто встречаем в рукописях, очень редко присутствовал в произведениях изобразительного искусства (иконах и росписях). Наиболее явно его можно было встретить в сценах Благовещения, где дерево или растение, дикое или культурное, присутствовало как символ жизни или плодородия. В исключительных случаях, как, например, на широко известной иконе Благовещения XII в, находящейся в настоящее время на горе Синай, весь пейзаж, включая птиц в гнезде и реч-

Рис. 1. Икона Благовещения, монастырь Св. Екатерины, Синай

ной поток, изобилующий водной живностью, изображает весеннее пробуждение природы, поскольку праздник Благовещения приходится именно на весну (25 марта) (Maguire 1981: 42–52, рис. 1). Лишь немногие рукописи, как, например, две иллюстрированные копии проповедей о Пресвятой Богородице Иакова Коккинобафа, в некотором смысле тоже пошли по пути иллюстрации метафорического богатства текста (Hutter and Canart 1991). Такие иконографические отступления приобретают известность именно благодаря тому, что являются исключениями.

В целом, похоже, что религиозное изобразительное искусство Византии имело тенденцию

избегать метафорической образности описаний природы, образности повсеместно присутствующей в церковной литературе, несмотря на то, что сходный ряд образов был характерен для имперского светского изобразительного искусства. Основную причину такой дихотомии можно усмотреть в содержании восьмидесяти второго правила Пято-Шестого собора 692 г., запретившего художникам изображать Христа в форме ягненка (Mango 1972: 140). Данное правило знаменовало собой решительный уход от символических мотивов раннехристианской Церкви и обращение к портретным изображениям, которые более явственно выражали догмат о Воплощении Господа, что упрочило позиции иконопочитания. Принципы, взлелеянные Пято-Шестым собором, серьезно препятствовали византийским художникам постиконоборского периода употреблять богатейшую естественную природную образность гимнов и проповедей, кроме исключительных и необычных случаев.

Сравнения и противопоставления

Риторика являлась крайне важной составной частью византийской литературы, и мы видели, что один из ее жанров, экфрасис, напрямую связан с произведениями искусства. Но и прочие формы риторики также имели отношение

к византийскому изобразительному искусству постольку, поскольку их приемы допускали переход из письменной или устной словесной формы в форму живописного образа. Наиболее важными из этих приемов представляются синкрисис (*synkrisis*), или сравнение, и антитеза (*antithesis*). В синкрисисе лицо, место или событие сопоставляются с другим (лицом, местом, событием) либо с целью восхваления первого либо, напротив, с целью его осуждения. Возьмем два распространенных примера: в энкомии хороший император может сравниваться с Давидом, а его предшественник, чье место он занял, с Саулом (Evans and Wixom 1997: 188). В панегириках святым меньший святой может сравниваться с большим или даже с Христом (Maguire 1988: 95). В антитезе, тесно связанной с синкрисисом, достигается словесный контраст, к примеру, образ Христа, входящего в Иерусалим верхом на осле, будет контрастировать с образом Христа «на херувимах», на небесах (Maguire 1981: 68–74). Такие сопоставления и противопоставления могли быть выражены в визуальном искусстве столь же легко, как и в словесной риторике, и потому несложно найти соответствия в панегириках, гимнах проповедей и изобразительном искусстве. В частности более близкое соответствие можно обнаружить между литературной трактовкой страстей Христовых и их изображением в настенной росписи и иконописи. Особенно начиная с XI в. Стенания Пресвятой Девы Марии, с противопоставлением счастливого прошлого (рождения Христова) и болезненного, горького и прискорбного настоящего (Его смерти и погребения), находят соответствие в двустворных иконах, на которых Христос представлен Богомладенцем в объятиях Матери с одной стороны, а с другой стороны изображен в сюжете «Христос во Гробе» (Belting 1981: 142–98; 1994: 285–7).

Программы храмовой росписи также противопоставляют сцены Благовещения и Рождества Христова сценам Распятия и Положения во Гроб (Maguire 1981: 101–8). И в литературе, и в изобразительном искусстве противопоставление контрастирующих сцен подчеркивается трансляцией мотивов, к примеру, простыни становятся погребальными пеленами, а пещера Вертепа – пещерой Гроба. Художники также связывали противопоставляемые эпизоды подобием их композиций, создавая работы, в которых визуальная гармония сопровождается противоположностью содержания.

И если факт использования как писателями, так и художниками приемов синкрисиса и антитезы неоспорим, то природу взаимоотношений между текстом и изображениями в этом смысле установить по-прежнему сложно. Можно ли утверждать, что художники создавали нечто вроде иллюстраций к текстам панегириков, гимнов, проповедей, используя эти риторические методы, или же эти приемы стали частью их художественного арсенала независимо от текстов? Вероятно, оба предположения верны, поскольку в то время, как сопоставление и противопоставление вне сомнения стали традиционным средством выражения идей и для писателей, и для художников, случается проследить и особые соответствия того или иного текста тому или иному изображению, что говорит в пользу наличия непосредственной взаимосвязи между ними (Maguire 1981: 105–8).

ЛИТЕРАТУРА

- BELTING, H. 1981. *Das Bild und sein Publikum im Mittelalter: Form und Funktion früher Bildtafeln der Passion* (Berlin).
- BELTING, H. 1994. *Likeness and Presence: A History of the Image before the Era of Art*, trans. E. Jephcott (Chicago).
- BOISSONADE, J. F. (ed.) 1844. *Anecdota nova* (Paris).
- DOWNEY, G. 1957. 'Nikolaos Mesarites: description of the Church of the Holy Apostles at Constantinople', *TAPA*, NS 47: 855–924.
- EVANS, H., and WIXOM, W. (eds.) 1997. *The Glory of Byzantium: Art and Culture of the Byzantine Era, AD 843–1261*. Exhibition catalogue, the Metropolitan Museum of Art (New York).
- GRIGG, R. 1987. 'Byzantine credulity as an impediment to antiquarianism', *Gesta* 26: 3–9.
- HUTTER, I., and CANART, C. 1991. *Das Marienhomiliar des Mönchs Jakobos von Kokkinobaphos: Codex vatikanus graecus 1162* (Zurich).
- JAMES, L. (ed.) 2007. *Art and Text in Byzantine Culture* (Cambridge).
- and WEBB, R. 1991. '“To understand ultimate things and enter secret places”: ekphrasis and art in Byzantium', *Art History* 14: 1–17.
- LAFONTAINE-DOSOGNE, J. 1984. 'L'Illustration de la première partie de l'Hymne Akathiste et sa relation avec les mosaïques de l'Enfance de la Kariye Djami', *Byzantion* 54: 648–702.
- LAUXTERMANN, M. D. 1994. *The Byzantine Epigram in the Ninth and Tenth Centuries* (diss., Amsterdam).
- MACRIDES, R., and MAGDALINO, P. 1988. 'The architecture of ekphrasis: construction and context of Paul the Silentiary's poem on Hagia Sophia', *BMGS* 12: 47–82.
- MAGUIRE, H. 1974. 'Truth and convention in Byzantine descriptions of works of art', *DOP* 74: 113–40.
- 1981. *Art and Eloquence in Byzantium* (Princeton).
- 1988. 'The art of comparing in Byzantium', *Art Bulletin* 70: 88–103.
- 1994. 'Imperial gardens and the rhetoric of renewal', in P. Magdalino (ed.), *New Constantines: The Rhythm of Imperial Renewal in Byzantium* (Aldershot): 181–98.
- 1995. 'Originality in Byzantine art criticism', in A. R. Littlewood (ed.), *Originality in Byzantine Literature, Art and Music* (Oxford): 101–14.
- 1996. *Image and Imagination: The Byzantine Epigram as Evidence for Viewer Response* (Toronto).
- 1997–8. 'Davidic virtue: the crown of Constantine Monomachos and its images', *Jewish Art* 23–4: 117–23.
- 2000. 'Gardens and parks in Constantinople', *DOP* 54: 251–64.
- MANGO, C. 1963. 'Antique statuary and the Byzantine beholder', *DOP* 17: 55–75.
- 1972. *The Art of the Byzantine Empire, 312–1453: Sources and Documents* (Englewood Cliffs).
- NELSON, R. 2000. 'To say and to see: ekphrasis and vision in Byzantium', in R. Nelson (ed.), *Visuality before and beyond the Renaissance: Seeing as Others Saw* (Cambridge).
- ONIAN, J. 1980. 'Abstraction and imagination in Late Antiquity', *Art History* 3: 1–23.
- PAPALEXANDROU, A. 2003. 'Memory tattered and torn: spolia in the heartland of Byzantine Hellenism', in R. M. van Dyke and S. E. Alcock (eds.), *Archaeologies of Memory* (London): 56–80.

- PÄTZOLD, A. 1989. *Der Akathistos-Hymnos: die Bilderzyklen in der byzantinischen Wandmalerei des 14. Jahrhunderts* (Stuttgart).
- RABE, H. (ed.) 1913. *Hermogenes, Opera* (Leipzig).
- ROSSI TAIBBI, G. (ed.) 1969. *Filagato da Cerami, Omelie per i vangeli domenicali e le feste di tutto l'anno* (Palermo).
- SPATHARAKIS, I. 2005. *The Pictorial Cycles of the Akathistos Hymn for the Virgin* (Leiden).
- VELMANS, T. 1972. 'Une illustration inédite de l'Acathiste et l'iconographie des hymnes liturgiques à Byzance', *CA* 22: 131–65.
- WEBB, R. 1999a. 'Ekphrasis ancient and modern: the invention of a genre', *Word and Image* 15: 7–18.
- 1999b. 'The aesthetics of sacred space: narrative, metaphor, and motion in *ekphraseis* of church buildings', *DOP* 53: 59–74.

Углубленное чтение

Литература по теме экфрасиса достаточно обширна. Последние дискуссии об экфрасисе и проблемах его интерпретации см. в работах James and Webb 1991 – по экфрасисам, описывающим произведения изобразительного искусства, и Webb 1999b – по экфрасисам-описаниям зданий, а также в работе James 2007. Эти исследования отчасти перекликаются с работой Maguire 1974, представляющей большую археологическую перспективу. Собрание переводов византийских экфрасисов произведений искусства можно найти в работе Mango 1972, где многие описания представлены полностью, а некоторые цитируются выборочно. Полный перевод пространного описания храма Св. Апостолов в Константинополе, написанного Николаем Месаритом на заре IV Крестового похода, представлен в работе Downey 1957. Разбор пространного экфрасиса Павла Силенциария, описывающего восстановленный храм Св. Софии в Константинополе в контексте панегирика императору, см. в работе Macrides and Magdalino 1988. Проблемы интерпретации эпиграмм, связанных с произведениями изобразительного искусства, представлены в обзорах Lauxtermann 1994 and Maguire 1996; об этом же см.: Papalexandrou 2003. Некоторые тексты переведены Mango 1972. О взаимоотношениях византийского императорского искусства и императорского панегирика см.: Evans и Wixom 1997: 183–91. О церковном изобразительном искусстве и риторике проповедей и гимнов см.: Maguire 1981.

Глава III.16.2 ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО И ЛИТУРГИЯ

Ненси П. Шевченко

Повседневная жизнь подчинялась ритму церковного года, и литургия в Православной Церкви влияла так или иначе почти на все жанры изобразительного искусства Византии (Stefanescu 1932–3, 1935; Walter 1982). А поскольку литургия столь долго ассоциировалась с определенной архитектурной формой (крестово-купольная церковь) и кодифицированной системой декора, мы обычно предполагаем, что литургия, архитектура и декор (внутренняя отделка храма) развивались рука об руку, удачно сочетая формальное с функциональным. Но это поверхностное предположение. Литургия достигла своей нынешней формы не ранее XIV в.: не только действие, но даже и сам текст на протяжении византийского периода претерпевал эволюцию (см.: III.11.4. Литургия). Архитектурные и иконографические инновации иногда отражают современные литургические нововведения (наприм., Pallas 1965; Babić 1969; Mathews 1971), но еще чаще их взаимосвязь неуловима, иллюзорна, сложна.

Следовательно, прежде, чем составить какое-либо мнение о воздействии литургии на искусство, важно сопоставить всю доступную информацию – как в области истории текста литургии, так и в области истории литургического действия. Текстуальные исследования касались развития Божественной литургии, Евхаристии или Мессы (Taft 1975), но также и развития утренних, вечерних служб и всенощных бдений (vigil services) (Mateos 1961; Raes 1951; Arranz 1976 and 1980); тщательному исследованию подвергались литургические службы отдельных дней (например, Страстной Пятницы (Janeras 1988)). Что до исполнения правил литургической жизни, наилучшие сведения можно найти в типиконах (*typika*), как в многочисленных монастырских документах, ныне переведенных на английский язык (Thomas and Hero 2000), так и в нескольких сохранившихся литургических типиконах, некогда их дополнявших. Одним из ценных примеров последнего является литургический типикон монастыря Богородицы Евергетиссы (Благодетельницы), повествующий о том, что полагалось читать вслух или петь и на какой службе, в каком месте храма на каждый день года в крупном константинопольском монастыре третьей четверти XI в. (Jordan 2000, 2005, 2007).

Благодаря таким текстам мы узнаем о богослужениях, имевших значение в свое время, но более не употребляющихся (Pallas 1965; Ševčenko 1991), о функции определенных архитектурных пространств (см., например, (Dargouzès 1976)) и тех пределов, в которых основатели монастырей были полномочны следовать образцу в тех или иных аспектах литургической жизни в своих обителях по собственному усмотрению вплоть до того, чтобы добавлять к некоторым службам фразы собственного сочинения.

Также основополагающими для изучения влияния литургии на искусство являются разнообразные комментарии на Божественную литургию различных авторов от Максима Исповедника до Симеона Фессалоникийского, визуально представляющие храм как космос и дающие интерпретации специфики церковных мест, облачений, утвари или привязывающие развитие действия Божественной литургии к повествованию о жизни Христа на земле (Bornert 1966). Археология, в особенности, археология раннехристианского периода, также помогает подтверждать или отбрасывать фактические данные из текстов, касающиеся использования отдельных частей церковного пространства. А поскольку эти участки храма и их внутренняя отделка могли веками оставаться в основном неизменными несмотря на литургические нововведения или же изменяться независимо от содержания развертывающейся в них литургии, любое исследование взаимодействия изобразительного искусства с литургией в каждом отдельном случае должно в идеале принимать во внимание датировку, расположение и масштаб храма и то, находился ли он в городском центре, в обособленном монастыре или же в сельской местности, был ли он новым или выстроенным несколько столетий назад, претерпевал ли расширения или уменьшения размеров, повреждения, обновления. Только после этого можно должным образом установить взаимосвязь.

В ранний период своего существования константинопольская литургическая жизнь характеризовалась преобладанием ограниченного количества ежедневных богослужений, огромными общегородскими процессиями (шествиями) с участием духовенства, двора и народа в честь главных праздников церковного года (Baldovin 1987), а также устойчивым ростом стандартно общепризнанного церковного календаря святых (Mateos 1962–3). Исследования архитектуры данного периода успешно соединили планировку отдельных раннехристианских храмов – их просторные открытые интерьеры, галереи, низкие алтарные перегородки, широкие боковые нефы – с их литургической функцией ((Mathews 1971), полный обзор недавно вышедшей литературы см.: (Vlaauw 1991, в частности, с. 1–10). С увеличением влияния палестинского монашества в столице начиная с VIII в. и далее на скудный остов кафедрального богослужения в константинопольских монастырях нарастили новые тексты, молитвы, гимны и песнопения, вместе составившие причудливо переплетававшиеся циклы монастырских богослужений. Развитие крестово-купольного храма, главного нововведения в византийской архитектуре, появившегося приблизительно в этот период, обычно приписывают этому монастырскому движению (Mango 1985; Krautheimer 1986). Эта новая форма, гораздо более скромная по своим масштабам, нежели базилика доиконоборского периода, с квадратной планировкой основания, включавшей традиционное святилище (алтарь), центральный купол, четыре боковых преде-

ла и часовни (иногда также купольные) в четырех углах квадрата, была также связана с распространением частной литургии (Mathews 1982). Закрытие алтаря алтарной перегородкой, – процесс, в результате которого открытый темплон раннехристианского периода эволюционировал в закрытый иконостас, – было еще одним архитектурным нововведением средневизантийского периода, хотя его литургические причины понятны не до конца (Walter 1993; Gerstel 1999: 6–10; 2006). Архитектурные особенности нартекса можно объяснить исходя из литургических действий, имевших в нем место (Ćurčić 1971); это же верно также и в отношении парэклесия и других вспомогательных помещений (Babić 1988). Однако очевидно, что многие участки храма, в особенности, находящиеся в небольших храмах, могли выполнять целый ряд взаимно пересекающихся функций, в числе которых крещения, похороны, поминовение святого покровителя или преподобных основателей, и что прямую взаимосвязь между архитектурным пространством и литургическим обрядом, по крайней мере, за пределами алтаря, с уверенностью установить нельзя.

Внутренняя отделка алтаря является среди всех помещений храма одной из наиболее тесно связанных с событиями, происходящими на данном пространстве (Jolivet-Lévy 1991; Gerstel 1999; Liveratou 1999). Установление Евхаристии Христом во время Тайной Вечери постоянно встречается в апсиде как настенное изображение двух рядов апостолов, приближающихся ко Христу (или двойному изображению Христа) слева и справа, чтобы получить от него хлеб и вино; слова Христа, приведенные в Евангелии и повторяемые священником за богослужением, часто наносили под изображением. И священнослужители совершали Евхаристию в алтаре на подобном фоне в присутствии к тому же еще изображений своих прославленных предшественников: расположенных рядами Отцов Церкви в епископском облачении, во главе с двумя епископами, которым и приписывают составление литургий, – Св. Иоанном Златоустом и Св. Василием Великим. В самом алтаре встречаются сюжеты на тему Евхаристической Жертвы, которые простираются от ветхозаветных прообразов Жертвы Христовой, например, жертвоприношения Исаака (Равенна, собор Сан-Витале), до графических изображений Христа как богомладенца, лежащего на дискосе в ожидании заклания, – в композиции, известной под названием Мелизмос (Melismos) (Курбиново, собор Св. Георгия), и до ангельских сил в облачении диаконов, совершающих Божественную литургию на небесах, в Мистре XV в. Св. Дева Мария как орудие Боговоплощения и первейшая заступница рода человеческого перед Христом в конце времен в основном изображается в конхе апсиды, видимая, несмотря на алтарную преграду, всей общине в центральной части храма (наосе). С распространением обряда професиса (prothesis) в поздневизантийский период и сам професис¹ формирует свой репертуар литургических тем (Altrip 1998; Pott 2000, especially 169–96).

Внутренняя отделка остальной части храма включает представление главных праздников церковного года, в общих чертах изображающих историю Спа-

¹ Речь идет о начальной части Евхаристии – приготовлении священником и диаконом Св. Даров для освящения на «столе предложения». Собственно професисом называлось помещение жертвенника, располагавшееся как правило с севера от алтаря (*прим. ред.*).

сения, наряду с портретами пророков, персонажами Нового Завета и святыми (Demus 1948; Dufrenne 1967; Mathews 1988; Spieser 1991). Изображения праздников, количество которых изменяемо (обычно их не более двенадцати, а зачастую и гораздо меньше), распределены по храму, обычно довольно высоко от пола, и не имеют точно зафиксированного места или порядка, хотя и того и другого достаточно для создания цикла чередующихся картин. Изображения святых расположены так, как если бы они были членами небесного двора, собранными согласно рангу чести вокруг изображения Христа в соборе (воины, целители, монахи, святые жены). Данная застывшая иерархическая концепция продолжала существовать по всей Византии. Но в тех монастырях, которые были построены основателями, заручившимися помощью монахов как посредников в деле личного спасения, наблюдалось растущее сосредоточение на темах не всегда привязанных к определенному литургическому моменту и идущих вразрез с иерархией. К примеру, Деисус, Жития святых, изображения благовоспитателей рядом с фигурами святых, Богородицы, с прошением в руке, ходатайствующих перед Христом. В данном процессе некоторые изображения в иконографической программе могли приобретать особое значение для местной общины и преимущественно перед всеми прочими украшаться обрамлением (ризой) осветительными приспособлениями, что способствовало частному почитанию.

С XII в. и далее действия, составляющие литургию, получают свое отражение в живописи: изображения епископов в алтаре начинают держать свитки с нанесенными на них молитвами, произносимыми священнослужителем во время Божественной литургии, фигуры епископов на изображениях склоняются к алтарю, что символизирует сослужение живому клиру (Gerstel 1994); к сонму святых отныне присоединяются песнописцы (гимнографы), жестикулирующие так, будто дирижируют хором (пример – храм Св. Пантелеимона, Нерези) (Moran 1986; Ševčenko 2002). Такие нововведения способствуют упразднению различия между служителями небесной и земной Церкви. Изображения отражают то место, где именно проводились литургические церемонии: так, портреты гимнографов-песнописцев находятся предположительно там, где располагался хор (Babić 1988); Омовение Ног проводилось в нартексе под изображением соответствующего праздника (Тайной Вечери) (Tronzo 1994), а портретами женщин-святых отмечено место, отведенное женщинам, задействованным в «паралитургических» церемониях и обрядах, к примеру, оплакивании покойных (Gerstel 1998). Особенно богатым репертуаром тем, отражавших разнообразие литургических функций, отличался нартекс (Tomeković 1988), из чего следует, что он выполнял роль «пролога» к основному зданию церкви: отсюда ветхозаветные видения, похоронные темы, композиции, относящиеся к покаянным периодам литургического года, времени перед Рождеством и неделями Великого Поста накануне Пасхи (Todić 1997).

Внутренняя отделка поздневизантийского храма продолжала обогащаться, что выразилось в небывалом расцвете евхаристической тематики (например, Христос в облачении первосвященника) наряду с распространением «страстных» и календарных циклов изображений (Mijović 1973) и, более всего, иллюстраций к песнопениям (Grabar 1979; Bakalova 1994), таким, например, как акафист, гимн

Богородице (VI в.) (Velmans 1972; Pätzold 1989), и отдельным псалмам. Эти изображения включают элементы, изображающие реалии литургического священнодействия, что особенно справедливо в отношении фессалоникийской и балканской храмовой живописи периода Палеологов. Отдельные гимнографы, такие как Св. Иоанн Дамаскин или Косьма Маюмский, изображаются рядом или даже вводятся в визуальное повествование – представление того или иного праздника, разворачивая по ходу сцены свертки, на которых записаны гимны, сочиненные ими по данному поводу, гимны в конце концов составившие основную часть ежегодного праздничного ритуала. Их присутствие имеет целью соединить изображаемое историческое событие с литургической церемонией. Картины прославления или погребения святых, иллюстрации к строфам акафиста включают более современные детали, такие как почитание икон, погребальные процессии и богослужебные выступления церковных хоров с их художественно выполненными одеяниями и головными уборами (Moran 1986).

Хотя иконы играли существенную роль в оформлении храмового интерьера, их либо закрепляли на перегородке, отделявшей наос или центральную часть храма от святилища, либо носили, шествуя по храму или вне его. Указания по проведению богослужения в текстах литургий изобилуют сведениями о том, что иконы снабжали специальным освещением, к ним подходили для поклонения и целования, но, несмотря на это, по крайней мере в византийский период, обращения и воззвания к ним напрямую отсутствовали даже в обширном мона-

стырском собрании песнопений и молитв (Ševčenko 1991). Всяма малая часть византийских икон написана на строго «литургические» темы; большая часть из них содержит священные изображения Христа, Богородицы, святых, то есть изображения, так сказать, во всякое время полезные и не имеющие тесной связи с определенным моментом, местом или действием литургии.

Исключения составляют иконы Больших праздников, закрепленные на иконостасе или выставляемые на всеобщее обозрение в день самого праздника

Рис. 1. Псалтирь Гамильтона: почитание иконы Пресвятой Богородицы

(Spieser 1999). Так, средневизантийская календарная иконография горы Синай – изображения всех святых на каждый день определенного месяца и иконы Палеологов, иллюстрации к Великому Акафисту – двадцать четыре иконописных сцены, расположенные вокруг центрального изображения Богородицы, иконы, изображающие Христа как «Христос во Гробе» в сочетании с образом скорбящей Богородицы исследователи связывают с особой монастырской вечерней службой Страстной Пятницы, относя само их появление к XI в. (Belting 1980: 1). Принимали ли в действительности и как именно эти иконы участие в богослужбной церемонии, пока остается неясным. Данные относительно применения «Плащаниц» – тканей с вышитым изображением Тела Христова, приготовленного к погребению – в поздневизантийской литургической церемонии Страстной Пятницы и Великой Субботы более реальны (Ćurčić 1991) (также см.: III.16.5. Иконы).

Что касается изображений в рукописях, мы находим, что тексты Божественной литургии и книги песнопений редко иллюстрировались (см.: Carr 1989; Vocotopoulos 1994; Ševčenko 2004), во всяком случае, слишком редко для того, чтобы служить связующим звеном между письменным литургическим текстом и храмовой или иконографической росписью (Ševčenko 1998). Литургические свитки, содержащие в себе «тайные» молитвы священников (ими являются тексты в руках епископов, изображаемых в апсиде), в качестве иллюстраций могли иметь разве что изображения Св. Иоанна Златоуста или Василия Великого и/или искусно выписанные заглавные буквы в начале каждой новой молитвы. Лишь в некоторых очень редких случаях маргинальные иллюстрации в этих свитках соотносятся с содержанием молитвы или ее литургическим контекстом (Grabar 1954). Прочие богослужбные книги в основном отражают влияние литургии в самом факте заказа на их написание. К примеру, в сборниках евангельских чтений тексты следовали в соответствии с датой, в которую тот или иной отрывок должен был читаться за богослужением, и в таком случае эти отрывки иллюстрировались с тщательным соблюдением иерархии размера миниатюр, отражавшей значимость того или иного праздника (Dolezal 1996); данная система оказала реактивное влияние на иллюминирование рукописей Четвероевангелия (Meredith 1966). Псалтири также могли быть проиллюстрированы в соответствии с праздником, в который читался тот или иной отрывок (Cutler 1980: 1). Рукописи проповедей и Житий святых также заказывались в соответствии с годичной сменой праздников и зачастую весьма обильно иллюстрировались (Ehrhard 1936–52; Galavaris 1969; Ševčenko 1990). Кодексы же церковного календаря украшались, напротив, редко: исключение составляют Миналогий Василия II из Ватиканской библиотеки (Vat. gr. 1613; рукопись Константинопольского синаксаря, датированная приблизительно 1000 г., с миниатюрами и краткими Житиями 430 святых и описаниями праздников) (*Menologio* 1907; facsimile 2006), и рукописный календарь XIV в. в Оксфорде (Oxford, Bodl. Gr. th. f. 1) с изображениями на каждый день года, но без текстового сопровождения (Hutter 2007). Некоторые рукописи Комнинов имеют фронтисписы с квазилитургической поэзией, по всей видимости, предназначенной для декламации во время просмотра изображения (Carr 1982; Parpulov 1999). Частное использование иллюстрированных литургических манускриптов является темой лишь недавно начавшихся исследо-

ваний; способ их использования имеет значение также и для изучения изделий из слоновой кости и стеатита.

Единственной категорией византийских произведений искусства, в которой дизайн и декор неотъемлемо связаны с их литургическим использованием, являются облачения священнослужителей (Johnstone 1967) и литургические принадлежности, как то диски, потиры, кадила, опахала (рипиды), покровы и покровцы, лжицы, формы для евхаристического хлеба (Boyd 1998; Galavaris 1970). Уже в VI в. дискос украшали изображением Причастия Св. Апостолов (хранится в Дамбартон Оакс, Вашингтон), а форма продолжала здесь соответствовать функции как ни в одном другом виде искусств на протяжении всего византийского периода.

Но главная черта византийского литургического искусства это, однако же, не его логическое соответствие назначению, а поливалентность и способность функционировать и передавать информацию множеством художественных средств на многих уровнях одновременно (Ševčenko 2006). Произведения искусства не обязательно задумывались как часть литургического действия или обретали форму и графическое наполнение, соответствующее определенной литургической цели. Также не предназначались они и для передачи единственного аллегорического или догматического сообщения. Изображение всегда несло несколько более широкую смысловую нагрузку, нежели текст предположительно побудивший к его созданию. И хотя литургия глубоко влияла на выбор тем, византийское литургическое изобразительное искусство всегда сохраняло независимость от точно определенного литургического момента или интерпретации. Связывая прошлое, настоящее и будущее посредством священных изображений, это искусство имело целью установить связь с потусторонним, божественным, скорее проводя параллель, нежели просто иллюстрируя и дополняя само литургическое действие.

ЛИТЕРАТУРА

- ALTRIPP, M. 1998. *Die Prothesis und ihre Bildaustattung in Byzanz unter besonderer Berücksichtigung der Denkmäler Griechenlands* (Frankfurt).
- ARRANZ, M. 1976. 'Les grandes étapes de la liturgie byzantine: Palestine-Byzance-Russie. Essai d'aperçu historique', *Liturgie de l'église particulière et liturgie de l'église universelle* (Rome): 43–72.
- 1980. 'N. D. Uspensky: the office of the all-night vigil in the Greek and in the Russian Church', *St. Vladimir's Theological Quarterly* 24: 83–113, 169–95.
- BABIĆ, G. 1968. *Les chapelles annexes des églises byzantines* (Paris).
- 1969. *Les chapelles annexes des églises byzantines* (Paris).
- 1986. 'Les discussions christologiques et le décor des églises byzantines au XIIe siècle: les évêques officiant devant l'Hétoimasie et devant l'Amnos', *Frühmittelalterliche Studien* 2: 368–86.
- 1988. 'Les moines-poètes dans l'église de la Mère de Dieu à Studenica', in *Studenica et l'art byzantin autour de l'année 1200* (Belgrade): 205–16.

- BAKALOVA, E. 1994. 'Liturgična poezia i čurkovna stenopis (Tekst ot Oktoexha v Bojanskata čurkva)', *Starobulgarska literatura* 28–9: 143–252.
- BALDOVIN, J. F. 1987. *The Urban Character of Christian Worship: The Origins, Development and Meaning of Stational Liturgy* (Rome).
- BELTING, H. 1980–1. 'An image and its function in the liturgy: the Man of Sorrows in Byzantium', *DOP* 34–5: 1–16.
- BLAAUW, S. DE 1991. 'Architecture and liturgy in Late Antiquity and the Middle Ages', *Archiv für Liturgiewissenschaft* 33: 1–34.
- BORNERT, R. 1966. *Les commentaires byzantins de la Divine Liturgie du VIIe au XVe siècle* (Paris).
- BOYD, S. 1998. 'Art in the service of the liturgy: Byzantine silver plate', in Safran 1998: 152–85.
- CARR, 1982. 'Gospel frontispieces from the Comnenian period', *Gesta* 21: 3–20.
- 1989. 'Illuminated musical manuscripts in Byzantium: a note on the late twelfth century', *Gesta* 28: 41–52.
- ĆURČIĆ, S. 1971. 'The twin-domed narthex in Paleologan architecture', *ZRVI* 13: 333–44.
- ĆURČIĆ, S. 1991. 'Late Byzantine *loca sancta*? some questions regarding the form and function of epitaphioi', in S. ĆURČIĆ and D. Mouriki (eds.), *The Twilight of Byzantium* (Princeton): 251–61.
- CUTLER, A. 1980–1. 'Liturgical strata in the marginal psalters', *DOP* 34–5: 17–30.
- DARROUZÈS, J. 1976. 'Sainte-Sophie de Thessalonique d'après un rituel', *REB* 34: 45–78.
- DEMUS, O. 1948. *Byzantine Mosaic Decoration: Aspects of Monumental Art in Byzantium* (London).
- DOLEZAL, M.-L. 1996. 'Illuminating the liturgical word: text and image in a decorated lectionary (Mount Athos, Dionysiou Monastery, cod. 587)', *Word & Image* 12: 23–60.
- DUFRENNE, S. 1967. 'L'Enrichissement du programme iconographique dans les églises byzantines du XIIIe siècle', in V. J. Djurić (ed.), *L'Art byzantin du XIIIe siècle. Symposium de Sopoćani 1965* (Belgrade): 35–46.
- EHRHARD, A. 1936–52. *Überlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der griechischen Kirche von den Anfängen bis zum Ende des 16. Jahrhunderts*, 3 vols. (Leipzig).
- GALAVARIS, G. 1969. *The Illustrations of the Homilies of Gregory Nazianzenus* (Princeton).
- 1970. *Bread and the Liturgy: The Symbolism of Early Christian and Byzantine Bread Stamps* (Madison).
- GERSTEL, S. E. J. 1994. 'Liturgical scrolls in the Byzantine sanctuary', *GRBS* 35: 195–204.
- 1998. 'Painted sources for female piety in medieval Byzantium', *DOP* 52: 89–111.
- 1999. *Beholding the Sacred Mysteries: Programs of the Byzantine Sanctuary* (Seattle–London).
- (ed.) 2006. *Thresholds of the Sacred: Architectural, Art Historical, Liturgical and Theological Perspectives on Religious Screens, East and West* (Washington, DC).
- GRABAR, A. 1954. 'Un rouleau liturgique constantinopolitain et ses peintures', *DOP* 8: 161–99.
- 1979. 'Les images des poètes et des illustrations dans leurs œuvres et dans la peinture byzantine tardive', *Zograf* 10: 13–16.
- HUTTER, I. 2007. *Menologio de Oxford (MS. Gr th. f. 1, Bodleian Library, Oxford)* (Madrid).

- JANERAS, S. 1988. *Le Vendredi-saint dans la tradition liturgique byzantine: structure et histoire de ses offices* (Rome).
- JOHNSTONE, P. 1967. *The Byzantine Tradition in Church Embroidery* (London).
- JOLIVET-LÉVY, C. 1991. *Les églises byzantines de Cappadoce: le programme iconographique de l'apside et de ses abords* (Paris).
- JORDAN, R. H. 2000, 2005, 2007. *The Synaxarion of the Monastery of the Theotokos Evergetis*, 3 vols. (Belfast).
- KRAUTHEIMER, R. 1986. *Early Christian and Byzantine Architecture*, 4th rev. edn., with S. ČURČIĆ (Harmondsworth).
- LIVERATOU, G. (ed.) 1999. *Ceremony and Faith: Byzantine Art and the Divine Liturgy* (Athens).
- MANGO, C. 1985. *Byzantine Architecture* (New York).
- MATEOS, J. 1961. 'Quelques problèmes de l'orthros byzantin', *Proche-orient chrétien* 11: 17–35, 201–20.
- 1962–3. *Le Typicon de la Grande Église: ms. Sainte-Croix no. 40, Xe siècle. Introduction, texte critique, traduction et notes*, 2 vols. (Rome).
- MATHEWS, T. F. 1971. *The Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy* (University Park, Pa.).
- 1982. '“Private” liturgy in Byzantine architecture: toward a reappraisal', *CA* 30: 125–38 (repr. in *Art and Architecture in Byzantium and Armenia* (Aldershot, 1995): no. III).
- 1988. 'The sequel to Nicaea II in Byzantine church decoration', *Perkins Journal of Theology* 41: 11–21 (repr. in *Art and Architecture in Byzantium and Armenia* (Aldershot, 1995): no. XII).
- Menologio* 1907. *Il menologio di Basilio II: cod. Vaticano greco 1613*, 2 vols. (Turin).
- MEREDITH, C. 1966. 'The illustration of Codex Ebnerianus: a study in liturgical illustration of the Comnenian period', *JWCI* 29: 419–24.
- MIJOVIĆ, P. 1973. *Menolog* (Belgrade).
- MORAN, N. K. 1986. *Singers in Late Byzantine and Slavonic Painting* (Leiden).
- PALLAS, D. 1965. *Die Passion und Bestattung Christi in Byzanz. Der Ritus – das Bild* (Munich).
- PARPULOV, G. 1999. 'Text and miniatures from codex Dionysiou 65', *Twenty-Fifth Annual Byzantine Studies Conference: Abstracts* (College Park): 124–6.
- PÄTZOLD, A. 1989. *Der Akathistos-Hymnos: die Bilderzyklen in der byzantinischen Wandmalerei des 14. Jahrhunderts* (Stuttgart).
- POTT, T. 2000. *La réforme liturgique byzantine: étude du phénomène de l'évolution nonspontanée de la liturgie byzantine* (Rome).
- RAES, A. 1951. 'Les complies dans les rites orientaux', *OCP* 17: 133–45.
- SAFRAN, L. (ed.) 1998. *Heaven on Earth: Art and the Church in Byzantium* (University Park, Pa.).
- ŠEVČENKO, N. P. 1990. *Illustrated Manuscripts of the Metaphrastian Menologion* (Chicago–London).
- 1991. 'Icons in the liturgy', *DOP* 45: 45–57.
- 1998. 'Illuminating the liturgy: illustrated service books in Byzantium', in Safran 1998: 186–228.
- 2002. 'The five hymnographers at Nerezi', *Palaeoslavica* 10.2: 55–68.

- . 2004. 'The Walters Horologion', *Journal of the Walters Art Gallery* 62: 45–59.
- . 2006. 'Art and liturgy in the later Byzantine empire', in M. Angold (ed.), *The Cambridge History of Christianity*, vol. 5: *Eastern Christianity* (Cambridge): 127–53.
- SPIESER, J.-M. 1991. 'Liturgie et programmes iconographiques', *TM* 11: 575–90.
- . 1999. 'Le développement du temple et les images des Douze Fêtes', in J.-M. Sansterre and J.-C. Schmitt (eds.), *Les images dans les sociétés médiévales: pour une histoire comparée* (Rome): 131–64.
- STEFANESCU, J. 1932–3. 'L'Illustration des liturgies dans l'art de Byzance et de l'Orient', *Annuaire de l'institut de philologie et d'histoire orientales* 1: 21–77.
- . 1935. 'L'Illustration des liturgies dans l'art de Byzance et de l'Orient, II', *Annuaire de l'institut de philologie et d'histoire orientales* 3: 403–510.
- TAFT, R. F. 1975. *The Great Entrance: A History of the Transfer of Gifts and Other Preanaphoral Rites of the Liturgy of St. John Chrysostom* (Rome).
- THOMAS, J., and HERO, A. (eds.) 2000. *Byzantine Monastic Foundation Documents*, 5 vols. (Washington, DC).
- TODIĆ, B. 1997. 'L'Influence de la liturgie sur la décoration peinte du narthex de Sopoćani', в А. Л. Баталов и др. (ред.), *Древнерусское искусство. Русь. Византия. Балканы. XIII век*. (СПб.): 43–58.
- TOMEKOVIĆ, S. 1988. 'Contribution à l'étude du programme du narthex des églises monastiques (XIe – première moitié du XIII s.)'. *Byzantion* 58: 140–54.
- TRONZO, W. 1994. 'Mimesis in Byzantium: notes toward a history of the function of the image', *Res* 25: 61–76.
- VELMANS, T. 1972. 'Une illustration inédite de l'Acathiste et l'iconographie des hymnes liturgiques à Byzance', *CA* 22: 131–65.
- VOCOTPOPOULOS, P. 1994. 'He eikonographese tou kanonos eis psychorragounta sto Horologion 295 tes mones Leimonas', *Symmeikta* 9: 95–114.
- WALTER, C. 1982. *Art and Ritual of the Byzantine Church* (London).
- . 1993. 'A new look at the Byzantine sanctuary barrier', *REB* 51: 203–28.

Глава III.16.3

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО И ПАЛОМНИЧЕСТВО

Джас Элснер

Ориентированные на визуальное восприятие жанры византийского искусства (насколько можно судить по произведениям, дошедшим до наших дней) основное внимание уделяли вопросам религии. В контексте такого пристального внимания к священным предметам широко и довольно рано возникает проблематика паломничества. Ведь даже собственная мать Св. императора Константина, Св. Елена, создала прецедент, совершив длительное путешествие на Святую Землю, а ее сын построил первые знаменитые в христианском мире паломнические храмы, спустя несколько лет после легализации Церкви (Hunt 1982: 6–49). В целом, паломническое прикладное искусство во многом можно считать формирующим круг визуальных прототипов – от дешевых сувениров-реликвий (таких как глиняные сосуды – предмет многочисленных позднеантичных культов святых, например, Св. Феклы или Св. Мины; см. обзор Lambert and Demeglio 1994) до сверхдорогих шедевров, украшавших реликварии имперских храмов (здесь как пример дорогостоящего произведения раннего периода, хотя и не связанный напрямую с паломничеством, уместно будет вспомнить латеранский фастигиум; см.: Blaauw 2001). Еще одна сложность заключается в том, чтобы отделить предметы и места, изначально связанные с паломничеством, от предметов и мест, которые приобрели такое значение позже. К примеру, храм Св. Софии, не будучи сам по себе паломническим храмом, в отличие от Гроба Господня, Церкви Рождества Христова или даже Собора Св. Петра в Риме, которые однозначно находятся в числе основополагающих мест присутствия Божьей благодати, стал одним из первых посещаемых путешественниками в Византии, как повествуют о том сообщения русских паломников XV в. (Majeska 1984; Beltin 1994: 192–5). А произведения искусства – мозаики или иконы, сделанные некогда для культового употребления или для украшения алтаря, стали с течением времени рассматриваться как священные и сами по себе заслуживающие посещения во время паломничества. К примеру, мозаика V–VI вв. в храме Осии Давид в Фессалонике стала почитаемой святой иконой, когда штукатурка, кото-

рой покрыли ее иконоборцы, отвалилась, чудесным образом обнажив «нерукотворную икону» (Cormack 1985: 132–3; Mathews 1993: 115–19).

Связанные с паломничеством произведения искусства можно таксономически разделить следующим образом:

- а) предметы, непосредственно являвшиеся святыней;
- б) предметы, созданные для украшения святых мест теми, кто надзирал за ними;
- в) предметы, привезенные к святым местам в дар по обету;
- г) предметы, увезенные из святых мест, как сувениры и реликвии.

Каждая из этих категорий, которые я по очереди рассмотрю в византийском контексте, восходит к дохристианским образцам благочестия и каждая в равной мере представлена и в римском католицизме, и в православной религиозной традиции как средневековья, так и более позднего периода. Не все эти категории обязательно сосуществуют одновременно. Что интересно, в применяемой мною здесь классификации произведений изобразительного искусства, связанных с конкретным священным местом, объекты паломничества непосредственно участвуют в динамике места и в том движении, которое определяет характер отдельного паломничества как священного путешествия. К примеру, глиняный образ Св. Симеона Столпника неизбежно напомнит о его моливенном подвиге на столпе в церкви Симеона столпника (Qal'at Si'man – крепость Симеона)), а также, возможно, о месте его погребения в Антиохии, куда тело святого было перевезено после смерти (Barber 2002: 22–23)).

Святыни

В принципе, в христианстве святым считается не само произведение искусства, а тот предмет или сакральное место, для визуального украшения которой оно создано. Поэтому, если взять, к примеру, Святой Гроб Господень, значение будет иметь действительное место распятия и погребения Христа; если обратиться к культу святых (будь-то в Византии или на средневековом Западе), значимыми будут сами реликвии – мощи, то есть останки, некогда составлявшие тело святого и по-прежнему исполненные святости, или предметы, использовавшиеся святым, – от столпа Св. Симеона в церкви, посвященной ему до такой исключительной по значимости реликвии как Терновый Венец, привезенный в Сент-Шапель (фр. Sainte Chapelle) в Париже после разграбления Константинополя крестоносцами в 1204 г. Однако различие между предметом и его украшением, священным содержанием и созданной человеком внешней оболочкой, столь явное и ясное с точки зрения логики, не так просто проследить в реальности. В случае со Св. Гробом Господним: само место стало почитаться как святыня со временем – усыпальница Господа нашего Иисуса, из которой Он воскрес из мертвых, – это место было отмечено небольшой часовней, называемой Эдикула¹ (Biddle 1999: 5–73). Без гробницы место было бы точно таким, как и любое другое, и только превращение этого пространства в объект сакральный культуры

¹ В православной традиции – Кувуклия (прим. переводчика).

(украшение, а не сама святыня) свидетельствует о том, что перед нами именно Гроб Господень. И ко времени создания первых изображений Св. Гроба Господня, к примеру, на оловянных сосудах, производившихся в VI в. в Палестине, некоторые из которых оказались в Италии в коллекциях Монцы и Боббио (начало VII в.) (Grabar 1958: 55–8), именно Эдикула стала символом этого святого места (см., к примеру, исследования такого рода изображений (Grabar 1946: vol. 1, 257–82 и Biddle 1999: 20–52)). На таких второстепенных изображениях (в том числе мозаиках, картинах, резьбе по камню и слоновой кости) здание не только напоминает о святом месте, но и (в сочетании с ангелом и женщинами, пришедшими ко гробу, как на многочисленных сосудах из коллекций Боббио и Монцы) может знаменовать событие Воскресения Христова вообще, распространяясь также и на праздник Св. Пасхи, – то время в литургическом цикле, когда данное событие торжественно отмечается. Аналогично, в случае со святыми мощами (а их не так просто отличить от прочих останков, находящихся рядом) именно рака своим внешним видом символизировала содержимое. Чем щедрее украшена и визуально привлекательна рака – от изящных ларцов из слоновой кости до липсанотек¹ из драгоценных металлов и знаменитых эмалиевых реликвариев средневизантийской эпохи, – тем более уверенным можно быть (следуя визуальной логике) в святости содержимого. Здесь совместное использование надписей и изображений и было основой для идентификации объекта внутри реликвария. Сосуды Монцы и Боббио со скрупулезностью бирок на экспонатах современных музеев сообщают, что в них содержится «масло животворящего древа со святых мест Христовых».

Но в Византии, в особенности после победы иконопочитателей над иконоборцами, всегда имел место еще один особый случай, когда произведение искусства могло рассматриваться как святыня, – речь идет об иконе (к примеру, см.: (Brubaker and Ousterhout 1995; Maguire 1996; Cormack 1997; Eastmond and James 2003)). В определенном смысле все иконы, которым можно было молиться, – от больших процессиональных изображений до небольших переносных образков, – были святы. Но некоторые из них находились на особом положении, будучи центром и целью паломничества из-за своих чудотворных свойств, или своеобразными палладиями (охранными иконами) для крупного города или области из-за исключительной объединяющей социальной или культурной роли. В честь величайших образов, таких как Одигитрия и Влахернатисса в Константинополе или Владимирская Богоматерь на средневековой Руси (Lidov 2000; Angelidi and Papamastorakis 2000; Vassilaki 2005; Pentcheva 2006: 106–87), устраивались процессии и регулярные богослужения, им как живым источникам предстательства Богородицы, подтверждаемого чудотворениями, оказывалось глубочайшее почитание. Так, икона Богородицы Никопия с Младенцем, захваченная в 1203 г. венецианскими крестоносцами из колесницы поверженного византийского полководца, превратилась для Веницианского государства из неприятельской охранной иконы в отличительный знак победы над неприятелем и была помещена в Сан Марко (Belting 1994: 4, 196, 200, 203–4). Одним из способов разрешить проблему

¹ Костехранильниц – реликвариев (*прим. ред.*).

того, как именно творение рук человеческих становилось местом особого присутствия Божественной благодати, было утверждение о том, что главные иконы были созданы святым евангелистом Лукой, то есть являлись творением святого, пребывавшего в непосредственном общении с Божеством и изобразившим Богородицу лично, еще при ее жизни – такое происхождение приписывалось иконе Никопеи в Венеции и иконе Одигитрии в Константинополе (историю написания икон Св. Лукой см.: (Cormack 1997: 44–57; Vacci 1998 and 2000)). В качестве альтернативы можно упомянуть чудеса во времена земной жизни Христа, наподобие так называемого нерукотворного Спаса Эдесского или плата Св. Вероники – оба эти образа носят божественный отпечаток прижизненных черт святого лика Христа (Belting 1994: 208–24; Wolf 1998), или более современное чудо, когда священное изображение просто проявилось как нерукотворный ахиropoитон (*acheiropoieton*) (Trilling 1998), как на мозаичном изображении Христа в церкви Св. Давида. Сама форма таких икон являлась в некотором роде носителем святости, а их священное присутствие можно было умножить, копируя изображения (например, см.: (Kessler 1998)). Поэтому имеются многочисленные версии изображения Одигитрии, в том числе изображения иконопочитания (к примеру, образ Торжества Православия в Константинополе, ок. 1400 г., Британский музей; см.: (Cormack 1997: 62–63)), которые, получив распространение, могут и сами по себе рассматриваться как обладающие духовной силой оригинала (также ниже см.: III.16.5. Иконы).

Украшения

Как мы видим, не так просто отличить непосредственно святое место от визуальных и словесных образов, при помощи которых оно обозначено и обустроено: указатель не всегда отделим от указуемого. Великолепным примером многогранности данного процесса является долгое и трудное паломничество на гору Синай, наиболее раннее упоминание о котором, а именно путевой дневник латинской знатной дамы Эгерии, относится к 380 г. Здесь представлена топография многих мест, отождествляемых с основными событиями богоявления из Св. Писания, включая место явления Неопалимой купины, вершину, где Бог вручил Моисею Скрижали Завета, и пещеру в горе, где пророк Илия прятался от царя Ахава и видел прошедшего мимо Господа. Данные археологии свидетельствуют, что планировка территории включала сложную систему переходов, высеченных в горе ступеней, пещер отшельников и молелен, служивших указателями святых мест (Finkelstein 1981, 1985). В главном монастыре, выстроенном Юстинианом на месте явления Неопалимой купины, была высечена в камне серия надписей для обозначения специфического характера святого места, – к примеру, «Вот врата Господа; праведные войдут в них» (Пс. 117: 20), надпись, повторяющаяся и над главным входом в обитель, и над входом в неф церкви. У входа в церковь в дополнение был высечен текст, составленный из отрывков Исхода, повествующих о видениях Моисея на Синае (Jacoby 2006), повторявшихся и на огромном бронзовом кресте времени основания монастыря Юстинианом, предположительно находившемся ранее внутри церкви, возможно, возвышавшемся над первым

иконостасом (Coleman and Elsner 1994: 78–81). К тем же событиям – одновременно и библейского, и местного значения – снова обращаются великолепные мозаичные изображения в апсиде и на триумфальной арке, где Моисеево видение Непопалимой купины и принятие им Скрижалей Завета (изображения происшествий на месте строительства монастыря) получают дополнение-кульминацию в виде огромной мозаичной сцены Преображения Христа, явившего свою божественную природу не только перед тремя ближайшими учениками-апостолами – Петром, Иаковом и Иоанном, но также и перед двумя пророками Синая – Моисеем и Ильей (Elsner 1995: 99–123; Nelson 2006: 10–19). Почти не вызывает сомнений, что данная текстуальная и визуальная программа служила призывом к паломникам перейти непосредственно от изображений к местам явлений в поисках лицезрения Воплотившегося Господа.

Поразительно то, что немногим позднее VII в. данная модель изысканнейшего паломнического маршрута, составленного на основе Св. Писания, уже казалась недостаточной, и необходимо было появление новой святой, которое сделало Синай еще более привлекательным. Тело Св. Екатерины, как говорят, было перенесено на Синай ангелами после ее мученической кончины в Александрии в III в. и положено на вершине еще одного пика Синайской горной гряды. Это святое место добавилось к топографии путей, пересекающих священный ландшафт, а новый мартирий-усыпальница с останками Св. Екатерины был расположен в апсиде храма (Tomadakis 1990: 14). Данные изменения, в особенности в устройении церковного святилища, указывают на трансформацию характера паломничества на Синай (переход от ориентации на Св. Писание к харизматическому почитанию мощей), в ходе которой структура внутренней отделки и меблировки меняется с учетом изменившихся потребностей паломников. Позднейшее производство местных икон – великолепные серии образов почитаемых на Синае Св. Екатерины, святых Пророков Моисея и Ильи, а также иконы других святых, написанные в монастыре, к примеру, икона-лестница Св. Иоанна Лествичника, одного из настоятелей монастыря, свидетельствует о непрестанной потребности акцентировать направление и характер поклонения святыням горы Синай при помощи специальных материальных символов (Mouriki 1990: 107, 109; Ševčenko 2006).

Дарения

Хотя многие из сохранившихся икон Синая были изготовлены в монастыре или же подарены уже в момент его основания, некоторые, судя по провинциальному или не-византийскому стилю, вероятно, были привезены сюда, причем, возможно, в дар от паломников. Ярким примером такого рода элемента культуры – паломнического обета, а также того, что именно выбирали паломники в качестве украшения посещаемых ими святых мест, хотя и не всегда в согласии с планами и под контролем местного церковного начальства, является эмаль XII из Лиможа, прикрепленная к деревянной двери (VI в., эпоха Юстиниана) Синайской церкви, где она остается и по сей день в знак этой необычайной встречи восточного и западного христианства (Ikonomoli-Papadopoulos 1990: 266). Разумеется, такие

предметы удаляли из поля зрения, если их не одобряло местное священноначалие, но знаменательно, что центры паломничества (места стечения огромного количества паломников различного происхождения и культурной принадлежности, с различными потребностями и ожиданиями) гибко приспосабливались к запросам паломников. На самом деле приношение предметов к усыпальницам позволяло паломникам подтвердить свое личное присутствие в том или ином святом месте и, возможно, являлось усилением молитвенного воззвания к изображенному святому с просьбой о помощи или исцелении.

Сувениры

Можно предположить, что столь же важным, как и само посещение паломником святыни, было возвращение домой и воспоминания о путешествии. Сувениры создавали специфическую, осязаемую связь со святым местом, в особенности, если они сочетали в себе некие предметы, приобретенные или найденные в сакральном пространстве и реликвии с изображениями (Hahn 1990). Они могли функционировать и как визуальная имитация, воспроизводя ту или иную икону или изображение, а также метонимически, как привезенный домой материальный фрагмент с места поклонения. Ярким примером является ящичек VI в. из сокровищницы Святая Святых Латеранской базилики в Риме (в XX в. переданный в Ватиканский музей), содержащий изображения (по сути, цикл небольших икон) Жизни и Страданий Христа с тщательно прикрепленными и снабженными подписями частицами почвы и камня с тех мест в Палестине, где развернулись изображенные на иконах события (Morey 1926; Barber 2002: 15–17). Будучи относительно крупным сувениром, достаточно крупным даже для того, чтобы служить переносным алтарем, ящичек, изготовленный из обычных материалов (дерева, энкаустических красок, частиц земли) не был дорогостоящим предметом. Однако его ценность как реликвии в качестве метонимического путеводителя по Палестине, который мог сделать Святую Землю доступной всем и всюду, привел к его включению как почитаемой реликвии в наибольшее из всех собраний реликвий средневекового христианства (*O Sancta Sanctorum* средневековья см.: (Kessler and Zacharias 2000: 38–63)). Аналогично, сосуды-ампулы Монцы и Боббио, привезенные из Палестины в конце VI в., которые были относительно дешевыми предметами массового производства, считались достаточно ценной реликвией и в качестве таковой были принесены в дар королевской церкви (коллекция Монцы) или погребены вместе с останками Св. Колумбана (в случае коллекции Боббио). Обе коллекции сосудов интересны не только тем, что содержат иконографическую подборку, освещающую как повествовательный аспект основные события земной жизни Господа от Рождения и до Смерти, но и отражают географический аспект – места, где эти события происходили, и о которых напоминают изображения. Таким образом, каждая коллекция в ее новом контексте – своеобразного мемориала Палестины в Италии, воссоздавала в памяти Святую Землю в целом: в повествовании Св. Писания, топографических сведениях, литургических традициях праздников, связанных как с событиями священной истории, так и со святыми местами (Elsner 1997: 118–23; Barber 2002: 20–2).

По общему признанию, сосуды должны были выполнять достаточно сложную функцию, напоминая о далекой Святой Земле, будучи своего рода реликварием-имитацией. Другие же сувениры были проще, обеспечивая непосредственную связь с тем или иным святым как личным ходатаем и заступником их обладателя или носителя. Мы располагаем как весьма дешевыми терракотовыми сувенирами и сосудами от знаменитых некогда усыпальниц святых, к примеру, Св. Феклы или Св. Мины возле Александрии Египетской (Davis 2001: 114–20), или от Гроба Господня и Калат Шимана (Qal'at Si'man) в Палестине и Сирии (Barber 2002: 20–3). Но так же дорогостоящими реликвариями великолепной работы из золота и эмали (со скрытыми внутренними отделениями) с мест поклонения Св. Димитрию Фессалоникийскому (см.: Evans and Wixom 1997: 167–168), или Животворящему Кресту (см.: Evans and Wixom 1997: 169–74, 302, 331–2, 461–3). Очевидно, что они были рассчитаны на паломников, представлявших диаметрально противоположные концы социального спектра, но весьма вероятно, что функционально они удовлетворяли сходные потребности, поддерживая личную связь с первоначальным святым местом посредством реальной, осязаемой вещи, содержащей нечто материальное – землю, воду, масло, кости (частицы мощей), взятые с места погребения.

Заключение

Можно было бы возразить, что большая часть сказанного в равной мере справедлива в отношении искусства и паломничества на средневековом Западе (в особенности в Италии, которая в Средние века была под сильным византийским влиянием), а также и в отношении православного и римо-католического паломнического искусства в период после падения Константинополя и в эпоху Ренессанса. Более того, традиции использования искусства в процессе паломничества не являются исключительно христианскими, поскольку многое было заимствовано из дохристианской политеистической религиозной практики, а, кроме того, в использовании искусства паломниками и паломническими центрами можно было бы провести много параллелей с индуизмом и буддизмом (к примеру, см.: (Coleman and Elsner 1995)). Специфической чертой Византии, причем не только в послеиконоборский период, было повсеместное предпочтение трехмерным священным изображениям (хотя до наших дней дошли одна или две статуи) изображений на плоскости (икон) – живописных, высеченных рельефно в слоновой кости или камне, или же полученных неким сочетанием разноцветных материалов, как то мозаика или эмаль. Обычно такое избегание объемности рассматривается как дань боязни идолослужения, а статуи как потенциальный объект языческого поклонения (о чем, вероятно, на средневековом Западе и речи быть не могло). Но самое важное в оценке священного визуального искусства Византии в литургическом контексте, включающем паломничество как один из наиболее привилегированных социальных ритуалов, это то, что формальные характеристики стиля и художественных средств, а также эстетика византийского искусства в целом рассматриваются с позиций сложного спектра функций, для выполнения которых оно и предназначалось. Паломнические жанры искусства

служили не только для украшения святых мест: в значительной мере они помогали прочувствовать паломничество, составить индивидуальный его опыт. Отдельные творческие стратегии, как, к примеру, стереотипное воспроизведение иконографической формы, предположительно, обеспечивали передачу отдельных священных изображений (от основного места поклонения на большие расстояния), позволяя динамике религиозной жизни, имеющей в своей основе путешествия по святым местам, проявляться визуально и материально, а также нематериально, в паломническом опыте.

ЛИТЕРАТУРА

- ANGELIDI, C., and PAPAMASTORAKIS, T. 2000. 'The veneration of the Virgin Hodegetria and the Hodegos Monastery' in Vassilaki 2000: 373–87.
- BACCI, M. 1998. *Il pennello dell'Evangelista: storia delle immagini sacre attribuite a san Luca* (Pisa).
- . 2000. 'With the paintbrush of the Evangelist Luke', in Vassilaki 2000: 79–89.
- BARBER, C. 2002. *Figure and Likeness: On the Limits of Representation in Byzantine Iconoclasm* (Princeton).
- BELTING, H. 1994. *Likeness and Presence: A History of the Image before the Era of Art*, trans. E. Jephcott (Chicago).
- BIDDLE, M. 1999. *The Tomb of Christ* (London).
- BLAAUW, S. DE 2001. 'Imperial connotations in Roman church interiors: the significance and effect of the Lateran Fastigium', in J. R. Brandt and O. Steen (eds.), *Imperial Art as Christian Art – Christian Art as Imperial Art (Acta ad archaeologiam et artium historiam pertinentia 15; Rome, 2001)*: 137–46.
- BRUBAKER, L, and OUSTERHOUT, R. (eds.) 1995. *The Sacred Image East and West* (Urbana).
- COLEMAN, S., and ELSNER, J. 1994. 'The Pilgrim's Progress: art, architecture and ritual movement at Sinai', *World Archaeology* 26: 73–89.
- . 1995. *Pilgrimage Past and Present in the World Religions* (London).
- CORMACK, R. 1985. *Writing in Gold: Byzantine Society and its Icons* (London).
- . 1997. *Painting the Soul: Icons, Death Masks and Shrouds* (London).
- DAVIS, S. 2001. *The Cult of St Thecla* (Oxford).
- EASTMOND, A., and JAMES, L. (eds.) 2003. *Icon and Word: The Power of Images in Byzantium* (Aldershot).
- ELSNER, L. 1995. *Art and the Roman Viewer: The Transformation of Art from the Pagan World to Christianity* (Cambridge).
- . 1997. 'Replicating Palestine and reversing the Reformation: pilgrimage and collecting at Bobbio, Monza and Walsingham', *Journal of the History of Collections* 9: 117–30.
- EVANS, H, and WIXOM, W. (eds.) 1997. *The Glory of Byzantium: Art and Culture of the Middle Byzantine Era, AD 843–1261. Exhibition catalogue, the Metropolitan Museum of Art* (New York).
- FINKELSTEIN, I. 1981. 'Byzantine prayer niches in Southern Sinai', *Israel Exploration Journal* 31: 81–91.

- . 1985. 'Byzantine monastic remains in Southern Sinai', *DOP* 39: 39–80.
- GRABAR, A. 1946. *Martyrium: recherches sur le culte des reliques et l'art chrétien antique*, 2 vols. (Paris).
- . 1958. *Ampoules de Terre Sainte* (Paris).
- HAHN, C. 1990. 'Loca Sancta souvenirs: sealing the pilgrim's experience', in R. Ousterhout (ed.), *The Blessings of Pilgrimage* (Urbana): 85–96.
- HUNT, E. D. 1982. *Holy Land Pilgrimage in the Later Roman Empire AD 312–460* (Oxford).
- IKONOMOLI-PAPADOPOULOS, Y. 1990. 'Church metalwork', in Manafis 1990: 263–78.
- JACOBY, D. 2006. 'Christian pilgrimage to Sinai until the late fifteenth century', in Nelson and Collins 2006: 79–94.
- KESSLER, H. 1998. 'Configuring the invisible by copying the Holy Face', in Kessler and Wolt 1998: 129–51.
- and WOLF, G. (eds.) 1998. *The Holy Face and the Paradox of Representation* (Bologna).
- and ZACHARIAS, M. 2000. *Rome 1300: On the Path of Pilgrim* (New Haven).
- LAMBERT, C. and DEMEGLIO, P. P. 1994. 'Ampolle devozionali ed itinerari di pellegrinaggio tra IV e VII secolo', *Antiquité Tardive* 2: 205–31.
- LIDOV, A. 2000. 'Miracle working icons of the Mother of God', in Vassilaki 2000: 47–58.
- MAGUIRE, H. 1996. *Icons of Their Bodies: Saints and their Images in Byzantium* (Princeton).
- MAJESKA, G. 1984. *Russian Travellers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries* (Washington, DC).
- MANAFIS, K. (ed.) 1990. *Sinai: Treasures of the Monastery* (Athens).
- MATHEWS, T. F. 1993. *The Clash of Gods: A Reinterpretation of Early Christian Art* (Princeton).
- MOREY, C. R. 1926. 'The painted panel from the Sancta Sanctorum', *Festschrift zum Sechzigsten Geburtstag von Paul Clemen* (Bonn–Dusseldorf): 151–68.
- MOURIKI, D. 1990. 'Icons from the twelfth to the fifteenth century', in Manafis 1990: 102–23.
- NELSON, R. 2006. 'Where God walked and monks pray', in Nelson and Collins 2006: 1–38.
- and COLLINS, K. (eds.) 2006. *Holy Image, Hallowed Ground: Icons from Sinai* (Los Angeles).
- PENTCHEVA, B. 2006. *Icons of Power: The Mother of God in Byzantium* (University Park, Pa.).
- ŠEVČENKO, N. 2006. 'St Catherine of Alexandria and Mount Sinai', in P. Armstrong (ed.), *Ritual and Art: Byzantine Essays for Christopher Walter* (London): 129–43.
- TOMADAKIS, N. 1990. 'Historical outline', in Manafis 1990: 12–17.
- TRILLING, J. 1998. 'The image not made by human hands and the Byzantine way of seeing', in Kessler and Wolf 1998: 109–27.
- VASSILAKI, M. (ed.) 2000. *Mother of God* (Milan).
- (ed.) 2005. *Images of the Mother of God: Perceptions of the Theotokos in Byzantium* (Aldershot).
- WHARTON, A. 2006. *Selling Jerusalem: Relics, Replicas, Theme Parks* (Chicago).
- WOLF, G. 1998. 'From Mandylion to Veronica', in Kessler and Wolf 1998: 153–79.

Углубленное чтение

- FRANK, G. 2000. *The Memory of the Eyes: Pilgrims to Living Saints in Christian Late Antiquity* (Berkeley).
- FRANKFURTER, D. (ed.) 1998. *Pilgrimage and Holy Space in Late Antique Egypt* (Leiden).
- FREEDBERG, D. 1989. *The Power of Images: Studies in the History and Theory of Response* (Chicago): 99–135.
- MANGO, M. M. 2002. 'Pilgrimage', in C. Mango (ed.), *The Oxford History of Byzantium* (Oxford): 115–19.
- NOGA-BANAI, G. 2008. *The Trophies of the Martyrs: An Art Historical Study of Early Christian Silver Reliquaries* (Oxford).
- OUSTERHOUT, R. (ed.) 1990. *The Blessings of Pilgrimage* (Urbana).
- VIKAN, G. 2003. *Sacred Images and Sacred Power in Byzantium* (Aldershot).
- WILKEN, R. 1992. *The Land Called Holy* (New Haven).
- WILKINSON, J. 1999. *Egeria's Travels* (Warminster).
- 2002. *Jerusalem Pilgrims before the Crusades* (Warminster).

Глава III.16.4 ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО И ИКОНОБОРСТВО

Робин Кормак

Постановления и определение Второго Никейского Вселенского собора в 787 г., окончательно утвержденные в 843 г., являются наглядным свидетельством глубины влияния иконоборства на византийскую Церковь:

«...определяем, чтобы святые и честные иконы предлагались (для поклонения) точно так же, как и изображения Честного и Животворящего Креста, будут ли они сделаны из красок или (мозаических) плиточек или из какого-либо другого вещества, только бы сделаны были приличным образом, и будут ли находится в святых церквях Божиих на священных сосудах и одеждах, на стенах и на дощечках, или в домах и при дорогах, а равно будут ли это иконы Господа и Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, или непорочной Владычицы нашей святой Богородицы, или честных ангелов и всех святых и праведных мужей. Чем чаще при помощи икон они делаются предметом нашего созерцания, тем более взиравшие на эти иконы возбуждаются к воспоминанию о самых первообразах, приобретают более любви к ним и получают более побуждений воздавать им лобызание, почитание и поклонение, но никак не то истинное служение, которое, по вере нашей, приличествует одному только Божественному естеству. Они возбуждаются приносить иконам фимиам в честь их и освящать их, подобно тому, как делают это и в честь изображения Честного и Животворящего Креста, святых ангелов и других священных приношений и как, по благочестивому стремлению, делалось это обыкновенно и в древности; потому что честь, воздаваемая иконе, относится к ее первообразу и поклоняющийся иконе поклоняется ипостаси изображенного на ней»¹ (377 D–E, Sahas 1986: 179; см.: Brubaker and Haldon 2001: 233–42).

И, несмотря на это, иконоборство стало в византиноведении предметом острейших дискуссий по причине наличия постоянного противоречия по основ-

¹ Текст приводится по изданию: Путь, Истина и Жизнь. Вероучительные тексты Православной Церкви / [сост. Т. Борозенец, перев. с церк.-слав. Д. Каратеев]. – К.: «Послушник», 2013. – С. 47–48 (прим. переводчика).

ным вопросам. К примеру: насколько распространено было данное движение (иконоборство) и насколько скрыто было от глаз изобразительное искусство в период гонения на святые иконы? Каковы были причины иконоборства и насколько далеко следует углубиться в историю Византии, чтобы найти объяснение явлению? Оказало ли иконоборство ощутимое влияние на Византию? Существуют расхождения во мнениях как относительно самих фактов иконоборства, так и относительно тех методик, которые могли бы эффективно применяться при интерпретации истории данного периода. Согласно известному высказыванию Питера Брауна, «иконоборский спор, в общем-то, стал спусковым механизмом кризиса избытка пояснений» (Brown 1973: 3). Но вопрос остается в силе: что же такое иконоборство?; каковы были причины иконоборства?; каково его значение?

Что такое иконоборство?

Данное иконоборству определение (сам термин ведет происхождение от греч. *eikonoklastes* (иконокласты), то есть «разрушители образов», и использовался Патриархом Германом и Св. Иоанном Дамаскиным) до некоторой степени обуславливает и возможные толкования. Если, к примеру, рассматривать иконоборство как процесс восстановления императорской власти в государстве после периода упадка, тогда причины следует усматривать в политическом контексте и определять в терминологии политических событий. Если, с другой стороны, рассматривать иконоборство как интеллектуальный диспут относительно допустимости изображать Бога и святости икон Господа, Пресвятой Богородицы и святых, тогда причины с большей вероятностью следует выражать в церковно-богословской терминологии. И хотя в византийском мире этот вопрос и волновал всех на протяжении более чем одного столетия, сомнительно, однако же, чтобы такого рода вопросы подлежали однозначной категоризации.

Современные исследователи сходятся в том, что к 730 г. (если не к 726 г.) император Лев III издал императорский эдикт против употребления икон, а его сын, Константин V созвал Собор, прошедший с 10 февраля по 8 августа 754 г. во дворце Иерии в Халкидоне. Данный Собор осудил почитание и изготовление икон как идолослужение, провозгласил, что невозможно визуально изобразить Бога, и анафематствовал иконы Христа как либо разделяющие, либо смешивающие Божество и Человечество. Постановления Собора 754 г. были опровергнуты на Втором Никейском (Седьмом Вселенском) соборе (24 сентября – 13 октября 787 г.), а иконоборство как государственная политика ослабела до ее возобновления при императоре Льве V в 815 г., после заседания Собора пересмотревшего и подтвердившего решения Иерийского собора. Этот период, называемый «вторым иконоборческим», завершился принятием соборного постановления за подписью Патриарха Мефодия, неофициальным заседанием Собора, всенародным шествием к храму Св. Софии 11 марта 843 г. и провозглашением «Торжества Православия». Этот праздник с тех пор празднуется ежегодно в первое воскресенье Великого Поста (Gouillard 1967).

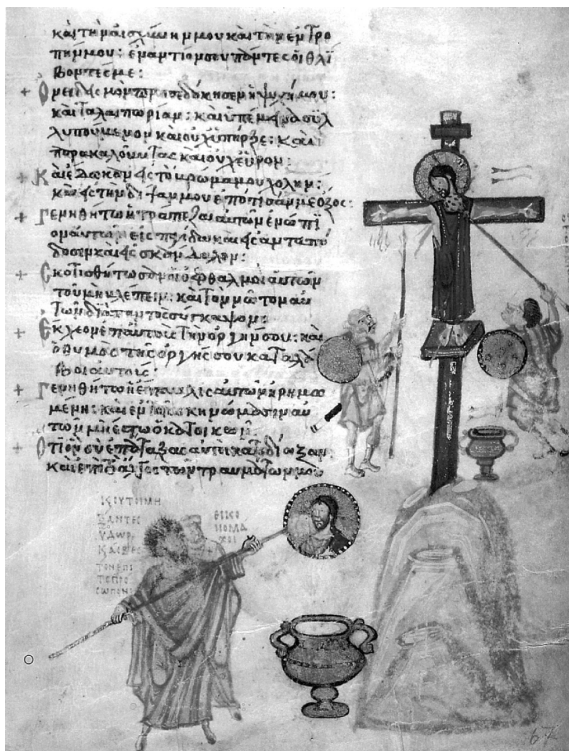
Несомненные археологические свидетельства активного уничтожения иконоборцами мозаичных икон в 760-е гг. обнаружены в «комнате над рампой» кон-

стантинопольского храма Св. Софии (в то время это были частные покои в Патриаршем дворце) и в алтаре церкви Кимесис в Никее (Brubaker and Haldon 2001: 20–2). Письменные источники того периода менее категоричны в свидетельствах о фактах вандализма по отношению к церковному искусству. К примеру, Житие Св. Стефана Нового, написанное в 809 г. диаконом храма Св. Софии, является в высшей степени риторической версией его жизнеописания с благовидными утверждениями о выдающейся роли святого в качестве защитника икон, противостоявшего Константину V и потому им замученного (Auzépy 1997). Подобные смысловые искажения содержат и исторические труды, к примеру, «Хронография» Феофана Исповедника, охватывающая временной период с 285 по 813 гг. и написанная до его смерти в 817 г. (Brubaker and Haldon 2001: 165–98). Но, несмотря на уклон в направлении иконопочитания как этих, так и других письменных источников, и практическое исчезновение иконоборской литературы, полемический пыл произведений VIII–IX вв. является, как минимум, показательным свидетельством глубины травмы, причиненной обществу действиями иконоборцев и их идеологических сторонников.

Относительно периода с 737 по 787 гг., а потом с 815 по 843 гг. есть основания утверждать, что производство икон, включая живописные изображения Господа, Богородицы, святых, фактически прекратилось, и что в Константинополе и некоторых других местах живописные изображения уничтожались. Не вызывает сомнений также, что в другие периоды христианского иконоборства разрушение иконописных изображений было частичным и нечастым (Freedberg 1989; Duffy 1992; Latour and Weibel 2002), а количество ранних икон, сохранившихся в монастыре Св. Екатерины на г. Синай, указывает, что местам, удаленным от Константинополя, удавалось не подчиняться эдикту. Из этого, однако же, не следует, что все элементы отделки храмов, полностью состоящие из крестов и орнаментальных мотивов, обязательно датировать периодом иконоборства, поскольку такие украшения находили в различные периоды, в том числе в храме Св. Софии в Константинополе времен Юстиниана. Однако на протяжении периода иконоборства мозаичный декор храма Св. Ирины в Константинополе и Кимесис в Никее имели в качестве центрального элемента монументальное изображение Св. Креста в апсиде. Создается впечатление, что отношение к иконам во второй период иконоборства стало снисходительнее, а рисованные изображения, расположенные в недоступных местах храмов, могли сохраниться даже во время первого иконоборского периода. К примеру, в Фессалонике создается впечатление, что изображение Христа в небольшой апсиде храма Св. Давида было скрыто, тогда как святые на мозаичном куполе Ротонды хорошо различимы (Grabar 1957). Доказательством того, что спор не утихал даже после 843 г., служит художественное изображение в миниатюрах Псалтири IX в., изготовленной небольшим тиражом в Константинополе, возможно, ведомством Патриарха при храме Св. Софии. К примеру, Хлудовская Псалтирь (создана вскоре после 843 г.) содержит несколько изображений иконоборства в действии, а также одну миниатюру (лист 67^r – иллюстрация к Пс. 68: 22 – «И дали мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом»), где параллелью историческому акту Распятия Христова выступает забеливание иконы Христа Патриархом Иоанном Грамматиком (рис. 1).

Рис. 1. Хлудовская Псалтирь: иконоборец забеливает изображение Христа (Москва, Исторический музей, эксп. 129, лист 67^г).

Эта «изобразительная» полемика (возможно, обязанная своим происхождением памфлетам иконопочитателей во времена иконоборства) является еще одним доказательством остроты кризиса, разразившегося в среде византийских интеллектуалов. Такие изображения можно считать попыткой выставить на позор иконоборцев как морально разложившихся и ничем не лучших тех иудеев, которые требовали казни Самого Христа (Corrigan 1992).

Причины иконоборства?

Все попытки объяснения вспышки иконоборства около 730 г. в основном апеллируют к двум основным факторам, вовсе не обязательно несовместимых. Один из них тот, что, возможно, противление изобразительности было местной чертой византийского христианства и поэтому, следует трактовать и исследовать его шире, принимая как основополагающую причину иконоборства. Второй заключается в том, что вспышка иконоборства предположительно была своего рода реакцией на обстоятельства сложившейся к VIII в. политической ситуации. Более широкий подход (Kitzinger 1976; Barasch 1992) прослеживает как враждебное отношение к священным изображениям, так и их защиту с точки зрения диалектических позиций, берущих начало уже в раннем христианстве. Хотя ни одна из сторон тогда своих воззрений не формулировала. Китцингер заключал, что возрастающее изготовление икон и их применение в качестве священных изображений, начиная с VI в. и далее, к IX в., усилило потребность в теоретическом обосновании иконопочитания. Изменение средств художественного выражения прослеживается уже в решениях Пято-Шестого собора 680–681 гг., который своим 82-м правилом предписывает изображать Христа как человека, а не символически – ягненком, и на золотых монетах Юстиниана II, на которых в качестве нововведения на реверсе представлен лик Христов, а образцом для данного изображения могли послужить чудотворные иконы из разряда известных в VI в. как

ахиропоитос (*acheiropoietos*), то есть нерукотворные (Cormack 1985: 95–140). Эти нововведения иконопочитателей, весьма вероятно, только усилили оппозицию иконам, за несколько десятилетий ставшую имперской, а впоследствии и церковной политикой. Но в то время, как такие эпизоды могли быть искрами, воспламенившими иконоборство, прочие исторические события нельзя рассматривать полностью в этом же ключе, и именно это соображение и создает основу для истолкования иконоборства как особого явления – феномена VIII в. Возвышение ислама и нарастание арабской военной угрозы для уменьшающейся и ослабевающей Византийской империи, давление славян-завоевателей с севера и ярые попытки императоров как лидеров реагировать и противостоять обстоятельствам, окружающий духовный пессимизм и страх перед стихийными бедствиями, такими как извержение вулкана Санторин, – все эти факторы документально подтверждают волеизъявительную природу византийского государства VIII в. (Herrin 1987; Haldon 1997).

Как только иконоборство было учреждено в качестве государственной политики, настал период его апробации и опровержения. Изготовление икон подпадало под определение ереси и идолослужения; с другой стороны, определение самой природы православия включало в себя икону. Предписание Второй Заповеди, направленное против идолов, использовалось иконоборцами как аргумент против икон. Но для иконопочитателей это предписание было лишено силы благодаря Новому Завету и служением Христовым, а также раннехристианской практикой использования изображений. Эти аргументы в результате привели к полемике на многих уровнях и дали повод сравнивать иконоборцев с евреями, сарацинами и прочими группами. Отсюда и сложность описания событий того периода, отличавшегося особой яростью и изощренностью риторических выпадов.

Значение иконоборства

Доказано, что византийскому искусству конца периода иконоборства не оставалось ничего другого, как только повернуть стрелки часов назад и возрождать искусство до иконоборского периода. Опираясь на реальный пример мозаичного алтаря в Никее, где оригинальная программа до иконоборского периода, вероятно, была в точности восстановлена вскоре после 843 г., естественно будет предположить, что искусство IX в. включало и реставрацию. X в. также рассматривался как период возрождения, а правление императора-«антиквара» Константина VII Багрянородного представлялось стартовым моментом воссоздания старинных ценностей и стилей. Но возрождение было лишь одним из аспектов церковного применения искусства. С появлением новых носителей, таких как эмаль – под влиянием образцов Запада эпохи Каролингов, – слоновая кость и металл, рельефная икона также становится значимой формой изобразительного искусства (см.: II.8.6. Слоновая кость, стеатит, эмаль, стекло). Столь же верно и то, что значительное внимание уделялось созданию сложных декоративных программ, сочетавших изображения святых и повествовательные сцены, как в скальных церквях Каппадокии IX–X вв. Вскоре после иконоборства алтарная перегородка была впервые украшена образами и очень быстро стала постоянным

местом расположения праздничных икон и изображений святых. Этот визуальный эффект должен был усилить таинственность и святость алтаря и святилища, которые, само собой разумеется, были скрыты от мирян все время за исключением отдельных моментов богослужения.

Еще одним следствием разгоревшейся дискуссии о легитимности иконографических изображений стало усовершенствование «теории образа», долгое время остававшийся не достаточно разработанный. Иоанн Дамаскин, Феодор Студит и Патриарх Никифор были в числе основных теоретиков, развивавших концепцию «проскинисис» и «латрия» («поклонения и почитания»), – такие термины используются в постановлениях Никейского собора (Giakalis 1994; Parry 1996; Barber 2002). Данное различие позволило им обосновать легитимность каждой из трех категорий образа: Христос как образ Бога, человек как образ божества и икона как художественный образ Христа и святых. Они также использовали аргумент дидактической роли икон в изучении истин христианства, к которому обращались церковные писатели послеиконоборского периода, как, к примеру, Патриарх Фотий, в своих проповедях. Однако из дискуссий в Никее в 787 г. и из агиографических источников становится понятно, что ключевым аргументом иконопочитателей стало Воплощение. Это давало основание изображать Христа. Тем более ранние образы, ходившие в Византии до иконоборства, имели чудотворную силу, исцеляя православных верующих, это подтверждало тот факт, что иконы являются реальным проявлением веры. Победа над иконоборством заключалась в том, что использование икон стало определяющей чертой православной церковной среды и богослужебной практики православных верующих.

ЛИТЕРАТУРА

- AUZÉPY, M.-F. 1997. *La vie d'Étienne le Jeune par Étienne le Diacre* (Aldershot).
- BARASCH, M. 1992. *Icon: Studies in the History of an Idea* (New York).
- BARBER, C. 2002. *Figure and Likeness: On the Limits of Representation in Byzantine Iconoclasm* (Princeton).
- BELTING, H. 1994. *Likeness and Presence: A History of the Image before the Era of Art*, trans. E. Jephcott (Chicago).
- BESANCON, A. 2001. *The Forbidden Image: An Intellectual History of Iconoclasm* (Chicago).
- BROWN, P. 1973. 'A Dark-Age Crisis: aspects of the Iconoclastic controversy', *EHR* 88: 1–34.
- BRUBAKER, L., and HALDON, J. 2001. *Byzantium in the Iconoclast Period (ca. 680–850). The Sources: An Annotated Survey* (Aldershot).
- BRYER, A., and HERRIN, J. (eds.) 1977. *Iconoclasm* (Birmingham).
- CORMACK, R. 1985. *Writing in Gold: Byzantine Society and its Icons* (London).
- CORRIGAN, K. 1992. *Visual Polemic in the Ninth-Century Byzantine Psalters* (Cambridge).
- DUFFY, E. 1992. *The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England 1400–1580* (New Haven–London).
- FREEDBERG, D. 1989. *The Power of Images: Studies in the History and Theory of Response* (Chicago).

- GIAKALIS, A. 1994. *Images of the Divine: The Theology of Icons at the Seventh Ecumenical Council* (Leiden).
- GOUILLARD, J. 1967. 'Le Synodikon de l'Orthodoxie, édition et commentaire', *TM* 2: 1–316.
- GRABAR, A. 1957. *L'Iconoclisme byzantin: dossier archéologique* (Paris).
- HALDON, J. 1997. *Byzantium in the Seventh Century: The Transformation of a Culture* (Cambridge, 2nd rev. edn.).
- HENNEPHOF, H. 1969. *Textus byzantine ad iconomachiam pertinentes* (Leiden).
- HERRIN, J. 1987. *The Formation of Christendom* (Oxford).
- KESSLER, H. 2000. *Spiritual Seeing: Picturing God's Invisibility in Medieval Art* (University Park, Pa.).
- KITZINGER, E. 1976. *The Art of Byzantium and the Medieval West: Selected Studies*, ed. W. E. Kleinbauer (Bloomington), особенно nos. V, VI, VII.
- LATOUR, B., and WEIBEL, P. (eds.), 2002. *Iconoclash: beyond the image wars in science, religion and art* (Karlsruhe–London).
- MARTIN, E. J. 1930. *A History of the Iconoclastic Controversy* (London).
- MURRAY, C. 1977. 'Art and the Early Church', *JTS*, NS 28.2: 304–45.
- PARRY, K. 1996. *Depicting the Word: Byzantine Iconophile Thought of the Eighth and Ninth Centuries* (Leiden).
- SAHAS, D. J. 1986. *Icon and Logos: Sources in Eighth-Century Iconoclasm* (Toronto).

Рекомендуемое чтение

Литература по теме обширна, а ее идейная окрашенность определяется концептуальными рамками автора, будь то византийского или современного. В настоящее время нет такого понятия как «объективный» обзор, но Martin 1930 по-прежнему остается наиболее точным повествованием о письменных источниках, в работе Hennephof 1969 представлено полезное собрание письменных источников, а Grabar 1957 является описью коллекции археологических материалов, усовершенствованной и расширенной в работе Brubaker and Haldon 2001. Auzépy 1997 дает полное понимание проблем прочтения и интерпретации одного из наиболее цитируемых византийских источников. Ни один из таких текстов нельзя принимать за чистую монету, будь то историческое повествование, богословский комментарий или же поддельные документы; так, участники Никейского собора 787 г., принимая близко к сердцу возможность подделки текстов или прочтения их в отрыве от контекста, настаивали, чтобы письменные документы были представлены в полной форме (Sahas 1986).

Исследования Freedberg 1989, Duffy 1992, Besancon 2001 помещают византийское иконоборство в исторический контекст; аналогичные формы антипатии к священным изображениям наблюдались и в другие периоды, в частности, в период европейской Реформации, когда библейские и богословские тексты, используемые византийцами, тоже подвергались переоценке.

Глава III.16.5 ИКОНЫ

Мария Вассилаки

Иконы являются, вероятно, одной из важнейших составляющих наследия Византии. Они – наиболее характерное творение византийского общества и Православной Церкви. Само слово «икона» (*eikon*) греческого происхождения, производное от глагола *eoika* – «быть подобным». Следовательно, «*eikon*» означает истинное подобие изображения изображаемому лицу, а этимология слова тесно связана с природой самой иконы. В большинство европейских языков греческое название вошло в виде транслитерации, как обозначение образа для поклонения. Однако в английском языке слово получило гораздо более широкое значение: согласно Кембриджскому словарю английского языка (*Cambridge English Dictionary*), оно также означает и известную личность или предмет, ассоциируемые с набором верований или жизненным стилем (пример: Элвис Пресли, Мэрилин Монро), либо символ на экране компьютера.

Византийская икона – это изображение на любом из возможных материалов (мраморе, мозаике, текстиле, слоновой кости, стеатите, эмали, золоте, серебре, дереве и т. д. (Weitzmann 1978)), хотя в наше время общепринятое значение этого слова – религиозный портрет, выполненный яичной темперой на позолоченной деревянной доске. Икона была, а в Православной Церкви по-прежнему остается, «образом» для поклонения, заслуживающим особого почтения и уважения. Почитание, воздаваемое иконе, переносится на первообраз изображенного на ней святого. Такое мнение об иконах эксплицитно выразил уже в IV в. Св. Василий Великий (Mango 1972: 47; *De Spiritu Sancto* (PG 32. 149C)): «...честь, воздаваемая образу, переходит на первообраз») и далее развивал в VIII в. Св. Иоанн Дамаскин (Mango 1972: 171; *De Imaginibus Oratio* III (PG 94. 1337)): «Мы почитаем иконы; это есть почитание, воздаваемое не веществу, но тем, кто вещественно изображен на них. Честь бо образу воздаваемая на первообразное восходит»), а в IX в. Св. Феодор, игумен Студийского монастыря в Константинополе (Mango 1972: 173; *Epistola ad Platonem* (PG 99. 500–1)): «Любое искусственно созданное изображение ... являет собой посредством подражания форму первообразного..., первообразное скрыто в образе, одно в другом, кроме разницы ве-

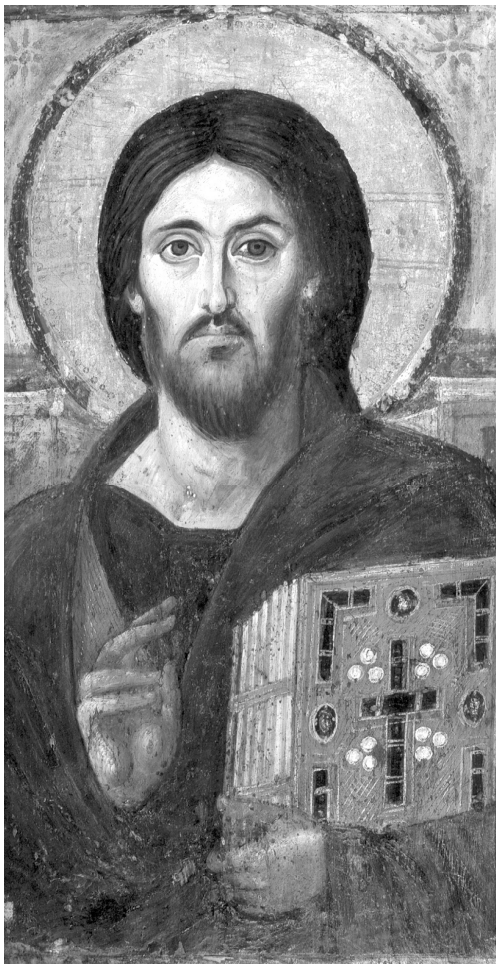

Рис. 1. Синай. Монастырь Св. Екатерины. Икона Христа Пантократора, VI в., энкаустика

щества... Следовательно, тот, кто почитает образ, разумеется, почитает лицо изображенное, а не вещество, из которого изготовлено изображение... Общность (единство) почитания вовсе не отделяет первообразное от образа, а значит, в силу схожести образ и первообразное едино есть»). Некоторые ученые утверждали, что женщины могли сыграть решающую роль в распространении иконопочитания в домашнем кругу (Herrin 1982; Mathews 2002), но этот взгляд подвергался критике со стороны других исследователей (Cormack 1997b).

Принято считать, что погребальные портреты, именуемые фаумскими, по названию оазиса в Египте, в котором они были обнаружены, являются предшественниками икон. Данная гипотеза подкрепляется в дальнейшем тем фактом, что некоторые из наиболее ранних византийских икон были изготовлены, как и фаумские изображения, с приме-

нением той же самой техники, известной как энкаустика (основной характеристикой энкаустической иконы являлось то, что краску смешивали с пчелиным воском, а для того, чтобы воск смешался с красителем, его необходимо было подогреть; с этой целью использовали поддон с углублениями; каждое углубление содержало определенную краску; горячей должна была быть и сама иконная доска, ее нагревали как только воск был готов к нанесению на поверхность). Энкаустические иконы, сохранившиеся и по сей день, датируются ранним периодом, преимущественно VI–VII вв. (рис. 1) По большей части они происходят из монастыря Св. Екатерины на г. Синай (даже и те, что ныне хранятся в Городском музее восточного и западного искусства в Киеве, тоже привезены с Синая (Weitzmann 1976: иконы nos B.1–16)), и сравнительно немногие обнаружены в Риме (Amato 1988).

Фаумские портреты не следует воспринимать как единственные предшественники икон, поскольку римское искусство уже в III в. имело образцы живописных произведений на досках – тондосы, диптихи, триптихи (Cormack 1997a: 65–76).

Рис. 2. Лондон. Британский музей. Торжество Православия, ок. 1400 г.

Они в основном были выполнены яичной темперой (живописная техника, при которой яичный желток, используемый как вяжущее вещество, смешивается с порошковым красителем); данный способ также вошел в иконопись еще с раннего периода (Weitzmann 1976: пример иконы nos. B.36, B.41–45) и в конце концов стал стандартной техникой иконописания.

В период иконоборства (726–787 и 815–843 гг.) изготовление и размещение живописных икон в Церкви было официально запрещено. Однако, несмотря на запреты, весьма вероятно наличие подпольного производства икон, и случай со Св. Лазарем, художником, которого иконоборцы наказали за настойчивость в рисовании икон тем, что ожгли ему руки, можно считать доказательством (Delehayе 1902: 231–4; Mango 1972: 159). Седьмой Вселенский собор в Никее (787 г.) подытожил принципы иконопочитания, но окончательно икона была восстановлена в своих правах в 843 г. С того времени и далее иконы свободно изготовляли и выставляли для всеобщего почитания. Это событие, известное как Неделя Торжества Православия (по-гречески *He Anastylosis ton eikonon* (Восстановление икон), отмечалось ежегодно в первое воскресенье Великого Поста и само является сюжетом небольшой иконы, ныне хранящейся в Лондоне, в Британском музее (инв. M&LA 1988: 4–11, 1: см.: рис. 2). Икона, датируемая на основании стиля написания приблизительно 1400 г. (Cormack 1997b), содержит в двух горизонтальных рядах изображения семнадцати лиц, выступавших в защиту икон (императрица Феодора и ее сын Михаил III, Патриарх Мефодий, Феодор Студит и т. д.). В центре верхнего ряда икона Пресвятой Богородицы Одигитрии, которая, по преданию, была написана святым евангелистом Лукой еще при жизни Пречистой Девы.

Икона Пресвятой Богородицы Одигитрии, бывшая наиболее известной и почитаемой из всех живописных изображений, когда-либо изготовлявшихся в Византии, значится в перечне двенадцати нерукотворных чудотворных икон (ахиروпиитэ – *acheiropoietai*) в тексте, который претендует на датировку периодом иконоборства, хотя ныне считается написанным между 861 и 866 г., то есть в ближайшие годы после иконоборства. Это *Письмо трех Патриархов к императору Тео-*

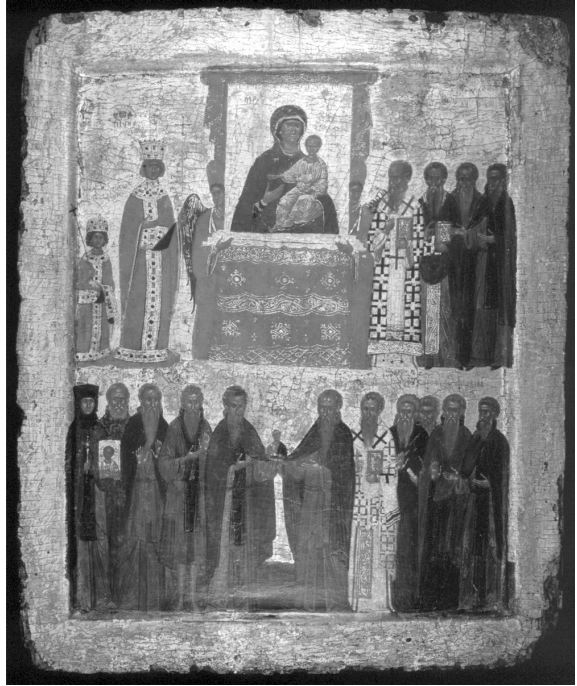

Рис. 3. Синай. Монастырь Св. Екатерины: две части триптиха со Спасом Нерукотворным, середина X в.

филу (Munitiz and others 1997). Двенадцать чудотворных икон, упоминавшихся в письме, играли решающую роль на протяжении иконоборского противостояния и стали главнейшим оружием и полемическим аргументом защитников икон (иконофилов или иконодулов) против иконоборцев («иконокрушителей»). Среди этих икон Мандилион (*Mandylion*) – образ Спаса Нерукотворного из Эдессы (рис. 3) и Керамион (*Keramion*), представляющие отпечатки изображений Лица Христова соответственно на полотне и кирпиче, а также упоминается икона Христа из Камулианы.

Для последнего периода иконопочитания характерен рост важности икон, которые, стали неотъемлемой составляющей Церкви и богослужебного ритуала. Наиболее яркое свидетельство поргессирующей роли икон в храмовом пространстве содержится в истории темплона. Низкая и открытая алтарная преграда до иконоборского периода была заменена высокой, украшенной иконами: горизонтальная балка (эпистилий) была занята изображениями двенадцати главных праздников (Додекаортон – *Dodekaorton*) или Великим Деисусом (Христос, Пресвятая Богородица и Св. Иоанн Креститель с двенадцатью апостолами, изображенные в половину роста), а межколонное пространство было занято иконами Господних Дванадцатых праздников (деспотики – *despotikai*). С XI по XIII вв. деревянная алтарная преграда продолжает постепенно развиваться (Chatzidakis 1976), а с ростом количества украшавших ее икон, в конце концов становится, в последующие периоды, иконостасом.

Богатейшие собрания икон сохранились в монастыре Св. Екатерины на г. Синай (Weitzmann 1976; Manafis 1990: 120–34, figs. 1–102) и в монастырях Св. г. Афон (*Treasures of Mt Athos* 1997). Считается, что на г. Синай сохранилось более 5000 икон, датируемых начиная от VI в. Сухой климат на плато, на котором возведен монастырь, а также тот факт, что Синай, захваченный к концу VII в. арабами, не был частью Византийской империи в период иконоборства, объясняет, между прочим, сохранность такого количества столь древних икон.

Рис. 4. Кастория, Византийская коллекция: двухсторонняя икона, втор. пол. XII в.

Напротив, количество икон, сохранившихся в двадцати монастырях г. Афон, оценивается в 10 000, но датируются они начиная с X в.

В храмах, и особенно чаще всего, в монастырских церквах на стенах размещали длинные ряды икон. На проскинитарии, аналое, покрытом балдахинном, находящимся слева от нефа, размещалась икона-календарь с изображениями почитаемых святых или праздников на каждый день календарного года. Здесь священник поклонялся, выполняя так называемый проскинисис и целовал икону аспасмос (*aspasmos*).

Выносные или процессионные иконы стали играть важную роль в церковном ритуале, в особенности с XI и XII в. и далее. Поскольку они были переносными, доску иконы необходимо было расписывать с двух сторон (двусторонние иконы). С нижней стороны имелись пазы, в них вставлялись шесты, на которых иконы несли в процессии. Богослужебный ритуал Страстной Седмицы, особенно Страстной Пятницы, привел к созданию очень важной группы двусторонних процессионных икон с Богородицей и Младенцем Христом с одной стороны и Распятием либо иконографическим сюжетом «Христос во гробе» с другой стороны (Belting 1980–1). Наиболее ранний из сохранившихся экземпляров – икона из Кастории (рис. 4), датируемая периодом после второй половины XII в., с изображением Богородицы Одигитрии на одной стороне и Христос во гробе «Нерыдай Мене, Мати» на другой (*Mother of God* 2000: no. 83).

Иконы из драгоценных материалов (золото, серебро, эмаль, самоцветы) существовали в Византии в значительных количествах, хотя до наших дней сохранились лишь немногие из них. Две из них, сегодня находящиеся в Сокровищнице Сан Марко в Венеции (*Il tesoro* 1986: nos. 12, 19), возможно, были выполнены по заказу императора и предположительно хранились в одной из церквей Большого императорского дворца. Эти две иконы попали в Венецию как трофей в результате захвата и разграбления Константинополя участниками Четвертого Крестового похода в 1204 г. Такие роскошные и великолепные произведения дают некоторое представление о внешнем виде икон, предназначавшихся для императора.

Иконы для личного пользования обычно отличались небольшими размерами. Считается, что в основном частные функции выполняли триптихи, и поскольку они были складными, то легко могли сопровождать своих владельцев и служить им защитой в путешествиях (Weitzmann 1964–5: 18–23). Мозаичные иконы иногда также предназначались для частного пользования, в особенности те, что не только имели малые размеры (Furlan 1979; Demus 1991), но и были выполнены из мелких кусочков мозаики (Müntz 1886; Bettini 1938; Demus 1960).

Количество сохранившихся мозаичных икон весьма ограничено, но поскольку большая их часть датируется концом XIII в. и первыми десятилетиями XIV в. (ок. 1260–1320 гг.), а по стилю их создание приписывают константинопольским ремесленникам, становится ясным, что в поздневизантийский период столичная элита питала склонность к миниатюрным мозаичным иконам. Многие из этих икон к концу XIV в. уже проторили дорогу в Западную Европу, где их коллекционировали такие выдающиеся личности как сам Папа римский (Müntz 1879).

Диптихи также создавали по заказу частных лиц. Диптих из Куэнки – один из наиболее характерных тому примеров (*Mother of God* 2000: по. 30); он был написан по заказу деспота Янины Фомы Прелюбовича и его жены Марии Ангелины Дукини Палеологини, вероятнее всего между 1382 и 1384 гг. Диптих из Куэнки относится к редким по форме, служившим одновременно и в качестве иконы-диптиха, и в качестве реликвария; в нем хранятся останки двадцати восьми святых, изображенных на двух его створках. Вообще реликварии-иконы или реликварии-диптихи в Византии были редки. Наиболее раннее упоминание о таких работах следует искать в описи имущества монастыря Св. Иоанна Богослова на острове Патмос, датируемой 1200 г., в которой упоминаются и реликварий-икона, и реликварий-диптих; ни одна из этих работ на сегодняшний день в монастыре не хранится (Chatzidakis 1985: 21, nos. 9, 12).

Обычно высоко ценились и почитались в Византии те иконы, которые имели силу чудотворения. Такое отношение к ним, вероятно, изменилось лишь в более поздние периоды развития иконописи. Однако, как только икону покрывали золотой или серебряной ризой (Grabar 1975), она автоматически приобретала эстетическую и объективную ценность.

В описях имущества монастырей, типиконах, бревионах и актах дарения редко упоминаются обычные (неукрашенные) иконы, а если и упоминаются, то в самом конце списков, тогда как иконы, облаченные в драгоценные материалы, упоминаются всегда и, как правило, с подробным описанием.

Значение живописных икон возрастало начиная с середины XI–XII вв. и далее, поскольку они становились частью литургии с ее ритуалами. Это привело к созданию новых, несущих эмоциональную нагрузку изображений, так называемых «живописаний», иконография которых основывалась на текстах церковных песнопений и молитв (Belting 1994: 261–96). Роль монастырей в установлении этого нового формата живописной иконы была, вероятно, решающей. Монастыри, в особенности Синайский, также связаны с возникновением особого рода иконы – календарной, в форме диптихов, тетраптихов и полиптихов, с рядами изображений святых и праздников, упорядоченных, согласно дате почитания, по месяцам (Mouriki 1990: figs. 16–17).

Святых, сцены их мученичества и чудес стали помещать на иконах новой формы, так называемых «житийных» иконах (Ševčenko 1999). Одиночное изображение самого святого занимает центральную часть такой иконной доски, а различные сцены размещены (как правило) либо вокруг него по всем четырем сторонам, либо (иногда) по боковым сторонам в два вертикальных ряда. Иконы Св. Николай и Св. Георгий, вероятно, относятся к наибольшему числу сохранившихся до наших дней «житийных» икон, тогда как иконы с изображением Житий

Св. Василия (из коллекции Менилов в Хьюстоне (Menil Collection), штат Техас (Weyl Carr 1992)), Св. Иоанна Крестителя, Св. Екатерины и Св. Пантелеимона (все три с г. Синай (Mouriki 1990: figs. 46, 52, 53) редки.

Значительное количество икон, датируемых начиная со второй половины XIII в., усвоили западные элементы до такой степени, что Курт Вейцман пришел к предположению, что они были написаны на горе Синай художниками-крестоносцами, обосновавшимися в монастыре (Weitzmann 1966; 1982). Данная точка зрения неоднократно оспаривалась (Mouriki 1985–6; Cormack and Mihalarias 1984; Pace 1993; Aspra-Vardavakis 2002), но по-прежнему достоверно не известной остается национальность художников, выполнивших такие иконы как «Распятие» и «Сошествие во ад», хранящиеся на Синае (Mouriki 1990: figs. 63, 64). Сирия, Палестина, Кипр упоминались в качестве вариантов в данной дискуссии о местах происхождения. С другой стороны, тот факт, что такой альтернативой мог являться венецианский Крит, остается предметом всевозможных спекуляций, поскольку следов производства икон там в XIII в. практически не осталось.

Периодом наибольшего расцвета иконописи был поздневизантийский период (1261–1453 гг.) Количество икон тогда чрезвычайно умножилось и превзошло число произведений монументальной живописи, как фресок, так и мозаик. И не только количество, но также и качество поздневизантийской иконы достигло невиданного ранее уровня. Распространение икон, многие из которых сохранились вплоть до наших дней, по всей территории империи доказывает, что не один Константинополь производил иконы высочайшего качества. Столь же важную роль в деле создания икон в конце XIII–XIV вв. предположительно играла Фессалоника, получавшая заказы не только от богатых монастырей Св. г. Афон (например, икона Христа, ныне находящаяся в Эрмитаже, заказанная двумя братьями Алексеем и Иоанном, основателями монастыря Христа Вседержителя (*Sinai, Byzantium, Russia* 2000: no. B125)), но также и местных правителей и их жен (например, икона монастыря Поганово (Сербия), предположительно, заказанная королевой Еленой Серрской (Babić 1987)). Начиная приблизительно с 1400 г. венецианский Крит выделяется как наиболее значимый центр создания икон, а документально подтвержденное присутствие на острове константинопольских художников в условиях преимущественного экономического процветания в то время, вероятно, сыграло весомую роль (Chatzidakis 1974).

Что касается икон, сохранившихся до наших дней, количество подписанных художниками среди них весьма невелико. Также источники весьма скудны в том, что касается информации об иконописцах. Художник Пантолеон – редкое исключение, поскольку его подпись сохранилась на ряде миниатюр, использованных для Минология Василия II (Vat. gr. 1613); кроме того он значится как иконописец, творивший в Константинополе, где содержал частную мастерскую около 1000 г. (Ševčenko 1962, 1972). Случай Пантолеона, кроме всего прочего, доказывает, что иконописцы могли в то же время являться и художниками-миниатюристами. Есть предположение, что иконописцы были иногда также и создателями фресок или мозаичистами, но основой для определения авторства чаще всего является стилистическое сходство фресок, мозаик и икон. Фрески XII в. художника Феодора Апсевда, чье имя значится в надписи-посвящении в настенной росписи

обитатели Св. Неофита на Кипре, на этом основании также было связано с иконами того же периода, такими как икона Богородицы (Аракиотисса) в Византийском музее Никосии (*Mother of God* 2000: no. 62). Георгий Каллиерг, который, согласно надписи-посвящению, выполнил фрески внутренней отделки церкви Воскресения Христова в Верии (северная Греция), исходя из этого, вероятно, являлся также и иконописцем (*Mother of God* 2000: no. 65). Аналогично, имя создателя фресок Феофана Грека, расписавшего храм Преображения Господня в Новгороде (1378 г.), связывают на основании стиля с несколькими иконами того же периода, среди которых двусторонняя икона Богоматери Донской (Smirnova 1989: pls. 28–33). Наконец, икону Св. Петра в Британском музее предположительно выполнил мастер-мозаичист из монастыря Хора близ Константинополя (Cormack 1983). И только в поздней Византии, в особенности на венецианском Крите, количество иконописцев, подписывавших свои работы, существенно увеличилось, и этот факт обычно интерпретируют как знак изменения социального статуса художника и роли самой иконы (Vassilaki 1997).

ЛИТЕРАТУРА

- AMATO, P. 1988. *De vera effigie Mariae. Antiche icone romane* (Rome).
- ASPRA-VARDAKIS, M. 2002. 'Observations on a thirteenth-century Sinaitic diptych representing St Procopious, the Virgin Kykkotissa and saints along the border' in M. Vassilaki (ed.), *Byzantine Icons: Art, Technique and Technology* (Heraklion): 89–98.
- BABIĆ, G. 1987. 'Sur l'icône de Poganovo et la vasilissa Hélène', in *L'Art de Thessalonique et des pays balkaniques et les courants spirituels au XIVe siècle* (Belgrade): 57–67.
- BELTING, H. 1980–1. 'An image and its function in the liturgy: the Man of Sorrow in Byzantium', *DOP* 34–5: 1–16.
- 1994. *Likeness and Presence: A History of the Image before the Era of Art*, trans. E. Jephcott (Chicago).
- BETTINI, S. 1938. 'Appunti per lo studio dei mosaici portatili bizantini', *Felix Ravenna* 46.1: 7–39.
- CHATZIDAKIS, M. 1974. 'Les débuts de l'école crétoise et la question de l'école dite italogrecque', in *Mnemosynon Sophias Antoniadis* (Venice): 169–211 (repr. in *Études sur la peinture post-byzantine* (London, 1976): no. IV).
- 1976. 'L'Évolution de l'icône aux 11e–13e siècles et la transformation du templon' in *XVe Congrès international d'études byzantines. Rapports et co-rapports*, III: *Art et Archéologie. Byzance de 1071 à 1261* (Athens): 159–91.
- 1985. *Icons of Patmos: Questions of Byzantine and Post-Byzantine Painting* (Athens).
- CORMACK, R. 1997a. *Painting the Soul: Icons, Death Masks and Shrouds* (London).
- 1997b. 'Women and icons and women in icons', in L. James (ed.), *Women, Men and Eunuchs: Gender in Byzantium* (London): 24–51.
- and MIHALARIAS, S. 1984. 'A Crusader painting of St. George: "maniera Greca" or "Lingua Franca"?' , *Burlington Magazine* 126: 13–41.

- DELEHAYE, H. (ed.) 1902. *Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae: Propylaeum ad Acta SS Novembris* (Paris).
- DEMUS, O. 1960. 'Two Paleologan mosaic icons in the Dumbarton Oaks Collection', *DOP* 14: 89–119.
- 1991. *Die byzantinischen Mosaikikonen*, I: *Die grossformatigen Ikonen* (Vienna).
- FURLAN, I. 1979. *Le icone bizantine a mosaico* (Milan).
- GRABAR, A. 1975. *Les revêtements en or et en argent des icônes byzantines du moyen âge* (Venice).
- HERRIN, J. 1982. 'Women and the faith in icons in early Christianity', in R. Samuel and G. Stedman Jones (eds.), *Culture, Ideology and Politics: Essays for Eric Hobsbawm* (London): 56–83.
- Il tesoro* 1986. *Il tesoro di San Marco*, exhibition catalogue (Milan).
- MANAFIS, K. A. (ed.) 1990. *Sinai: Treasures of the Monastery of Saint Catherine* (Athens).
- MANGO, C. 1972. *The Art of the Byzantine Empire, 312–1453: Sources and Documents* (Englewood Cliffs).
- MATHEWS, T. F. 2002. 'The emperor and the icon', *Acta ad Archaeologiam et Artium Historiam Pertinentia* 15: 163–77.
- MIHALARIAS, S, and CORMACK, R. 1983. *A Major New Discovery: The Icon of Saint Peter. Exhibition catalogue*, Barbican Art Gallery (London).
- Mother of God* 2000. M. Vassilaki (ed.), *Mother of God: Representations of the Virgin in Byzantine Art*. Exhibition catalogue, The Benaki Museum (Athens–Milan).
- MOURIKI, D. 1985–6. 'Thirteenth-century icon painting in Cyprus', *Griffon* 1–2: 9–112.
- 1990. 'Icons from the twelfth to fifteenth century', in Manafis 1990: 101–25.
- MUNITIZ, J., and others. 1997. *The Letter of the Three Patriarchs to the Emperor Theophilos and Related Texts* (Camberley, Surrey).
- MÜNTZ, E. 1879. *Les arts à la cour des Papes pendant le XVe et le XVIe siècle: recueil de documents inédits tirés des archives et des bibliothèques Romaines, Deuxième partie. Paul II. 1467–1471* (Paris).
- 1886. 'Les mosaïques byzantines portatives', *Bulletin monumental*, 6th ser. 52: 223–40.
- PACE, V. 1993. 'Fra la maniera greca e la lingua franca. Su alcuni aspetti e problemi delle relazioni fra la pittura Umbro-Toscana, la miniatura della Cilicia e le icone di Cipro e la Terrasanta', in *Il classicismo. Medioevo, Rinascimento, Barocco, Atti del Colloquio Cesare Gnudi* (Bologna): 71–81.
- ŠEVČENKO, I. 1962. 'The illuminators of the Menologium of Basil II', *DOP* 16: 245–76.
- 1972. 'On Pantoleon the painter', *JÖB* 21: 241–9.
- 1999. 'The *Vita* icon and the painter as hagiographer', *DOP* 53: 149–65.
- Sinai, Byzantium, Russia* 2000. Y. Piatnitsky and others (eds), *Sinai, Byzantium, Russia: Orthodox Art from the Sixth to the Twentieth Century*. Exhibition catalogue, the Saint Catherine Foundation and the State Hermitage Museum (St Petersburg–London).
- SMIRNOVA, E. 1989. *Moscow Icons 14th–17th Centuries* (Oxford).
- Treasures of Mt Athos* 1997. *Treasures of Mount Athos*. Exhibition catalogue, Museum of Byzantine Culture (Thessalonike).
- VASSILAKI, M. 1997. 'Apo ton "anonymo" byzantino kallitechne ston "eponymo" kretiko zographo tou 15ou aiona', in eadem (ed.), *To portraito tou kallitechne sto Byzantio* (Herakleion): 160–201.

- WEITZMANN, K. 1964–5. ‘Fragments of an early St Nicholas triptych on Mount Sinai’, *DCAE*, 4th ser. 4: 1–23.
- 1966. ‘Icon painting in the Crusader Kingdom’, *DOP* 20: 51–83.
- 1976. *The Monastery of Saint Catherine at Mount Sinai: The Icons*, vol. 1: *From the Sixth to the Tenth Century* (Princeton).
- 1978. *The Icon: Holy Images Sixth to Fourteenth Century* (London).
- 1982. ‘Crusader icons and la “maniera greca”’, in H. Belting (ed.), *Il medio oriente e l’occidente nell’arte del XIII secolo, Atti del XXIV Congresso Internazionale di Storia dell’Arte* (Bologna): 71–7.
- WEYL CARR, A. 1992. ‘The Vita Icon of Saint Basil: notes on a Byzantine object’, in B. Davezac (ed.), *Four Icons in the Menil Collection* (Houston, Tex.): 94–105.

Углубленное чтение

Наряду с вышеупомянутыми работами полезная информация содержится в следующих изданиях:

- CORMACK, R. 1985. *Writing in Gold: Byzantine Society and its Icons* (London).
- DAVEZAC, B. (ed.) 1992. *Four Icons in the Menil Collection* (Houston, Tex).
- EASTMOND, A., and JAMES, L. (eds.) 2003. *Icon and Word: The Power of Images in Byzantium* (Aldershot).
- EVANS, H. (ed.) 2004. *Byzantium, Faith and Power (1261–1557)*, exhibition catalogue, the Metropolitan Museum of Art (New York).
- KITZINGER, E. 1954. ‘The cult of images in the age before Iconoclasm’, *DOP* 8: 83–150 (repr. in W. E. Kleinbauer (ed.), *The Art of Byzantium and the Medieval West: Selected Studies by Ernst Kitzinger* (Bloomington–London, 1976), no. V).
- PENTCHEVA, B. 2006. *Icons and Power: The Mother of God in Byzantium* (University Park, Pa.).
- ŠEVČENKO, N. 1991. ‘Icons in liturgy’, *DOP* 45: 45–57.
- VASSILAKI, M. (ed.) 2005. *Images of the Mother of God: Perceptions of the Theotokos in Byzantium* (Aldershot).
- VIKAN, G. (ed.) 1988. *Icon: Four Essays* (Baltimore).
- VOCOTPOULOS, P. 1995. *Greek Art: Byzantine Icons* (Athens).
- WEYL CARR, A. 2000. ‘Court culture and cult icons in Middle Byzantine Constantinople’, in H. Maguire (ed.), *Byzantine Court Culture from 829 to 1204* (Washington, DC): 81–99.

Глава III.16.6 ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО И ПЕРИФЕРИЯ

Энтони Истмонд

Проблемы оценки уровня профессионализма между столичным и провинциальным искусством византийского мира во многом надуманы. Византийские писатели, такие как Никита Хониат, непрестанно провозглашали Константинополь центром империи, движущей силой и источником всего: «О, город, город, зеница городов, всемирная похвала, неотмирное чудо, млекопитательница церквей, светоч веры, вождь Православия, излюбленный предмет речей и молитв, всякого добра вместилище!» (Nic. Chon. 576). И в самом деле, Константинополь был имперским центром, монополистом в производстве предметов роскоши, таких как шелк и мозаика, а также источником культурной и творческой энергии империи. В то же время, брат Никиты, Михаил, митрополит Афин, жалуется на отсталость и невежество провинций.

Так мы можем вкратце резюмировать разделения по принципу «столица-провинция», которое охотно переняло большинство современных историков и искусствоведов, в том числе Беквиз (Beckwith 1961) и Демус (Demus 1964: 90): «Византийское искусство фактически является искусством одного города... Константинополя». Такая точка зрения подразумевает соответствующее стереотипное восприятие природы византийского искусства. Подразумевается, что искусство Константинополя является высочайшего качества, и что именно оно наиболее инновационно и креативно; это автоматически классифицирует искусство периферии – провинций империи и соседних государств на Востоке и на Западе – как низшее по качеству и стилистически зависимое. Дилемма для историков искусства заключается в том, что большая часть сохранившихся произведений обнаружена вне константинопольского контекста. Несоответствие между описаниями современников произведений искусства столицы и тем, что в действительности сохранилось, свидетельствует о масштабах потерь: стоит лишь сравнить в «Жизнеописании Василия» (*Vita Basilii*) описание Большого императорского дворца в IX в. с его редкими фрагментарными остатками сегодня, или экфрасисы (описание произведения изобразительного искусства или архитектуры в литературном тексте) Константина Родосского и Николая Месарита, описы-

вающие полностью утраченную церковь Св. Апостолов (Mango 1972: 192–201, 232–233). Напротив, многочисленные сооружения с фресковой росписью, к примеру, в Каппадокии и Фессалонике, являются более наглядным подтверждением наличия насыщенной художественной жизни вдали от центра. Это расхождение между реальностью и ожиданиями порождает многочисленные методологические споры об отношениях между центром и периферией, и это, в свою очередь, имеет определяющее влияние на общие концепции структуры Византийской империи в целом, а также ее взаимоотношений с соседями.

Истоки спора о центре и периферии восходят к аргументации относительно природы и источников нововведений в искусстве позднеантичной и Византийской империи. Сформировавший новый научный взгляд около 1900 г. Стржиговский (Strzygowski 1901, 1903) отстаивал право переместить истоки византийского искусства гораздо восточнее, говоря о триумфе привнесенных извне ориентальных форм над эллинистическими традициями. Это было противопоставлением локализованной модели, в которой нововведения развивались из более «местных» идей, процветавших в империи, как полагал, к примеру, Айналлов (Ainalov 1961). Данная дискуссия шире, нежели проблема примата Константинополя, описанная выше, но обе они основываются на аналогичном разделении между центром и периферией и обе порождают схожие вопросы об источниках нововведений и творчества и средствах их распространения в культурной среде. Аргументация «*Rom oder Orient*» вызывала вопросы, которые сейчас в целом считаются чересчур поляризованными, чтобы иметь какую-либо ценность для современной истории искусства (и модель Стржиговского с ее расистскими коннотациями сегодня особенно непопулярна), но их влияние на концепции империи и искусства по-прежнему зиждется на прочном основании репутации Константинополя как центра, создававшегося и правителями империи, и ее жителями.

Во-первых, важно определить, может ли сохраняться простая дихотомия между центром и периферией. Традиционная точка зрения заключается в том, что центр является движущей силой новаторства и эталоном качества, а то, что удастся создать в провинциях, в обязательном порядке создается позднее и в качестве подражания оригиналам митрополии. Это культурный эквивалент экономической политики «просачивания», которой отдавали предпочтение консервативные правительства 1980-х гг. Она предполагает, что центр обладает виртуальной монополией на лучших деятелей искусства и инженерную интеллигенцию, что и художники, и заказчики из провинции всегда именно в центре искали вдохновения и новых идей. Данная культурная модель распределения творчества между правящим центром и управляемой периферией подвергалась критике как порождение колониального менталитета (Castelnuovo 1986: 43–48). И хотя, вне всякого сомнения, верно, что возможности императора и его двора позволяли ему доминировать в художественном творчестве, если ему так было угодно, это не означает автоматически наличия односторонних во взаимоотношениях с провинцией.

Разделение между центром и периферией также основывается на определенных мнениях относительно того, что следует изучать историкам искусства, а также целей истории искусства. Приоритет отводится качеству (как бы

его ни определяли) как основному средству определения ценности искусства. Это оправдывает фокусировку на Константинополе на основе предположения, причем весьма основательного, о возможности производства там лучших произведений искусства. Однако, поскольку в центре мало что сохранилось, историки искусства вынуждены обратиться к сохранившемуся в провинциях, чтобы восполнить многочисленные столичные пробелы. Произведения искусства, обнаруженные в провинциях, которые историки искусства считают образцом наивысшего качества, приписывают центру: они представлены как пример константинопольского искусства, привезенный из столицы, доказательством чему служит подзаголовок работы Эпштейна *«Токали килисе: Столичное искусство в византийской Каппадокии X в.»* (Epstein 1986). Интерпретация других малых памятников представляет их как искаженно воспроизводящие константинопольское искусство. Если возможно распознать и отделить стилистическое искажение, можно восстановить первоначальную столичную художественную форму. Эта идея лежит у Отто Демуса в основе описания стиля больших мозаичных храмов XI в. (Demus 1948: 52–61). Все такие оценки возможны лишь путем сопоставления провинциальных произведений с вымышленным, воображаемым во многом представлением о константинопольском качестве.

Данная модель может вызывать критику. Ее ограничения легче всего обобщить в вопросе: с какого момента нечто, произведенное в провинции, становится достаточно хорошим, чтобы квалифицировать его как «столичное»? В такой формулировке, довольно, впрочем, грубой по общему признанию, становится явной вся условность подобного разделения. Становится очевидным, что «столичный», «периферийный» и «провинциальный» понятия не географические, но концептуальные, полностью отражающие современные ценностные суждения. И данный способ разделения извне дискредитируется наличием высококачественных произведений искусства, созданных провинциальными художниками в местах, не имевших связи с центром, таких как двуязычные греко-арабские иконы, написанные иконописцем Стефаном для поселений вокруг монастыря Св. Екатерины на горе Синай (Piatnitsky and others 2000: 242–3). Более того, он дискредитируется и изнутри, когда даже работы несомненно столичного, императорского происхождения оцениваются как низшие по качеству (например, «однообразный» Минологий Василия II (Ševčenko 1962: 246)). А результат наилучшим образом подытожил Отто Демус (Otto Demus 1964: 109), посетовавший: «Иногда создается впечатление, что в нашем распоряжении всего лишь копии утраченных оригиналов высочайшего качества. Это, конечно же, не так, и не может быть правдой: к примеру, мозаики, сохранившиеся сегодня в храме Св. Софии, наверняка были в числе лучших произведений, на которые только была способна имперская столица. Но даже и они, при всем их совершенстве, создают впечатление, что должны были существовать еще другие – почти невообразимого великолепия». Демус не только установил воображаемые стандарты константинопольского качества слишком завышено даже для столичного имперского искусства, но и остался в невыгодном положении, когда невозможно судить по существу о том, что сохранилось, в состоянии ослепления от собственного тоскующего взгляда ввысь.

Влияние данного способа разделения очевидно проявилось в дискуссии о иллюстрированных рукописях, наподобие так называемых рукописей «декоративной» группы, созданных около 1150–1250 гг., которые по-прежнему классифицируют в категориях «динамического противостояния» столицы и провинции (Buchthal 1983; Carr 1987). И это несмотря на тот факт, что определено место происхождения лишь двух манускриптов из всей группы.

Воспринимаемая буквально дихотомия «центр-периферия» не дает историкам искусства возможности исследовать сохранившиеся произведения сами по себе; критике также подвергался интерес Вейцмана к пересмотру текстов рукописей (Dolezal 1998). Упорное стремление некоторых исследователей соизмерять все с центром, то есть с Константинополем, чревато опасностью того, что мы перестанем оценивать искусство в его собственном контексте. Значимость местных характеристик занижается в пользу того, что можно соотнести с центром. Даже Вортон (Wharton 1988) в попытке жестче оценивать искусство в региональном контексте все равно отводит Константинополю роль внесистемной, центральной точки стилистического анализа, эталонной для различных географических регионов.

Отбор отдельных произведений искусства в провинциях империи и изучение их как образцов столичного изготовления помогает восстановить искаженную картину Византийской империи. Он способствует гомогенному видению империи, допуская единообразное ее развитие от Балкан до Кавказа приоритетно по сравнению с вопросами диверсификации территорий. Он воспринимает искусство империи как единую группу объектов, которые в другом случае, вероятно, имели бы мало общего. Это можно видеть в отборе памятников для включения в обзоры византийского искусства. Армянский иллюстратор Торос Рослин (Toros Roslin), к примеру, упоминается в одном из последних исследований (Cormack 2000: 190–191). Поскольку в работе дана веская оценка культурного взаимодействия, тот факт, что данный художник единственный во всей книге представитель Армении, имплицитно возводит его в ранг элиты византийского искусства и тем самым изымает из контекста Киликии, за пределами которой он не был известен при жизни.

Еще один весомый повод для критики в адрес модели «центр-периферия» заключается в том, что она статична и почти не предполагает перемещения в пределах империи: создается впечатление, что великие художники рождались и творили лишь в столичных мастерских. Это противоречит изобилию сведений о движении в пределах империи не только художников, но и их покровителей, чиновников и духовенства. Хотя большинство информации касается художников, путешествующих из центра для создания своих произведений в провинциях (данный факт следует, вероятно, отнести на счет предвзятости первоисточников), есть сведения и о художниках, двигавшихся в противоположном направлении. Нам известно и о том, что мозаичистов из Константинополя посылали в такие разные места как Медина и Киев для создания произведений искусства, соразмерных с политическими амбициями их новых правителей (Mango 1972: 132, 221), и о деятелях искусства, приезжавших в столицу, таких как армянский архитектор Трдат, вызванный из Ани для ремонта купола храма

Св. Софии в 989 г. (MacIer 1917: 132). Можно предложить и альтернативную модель империи, в которой Константинополь был бы чем-то ненамного большим, нежели просто склад творений высокого искусства и передовых идей, выжатых из провинции посредством сокровищ императора, а не прародителем и первоисточником таких произведений. Стереотип простого разделения по принципу «центр-периферия» явно следует сломать.

Еще более обширная концептуальная проблема модели коренится в самом способе определения понятия «столичный». Оно обычно не только применяется для отображения совершенства исполнения, но также и является мерилем значительных шагов вперед, художественных, интеллектуальных или литургических нововведений. Второе преимущественно с тем, чтобы вести вперед повествование, которое всегда будет более динамичным, если в нем подчеркнуть изменения, а не непрерывность и преемственность. Эта модель плохо сочетается с традиционной византийской идеей преемственности, богословским требованием к подлинности и действенности икон (см. эссе: Вейл-Кэпп (Weyl-Carr), Гумма-Петерсон (Gouma-Peterson) и Катлер (Cutler) в работе Littlewood 1995). Налицо потенциальный конфликт между средневековыми и современными ценностями. Современный интерес к инновациям рационален применительно к Византии только в том случае, если во всей империи производство сопоставляется одновременно при прочих равных условиях и если нововведение и модернизация ценятся выше всего. Не всегда прослеживается прямая корреляция между эстетическим качеством и интеллектуальным или литургическим совершенством. Более того, иконографический или стилистический консерватизм (который у историков искусства не в чести, как проявление «архаизма») можно интерпретировать как признак успешности, а не превосходства, демонстрируя силу влияния определенной художественной традиции. Акцентированный «архаизм» может скрывать доказательства реальных функциональных изменений.

Появляются также и терминологические вопросы – как следует воспринимать понятие «провинциальный/периферийный»? Оба этих термина имеют уничижительный оттенок, автоматически уступая привилегированное положение своему антониму «столичный». В последнее время ученые предпочитали термин-заменитель «региональный» (Ćurčić 1999, 2000). Такая альтернатива предполагает большую автономию и креативность в провинциях и развивает идею большую равенства между различными географическими территориями империи: Константинополь становится всего лишь *primus inter pares* среди регионов империи. Данная модель позволяет рассматривать вопросы искусствоведения вне контекста взаимоотношений со столицей. Это особенно важно для окраин империи, где более ценны взаимоотношения с соседними культурами, в частности, в Венеции и Южной Италии, на Балканах и Кавказе. В каждом из этих случаев взаимоотношение между каждой из культур и Константинополем существенно менялось с течением времени и невозможно рассматривать их искусство просто как искусство второстепенное по отношению к Константинополю. Есть примеры, когда жители периферии обращались к центру, признавая за ним более высокое качество; так, католикос Грузии Мелхисидек дважды ездил за иконами в Константинополь (Eastmond 1998: 53), но равно бывало и так, что те же самые культуры

нарочно отказывались от современного им константинопольского производства в пользу местной альтернативы; наиболее очевидно это проявлялось на Кавказе, где местные культуры колебались в своей культурной принадлежности между Византией и Персией (Jones 2001). Еще чаще налицо технически совершенное произведение в форме обособленной и независимой от столичного искусства, как, например, архитектура Кавказа VI–VII вв.; назвать ее провинциальной, значит навязать ей взаимоотношения, никогда реально не существовавшие. Региональная модель имеет одну несчастливую тенденцию – к сепаратизму в поддержку современных политических течений. В подобных случаях регионализм используется для насаждения искусственного разделения между Византией и местными культурами с целью утверждения отдельной, обособленной современной национальной идентичности. Региональная модель также имеет тенденцию воспроизводить в уменьшенном масштабе ту же дискуссию «центр-периферия» тем чаще, чем больше местных школ производства насчитывается в каждом регионе; это пример действия закона убывающей отдачи (Schrade 2001).

Вышеприведенная дискуссия об искусстве и периферии во многом представляет собой теоретическое моделирование «в вакууме». Оно предполагает, что в любой момент времени центр превалировал и игнорирует местные реалии. Художественное творчество Сицилии, к примеру, отражает не столько ограниченное влияние Константинополя, сколько потребность в том, чтобы Готвили примирили многочисленные религиозные и культурные группировки в своем королевстве (Tronzo 1997). Этот последний момент вызывает гораздо более обширную критику вопроса об искусстве и периферии, по той причине, что подразумевается безоговорочная пассивность позиции относительно влияния в искусстве. Идея о том, что центр создает, а периферия запоздало и в упрощенной форме перенимает у него некоторые творческие решения, на сегодняшний день вышла из моды. Это поднимает вопрос о «влиянии» парадигмах идей, исходящих из центра. Но современный критицизм предпочитает «соответствие», которое обращает фокус исследования на тех, кто создавал произведения искусства (Nelson and Schiff 1996: 116–28).

Наконец, дискуссию «центр-периферия» следует рассматривать в терминах изменяющихся отношений в дисциплине истории искусств – это огромнейшая тема, выходящая за рамки данного эссе. Отводя приоритетное место качеству и сосредоточив свои интересы на элитном производстве, она усиливает и подкрепляет традиционную концепцию целей изучения истории искусств. Более свежий акцент на вопросах аудитории и восприятия, проблемах, скорее, функциональности и разнообразия, нежели стиля и прогресса, ослабил потребность в такой модели как «центр-периферия»: она просто больше не отвечает на вопросы, которые возникают при изучении всего объема изобразительного материала. Существует разница между изучением византийского искусства в качестве самоцели и в качестве средства изучения византийской культуры во всем ее разнообразии. В последнем случае изделия искусства более низкого качества могут сохранять свою ценность как источники исторических сведений. В самом конце следует отметить, что изучение византийского искусства можно проводить только параллельно с исследованием природы и структуры самой Империи.

ЛИТЕРАТУРА

- AINALOV, D. V. 1961. *The Hellenistic Origins of Byzantine Art* (1900–1, trans. E. Sobolevitch and S. Sobolevitch, ed. C. Mango (New Brunswick)).
- BECKWITH, J. 1961. *The Art of Constantinople: An Introduction to Byzantine Art 330–1453* (London).
- BUCHTHAL, H. 1983. ‘Studies in Byzantine illumination of the thirteenth century’, *Jahrbuch der Berliner Museen* 25: 27–102.
- CARR, A. W. 1987. *Byzantine Illumination 1150–1250: The Study of a Provincial Tradition* (Chicago).
- CASTELNUOVO, E. 1986. ‘Introduction’, in Lavin 1986: 43–8.
- CORMACK, R. 1998a. ‘Lessons from “The Glory of Byzantium”’, *Dialogos* 5: 27–39.
- 1998b. ‘Away from the centre: “provincial” art in the ninth century’, in L. Brubaker (ed.), *Byzantium in the Ninth Century: Dead or Alive?* (Aldershot): 151–63.
- 2000. *Byzantine Art* (Oxford).
- ĆURČIĆ, S. 1999. ‘Byzantine architecture on Cyprus: an introduction to the problem of the genesis of a regional style’, in N. P. Ševčenko and C. Moss (eds.), *Medieval Cyprus: Studies in Art, Architecture and History in Memory of Doula Mouriki* (Princeton): 71–92.
- 2000. *Middle Byzantine Architecture on Cyprus: Provincial or Regional?* Annual Lecture on the History and Archeology of Cyprus 13 (Nicosia).
- DEMUS, O. 1948. *Byzantine Mosaic Decoration: Aspects of Monumental Art in Byzantium* (London).
- 1964. ‘The role of Byzantine art in Europe’, in *Byzantine Art: A European Art* (Athens): 89–110.
- DOLEZAL, M.-L. 1998. ‘Manuscript studies in the twentieth century: Kurt Weitzmann reconsidered’, *BMGS* 22: 216–63.
- EASTMOND, A. 1998. *Royal Imagery in Medieval Georgia* (University Park, Pa.).
- (ed.) 2001. *Eastern Approaches to Byzantium* (Aldershot).
- EPSTEIN, A. W. 1986. *Tokali Kilise: Tenth-Century Metropolitan Art in Byzantine Cappadocia* (Washington, DC).
- EVANS, H., and WIXOM, W. (eds.) 1997. *The Glory of Byzantium: Art and Culture of the Middle Byzantine Era, AD 843–1261*. Exhibition catalogue, the Metropolitan Museum of Art (New York).
- JONES, L. 2001. ‘The visual expression of power and piety in medieval Armenia: the palace and palace church at Aghtamar’, in Eastmond 2001: 149–67.
- LAVIN, I. (ed.) 1986. *World Art: Themes of Unity in Diversity*, vol. 1, part 1: *Center and Periphery: Dissemination and Assimilation of Style* (University Park, Pa., and London).
- LITTLEWOOD, A. R. (ed.) 1995. *Originality in Byzantine Literature, Art, and Music* (Oxford).
- MACLER, F. (trans). 1917. *Histoire Universelle par Etienne Asolic de Taron*, 2e partie (Paris).
- MANGO, C. 1972. *The Art of the Byzantine Empire, 312–1453: Sources and Documents* (Englewood Cliffs).
- NELSON, R., and SCHIFF, R. (eds.) 1996. *Critical Terms for Art History* (Chicago).
- PIATNITSKY, Y., BADDELEY, O., BRUNNER, E., and MANGO, M. M. (eds.) 2000. *Sinai, Byzantium, Russia: Orthodox Art from the Sixth to the Twentieth Century* (London).

- SCHRADE, B. 2001. 'Byzantium and its eastern barbarians: the cult of saints in Svanet'i', in Eastmond 2001: 169–98.
- ŠEVČENKO, I. 1962. 'The illuminators of the Menologium of Basil II', *DOP* 16: 243–76.
- STRZYGOWSKI, J. 1901. *Orient oder Rom: Beiträge zur Geschichte der spätantiken und frühchristlichen Kunst* (Leipzig).
- 1903. *Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte* (Leipzig).
- TRONZO, W. 1997. *The Cultures of his Kingdom: Roger II and the Cappella Palatina in Palermo* (Princeton).
- WHARTON, A. 1988. *Art of Empire: Painting and Architecture of the Byzantine Periphery: A Comparative Study of Four Provinces* (University Park, Pa.).

Углубленное чтение

Разнообразие художественного творчества в столице, провинциях империи и соседних государствах лучше всего представлено в работе Evans and Wixom 1997. Теоретические аспекты искусства и периферии в разнообразных контекстах рассматриваются в статьях издания Lavin 1986; более углубленное исследование византийского контекста см. в работах Cormack 1998*a* и 1998*b*. Практическое исследование памятников с попыткой осветить данные вопросы было проведено Эпштейном (Epstein 1986) и Вортонем (Wharton 1988) (это на самом деле одно и то же лицо), а также Керичем (Ćurčić 1999 и 2000).

III.17. ЯЗЫК, ОБРАЗОВАНИЕ, ГРАМОТНОСТЬ

Глава III.17.1 ЯЗЫК

Джеффри Хоррокс

Введение

На протяжении большей части своего существования Византийская империя была полиэтничным и полилингвистичным сообществом. Хотя греческий язык в течение всей ее истории занимал доминирующее положение, для многих он был в лучшем случае вторым языком, и еще больше византийцев, главным образом, в сельской местности, вероятно, вообще его не слышали. В данном разделе вначале приводится обзор ряда языков, употреблявшихся в Византии в период ее максимального территориального расширения, то есть, сразу после Юстиниановых войн; далее рассматривается развитие языковой ситуации по мере сокращения империи; в центре внимания, в частности, греческая диглоссия (diglossia)¹: проблемы и положительные стороны сосуществования различных «разновидностей» греческого как устного и письменного средств передачи информации.

Греческий и другие языки: позднеантичная и ранневизантийская империя

В эпоху поздней античности латынь и греческий были языками основных культур, а также единственными официальными языками Римской империи, причем латинский язык, разумеется, преобладал на западе, а греческий – на востоке (см.: Mango 1980: 13–31; Neumann and Untermann 1980; Horrocks 1997: 146–149). Эти два «мировых языка», пережившие длительную стандартизацию своих официальных и литературных функций, также имели хождение, хотя и в менее

---

¹ Существование в языке двух форм, одна из которых более социально престижна (например: литературный и просторечный язык) (*прим. переводчика*).

престижной и менее консервативной форме, в качестве *linguae francae*, каждый на своей половине территории империи (части Южной Италии и Сицилии играли важную роль «моста», поскольку греческий и латынь сосуществовали там бок о бок в течение многих столетий). Хотя латинский стал первым языком для многих западных языковых сообществ, которые ранее использовали его только в качестве второго языка или же вообще не использовали, греческий имел менее явное, но продолжительное влияние на местное население на востоке. Тем не менее образованные классы и большинство горожан на востоке имели познания греческого как минимум достаточные для повседневного общения, тогда как меньшинство – в ходе получения профессионального образования, торговли, путешествий, переездов (добровольных и вынужденных), службы в армии или имперской администрации – овладевало также и латинским языком. Напротив, в сельской местности, где большинство населения оставалось неграмотным, многие из тех, для кого ни греческий, ни латинский не были родным языком, не знали даже на элементарном уровне ни того, ни другого.

Однако к концу VI в. греко-латинский билингвизм на востоке стал гораздо более редким явлением для всех слоев общества, даже в Константинополе, который, хотя и был основан как центр латинизации, на самом деле являлся в высшей степени космополитичным городом с обильным поселением иноземцев (иудеев, готов, гуннов, фракийцев, сирийцев, египтян, африканцев, иллирийцев, итальянцев, жителей Месопотамии) наряду с коренным населением старого города Византия. Хотя латинским изначально пользовались при дворе в качестве официального языка «римского» государства, греческий, будучи основным языком высшего образования и общепринятым *lingua franca*, также был всегда первым языком для большинства населения города, и с момента основания Константинополя использовался в большинстве случаев для целей практического управления. На протяжении первой половины V в. греческий начинает вытеснять латынь даже там, где она еще осталась (в армии, юстиции, имперском церемониале), и ко времени правления императора Юстиниана употребление латыни иначе, нежели частным образом, урожденными носителями языка, приобретает в основном формальный характер. С этого момента возрастающая независимость Византии от Запада, усиливаемая борьбой за выживание против арабов и булгар, обрекает его на забвение.

Таким образом, большинство традиционно «греческих» земель, включая прибрежные территории Малой Азии (малоазийское побережье) и Балканы, подвергшиеся в VI–VII вв. вторжениям славян, в целом остались грекоговорящими, несмотря на насаждение там латыни. Даже на Анатолийском плато, куда эллинистическая культура пришла только с завоеваниями Александра Великого, как представители крайне неоднородного местного населения, так и иммигранты (в том числе кельты, готы, евреи, персы) подверглись существенной эллинизации, как то наглядно доказывает устойчивый спад количества эпиграфических данных на родных языках, и, напротив, огромная масса надписей общественного и частного назначения на греческом языке. Хотя выход этих языков из употребления в надписях и не влечет за собой их немедленного исчезновения как разговорных, отныне их статус снижается, поскольку местные диалекты всерьез теряют свою значимость в глазах образованных классов, которые чем дальше, тем все больше ищут

утверждения своей идентичности в контексте «римского» государства, в котором греческий язык являлся неотъемлемым условием социального продвижения.

В некоторых местах, однако же, дела обстояли иначе. В армянских провинциях, присоединенных к империи в IV в. после разделения Армении между Римом и Персией, начиная с V в. и далее в качестве литературного языка развивался армянский, в основном как язык перевода христианских текстов, составленных на греческом и сирийском (*lingua franca* Персидского государства). Это придало языку действительный статус, питая чувство национальной идентичности, уже оформившееся к тому времени благодаря местной приверженности монофиситству и оппозиции официальному православию. И хотя многие армяне позднее мигрировали в Малую Азию, а также Фракию и Македонию (которая тогда часто играла весомую роль в жизни империи), армянские земли оказывали значительное сопротивление как римскому, так и персидскому империализму.

Сирийский и прочие арамейские диалекты преобладали в западной Месопотамии, Сирии и Палестине, где на протяжении IV столетия наряду с ростом значимости региональных культур наблюдалось развитие сирийского наречия до уровня литературного и религиозного языка. Несмотря на интенсивную колонизацию и повседневное использование греческого в административном управлении, хорошие знания языка за пределами наиболее эллинизированных территорий Палестины и Финикийского побережья были в основном характерны для городов. Аналогично, в Египте, хотя греческий и был основным языком Александрии и прочих крупных эллинистических поселений, административные документы, предназначавшиеся для широких слоев населения, обычно обнародовали на двух языках – греческом и египетском. Греко-египетское взаимодействие было общепринятым в сельской местности, и многие египтяне занимали должности в местной администрации, что способствовало широкому распространению билингвизма (двуязычия) и подтверждается большим количеством греческих папирусов, написанных египтянами. Тем не менее престиж египетского языка, основанный на давности его письменной традиции, еще более повысился, когда коптский язык (наиболее поздняя из зафиксированных форм египетского языка) был принят в качестве основного в египетском христианстве в тот период, когда Церковь монофиситов в Египте, как и в других местах, начала отделяться от Православной Церкви с ее «чужеземной» грекоговорящей иерархией.

Итак, греческий язык был родным языком для меньшинства населения империи в ранние годы ее существования; говорившие на нем были сосредоточены в «старой» части Греции и ключевых центрах эллинизма. Однако, желавшим карьерного продвижения в политических, военных или религиозных государственных структурах, приходилось выучить его на должном уровне, независимо от того, каков был их родной язык. Но в Армении, Месопотамии, Сирии и Египте родные местные языки уже имели или же вскоре заняли положение, позволившее рассматривать их в качестве возможных соперников. Ранняя утрата этих провинций, однако же, обусловила то, что относительно непрочная позиция греческого в них вскоре сменилась его исчезновением.

Такое положение резко контрастирует с ситуацией не только в самой Греции, но также и в большей части Малой Азии, где, несмотря на турецкое господство

после поражения при Манцикерте, обширные грекоговорящие сообщества продолжали существовать вплоть до вынужденного обмена населением между Грецией и Турцией в 1923 г. Схожим образом, несмотря на завоевание италийских провинций норманнами (также в конце XI в.), малые грекоговорящие сообщества сохранились в районах Тера д'Отранто и Аспромонте. Разговорный греческий на этих территориях, очевидно, сохранялся как неотъемлемая составляющая личной и общинной идентичности и потому пережил падение византийского правления, которое придавало языку, по крайней мере в его высшей, письменной форме, престиж, связанный с его господствующим положением в качестве международного.

Греческий язык в средневековье и поздневизантийский период (вторая половина VII в. – 1453 г.)

В период ранней империи для возникновения особого «греческого» национального самосознания, очевидно, не было оснований. Древняя грекоговорящая аристократия востока, уже давно ассимилированная римским правящим классом, естественно, рассматривала Византийскую империю как продолжение Позднеримской империи как таковой, а к тому времени уже весьма консервативный, устаревший греческий – как язык художественной литературы и имперского управления, частично воспроизводивший образцы классического аттического наречия предков и продолжавший играть роль официального языка империи. Эта старательно изучаемая социально эксклюзивная разновидность языка не обладала потенциалом объединения индивидов в монолитную национальную общность, поскольку большинство тех, кто знал и использовал ее, независимо от их этнических корней и места происхождения, были членами консервативной элиты с преимущественно деловым интересом поддержания status quo. Даже менее архаичные стили, как продолжение эллинистического койне, использовавшиеся в повседневном деловом документообороте и литературе для среднего класса (к примеру, в хрониках и агиографии), развивали свои собственные консервативные модели в процессе компромисса между естественными усовершенствованиями разговорного языка и ультраконсервативной письменной традицией. Они также играли общеимперскую роль, а бывшие в употреблении формы греческого выполняли свою объединяющую функцию, аналогичную той, что выполнял аттический стиль для высших слоев общества. В сложившейся ситуации популярные, естественным образом развивавшиеся разговорные диалекты, варьировавшиеся в зависимости от региона, были попросту недостаточно престижны. Те, кто уже умел писать в одном или нескольких из традиционных стилей, не имел побудительных причин к развитию столь высокостатусных вариаций как письменные диалекты за отсутствием какой либо очевидной потребности в таком продукте в условиях централизованного государства, в котором образованное городское население являлось носителем общей «римоправославной» идентичности, непосредственно отображенной в целом ряде существующих литературных жанров.

Но арабские завоевания VII в. и последующая борьба за выживание привели к изоляции Византии и началу отказа от понятия Всемирной Римской империи

(Beaton 1996; Horrocks 1997: 149–159). Соответственно, ко времени Македонского «ренессанса» в IX–X вв. Константин Багрянородный уже мог утверждать (в предисловии к своему труду «О фемах» Pertusi 1952), что его предшественники в VII в. были эллинизированы и позабыли язык своих отцов. То есть по-прежнему, явно считая себя римлянами, члены византийской элиты со всей очевидностью начинают составлять особую восточноримскую идентичность в отношении греческого языка и греческих элементов их культурного наследия, элементов, которые отныне резко отделяют их от западных римо/ католических соотечественников. Ключом к поддержанию этих значимых легитимизирующих связей с прошлым ощутимо представлялось возобновление изучения античных авторов и современное использование более тщательно архаизированных форм греческого, весьма конкретно символизировавших таким образом желаемую преемственность от целого ряда грекоговорящих писателей, ученых и святых прошлого. Литературные труды ученого и политика XI в. Михаила Пселла (например, его «*Хронография*») – достойный пример заключительных этапов таких нововведений. Эта необходимость укоренить современное письменное творчество на почве достижений прошлого еще более усилилась после завоевания Южной Италии норманнами и большей части Малой Азии турками-сельджуками в конце XI в., когда многие литераторы (в числе наиболее выдающихся – автор «*Алексиады*» Анна Комнина), чувствуя отныне угрозу одновременно с востока и с запада и признавая приблизительное соответствие своей значительно уменьшившейся империи внутренним районам Древней Греции, пытались укрепить прихотливые корни своей культурной идентичности, пробуя себя в настоящем «классическом» аттическом стиле, увеличивая этим разрыв между художественной литературой и современным разговорным греческим до беспрецедентных пределов. Одним из результатов стало появление метафрасисов (дословных переводов-пересказов) важных текстов, в которых содержание передавалось средним стилем с целью сделать его доступным более широкой аудитории (van Dieten 1979; Hunger 1981). Но литературные нововведения среди правящих классов в Комниновскую и Палеологовскую эпохи с неизбежностью оказывали влияние даже на эти более практические письменные стили, которые со временем также начинают более твердо тяготеть к развитию «античного» стиля, по крайней мере, в морфологии и лексике, если и не всегда в синтаксисе, где по-прежнему простительны некоторые компромиссы образованного населения с разговорным греческим.

Подтверждением ощущаемой многими потребности в своего рода общенациональной переоценке после военных поражений в Малой Азии становится весьма своеобразное и, даже более того, поразительное литературное новшество. Героическое сказание о Дигенисе Акрите (см.: Ricks 1990; Jeffreys 1998) изначально, вероятно, было продуктом переработки серии баллад со старой восточной границы (из прежних восточных пределов империи), созданных с целью сохранения в письменной форме материалов той поэтической традиции, которая в противном случае была бы безвозвратно утрачена с отступлением границ империи. Язык более популярной «народной» версии этого сборника (хранится в Эскуриа-ле, предместье Мадрида) является стилизованным средневековым местным наречием, содержащим ряд черт, типичных для устной поэзии, хотя иногда и в со-

четании с элементами, заимствованными из письменного стиля среднего класса, из агиографии. В произведении впервые со времен классической античности употребляется литературная форма греческого языка на основе местного наречия и ее возникновение, весьма вероятно, мотивировано желанием составителя (возможно, умеренно образованного переселенца с востока) заявить о современной идентичности обычных жителей империи, в которой для большинства родным языком теперь был какой-либо из «просторечных» диалектов греческого.

Как бы то ни было, новый импульс к письменному творчеству вскоре, в XII в. последовавший со стороны двора Комнинов, породил, *inter alia*, небольшую серию дидактических и сатирических стихотворений с аналогичным смешением просторечия и литературности. Но если сказание о Дигенисе Акрите было почти наверняка народного происхождения, с чуть большим количеством литературных элементов, появлявшихся, главным образом, в связующих отрывках, то эти стихотворения были составлены образованными авторами, сознательно решившими экспериментировать с просторечными формами, будь то язык традиционных старинных сказаний и народной мудрости (например, *«Стихотворения, написанные в тюрьме»* пера Глики) или различные вариации разговорного наречия современного Константинополя (к примеру, *«Стихотворения бедного Продрома»*; Eideneier 1991). Здесь отрывки, отображавшие разговорный греческий, составлены гораздо более содержательно, а в сатирических стихах иногда и весьма забавно; есть отрывки, составленные в среднем стиле, а случается даже и в высоком стиле – на письменном литературном греческом языке. В частности, в случае *«Стихотворений Птохопродрома»* не может быть сомнения, что это сознательное противопоставление стилей намеренно (по крайней мере, отчасти) помещено туда как ироничная иллюстрация «языковой проблемы» того времени, порожденной большим и все еще растущим разрывом между письменной и разговорной традицией и тех ошибок и неточностей, которые возникали в такой ситуации для всех, исключая, разве что, самых высокообразованных.

Изучение данной группы сочинений доказывает, что ни один письменный язык, основанный исключительно на разговорном греческом (даже разговорном греческом образованной столицы), еще не воспринимался полностью всерьез правящим классом, инстинктивно требовавшим подтверждения значимости текста общепризнанными литературными прецедентами. Тем не менее весьма важно уже то, что эта ограниченная попытка использовать потенциал местного наречия исходила в точности из тех же самых придворных кругов, в которых писатели также ратовали за бескомпромиссное возрождение классического античного греческого V–IV вв. до н. э. И в то время, как большинство находившихся у власти и влияния по-прежнему обращалось к прошлому как средству наведения интеллектуального и культурного порядка во все более беспокойном настоящем, меньшинство искало более современных путей согласия с меняющимся окружающим миром.

И хотя этот самый период творческих экспериментов был коротким и сошел на нет незадолго до захвата Константинополя в ходе IV Крестового похода в 1204 г., полное условностей, территориально нейтральное литературное наречие, использующее более однородную смесь разговорных и литературных

элементов, в которой первые приобладала, в конце концов стало нормой для составления романтической художественной литературы в стихах в период правления Палеологов, когда западные образцы местных наречий играли свою роль в формировании отношений к языку в Византии (Beaton 1996, см. также в этом издании раздел III.18.7. Поэзия и романы). Этот период стал также свидетелем появления местных хроник на оккупированных франками территориях, наиболее выдающейся из которых является знаменитая «Морейская хроника» (сочинение наподобие романтической повести, использующее 15-силлабический «политический» стих (см.: Schmitt 1904; Kalonaros 1940; Egea 1988, 1996).

Таким образом, помимо обширной коллекции документальных и архивных материалов поздневизантийского периода, написанных с использованием огромного разнообразия стилей (в том числе и некоторых приближенных к местным) и, однако же, еще как следует не изученных в том, что касается их лингвистического значения (см., к примеру, Miklosisch and Müller 1860–90; Panayotakis 1993), наши познания относительно нововведений в средневековом разговорном греческом довольно во многом основываются на собрании текстов местных стихотворений, созданных между XI в. и падением Константинополя, то есть, на материале, неизбежно подверженном искажающему влиянию стихотворного размера и прочих литературных условностей. Что касается более ранних периодов, то после падения Египта в VII в. и последующего исчезновения малозначимых частных документов на папирусе, у нас остается мизерное количество текстов, чтобы соединить все, что мы знаем о народном греческом наречии поздней античности с греческим языком наиболее ранних просторечных поэтических произведений; например, так называемые «Протоболгарские надписи» IX в. (Beševliev 1963) и небольшое собрание возгласов, использовавшихся факциями Ипподрома в приветственных, хвалебных речах в честь императора и прочих общественных деятелей по официальным поводам и по мотивам значимых событий в жизни столицы (Maas 1912; Cameron 1973; Jeffreys, M. 1974). Итоговую картину можно, конечно же, косвенно дополнить, осторожно и внимательно исследуя тексты, написанные в среднем стиле, в которых могут иногда встречаться просторечные элементы, но это, в силу необходимости, вносит весьма незначительные коррективы.

Итак, до тех пор, пока информация из этого малого набора просторечного языкового материала, зачастую непоследовательная и запутанная, не будет успешно сопоставлена с результатами скрупулезного исследования соответствующих документальных данных, наше понимание «нормы» средневекового греческого языка неизбежно останется частичным и временным (В настоящее время один из проектов на базе Кембриджского университета, инициированный *AHRC* и возглавляемый профессорами Дэвидом Холтоном и Джеффри Хорроксом, имеет целью составить авторитетную грамматику средневекового греческого просторечного языка, для чего будут обильно использоваться вышеупомянутые столь важные данные). Острое ощущение продолжительного давления греко-римского и православного христианского прошлого и как результат – ретроспективный характер высокой византийской культуры означал, что огромная масса византийской литературы была составлена представителями элиты и для представителей элиты в архаизированном или даже нескрываемо аттицизированном стиле, кото-

рый лишь благодаря «ошибкам» или появлению и стандартизации неклассических речевых норм дает нам возможность крайне косвенно, бегло и формализовано взглянуть на современную ему лингвистическую реальность.

ЛИТЕРАТУРА

- BEATON, R. 1996. *The Medieval Greek Romance* (Cambridge, 2nd ed.).
- BEŠEVLIJEV, V. 1963. *Die protobulgarischen Inschriften* (Berlin).
- CAMERON, A. D. E. 1973. *Porphyrius the Charioteer* (Oxford).
- DIETEN, J. L. VAN 1979. 'Bemerkungen zur Sprache der sog. vulgärgriechischen Niketasparaphrase', *BF* 7: 37–77.
- EGEA, J.-M. 1988. *Gramática de la crónica de Morea: un estudio sobre el griegomedieval* (Victoria-Gasteiz).
- 1996. *La crónica de Morea: estudio preliminar, texto, traducción* (Madrid).
- EIDENEIER, H. 1991. *Ptochoprodromos: Einführung, kritische Ausgabe, deutsche Übersetzung, Glossar* (Cologne).
- HORROCKS, G. 1997. *Greek: A History of the Language and its Speakers* (London).
- HUNGER, H. 1981. *Anonyme Metaphrase zu Anna Komnene, Alexias XI–XIII: ein Beitrag zur Erschliessung der byzantinischen Umgangssprache* (Vienna).
- JEFFREYS, E. 1998. Digenis Akrites: The Grottaferrata and Escorial Versions (Cambridge).
- JEFFREYS, M. 1974. 'The nature and origins of the political verse', *DOP* 28: 141–96.
- KALONAROS, P. P. (ed.) 1940. *To chronikon tou Moreos* (Athens).
- MAAS, P. 1912. 'Metrische Akklamationen der Byzantiner', *BZ*, 21: 28–51.
- MANGO, C. 1980. *Byzantium: The Empire of New Rome* (London).
- MIKLOSISCH, F. and MÜLLER, J. (eds.) 1860–90. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana*, 6 vols. (Vienna).
- NEUMANN, G., and UNTERMANN, J. (eds.) 1980. *Die Sprachen im römischen Reich der Kaiserzeit* (Cologne).
- PANAYOTAKIS, N. M. 1993. 'Oi protes arches tis dimodous neoellinikis pezografias', *Palimpsestion* 13: 247–57.
- PERTUSI, A. (ed.) 1952. *Constantine Porphyrogenitus: de thematibus* (Vatican).
- RICKS, D. 1990. *Byzantine Heroic Poetry* (Bristol).
- SCHMITT, J. (ed.) 1904. *The Chronicle of the Morea* (London).

Также рекомендуются к прочтению

В связи с отсутствием исчерпывающего исследования развития греческого языка, как разговорного, так и письменного, для византийского периода могут быть полезны следующие работы:

- BROWNING, R. 1983. *Medieval and Modern Greek* (Cambridge, 2nd edn.).
- HORROCKS, G. 1997. *Greek: A History of the Language and its Speakers* (London) (section II).
- MANGO, C. 1980. *Byzantium: The Empire of New Rome* (London) (chs. 1 and 13).
- MOLEAS, W. 1989. *The Development of the Greek Language* (Bristol).

Глава III.17.2 ОБРАЗОВАНИЕ

Афанасий Маркопулос

Образовательная система в Византии, придерживаясь во всех основных отношениях старого формата, унаследованного от эллинистического и римского прошлого, сохраняла его с замечательным постоянством вплоть до последних лет существования империи. Начальная школа закладывала основы чтения и письма, а на уровне средней школы знания и навыки ученика углублялись (Moffatt 1979: 276, 285; Markopoulos 2006a: 85–86). Высшее образование, хотя и доступное, можно было получить только в крупных городах, а начиная со средневизантийского периода и далее упоминания о нем связаны с образовательными инициативами того или иного императора или высокопоставленных должностных лиц, которые поэтому во многих случаях оказывались лишь краткосрочными. Однако следует признать, что образование в Византии было одним из тех аспектов цивилизации, которые отличались замечательным постоянством от начала и до конца существования Восточно-Римского государства (Mullett 1990: 156).

Об отношении христиан IV в. к интеллектуальному наследию греко-римского мира было написано много. Христианство как религия, основанная на факте Божоявления, никогда не приняло бы идею необходимости образования для восприятия веры. С другой стороны, уже на ранних этапах его существования (см.: Деян. 17: 22–31) появилось осознание того, что диалог с интеллектуальной традицией древнего мира пойдет христианству только на пользу. К тому же этот диалог действительно сыграл главенствующую роль в культуuroбразующих интеллектуальных дискуссиях и интересах того периода.

Одним из крупных меценатов образования в ранневизантийский период был император Юлиан. Будучи и сам высоко образован, он был сторонником предположения о божественном происхождении греко-римской цивилизации. Образование и религия находились в неразрывной связи, поскольку наивысшим гарантом образования было само божественное провидение. Пребывая в этом убеждении, он издал в 362 г. эдикт (Cod. Theod. 13. 3. 5 = Cod. Just. 10.53.7), согласно которому христианским учителям запрещалось заниматься их профессиональной

деятельностью, поскольку предполагалось, что они не уважали труды античных авторов, которыми пользовались в качестве учебников. Но, в конце концов, благодаря Св. Василию Великому, это нововведение не получило столь стремительного распространения. В своей работе «К юношеству. О том, как извлекать пользу из греческой литературы» он одобрил изучение классики христианами при условии, что ученики будут заимствовать у языческих авторов то, что не идет вразрез с этикой новой религии (Lemerle 1971: 44–45; Mango 1980: 133). Григорий Назианзин был более убедительным в своей критике Юлиана, указывая на то, что труды языческой древности были наследием, которое приносило пользу не только язычникам, но и христианам (PG 35: 536 A–B). Эта точка зрения Григория доказывалась наиболее устойчиво в последующие столетия, и могла дорогу для компромисса между христианством и старыми литературными и интеллектуальными принципами, как в религиозной, так и в светской сферах (Lemerle 1971: 48–49; Rappe 2001: 405–32). Хотя и было несколько примеров четкого разграничения между христианской и языческой традицией, это не стало главенствующей тенденцией (Dagron 1968: 163–186). В 529 г. император Юстиниан повелел, чтобы язычникам, евреям и еретикам было запрещено обучение в школах (Cod. Just. 1.5.18; 1.11.10). С того времени и впоследствии, вплоть до 1453 г., основы школьного образования практически не менялись.

Образование в Византии было вопросом личного выбора, и посещение школы никогда не предписывалось в законодательном порядке. В принципе, любому ребенку, чьи родители являлись свободнорожденными гражданами, позволялось посещать школу. Но при том, что школы были частными, родители, конечно, должны были располагать достаточными финансовыми средствами для оплаты образования; плата за обучение часто упоминается в источниках как мисфос (misthos) или ситиресион (siteresion). Существует некоторая неопределенность относительно размеров таких платежей: мы склонны косвенно предполагать, что они были относительно высокими, хотя в конечном счете это зависело от образованности и репутации учителя (Webb 1994: 83). Известны несколько случаев, когда учителя обращались к родителям с просьбой погасить задолженность за обучение. Временами им даже приходилось обращаться в суд, чтобы взыскать долги (Markopoulos 2000 № 58: 13–14). В X в., как нам известно, существовала должность прокафимена паидевтира (prokathemenos ton paideuteron), его задачей был надзор над школами¹ (Lemerle 1971: 258). Споры, возникавшие между учителями, могли решаться при участии епарха, Патриарха или даже самого императора (Markopoulos 2000: № 68. 11–15). Одной из основных причин возникновения споров между учителями были переходы учеников из одной школы в другую в случае неуплаты родителями долга за обучение перед переходом. В IX в. школьные учителя сговорились не принимать в свои школы ученика, если он не расплатился с предыдущим учителем (Speck 1974: 48). Некоторым учителям временами выделяла помощь имперская казна, но, судя по высказываниям на этот счет Феодора Иртакена (XIV в.), государственная помощь редко выплачива-

¹ Паидевтирион, паидевтира (от *греч.* паис – ребенок) означало такую ромейскую школу (грамматическую или риторскую) (*прим. редактора*).

лась регулярно и в достаточных количествах (Constantinides 1982: 93–95). Патриархат придерживался той же политики и, опять же, оказывал экономическую поддержку далеко не регулярно, хотя, что интересно, часто в виде, например, муки (Markopoulos 2000: 5*–6*). Были также случаи, когда школы учреждались и финансировались по инициативе императора, как, например, Приют Св. Павла (Mergiali-Falangas 1991: 237–246; Markopoulos 2005: 194–195). Некоторые монастыри также давали начальное образование юным пансионерам, которым обычно самим суждено было стать монахами или членами клира. Впрочем, такая практика не была широко распространена (Mango 1980: 148; Kalogeras 2000: 145–162).

Количество учеников, посещавших школу, по-прежнему неизвестно: косвенные данные свидетельствуют о том, что они составляли незначительную часть подрастающего поколения. Следовательно, количество образованных представителей широких слоев населения могло быть лишь весьма незначительным. С другой стороны, существуют убедительные данные о распространении грамотности и начального образования, в частности, среди денежно обеспеченных жителей империи (Browning 1978: 39–40, 48–49, 51; Hunger 1989: 79–85; Mullett 1990: 157, 161; Browning 1993: 73, 75, 80–81; Oikonomides 1993: 253–254, 260–263; Cavallo 2002: 423–444; Markopoulos 2006a: 86–87). И наконец, нет отдельных данных о женском образовании на протяжении основного византийского периода (Laiou 1981: 253–257; Maltese 1995: 111–137; Kalogeras 2000: 212], в отличие от более ранних периодов (Rousseau 1995: 116–147). Однако, вероятно, что девочки (и мальчики, разумеется, тоже), особенно из богатых семей, могли получать образование на дому (Cribiore 2001a: 75). Кроме того, упоминание Пселлом «школьной подруги» его дочери Стилианы (Sathas 1872–94, vol. 5: 65–66) указывает на то, что в XI в. все же действовали школы и для девочек.

Не существовало единой программы обучения, которая была бы принята в Византии повсеместно, как и не существовало особой даты начала или окончания занятий. Дети приходили в школу тогда, когда родители, которые часто по звездам определяли благоприятное время для обучения детей (Koukoules 1948: 43–44), были в состоянии позволить себе их образование. Начальный уровень образования был общеизвестен как пропадаейя (*propadeia*), предназначался для 6–8-летних детей и длился 3–4 года. Учителя начальной школы именовались грамматисты (*grammatistes*), педодидоскалы (*paidodidoskalos*), педотрибы (*paidotribes*), педагоги (*paidagogos*) (Kalogeras 2000: 124–136).

Грамматик (*grammatikos*), иначе называемый также мастер (*maistor*), отвечал за следующий, второй уровень образования, энкиклиос паидейя (*enkyklios paidēia*), наиболее важный этап обучения ребенка, начинавшийся приблизительно в возрасте от 12 до 14 лет и обычно длившийся не менее четырех лет. Новичков в школе обучали «префекты», так называемые эккриты схол (*ekkritoι tes scholes*), которые также имели авторитет в делах управления школой. Грамматик, вероятно, следил за успеваемостью младших учеников и контролировал эккритов, но обучающую деятельность ограничивали старшими, уже преуспевшими в обучении (Markopoulos 2000: 8*–9*). И хотя существуют описания и примеры школ с более сложной иерархией учителей (Cribiore 2001a: 37–38; Lemerle 1971:

257–260; Speck 1974: 36), в целом организация византийских школ была обычно делом личной профессиональной инициативы (Moffatt 1973: 15; Markopoulos 2006a: 88).

Мало что известно и о местах расположения школ. Поскольку многие грамматисты были из числа клириков, весьма вероятно, что уроки проводились в храмах или на подворьях монастырей. Средние школы (школы второго уровня) занимали здания в центре города (Speck 1974: 92–107; Magdalino 1996: 34–40). Ученики должны были проводить в школе целый день. Тем, чьи семьи жили далеко, зачастую предоставлялся пансион (Koukoules 1948: 45–48). Посещение занятий было обязательным. Анонимный Учитель X в. описывает визит в школу одного разгневанного отца, который застал сына на рынке за покупкой певчих птиц (!), в то время, как тот должен был находиться в школе (Markopoulos 2000: № 69. 27–35).

Чтение, письмо, арифметика были основными предметами начального образования, которым обучал грамматист. Вначале ученики учили отдельные буквы, далее – слоги, односложные слова, сочетания гласных и согласных в алфавитном и обратном порядке (А+Ф, А+Х, В+Ф и т. д.), слова полностью, далее, постепенно – тексты полностью (Hunger 1989: 77–78; Cribiore 1996: 37–55, 75–96; Morgan 1998: 164; Cribiore 2001a: 167–172). Ученики использовали стилос для письменных упражнений – им писали либо на остраконах (керамических черепках), либо на деревянных дощечках (так называемых шедариях (schedaria). Лучшими считались дощечки, покрытые воском. Но дощечки могли быть покрыты и просто слоем грязи или песка и ученики выцарапывали на них упражнения ногтями (Cribiore 1996: 57–74; 2001a: 147–159). Основной книгой для чтения в начальной школе была Псалтирь, хотя использовались также и другие тексты. Поскольку книги были очень дороги, ученики практиковались, перечитывая и повторяя тексты в слух, а потом заучивая их наизусть (Hunger 1989: 76–77). На уроках арифметики школьники считали на пальцах или использовали маленькие камушки для элементарных подсчетов. Они использовали также абак, который представлял собой дощечку с отверстиями, соответствовавшими цифрам. Учитывая то, что до конца византийского периода общепринятой оставалась греческая система цифр¹, учителя требовали от учеников показывать им цифры, указывая на соответствующие отверстия на абаке (например, $28 = K + H$) (Guillou 1974: 328).

На втором уровне обучения расписание включало тривиум предметов из грамматики, риторики и философии, а также квадриум из арифметики, музыки, геометрии и астрономии. Основным учебником литературы для детей считались «Илиада» Гомера (а также в меньшей мере «Одиссея») (Morgan 1998: 308–309), плюс еще девять античных трагедий – по три от каждого из авторов классической драмы: «Персы», «Прикованный Прометей» и «Семеро против Фив» Эсхила, «Аякс», «Электра» и «Царь Эдип» Софокла и, наконец, «Гекуба», «Орест» и «Финикиянки» Еврипида (Cribiore 2001b: 241–259). Кроме того, в программу входили три комедии Аристофана («Богатство», «Облака», «Лягушки»), а также произведения Гесиода, Пиндара, Феокрита, диалоги Лукиана, речи

¹ Буквенная система цифр (прим. редактора).

Демосфена и Эсхина, диалоги Платона, труды Ксенофонта, Филострата, Элиана, Псалмы Давида, поэзия Григория Назианзина и другие (Lemerle 1971: 100–102, 132; Guillou 1974: 329; Cribiore 2001a: 132–147; Markopoulos 2006a: 89–90). Ключевым пособием для учителей и учеников на протяжении всего византийского периода была «Грамматика» Дионисия Фракийского (Robins 1993: 41–86; Die-thart and Gastgeber 1993–4: 386–401). «Каноны» Феодосия Александрийского и «Грамматика» Георгия Хировоска также пользовались большой популярностью. Начиная с конца X в. и далее развитие получила новая техника обучения, известная как сxedография (от schedos, что означало «набросок», «очерк»), посредством которой учитель обучал детей произношению и правилам грамматики, используя игровой набор слов и загадок (Robins 1993: 111–148; Vassiss 1993–4: 1–19; Webb 1994: 84–87, 93–96; Polemis 1995: 277–302; Vassiss 2002: 37–68; Miller 2003: 9–20).

Риторика считалась наиболее важной составляющей второго уровня образования в Византии (Conley 1986: 335–374). Основными инструментами обучения для учителя-грамматика были упражнения, известные под названием прогимнасмата (progymnasmata)¹, целью которых было развитие навыков сочинения кратких текстов на темы из античной греческой мифологии, народной мудрости, и панегириков, восхвалявших исторические личности и мифологические персонажи, или сравнивавших личности и события (опять таки, как правило, из мифологии). К наиболее популярным формам прогимнаста относилась эфопона (ethopona)² или подражание определенному лицу, и экфрасис (ekphrasis) или описание произведения искусства, здания и т.д. Основным учебником по данному предмету был труд Гермогена, хотя и другие авторы также создавали подобные произведения (Schouler 1995: 136–175); среди них как наиболее значимая выделяется работа Афтония (Kustas 1973: 5–26; Hunger 1978 vol. 1: 74–132, 170–188; Morgan 1998: 198–226; Cribiore 2001a: 220–244) (также см.: III. 18. 1. Риторика).

Математика преподавалась либо как отдельный предмет, либо в сочетании с астрономией. Любимым учебником на протяжении всего византийского периода был учебник Никомаха из Герасы (I–II вв. н. э.) (Hunger 1978 vol. 2: 228; Searby 2003: 689–702). Широко применялся цикл математических эпиграмм Метродора (VI в.) Основоположником геометрии считался Евклид, хотя византийцы пользовались также многочисленными комментариями, которые со времен античности создавались как приложения к его работам. Граница между астрономией и астрологией не всегда прослеживалась четко, но византийцы сильно интересовались данным предметом вплоть до падения Константинополя (Pingree 1971: 191–215; Magdalino 2002: 35–57; 2006: 10, 29–30, 36–37 и везде). «Математическое построение» Птолемея было еще одним текстом, которым очень часто пользовались наравне с «Явлениями» (Phainomena) Арата и небольшой группой работ Автолика, Евклида и Феодосия. Сами византийцы составляли большое количество важных теоретических работ по дисциплинам, входившим в состав квадривиума, включая из числа наиболее важных «Четверокнижие» (Tetrabiblos)

¹ Прогимнасмата (*прим. редактора*).

² Эфопойя – набросок характера частного лица (*прим. редактора*).

Георгия Пахимера (Hunger 1978 vol. 2: 245–246) (также см.: III. 17. 4. Арифметика и другие науки).

На втором уровне обучения в ранний имперский период писали уже на папирусе, а позднее – на кусках пергамена. Впервые появившись в X в., бумага постепенно выделяется как наиболее дешевый из всех других материалов для письма. Основным письменным прибором был тростник – калам (*kalamos*), заостренный с того конца, который погружали в чернила; у каждого ученика обычно был маленький нож, которым он затачивал тростник, делая в наконечнике небольшое углубление, дабы в нем задерживались чернила; чернильница – каниклия (*kanikleion*) и губка, чтобы начисто протирать линейку – канон (*kanon*), которой они расчерчивали листы для письма (Hunger 1989: 85–89).

Часто между учителем и учеником возникала тесная связь. Ученики могли приносить любимому учителю небольшие подарки: еду (рыбу, мед, вино и пр.), предметы повседневного пользования, кожу для письма и переписывания книг и т. д. (Karpouzelos 1984: 20–37). Учитель, вероятно, старался помочь юному воспитаннику в его карьере после окончания школы. К примеру, Анонимный Учитель очень тепло отзывался о своих учениках в рекомендательных письмах (Markopoulos 2000: № 40. 7–15, 71. 10–14), полностью осознавая тот факт, что его бывшие студенты являются живой рекламой и для его школы, и для его учительских способностей: образованные молодые люди могли пойти дальше и занять положение в византийских управленческих структурах.

Вероятно, первым целенаправленным усилием византийского государства поставить под контроль вопросы, связанные с высшим образованием, было создание в 425 г. императором Феодосием II Пандидактириона (*Pandidakterion*), целью которого было вооружить молодых людей знаниями, необходимыми для поступления на государственную службу (Cod. Theod. 14. 9. 3 = Cod. Just. 11. 19. 1). В Пандидактирий был назначен тридцать один преподаватель, большая часть из них обучала латыни или греческому. Они пользовались разнообразными привилегиями, такими, к примеру, как освобождение от налогов (Lemerle 1971: 63–64). На протяжении ранневизантийского периода высшее образование продолжал давать также ряд частных учреждений, основанных в предыдущие столетия. Они существовали в таких городах как Афины, Александрия, Антиохия, Кесария Палестинская, Бейрут и часто отличались высокоспециализированным уровнем подготовки (Wilson 1983: 28–60; Shepard 2000: 835–54). Однако ни одно из этих учебных заведений не просуществовало до конца империи. Причины, вероятно, следует усматривать отчасти в религиозных соображениях (Beaucamp 2002: 21–35), а отчасти в природных катаклизмах (таких как землетрясение 551 г., ознаменовавшее собой конец Бейрутской школы права), или, что более значимо, – в утрате части территории и ведущих городских центров, завоеванных арабами в VII в. В последующий период образовательная система претерпела радикальную реструктуризацию. Старые школы прекратили свое существование и ответственность за все, что выходило за пределы начального образования, легла на плечи грамматиков (Lemerle 1971: 74–108; Haldon 1990: 427–435; Mullett 1990: 160–161, 166; Markopoulos 2005: 196–198). С этого времени и до падения Византии любое государственное вмешательство в дела высшего об-

разования носило лишь временный характер (Moffatt 1977: 85–92). Так, школе в Магнавре, основанной кесарем Вардой, не суждена была долгая жизнь (Lemerle 1971: 158–176). В середине X в. Константин VII Багрянородный реорганизовал и поддерживал эту школу целым рядом мер (Lemerle 1971: 263–266; Speck 1974: 22–28), но после его смерти она снова исчезает из исторических источников. В XI в., в правление Константина Мономаха (предположительно в 1047 г.) были основаны два новых высших учебных заведения (Lefort 1976: 279–284): Дидаскалеон тон номон (Didaskaleon ton nomon) под руководством Иоанна Ксифилина, образованного юриста, позднее ставшего Патриархом, и «Школа философии», возглавляемая Михаилом Пселлом, получившего новый официальный титул ипата философов (hypatos ton philosophon) (консул философов) (Wolska-Conus 1976: 223–243; Lemerle 1977: 195–248; Wolska-Conus 1979: 13–97; Markopoulos 2006b: 290–292). Несколько лет спустя после осуждения лучшего ученика Пселла, платоника Иоанна Итала (1082 г.) ситуация в силу необходимости изменилась, и Церковь стала играть более значимую роль в сфере высшего образования (Angold 1995: 50–60; Agapitos 1998: 184). И хотя значимость и даже сам факт существования Патриаршей высшей школы вызывает значительные дискуссии (Browning 1962–3: 167–201, 11–40; Katsaros 1988: 163–209; Magdalino 1993: 327), наличие двенадцати учителей, назначенных лично Патриархом, в том числе трех наставников в Священном Писании – Псалтири, Посланиях Св. Апостолов, Евангелии (последний известен как икуменикос дидаскалос (oikoumenikos didaskalos) (Magdalino 1993: 325–327; Loukaki 1998: 427–438), наводит на мысль о том, что роль Патриархата в предоставлении высшего образования была ключевой. Светское образование, судя по идиллическому описанию Николаем Месаритом школы Св. Апостолов (Downey 1957: 865–867), процветало и пользовалось поддержкой двора (Constantinides 1982: 54; Magdalino 1993: 331–356).

После 1204 г. и до конца империи информация касательно высшего образования в Византии скудна и путана. Церковь, вероятно, поддерживала основную инфраструктуру (Mergiali 1996: 30–33), тогда как различные частные школы, как, например, школа прославленного ученого Максима Плануда в конце XIII в. (Constantinides 1982: 66–89; Robins 1993: 201–233), фигурируют как предоставлявшие дополнительное образование (Mondrain 2000: 227). Однако, судя по описаниям, ни одна из них не обладала структурой или масштабом высших учебных заведений более ранних периодов.

ЛИТЕРАТУРА

- AGAPITOS, P. A. 1998. 'Teachers, pupils and imperial power in eleventh-century Byzantium', in Yun Lee Too and N. Livingstone (eds.), *Pedagogy and Power: Rhetorics of Classical Learning* (Cambridge): 170–91.
- ANGOLD, M. 1995. *Church and Society in Byzantium under the Comneni, 1081–1261* (Cambridge).
- BEAUCAMP, J. 2002. 'Le philosophe et le joueur: la date de la "fermeture" de l'école d'Athènes', *TM* 14: 21–35.

- BROWNING, R. 1962–3. 'The Patriarchal School at Constantinople in the twelfth century', *Byzantion* 32: 167–201; 33: 11–40.
- 1978. 'Literacy in the Byzantine world', *BMGS* 4: 39–54.
- 1993. 'Further reflections on literacy in Byzantium', in Reinert 1993: 69–84.
- CAVALLO, G. 2002. 'Tracce per una storia della lettura a Bisanzio', *BZ* 95: 423–44.
- CHRYSSOS, E. (ed.) 2005. *Byzantium as Oecumene* (Athens).
- CONLEY, T. 1986. 'Byzantine teaching on figures and tropes: an introduction', *Rhetorica* 4: 335–74.
- CONSTANTINIDES, C. N. 1982. *Higher Education in Byzantium in the Thirteenth and Early Fourteenth Centuries (1204–ca. 1310)* (Nicosia).
- CRIBIORE, R. 1996. *Writing, Teachers, and Students in Graeco-Roman Egypt* (Atlanta).
- 2001a. *Gymnastics of the Mind: Greek Education in Hellenistic and Roman Egypt* (Princeton).
- 2001b. 'The grammarian's choice: the popularity of Euripides' *Phoenissae* in Hellenistic and Roman education', in Too 2001: 241–59.
- DAGRON, G. 1968. 'L'Empire romain d'Orient au IVe siècle et les traditions politiques de l'hellénisme. Le témoignage de Thémistios', *TM* 3: 1–242.
- DIETHART, J., and GASTGEGER, C. 1993–4. 'Sechs eindringliche Hinweise für den byzantinischen Leser aus der Kommentarliteratur zu Dionysios Thrax', *BZ* 86: 386–401.
- DOWNEY, G. 1957. 'Nikolaos Mesarites: description of the Church of the Holy Apostles at Constantinople', *TAPA*, ns 47: 855–924.
- GUILLOU, A. 1974. *La civilisation byzantine* (Paris).
- HALDON, J. 1990. *Byzantium in the Seventh Century* (Cambridge).
- HUNGER, H. 1978. *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*, 2 vols. (Munich).
- 1989. *Schreiben und Lesen in Byzanz. Die byzantinische Buchkultur* (Munich).
- KALOGERAS, N. M. 2000. 'Byzantine Childhood Education and its Social Role from the Sixth Century until the End of Iconoclasm' (unpub. diss. Chicago).
- KARPOZELOS, A. 1984. 'Realia in Byzantine epistolography X–XII c.', *BZ* 77: 20–37.
- KATSAROS, B. 1988. *Ioannes Kastamonites* (Thessalonike).
- KOUKOULES, P. 1948. *Byzantinon bios kai politismos*, vol. 1 (Athens).
- KUSTAS, G. L. 1973. *Studies in Byzantine Rhetoric* (Thessalonike).
- LAIIOU, A. 1981. 'The role of women in Byzantine society', *JÖB* 31.1: 233–60.
- LEFORT, J. 1976. 'Rhétorique et politique: trois discours de Jean Mauropous en 1047', *TM* 6: 265–303.
- LEMERLE, P. 1971. *Le premier humanisme byzantin* (Paris).
- 1977. *Cinq études sur le XIe siècle byzantin* (Paris).
- LOUKAKI, M. 1998. 'Remarques sur le corps de douze didascales au XIIe siècle', in *Eupsychia. Mélanges offerts à Hélène Ahrweiler* (Paris): vol. 2, 427–38.
- MAGDALINO, P. 1993. *The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180* (Cambridge).
- 1996. *Constantinople médiévale: études sur l'évolution des structures urbaines* (Paris).
- 2002. 'The Byzantine reception of classical astrology', in C. Holmes and J. Waring (eds.), *Literacy, Education and Manuscript Transmission in Byzantium and Beyond* (Leiden): 33–57.
- 2006. *L'Orthodoxie des astrologues: la science entre le dogme et la divination à Byzance (VIIe–XIVe siècle)* (Paris).

- MALTESE, E. V. 1995. *Dimensioni bizantine* (Turin).
- MANGO, C. 1980. *Byzantium: The Empire of New Rome* (London).
- MARKOPOULOS, A. (ed.) 2000. *Anonymi professoris epistulae* (Berlin–New York).
- 2005. ‘Oikoumenikoteta tes byzantines ekpaideuses’, in Chrysos 2005: 183–200.
- 2006a. ‘De la structure de l’école byzantine: le maître, les livres et le processus éducatif’, in Mondrain 2006: 85–96.
- 2006b. ‘Roman antiquarianism: aspects of the Roman past in the middle Byzantine period (9th–11th centuries)’, in *Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies, London, 21–26 August 2006* (Aldershot): vol. 1, 277–97.
- MERGIALI, S. 1996. *L’Enseignement et les lettrés pendant l’époque des Paléologues (1261–1453)* (Athens).
- MERGIALI-FALANGAS, S. 1991. ‘L’École Saint-Paul de l’orphelinat à Constantinople: bref aperçu sur son statut et son histoire’, *REB* 49: 237–46.
- MILLER, T. 2003. ‘Two teaching texts from the twelfth-century orphanotropheion’, in Nesbitt 2003: 9–20.
- MOFFATT, A. 1973. ‘Science teachers in the early Byzantine empire: some statistics’, *Byzantinoslavica* 34: 15–18.
- 1977. ‘Schooling in the iconoclast centuries’, in A. A. M. Bryer and J. Herrin (eds.), *Iconoclasm* (Birmingham): 85–92.
- 1979. ‘Early Byzantine school curricula and a liberal education’, in *Byzance et les Slaves. Mélanges Ivan Dujčev* (Paris): 275–88.
- MONDRAIN, B. 2000. ‘Jean Argyropoulos professeur à Constantinople et ses auditeurs médecins, d’Andronic Éparque à Démétrios Angelos’, in G. Scholz and G. Makris (eds.), *Polypneuros. Nous. Miscellanea für Peter Schreiner zu seinem 60. Geburtstag* (Munich): 223–50.
- (ed.) 2006. *Lire et écrire à Byzance* (Paris).
- MORGAN, T. 1998. *Literate Education in the Hellenistic and Roman Worlds* (Cambridge).
- MULLETT, M. 1990. ‘Writing in early medieval Byzantium’, in R. McKitterick (ed.), *The Uses of Literacy in Early Mediaeval Europe* (Cambridge): 156–85.
- NESBITT, J. (ed.) 2003. *Byzantine Authors: Literary Activities and Preoccupations. Texts and Translations Dedicated to the Memory of Nicolas Oikonomides* (Leiden).
- OIKONOMIDES, N. 1993. ‘Literacy in thirteenth-century Byzantium’, in Reinert 1993: 253–65.
- PINGREE, D. 1971. ‘The astrological school of John Abramius’, *DOP* 25: 189–215.
- POLEMIS, I. D. 1995. ‘Problemata tes byzantines schedographias’, *Hellenika* 45: 277–302.
- RAPPE, S. 2001. ‘The new math: how to add and to subtract pagan elements in Christian education’, in Too 2001: 405–32.
- REINERT, S. (ed.) 1993. *To Hellenikon: Studies in Honor of Speros Vryonis, Jr.* (New Rochelle–New York).
- ROBINS, R. H. 1993. *The Byzantine Grammarians: Their Place in History* (Berlin–New York).
- ROUSSEAU, P. 1995. ‘“Learned Women” and the development of a Christian culture in Late Antiquity’, *Symbolae Osloenses* 70: 116–47.
- SATHAS, C. 1872–94. *Mesaionike Bibliothekē*, 7 vols. (Athens–Venice).
- SCHOULER, B. 1995. ‘La définition de la rhétorique dans l’enseignement byzantin’, *Byzantion* 65: 136–75.
- SEARBY, D. M. 2003. ‘A collection of mathematical problems in cod. Ups. gr. 8’, *BZ* 96: 689–702.

- SHEPPARD, A. 2000. 'Philosophy and philosophical schools', in *CAH* 14: 835–54.
- SPECK, P. 1974. *Die Kaiserliche Universität von Konstantinopel. Präzisierungen zur Frage des höheren Schulwesens in Byzanz im 9. und 10. Jahrhundert* (Munich).
- TOO, Y. L. (ed.) 2001. *Education in Greek and Roman Antiquity* (Leiden).
- VASSIS, I. 1993–4. 'Graeca sunt non leguntur. Zu den schedographischen Spielereien des Theodoros Prodromos', *BZ* 86–7: 1–19.
- 2002. 'Ton neon philologon palaismata', *Hellenika* 52: 37–68.
- WEBB, R. 1994. 'A slavish art? Language and grammar in late Byzantine education and society', *Dialogos* 1: 81–103.
- WILSON, N. G. 1983. *Scholars of Byzantium* (London).
- WOLSKA-CONUS, W. 1976. 'Les écoles de Psellos et de Xiphilin sous Constantin IX Monomaque', *TM* 6: 223–43.
- 1979. 'L'École de droit et l'enseignement du droit à Byzance au Xe siècle: Xiphilin et Psellos', *TM* 7: 1–107.

Рекомендуются к прочтению

В дополнение к вышеупомянутым работам ценность для читателя представляют

- ALPERS, K. 2004. 'Die griechischen Orthographien aus Spätantike und byzantinischer Zeit. Anmerkungen zu einer Publikation', *BZ* 97: 1–50.
- ANTONOPOULOU, T. 2003. 'The orthographical kanons of Nicetas of Heraclea', *JÖB* 53: 171–85.
- ATHANASSIADI, P. 1992. *Julian: An Intellectual Biography* (London–New York).
- 2006. *La lutte pour l'orthodoxie dans le platonisme tardif de Numénios à Damascius* (Paris).
- BECKER, A. H. 2004. *Fear of God and the Beginning of Wisdom: The School of Nisibis and the Development of Scholastic Culture in Late Antique Mesopotamia* (Philadelphia).
- BIANCONI, D. 2005. *Tessalonica nell'età dei Paleologi: le pratiche intellettuali nel riflesso della cultura scritta* (Paris).
- BOROVILLOU-GENAKOU, I. 2002. 'Baroccianus gr. 50: epimerismoi kata stoicheion grafika. Terminus ante quem pour le lexique de Théodose le grammairien (IXe s.)', *Byzantion* 72: 250–69.
- BROWNING, R. 1975. 'Enlightenment and repression in Byzantium in the eleventh and twelfth centuries', *Past and Present* 69: 3–23.
- 1997. 'Teachers', in G. Cavallo (ed.), *The Byzantines* (Chicago–London): 95–116.
- 2000. 'Education in the Roman Empire', in *CAH* 14: 855–83.
- Byzantine Books and Bookmen* 1975 (Washington, DC).
- CAMERON, A. M. 1998. 'Education and literary culture', in *CAH* 13: 665–707.
- CAVALLO, G. 2004. 'Le pratiche di lettura', in G. Cavallo (ed.), *La cultura bizantina* (Rome): 569–603.
- CONSTANTINIDES, C. N. 2003. 'Teachers and students of rhetoric in the late Byzantine period', in E. Jeffreys (ed.), *Rhetoric in Byzantium* (Aldershot): 39–53.
- CRIBIORE, R. 2007. *The School of Libanius in Late Antique Antioch* (Princeton).
- DODDS, E. R. 1965. *Pagan and Christian in an Age of Anxiety: Some Aspects of Religious Experience from Marcus Aurelius to Constantine* (Cambridge).

- EASTERLING, P. E. 2003. 'Sophocles and the byzantine student', in C. Dendrinos and others (eds.), *Porphyrogenita: Essays on the History and Literature of Byzantium and the Latin West in Honour of Julian Chrysostomides* (Aldershot): 319–34.
- GOUMA-PETERSON, T. (ed.) 2000. *Anna Komnene and her Times* (New York–London).
- HADOT, I. 2005. *Arts libéraux et philosophie dans la pensée antique: contribution à l'histoire de l'éducation et de la culture dans l'Antiquité* (Paris).
- JAEGER, W. 1961. *Early Christianity and Greek Paideia* (Cambridge, Mass.).
- KASTER, R. A. 1988. *Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity* (Berkeley–Los Angeles–London).
- KATSAROS, B. 2003. 'Prodromikoi thesmoi gia ten organose tes anoteres ekpaideuses tes epo-ches ton Komnenon apo ten prokomneneia periodo', in V. N. Vlyssidou (ed.), *The Empire in Crisis (?): Byzantium in the 11th Century (1025–1081)* (Athens): 443–71.
- KAZHDAN, A., and EPSTEIN, A. W. 1985. *Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries* (Berkeley).
- KOTZABASSI, S. 1998. *Die handschriftliche Überlieferung der rhetorischen und hagiographischen Werke der Gregor von Zypern* (Wiesbaden).
- MARROU, H. I. 1975. *Histoire de l'éducation dans l'antiquité* (Paris, 7th edn.).
- MOMIGLIANO, A. (ed.) 1963. *The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century* (Oxford).
- PÉREZ MARTIN, I. 1996. *El patriarca Gregorio de Chipre (ca. 1240–1290) y la transmisión de los textos clásicos en Bizancio* (Madrid).
- PETIT, P. 1957. *Les étudiants de Libanius: un professeur de faculté et ses élèves au Bas Empire* (Paris).
- SCHNEIDER, J. 1999. *Les traités orthographiques grecs antiques et byzantins* (Turnhout).
- SCHREINER, P. 2004. 'Il libro è la mia cella', in G. Cavallo (ed.), *La cultura bizantina* (Rome): 605–31.
- TREADGOLD, W. 1988. *The Byzantine Revival, 780–842* (Stanford).
- TREU, M. 1893. 'Ein byzantinisches Schulgespräch', *BZ* 2: 96–105.
- WATTS, E. 2006. *City and School in Late Antique Athens and Alexandria* (California).
- WILSON, N. G. 1975. *St Basil on the Value of Greek Literature* (London).

Глава III.17.3 ГРАМОТНОСТЬ

Майкл Джеффрис

С момента публикации статьи Роберта Браунинга, в которой задана структура дальнейших исследований византийской грамотности (Browning 1978), исполнилось тридцать лет. Его более чем осторожный вывод сводится к тому, что процент грамотных византийцев был неожиданно высок – наверняка выше, чем в современной Западной Европе. Последующая работа приняла два основных направления. Первое заключалось в повышении точности оценки количества византийцев, собственноручно подписывавших своим именем документы, и орфографической грамотности этих подписей. Следует признать, что это неадекватно определению функциональной грамотности, но единственно уместно, поскольку именно на эти два вопроса существуют доступные статистические ответы. Второе направление заключается в пересмотре определения того, что может представлять собой «грамотность» в византийских реалиях, и делит современное аналогичное понятие на много различных «грамотностей», каждая из которых имеет собственные цели и стандарты (Patlagean 1979; Cavallo 1990; Mullett 1990; (работа Маллета отличается сбивающей с толку склонностью к противоречиям) Holmes 2002; Cavallo 2006). Браунинг (1993: 72–3) оспаривает понятие грамотности применительно к солдатам и купцам. В данной статье мы будем следовать плану, заданному в статьях Браунинга, который во многом ограничивался периодом после IX в. Византия более ранних веков обычно исследовалась в составе античного мира, как в последней главе Харриса «Грамотность в эпоху поздней античности» (Harris 1989: 285–322) и энциклопедической статье Каждана «Грамотность» (ODB 1234).

«Грамотность» в современном мире имеет практически неоспоримый статус основного навыка, обязательного для каждого и повсеместно. В это понятие входит и печатание, благодаря которому дешевые, интересные и чаще всего правильно составленные тексты проникли во все сферы жизни. Противоположный термин – «неграмотность» обычно употребляется при обсуждении международной неразвитости и пробелов образовательной системы развитых стран. Без грамотности в настоящее время в большинстве стран мира тяжело выполнять свои

гражданские обязанности и пользоваться общественными благами, получить работу, доступ к товарам, услугам и даже развлечениям. Но в Византии рукописи были очень дороги, написанные от руки тексты мало удобны для прочтения, а необходимость писать возникала в различных сферах человеческой деятельности в гораздо меньшей мере.

Оценка уровня византийской грамотности зависит от сохранности оригинальных рукописей, требовавших письменного ответа от малограмотных. Такие тексты были весьма многочисленны в Византии, где бюрократическая практика в отношении землевладения и налогообложения часто требовала личных подписей и многократно – подписей с указанием сведений об общественном положении лица, удостоверявшего документ подписью (Oikonomides 1989: 169). К несчастью, большая часть таких документов погибла, тогда как те, что сохранились, в большинстве своем происходят из монастырской среды и имеют сомнительную статистическую ценность для населения в целом: византийские монастыри, хотя и редко целиком посвященные обучению, разумеется, были центрами переписывания книг для религиозных целей (Cavallo 2002), а монастырские библиотеки могли давать книги в пользование в значительных масштабах (Waring 2002).

Наиболее ранняя методология заключается в том, чтобы считать неграмотными тех, кто подписывался знаком креста, а не писал свое имя – документ в таком случае нуждался в подтверждении намерений подписывавшего другими личностями. Более экспериментальный метод вносит некоторую объективность в оценку неграмотности письма на греческом языке. Николас Икономидес считал слоги в соответствующих текстах с «проблемными» (безударными) гласными (и, е, о, в которых легко ошибиться) и определял, сколько процентов написано верно. Если собирать статистику стандартизированным способом, то возможно сделать правильные и полезные сопоставления орфографических ошибок при целом ряде обстоятельств (Oikonomides 1988: 171–172).

Большинство текстов для такого анализа ведут происхождение из двух мест расположения монастырей: гора Афон и монастырь Богородицы Лемвиотиссы возле Смирны. Используемые афонские тексты это, в первую очередь, споры глав монастырей на совете в Кари и другие документы, подписанные знаменитыми монахами, чей образовательный уровень, вероятно, значительно превосходил средний (Oikonomides 1988: 168–169). В своих расчетах Икономидес использовал только оригинальные рукописи, тщательно отслеживая и другие прогнозируемые переменные. Данные сохранились приблизительно с 1000 г. и до конца Византии. Уровень грамотности по двум критериям вначале высок, но потом на протяжении XI в. быстро снижается до отметки около 25% неграмотных и до 20% неправильно написанных слогов, у тех, кто умел писать. После пробела, ввиду отсутствия данных XII – первой половины XIII вв., наблюдается подъем во второй половине этого века и XIV в. до исключительно высокого уровня – с полным отсутствием неграмотных глав монастырей и очень хорошим правописанием. Икономидес дает таким результатам свое пояснение.

Материал из монастыря Лемвиотиссы найден в *cod. Vind. Hist. gr. 125* и опубликован Миклошичем и Мюллером (1871: vol. 4, 1–289). Все документы из хартулария, хранилища копий монастырских документов, не являются оригиналами

(Oikonomides 1993: 255–256). Это ограничивает анализ первым из вышеописанных методов. Икономидес собирал статистику по поселку Мантейа и городу Смирна в XIII в. В Мантейе 77% подписывавших документы были неграмотны, в том числе большинство свидетелей, которые обязаны были, если это возможно, быть из числа грамотных. Все женщины (около 1/6 части от общего количества) были неграмотны. Большинство грамотных людей были священнослужителями, но было также и несколько представителей аристократии. В Смирне статистика выглядела намного лучше: процент безграмотных был вполуполовину меньшим – 38%, в том числе 22% свидетелей. Большинство грамотных опять-таки были священнослужителями: в действительности, ни в одном из двух населенных пунктов не было неграмотных священников, имелось лишь несколько неграмотных монахов, которые, вероятно, поступили в монастырь поздно и не имея образования. Большинство мужчин, идентифицируемых как аристократы, были грамотны, грамотны также были две женщины-аристократки, но больше грамотных женщин не было. Икономидес делает вывод о «полной грамотности Церкви, почти полной грамотности аристократии, некоторой грамотности зажиточного населения, редкости грамотности среди крестьян и почти полной безграмотности женщин» (Oikonomides 1993: 262). Такие показатели, какое бы впечатление они ни производили, достаточно хороши в сравнении с показателями современных обществ и очень неплохо выглядят на фоне данных любых мест и временных периодов до современного введения обязательного образования.

Икономидес позднее составил в Афинском университете проект, в котором были представлены эти результаты, и убеждал экспертов других стран и других научных сообществ начать параллельные проекты (Oikonomides 1995a). Его последняя статья о грамотности подвела итоги первых двух исследований для Критской конференции, добавив к вышеизложенному благоприятные результаты из Крита и окрестностей (Oikonomides 1995b). Икономидес был единственным ученым, который подошел к проблеме прямо, приложив множество усилий и изощренности, поэтому его выводы впечатляют. Но они недостаточно масштабны и не могут быть обобщены. Его модели, хотя и обширны, но имеют хронологические и географические ограничения и, кроме того, сосредоточены вокруг монастырей. Его определение неграмотности подвержено влиянию перемен общественного мнения, – к примеру, растущего стыда своей безграмотности, – что могло побудить многих научиться подписывать свое имя и без того, чтобы овладевать прочими навыками грамотности.

От вопросов массовой грамотности, где данные ограничены, следует обратиться к другим видам грамотности, где они более полны. Интересен случай ремесленников, которые надписывали слова на своих изделиях, больших и малых. К их числу относятся те, кто вытесывал в камне надписи о жертвовавших на храмы, резчики печатей, вырезавшие (в зеркальном отражении) легенду оттиска, который должен был появиться на свинце печати, или художники, добавлявшие надписи к тому, что мы склонны именовать произведениями искусства, – к миниатюрам в рукописях, мозаикам и фрескам архитектурных сооружений, переносным иконам и прочим предметам роскоши и поклонения. И хотя качество надписей и условная точность грамматики и правописания в таких случаях су-

щественно варьируются, создается общее впечатление удивительной небрежности даже там, где художественная ценность весьма высока или предмет связан с человеком, известным своей ученостью. Элементарные ошибки встречаются, к примеру, в эпиграммах к иллюстрациям Библии Льва (Dufrenne and Canart 1988, пример: fos. 2^v, 3^r, 155^v), или на печати как нельзя более образованного Феофилакта Охридского, архиепископа Болгарского (Nesbitt and Oikonomides 1991: 97).

Единственное заключение, которое следует сделать в данном случае, состоит в том, что тщательность правописания и грамотность не рассматривались как основа профессионализма таких создателей текста, которых, вероятно, следует считать простыми художниками без претензий на ученость. Можно предложить и возможные объяснения: многие подписи не являются необходимыми, поскольку объект легко опознаваем и без них, а надписи на воске создаются не для прочтения, – они удостоверяют подлинность документа, являются гарантией против подделок. Известные ошибки правописания не уменьшали надежности таких гарантий. Несмотря на эти предположения, терпимость к грамматическим ошибкам является разительным признаком культурного различия по сравнению с нашим временем.

Самые пространные и наиболее тщательно выполненные документы, свидетельствующие о византийской грамотности, это, конечно же, рукописи, в особенности, манускрипты с литературными текстами. В результате в дискуссии о грамотности зачастую доминируют идеи и стандарты высочайшего уровня, характерные для литературного эстеблишмента (Lemerle 1986; Hunger 1989; Mondrain 2006). В данном справочном пособии такого рода грамотность подвергалась существенному обсуждению в разделах о рукописях и образовании (I.2.10. Греческая палеография; III.17.2. Образование) и получила ценное обоснование в разделе, посвященном литературе (III.18. Литература. 1–8). Здесь же уместно будет сделать лишь несколько соответствующих замечаний.

Следует упомянуть о Церкви. Замена античных форм религии христианством с его опорой на Библию, должно быть, способствовала распространению грамотности в Византии. Его важность подчеркивается двумя поворотными моментами в истории книги. Христиане, как говорят, стали придавать рукописям форму кодекса, заменившего свиток (Harris 1989: 294–297). С другой стороны, есть признаки того, что Церковь, отказываясь от старой, унциальной формы написания, медленно принимала новый мелкий шрифт в IX–X вв. Точно неизвестно, был ли причиной тому простой консерватизм или нежелание предъявлять новые требования к полу-грамотным людям, которым по долгу службы приходилось уметь читать и многие из которых были священнослужителями (Cavallo 2006: 105–106).

Церковная служба могла стать великолепным полигоном для испытания взаимодействий между различными разновидностями грамотности, поскольку прихожане различного уровня образования слушали проповеди, иногда составленные на высоком лингвистическом уровне, и древние литургии, за которыми становилось не так то просто следить (Cunningham and Allen 1998). К сожалению, как всегда, есть слишком много не поддающихся оценке факторов, чтобы

позволить сделать однозначные и надежные выводы. Излагались ли проповеди в той же языковой форме, в которой мы теперь их читаем? Насколько длительное знакомство с литургией способствует ее пониманию? Насколько склонны были неграмотные с благоговением выслушивать то, чего не могли понять? Наконец, в агиографии встречаются многие дошедшие до наших дней биографии полу-грамотных византийцев: их интерпретация вынужденно балансирует между необходимостью для авторов придания достоверности и затруднительностью представления каждого святого исключительным (Deroche 2006).

От церковной среды перейдем к предполагаемой аудитории византийских писателей и создаваемых ими видов художественной литературы. Жанр византийского романа¹ содержит примеры литературного языка высокого класса, относящиеся к XII в., а также более поздние поэмы, включая некоторые из них, наиболее близкие из всех сохранившихся от византийского периода к просторечному языку. Однако в обоих случаях письма и надписи играют значимую роль в мотивации сюжета (фабулы). В равной мере важно и то, что обе группы включают случаи наличия тонкого, трудно уловимого взаимодействия переносных смыслов между устным и письменным способом повествования. Использование просторечного языка не исключает эти тексты из состава литературы (Agapitos 2006).

Позднее, после конца византийского периода, некоторые рукописи просторечных романов стали записывать фонетическим способом, вольно используя греческий алфавит, и либо не слишком, либо вообще не принимая в расчет историческую орфографию, получая почти сценарий для устного представления, а не текст в общепринятом смысле. Лучшими примерами являются два памфлета из группы поствизантийских, хранящиеся в библиотеке Бодлейана в Оксфорде, возможно, некогда составлявшие и более обширную рукопись. Один из них датирован 1516 г. (Jeffreys, E. 2005: 151–160). Два упомянутых текста являются версиями романов «Ахиллес» и «Имверий и Маргарона». Неясно, насколько писателя можно назвать образованным: возможно, он умел читать и никогда официально не учился писать.

Данная глава вынужденно завершится из-за недостатка информации большим количеством вопросов, нежели ответов. Может быть, позволительно поразмышлять о том, каких именно данных недостает. Я предположил бы отсутствие одной категории текстов для малограмотного населения, которую обнаруживают везде и которая могла бы иметь аналоги в Византии.

Папирус начинает исчезать из Византии в VIII в. Период с того времени и далее представляется заманчивым воспринимать как пробел в истории материальной культуры, не восполненный ничем из сохранившихся документов. Как и на чем византийцы после этого периода вчерне набрасывали списки покупок? Аналогичный пробел был в познаниях о культуре Древней Руси, и в последние пятьдесят лет он неожиданно оказался заполнен берестяными грамотами. Их доминирующий мотив – деньги: списки должников, требования платежа, жалобы

¹ Англ. *romance* – любовный или героический роман, в отличие от англ. *novel* – бытовой роман (прим. переводчика).

на запоздалые оплаты или неоплаты, инструкции по обмену и покупке, запросы об уступке в цене или денежной помощи, угрозы санкций в случае недостижения соглашения (Franklin 2002: 35–45, об этом с. 38). Можно было бы заподозрить, что византийцы использовали для этих целей восковые дощечки, но они в археологических материалах не сохранились. Предположение, что неформальная письменность такого рода была ограничена таким дорогостоящим носителем как пергамен, кажется неприемлемым.

Также мала и вероятность низкоуровневой грамотности, документально зафиксированной Дженет Нельсон применительно к Западу Каролингов: «пассивные участники грамотности, они были постоянными пользователями документов специализированных юридических типов в специализированных юридических контекстах, хотя, конечно же, не могли сами составлять документы и, вероятно, не могли даже полностью прочесть их; они могли распознавать стандартные формулировки и вставлять оценочные замечания по вопросам формальной правильности» (Nelson 1990, хороший пример на с. 269). Византийские монастырские документы отображают всевозможные споры, но лишь очень немногие из них нарушают иерархию грамотности, предоставляя какую-либо инициативу полубразованным. Достаточно просто вообразить, что такие случаи могли быть обойдены молчанием и удалены из архивов монастырей, страстно желающих доказать свою правоту уже после дискуссии.

Дискуссии о грамотности в Византии дают ценную статистику о подписях и навыках правописания, а также важное переопределение концепции византийских реалий. Последнее, до некоторой степени, ставит под сомнение значимость первого. Единственная доступная статистика оказывается ненадежно связанной с навыками, наличие которых важно проверить. Что касается сопоставления навыков грамотности с Западом, остается справедливым то, что большинство знающих обе ситуации, считает, что грамотность в Византии была на более высоком уровне. Об этом можно прочесть в общих обзорах средневековой грамотности с детальным сравнением ее в различных сферах (Wendehorst 1986; McKitterick 1990; Britnell 1997) или же в подробных исследованиях развития грамотности в одном обществе (например, Clanchy 1979; Stock 1983). Основное создавшееся впечатление — это впечатление несопоставимости методов исследования, использовавших весьма разнообразные типы и объемы данных, которые крайне затрудняют количественное сопоставление. Конечная и весьма здравая мысль такова, что как бы ни было широко основание пирамиды византийского обучения, ее вершина всегда была узка. К примеру, гораздо больше дошедших до нас рукописей латинской классики, нежели греческой, а если ограничить подсчет эпохой раннего средневековья, то и во много раз больше (Olsen 2005). Лемерль (1986: 298), как известно, считал, что только 200–300 мальчиков обучались в высшей школе Византии в X в., а Шевченко (1971: 7–10) насчитывал всего 100 интеллектуалов в XIV в.

ЛИТЕРАТУРА

- AGAPITOS, P. A. 2006. 'Writing, reading and reciting (in) Byzantine erotic fiction', in Mondrain 2006: 125–76.
- BRITNELL, R. (ed.) 1997. *Pragmatic Literacy, East and West* (Woodbridge).
- BROWNING, R. 1978. 'Literacy in the Byzantine world', *BMGS* 4: 39–54.
- 1993. 'Further reflections on literacy in Byzantium', in Reinert and others 1993: 69–84.
- CAVALLO, G. (ed.) 1990. *Libri e lettori nel mondo bizantino: guida storica e critica* (Rome–Bari).
- 2002. 'Polis grammaton. Livelli di istruzione e usi di libri negli ambienti monastici a Bisanzio', *TM* 14: 95–113.
- 2006. 'Alfabetismi e letture a Bisanzio', in Mondrain 2006: 97–109.
- CLANCHY, M. 1979. *From Memory to Written Record: England 1066–1307* (London).
- CUNNINGHAM, M., and ALLEN, P. 1998. *The Preacher and Audience: Studies in Early Christian and Byzantine Homiletics* (Leiden).
- DEROCHE, V. 2006. 'Écriture, lecture et monachisme à la haute époque Byzantine', in Mondrain 2006: 111–23.
- DUFRENNE, S., and CANART, P. (commentary) 1988. *Die Bibel des Patricius Leo. Reg. gr. 1B* (Zürich).
- FRANKLIN, S. 2002. *Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300* (Cambridge).
- HARRIS, W. V. 1989. *Ancient Literacy* (Cambridge, Mass.–London).
- HOLMES, C. 2002. 'Written culture in Byzantium and beyond: contexts, contents and interpretations', in Holmes and Waring 2002: 1–31.
- and WARING, J. (eds.) 2002. *Literacy, Education and Manuscript Transmission* (Leiden).
- HOLTON, D., and others (eds.) 2005. *Copyists, Collectors, Redactors and Editors: Manuscripts and Editions of Late Byzantine and Early Modern Greek Literature* (Irakleion).
- HUNGER, H. 1989. *Schreiben und Lesen in Byzanz: die byzantinische Buchkultur* (Munich).
- JEFFREYS, E. 2005. 'The Oxford manuscripts Auct. T 5.20–25 (Misc. 282–287)', in Holton and others 2005: 151–60.
- LEMERLE P. 1986. *Byzantine Humanism: The First Phase*, trans. A. Moffatt and H. Lindsay (Canberra).
- McKITTERICK, R. (ed.) 1990. *The Uses of Literacy in Early Medieval Europe* (Cambridge).
- MIKLOSICH, F., and MÜLLER, J. 1871. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana*, vol. 4 (Vienna).
- MONDRAIN, B. (ed.) 2006. *Lire et écrire à Byzance* (Paris).
- MULLETT, M. 1990. 'Writing in early mediaeval Byzantium', in McKitterick 1990: 156–85.
- NELSON, J. L. 1990. 'Literacy in Carolingian government', in McKitterick 1990: 258–96.
- NESBITT, J., and OIKONOMIDES, N. (eds.) 1991. *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art*, vol. 1 (Washington, DC).
- OIKONOMIDES, N. 1988. 'Mount Athos: levels of literacy', *DOP* 42: 167–78 (repr. in *Society, Culture and Politics in Byzantium* (Aldershot, 2005): no. III).
- 1993. 'Literacy in thirteenth-century Byzantium: an example from western Asia Minor', in Reinert and others 1993: 253–65 (repr. in *Society, Culture and Politics in Byzantium* (Aldershot, 2005): no. IV).

-
- 1995a. 'Byzance: à propos d'alphabetisation', in J. Hamesse (ed.), *Bilan et perspectives des études médiévales en Europe* (Louvain-la-Neuve): 35–42 (repr. in *Society, Culture and Politics in Byzantium* (Aldershot, 2005): no. V).
- 1995b. 'He eggramatosyne ton Kretikon gyro sto 1200', in *Acts of the VIIth International Congress of Cretan Studies*, II/2 (Rethymnon): 593–8 (repr. in *Society, Culture and Politics in Byzantium* (Aldershot, 2005): no. VI).
- 1997. 'Byzantine archives of the Palaiologan period, 1258–1453', in Britnell 1997: 189–97.
- OLSEN, B. M. 2005. 'The reception of classical literature in the early middle ages', in Holton and others 2005: 422–43.
- PATLAGEAN, E. 1979. 'Discours écrit, discours parlé: niveaux de culture à Byzance au VIIIe–XIe siècle', *Annales* 34: 264–78.
- REINERT, S., and others (eds.) 1993. *To Hellenikon: Studies in Honor of Speros Vryonis Jr.*, vol. 1 (New Rochelle).
- ŠEVČENKO, I. 1971. 'Society and intellectual life in the fourteenth century', in *XIVe Congrès International des Études Byzantines* (Bucharest), Rapports I: 7–30.
- STOCK, B. 1983. *The Implications of Literacy: Written Language and Models of Interpretation in the Eleventh and Twelfth Centuries* (Princeton).
- WARING, J. 2002. 'Literacies of lists: reading Byzantine monastic inventories', in Holmes and Waring 2002: 165–85.
- WENDEHORST, A. 1986. 'Wer konnte im Mittelalter lesen und schreiben?', in J. Fried (ed.), *Schulen und Studium im sozialen Wandel des hohen und späten Mittelalters* (Sigmaringen): 9–33.

Глава III.17.4 АРИФМЕТИКА И ДРУГИЕ НАУКИ

Анна Тихон

Византийская наука основывалась на изобильном материале, унаследованном от времен античности, в особенности от Александрийских школ, и, в отличие от Запада, византийские ученые никогда не отделяли себя от этого величайшего научного наследия. В научных исследованиях Византии, основанных на Тетрактис мафематон (Tetraktys ton mathematon) или квадривиуме наук (арифметике, геометрии, астрономии, музыке), использовались труды таких авторов как Евклид, Аполлоний, Архимед, Птолемей, Папп, Феон Александрийский, Диофант, Герон или, на более элементарном уровне, Клеомед, Гемин, Феодосий, Автолик, Феон Смирнский. Образование в этих сферах, входящих в квадривиум, совершенствовалось на различных уровнях на всем протяжении византийской истории, но своего апогея достигло в период Палеологов, когда античные научные трактаты не только изучали, но также пересматривали и корректировали, получая в результате то, что называют «византийскими переизданиями».

Наследие античности было значительно расширено вкладом зарубежья – арабов, персов, латинов, евреев. Таким образом, Византия является перекрестком между греческой научной традицией и зарубежным влиянием. Подлинно византийские произведения редки во многом потому, что византийские ученые были в основном «полиглотами» науки, а не специалистами в определенной области. Что касается их языка, византийские научные труды делятся на две категории: работы, написанные на греческом в форме более или менее приближенной к античному греческому, и работы, написанные в просторечной форме. В общем говоря, традиционные «высокие науки» излагались классическим языком, тогда как практические руководства (к примеру, список растений, астрологические предписания, сборники арифметических задач и т. д.) были написаны на просторечном греческом. Некоторые тексты, переведенные с иностранного (арабского, персидского, латыни), не более, чем буквальная передача произведений на оригинальном языке с иностранной специальной терминологией, записанной греческими буквами.

Дисциплины квадривиума

Для лучшего понимания византийской арифметики следует помнить, что греческие цифры (числительные) пишутся буквами, а ноль не имеет своего символа: так, 201 пишется как $\sigma\alpha$, 1300 – как $\alpha\tau$, 1308 – как $\alpha\tau\eta$. Такая запись не позволяет позиционных арифметических действий. Существовал символ и для ноля ($\omicron\upsilon\delta\acute{\epsilon}\nu$), но его использовали только для астрономических таблиц в шестидесятиричной системе (1° , $0'$, $23''$ записывали как $\alpha\beta\kappa\gamma$). В XIII в. была сделана попытка введения индийских цифр (числительных) (предшествовавших современным) и соответствующей арифметики, не имевшая ощутимого успеха. Мы знаем, что устному счету детей обучали на пальцах, но нам доподлинно неизвестно, как производили вычисления простые люди в повседневной жизни. Однако многочисленные расчеты на полях астрономических рукописей показывают, что использовались, в основном, античные способы счета.

Наиболее важные учебники арифметики появляются в XIII–XIV вв. наряду с несколькими трактатами, сохранившимися с прежних времен. Из них наиболее древним и наиболее важным является математический папирус из Ахмина (древний Панополь в Верхнем Египте, VII в.), в котором речь идет о дробях и задачах в египетской традиции (Baillet 1892). В отношении VII–VIII вв. нам известно, благодаря некоторым Житиям святых, что в образовательную программу для юношества входило обучение арифметике, хотя не сохранилось ни одного текста об этом, датируемого периодом до XI в., а относящийся к 1007–1008 гг. наиболее ранний Квадривиум содержит арифметическую часть на основе трудов Евклида и Никомаха (Heiberg 1929:50–65). Именно и в основном в конце XIII – первой половине XIV вв. византийские ученые проявляют все возрастающий интерес к арифметике, когда труд Диофанта появляется в виде парафраза Квадривиума, составленного Пахимером (ок. 1242–1310), и изучается его современником Максимом Планудом (ок. 1255–1305). В учебниках арифметики прослеживаются две тенденции: с одной, стороны есть теоретические работы, зачастую связанные с астрономией, многие главы которых посвящены шестидесятиричному исчислению; с другой стороны, есть и практические руководства с задачами из повседневной жизни. Обучающий элемент основывается преимущественно на работах античных авторов (таких как Евклид, Феон, Герон, Никомах) и проявляется в таких важных трактатах как «Квадривиум» Георгия Пахимера (ок. 1300 г.) (Tannery and Stephanou 1940: 5–95), первый том которого многократно использовали его последователи, или на «Стоихиосис» (Stoicheiosis)¹ Феодора Метохита (ок. 1300 г., не опубликован) – обширном астрономическом труде, который начинается продолжительным арифметическим введением, либо на Астрономическом пятикнижии Феодора из Милитины (ок. 1352 г.), значительная часть первого тома которого посвящена арифметическим действиям (процедурам, алгоритмам) (Leurquin 1990). «Логистика» Варлаама – чисто абстрактный труд, основанный на Евклиде, числа в котором представлены линиями и буквами (Carelos

¹ «Элементы»; правильнее – «Астрономические элементы» (Astronomike Stoicheiosis) (прим. редактора).

1996). Последний представитель этого ряда ученых – Георгий Трапезундский. Его «Введение к Альмагесту» (не опубликовано), хотя и написанное после падения Константинополя (около 1468 г.), заслуживает упоминания в дискуссиях о последующем развитии византийской арифметики. Трактат Георгия отличается от других своим критицизмом в отношении Феона, проявившемся в принятии арабо-латинских методов, а также попыткой создания более абстрактной терминологии для обозначения терминов пропорции (математических соотношений).

Практическая сторона представлена в учебниках об индийском математическом вычислении, где приняты индийские цифры и сопутствующие расчеты. Такие методы были представлены из арабских ученых – Аль-Хорезми (ок. 825 г.), из еврейских – ибн Эзрой (ок. 1092–1167), а в западном мире – Леонардо Пизанским (ок. 1202–1238). В Византии они присутствуют в анонимном трактате (ок. 1252 г.) (Allard 1977) и в учебнике, составленном на его основе и написанном Максимом Планудом около 1300 г. (Allard 1981). Но индийские числительные никогда по-настоящему не пользовались успехом среди византийских ученых, сохранявших глубокую преданность греческой традиции. Среди трудов по арифметике следует также упомянуть о двух «Арифметических письмах» Николая Артавасда Равды (ок. 1340 г.) (Tannery 1920b); в первом он объясняет способ устного счета на пальцах, широко распространенный в Средиземноморье со времен античности. Николай Месарит в своем описании школы Св. Апостолов в Константинополе (ок. 1200 г.) изображает запуганных детей, считающих на пальцах под ударами розги или прута, которые дождем сыплются на них при малейшей ошибке (Downey 1957: 899). «Трактат о числах в квадратах» Мануила Мосхопула (ок. 1265–1315) повествует о «магических квадратах» (Tannery 1920a; Sesiano 1998), а «Трактат о квадратном корне» Исаака Аргира (ок. 1368 г.) является попыткой усовершенствовать методы Герона Александрийского (Allard 1978). Существует ряд анонимных учебников, посвященных практическим задачам и алгебраическим методам их разрешения (Vogel 1968; Hunger and Vogel 1963).

Геометрия как таковая не получила широкого развития в Византии, за исключением периода правления Юстиниана, в который жили и работали два великих геометра – Анфимий из Тралл (ум. ок. 534 г.) и Исидор из Милета (ум. ок. 532 г.) Но из многих исследований нам известно, что Евклид изучался во все периоды существования Византийской империи, и вышеупомянутые трактаты – Квадрикумы включали евклидову геометрию (Heiberg 1929: 72–104). Кроме евклидовой традиции существовало множество малых трактатов, которые объясняли геодезические процедуры. Это иллюстрируют Михаил Пселл (ок. 1018–1078), Иоанн Педиасм (XIII в.) и Исаак Аргир (ок. 1368), а также анонимные трактаты, которые, скорее, содержали неточные и ненаучные методы (Lefort and others 1991).

Математическая астрономия с большой охотой воспринималась и распространялась в византийском мире. Ее можно разделить на два основных течения: с одной стороны, Птолемея традиция, просуществовавшая до самого конца Византийской империи, и, с другой стороны, переложения различных иностранных астрономических таблиц (арабских, персидских, латинских и еврейских).

Птолемея традиция базируется не только на работах Птолемея («Альмагест»), но также и на трудах Феона Александрийского (ок. 364 г. н. э.), чьи ком-

ментарии, в особенности «Малый комментарий к ручным таблицам Птолемея», использовали очень широко. Этот небольшой учебник, который сам автор называл «Астрономией для болванов», путем доступных пояснений и примеров позволял всем использовать таблицы Птолемея, без необходимости разбираться в сложных геометрических основах Птолемеевой астрономии. Данный учебник был прототипом учебников по астрономии, то есть работой, поясняющей использование ряда таблиц с иллюстрациями примеров, относящихся ко времени жизни автора. Первым византийским учебником астрономии является «Комментарий к ручным таблицам» Стефана Александрийского (ок. 617 г.) (неиздан, за исключением некоторых глав (Usener 1914). Вдохновленный «Малым комментарием» Феона, Стефан добавляет таблицы к клима (klima) (широте) Византии, а в конце трактата некоторые главы были, по всей видимости, добавлены самим императором Ираклием. Эти дополнительные главы посвящены хронологии и излагают восточное исчисление (Tihon 2004).

VIII в., ознаменовавшийся иконоборским кризисом, не был благоприятен для научных достижений, но Иоанн Дамаскин в «О Православной вере» задает основополагающие понятия космологии и астрономии (PG 94: 445–448). Первый «Византийский ренессанс» в IX в. отмечен переписываниями великолепных научных манускриптов с трудами Птолемея (*Vat. gr. 1594*) и «Большим комментарием» Феона Александрийского (*Vat. gr. 190*), который содержит также «Начала» Евклида. Трудно утверждать наверняка, что эти работы, написанные на высочайшем научном уровне, действительно читались или изучались в тот период, хотя манускрипты, исписанные унциальным шрифтом и содержащие «Ручные таблицы» Птолемея, наводят на мысль, что астрономические расчеты регулярно выполнялись на протяжении IX–X вв. (Tihon 1992; 1993).

XI в. – важный период для византийской астрономии. Помимо работ в традиции Птолемея – анонимного Квадривиума, написанного около 1007–1008 г. (Heiberg 1929: 104–140) и собрания анонимных глав, написанных приблизительно в то же самое время (неизданных), ныне обнаруживаются тексты, свидетельствующие о хороших знаниях исламской астрономии (Tihon 1990). Анонимные схолии, составленные около 1032 г. и сохранившиеся на полях рукописи *Vat. gr. 1594*, цитируют замечания, сделанные во время халифа аль-Мамуна и относятся к византийской адаптации таблиц Алима (ибн аль-А'лама, умершего в 985 г.) (Moneget 1962; 1975; Tihon 1989; Mercier 1989). Симеон Сиф, астролог и врач при Алексее Комнине, знает арабское значение прецессии (1° в 66 лет) (Kunitzsch 1970; Pingree 1976a; Magdalino 2002); анонимный учебник 1072 г., сохранившийся в *Paris. gr. 2425*, использует важные арабские трактаты (ибн аль-Мутанни, Хабаш аль-Хасиб) (Jones 1987). К XI в. принадлежит и единственная сохранившаяся византийская астрология, датированная 1062 г., выполненная для человека персидского происхождения и обнаруживающая восточное влияние (Dalton 1926). Астрономические тексты XI–XII в., хотя и весьма фрагментарно, но обнаруживают особенно высокий научный уровень. Однако захват Константинополя участниками Четвертого Крестового похода 1204 г. привел к разрыву в научном развитии византийской астрономии, а исламские работы, использовавшиеся в предыдущее столетие, исчезли с научного горизонта. Выздоровление началось

лишь в конце XIII в. после падения Латинской империи. И снова астрономическое обновление развернулось в двух направлениях: первое – направление реставрации астрономии Птолемея, ему следовали наиболее выдающиеся византийские ученые, второе – направление введения в обиход персидской астрономии.

К обновителям астрономии Птолемея относится Феодор Метохит (1270–1332), написавший огромный труд «Астрономические элементы» (*Astronomike Stoicheiosis*), пояснение к «Альмагесту» и ручным таблицам (неизданы). В то же время Георгий Пахимер (1242–1310) составил квадривиум, астрономическая часть которого посвящена арифметике и созвездиям (Tannery and Stephanou 1940: 329–454). Никифор Григора, ученик Феодора Метохита, был особенно горд своими предсказаниями затмений, даты которых рассчитывал с помощью Птолемеевых таблиц (к примеру, 16 июля 1330 г.) или ссылался на них в своих письмах (Mogenet and others 1983). Предсказания солнечных или лунных затмений также использовались Григорой для демонстрации своего превосходства над своим соперником Варлаамом из Семинары. К несчастью для него, Варлаам также имел талант к такого рода предсказаниям и опубликовал свои собственные расчеты дат солнечных затмений 1333 и 1337 гг. (Mogenet and Tihon 1977). В середине XIV в. Николай Кавасила дополнил «Комментарий к Альмагесту» Феона, написав третью книгу для того, чтобы заменить недостающий оригинал (Bale 1538: 131–194). В этот период число астрономических рукописей возросло: многие византийские интеллектуалы желали принятия в клуб профессиональных астрономов.

Еще одна тенденция заключается в распространении персидской астрономии. В 1259 г. монгольский правитель, хан Хулагу устроил знаменитую обсерваторию Марага в Иране, возглавляемую Насиром ад-Дин ат-Тузи. Очень скоро слава персидской астрономии привлекла византийских ученых, в особенности некоего Георгия (или Григория) Хиониада. Он приобрел свои познания в астрономии в Персии и потом возвратился в Трапезунд и Константинополь с персидскими работами, которые перевел на греческий язык. Эти переводы поступили в распоряжение трапезундского священника по имени Мануил. И тем не менее существует коллекция рукописей конца XIII в. или более позднего периода, содержащая собрание книг по персидской астрономии, перевод которых выполнен, вероятно, Хиониадом или прочими сотрудниками; к 1293–1302 гг. были выполнены переводы «Зий ас Саньяри» (*Zij as Sanjari*) (аль-Хазини, ок. 1120 г.), «Зий ал-Алаи» (*Zij al-Ala'i*) (аль-Фахад, ок. 1150) и инструкция персидского астронома Шамс Бухари (Pingree 1964, 1985–6). Последние, будучи совершенно «варварскими» в отношении большинства специальных терминов, были обычной транскрипцией с персидского или арабского. Священник Мануил из Трапезунда не опознан, но, возможно, он автор астрономических эфемерид¹ за 1336 г. для Трапезунда (Mergier 1994). Приблизительно в 1347 г. Георгий Хрисококк изучал астрономию вместе со священником Мануилом и написал трактат под названием «Персидский синтаксис» (некоторые главы которого см.: Usener 1914). Основным источником к нему является «Зий-И Ильхани» (*Zij-I Ilkhani*) Назира ад-Дин

¹ Расчетных таблиц (*прим. редактора*).

ат-Тузи (Mercier 1984), имевшая огромный успех и вытеснившая все предыдущие переводы с персидского. Персидские таблицы широко распространились и сохранились во многих византийских адаптациях. Соединение Птолемеевой и персидской астрономии осуществил около 1352 г. руководитель Патриаршей школы Феодор Мелитиниот. Его астрономическое троекнижие разделено на три книги: книга I содержит арифметическое введение и трактат по астролябии (Leurquin 1990); книга II посвящена расчетам Птолемея (Leurquin 1993), книга III (неизданная) – персидской астрономии. Персидская астрономия была до тех пор тесно связана с астрологией, но Мелитениоты строго осудили астрологию и тем самым ввели высокоуровневое профессиональное обучение по астрономии для членов Православной Церкви.

Особое внимание следует уделить астрономической деятельности, развивавшейся на острове Кипр. После Лузиньянов Кипр стал связующим звеном между византийским и западным миром. Кипрская рукопись (*Vat. gr. 212*) содержит обширный трактат об астролябии, основанный на западных источниках, и греческую адаптацию Толедских таблиц, вероятно, Георгия Лапифа (ок. 1337–1340) (Pingree 1976b). Около 1347 г. персидские таблицы были адаптированы для Кипра (Tihon 1977–81). Остров, вероятно, стал посредником, благодаря которому «Таблицы Альфонса» были адаптированы (хотя и не были изданы) в Греции Димитрием Хрисолором в 1380 г.

Во второй половине XIV в. астрономическая деятельность процветала. Исаак Аргир написал адаптации для Юлианского календаря «Птолемеевых таблиц сизигий» 1368 г. (неиздано). Были сделаны некоторые попытки создать более современные таблицы на основе персидских таблиц и в результате обнаружены странные смеси греческой и персидской астрономии (Caudano 2003; Tihon 2006). Птолемеевы таблицы содержали ошибку в долготе приблизительно в 6°, но могли дать очень хороший результат относительно времени сизигии или затмения. Персидские таблицы отличались гораздо лучшими результатами долготы, но из-за некоторых ошибок в греческой адаптации не давали точного времени сизигиев. Возможно, такие таблицы утомляли византийцев, желавших надежных и простых таблиц для поиска сизигий, что было связано с определением даты Пасхи. Тогда они обращались к еврейским таблицам. В XV в. три еврейских астрономических труда были предметом византийской адаптации: «Шестикрыл» (*Shesh Kenaphayim*) Иммануила Бонфиса из Тараскона (ок. 1365 г.), адаптированный Михаилом Хрисококком (ок. 1434–1435 гг.) (Solon 1970), «Циклы» Бонджорна (Иаков бен Давид Йом-Тоб, Перпигнан, ок. 1361 г.), адаптированный Марком Евгеником (ок. 1448 г.); «Мощная Дорога» (*Orah Selulah*) Исаака бен Саломона бен Цадик Алхадиба (ок. 1370–1426), неизвестно когда адаптированный Матфеем Камариотом (ум. 1490–1491 г.) (Tihon 1996: 253).

Еврейская астрономия, вероятно, оказала некоторое влияние на Георгия Гемиста Плифона. Его учебник астрономии – единственный по-настоящему оригинальный византийский астрономический трактат (Tihon and Mercier 1998). Имея в основе идеи реставрации языческой античности, он включает новый календарь, схожий с календарями древних греков и римлян, со строго лунным исчислением месяцев и лунно-солнечным исчислением лет, когда началом года

считается первое новолуние, следующее за зимним солнцестоянием. Таблицы, составленные для долготы Мистры на Пелопоннесе, начинаются с 13 декабря 1433 г. – даты, когда новолуние совпадает с зимним солнцестоянием. Существует также анонимный учебник («Прото-Плифона»), который, весьма вероятно, является ранней редакцией, – первой попыткой создания Плифоном такого рода работы, предпринятой еще до отъезда в Мистру. Позже, в 1446 г. Плифон еще раз пересматривал свои таблицы (Tihon and Mercier 1998).

Интерес византийцев к математической астрономии отчасти поддерживался увлечением астрологией, но связан был также и с вопросом определения даты Пасхи. Данный вопрос включает два астрономических явления: весеннее равноденствие и полнолуние. До XIV в. трактаты о Пасхе содержали лишь простой расчет без астрономического обоснования. Однако в XIV в. они стали настоящими астрономическими трудами, в которых обсуждению подвергались и точность 19-летнего цикла, и точное время равноденствия. Трактаты по этому поводу написали Никифор Григора и Варлаам Семинарский, а позднее – Николай Равда и Исаак Аргир (Shissel 1937–38; Tihon 1999). Обнаружено также множество анонимных и неанонимных расчетов циклов нахождения сизигий, наподобие цикла, рассчитанного митрополитом Исидором Главой для 1390–1409 гг.

Будучи связана и с наукой о числах, и с астрономией, последняя дисциплина квадривиума – музыка или гармония пользовалась большой популярностью в конце XIII – первой половине XIV вв. Значительная часть древней (античной) музыкальной теории заключалась в изучении математических соотношений (пропорций), которые представляли собой музыкальные интервалы. Изучение гармонических пропорций было расширено до пределов космологии, чтобы отдельные ноты и музыкальные интервалы можно было ассоциировать с различными сферами планет. Идея Платона о том, что музыкальная теория должна отражать универсальную гармонию мира и что последняя выражается математическими пропорциями, пережила в качестве твердо укоренившейся концепции и античный, и византийский мир. Византийцы продолжили эту традицию, кажется, безотносительно к музыкальной практике своего времени, хотя, возможно, это и не так. Анонимный «Квадривиум» XI в. включал краткий музыкальный раздел (Heiberg 1929: 65–72). В конце XIII в. Иоанн Педиасим составил комментарии по различным вопросам музыкальной теории. К 1300 г. Георгий Пахимер посвятил музыке вторую часть своего «Квадривиума» (Tannery and Stephanou 1940: 97–199). Его современник Мануил Вриенний оставил после себя увесистый трактат «Гармония» в трех томах – компиляцию произведений античных теоретиков (Jonker 1970). Около 1330–40 гг. Никифор Григора написал дополнение к «Гармонии» Птолемея (Düring 1930: 109–111), которому Варлаам в свою очередь противопоставил «Опровержение», знаменитое своими принципами критицизма (Düring 1930: 112–200). После этого изучение гармонии, по всей видимости, стало вызывать меньше энтузиазма, и новых византийских трактатов по данному поводу не последовало.

Исследование византийских научных работ, относящихся к Квадривиуму, доказывает, что доступ к ним имел лишь ограниченный круг интеллектуальной элиты: ученые, астрологи или лекари, близкие к императорскому двору или нахо-

дившиеся под патронатом богатого или могущественного лица, государственные служащие, дипломаты, руководитель Патриаршей школы или высокопоставленные деятели Православной Церкви. Научное знание означало великолепное образование, доступ к значительной библиотеке и определенный социальный статус. Сложно составить четкое представление о научном образовании в Византии для обычного человека. Компильции основных элементов астрономии или геометрии издаются, вероятно, для использования школьными учителями, но при этом появляются переиздания античной космологии Космы Индикоплова и анонимные сборники с абсурдными идеями, объясняющими некоторые астрономические феномены. Астрология и нумерология имела много сторонников среди византийских ученых, но никак не влияла на их научные труды.

География

Концепция обитаемого мира (ойкумены) в Византии не отличалась от античной за исключением одной весьма специфической работы, «Христианской топографии» Космы Индикоплова (Wolska-Conus 1968–73). Эту работу, написанную ок. 547–549 гг., можно отнести одновременно к области теологии, космологии и географии (Wolska 1962). Косма отстаивает представление о вселенной в форме ящика с куполообразной крышкой, наподобие Скинии Моисея. Земля имеет куполообразную форму, окружена океаном, а на востоке ее расположен рай. Данная работа, отражающая несторианское учение, исходившее от Феодора Мопсуестийского, содержит также информацию, заимствованную из личного опыта автора относительно торговли с Востоком, экзотической флоры и фауны, и описание острова Цейлон [Тапробан, книга XI]. Космологии Космы Индикоплова суждена была долгая жизнь в славянских странах, ее по-прежнему находят в некоторых византийских текстах XII в. (пример.: Оксфорд, Bodl. Seld. 16, *supra* 17).

Научная география была тесно связана с астрономией, поскольку астрономические таблицы, в особенности, «Ручные таблицы», включали продолжительные списки «знаменитых городов» с координатами их широты и долготы (Honigmann 1929). В целом, координаты Птолемея повторяются без изменений. Однако в некоторых документах XI в., а также в «Брежской астрологии» (1062 г.) правильно приведена широта Константинополя – 41° вместо 43°, как у Птолемея (Dalton 1926: 139). «Персидские таблицы» также сопровождалась географическими перечнями. Что же до картографии как таковой, ее появления необходимо подождать до XIII в., когда Максим Плануд (предположительно) взял на себя ответственность восстановить карты «Географии» Птолемея (Wilson 1983: 234; Berggren and Jones 2000: 49–51). Часто изучался Страбон: отрывки из его произведений выходили из-под пера различных ученых, имеются также правки к нему, собственноручно внесенные Георгием Гемистом Плифоном. Плифон располагал новыми сведениями о Скандинавии и Северной Руси, но ничего не знал о путешествии Марко Поло на Дальний Восток и в своих познаниях относительно этой части света по-прежнему основывался на трудах Птолемея (Diller 1937; Lasserre 1959). Византийская география также представлена в светских или церковных административных списках (Laurent 1937; Honigmann 1939). Наконец,

более или менее совершенные географические понятия присутствуют и во многих других типах письменных источников: историях, переписке, отчетах о путешествиях (к примеру, «Перигесис» (Periegesis) Андрея Ливадена, ок. 1355 г.) (Lampsidis 1975), словарях-лексиконах наподобие «Эфники» (Народы) Стефана Византийского (ок. 528–535 гг.) (Meineke 1849), в энциклопедических работах или работах, содержащих инструкции мореплавателям (например, «Перипл Великого моря» (X в.) (Huntingford 1980) или маршруты (Müller 1882: 427–514).

Оптика и механика

В IX–X вв. в Византии появился определенный интерес к оптике и механике, хотя сама традиция является гораздо более ранней и восходит ко времени Юстиниана, когда Анфимий из Тралл, инженер и архитектор храма Св. Софии написал трактат о воспламеняющих зеркалах (Huxley 1959). В IX в. василевс Феофил (829–842) имел коллекцию автоматов. В то же время Льву Математику доверили сооружение оптического телеграфа, посредством которого сигналы постоянно посылались бы в Константинополь от восточной границы империи (северный Тарс). Подобным же образом императорский трон Константинополя имел механизмы в традициях Филона (II в. до н.э.) и Герона Александрийского (I в. н.э.). Различные тексты поясняли также конструкцию астролэбии, сферических браслетов, свечных часов (Tannery 1922; Delatte 1939: 189–271; Tihon 1995; 2000).

Псевдонауки

Астрология

Несмотря на осуждение Отцов Церкви (Св. Василия Кесарийского, Св. Григория Нисского и др.), астрологией в Византии занимались, как доказывают многие исторические эпизоды: согласно анонимному тексту от 1132 г. из-за астрологического предсказания на Ипподроме отложили скачки (CCAG VIII. 1: 198); Пселл повествует, что император Михаил V советовался с астрологами прежде, чем отправить в ссылку императрицу Зою, но их совету не последовал и дело обернулось для него очень плохо (Chron. 5. 18, ed. Impelluzzi); Анна Комнина сообщает, что астролог дважды предсказывал смерть императору Алексею Комнину, но вместо этого умер лев, содержащийся в императорском дворце, а во второй раз – умерла мать императора (Alexias, ed. Reinsch II: 59). С точки зрения византийских интеллектуалов астрология несомненно отличалась от астрономии: астрономия была теоретической частью дисциплины (и изучалась в «Альмагесте» Птолемея), а астрология – практической частью (изучалась в «Четверокнижии» Птолемея). Отношение императора и даже самой Церкви к астрологии менялось и твердое осуждение перемежалось с некоторым снисхождением.

В манускриптах сохранилось множество астрологических компиляций. Основные источники являются античными – Птолемей, Веттий Валент (I–II в. н.э.), Дорофей Сидонский (I–II вв. н.э.), Павел Александрийский (IV в.), Юлиан Лаодикийский (ок. 500 г.), Гефестион Фиванский (ок. 415 г.) либо исламскими

(Абу Ма'шиар, рожд. в 787 г., Ахмед Перс, X в.), или, опять же, еврейскими, индийскими и псевдоиндийскими. В VI в., несмотря на запреты Юстиниана, работы Иоанна Лида содержали астрологические элементы. В Александрии около 564 г. Олимпиодор составил комментарии на Павла Александрийского. В VII в. Реторий собрал коллекцию работ древних астрологов, содержащую множество гороскопов (астрологических фемат) V–VI вв. В VII в. Феофил Эдесский использовал греческие источники, но также и исламский, и индийский материалы. Под именем «Стефана» до нас дошел исламский гороскоп и предсказания для исламского мира, вероятно, составленные около 775 г. (Usener 1914: 266–289). Приблизительно в это же время астрологию строго осудил Иоанн Дамаскин. В IX в. Лев Философ имел репутацию талантливого астролога, и под его именем вышло в свет несколько текстов, так же как и под именем императора Льва VI Мудрого. Около 1000 г. появились греческие переводы арабских астрологов, таких как Абу Ма'шиар и его сын Садан (Шадан) (Pingree 1968), «Carpos» Псевдо-Птолемея с комментарием Ахмад-ибн-Юсуфа и компиляция, приписываемая Ахмаду Персу. Мода на астрологию в XI–XII вв. подтверждается такими историками как Михаил Пселл, Анна Комнина, Никита Хониат. Император Алексей Комнин осторожно попытался пойти против моды, но его внук Мануил был без ума от астрологии; его письмо в защиту астрологии приводится во множестве астрологических манускриптов и вошло в полемику с Патриархом Михаилом Гликой. В правление Мануила Иоанн Каматир написал астрологическую поэму (Magdalino 2002).

При Латинской империи неким Алексеем была переведена арабская версия Апокалипсиса Пророка Даниила (ок. 1245 г.) (Alexander 1985: 96–122). Многие историки указывают на астрономические явления, в особенности затмения, которые якобы предсказывали гибельные последствия. Такие великие ученые XIV в. как Феодор Метохит или Никифор Григора попытались сдержать поток астрологических предсказаний, исходивших из Персии, защищая «разумную» астрологию, тогда как зилоты персидской астрономии были преданы астрологии полностью.

В Эфемеридах (астрономических таблицах) для 1336 г. на полях рукописи, в которой они сохранились, приводятся весьма живописные астрологические предсказания для района Трапезунда (Mergier 1994). Георгий Хрисококк окончил свой «Персидский синтаксис» заверением, что звезды не являются причиной событий, но по Божьей Воле получили власть предвещать их. Напротив, Феодор Милитиниот (Мелитинский) в своем «Астрономическом троекнижии» строго осудил астрологию. Конец XIV – начало XV вв. стал периодом появления весьма активных астрологов – Иоанна Авраамия, Элевтерия Элия и его ученика Дионисия (Pingree 1971). Этим астрологам мы обязаны многими компиляциями, но также и изрядной долей фальсификаций. Астрология взаимодействовала со многими другими дисциплинами: медициной, ботаникой, минералогией, алхимией и разного рода мистической литературой.

Алхимия

В византийском мире алхимия не была столь популярна, как в Западной Европе. И хотя сохранились рукописные собрания алхимических текстов, иден-

тификация и датирование античных и византийских авторов-алхимиков весьма затруднительны из-за использования псевдонимов, множества фальсификаций, вставок и художественных правок, украшавших тексты. Одна из таких иллюстрированных компиляций, содержащаяся в манускрипте *Marcianus gr. 299* (X в. или начало XI в.), включает, помимо отрывков из Александрийских авторов (таких как Псевдо-Демокрит, Зосима, Синесий), трактаты под именем Олимпиодора, Стефана Александрийского (VII в.) и анонимные трактаты с неопределенной датой создания (Saffrey 1995; Letrouit 1995). Среди более поздних авторов следует упомянуть Михаила Пселла, «Письмо о хрисопое» (ок. 1045–1046 гг.) (СМАГ VII: 1–43) и анонимные тексты, такие как «Трактат о четырех элементах» (Colinet 2000a). «Анонимный трактат Зуретти» (ок. 1300 г., сохранился в виде рукописи Vat. gr. 1134, скопирован в Калаврии в 1377–1378 гг.) является пространством систематизированным трактатом, основанным на многочисленных греческих источниках, но прежде всего на латинских и арабо-латинских, и написан под значительным языковым влиянием греческих диалектов Южной Италии (Colinet 2000b). Также значение имеют компилятивные манускрипты, наподобие обнаруженных в Оксфорде (*Bodl. Holkham 290*) или Париже (*BN gr. 2419*).

Естественные науки

Разряд естественных наук не имел столь четкого определения как науки квадривиума. В философских и энциклопедических произведениях они представлены преимущественно на основе трудов Аристотеля и Плутарха. В таких работах все относящееся к ним отмечалось кратко и поверхностно (метеорологические явления, землетрясения, астрономия, география, богословие), как это было в произведениях Пселла (Westerink 1948; Duffy 1992) или Симеона Сифа (Delatte 1939: 17–89).

Ботаника

Как и в эпоху античности, растения больше всего ценились за их медицинские свойства и их магическую силу. Античные источники византийской ботаники обнаруживаются, в частности, в научных поэмах Никандра из Колофона (II в. до н. э.), которые воспроизводились в иллюстрированных манускриптах средневизантийского периода («Фериака» и «Алексифармака») (Weitzmann 1971: 141–144). Но прежде и более всего основу византийской ботаники составляла «Материя медика» Диоскорида (I в. н. э.). Эта работа дошла до нас в виде знаменитого манускрипта *Vienna Dioskorides*, переписанного в 512 г. и великолепно иллюстрированного чудесными изображениями растений, которые стали источниками множества расписных ботанических манускриптов. Они дают отличное представление о познаниях растительного мира, характерных для VI в. (Gerstinger 1970).

Похоже, византийцы имели значительный интерес к медицинскому использованию растений, подтверждением чему служит существование целого института лечебниц, что способствовало росту медицины и фармацевтики. Это, в частности, верно относительно правления Комнинов (XI–XII вв.), когда, например,

лечебница при монатыре Пантократора включала аптеку, в которой работало несколько травников (гербалистов). Ботанический лексикон или глоссарий является наиболее привычной текстовой формой, посредством которой в Византии передавались знания по ботанике. Большая часть лексиконов, которые представляют собой более половины сохранившихся до наших дней текстов по византийской ботанике, являются анонимными, за исключением принадлежащих Неофиту Продромену (XIV в.) В некоторых из более поздних глоссариев, наряду с греческими наименованиями растений, приводятся их латинские, арабские, итальянские, турецкие наименования (Delatte 1939: 273–450).

Интерес к растениям проявился также и в «Геопониках» – компиляции трудов по сельскому хозяйству, составленной при Константине VII (Beckh 1895). В ней затрагиваются все вопросы сельской жизни: виноделие, выращивание оливковых и фруктовых деревьев, овощеводство, прививка садовых деревьев и пр. Ее источниками являются античные тексты, собранные Виндианом Анатолием Беритским в IV в., вновь воспроизведенные Кассианом Бассом в VI в. Популярность данной работы подтверждается ее переводами на арабский, сирийский, армянский и, частично, на латинский языки. Она стала основой множества анонимных текстов.

Многие магические или алхимические тексты касаются растений, как, например, «Кираниды» – собрание магических рецептов III–IV вв. (Kaimakis 1976). В алхимических текстах растения ассоциируются (симпатически или антипатически) с животными или минералами, или знаками зодиака, или другими астрологическими элементами. Некоторые из анонимных текстов сочетают фармацевтические рецепты с магическими практиками. Растения фигурируют также и в диетологических текстах, наподобие произведений Пселла и Симеона Сифа (XI в.). (Delatte 1939: 90–126).

Зоология

«Физиолог» – христианский бестиарий, составленный между II и IV в. н. э. и не представляющий большого научного интереса, описывает различных существующих или выдуманных (фантастических) животных христианской или символической перспективы. Произведение имело несколько византийских версий и многочисленные средневековые переводы (Sbordone 1936; Offermans 1966; Kaimakis 1974). Экзотические животные вызвали интерес Тимофея Газского (fl. 491–518), автора поэмы в четырех книгах по данной теме, представлявшей собой смесь зоологии и легенд на основе Аристотеля, Плутарха, Оппиана, Элиана и т. д. Данная работа сохранилась только в виде просторечного прозаического пересказа XI в. (Haupt 1869; Rodenheimer and Rabinowitz 1948). В книге IX своей «Христианской топографии» вышеупомянутый Косьма Индикоплов описывает животных Эфиопии, Индии, Цейлона; описания животных встречаются также в «Геопониках», ранее упоминавшейся энциклопедии текстов о сельском хозяйстве. Зоология, вероятно, вызывала наибольший интерес в X–XII вв., когда Константин IX Мономах (1042–1055) устроил зверинец в Константинополе и Михаил Атталиат (1020/30–1079) описал помещенных в нем слона и жирафа. Михаил Эфесский из ученых научного кружка при Анне Комниной (XII в.) комментировал зоологические произведения Аристотеля. Позднее, около 1320 г.

поэт Мануил Фил (1275–1345) написал поэму о характеристиках животных на основе Элиана; еще позднее, в XV в. Димитрий Пепагомен написал трактат об охотничьих псах и соколиной охоте; имеется также несколько анонимных трактатов о птицах (в особенности соколах) (Diller 1978). Древнегреческие трактаты о лечении лошадей, или иппиатрии были переработаны и собраны как компиляции в четырех различных византийских изданиях, наиболее старое из которых датировалось IX–X вв. (Oder-Hoppe 1924–7). В некоторых манускриптах по иппиатрии имеются копии иллюстраций (Doyen-Higuet 2001).

ЛИТЕРАТУРА

- ALEXANDER, P. 1985. *The Byzantine Apocalyptic Tradition* (Berkeley).
- ALLARD, A. 1977. 'Le premier traité byzantin de calcul indien: classement des manuscrits et édition critique du texte', *Revue d'histoire des textes* 7: 57–107.
- 1978. 'Le petit traité d'Isaac Argyre sur la racine carrée', *Centaurus* 22: 1–43.
- 1981. *Maxime Planude. Le grand calcul selon les Indiens* (Louvain-la-Neuve).
- ASLANOFF, G., FÖRSTEL, G., and TOUWAIDE, A. 1998. *Theriaka y Alexipharmaca de Nicandro* (Barcelona).
- BAILLET, J. 1892. 'Papyrus mathématique d'Akhmîm', *Mémoires des missions archéologiques françaises* 9.1: 1–89.
- BÂLE 1538. *Claudii Ptolemae Magnae Constructionis, idest Perfectae caelestium motuum pertractationibus lib. XIII. Theonis Alexandrini in eosdem Commentariorum lib. XI, Basileae apud Ioannem Walderum, an. 1538.*
- BECKH, H. 1895. *Geoponica sive Cassiani Bassi scholastici de re rustica eclogae* (Leipzig).
- BERGGREN, J.-L., and JONES, A. 2000. *Ptolemy's Geography: An Annotated Translation of the Theoretical Chapters* (Princeton–Oxford).
- BIDEZ, J. 1928. *Catalogue des manuscrits alchimiques grecs*, vol. 6 (Brussels): 1–43.
- BODENHEIMER F. S., and RABINOWITZ, A. 1948. *Peri Zôôn. On Animals: Fragments of a Byzantine Paraphrase of an Animal-Book of the 5th Century A. D. Timotheus of Gaza* (Leiden).
- CAAG. *Collection des anciens alchimistes grecs*, ed. M. Berthelot and C. E. Ruelle, 3 vols. (Paris, 1888–9).
- CARELOS, P. 1996. *Barlaam tou Kalabrou, Logistike* (Athens–Brussels).
- CAUDANO, L. 2003. 'Le calcul de l'éclipse de soleil du 15 avril 1409 à Constantinople par Jean Chortasmenos', *Byzantion* 73: 211–45.
- CCAG. *Catalogus codicum astrologorum graecorum*, 12 vols. (Brussels, 1898–1936).
- CMAG. *Catalogue des manuscrits alchimiques grecs*, ed. J. Bidez, F. Cumont, J. L. Heiberg, O. Lagercrantz, and others, 8 vols. (Brussels, 1924–).
- COLINET, A. 2000a. 'Le travail des quatre éléments,' in I. Draelants, A. Tihon, and B. van den Abeele (eds.), *Occident et Proche-Orient: contacts scientifiques au temps des croisades* (Louvain): 165–90.
- 2000b. *Les alchimistes grecs. L'anonyme de Zuretti* (Paris).
- DALTON, O. M. 1926. 'The Byzantine Astrolabe at Brescia', *Proceedings of the British Academy*: 133–46.

- DELATTE, A. (ed.) 1939. *Anecdota Atheniensia et alia*, vol. 2: Textes grecs relatifs à l'histoire des sciences (Liège–Paris).
- DILLER, A. 1937. 'A geographical Treatise by Georgius Gemistus Pletho', *Isis* 27: 441–51.
- 1978. 'Demetrius Pepagomenus', *Byzantion* 48: 35–42.
- DOWNNEY, G. 1957. 'Nikolaos Mesarites: description of the Church of the Holy Apostles at Constantinople', *TAPA*, ns 47: 855–924.
- DOYEN-HIGUET, A. M. 1984. 'The Hippiatrica and Byzantine veterinary medicine', *DOP* 38: 111–20.
- 2001. 'Contribution à l'histoire de la médecine vétérinaire: à propos des textes hippia-triques grecs', *Scientiarum Historia* 27: 3–51.
- *L'Épitomé des collections hippiatriques grecques* (Louvain-la-Neuve).
- DUFFY, J. M. (ed.) 1992. *Michael Psellus, Philosophica Minora*, vol. 1 (Stuttgart–Leipzig).
- DÜRING, I. 1930. *Die Harmonielehre des Klaudios Ptolemaios* (Göteborg).
- GERSTINGER, H. 1970. *Dioscurides. Codex Vindobonensis med. gr. 1 des Österreichischen Nationalbibliothek. Kommentarband zu der Faksimileausgabe* (Graz).
- HAUPT, M. 1869. 'Excerpta ex Timothei Gazaei libris de animalibus', *Hermes* 3: 1–30.
- HEIBERG, J.-L. 1929. *Anonymi logica et quadrvium cum scholiis antiquis* (Copenhagen).
- HONIGMANN, E. 1929. *Die sieben Klimata und die πόλεις ἐπίσημοι* (Heidelberg).
- 1939. *Le synecdèmos d'Hiérôklès et l'opuscule géographique de Georges de Chypre* (Brussels).
- HUNGER, H., and VOGEL, K. 1963. *Ein Byzantinisches Rechenbuch des 15. Jahrhunderts* (Österreichische Akademie der Wissenschaften, Ph. hist. Kl. 78. 2; Vienna).
- HUNTINGFORD, G. W. B. 1980. *The Periplus of the Erythraean Sea* (London).
- HUXLEY, G. L. 1959. *Anthemius of Tralles: A Study in Later Greek Geometry* (Cambridge, Mass.).
- JONES, A. 1987. *An Eleventh-Century Manual of Arabo-Byzantine Astronomy* (Amsterdam).
- JONKER, J. H. 1970. *The Harmonics of Manuel Bryennius* (Groningen).
- KAIMAKIS, D. 1974. *Der Physiologus nach der ersten Redaktion* (Meisenheim am Glan).
- 1976. *Die Kyraniden* (Meisenheim am Glan).
- KUNITZSCH, P. 1970. 'Die arabische Herkunft von zwei Sternverzeichnissen in Cod. Vat. gr. 1056', *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 120: 282–87.
- LAMPSIDIS, O. 1975. *Andreou Libadinou bios kai erga* (Athens).
- LASSERRE, F. 1959. 'Étude sur les extraits médiévaux de Strabon suivie d'un traité inédit de Michel Psellus', *L'Antiquité Classique* 28: 32–79.
- LAURENT, V. 1937. 'L'Œuvre géographique du moine sicilien Nil Doxopater', *EO* 36: 5–30.
- LEFORT, J., BONDOUX, R., CHEYNET, J.-C., GRÉLOIS, J.-P., KRAVARI, V., with J.-M. MARTIN. 1991. *Géométries du fisc byzantin* (Paris).
- LETROUIT, J. 1995. 'Chronologie des alchimistes grecs', in D. Kahn and S. Matton (eds.), *Alchimie: art, histoire et mythe. Actes du 1er Colloque international de la Société d'Étude de l'Histoire de l'Alchimie* (Paris–Milan): 11–93.
- LEURQUIN, R. 1990. *Théodore Méliténite. Tribiblos Astronomique, Livre I* (Amsterdam).
- 1993. *Théodore Méliténite. Tribiblos Astronomique, Livre II* (Amsterdam).
- MAGDALINO, P. 2002. 'The Byzantine reception of classical astrology', in C. Holmes and J. Waring (eds.), *Literacy, Education and Manuscript Transmission in Byzantium and Beyond* (Leiden): 33–57.

- MEINEKE, A. 1849. *Ethnicorum quae supersunt* (Berlin).
- MERCIER, R. 1984. 'The Greek "Persian Syntaxis" and the Zij-i Ilkhânî', *Archives Internationales d'Histoire des Sciences* 112.3: 35–60.
- 1989. 'The parameters of the Zij of ibn al-A'lam', *Archives Internationales d'Histoire des Sciences*, 122.3: 22–50.
- 1994. *An Almanac for Trebizond for the year 1336* (Louvain-la-Neuve).
- MOGENET, J. 1962. 'Une scolie inédite sur les rapports entre l'astronomie arabe et Byzance', *Osiris* 14: 198–221.
- 1975. 'Sur quelques scolies de l'Almageste', *Le Monde grec. Hommage à Claire Préaux* (Brussels): 302–11.
- and TIHON, A. 1977, with D. DONNET, *Barlaam de Seminara. Traités sur les éclipses de Soleil de 1333 et 1337* (Louvain).
- ROYEZ, R., and BERG, A. 1983. *Nicéphore Grégoras. Calcul de l'éclipse de Soleil du 16 juillet 1330* (Amsterdam).
- MÜLLER, C. 1882: *Geographici graeci minores*, vol. 1 (Paris).
- ODER, E., and HOPPE, C. 1924–7. *Corpus Hippiatricorum graecorum*, 2 vols. (Leipzig).
- OFFERMANS, D. 1966. *Der Physiologus nach den Handschriften G und M* (Meisenheim am Glan).
- PINGREE, D. 1964. 'Gregory Choniades and Palaeologan Astronomy', *DOP* 18: 135–60.
- 1968. *Albumassar's de revolutionibus nativitatum* (Leipzig).
- 1971. 'The astrological school of John Abramius', *DOP* 25: 189–15.
- 1976a. 'The Indian and Pseudo-Indian passages in Greek and Latin astronomical and astrological texts', *Viator* 7: 141–95.
- 1976b. 'The Byzantine version of the Toledan Tables: the work of George Lapithes?', *DOP* 30: 87–132.
- 1985–6. *The Astronomical Work of Gregory Choniades*, vol. I: *The Zij al-Alà'î* (Amsterdam).
- SAFFREY, H. D. 1995. 'Historique et description du manuscrit alchimique de Venise Marcianus Graecus 299', in D. Kahn and S. Matton (eds.), *Alchimie: art, histoire et mythes. Actes du 1er Colloque international de la Société d'Étude de l'Histoire de l'Alchimie* (Paris–Milan): 1–10.
- SBORDONE, F. 1936. *Physiologi graeci singulas variarum aetatum recensiones* (Milan).
- SCHISSEL, O. 1937–8. 'Die Österrechnung des Nikolaos Artabasdos Rhabdas', *BNJ* 14: 43–59.
- SESIANO, J. 1998. 'Les carrés magiques de Manuel Moschopoulos', *Archives for History of Exact Sciences* 53.5: 377–97.
- SOLON, P. 1970. 'The six wings of Immanuel Bonfils and Michael Chrysococces', *Centaurus* 15: 1–20.
- TANNERY, P. 1920a. 'Le traité de Manuel Moschopoulos sur les carrés magiques', *Mémoires scientifiques* 4: 27–60.
- 1920b. 'Notice sur les deux lettres arithmétiques de Nicolas Rhabdas', *Mémoires scientifiques* 4: 61–187.
- 1922. 'Magister Robertus Anglicus in Montepessulano', *Mémoires scientifiques* 5: 112–203.
- and STÉPHANOÛ, E. 1940. *Quadrivium de Georges Pachymère, texte révisé et établi par E. Stephanou* (Vatican).

- TIHON, A. 1977, 1978, 1981. 'Un traité astronomique chypriote du XIVe siècle', *Janus* 64: 279–308; 66: 49–81; 68: 65–127.
- 1987. 'Les tables astronomiques persanes à Constantinople dans la première moitié du XIVe siècle', *Byzantion* 57: 471–87.
- 1989. 'Sur l'identité de l'astronome Alim', *Archives Internationales d'Histoire des Sciences* 39 (122): 3–21.
- 1990. 'Tables islamiques à Byzance', *Byzantion* 60: 401–25.
- 1992. 'Les tables faciles de Ptolémée dans les manuscrits en onciale', *Revue d'Histoire des Textes* 22: 47–87.
- 1993. 'L'Astronomie à Byzance à l'époque iconoclaste (VIIIe–IXe siècles)', in P. L. Butzer and D. Lohrmann (eds.), *Science in Western and Eastern Civilization in Carolingian Times* (Bask): 181–203.
- 1995. 'Traité byzantins sur l'astrolabe', *Physis* 32, NS, fasc. 2–3: 323–57.
- 1996. 'L'Astronomie byzantine à l'aube de la Renaissance (de 1352 à la fin du XVe siècle)', *Byzantion* 66: 244–80.
- 1999. 'Il trattato sulla date della Pasqua di Barlaam comparato con quello di Niceforo Gregoras', in A. Fyrigos (ed.), *Barlaam Calabro: l'Uomo, l'opera, il pensiero* (Roma): 109–18.
- 2000. 'Un texte byzantin inédit sur une horloge persane', in M. Folokert and R. Lorch (eds.), *Sic itur ad Astra. Festschrift für den Arabisten Paul Kunitzsch zum 70. Geburtstag* (Wiesbaden): 523–5.
- 2004. 'Le calcul de la date de Pâques de Stéphane-Héraclius', in B. Janssens, B. Roosen, and P. van Deun (eds.), *Philomathestatos. Studies in Greek Patristic and Byzantine Texts presented to Jacques Noret* (Leuven–Paris–Dudley): 625–46.
- 2006. 'Astrological promenade in Byzantium in the early Palaeologan period', in P. Magdalino and M. Mavroudi (eds.), *The Occult Sciences in Byzantium* (Geneva): 265–90.
- and MERCIER, R. 1998. *Georges Gémiste Pléthon. Traité astronomique* (Louvain-la-Neuve).
- USENER, H. 1914. 'De Stephano Alexandrino', *Kleine Schriften* 3 (Leipzig–Berlin): 247–322; 'Ad historiam astronomiae symbola', *ibid.* 323–71.
- VOGEL, K. 1968. *Ein Byzantinisches Rechenbuch des frühen 14. Jahrhunderts* (Vienna).
- WEITZMANN, K. 1971. *Studies in Classical and Byzantine Manuscript Illumination* (Chicago).
- WESTERINK, L. G. (ed.) 1948. *Michael Psellus, De omnifaria doctrina* (Nijmegen).
- WILSON, N. G. 1983. *Scholars of Byzantium* (London).
- WOLSKA, W. 1962. *La topographie chrétienne de Cosmas Indicopleustès. Théologie et science au VIe siècle* (Paris).
- WOLSKA-CONUS, W. 1968–73. *Topographie chrétienne*, 3 vols. (Paris).

Также рекомендуются к прочтению:

- BYDÉN, B. 2003. *Theodore Metochites' Stoicheiosis Astronomike and the Study of Natural Philosophy and Mathematics in Early Palaiologan Byzantium* (Göteborg).
- CONSTANTINIDES, C. N. 1982. *Higher Education in Byzantium in the Thirteenth and Early Fourteenth Centuries (1204–ca 1310)* (Nicosia).
- HUNGER, H. 1978. *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*, vol. 2 (Munich).
- LEMERLE, P. 1971. *Le premier humanisme byzantin* (Paris).

Глава III.17.5 БИБЛИОТЕКИ

Найджел Вилсон

Когда Римская империя находилась в зените, многие города имели публичные библиотеки. Часто их устраивали за счет частных пожертвований. Насколько изменилась ситуация к IV в., неясно. В новой восточной столице император Констанций создал в 356 г. скрипторий, который, похоже, служил имперской библиотекой и, по-видимому, был в какой-то мере доступен широким массам (Lemerle 1971: 56–57). Однако этому заведению не было суждено пережить Средние века, поскольку существует запись о его гибели в 475 г. В Александрии, какова бы ни была судьба знаменитой Греческой библиотеки в Мусионе, вероятно, имелось еще и крупное собрание книг в Серапеуме, но оно также было уничтожено огнем в 391 г. Другие библиотеки, уже известные с того периода, функционировали при христианских храмах и школах. Одна из них была основана в Иерусалиме епископом этого города Александром (Euseb. Hist. eccl. 6. 20). Ориген, переезжая из Александрии в Кесарию, взял с собой свою библиотеку и под руководством Памфила в конце века она, как говорят, насчитывала 30 000 книг (цифра, которой едва ли можно верить, даже если предположить, что имеются в виду свитки, а не кодексы, которыми уже к тому времени в действительности стало большинство христианских книг) (Isid., Orig. 6. 6. 1; Cavallo 1988: 65–78). Библиотечный фонд не был исключительно христианским (Mras 1954 (1982): lvi–lviii). Евсевий составил каталог по крайней мере части всего собрания, возможно, по образцу того, который Каллимах создал для Мусиона (Euseb. Hist. eccl. 6. 32. 3). Его позднейшая история неясна. Мы знаем, что в VI в. собрание включало Синайский кодекс Библии, именно там и написанный, а также, вероятно, Ватиканский кодекс (Skeat 1999: 583–625); в различных сохранившихся рукописях колофоны или другие надписи на полях, копировавшиеся с одного экземпляра на другой, содержат ссылки на книги Евсевия и Памфила.

К концу правления Юстиниана библиотечные фонды империи, вероятно, сократились. В Александрии необходимые для работы собрания книг, несомненно, сохраняли философы и медицинская школа; удовлетворительным, возможно, было и положение в Кесарии, тогда как школа права в Бейруте, вероятно, пре-

кратила свое существование после разрушения города землетрясением в 551 г., а из Афин по приказу императора изгнали философов-неоплатоников. С того момента и далее следует признать, что содержание библиотеки, за исключением относительно небольших частных собраний, стало прерогативой учреждения, располагавшего значительными средствами.

Император или Константинопольский патриарх могли задумать и осуществить оснащение библиотеки для себя лично или для семинарии или высшего учебного заведения под их патронажем. Некоторые монастыри также получали достаточно большие пожертвования и могли позволить себе иметь собрание книг, выходящее за рамки основных литургических потребностей. Но сложно определить, следует ли рассматривать так называемые документы Дишны, по всей видимости, представляющие собой собрание книг, принадлежавших монастырю Св. Пахомия близ Наг Хаммади в VII в., как типичную монастырскую библиотеку – в нем насчитывается тридцать восемь позиций, некоторые из книг на коптском языке и, что также удивительно, несколько книг принадлежат греческим и латинским языческим авторам (Gamble 1995: 172–174). Небольшое количество рукописей, сохранившихся от IV–VIII вв. (не являющихся фрагментами и опубликованных как папирусы, даже будучи написаны на пергамене), и крайняя малочисленность сведений из других источников делает невозможным составить подобающий отчет об истории и организации библиотек при учреждениях высшего образования, существовавших в разное время. Нам, к примеру, практически ничего не известно о Патриаршей библиотеке, за исключением того, что в ней хранили еретические тексты в специальном ящике. Но из актов церковных Соборов явствует, что имелись библиотеки или архивы, предоставлявшие материалы, необходимые для ведения полемики и споров (Lemerle 1971: 96 n 81).

Пессимистическая окраска вышеприведенного описания ситуации, безусловно, является следствием субъективного суждения, и в качестве возможной коррективы стоит привести противоположную картину, складывающуюся в ходе изучения многочисленных дошедших до нас сирийских рукописей того же периода. Колофоны и прочие заметки доказывают факт существования множества скрипториев и библиотек, а также указывают на то, что, начиная с IX в. и далее, книги в Сирии были дешевле, чем в Византии. Возможно, эта часть византийского мира была значительно богаче прочих (Mango 1981: 6–10). Когда Феодорит, епископ Киррский (ум. ок. 466 г.) распорядился уничтожить все копии Четвероевангелия (Диатессарона), которые можно было найти в епархии, по его собственному утверждению, было собрано не менее 200 экземпляров; интересно было бы узнать, был бы подобный результат достигнут где-либо еще? (*Haeretisacum fabularum compendium* l. 20 (PG 83: 272 A).

Во время культурного возрождения приблизительно в конце VIII в. становится ясно, что большинство текстов (а их наверняка было больше, чем осталось ныне в нашем распоряжении) стало доступно читателям. Но невозможно с точностью сказать, откуда читатели их брали. Наше недоумение могло бы разрешиться, если бы Фотий, один из наиболее жадных читателей всех времен, соизволил предоставить нам какую-либо информацию о местоположении экземпляров, которые он прочитывал или тех, с которыми сверялся, но он даже не

прояснил вопроса о том, какие из текстов были его собственностью. Возможно, его личная библиотека была очень мала. Странно, что ни одна из сохранившихся рукописей не была опознана даже предположительно как принадлежавшая к его собранию, тогда как многое известно о частной библиотеке, создававшейся, начиная с 880-х гг. и позднее, Арефой, ставшим в 902 г. архиепископом Кесарийским. Его собрание, предположительно, насчитывало около двадцати томов, большая часть которых содержала работы античных языческих авторов; некоторые из них дошли до наших дней, другие же сохранились в списках, носящих явные доказательства своего происхождения. Стоимость некоторых из сохранившихся фолиантов доказывает, что, по крайней мере, на каллиграфические списки, выполненные на высококачественном пергамене, цены были достаточно высоки, чтобы стать серьезным препятствием библиомании (Wilson 1983: 120–130).

Имеющиеся данные не позволяют нам восстановить частные коллекции других ученых и интеллектуалов средневизантийского периода тем же самым способом. Непонятно, как такой плодовитый писатель как Михаил Пселл мог не оставить никаких следов обладания хотя бы одной рукописью. Не достает информации и о Евстафиевой коллекции книг, за исключением небольшого количества манускриптов, написанных собственноручно. Он был, несомненно, гораздо более начитанным, нежели Пселл, и есть соблазн предположить, что большую часть своих познаний эрудита и он, и прочие черпали из библиотечных источников общественных заведений. Но, когда священнослужителя выдвигали в епископат, он, вероятно, мог взять с собой какие-либо из своих книг. Так было в случае с Михаилом Хониатом при его переводе на епископскую кафедру в Афины; в своей ссылке в «захолустье» он утешался книгами, в число которых входила изумительная редкость – последняя сохранившаяся копия «Гекалы» Калимаха. Мы не знаем, сколько еще таких редкостей уцелело на то время, хотя и не находилось в регулярном пользовании, но другие писатели XII в. время от времени цитируют утраченные классические тексты и, возможно, большая часть книг, известных Фотию также хранилась где-либо и была уничтожена Четвертым Крестовым походом.

В правление Палеологов ведущие учителя и ученые смогли, несмотря на стесненное экономическое положение империи, создать ряд книг, необходимых школьной программе; примером служат Плануд и Триклиний, оба творили как перписчики и аннотаторы (комментаторы), но в случае Плануды должно предположить, что он в своей деятельности по большей части заимствовал материалы из монастырской библиотеки (Wilson 1983: 230–241; and 1996: 279; Pérez Martín 2001: 355–364). Библиотека округа Саленто в нижней Италии около 1300 г. насчитывала тридцать две книги (Jacob 1985–6), что, вероятно, было типично. Возможно, частные библиотеки были по большей части такого же размера, но достаточного количества инвентарных описей, позволяющих нам с уверенностью воссоздать картину, не сохранилось. Когда Никифор Мосхопул, митрополит Критский, покидал столицу с целью обосноваться в своей митрополии, его библиотеку, если верить письму его племянника Мануила, перевозили на четырех лошадях (Levi 1902: 57–58); даже если это были объемистые тома, их могло быть довольно много, поскольку пока что опознаны семнадцать книг из их числа

(Gamillsheg 1984: 98–100). Но весьма сомнительно, чтобы какая-либо частная библиотека хотя бы отдаленно смогла соперничать с пятью тысячами или около того рукописей, собранных в Италии XV в. Виссарионом, который, возможно, пользовался своим кардинальским положением. Более подходящим было бы сравнение с Константином Ласкарисом, жившим в Мессине с 1460 по 1501 г. и приобретшим или скопировавшим около 150 рукописей (Martines Manzano 1998: 31–45). Владел ли он ими всеми и был ли уровень жизни там выше, нежели в Византии, – настолько, чтобы позволять формировать более обширные собрания?

Малочисленность информации, которая не позволяет нам ответить на вопросы относительно частных библиотек, также является серьезным препятствием, когда мы обращаемся к библиотекам при учреждениях. Не сохранилось ни единого каталога собраний, сформированных в разное время под эгидой императора, Патриарха или декана факультета права, основанного в 1040 г. Константином IX; нет также ни единого доказательства того, что когда-либо было составлено нечто большее, чем элементарный список книг. И если античным ученым можно приписать знание основ организации библиотечного дела и библиографии, эти знания, похоже, не дошли до Византии. Всего две крупные библиотеки позволяют создать полную картину. Одна – в монастыре Св. Иоанна на острове Патмос. Там в 1200 г., согласно распоряжению основателя, была составлена опись ценных вещей обители (Astrug 1981; Waring 2002); она начиналась иконами, реликвиями и другими предметами и заканчивалась списком книг. Последний на этот раз насчитывал 330 позиций. С момента основания обители в 1088 г. ежегодно приобреталось в среднем три тома. Книги не имеют инвентарных номеров и собрание систематизировано только в одном отношении: пергаменные книги в количестве 267 упоминаются первыми, за ними 63 на бумаге – весьма высокая доля. В числе пергаменных – 109 библейских и литургических, 23 агиографических и почти все остальные – богословские; всего один языческий текст – «Категории» Аристотеля. То же в отношении бумажных книг; опять же, один том Аристотеля.

Еще одной крупной библиотекой, которую мы сколько-нибудь в состоянии описать, является библиотека Великой лавры горы Афон. И хотя каталог отсутствует, часть меток имущества (библиотечного фонда), датируемого XIII–XIV вв., содержит деталь, по-видимому, не обнаруженную больше нигде за исключением окрестностей Ватопедского монастыря: книги помечены номером определенной полки или ящика (фесис) и в пределах таких отделений (секций) имеют еще серийный номер. Исходя из того, что имеется в наличии на сегодняшний день, расположение книг случайное, тогда как можно было бы ожидать, что секции должны соответствовать категориям текстов. Всего отделений было шестнадцать, и одно из них насчитывало целых шестьдесят томов; если они все были столь же велики, библиотека, возможно, насчитывала около 1000 книг ($16 \times 60 = 960$). Это исходное опытное предположение было принято как вероятное (Litsas 2000: 227) и его подтверждением, вероятно, можно считать весьма обширные собрания монастыря Св. Екатерины на Синае, хотя их и не возможно оценить количественно относительно периода позднего средневековья.

Располагала ли еще имперская или какая-либо монастырская библиотека в 1453 г. какими-либо текстами, которыми мы на сегодняшний день не располагаем? Вряд ли, поскольку византийские авторы после 1204 г. редко цитируют какой-либо существенный фрагмент текста, относящийся к этой категории. Есть все основания скептически воспринимать заявление Константина Ласкариса, якобы видевшего в императорской библиотеке полную копию исторического труда Диодора Сицилийского: Константину было всего 18 лет, когда был захвачен Константинополь, а текст его утверждения сохранился только в латинском переводе, который, возможно, не точно передает оригинал (PG 161: 918A; cf. Martínez Manzano 1998: 195). Все прочие сообщения такого рода можно отбросить с еще большей уверенностью. Время от времени любопытство ученых эпохи Возрождения привлекали каталоги библиотек, якобы содержащих величайшие сокровища. Но вряд ли стоит сомневаться в том, что эти сокровища были чем-то большим, чем фикция, состряпанная из бесчестных соображений финансовой выгоды (Maas 1938: 409–412) или в шутку (Wilson 1992: 65–66). Собрание монастыря Продрома-Петры в столице XV в. было относительно скромным (Gamillscheg 1981: 282–293).

ЛИТЕРАТУРА

- ASTRUC, C. 1981. 'L'Inventaire dresse en septembre 1200 du trésor et de la bibliothèque de Patmos: édition diplomatique', *TM* 8: 15–30.
- CAVALLO, C. (ed.) 1988. *Le biblioteche nel mondo antico e medievale* (Bari).
- GAMBLE, H. Y. 1995. *Books and Readers in the Early Church* (New Haven–London).
- GAMILLSCHEG, E. 1981. 'Zur Rekonstruktion einer Konstantinopolitaner Bibliothek', *Rivista di studi bizantini e slavi* 1: 282–293.
- 1984. 'Eine Platonhandschrift des Nikephoros Moschopoulos (Vind. phil. gr. 21)', in W. Hörandner, J. Koder, O. Kresten, and E. Trapp (eds.), *Byzantios (Festschrift für Herbert Hunger zum 70. Geburtstag)* (Vienna): 69–100.
- JACOB, A. 1985–6. 'Une bibliothèque medievale de Terre d'Otrante', *RSBN*, NS 22–3: 285–315.
- LEMERLE, P. 1971. *Le premier humanisme byzantin* (Paris).
- LEVI, L. 1902. 'Cinque lettere inedite di Manuele Moscopulo', *SIFC* 10: 57–8.
- LITSAS, E. K. 2000. 'Palaeographical researches in the Lavra library on Mount Athos', *Hel-lenika* 50: 217–230.
- MAAS, P. 1938. Review of G. Przychocki, *De Menandri comici codice olim Constantinopolitano*, *BZ* 38: 409–412.
- MANGO, M. M. 1981. 'Patrons and scribes indicated in Syriac manuscripts, 411 to 800 AD', *JÖB* 32. 4: 3–12.
- MARTÍNEZ MANZANO, T. 1998. *Constantino Láscaris: semblanza de un humanista bizantino* (Madrid).
- MRAS, K. (ed.) 1954 (1982, 2nd edn.). *Eusebius, Werke VIII* (Berlin).
- PÉREZ MARTÍN, I. 2001. 'Nouveaux manuscrits planudiens de Plutarque', *Moschovia* 1: 355–364.

- SKEAT, T. C. 1999. 'The Codex Sinaiticus, the Codex Vaticanus and Constantine', *JTS* 100: 583–625.
- WARING, J. 2002. 'Literacies of lists: reading Byzantine monastic inventories', in C. Holmes and J. Waring (eds.), *Literacy, Education and Manuscript Transmission in Byzantium and Beyond* (Leiden): 165–186.
- WILSON, N. G. 1983 (1996, 2nd edn.). *Scholars of Byzantium* (London).
- 1992. *From Byzantium to Italy* (London).

Дополнительные рекомендации к прочтению.

- Скудость источников делает невозможным составление более детального отчета, и столь же мало надежды обнаружить новые материалы, которые могли бы изменить наши познания. И все же полезно будет также ознакомиться с изданием:
- Wilson, N. G. 1967. 'The libraries of the Byzantine world', *GRBS* 8: 53–80 – перепечатано с дополнениями в изд. D. Harlfinger (ed.), *Griechische Kodikologie und Textüberlieferung* (Darmstadt, 1980): 276–309, а также в переводе на итальянский с аналогичными незначительными исправлениями: Cavallo 1988: 80–111.

III.18. ЛИТЕРАТУРА

Глава III.18.1 РИТОРИКА

Элизабет Джеффрис

Термином «риторика» чрезмерно злоупотребляли. Все три его определения, которые дает, к примеру, «*Concise Oxford Dictionary*» (а) трактат об искусстве убеждения или эффектной, впечатляющей письменной и устной речи; (б) стиль речи, направленный на убеждение или эффект, впечатление; (в) убедительность внешнего вида и поступков – зачастую с оттенком неискренности), подтверждают разочарование наших современников в том, что изначально развивалось как практический инструмент анализа вербального дискурса и обучения высокому ораторскому искусству – искусству публичных выступлений. Термин «риторика» может употребляться как в отношении практической техники, определяющей средства выражения, так и в отношении результата высказывания.

В византийском контексте риторика определялась Максимом Планудом (ок. 1255–1305 гг.) как «искусство воздействия силой слова в вопросах политики, чья цель – выстроить убедительную аргументацию против преобладающей точки зрения» (Rabe 1931: 64). То, что эти фразы почти дословно заимствованы из сочинения анонимного комментатора VI в., является знаковой характеристикой большей части представлений византийских авторов и теоретиков литературы, с точки зрения которых эталон был установлен до них. Целью большей части византийского письменного творчества было подражание образцам прошлого, хотя имелось множество вариаций этого процесса и само по себе подражание также эволюционировало (см. статью «Подражание» в *ODB*, с. 988–999). Тем не менее определение VI века резюмировало то античное начало, из которого и развивалась риторика с ее правилами. Это был греческий город-государство, воплощением которого служат Афины в V и IV вв., испытывавшие в то время потребность в эффективном ораторстве на собраниях горожан и в судах, в силу чего ранние философы исследовали формы словесного выражения как часть в рамках

всеобщего исследования природы физического мира. Риторика, следовательно, развивалась из целиком и полностью прагматичной потребности упражняться в эффективных приемах убеждения. В философии (самый известный и простой пример – первые софисты), по утверждению критиков, изучалось, как представить наихудший предмет наилучшим (обзоры греческой и римской риторики см. в работах: Martin 1974; Porter 1997; Worthington 2007).

Наиболее ранний, но авторитетный и выдержавший испытание временем анализ риторических процессов находим у Аристотеля (384–322 гг. до н. э.) в его «Искусстве риторики». Отсюда пошло подразделение риторики на три традиционных направления: политическую (для употребления в собраниях граждан), юридическую (применяемую в судах) и эпидиктическую (риторику ораторских выступлений). Первые две как раз и кроются за определением, данным Планудом в XIV в., как вновь вошедшие в употребление в VI в. Однако за давностью выхода из употребления классического греческого языка ораторское искусство городских собраний и судебных заседаний столь же давно уже утратило свое значение в общинной жизни средневековой Греции: эпидиктика оставалась единственной независимой формой риторической практики, игравшей свою роль в византийской культуре, главным образом, в официальных речах церемоний императорского двора. При том, что обмен информацией, как письменной, так и устной, продолжал оставаться основополагающим требованием, в особенности в таком лингвистически консервативном обществе как византийское (см.: III. 17. 1. Язык), крайне сильно полагавшемся на власть мандаринов-администраторов, будь то светских или же церковных, византийская общественная традиция требовала, чтобы письменный язык был стилистически элегантным и синтаксически правильным. Риторические приемы, насаждаемые и усиливаемые системой образования, глубоко вошли в византийское литературное сознание.

Теоретики риторики в эпоху поздней античности

К периоду второй софистики (который с общего согласия относят к I–III вв. н. э.) эпидиктическая риторика стала основной литературной силой в греческом Восточном Средиземноморье: множество соперничавших между собой «софистов» упражнялись в искусстве красноречия с акцентом на правильность аттических форм и синтаксиса, вызывая тем самым всеобщее одобрение и недурно себя обеспечивая (Connolly 2007). Пособия по риторике имелись в изобилии. Из наиболее популярных авторов назовем Гермогена из Тарса (II в. н. э.), отделившего риторику от филологического подхода и сосредоточившегося на более общих вопросах стиля. Он находился под влиянием юридической методологии. Из пяти приписываемых ему работ наибольшей популярностью пользовались «*Staseis*» и «Об идеях», где систематически раскрывалось учение о семи характеристиках эффективной речи: ясность, величественность, элегантность, краткость, простота, правдивость и сила (Kustas 1973: 5–22; Wooten 1987; Kennedy 2005). На основополагающее значение подхода Гермогена указывает количество комментариев к его сочинениям, в частности, составленных неоплатониками, как, например, Сирианом и Сопатром (Hunger 1978: vol. 1, 79–81).

Гермоген рассматривал общие вопросы стиля. Другие теоретики делили речь на составляющие, которых обычно насчитывалось четырнадцать – гном (*gnome*, высказывание), эфпоия (*ethopoia*, характерная речь), коинос топос (*koinos topos*, просторечье, общеупотребительное наречие), экфрасис (*ekphrasis*, описание) и т. д. – и преподавали их как отдельные вводные упражнения, или прогимнасмата (*progymnasmata*). Значимыми среди таковых считались Феон Александрийский (I–II вв. н. э.) и, в особенности, Афтоний Антиохийский (начало V в.; ed. Rabe 1926; trans. Kennedy 2003, также см.: Hock and O’Neil 1986). К началу VI в. основным руководством по греческой риторической теории стало сочетание «Прогимнасмата» Афтония и пяти основных трудов Гермогена: именно к ним в последующие столетия, как уже отмечалось выше, были составлены пространные комментарии.

Еще одним теоретиком практической риторики, не терявшим своего значения в Византии, был Менандр Лаодикийский (также известный как Менандр Ритор, конец III в. н. э.) Он рассматривал эпидиктическое красноречие, устанавливая правила составления речей по особым поводам, как то: прием высокопоставленного лица, отбытие в посольство, бракосочетание, рождение ребенка и т. п. (Russell and Wilson 1981; Heath 2004).

Византийские комментаторы (Hunger 1978: vol. 1, 78–91)

Теоретические предписания, в особенности Гермогена, требовали пояснения. Так появились комментарии к ним. Большинство позднеантичных комментаторов, – такие как Афанасий Александрийский или Зосима Аскалонский, – известны лишь по отрывкам и цитатам, а также ссылкам авторов, пришедших им на смену в последующие века; немногие (к примеру, Георгий Мон) сохранились практически полностью (Walz 1832–6: vol. 7, 104–696).

Над постижением риторических традиций средневизантийского периода предстоит еще много работать: существует необходимость в изданиях и исследованиях, тогда как авторы анонимных трудов ждут идентификации и точного датирования своих произведений (Hunger 1978: vol. 1, 83). Очевидно, что, как и во многих других случаях, когда речь шла о светской литературе и образовании, в VII–VIII вв. этим предметам уделяли мало внимания, но начиная с конца IX в. последовало возрождение интереса к классическому прошлому, распространившееся также и на эти отрасли (Lemerle 1986: 226–8). Комментарии к трудам Гермогена были составлены такими лицами как Иоанн Сардийский (середина X в. ?) и плодовитый «солдатский поэт» Иоанн Геометр (конец X в.), хотя известны они только по замечаниям писателей последующего поколения, таких как Иоанн Доксапатр (XI в.) (Rabe 1931). X в. с характерным для него возобновлением интереса к классическому литературному наследию, представил хорошее доказательство непреходящей важности риторической традиции в виде довольно значительного количества рукописей в сокращении, в том числе нескольких работ Гермогена и «Прогимнасмата» Афтония, как правило, с комментариями (например: Par. Gr. 1741, Par. Gr. 2919, Par. Gr. 3032): эти тексты сочли достаточно значимыми для

того, чтобы транскрибировать их в минускулы из более ранних унциальных копий (см.: I. 2. 10. Греческая палеография).

Впоследствии комментарию, в частности, к произведениям Афтония, возникают у каждого нового поколения – их авторы Иоанн Сикелиот и Иоанн Доксапатр (XI в.), Христофор из Гроттаферрата и Григорий Коринфский (XII в.), Максим Плануд, Иоанн Хортасмен и Иосиф Ракендит (XIII–XIV вв.). Особенно заслуживает упоминания издание Плануда и его солидный комментарий к Гермогену, вероятно, служивший преподавательским нуждам в монастыре Хора. Парафразы Гермогена, которые пятнадцатисложным стихом переложили Пселл и Иоанн Цец (XII в.), возможно, также использовались в образовательных целях (об изданиях этих текстов см.: Hunger 1978: vol. 2, 74–91). Эти руководства и комментарии, вероятно, не имели распространения вне пределов небольшой группы византийской образованной элиты (см.: III. 17. 3. Грамотность).

Чем объяснялся интерес к риторике?

Комментарии свидетельствуют о продолжительном интересе со стороны ученых и учителей к учебникам по риторике. Многие, если не все, вероятно, как и Плануд, собирали и переписывали материалы для методического обеспечения своей учебной программы. Сложная история воспроизведения поздних рукописей Менандра с многочисленными изменениями в порядке следования тем, вероятно, указывает на то, что ими пользовались в классах. Труды Афтония, Гермогена, Менандра, вероятно, использовались на нескольких уровнях профессионального литературного образования: на этапе энкиклос паидея (*enkyklios paideia*) (см.: III. 17. 2. Образование) после начального образования изучались «Прогимнасмата» Афтония, тогда как работы Гермогена и Менандра, видимо, соответствовали уровню относительно ограниченного количества студентов, находящихся на заключительных этапах обучения. Успешные студенты, вероятно, могли рассчитывать на успешную карьеру в государственной бюрократии: показателен пример братьев Хониатов (конец XII в.), чья параллельная карьера в качестве логофета (Никита) и епископа (Михаил) свидетельствует по сути, что внимание риторике уделялось для достижения высокого положения. Масштабы распространения литературных упражнений данного типа в образовательной системе можно видеть из того, что даже писатели, такие как Кекавмен (военнослужащий середины XI в.), которые (впрочем, возможно, неискренне) порицали любое литературное знание, были, по всей видимости, хорошо знакомы с основными прогимнасмата, такими как миф (*mythos*, басня с моралью) и диегема (*diegema*, сказка), гном (*gnome*) и хрея (*chreia*, мораль-высказывание) (Roueché 2003). Прочие упражнения, к примеру, схеды (*schede*), имели целью формирование скорее грамматических способностей, нежели стилистической ловкости, чему служили разнообразные задания – от простого подбора лексических эквивалентов до подробных грамматических разборов (Hunger 1978: vol. 1, 24–9). Правда то, что в то время правила из руководств по риторике распространялись на все византийские литературные композиции и есть два очевидных пути оценки их влияния. Первый основывается на анали-

зе свободно созданной композиции, а второй – это анализ мелких деталей и характерных черт, порожденных риторическими приемами в более пространных текстах.

Влияние риторики: свободные композиции

Элементами упражнения в риторике, нашедшими наиболее полное выражение в независимой форме, явились разнообразные прогимнасмата. В дополнение к примерам, представленным Афтонием, от всего византийского периода сохранился ряд «эталонных» прогимнасмата, таких как упражнения Георгия Пахимера (конец XIV в.), наводящих на мысль о том, что имелись «чистовики», которые учителя разрабатывали для учащихся и которые потом сохранялись как образцовые сочинения. Однако в качестве независимых произведений сохранилось куда большее количество сочинений. Некоторые категории прогимнасмата, в особенности экфрасисы, исключительны в качестве показательных произведений (Hunger 1978: vol. 1, 170–88). Они посвящены в основном произведениям искусства или зданиям, но могут также описывать и небольшие предметы ручной работы или творения природы (James and Webb 1991). К основным примерам следует отнести пространное описание (гексаметром) храма Св. Софии, составленное Павлом Силенциарием (563 г. ?), в то время как «О постройках» Прокония (ок. 555 г. ?) можно было бы, вероятно, рассматривать как один пространственный экфрасис, включавший несколько описаний меньшего размера (к примеру, описания Антиохии или, опять же, храма Св. Софии). К числу прочих кратких примеров можно отнести сочинения: Геометра – о дубе, Манассии (ок. 1150 г.) – о дворцовых мозаиках при дворе Мануила Комнина, или Николая Месарита (ок. 1200 г.) – о церкви Св. Апостолов (об изданиях этих текстов см.: Hunger 1978: vol. 1, 170–88; также см.: III. 16. 1. Изобразительное искусство и текст).

Энкомии (*enkomion*), охотнее восхваляющие людей, нежели предметы, также имели ярко выраженное независимое существование (Hunger 1978: vol. 1, 120–32). Как можно заключить из трактата «О церемониях» (*De Caerimoniis*), к X в. назрели официальные поводы для сочинения энкомиев в честь императора к определенным моментам литургического года, главным образом, к Богоявлению, а позднее, начиная с XII в., и к Лазаревой Субботе. Начиная с XI в. и далее энкомии все чаще писались в честь частных лиц, – в стихах, а также и в прозе, – нуждающимися обедневшими литераторами, зачастую принадлежащими к аристократическим семействам. Заказы такого рода писателям попадали в диапазон от эпифалам (*epithalamia*, брачных песнопений) до эпитафий (*epitaphioi*, надгробных плачей), но все с плохо скрытой примесью энкомия (вниманием не обходили славных предков патрона).

Два наиболее плодотворных представителя риторики XII в. – это, безусловно, Феодор Продром, один из наиболее разносторонних византийских авторов, часто творивший по заказу императора, и менее даровитый Манганий Продром, писавший для аристократических семейств.

Противоположностью энкомия, зачастую выступавшей в паре с последним, являлся псогос (*psogos*), или инвектива (Hunger 1978: vol. 1, 104–6). «Тайная

история» Прокопия, прощенный псогос, наиболее известный (и далеко не единственный) в Византии пример данного жанра, показывает, насколько велик мог быть эффект от прогимнасмата за стенами классной комнаты. Псогос использовали также против носителей сомнительных религиозных убеждений, пример чему страстное, ярое опровержение Арефой Кесарийским Льва Хиросфакта (ум. ок. 919 г.). К XII в. псогос, вероятно, использовался вперемешку с сатирой Лукиана, что привело к созданию пьес наподобие «Тимариона» (предположительно Феодором Продромом) и «Анахарсиса» (возможно, Никитой Евгенианом), а также «*Bagoas*» Никифора Василяки. Все они были направлены против лиц, которые ныне нам уже неизвестны, а также вообще против недугов общества.

Несмотря на то, что некоторые риторические формы, наподобие эсфора номоу (*eisphora nomou*, представление закона), утратили свое значение, влияние школьной манеры написания прогимнасмата прослеживается у многих византийских авторов. Эфопоия (*ethopoiia*), или характеристика героя¹, вероятно, стал фактором развития художественной литературы, созданной в итоге в середине XII в. (Beaton 1996: 22–9). Все другие более фантазийные темы, которые для эфопоии делились, к примеру, Никифором Василяки на мифологические и библейские сцены, выявляли чувствительность в описании эмоций, что в потенциале могло перетечь в более длительные повествования, наподобие таких, какие мы находим в новеллах Феодора Продрома, Евматия Макремволита, Никиты Евгениана, Константина Манассии (Consa 1994). И, может быть, будет не так уж и несправедливо интерпретировать эти новеллы, непосредственно основанных на работах представителей второй софистики (например, «Левкипп и Клитофон» Ахилла Татия), как серии прогимнасмата разного рода, нанизанных на живую нить нарратива (Webb 2007).

Вне школьных стен некоторые жанры риторики продолжали выполнять практические функции вплоть до самых последних лет существования Византии. Они во многом, хотя и не исключительно, применялись (как было указано выше) в связи с нуждами императорского двора, например в текстах, которые наиболее изобиловали подробностями о подобного рода церемониальных поводах, каковыми были «О церемониях» (X в.), приписываемый императору Константину VII Багрянородному (ed. Vogt 1935–40), и «Трактат о титулах и чинах» (XIV в.), приписываемый Псевдо-Кодину (ed. Verreaux 1966). В первую очередь и большей частью наиболее детализированные предписания для василикос логос (*basilikos logos*) составлены в трактате Менандра (Hunger 1978: vol. 1, 157–68). Такого рода речи стали произносить перед императором первые лица двора по случаю праздников. В своей наиболее ранней форме василикос логос представлял собой долгий или краткий энкомий. «Жизнь Константина» (*Vita Constantini*) Евсевия Кесарийского, идеализируя образ императора Константина, положило основание такой традиции (Cameron and Hall 1999). Впоследствии исследователями было добавлено и все более очевидное замечание: эти речи можно рассматривать и как «Королевское зеркало»², примеры чему мы находим у Агапита в VI в., Василия I

¹ Возм. – литературный портрет (прим. переводчика).

² В оригинале – «*Mirrors of Princes*» (прим. переводчика).

в IX (вероятно, все-таки их принадлежность не лично последнему, а одному из членов его двора), – вплоть до периода поздних Палеологов, когда придворные и ученые-интеллектуалы подобным же образом смешивали восхваления и плохо скрываемые упреки. Так, Максим Плануд и Феодор Метохит оба высказывали недовольство политикой Андроника II, тогда как Кидонис критиковал Иоанна Кантакузина (Angelov 2007). Однако изобильные примеры имперского панегирика XII в., широко адресуемые Мануилу Комнину, к примеру, учеными Евстафием Фессалоникским, Михаилом Италом или Феодором Продромом, были в сущности хвалебными и очень редко – критичными (Евстафий: Wirth 2000; Феодор Продром: Hörandner 1974). В данный период василикос логос приобретает формы светской поэзии, зачастую используя пятнадцатисложный стих в обращениях к императору. Видным представителем этого направления был такой неизученный поэт как Манганий Продром (Jeffreys and Jeffreys 2001). «Житие царицы Феодоры» (IX в.) недавно было реинтерпретировано как василикос логос к женщине – правительнице, где добродетели благочестия заменили героические подвиги (Vinson 2003).

Имперский церемониал продолжал давать поводы и для других специализированных речей, к примеру, приветственных или прощальных (иситерииос (*eisiterios*) или эпиватерииос логос (*epibaterios logos*). Сохранились некоторые из них, составленные по причине прибытия невесты императора из-за границы (Hunger 1978: vol. 1, 145–57). Начиная со средневизантийского периода и далее, семейные празднования в аристократических домах зачастую сопровождалась соответствующим эпидиктическим представлением с декламацией в прозе и стихах в честь свадебных торжеств – эпифалама (*epithalamios*) и в особенности по случаю похорон. Эпитафииос логос (*epitaphios logos*, надгробная речь), известная также как тренос (*threnos*) или плач, сочетала молитву по усопшему с утешением всем, кто пережил утрату: многочисленные тому примеры дошли до нас от всех периодов (Sideras 1994). Одним из особенно поразительных примеров является содержательная речь Георгия Торника на смерть Анны Комнины, автора «Алексиады» (Darrouzès 1970: 220–323).

Влияние риторики: встроенные композиции

Следствия тщательной подготовки в основах риторической техники, из которой преимущественно и по большей части состояло византийское образование, можно проследить практически в любом литературном произведении, сохранившемся со времен Византии: встроенные композиции являются примером после примера – как более пространных сочинений вышеописанных прогимнасмата, так и более мелких элементов – тропов и стилистических фигур (схемата, *schemata*), нами до сих пор не упоминавшихся.

Тропы и схемата являются неотъемлемой частью византийского письменного творчества любого периода. Само понятие «троп» предполагает некое смысловое изменение. Список их разновидностей в византийских руководствах насчитывает двадцать семь позиций, в том числе: аллегория, эллипс, гипербола, ирония, метафора, метонимия, плеоназм, сравнение, синекдоха, загадка (Martin

1974: 261–9; Lausberg 1998: 248–70; Conley 1986). Схемата, будучи на первый взгляд почти бесконечно разнообразными, были условно подразделены на фигуры авторского довода или речи (логос), подчеркивающие авторское отношение к тексту, и фигуры выразительности или усиления идеи (дианои, *dianoia*), объединяющие грамматические особенности и положение слов (Lausberg 1998: 271–410). В ходу в Византии было несколько руководств, в которых рассматривались и тропы, и схемата, некоторые из этих книг – наследие античности (как, например, «Трифон», I в. до н.э.), другие же относятся непосредственно к византийскому периоду, такие как Хировоск (IX в.) или Григорий Парда (XII в.), хотя работу Парда следует, строго говоря, приписать «Трифону» – красноречивый пример консерватизма византийской литературной культуры. Автором, у которого использование тропов (в особенности сравнений и метафор) с лихвой вознаградит исследователя, является Никита Хониат в своей «Истории», тогда как анализ схемата (использование, к примеру, анадиплосиса или анафоры) в гимнах Романа Сладкопевца способен выявить его недюжинную силу стилистической изобретательности в традиционных риторических рамках.

Многообещающим источником примеров более широкого использования риторических элементов являются труды византийских историков, появляющиеся на протяжении всего византийского тысячелетия (см.: III. 18. 2. Историография). Кроме всего прочего само по себе историческое сочинительство в своем стремлении убедить в подлинности повествования с полным основанием могло восприниматься и воспринималось как ответвление риторики. Прогимнасмата являются, вероятно, просто наиболее заметными из ее «строительных камней». Так, в то время, как трактат «О постройках» Прокопия является в целом одним пространным экфрасисом, описывающим строительную деятельность Юстиниана с обертонами энкомия, есть в нем одновременно и «экфрасис в экфрасисе» – несколько отрывков, являющихся отдельно взятыми, самостоятельными экфрасисами, к примеру, описывающими город Антиохию или храм Св. Софии. Хроникер XII в. Манассия превращает описание Сотворения мира в экфрасис растительной и животной жизни. И в то время как «Тайная история» все того же Прокопия в целом представляет собой пространную инвективу, в ней есть пассажи, которые сами по себе могут служить полноценным псогосом. «Хронография» Михаила Пселла богата отрывками, происхождение которых можно проследить от прогимнасмата – она изобилует изощренными псогосами в адрес Константина Мономаха и содержит эфопию императрицы Зои, стряпавшей свои косметические зелья, (кроме двух случаев). Диегема (*diegema* – рассказ, сказка, небылица) является неотъемлемым инструментом историка, чему примеры мы обнаруживаем везде, – от наиболее, на первый взгляд, безыскусных повествователей (таких как бюрократ Малала или полководец Кекавмен) до грубоватых (воин-аристократ Никифор Вриений) и двусмысленно-искусственных (василевс Иоанн Кантакузин).

Большинство примеров, приведенных в данном, вынужденно кратком обзоре византийской риторической практики, были взяты из светской литературы. Однако было бы совершенно неверно подразумевать, что церковные авторы были не подвержены влиянию риторики, столь же широко употребляемой на церковной кафедре, сколь и при дворе. Несмотря на светские и языческие истоки клас-

сической риторики, многие богословы во все времена обучались ее приемам, а некоторые овладевали ею на очень высоком уровне, как Каппадокийские Отцы, один из которых дал ставшую классической формулировку того, как христианской молодежи следует изучать языческое литературное наследие (о Св. Василии Кесарийском см.: Wilson 1975). И хотя адаптация к христианскому дискурсу не всегда была непосредственной (Cameron 1991), многие проповедники обнаруживают значительную литературную и риторическую подготовку в своих приемах публичных выступлений, причем Патриарх Герман, Андрей Критский и Патриарх Фотий предстают особенно сведущими (см.: III. 18. 5. Проповеди). Что до поэзии, нами уже упоминалось использование риторических форм в гимнографии Романа Сладкопевца, и он не был одиноким в своем утонченном искусстве. Среди прочих гимнографов особой оценки искусства составления ямбических канонов заслуживает Иоанн Дамаскин, а также автор «Великого канона» Андрей Критский. Начиная со средневизантийского периода есть некоторые признаки попыток дать соответствующее определение «риторике богословия»: к примеру, Пселл создал выразительные комментарии стиля безукоризненно православного Св. Григория Назианзина (*PG* 122: 902–909; Mayer 1911). Но в целом, идеи такого рода существенного развития не получили и не продвинулись дальше формального утверждения, что «простоту рыбака» (то есть просторечный язык койне Нового Завета) следует предпочитать всем словесным сложностям аттициста. Впрочем, эта тема заслуживает более глубокого исследования.

Представления

Риторика изначально развивалась из необходимости обучать гражданских лидеров (и демагогов), законодателей, юристов навыкам эффективной устной коммуникации в самоуправляемых греческих общинах V в. до н. э., в частности, в Афинах. Она стала набором правил презентации письменного слова. В Византии, несмотря на акцент на письменном слове, сделанный нами в настоящем обзоре, устный элемент выделялся и преобладал, к примеру, в требованиях дворцового протокола к эталонным выступлениям или в требованиях аристократических семейств – к торжественным речам по тем или иным семейным поводам. Не стоит недооценивать и еще одно учреждение, нередко упоминаемое в текстах, хотя его функции понятны не до конца, – феатрон (*theatron*). Данный термин то и дело возникает во все периоды начиная с IV в. и вплоть до XV в. и обозначает среду, в которой литературные труды представляли устно, то есть устраивали некое зрелище перед аудиторией (Hunger 1978: vol. 1, 210–11). По временам это принимало форму первого представления публике и, конечно же, рекламы нового литературного произведения; еще одной причиной спектакля мог быть повод для устройства эпидиктической дикламации, представление произведений эпистолярного жанра или частей более продолжительного труда с целью развлечения аудитории, разнообразной по своим размерам и способности восприятия. Такие феатра (*theatra*), – их уместнее всего будет сравнить, вероятно, с литературным салоном, – были особенно знамениты в XII в. (Magdalino 1993: 430–2), зачастую находясь под патронажем женщины-аристократки, и снова вошли в моду в XIV в.

Заключение

Осведомленность относительно роли теоретической и практической риторики жизненно необходима любому читателю византийского текста. Многие в византийской письменности аллюзорно и скрыто за условностями риторического кода: стоит лишь признать существование этого кода и кажущиеся неясности, прикрытые от нас коммуникативным занавесом последующих столетий, проясняются сами собой. И современный исследователь византийской литературы ни в коем случае не должен пренебрегать риторической традицией, стоящей за изучаемым текстом.

ЛИТЕРАТУРА

- ANGELOV, D. 2007. *Imperial Ideology and Political Thought in Byzantium, 1204–1330* (Cambridge).
- BEATON, R. 1996. *The Medieval Greek Romance* (London, 2nd edn.).
- CAMERON, A. M. 1991. *Christianity and the Rhetoric of Empire: The Development of Christian Discourse* (Berkeley).
- and HALL, S. 1999. *Eusebius, Life of Constantine* (Oxford).
- CONCA, F. (ed.) 1994. *Il romanzo bizantino del XII secolo* (Turin).
- CONLEY, T. 1986. 'Byzantine teaching on figures and tropes: an introduction', *Rhetorica* 4: 335–74.
- CONNOLLY, J. 2007. 'The new world order: Greek Rhetoric in Rome', in Worthington 2007: 139–65.
- DARROUZÈS, J. 1970. *Georges et Dèmétrios Tornikès, Lettres et discours* (Paris).
- HEATH, M. 1995. *Hermogenes On Issues: Strategies of Argument in Later Greek Rhetoric* (Oxford).
- 2004. *Menander: A Rhetor in Context* (Oxford).
- HOCK, R. F., and O'NEIL, E. N. 1986. *The Chreia in Ancient Rhetoric* (Atlanta).
- HÖRANDNER, W. 1974. *Theodore Prodromos, Historische Gedichte* (Vienna).
- HUNGER, H. 1978. *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*, 2 vols. (Munich).
- JAMES, L., and WEBB, R. 1991. '“To understand ultimate things and enter secret places”: ekphrasis and art in Byzantium', *Art History* 14: 1–17.
- JEFFREYS, E. (ed.) 2003. *Rhetoric in Byzantium* (Aldershot).
- 2007. 'Rhetoric in Byzantium', in Worthington 2007: 166–84.
- and JEFFREYS, M. 2001. 'The “Wild beast from the West”': immediate literary reactions in Byzantium to the Second Crusade', in A. E. Laiou and R. Mottahedeh (eds.), *The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World* (Washington, DC): 101–16.
- KENNEDY, G. A. 2003. *Progymnasmata: Greek Text Books of Prose Composition and Rhetoric* (Leiden).
- 2005. *Invention and Method; Two Treatises from the Hermogenic Corpus* (Leiden).

- KUSTAS, G. L. 1973. *Studies in Byzantine Rhetoric* (Thessalonike).
- LAUSBERG, H. 1998. *Handbook of Literary Rhetoric: A Foundation for Literary Study*, trans. M. Bliss and others, ed. D. E. Orton and R. D. Anderson (Leiden).
- LEMERLE, P. 1986. *Byzantine Humanism: The First Phase*, trans. A. Moffatt and H. Lindsay (Canberra).
- MAGDALINO, P. 1993. *The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180* (Cambridge).
- MARTIN, J. 1974. *Antike Rhetorik: Technik und Methode* (Munich).
- MAYER, A. 1911. 'Psellos' Rede über der rhetorisches Charakter des Gregor von Nazianz', *BZ* 20: 27–100.
- PORTER, S. E. (ed.) 1997. *Handbook of Classical Rhetoric in the Hellenistic Period, 330 BC – AD 400* (Leiden).
- RABE, H. 1926 (ed.) *Aphthonii Progymnasmata* (Leipzig).
- (ed.) 1931. *Prolegomenon Sylloge* (Leipzig).
- ROUECHÉ, C. 2003. 'The rhetoric of Kekaumenos', in Jeffreys 2003: 23–38.
- RUSSELL, D. A., and WILSON, N. G. 1981. *Menander Rhetor* (Oxford).
- SIDERAS, A. 1994. *Die byzantinischen Grabreden: Prosopographie, Datierung, Überlieferung, 142 Epitaphien und Monodien aus dem byzantinischen Jahrtausend* (Vienna).
- VERPEAUX, J. (ed.) 1966. *Traité des offices* (Paris).
- VINSON, M. 2003. 'Rhetoric and writing strategies in the ninth century', in Jeffreys 2003: 9–22.
- VOGT, A. (ed.) 1935–40. *Constantin VII Porphyrogenitus, Le livre des ceremonies* (Paris).
- WALZ, C. 1832–6. *Rhetores Graeci*, 9 vols. (Stuttgart).
- WEBB, R. 2007. 'Rhetoric and the novel: sex, lies and sophistic', in Worthington 2007: 526–41.
- WILSON, N. G. 1975. *St Basil on the Value of Greek Literature* (London).
- WIRTH, P. (ed.) 2000. *Eustathii Thessalonicensis opera minora* (Berlin–New York).
- WOOTEN, C. W. 1987. *Hermogenes' On types of style* (Chapel Hill).
- WORTHINGTON, I. (ed.) 2007. *Companion to Greek Rhetoric* (Oxford).

Углубленное чтение

Практический интерес представляют обзоры античной и средневековой риторики, как греческой, так и латинской, содержащиеся в следующих работах: Lausberg 1998, Porter 1997 и Worthington 2007. Необходимые сведения для изучения византийской риторики можно найти в: Hunger 1978: vol. 1, 65–194 – непредвзятый и практически полный обзор с удачным комментарием. «Оксфордский словарь Византии» (*ODB*) предлагает читателю полезные статьи, к примеру, «Риторика», «Риторические фигуры», «Экфрасис», «Прогимнасмата», «Эпидиктическое ораторство», «Энкомий», «Подражание». Многотомные издания C. Walz (*Rhetores Graeci*, 9 vols. (Stuttgart, 1832–6)) и L. Spengel (*Rhetores Graeci*, 3 vols. (Leipzig, 1853–6)) все еще содержат большую часть значимых текстов. Некоторые из недавних изданий Teubner содержат переиздания работ, вышедших под редакцией H. Rabe и др. в начале 1900-х гг. Переводов мало, исключение составляют: Kennedy 2003, 2005 и Hock and O'Neil 1986.

Глава III.18.2 ИСТОРИОГРАФИЯ

Майкл Энголд
Майкл Уитби

Классическая традиция историографии, восходящая еще к Геродоту и Фукидиду (V в. до н. э.), оставила византийским авторам богатое и разнообразное наследие; по временам те ожидания, которым приходилось соответствовать, накладывали свои ограничения, но продолжительное развитие византийской историографии на протяжении более чем одного тысячелетия демонстрирует и жизнестойкость жанра, и мощность стимула, идущего от самых его начал. В классическом мире историография была ветвью риторики и в ее текстах события прошлого представляли перед аудиторией в увлекательной манере. Хотя целевой аудиторией должны были быть читатели, однако сформировалась устойчивая традиция публичных декламаций, и потому историческим текстам добавляли выразительности элементы, составленные в высоком стиле – речи участников повествования, отступления на темы, вызывавшие повышенный интерес, как то иноземные обычаи или сказания и комментарии издателя в отношении людей и событий.

Целый ряд классических писателей ранневизантийского периода творил в рамках данной традиции, начиная от Дексиппа (ок. 270 г.) до Феофилакта (ок. 630 г.). По крайней мере, в греческой традиции наблюдалась преемственность, и Агафий строил свое повествование как продолжение трудов Прокопия, а Феофилакт поступал так же в отношении работ Менандра. Лишь четыре из этих историй достаточно полны – Зосим (середина III в. – 410 г.; ed. Paschoud 1971–89; trans. Ridley 1982), Прокопий (ed. Hauray 1905–13; trans. Dewing 1914–54), Агафий (ed. Keydell 1967; trans. Frendo 1975) и Феофилакт (ed. de Boor and Wirth 1972; trans. Whitby and Whitby 1986) (большой частью VI в.). В дополнение сохранилось 18 последних книг Аммиана, сирийского грека, писавшего на латыни (Matthews 1989; Barnes 1998). В отношении прочих мы полагаемся на фрагменты, первоначально сохраненные в *Excerpta*, изданных в X в. Константином Багрянородным: Приск, Малх и Менандр оставили нам значительных размеров повествования о дипломатических отношениях, а также краткие отрывки,

содержащие любопытные мнения (сентенции), но, к сожалению, невозможно утверждать что-либо определенное об общей форме и природе их работ (Blockley 1983).

Образование было необходимым квалификационным требованием для составления таких историй, поскольку историограф должен был понимать традицию, в которой работал, и соответствующим образом представлять свое повествование. Классический словарь и стиль заимствовались с переменным успехом: Прокопий создавал плавно развертывающееся повествование в стиле Агриппы; Агафий предавался изучению литературного наследия своих предшественников, но зачастую чрезмерно усложнял риторику (Cameron 1970); классицизм Феофилакта был менее совершенным и не обходился без влияния Септуагинты¹ и прочих христианских текстов (Whitby 1988). Литературная чистота не терпела употребления современных терминов или их объяснения к пользе воображаемого классического читателя: так, современные наименования племен могли теряться, подменяясь утвердившимися архитипическими (скифы – гунны, геты – готы), а титулы или названия учреждений переводились перефразом; латинские наименования (например, армейских чинов или экипировки) были особенно не по вкусу греческим писателям. Главной неприятностью этому «антикварному фасаду» грозила религия. Некоторые писатели – Аммиан, Евнапий, Зосим укоренились в язычестве и их отношение к новой вере в империи было обычно неприязненным. Прокопий и следовавшие за ним были христианами, но имитировали беспристрастность (Cameron and Cameron 1964; Kaldellis 2004; Whitby 2007).

Войны и сопутствующие им дипломатические отношения всегда преобладали в историографии; выдающиеся общественные события, в особенности в столичном городе, или события с участием императора также были подходящим материалом, но описание религиозных событий не могло опираться на классические прецеденты. Писатели, как правило, имели опыт общественной жизни: Олимпиодор, Приск, Иоанн Епифанийский участвовали в посольствах, Прокопий был советником военачальника, Аммиан – имперским штабным офицером. Агафий был исключителен в своем отрицании практических познаний, но считал, что его литературные таланты восполняют эту слабость. Большинство писало о современных или недавних событиях, так что информация во многом могла быть собрана путем личного исследования. Отступления от темы или пересказы предшествующих событий могли основываться на письменных сведениях, но не в обычаях жанра было ссылаться на источники, за исключением случаев, когда требовалось выразить несогласие. Цитирование исторических документов было необычно, но не беспрецедентно: Менандр сохранил пространный текст договора 561 г. с Персией, тогда как Феофилакт и Аммиан включали в сочинения письма персидских правителей, которые предположительно являются подлинными. Точность и непредвзятость описания явилась профессиональным идеалом, но личные взгляды приходили в столкновение; речи и комментарии издателей давали повод выносить субъективные суждения (см., к примеру, некролог Аммиана: Matthews 1989), и повествование могло незаметно отклоняться от истины, под-

¹ Греческой Библии (*прим. ред.*).

крепляя и усиливая желаемое мнение (см., например, у Зосима по поводу несчастливых последствий обращения Константина Великого).

Классические истории были весьма объемными трудами (Прокопий и Феофилакт – 8 книг, Аммиан – 31), а их литературная претенциозность означала, что они также были и вызовом читателю. Одним из ответов была «Эпитома», три латиноязычных примера которой сохранились с IV в., – их авторы Аврелий Виктор (имперский биограф), Евтропий и Фест (каждый – создатель своей версии истории Рима со дня основания). Авторы состояли на имперской службе и, возможно, рассматривали свои труды как справочные сборники основных событий в Риме для огромного количества новичков, вступающих в общественную жизнь (Bird 1984, 1993).

Хроники выходили, вероятно, из тех же официальных кругов. В классическом мире некогда существовали сборники кратких исторических сведений, прилагавшиеся к спискам избравшихся на год членов магистрата или священников. Христианским писателям пришлось соединять общепринятый перечень греко-римских событий с библейской историей, – вызов, впервые принятый Юлием Африканом, чья «Хронография» охватывала период от Сотворения мира и до 221 г. н. э.; его труд был продолжен Евсевием, чья «Хроника» сохранилась в латинском переводе Св. Иеронима, а также и в армянском переводе (Mosshammer 1979). Самые последние части этих работ основывались преимущественно на Олимпиадах или консульских списках. В конце IV в. появился целый ряд хроник, зачастую местные побочные версии или продолжения творений Евсевия или Иеронима (Burgess 1999): Галлия и Северная Италия, вероятно, имели собственные традиции (Muhlberger 1990), но наиболее известны труды испанского епископа Идация и латинская хроника, составленная Марцеллином Комитом в Константинополе в начале VI в. Идаций начал с того места, где остановился в 379 г. Св. Иероним, структурируя написанное по Олимпиадам и годам правления до 469 г. (Burgess 1993). Марцеллин также продолжил труд Св. Иеронима, приняв за основание года консульства и индикты. Сначала он окончил труд 518 г., но после расширил его до 534 г., а неизвестный автор продолжил его еще далее – до 548 г.¹ (Croke 2001). Лишь небольшое количество записей превышают пять-шесть строк, хотя как Идацию, так и Марцеллину удалось выразить свое собственное мнение по наиболее важным темам, в частности, относительно судьбы своей родины, в одном случае – Испании, в другом – Иллирики.

Две объемистые греческие всемирные хроники, сохранившиеся со времен поздней античности, охватывали каждая период от Адама и до времени написания. Первая была написана Иоанном Малалой в Антиохии, судя по охвату местных событий, хотя этот интерес уже не был столь выражен в первом ее продолжении, охватывавшем 527–532 гг.; следующее продолжение – до 565 г., судя по тому, что находится в центре внимания, безусловно, является константинопольским. Библейские события излагаются подробно, классическая мифология помещена в ряд исторических событий, тогда как классическая история освещена очень кратко. Повествование становится обширным лишь в V в., в частности,

¹ Другой анонимный Продолжатель имеется для 549–566 гг. (прим. ред.).

начиная с правления Зинона, которое Малала имел возможность живописать с натуры (ed. Thurn 2000; trans. Jeffreys 1986). Всемирная хронология имела для Малалы значение, поскольку одной из его авторских задач было опровергнуть предположение о том, что мир около 500 г. достиг шестого тысячелетия, но, что необычно для хроник, он не выстроил годичной структуры повествования: некоторые записи имели точные даты, однако основой организации римской части хроники служат императорские правления. Текст Малалы существовал, по меньшей мере, в трех различных версиях, и все они оказали существенное влияние на последующую хронографию (Jeffreys 1986, 1990). В начале VII в. Иоанн Антиохийский дополнил хронику Малалы важными сведениями из римской, в особенности, республиканской, истории; к сожалению, сохранились лишь фрагменты его труда. Около 630 г. в Константинополе была написана Пасхальная хроника. Она соединила Малалу с Библией и Евсевием, но повествование было подчинено хронологическим подсчетам и, поскольку точное вычисление времени имело величайшую важность, был описан каждый год, даже если он и не содержал значимых событий, но ознаменовался Олимпиадой, началом или концом правления, индикта, консульства (ed. Dindorf 1832; trans. Whitby and Whitby 1989).

С победой христианства историография получила новую точку отсчета. Особый жанр церковной истории был основан Евсевием Кесарийским, описавшим развитие Церкви от времен апостольских и до гонений Диоклетиана и основание имперского христианства Константином. Евсевий опирался на разнообразные тексты прошлого: деяния мучеников, акты Вселенских соборов, переписку епископов и прочие святоотеческие материалы (Barnes 1981). В отличие от продолжателей классической традиции, Евсевий не скрывал источников информации, но включал в повествование объемистые цитаты из них, учреждая таким образом особый подход, ставший отличительной чертой церковной историографии. Кроме того, он испытывал затруднения, повествуя о недавних событиях, поскольку его проарианские наклонности создавали сложности при детальном описании правления Константина, и это также создало прецедент.

История Евсевия была продолжена на Востоке Геласием, чья работа не сохранилась; латинский ее перевод с продолжением до кончины Феодосия (395 г.) был составлен Руфином. Дошедшие до нас греческие продолжения Евсевия были созданы при Феодосии II: Сократом – с новацианских позиций (van Nuffeln 2004), Феодоритом – в традиции антиохийского богословия, а также Созоменом схоластиком (Urbainczyk 1997a, 1997b). Каждый описывал триумф христианства над язычниками, в особенности над императором Юлианом, и борьбу за укоренение Никейской доктрины в период от Константина и до начала V в. Они почти полностью избегали упоминания об основном доктринальном противоречии своего времени – конфликте между Несторием и Кириллом Александрийским, вместо чего подчеркивали благочестие императора Феодосия, проявлявшееся в его светских достижениях. Споры сменявших друг друга Соборов, махинации уклонившихся в арианство епископов и императоров занимают в их трудах большое место, при этом деяния монахов и других святых заменены описаниями мученичеств из Евсевия. Арианская версия описания тех же событий была составлена Филосторгием, но полностью не сохранилась.

Развитие событий в несторианском споре было с разных сторон и под различными углами зрения описано в начале VI в. монофиситом Захарией из Митилены, чья работа сохранилась в сирийском переводе, а также Феодором Чтецом¹, чье повествование о Халкидоне пришлось по кусочкам собирать из отрывков и цитат более поздних авторов (Whitby 2003). Евагрий, адвокат, нанятый Патриархом Антиохии, является для нас основным продолжателем авторов эпохи Феодосия. Его повествование начинается с несторианского спора при Феодосии, особое внимание уделяет Халкидонскому собору и попыткам достичь доктринального компромисса в конце V в. Как и его предшественники, Евагрий в большей мере сосредоточился на светских событиях, к которым был причастен при жизни (Allen 1981; Whitby 2000).

Вторжения арабов в 630 г. ознаменовали начало более чем 150-летнего перерыва в греческой историографии. Из последующих источников можно заключить, что некоторые работы составлялись, но круг рассматриваемых в них вопросов и их происхождение спорны. Ясно то, что историография продолжала процветать в сирийском мире, где сохранялась традиция составления местных хроник, приписываемых преимущественно Эдессе и близлежащим монастырям (Congrad 1990). Эти тексты находились в диапазоне от кратких заметок в традиции Евсевиевой хроники до несколько более объемистых трудов, таких как хроники Псевдо-Иешуа, фактически – местная история Эдессы начала VI в. Сирийские писатели, к примеру, Псевдо-Дионисий Телль-Махрский («Хроника Зукнина») в конце VIII в. описал исламское завоевание своего края в форме провиденциалистского повествования о всемирной истории, доказывавшего, что имперская ересь влечет за собой наказание. Сирийская историография продолжала процветать благодаря гению Дионисия из Телль-Махры, реформировавшего традицию в начале IX в. Его труды дошли до нас благодаря Хроникам 1234 г. и Михаилу Сирийцу (Palmer 1993; Witkowski 1996).

Сирийская традиция, вероятно, способствовала возрождению греческой историографии, поскольку Георгий Синкелл, палестинский монах, привез в Константинополь в конце VIII в. перевод восточной хроники того времени. Георгий развернул грандиозный проект по хронографированию истории христианства, в рамках которого ему самому удалось выполнить первую часть, – опираясь на Юлия Африкана и Евсевия, довести повествование до Диоклетиана (ed. Mosshammer 1984; trans. Adler and Tuffin 2002). Но к 810 г. Георгий побуждает взять на себя этот труд монаха Феофана, снабдив его своим восточным источником и, возможно, многими другими сведениями, так что ответственность Феофана за создание «Хронографии» оспорима (ed. de Boor 1883–5; trans. Mango and Scott 1997). Каковы бы ни были ее недостатки в отдельных моментах и деталях, это было крупное достижение в плане сочетания детализированного хронологического светского и религиозного основания с отчетами о событиях в диапазоне от традиционных кратких заметок хроники до гораздо более пространств повествований об отдельных событиях. Приблизительно в то же время Патриарх Никифор продолжил историческое повествование Феофилак-

¹ Анагностом (прим. ред.).

та с момента его окончания в 602 г., хотя его стиль и подход весьма отличны от традиций подражания классикам, в которой произведение изначально написано (Mango 1990).

В течении более чем одного столетия после Феофана и Патриарха Никифора в направлении историографии не появилось почти ничего нового. Возрождением истории стал труд Константина VII Багрянородного (913–45/59 гг.), который поручил историку, наиболее известному как Генесий (ed. Lesmüller-Werner and Thurn 1978; trans. Kaldellis 1998), создание серии исторических повествований, условно именуемых Писатели после Феофана (*Scriptores post Theophanem*), или Продолжатель Феофана (*Theophanes Continuatus*) (ed. Bekker 1838) – для описания периода от 811–813 гг. (на этом месте в свое время остановился Феофан) и до времен императора Константина VII Багрянородного. Они отошли от формы анналов, которую предпочитали хронисты, в пользу биографического подхода, поместив в центр внимания кончины императоров. Константин намеревался создать историю, которая бы прославила Македонскую династию и доказала ее правомочность, отсюда внимание, уделяемое Василию I (867–866 гг.), основателю династии. Константин со свойственной ему проницательностью сознавал силу влияния истории. Еще одним его проектом была историческая энциклопедия, известная как *Excerpta*¹. Его целью было поставить опыт прошлого на службу императора. Для этого были извлечены и выстроены по тематике, согласно содержанию, отрывки из классических и ранневизантийских текстов. Получилось пятьдесят три отдельных тома, из числа которых том «О посольствах» сохранился полностью с большей частью трех других томов (Lemerle 1986). Константиновы исторические серии имели целью поставить штамп официальности на историю недавнего прошлого и должны были одержать идеологическую победу над прочими историческими повествованиями, к примеру, такими, какие были подписаны именем Симеона Логофета (ed. Bekker 1842) и имевшими хождение в то же самое время. Это должно было стать образцом написания истории в Византии: историография имела тенденцию к повышенной плодотворности в отдельные моменты, когда различные социальные группы пытались захватить контроль над стратегическими пунктами истории.

Историки по-прежнему с полным пониманием относились к идее преемственности в византийской истории и старались выстраивать свои исторические произведения либо как продолжение труда того или иного историка, либо как всемирную историю. Так, в середине XI в. принялся за свою «Хронографию» Михаил Пселл (ed. Renauld 1926–8; ed. Impellizeri 1993; trans. Sewter 1953). Она преподносилась как продолжение истории Льва Диакона (ed. Hase 1828; trans. Talbot and Sullivan 2005), охватывавшей период военной экспансии 959–976 гг. и кратко касавшейся смуты ранних лет правления Василия II. Значимость труда Льва Диакона в том, что он был попыткой возродить традицию написания современной истории в классическом стиле. Гораздо дальше в том же направлении пошел и Михаил Пселл. В его «Хронографии» рассмотрен период с 1043 по 1059 г., когда сам автор был близок к верхушке власти, приводятся некото-

¹ Дословно с латыни – «извлечения, выписки» (прим. ред.).

рые детали, но работа не окончена и последняя часть с 1067 по 1079 г. состоит лишь из набросков, требующих более основательной проработки. Автор придерживался биографического подхода. Его история состоит из серии словесных портретов знаменитых императоров, которых автор знал близко. Он весьма осторожно проводит различие между историей и евлогием (Chamberlain 1986). История, по его мнению, должна стремиться к истине. Он пытался уравновесить хорошие и плохие черты императорского правления и императорского характера – подход, придающий его истории обманчиво современное звучание. Более радикальным было его решение поместить себя самого в ее центр. В повествовании имеются пространные автобиографические пассажи, приводимые в доказательство его соответствия роли историка своего времени благодаря таким достоинствам как ум, образование и политический опыт (Macrides 1996). Это соответствовало занятой им позиции философа и арбитра своего времени (Anastasi 1969; Kaldellis 1999).

Его современник, историк Иоанн Скилица критиковал Пселла за непонимание основной функции историка, которая заключалась в документировании событий, а не в вынесении суждений о современниках. Скилица писал свою «Хронику», задуманную им как продолжение Феофановой (ed. Thurn 1973; trans. Flusin and Cheynet 2003). Она, по большей части, представляет собой аналитическую компиляцию, бесценную в отношении периода после 976 г. и превосходящую в этом своей полнотой любую другую источник. Последний раздел – о Константине Мономахе (1042–1055 гг.) содержит адаптированную биографию полководца Кекавмена Катакалона, что придает ему политический оттенок (Shepard 1992). Имеется и продолжение, доводящее хронику до 1079 г., которое, возможно, принадлежит, а возможно, и не принадлежит перу Иоанна Скилицы (ed. Tsolakes) и является переработкой «Истории» Михаила Атталиата, охватывавшей период с 1043 по 1079 гг. (ed. Pérez Martín 2002) с целью создать альтернативу «Хронографии» Пселла. Это объемистая и довольно прозаичная работа. В отличие от Пселла, Атталиат достаточно осторожен для того, чтобы не вводить себя слишком явно в канву повествования, хотя его положение в качестве военного судьи означало, что он присутствовал на большинстве ключевых встреч и участвовал в некоторых решающих военных кампаниях. Он присутствовал, к примеру, при судьбоносной битве у Манцикерта в 1071 г. и составил самый что ни на есть точный отчет о происшедшем. Пользуясь написанием своей истории, он превозносит в ней добродетели и права Романа Диогена (1068–1071 гг.) и Никифора Вотаниата (1078–1081 гг.), бывших его патронами. Он представлял группу полностью противоположную интересам той, к которой принадлежал Михаил Пселл (Kazhdan 1984; Cresci 1991).

Написание истории стало весьма распространенной привилегией высокообразованных гражданских служащих, видевших себя в качестве власть предержащих и продолжателей традиций государственности. Избыточность историографии в 1050–1080 гг. отражает ожесточенность политической борьбы того времени. Положению гражданских служащих в качестве арбитров политических процессов был брошен вызов со стороны аристократической группировки, приведшей к власти Алексея I Комнина (1081–1118 гг.). Политика стала семейной,

а историография, в свою очередь, – фамильной. Большая часть истории правления Алексея I была написана его дочерью Анной Комниной и ее мужем, кесарем Никифором Вриеннием через много лет после смерти императора. Кесарь после своей смерти в 1136 г. оставил неоконченными «Исторические записки» (*Hyle historias*), описывавшие возвышение Комнинов в течение десятилетия, последовавшего за поражением при Манцикерте¹ (ed. Gautier 1975). Ключевым моментом была свадьба Ирины Дукини и Алексея I Комнина, что создавало альянс между двумя аристократическими кланами. Анна Комнина продолжила труд своего мужа и использовала остальные собранные им материалы о правлении отца (ed. Leib 1937–76; ed. Reinsch and Kambylis 2001). Она окончила свою «Алексиаду» лишь ближе к концу жизни. Во многих отношениях это апология ее отца, чья жизнь и достижения идеализируются. В значительной мере те мероприятия и события, которые не подкрепляли его положительной репутации, остались за рамками повествования. С другой стороны, Анна Комнина имела доступ к превосходнейшей информации. Ее история отражает официальный взгляд Комнинов на реставрацию Империи. Как простанное прозаическое повествование, это один из шедевров средневековой историографии, возвращающее нас к наилучшим образцам классической истории с их мощью и глубиной стиля. Анна Комнина была в ссоре со своим братом Иоанном II Комниным (1118–1143 гг.) и попыталась предупредить его восшествие на престол. Это привело к тому, что его долгое правление она провела в изоляции. Она воспользовалась написанием истории, чтобы преподнести себя как «совесть» династии. Она, должно быть, осознавала также, что эффективность реализации властных полномочий требовала от правящей семьи интеллектуальных занятий как средства противодействия притязаниям со стороны интеллигенции, состоявшей на государственной службе (Buckler 1929; Chrysostomides 1982; Mullett and Smythe 1996; Gouma-Peterson 2000).

Все это сохранил и донес до нас Иоанн Зонара. Он служил Алексею Комнину, но удалился в монастырское уединение после смерти последнего в 1118 г. Он посвятил себя среди прочего составлению всемирной хроники. Лишь раздел, посвященный Алексею Комнину, является в ней оригинальным (ed. Büttner-Wobst 1897). Хотя и находясь под впечатлением личности царя, он критикует его стиль правления, который видится ему опасным нововведением, поскольку гражданскую государственную службу вынудили уступить первенство династическому царствованию. Это предупреждает нас о природе той оппозиции, с которой довелось столкнуться Комнинам (Magdalino 1993). Ближе к концу XII в. критическая оценка Зонарой Комнинов была подхвачена опальным государственным служащим Михаилом Гликой, также написавшим всемирную хронику, оканчивавшуюся 1118 г.² (ed. Bekker 1836).

Иоанн II Комнин не нашел среди современников историка своего правления, и оно было представлено как прелюдия к правлению его более блистательного сына Мануила I Комнина (1143–1180 гг.). Его биографом был Иоанн Киннам,

¹ «Записки» охватывают 1070–1079 гг. (прим. ред.).

² Михаил Глика жил и писал в правление василевса Мануила I Комнина (1143–1180 гг.), который подверг его ослеплению за высмеивание астрологических увлечений царя (прим. ред.).

бывший одним из его секретарей. Его история¹ резко обрывается на 1175–1176 гг. (ed. Meineke 1836; trans. Brand 1976) и не включает поражение Мануила в битве с турками-сельджуками при Мириокефале в 1176 г. Не понятно, было ли это потому, что Киннам не смог закончить свою «Историю», или же потому, что в единственной сохранившейся рукописи отсутствуют последние страницы. Киннам был близок к Мануилу Комнину и хорошо информирован. Его история написана с целью прославления императора. Это контрастирует с более акцентированным на критику отчетом о правлении, написанным позднее Никитой Хониатом. Недавно была оспорена попытка утверждать, что Киннам представил более точное повествование о правлении Мануила Комнина (Magdalino 1993). На самом деле, мы просто имеем две различные перспективы. До 1176 г. Мануил более чем преуспевал и вполне оправдывал восторги и рукоплескания Иоанна Киннама, который, весьма вероятно, начинал свою биографию в те времена, когда император преодолевал все препятствия на своем пути. Никита Хониат писал при других обстоятельствах, когда само существование Византийской империи было поставлено под сомнение, что вынуждало его более критично оценивать наследие Мануила.

История Никиты Хониата охватывает период с момента смерти Алексея I до последствий завоевания Константинополя крестоносцами в 1204 г. (ed. van Dieten 1975; trans. Magoulias 1984). После обучения в Константинополе он начинает службу в период смерти Мануила Комнина. Никита был правителем провинции Фракия во время проведения Третьего Крестового похода в 1189 г. с участием германского императора Фридриха Барбароссы (1152–1190 гг.). Потом он вернулся в Константинополь, где стал великим логофетом, или главой гражданской службы. Он был исключительно хорошо информирован о событиях своего времени. Несмотря на провинциальное происхождение, Никита был также тесно связан и близок к сети семейств, чьи представители находились на государственной службе, возобновившей к концу XII в. свое господство в общественной жизни Византии. Подобно Михаилу Пселлу и Иоанну Зонаре, он использовал историографию как способ демонстрации морального и политического превосходства чиновной элиты. Решая еще более серьезную задачу, Никита пытается понять причины поражения и окончательного ниспровержения Византийской империи. Он работает в традиционных рамках византийской политической истории, в центре которой традиционно находятся личности императоров, но в весьма изощренной и запутанной манере. Он способен противопоставить промахи и поражения императоров отваге и способностям, проявляемым лидерами Запада. Хотя и оплакивая поражение Византии, он тем не менее анализирует ее слабости перед лицом завоевателей-латинян. Он совершил своеобразный *tour de force*² исторического исследования. Его работа получила высокую оценку и дошла до нас не только в нескольких современных и близких к современности рукописях, но также и в народной версии, предназначенной широкому читателю (Kazhdan 1984; Harris 2000).

¹ «Эпитама царствования блаженной памяти василевса и порфирородного государя Иоанна Комнина, а также рассказ о деяниях сына его василевса и порфирородного государя Мануила Комнина»; охватывает 1118–1176 гг. (прим. ред.).

² Подвиг (фр.) – прим. переводчика.

Написание истории подошло к концу в период «отечества в изгнании». Оно возобновилось после восстановления имперского правления в Константинополе в 1261 г., когда еще один великий логофет, Георгий Акрополит написал историю, охватывающую период с 1204 по 1261 гг. (ed. Heisenberg and Wirth 1978; trans. Macrides 2007). Ее назначение заключалось не только в обосновании восстановления императорского престола в Константинополе, но также и в оправдании узурпации этого престола императором Михаилом Палеологом. Георгий Акрополит относительно хорошо информирован начиная с 1230-х гг., когда он подростком отправился в Никею ко двору заканчивать там свое образование. Его история ясна и кратка, но далеко не беспристрастна. Она создала основу для анонимной всемирной хроники, прослеживающей византийскую историю вплоть до 1261 г. (ed. Sathas 1894). Ее автор теперь уже окончательно идентифицирован как Феодор Скутариот, епископ Кизика при Михаиле Палеологе (Tocci 2005). Он сделал важные дополнения к работе Акрополита, в том числе о Патриархе Арсении Авториане, к кругу которого он принадлежал, и внес коррективы в «партизанский» метод Акрополита.

Ученик Георгия Акрополита, Георгий Пахимер с успехом продолжал историю своего учителя до момента собственной смерти, последовавшей приблизительно в 1308 г. (ed. Failler 1984–99). Он не разделял восторгов своего учителя в отношении Михаила VIII Палеолога. К тому времени, когда он взялся за написание, стало уже ясно, что надеждам, появившимся с возрождением Константинополя в 1261 г., не суждено было сбыться. Византийская зловещая граница в Анатолии уже прорвалась под давлением турок. Он мог лишь провести контраст с гораздо более благоприятной ситуацией, существовавшей, когда он рос во времена правления Никейских императоров. Он порицал Михаила Палеолога за пренебрежение к ситуации на этой границе в пользу европейских провинций и лишение пограничников их привилегий, в результате чего те вступили в сговор с турками. Он также порицал императора за испорченные отношения с рядом Патриархов. Особенно неблагоприятной была его униатская политика. Он оставил своему сыну и наследнику Андронику (1282–1328 гг.) тяжелое наследство. Георгий Пахимер провел впечатляющий анализ слабостей Византийской империи. В отличие от большинства предшествовавших ему историков, он был не чиновником или монахом, а служителем Патриаршей церкви. Его верность Патриаршей церкви окрашивает большую часть его истории, но он с такой же легкостью критиковал Патриархов, как и императоров. Его историю отличает большое величие и размах знаменитых историков XII столетия.

Никифор Григора написал масштабную историю в тридцати семи книгах, охватывавшую период с 1204 г. и до момента его смерти, последовавшей приблизительно в 1359 г. (ed. Schopen and Bekker 1829–55). Она никогда как следует не редактировалась, и есть все предпосылки к тому, что автор к моменту своей смерти все еще продолжал работу над ней. Хотя он никогда не занимал государственных постов, с самого раннего возраста он был близок к центральной власти. Его вполне заслуженная репутация ученого оказывала существенное влияние. К примеру, он был душеприказчиком литературного наследия великого логофета Феодора Метохита, бывшего первым министром Андроника II с 1305

по 1328 гг. Он также в течении некоторого времени был доверенным лицом василевса Иоанна Кантакузина (1341/47–1354 гг.). Он занимал выгодное положение, позволявшее знать все о происходящем, и был достаточно объективен, чтобы составить уравновешенный отчет о своем времени.

Никифор Григора в силу необходимости послужил арбитром истинности «Истории» императора Иоанна Кантакузина, бывшего некогда ему другом (ed. Schopen 1828–32). Последняя была написана в форме мемуаров, предназначенных для оправдания его центральной и во многом нелицеприятной роли в истории Византийской империи с 1320 по 1356 г. Зачастую лживые и написанные на потребу дня, его воспоминания тем не менее освещают критический период византийской истории. После своего отречения в 1354 г. эксимператор продолжал оказывать существенное влияние вплоть до своей смерти в 1383 г. Он беззастенчиво использовал историю для собственной апологии (Kazhdan 1980; Nicol 1996).

Иоанн Кантакузин оставил Византийскую империю в крайне плачевном состоянии. Почти счастьем было уже то, что она шаталась и не рушилась вплоть до середины XV в. Падение Константинополя под натиском осман в 1453 г. вызвало последний подъем византийской историографии. Георгий Сфрандзи, Дука, Михаил Критовул и Лаоник Халкокондил все старались с весьма разных сторон придти к согласию, но с горьким концом. Георгий Сфрандзи занял наиболее сочувствующую позицию. Его трактовка событий вышла в форме мемуаров (ed. Maisano 1990; trans. Philippides 1980). Он находился на службе у Мануила II Палеолога (1391–1425 гг.) и честно служил его сыновьям. Он представлял традиционную мудрость правящего класса. Не выказывая желания ни покоряться туркам, ни принимать унию Церквей, Георгий Сфрандзи верил, что независимость Византии требовала умелого уравнивания воздействия сторон, возможность которого фатальным образом дискредитировала Флорентийская уния (1439 г.). Он пережил последнюю осаду и был захвачен в плен турками, освобожден¹ и окончил свои дни на острове Корфу. Иная точка зрения сформулирована Дукой (ed. Grecu; trans. Magoulas 1975). Он происходил из знаменитой византийской фамилии, несшей службу у генуэзцев, и был пламенным униатом, обвинявшим в падении Византии ее население, среди которого дело унии не имело успеха. Михаил Критовул, со своей стороны, очень быстро приспособился к османскому завоеванию и был поставлен Мехмедом II на должность губернатора острова Имврос. Он писал не столько историю падения Константинополя, сколько жизнеописание Мехмеда Завоевателя (1451–1481 гг.) (ed. Reinsch 1983; trans. Riggs 1954), которого изображал законным преемником византийских императоров. Он верил в то, что падение города было к лучшему и что греки будут процветать под властью турок. Критовул был представителем большинства греков, примкнувших к завоевателям. Последним историком падения Константинополя стал афинянин Халкокондил, ученик платониста Георгия Гемиста Плифона. Его история датируется 1480 г. и, следовательно, представляет собой последний отблеск византийской историографии (ed. Darkó 1922–3; trans. Nicoloudis 1996). Строя повествование в духе Геродота, он рассматривал борьбу между византий-

¹ Выкупил себя из плена (прим. ред.).

цами и османами как последний раунд противостояния греков и персов: его история повествует о возвышении османского государства до положения империи за счет Византии (Harris 2003). Этот последний эпизод византийской истории доказывает, что ее историографическая традиция сохранила свою красоту и мощь. Все четыре истории падения Константинополя выдержаны в очень высоких творческих стандартах, унаследованных от классического прошлого. Уроки Менандра Ритора¹ эхом отзывались в плаче Дуки над захваченным Константинополем.

Византийские историки-подражатели классике создавали выдающиеся произведения византийской литературы. Они выражали то чувство преемственности, которое стало основой византийского восприятия идентичности. Но их работа не составляет полного объема византийской историографии. Выдерживать стандарты классической историографии означает придерживаться языковых форм аттического греческого языка, что было доступно лишь малой горсти интеллигенции. Гораздо более широкий круг читателей был у всемирных историй, кратко излагавших содержание соответствующих разделов историй, написанных в стиле подражания классике, которые (в частности, «Алексиада» и «История» Никиты Хониата) имели также и вернакулярные версии. Самые элементарные сведения содержались в Малых хрониках — записях, вкратце резюмирующих важнейшие события (ed. Schreiner 1977–9). Бывало, что их расширяли, получая более содержательные местные (региональные) хроники, наподобие так называемой «Монемвасийской хроники» (ed. Kalligas 1990). Еще одно местное повествование включает стихотворные «Морейские хроники» (ed. Schmitt 1904), описывающие завоевание Пелопоннеса накануне Четвертого Крестового похода². Создавались также и повествования об отдельных событиях, таких как ярчайший отчет о взятии Фессалоники норманнами в 1185 г., написанный архиепископом Фессалоникским Евстафием (ed. Kyriakides 1961; trans. Melville Jones 1988). Исключительный случай: свое повествование он предварил заметками об искусстве написания истории. Евстафий Фессалоникский провел четкое разделение между историками и очевидцами, доказывая преимущество последних (Melville Jones 1988). На деле разница не была столь явной. Лучшие историки были очевидцами большей части того, что они включали в свои истории. Именно незамедлительность исторического репортажа очевидца придает ему глубину и достоверность, но, с другой стороны, именно способность очевидцев переплетать в трактовке событий реальность и собственный опыт придает византийской историографии ее неповторимый характер (Macrides 1996).

ЛИТЕРАТУРА

- ADLER, W., and TUFFIN, P. (trans.) 2002. *The Chronography of George Synkellos* (Oxford).
ALLEN, P. 1981. *Evagrius Scholasticus the Church Historian* (Louvain).

¹ Менандра Протиктора (прим. ред.).

² См.: Глава III. 18. 7. Поэзия и романы (прим. ред.).

- ANASTASI, R. 1969. *Studi sulla Chronographia di Michele Psello* (Catania).
- BARNES, T. D. 1981. *Constantine and Eusebius* (Cambridge, Mass.).
- 1998. *Ammianus and the Representation of Historical Reality* (Ithaca).
- BEKKER, I. (ed.) 1836. *Michaelis Glycae Annales* (Bonn).
- (ed.) 1838. *Theophanes Continuatus* (Bonn).
- (ed.) 1842. *Leonis Grammatici Chronographia* (Bonn) (= Symeon Logothete).
- BIRD, H. W. 1984. *Sextus Aurelius Victor: A Historiographical Study* (Liverpool).
- 1993. *Eutropius Breviarium* (Liverpool).
- BLOCKLEY, R. C. (ed. and trans.) 1983. *The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire II* (Liverpool).
- (ed. and trans.) 1985. *The History of Menander the Guardsman* (Liverpool).
- BOOR, C. DE (ed.) 1883–5. *Theophanis Chronographia*, 2 vols. (Leipzig).
- and WIRTH, P. (eds.) 1972. *Theophylacti Simocattae Historiae* (Stuttgart).
- BRAND, C. (trans.) 1976. *Deeds of John and Manuel Comnenus* (New York).
- BUCKLER, G. 1929. *Anna Comnena* (Oxford).
- BURGESS, R. W. 1993. *The Chronicle of Hydatius and the Consularia Constantinopolitana: Two Contemporary Accounts of the Final Years of the Roman Empire* (Oxford).
- 1999. *Studies in Eusebian and Post-Eusebian Chronology* (Stuttgart).
- BÜTTNER-WOBST, T. (ed.) 1897. *Ioannis Zonarae Annales*, 3 vols. (Bonn).
- CAMERON, A. D. E., and CAMERON, A. M. 1964. 'Christianity and tradition in the historiography of the Later Roman Empire', *CQ* 14: 316–28.
- CAMERON, A. M. 1970. *Agathias* (Oxford).
- 1985. *Procopius* (London).
- CHAMBERLAIN, C. 1986. 'The theory and practice of imperial panegyric in Michael Psellus', *Byzantion* 56: 16–27.
- CHRYSOSTOMIDES, J. 1982. 'A Byzantine historian: Anna Comnena', in D. O. Morgan (ed.), *Medieval Historical Writing in the Christian and Islamic Worlds* (London): 30–46.
- CONRAD, L. I. 1990. 'Theophanes and the Arabic historiographical tradition: some indications of intercultural transmission', *BF* 15: 1–44.
- CRESCHI, L. R. 1991. 'Cadenze narrative e interpretazione critica nell'opera storica di Michele Attaliatē', *REB* 49: 197–218.
- CROKE, B. 2001. *Count Marcellinus and his Chronicle* (Oxford).
- DARKÓ, E. (ed.) 1922–3. *Laonici Chalcocondylae Historiarum Demonstrationes*, 2 vols. (Bucharest).
- DEWING, H. B. (trans.) 1914–54. *Procopius*, 6 vols. (London).
- DINDORF, L. (ed.) 1832. *Chronicon Paschale*, 2 vols. (Bonn).
- FAILLER, A. (ed. and trans.) 1984–99. *Georges Pachymérès, Relations historiques*, 4 vols. (Paris).
- FLUSIN, B., and CHEYNET, J.-C. (trans.) 2003. *Jean Skylitzes, Empereurs de Constantinople* (Paris).
- FREND, J. D. (trans.) 1975. *Agathias: The Histories* (Berlin).
- GAUTIER, P. (ed.) 1975. *Nicéphore Bryennios, Histoire* (Brussels).
- GOUMA-PETERSON, T. (ed.) 2000. *Anna Komnene and her Times* (New York–London).
- GRECU, V. (ed.) 1958. *Ducas, Istoria Turco-Bizantina* (Bucharest).
- HARRIS, J. 2000. 'Distortion, divine providence and genre in Nicetas Choniates' account of the collapse of Byzantium, 1180–1204', *Journal of Medieval History* 26: 19–31.

- . 2003. 'Laonikos Chalkokondyles and the rise of the Ottoman Turks', *BMGS* 27: 153–70.
- HASE, C. B. (ed.) 1828. *Leo Diaconi Historiae libri X* (Bonn).
- HAURY, J. (ed.) 1905–13. *Procopii Caesariensis opera omnia*, 3 vols. (Leipzig).
- HEISENBERG, A., and Wirth, P. (eds.) 1978. *Georgii Acropolitae opera*, 2 vols. (Stuttgart).
- IMPELLIZERI, S., and others (eds. and trans.) 1993. *Michele Psello, Imperatori di Bisanzio: cronografia*, 2 vols. (Milan, 2nd edn.).
- JEFFREYS E., JEFFREYS M., and SCOTT, R. (trans.) 1986. *John Malalas: The Chronicle* (Melbourne).
- with CROKE, B., and SCOTT, R. 1990. *Studies in John Malalas* (Sydney).
- JENKINS, R. J. H. 1954. 'The classical background to the Scriptores post Theophanem', *DOP* 8: 11–30.
- KALDELLIS, A. (trans.) 1998. *Genesios, On the Reigns of the Emperors* (Canberra).
- . 1999. *The Argument of Psellos' Chronographia* (Leiden).
- . 2004. *Procopius of Caesarea: Tyranny, History and Philosophy at the End of Antiquity* (Philadelphia).
- KALLIGAS, H. 1990. *Byzantine Monemvasia: The Sources* (Monemvasia).
- KAZHDAN, A. 1980. 'L' Histoire de Cantacuzene en tant qu' oeuvre littéraire', *Byzantion* 50: 274–335.
- and FRANKLIN, S. 1984. *Studies on Byzantine Literature of the Eleventh and Twelfth Centuries* (Cambridge–Paris).
- KEYDELL, R. (ed.) 1967. *Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque* (Berlin).
- KYRIAKIDES, S. (ed.) 1961. *Eustazio de Tessalonica, La Espugnazione di Tessalonica* (Palermo).
- LEIB, B. (ed.) 1937–76. *Anna Comnène, Alexiade*, 4 vols. (Paris).
- LEMERLE, P. 1986. *Byzantine Humanism: The First Phase*, trans. A. Moffat and H. Lindsay (Canberra).
- LESMÜLLER-WERNER, A., and THURN, H. (eds.) 1978. *Genesii Regum libri quattuor* (Berlin–New York).
- MACRIDES, R. 1996. 'The historian in the history', in C. Constantinides and others (eds.), *ΦΙΛΑΕΛΛΗΝ. Studies in Honour of Robert Browning* (Venice): 205–24.
- . (trans.) 2007. *George Akropolites: The History* (Oxford).
- MAGDALINO, P. 1993. *The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180* (Cambridge).
- MAGOULIAS, H. J. (trans.) 1975. *Doukas, Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks* (Detroit).
- . (trans.) 1984. *O City of Byzantium, Annals of Niketas Choniates* (Detroit).
- MAISANO, R. (ed.) 1990. *Giorgio Sfranze, Cronaca* (Rome).
- MANGO, C. 1990. *Nikephoros Patriarch of Constantinople, Short History* (Washington, DC).
- and SCOTT, R. (trans.) 1997. *The Chronicle of Theophanes Confessor* (Oxford).
- MARASCO, G. (ed.) 2003. *Greek and Latin Historiography in Late Antiquity* (Leiden).
- MATTHEWS, J. F. 1989. *The Roman Empire of Ammianus Marcellinus* (London).
- MEINEKE, A. (ed.) 1836. *Ioannis Cinnami Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum* (Bonn).
- MELVILLE JONES, J. R. (trans.) 1988. *Eustathios of Thessaloniki: The Capture of Thessaloniki* (Canberra).

- MOSSHAMMER, A. 1979. *The Chronicle of Eusebius and the Greek Chronographic Tradition* (Lewisburg).
- (ed.) 1984. *Ecloga chronographica* (Leipzig).
- MUHLBERGER, S. 1990. *The Fifth-Century Chroniclers: Prosper, Hydatius, and the Gallic Chronicler of 452* (Leeds).
- MULLETT, M., and SMYTHE, D. (eds.) 1996. *Alexios I Komnenos* (Belfast).
- NICOL, D. M. 1996. *The Reluctant Emperor: A Biography of John Cantacuzene, Byzantine Emperor and Monk, c. 1295–1383* (Cambridge).
- NICOLOUDIS, N. (trans.) 1996. *Laonikos Chalkokondyles: A Translation and Commentary of the Demonstrations of Histories (Books 1–3)* (Athens).
- PALMER, A. 1993. *The Seventh Century in the West-Syrian Chronicles* (Liverpool).
- PASCHOUD, F. (ed.) 1971–89. *Zosime, Histoire nouvelle*, 3 vols. (Paris).
- PÉREZ MARTÍN, I. (ed.) 2002. *Miguel Attaleiates, Historia* (Madrid).
- PHILIPPIDES, M. (trans.) 1980. *The Fall of the Byzantine Empire: A Chronicle by George Sphrantzes, 1401–1477* (Amherst).
- REINSCH, D.-R. (ed.) 1983. *Critobuli Imbriotae historiae* (Berlin–New York).
- and KAMBYLIS, A. (eds.) 2001. *Anna Komnene, Alexias* (Berlin–New York).
- RENAULD, E. (ed.) 1926–8. *Michel Psellos, Chronographie*, 2 vols. (Paris).
- RIDLEY, R. T. (trans.) 1982. *Zosimus, New History* (Canberra).
- RIGGS, C. T. (trans.) 1954. *History of Mehmed the Conqueror by Hermodorus Michael Kritobulos* (Princeton).
- SATHAS, C. 1894. *Mesaionike bibliotheke*, vol. 7 (Venice).
- SCHMITT, J. (ed.) 1904. *The Chronicle of the Morea* (London).
- SCHOPEN, L. (ed.) 1828–32. *Ioannis Historiarum libri quattuor*, 3 vols. (Bonn).
- and BEKKER, I. (ed.) 1829–55. *Nicephori Gregorae Byzantina Historia*, 3 vols. (Bonn).
- SCHREINER, P. 1977–9. *Die byzantinischen Kleinchroniken*, 3 vols. (Vienna).
- SEWTER, E. R. A. (trans.) 1953. *Fourteen Byzantine Rulers: The Chronographia of Michael Psellus* (London).
- SHEPARD, J. 1992. 'A suspected source of Scylitzes' Synopsis Historiarum: the great Catacalon Cecaumenus', *BMGS* 16: 171–81.
- TALBOT, A.-M., and SULLIVAN, D. (trans.) 2005. *The History of Leo the Deacon* (Washington, DC).
- THURN, H. (ed.) 1973. *Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum* (Berlin–New York).
- THURN, J. (ed.) 2000. *Ioannis Malalae Chronographia* (Berlin–New York).
- TOCCI, R. 2005. 'Zu Genese und Kompositionsvorgang der Σύνοψις χρονική des Theodoros Skutariotes', *BZ* 98: 551–68.
- TSOLAKES, E. T. (ed.) 1968. *He Synecheia tes Chronographias tou Ioannou Skylitse* (Thessalonike).
- URBAINCZYK, T. 1997a. 'Observations on the differences between the Church Histories of Socrates and Sozomen', *Historia* 46: 355–73.
- 1997b. *Socrates of Constantinople* (Ann Arbor).
- VAN DIETEN, J. L. (ed.) 1975. *Nicetae Choniatae Historia*, 2 vols. (Berlin–New York).
- VAN GINKEL, J. J. 1995. 'John of Ephesus, a Monophysite Historian in Sixth-Century Byzantium' (D. Litt. diss.; Groningen).

- VAN NUFFELN, P. 2004. *Un héritage de paix et de piété. Étude sur les histoires ecclésiastiques de Socrates et de Sozomène* (Leuven).
- WHITBY, L. M. 1988. *The Emperor Maurice and his Historian: Theophylact Simocatta on Balkan and Persian Warfare* (Oxford).
- 1992. 'Greek historical writing after Procopius: variety and vitality', in A. M. Cameron and L. Conrad (eds.), *The Byzantine and Early Islamic Near East, I: Problems in the Literary Source Material* (Princeton): 25–80.
- 2000. *The Ecclesiastical History of Evagrius Scholasticus: An English Translation with Introduction and Notes* (Liverpool).
- 2003. 'The Church Historians and Chalcedon', in Marasco 2003: 447–93.
- 2007. 'Religious views of Procopius and Agathias', in D. Brodka (ed.), *Electrum* (Krakow): 73–93.
- and WHITBY, J. M. 1986. *The History of Theophylact Simocatta: An English Translation with Introduction and Notes* (Oxford).
- 1989. *Chronicon Paschale 284–628 AD* (Liverpool).
- WITAKOWSKI, W. 1996. *Pseudo-Dionysius of Tel-Mahre: Chronicle III* (Liverpool).

Углубленное чтение

Подробно об изданиях и библиографии (до 1977 г.) можно узнать:

- H. Hunger, *Die hochsprachlicher profane Literatur der Byzantiner*, 2 vols. (Munich, 1978).
- В дополнение к вышеприведенным работам полезны также следующие работы:
- BRUBAKER L., and HALDON J. 2001. *Byzantium in the Iconoclast Period (ca. 680–850). The Sources: An Annotated Survey* (Aldershot): ch. 12: 'Historiography and chronography'.
- CAMERON, A. M., and CONRAD, L. (eds.) 1992. *The Byzantine and Early Islamic Near East, I: Problems in the Literary Source Material* (Princeton).
- CROKE, B., and EMMET, A. 1983. *History and Historians in Late Antiquity* (Sydney).
- ROHRBACHER, D. 2002. *The Historians of Late Antiquity* (London).

Глава III.18.3 БОГОСЛОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Эндрю Лаут

Понятие богословской литературы вобрало в себя практически все литературные жанры, большей части которых в данном издании посвящены отдельные главы, а также породило жанры, присущие исключительно теологии, включая два важных жанра – агиографию и проповедь, которые также представлены отдельно (см.: III. 18. 4. 5). Есть также жанры, развившиеся из характерных для богословия литературных форм. К примеру, хроника и церковная история, которые обе можно рассматривать как результат развития апологии или защиты христианства от греко-римского язычества (а также, в меньшей степени, иудаизма), – жанр, который сам по себе едва ли дожил до IV в. и византийского периода, хотя вместе они составляют особую форму историографии (см.: III. 18. 2). Подобно апологии, хроника имела целью повествование о древних временах, а следовательно, об истинном христианстве; аподиктическая цель¹, в данном случае, состоит в наглядности, насколько это вообще возможно средствами церковной истории, то есть создание литературного источника даже в ущерб созданию исторического повествования. И хроника, и церковная история, похоже, являются изобретением Евсевия Кесарийского (ок. 260–340 гг.), чье «Доказательство апостольского учения»² представляет по своему охвату и эрудиции апогей аподиктического жанра (Attridge and Nata 1992: sect. v).

Основой всей богословской литературы является Священное Писание, под которым для византийцев подразумевалась греческая версия Ветхого Завета (Септуагинта) и греческий Новый Завет, понимаемый как наивысшее свидетельство Божьего Домостроительства (или *oikonomia*), проявившегося в истории Израиля как избранного Богом от начала народа и достигшего кульминации в жизни, смерти, воскресении Иисуса, признанного Христом или Мессией, и далее в миссии святой апостольской Церкви. Священное Писание составля-

¹ Цель доказательства путем демонстрации (*прим. переводчика*).

² Англ.: «Proof of the apostolic teaching» – возможно, не совсем удачный перевод на английский язык названия сочинения «Demonstratio evangelista», в русском пер.: «Доказательство Евангелия» (*прим. переводчика*).

ло основной краеугольный камень Православия, а также содержало в себе все богатство метафизической и моральной доктрины, равно как и сокровищницу образов – основу богословской мысли Византии. Первоначально богословское размышление принимает, таким образом, форму комментария к Священному Писанию. Основание всего греческого комментария к Писанию было положено Оригеном Александрийским (ок. 185–254 гг.), составлявшим и комментарии в ключе научного анализа библейского текста, и проповеди, увещевания, адресованные христианским общинам, основанные на литургическом прочтении Св. Писания, которые все вместе покрывали большинство книг Библии. Он также сверял Гекзаплы (Hexapla), обширное пособие к изучению Библии из шести разделов, содержащее еврейский текст и греческие тексты Септуагинты с несколькими более ранними переводами: версия Септуагинты, получившая распространение в византийской Церкви, содержала отрывки, не совпадавшие с оригиналом Септуагинты, основанном на Гекзаплах. И хотя до наших дней сохранилось лишь очень небольшое количество произведений Оригена из-за того, что он не раз осуждался Церковью за доктринальные ошибки, влияние его библейских исследований изгладить так и не удалось. Использование им аллегории как способа выявления гармонии в основе многих различных книг Библии также ставит его в один ряд с лучшими истолкователями Св. Писания в Византии, несмотря на критику некоторых умозаключений, которые Ориген вывел на основе анализа библейского текста аллегорическим методом (Young 1997; Dawson 2002).

В IV–VI вв. в подавляющем большинстве случаев размышление над текстом Св. Писания принимало форму проповеди, в частности, серий проповедей, составляющих продолжительный комментарий на Писание. Намного опережая все прочие, самыми знаменитыми и популярными из них были проповеди Св. Иоанна Златоуста (ок. 347–407 гг.), проповедника, пользовавшегося громкой славой в византийской Церкви, в особенности благодаря своим толкованиям на Книгу Бытия, Псалтирь, Евангелия от Матфея и Иоанна и послания апостола Павла (PG 53–4, 55, 57–8, 59; Field 1845–62). Традиция комментария, иногда в форме вопросов к определенным отрывкам, была продолжена Феодоритом Киррским. Такого рода не опосредованный комментарий к Писанию просуществовал недолго. Уже к VI в. не опосредованный комментарий заменила компиляция отрывков из более ранних комментариев. Такие компиляции стали известны как «цепи» или катены (*catenae*). Первым составителем таких катен являлся, вероятно, Прокопий из Газы (ок. 475–538 гг.). Позднейшие византийские комментарии, отличные от катен, как то комментарии Евфимия Зигабена или Феофилакта Охридского (оба относятся к началу XII в.), либо заимствованы у более ранних толкователей, либо сильно зависят от них (Devreesse 1959, 1970).

Этот переход от прямого толкования Св. Писания к объединению более ранних комментариев связан с изменением в том, что можно было бы назвать богословским стилем, – изменением, которое стало определяющим для всего византийского богословия за исключением наиболее раннего. Причина этой перемены кроется в появлении Св. Отцов и как явления, и как понятия. Халкидонский Вселенский собор (451 г.) предварил свое знаменитое христологическое определе-

ние словами: «Последующе божественным отцам...». Начиная с V в. значимость традиции в богословии, которую можно проследить и в самом Новом Завете (ср.: 2 Фесс. 2: 15; 1 Тим. 6: 20; Иуде 3), стала выражаться как доверие к истолкованию апостольского учения Отцами Церкви (Florevsky 1972: 73–120). Одним из проявлений этого уважения к святоотеческой традиции являются катены святоотеческих толкований на те или иные главы Св. Писания. Параллельно с ними в сфере доктрины получили распространение флорилегии (*florilegia*), возникшие в начале V в. собрания или «антологии» высказываний Св. Отцов по противоречивым вопросам богословия, особенно в отношении христологической доктрины. Начиная с VI в. и далее доктринальные формулировки выражаются, насколько это возможно, словами (дословными цитатами) наиболее почитаемых Отцов Церкви (Grillmeier 1987: 51–78). Вероятно, наиболее значимое собрание основ православного богословского учения – «О православной вере»¹ Св. Иоанна Дамаскина (ок. 670–750 гг.) фактически является флорилегиумом. Как выше отмечалось, «святоотеческое богословие, можно сказать, стремилось к состоянию флорилегиума, а его последний представитель Св. Иоанн Дамаскин, чья работа *De Fide Orthodoxa* является мозаикой из цитат, наконец достиг этой цели» (Lionel Wickham in Laga, Munitiz, and van Rompay 1985: 117). Еще одно проявление такого рода уважения к святоотеческому авторитету следует усматривать в жанре зачастую пространных обсуждений сложных мест в писаниях Отцов. Это наиболее бросается в глаза в случае Св. Григория Назианзина (329/330–389/390 гг.), одного из Каппадокийских Отцов, прозванного попросту «Богословом»: существует множество собраний комментариев на затруднительные обороты его эlegantных проповедей, но наибольшую известность приобрели две серии *ambigua* (сложностей или апорий (*aporiai*) Св. Максима Исповедника (ок. 580–662 гг.), ряд которых направлены на опровержение сомнительных «оригенистских» толкований Св. Григория, который сам являлся почитателем Оригена, хотя тот же самый жанр находим и в «Амфилохиях» Фотия (ок. 810–895 гг.), и в богословском произведении Михаила Пселла (ок. 1019–1078 гг.).

Значительная часть богословской литературы была направлена против тех, кто подвергал сомнению христианское Православие. Как уже отмечалось, ранняя апологетическая литература почти не дошла до наших дней, за исключением «Врачевания эллинских недугов» Феодорита, вероятно, в первую очередь предназначенного для провозглашения и популяризации его учения (во многом замаскированного). Впрочем, судя по содержанию постановлений церковных Соборов, мы встречаем интерес к языческим обрядам (предположительно и среди христиан). Христианские авторы продолжают, хотя несколько беспорядочно, полемизировать с евреями: на рубеже IV в. вслед за Златоустом и Кириллом Александрийским (ок. 375–444 гг.) (в особенности знаменательны проповеди Златоуста 386 г.), а также в полемических произведениях VII–VIII вв. (Wilken 1971, 1983; Cameron 1996). Похоже, в этот поздний период был заключен настоящий союз с евреями в отношении религиозной истины, по контрасту с более ранней полемикой, вызванной, скорее, тревогой по поводу вовлечения христиан

¹ «Точное изложение православной веры» (прим. переводчика).

в иудейскую религиозную практику. Еще одним объектом полемики стало манихейство (Lieu 1988: 168–77). Оно представляло серьезную угрозу христианству в IV–V вв, хотя гонения при императоре Юстиниане (527–565 гг.), вероятно, очистили византийское государство от манихеев. Работы, содержащие нападки на манихеев, продолжают писаться на протяжении всего византийского периода либо как литературные упражнения, либо как протест против дуализма, продолжающего угрожать христианству в Византии.

Однако большинство полемических богословских трудов было направлено в адрес тех, кто придерживался искаженного понимания христианства. В ранне-византийский период речь шла по большей части о девиантных формах¹ христологии: с точки зрения имперского христианства, искаженного понимания придерживались все не принявшие постановления Эфесского собора (431 г.), то есть так называемые несториане, а также все, отвергавшие постановления Халкидонского собора, то есть так называемые еutihiane, или монофиситы, а потом и все те, кто примкнул к инициированному императором компромиссу VII в., позднее осужденному на III Константинопольском соборе (680–681 гг.), то есть моноэнергисты и монофелиты. Полемические трактаты писались, конечно, и теми, кто разделял эти еретические взгляды, где, в свою очередь, Православие было представлено как «монофиситство» или «несторианство», но таких работ сохранилось очень мало. Наряду с христологическими ересями в VI в. возник спор о доктрине Св. Троицы с так называемыми трибожниками, – по большей части среди монофиситов (Grillmeier 1996: 131–8; Ebied and others 1981: 20–33).

VIII–IX вв. стали свидетелями иконоборских споров, сопровождавшихся написанием полемических трактатов обеими сторонами, однако до наших дней дошли только православные трактаты, направленные против иконоборцев, в числе которых труды Иоанна Дамаскина (Kotter 1975), Феодора Студита (759–826 гг.) (PG 99) и Никифора (758–828 гг.)² (PG 100; Featherstone 1997). Начиная с IX в. и далее основным предметом полемики становятся заблуждения латинян: литургические (в основном, вопрос использования квасного или пресного хлеба), пастырские (в основном, настойчивость латинян в отношении celibata священства) и доктринальные (доктрина двойного исхождения Св. Духа – *filioque*), а также стоящее за этим притязание Рима на господство Пап (Kolbaba 2000; Chadwick 2003). Такая полемическая литература принимала форму писем к отдельным лицам или группам лиц, проповедей и трактатов (антирретиков, *antirrhetic*), иногда составленных как систематизированное опровержение официальных документов или аргументов. Аргументы могли варьироваться от прямого опровержения еретических позиций до представления православной доктрины, затмевавшей собой то, что рассматривалось как узкие места еретических позиций (например, Первый и Третий трактаты Иоанна Дамаскина против иконоборцев). В случае, когда речь шла о иконоборстве и заблуждениях латинян, аргументация зачастую включала значительную долю исторических исследований (Никифор, Феофилакт Охридский, Нил Кавасила и Григорий Палама в XIV в.).

¹ Об искажениях – прим. переводчика.

² Константинопольского патриарха Никифора I (прим. переводчика).

В дополнение к полемике, направленной против отдельных ересей, имелись также труды, в которых приводился полный перечень всего множества еретических позиций. Первые попытки такого рода относятся еще к довизантийскому периоду (Гегесипп, Ипполит), но основным трудом, вдохновившим на создание целого ряда византийских обзоров еретических учений, стал «Панарион» (*Panarion*¹) Елифания Кипрского (ок. 315–403 гг.). Заслуживают упоминания и такие примеры как «О ересях» Иоанна Дамаскина и «Паноплия»² Евфимия Зигабена, первый из которых содержит в том числе и наиболее раннее изложение христианской позиции в отношении ислама, тогда как последний дает ценный взгляд на дуалистическую систему мировоззрения богомилов. Отчасти такие работы имели целью, подобно «Истории изменений протестантских церквей» Боссюэ (Bossuet), продемонстрировать ошибочность ереси, исходя из множественности ее мнений, направлений, но они также помогали Византии систематизировать различные угрозы христианскому Православию и, таким образом, сдерживать распространение ереси.

Определением основ Православия и описанием ересей занимались также церковные Соборы (см.: III. 11. 2). Семь из них были признаны «Вселенскими», а их решения имели силу закона, но были и другие Соборы, причем многие из них (и чем дальше, тем больше) – в Константинополе. Так или иначе их решения, доктринальные определения и дисциплинарные каноны формируют еще один жанр богословской литературы.

Православие или «правое учение» было важным вопросом в Византии, но оно шло рука об руку с заботой о духовном воспитании, с решением в личном и общественном плане задачи восстановления человеческой природы, что было достигнуто смертью и Воскресением Христа, – Слова, ставшего плотью. Действительно, во всех доктринальных спорах Византии основополагающим возражением еретическому учению было то, что оно поставило бы под сомнение спасение во Христе, спасение, которое делало возможным обожение – божественное преобразование человека.

Монашество возникло в IV в. как путь, делающий возможным решительное и бескомпромиссное следование Христу. Данное движение породило обширное количество литературы. И хотя монахи были зачастую фанатично преданы православному христианству, монашеская литература имела в большинстве своем другие приоритеты. Ее авторов меньше заботило определение того, кто есть Бог, нежели помощь человеку (в первую очередь, хотя и не исключительно – монаху) в молитве к Нему. Такая молитва воспринималась как состояние, влекущее за собой полное преобразование падшей человеческой природы.

Монашеская литература принимает много различных форм. Есть среди них высказывания (сентенции), апофегмы (*apophthegmata*) самих святых из монашествующих, в большинстве своем отцов-пустынников Египта IV в., представленных в данной, получившей развитие в последующие столетия, литературной традиции как ее основатели. Эти аскеты прославились своей сверхъестествен-

¹ Дословно – «Ящик с лекарствами» (прим. переводчика).

² «Паноплия догматика» или «Догматическое всеоружие Православной веры» – компилятивная история всех ересей от Симона Волхва до ислама (прим. ред.).

ной мудростью. Люди, – и монахи, и миряне, – искали их, испытывая потребность в духовном руководстве, потребность в наставлении, в слове («Отче, скажи мне слово»). Такие «слова» объединялись в сборники и формировали основу того, что можно назвать стандартной антологией монашеской литературы на всех древних христианских языках (греческом, латыни, коптском, эфиопском, сирийском, армянском, грузинском, старосогдийском, а позднее – арабском и старославянском). Вопрос о том, являются ли эти глубокомысленные изречения оригинальной литературной формой или же представляют собой отрывки более пространственных произведений, составляет предмет научной дискуссии. Независимо от происхождения, изречения объединялись в различные по своей форме сборники: по алфавиту, по именам монахов или же систематизировано, по темам (добродетели, пороки, искушения, препятствия в молитве и т. п.) (Harmless 2004: 167–308). В такие первичные собрания входили также и образцы других жанров монашеской литературы: Жития святых (по крайней мере, Житие Св. Антония, написанное Св. Афанасием), повествования странствующих монахов («Лавсак» Палладия, «История египетских монахов»), правила для монашествующих (в том числе Правило Св. Пахомия (ок. 290–346 гг.) (см. соответственно Bartelink 1994; Butler 1898; Halkin 1932). Но эти первичные сборники, представлявшие египетскую пустыню IV в. золотым веком монашества, ограничивались ранними текстами (соответствующим образом преукрашенными).

На протяжении всей поздневизантийской истории мы находим дальнейшие многочисленные примеры этих первичных форм: жития святых преподобных отцов, повествования о монахах (например, Иоанн Мосх «Луг Духовный»), монастырские правила от так называемых полных и кратких правил «Большого устава» (Аскитикон, *Asketikon*) Св. Василия Великого (ок. 330–379 гг.) до правил палестинского монашества XV в. и типиков поздневизантийского монашества – от Св. Феодора Студита, минуя монастыри Св. Горы Афон и далее (Thomas and Hero 2000). Имеется также целая коллекция монастырских катехизисов: Дорофея из Газы (VI в.), Феодора Студита, Симеона Нового Богослова (949–1022 гг.), Неофита из Пафоса (1134–1214 гг.). Некоторые из этих катехизисов принимают форму «вопросов и ответов» (эроптапокрисиев, *erotapokriseis*), форму практического руководства (в том числе в доктринальном контексте, например, так называемые «Вопросоответы» (*Quaestiones et dubia*) Св. Максима). Вероятно, единственная форма таких эроптапокрисиев дошла до наших дней из пустыни Газа V в.: собрания вопросов об обширном ряде духовных предметов, записанные для передачи находящимся в строгом затворе Св. Варсануфию и Иоанну («Великий старец» и «Второй старец»), наряду с их ответами в форме писем, собранными, вероятно, их учеником Св. Дорофеем из Газы в количестве 850 (Neyt and others 1997–2002). Возможно, наиболее обширным византийским собранием монашеской литературы является «Синагога» (*Synagoge*), составленная Павлом, основателем Константинопольского монастыря Пресвятой Богородицы Евергетиссы (вследствие чего и сам сборник получил название «Евергетин» (*Evergetinos*) (Laggi 1993).

Популярной формой монастырской литературы, как мы видим, являлось собрание кратких параграфов или изречений, называемых главами (кефала-

ми, *kephalaia*), над которыми монах мог размышлять (и такие размышления пользовались определенным уважением аналогично жанру, называемому *lectio divina*¹ у западного монашества). Еще один популярный монашеский жанр, создателем которого, предположительно, является Евагрий (346–399 гг.), – центурия (стоглав), собрание ста таких глав. Некоторые из работ Евагрия имеют именно такую форму; его трактат «О молитве» – разновидность центурии, состоит из 153-х глав, по числу рыб, пойманных апостолами после Воскресения Господня (Ин. 21: 11). В число более поздних авторов таких центурий входят Диадок Фотикийский (V в.), Св. Максим Исповедник (использовавший данный жанр для строго догматических работ, опять-таки, без сомнения предназначенных для монастырской аудитории), Св. Иоанн Дамаскин (его «О ересьях» и «О православной вере»), Св. Симеон Новый Богослов, Св. Григорий Палама (ок. 1296–1359 гг.), пользовавшийся произведением из 150 глав по числу псалмов. Уникальным образцом византийской монашеской литературы является «Лествица, возводящая на Небо» Св. Иоанна Синайского (называемого по имени своей работы Лествичником (*Klimakos*)), которая представляет монашескую жизнь как лестницу из тридцати ступеней, возводящую к единению с Господом в любви (PG 88).

Поэзия также использовалась для выражения богословских истин; более того, ее можно было рассматривать как наиболее соответствующий богословию литературный жанр, поскольку цель богословия, по словам Св. Дионисия Ареопагита (начало VI в.), «воспеть» Бога. Св. Григорий Назианзин написал великое множество богословских поэтических произведений так же как поколение спустя Синесий Киренский (ок. 370–413 гг.), позже – Софроний Иерусалимский (ок. 560–638 гг.), а еще позже – Св. Симеон Новый Богослов. Но наиболее значимой формой богословской поэзии была богослужебная поэзия византийской Церкви (также см.: III. 18. 7). Наиболее ранним в этом жанре стал кондак (*kontakion*), проповедь в стихах, составленная для пения. Величайшим композитором таких произведений признан Св. Роман Сладкопевец (начало VI в.), а величайшим примером – Акафист Богородице². Св. Роман родился в Эмесе (Сирия), прибыл в Константинополь в раннем возрасте в правление Юстиниана. Место его рождения значимо, поскольку кондак имеет в основе, вероятно, сирийские образцы и является, таким образом, правопреемником давней и уважаемой традиции сирийской поэзии с такими ее представителями как Ефрем Сирин или Иаков Серухский (Brock 1989). Кондак предназначался для немонастырской, «кафедральной» службы. Напротив, большая часть прочей византийской гимнографии была написана монахами для монастырского богослужения, которое постепенно стало единственной формой византийского обряда (см.: III. 11. 4. Литургия). Наивысшей формой такой монастырской гимнографии являлся канон, серия стихотворных строф (или тропарей, *troparia*), изначально составленных как сопровождение в дополнение к стихам девяти библейских духовных песнопений утренней службы. Канон развивался в Палестине в конце VII в., первы-

¹ Божественный рассказ (прим. ред.).

² Так называемый Великий Акафист (прим. переводчика).

ми составителями таких канонов стали Св. Андрей Критский (ок. 660–740 гг.), Св. Косма Маюмский (ок. 675–751 гг.) и Св. Иоанн Дамаскин.

Еще одной литературной формой, которой не следует пренебрегать, являлись молитвы, бесчисленное множество которых было составлено в византийский период для частного и общественного употребления. Выдающимися среди них являются евхаристические молитвы, или анафоры (*anaphorai*), две из которых в итоге стали использоваться почти исключительно в византийском обряде: анафора Св. Иоанна Златоуста, в действительности, вероятно, более древняя, чем сам этот святой, и анафора Св. Василия Великого, вероятно, написанная им самим (Brightman 1896: 307–411).

Наконец, еще одна форма богословской литературы – комментарии к ходу и структуре Божественной литургии (Евхаристии), которая начинается с проповеди, как, например, проповеди Св. Кирилла Иерусалимского (315–387 гг.) и Феодора Мопсуестийского (ок. 350–428 гг.), – находит наиболее глубокое выражение в «Мистагогии» (*Mystagogia*) Св. Максима Исповедника, а наиболее популярную в народе форму – в комментарии, приписываемом Свт. Герману Константинопольскому (ок. 640–733 гг.) (Yarnold 1971; Sotiropoulos 1993; Meyendorff 1984).

ЛИТЕРАТУРА

- ATTRIDGE, H. W., and HATA, G. 1992. *Eusebius, Christianity and Judaism* (Leiden).
- BARTELINK, G. J. M. (ed.) 1994. *Athanasios, Life of Antony* (SC 400; Paris).
- BRIGHTMAN, F. E. (ed.) 1896. *Liturgies Eastern and Western*, vol. 1: *Eastern Liturgies* (Oxford).
- BROCK, S. 1989. 'From Ephrem to Romanos', *Studia Patristica* 20: 139–151.
- BUTLER, C. 1898. *Palladios, Lausiac History* (Cambridge).
- CAMERON, A. M. 1996, 'Byzantines and Jews: some recent work on early Byzantium', *BMGS* 20: 249–74.
- CHADWICK, H. 2003. *East and West: The Making of a Rift in the Church* (Oxford).
- CHRYSOSTOM, JOHN. Полное собрание трудов: PG 47–64. Некоторые труды (главным образом отдельные гомилии и группы гомилий) изданы А.-М. Malingrey и другими в серии Sources Chrétiennes (Paris); см. также: Field 1845–1862 и Kotter 1975.
- CONTICELLO, C. G., and CONTICELLO, V. 2001–. *La theologie byzantine etsa tradition*, 3 vols. (Turnhout).
- DAWSON, J. D. 2002. *Christian Figural Reading and the Fashioning of Christianity* (Berkeley).
- DEVREESE, R. 1959. *Les anciens commentateurs grecs de l'Octateuque et Rois* (Studi e Testi 201; Città del Vaticano).
- 1970. *Les anciens commentateurs grecs des Psalms* (Studi e Testi 264; Città del Vaticano).
- EBIED, R., and others. 1981. *Peter of Callinicum: Anti-Tritheist Dossier* (Leuven).
- FEATHERSTONE, J. M. 1997. *Nicephori patriarchae constantinopolitani Refutatio et Eversio Definitionis synodalis anni 815* (Turnhout).

- FIELD, F. (ed.) 1845–62. *Sancti Joannis Chrysostomi interpretatio omnium epistolarum Paulinarum*, 7 vols. (Oxford).
- FLOROVSKY, G. 1972. *Bible, Church, Tradition: An Eastern Orthodox View* (Belmont, Mass.).
- GRILLMEIER, A. 1987. *Christ in Christian Tradition*, trans. J. Bowden, vol. 2, part 1 (London).
- 1996. *Christ in Christian Tradition*, trans. J. Bowden, vol. 2, part 4 (London).
- HALKIN, F. (ed.) 1932. *Pachomios, Vitae Graecae* (Subsidia Hagiographica 19; Brussels).
- HARMLESS, W. 2004. *Desert Christians: An Introduction to the Literature of Early Monasticism* (Oxford–New York).
- KOLBABA, T. 2000. *The Byzantine Lists: Errors of the Latins* (Urbana).
- KOTTER, B. (ed.) 1975. John of Damascus, *Contra imaginum calumniatoris orationes tres*, in B. Kotter (ed.), *Die Schriften des Johannes von Damaskos* (Patristische Texte und Studien 17; Berlin), vol. 3.
- LAGA, C, MUNITIZ, J. A., and VAN ROMPAY, L. (eds.) 1985. *After Chalcedon: Studies in Theology and Church History* (Leuven).
- LAGGI, M. 1993. *Evergetinos, or the Collection of Paul Evergetinos* (with modern Greek translation), 4 vols. (Athens, 6th edn.).
- LIEU, S. N. C. 1988. *Manichaeism in the Later Roman Empire and Medieval China: A Historical Survey* (Manchester, 2nd edn.).
- MEYENDORFF, P. (ed. and trans.) 1984. *St Germanus of Constantinople, On the Divine Liturgy* (Crestwood, NY).
- MONDZAIN-BAUDINET, M.-J. 1989. *Discours contre les iconoclastes* (Paris).
- NEYT, F., and others. 1997–2002. *Barnasuphe et Jean de Gaza, Correspondence* (SC 426–7, 450–1, 468; Paris).
- NIKEPHOROS OF CONSTANTINOPLE. Полное собрание трудов: PG 100; см. также: Featherstone 1997 и Mondzain-Baudinet 1989.
- PELIKAN, J. 1974. *The Spirit of Eastern Christendom* (= *The Christian Tradition: A History of the Development of Doctrine*, vol. 2) (Chicago–London).
- SOTIROPOULOS, C. 1993. *Maximos the Confessor, Mystagogia* (с переводом на новогреческий) (Athens, 2nd edn.).
- THEODORE OF STODIOS. Полное собрание трудов: PG 99.
- THOMAS, J., and HERO, A. (eds.) 2000. *Byzantine Monastic Foundation Documents*, 5 vols. (Washington, DC).
- WILKEN, R. L. 1971. *Judaism and the Early Christian Mind: A Study of Cyril of Alexandria's Exegesis and Theology* (New Haven).
- 1983. *John Chrysostom and the Jews: Rhetoric and Reality in the Late Fourth Century* (Berkeley).
- YARNOLD, E. 1971. *The Awe-Inspiring Rites of Initiation: Baptismal Homilies of the Fourth Century* (Slough).
- YOUNG, F. M. 1997. *Biblical Exegesis and the Formation of Christian Culture* (Cambridge).

Глава III.18.4 АГИОГРАФИЯ

Элис-Мэри Тальбот

Введение

Термин «агиография» (дословно – «рассказ о святых») имеет много значений. Два основных его определения: 1) поучительные произведения о жизни и подвигах святых; 2) научная дисциплина, изучающая святых и относящуюся к ним литературу. В данном очерке в центре внимания находится первое определение и агиографическое произведение рассматривается как тип литературы, но при этом неизбежно затрагивается и проблематика почитания святых (развитие которого в силу необходимости тесно переплеталось с написанием биографий, панегириков и т. п.), и история научных исследований в данной области.

Агиографию часто описывают как «жанр» византийской литературы (например, *ODB*, р. 897); тем не менее это условный термин, подразумевающий «обобщенное понятие», «в действительности, объединяющее множество жанров» (Kazhdan 1999: 141). Более уместным представляется функциональное определение, согласно которому к агиографии можно отнести все виды литературных трудов, содействующих прославлению святых: мученические акты (*passiones*), Жития или жизнеописания (*vitae*), энкомии, свидетельства об обретении мощей и чудесах, и даже гимнографию. И даже в рамках одного жанра, такого, например, как Жития, произведения могут значительно различаться по стилю, длине, содержанию, формату, литературным образцам. Некоторые Жития весьма похожи на исторические хроники (например, Житие Св. Евфимия, Патриарха Константинополя), другие – на сказку или роман (Жития Св. Алексея Человека Божия и Св. Филарета Милостивого), остальные – на василикос логос (*basilikos logos*) (Житие Св. императрицы Феодоры, супруги Феофила), письма (письмо Св. Григория Нисского о жизни его сестры, Св. Макрины) или надгробные речи (речи Св. Григория Назианзина, посвященные его сестре Горгонии и Св. Василию Кесарийскому).

Агиография периодов раннего христианства и поздней античности

Развитие агиографии как нового по своей тематике литературного жанра проходило на территории Средиземноморья бок о бок со становлением христианства в качестве основной религии и распространением культа святых, начиная от св. апостолов в I в. н. э. Одной из наиболее ранних новых форм агиографических произведений стали Мученические акты, которые представлены двумя основными типами описаний мученических подвигов (Delehayе 1921). Описания, относящиеся к первому типу, датируются II–III вв. н. э. и представляют собой официальную стенограмму судебных процессов, позднее расшифрованную и переданную в архив. Описания второго типа (их принято обозначать латинским термином *passio* или греческим *martyrion*¹) представляют собой свидетельства очевидцев, описывающие арест, суд и казнь христианских мучеников. Наиболее ранние из них датируются II–III вв. н. э. и имеют значительную литературную ценность (к примеру, Мученичество Св. Перпетуи и Фелицитаты). Акты² св. ап. Павла и первомученицы Феклы можно считать христианизированной версией греческого романа, в которой юная дева отказывается от брака с возлюбленным, смело отправляется в морское путешествие и терпит различные мучения за веру Христову. Такие мартирии часто обновлялись и переписывались в более поздние времена.

Еще одной новой формой агиографического литературного произведения стали *apophthegmata partum* или сказания об отцах пустынных Египта и приписываемых им высказываний были христианским подобием языческих афоризмов. Существует несколько типов таких сборников, составленных в алфавитном порядке по имени автора (Ward 1980), собрание 400 высказываний, авторство которых не определено (Ward 1975) и собрание систематизированное по тематике: самообладание, блуд, терпение (Guy 1993). Эти высказывания живо отображают быт монахов-пустынников Египта, те трудности и искушения, которые им приходилось преодолевать.

Житие египетского отшельника Св. Антония Великого (ок. 250–356 гг.), авторство которого обычно приписывается Св. Афанасию, Александрийскому патриарху (ок. 295–373 гг.), считается наиболее ранним образцом биографических произведений христианской литературы (Gregg 1980). Составленное непосредственно после смерти Антония в форме достаточно обширного послания к монахам, живущим за границей, оно обнаруживает многие черты, в итоге ставшие типичными для Житий святых: описание родины святого, рассказ о его родителях, детстве и образовании, история вступления на путь аскетизма и послушания, принятие монашества, борьба с искушениями (зачастую в форме бесовских видений), удаление в пустыню от возрастающих толп паломников и учеников, укрощение диких животных, изгнание бесов, чудеса исцеления, ясновидения

¹ Мартирий или мученичество (прим. ред.).

² Другой вариант – Деяния (прим. ред.).

и дар предсказания будущего, предвидение собственной смерти. Житие содержит несколько пространных риторических отступлений – размышление самого Св. Антония касательно теории аскетизма и демонологии, греческой философии и заблуждений арианской ереси, – они с большой долей вероятности принадлежат перу Св. Афанасия. Сочинение также содержит множество сравнений святого с персонажами Ветхого и Нового Завета. Литературные источники этой новой формы биографии различны: классический энкомий, восхвалявший добродетели героя, биографии языческих философов, Священное Писание. Признанной целью составления Св. Афанасием биографии Св. Антония являлось стремление представить его христианам образцом для подражания и назидания. Житие Св. Антония немедленно стало пользоваться успехом, было переведено на латинский и восточные языки, распространялось по всей территории Средиземноморья. Оно, в самом деле, стало образцом для многих агиографических произведений последующих столетий.

С того времени агиография процветала, отражая и документально фиксируя быстрый рост почитания святых. В дополнение к Житию Св. Антония и *apophthegmata patrum*, жизнь египетского монашества в общежитиях и в пустынях ярко отображена в Житии Св. Пахомия Великого (ум. 346 г.), «Истории египетских монахов» (вторая половина IV в.) и «Лавсаике» Палладия (419 г.)¹.

Феодорит, епископ Киррский (393–466 гг.) описывает одновременно возникновение монашества и в Северной Сирии, где оно чаще носило форму пустынножительства, чем общежитий. Его «Церковная история», «История сирийских монахов», составленная около 440 г., представляет собой краткие биографии приблизительно тридцати монахов-аскетов, живших в IV и V вв. Феодорит писал в аттическом стиле используя классическую лексику, но при этом его рассказы отличались живостью повествования. Восхваление строгих аскетических и индивидуалистических традиций сирийского монашества было продолжено в VI–VII вв. в обширном и обстоятельном жизнеописании Св. Симеона Нового Столпника (ум. 592 г.)², святого-затворника Дивной горы³ возле Антиохии, привлекавшего большое количество паломников и сотворившего многочисленные чудеса исцеления, и блаженного Симеона Эмесского (вероятно, вторая половина VI в.).

В VI в. агиограф Кирилл Скифопольский (ок. 525–559 гг.) прославил общежитийный монастырский уклад составлением подборки Житий, относящихся к раннему периоду становления монашества в Палестине приблизительно с 400 по 550 гг. Наиболее выдающимися в ней являются Жития Св. Евфимия Великого (ум. 473 г.) и Св. Саввы Великого (ум. 532 г.), оба из которых были основателями общежитий в Иудейской пустыне. Жития, составленные Кириллом, отличаются простотой и достоверностью, подробным воспроизведением дат, топонимов, описанием событий, так что его работы являются надежным историческим источником. Его Жития обнаруживают глубокое знание предшествующей монастырской литературы, такой как Жития Св. Антония и Св. Пахомия, а также работ Феодорита.

¹ Речь идет о Палладии Еленопольском из Египта (прим. ред.).

² Речь идет о Симеоне Стилисте Младшем, или Симеоне Дивногогорце (521–592 гг.) (прим. ред.).

³ Другое название – Черная гора (прим. ред.).

Характерными как для сирийской, так и для египетской агиографии являются Жития кающихся блудниц, таких как Св. Мария Египетская и Св. Пелагия Антиохийская, и женщин, подвизавшихся в монашестве под видом мужчин – Св. Марии/Марины и Св. Анастасии/Анастасия (Patlagean 1976). В обоих случаях речь идет о женщинах, обратившихся к аскетическому образу жизни с целью стяжать силу духа путем отказа от женской идентичности, достигаемой через ношение мужской одежды или умерщвления плоти до высыхания грудей.

В Анатолии агиография развивалась медленнее. В этом регионе к числу агиографических произведений можно отнести лишь некоторые произведения Каппадокийских Отцов. Так, написанное Григорием Нисским Житие его сестры, Св. Макрины (ок. 380 г.) прославляет хранение девства в домашнем уединении, тогда как панегирик, составленный Григорием Назианзином его сестре, Св. Горгонии, показывает, что замужняя женщина тоже могла проводить жизнь в святом благочестии и духовном совершенстве. Более поздние Жития, такие как Жития Николая Сионского (ум. 564 г.) и Феодора Сикеота (ум. 613 г.), написаны более простым и доступным широкой публике стилем, полны историй о чудесах и живописных зарисовок из сельской жизни.

В Константинополе монашество (как и агиография) развивались несколько медленнее; Жития известных основателей монастырей (таких как Св. Ипатий Руфинианский, Св. Маркелл Акимит, Св. Матрона Пергская и городского столпника Св. Даниила) датируются концом V–VI вв.

Собрания чудес

Еще одной новой формой агиографической литературы, возникшей в эпоху поздней античности, стали собрания чудес (*miracula*). Описания посмертных чудес, в особенности, тех, которые происходили сразу после смерти святого или святой, часто включались в Жития и поэтому могут рассматриваться как стандартная характеристика жанра. Развитие получила также и традиция документально фиксировать чудеса, происходившие в течение длительного периода времени на могиле святого, что, очевидно, служило его популяризации и прославлению. Предполагается, что записи велись касательно случаев чудесных исцелений на могилах и что позднее из них составлялась подборка для более широкого распространения.

Наиболее раннее из таких собраний описывает чудеса, происходившие у гробницы Св. Феклы в Мериамлике (Малая Азия). Рассказы об этих чудесах написаны живо, что вообще характерно для данного типа агиографических сочинений, полны очаровательных бытовых описаний и содержат полезную информацию о давних языческих традициях, таких, к примеру, как инкубация (*incubation*), о болезнях и их лечении (Johnson 2006). Собрание чудес Св. Косьмы и Дамиана, в котором особое внимание уделялось культу исцелений в монастыре Космидион сразу за стенами Константинополя, первоначально датировалось концом VI в. Известно, что истории об успешных исцелениях передавались субботними вечерами из уст в уста от благодарных пациентов вновь прибывшим паломникам. В конце VI–VII вв. было составлено еще несколько выдающихся

собраний чудес: чудеса Св. Кира и Иоанна на гробнице в Менаусе (Египет), составленные Св. Софронием Иерусалимским (ок. 560–638 гг.), чудеса Св. Димитрия, записанные Иоанном I Фессалоникским в первой половине VII в. на гробнице святого в этом городе, и чудеса Св. Артемия, особо прославившегося исцелениями грыжи в церкви Св. Иоанна Продрома¹ в Константинополе.

Собрания чудес обычно писались простым или средним по сложности языком. Оба уровня сложности могли в соответствующих случаях применяться в одном и том же сборнике: прозений² и некоторые риторические или экфрастические пассажи писались средним по сложности стилем, а описания чудес и диалоги – более простым. В чудесах Св. Феклы, изобиловавших ссылками на языческую античность, количество цитат классических авторов превосходит количество библейских цитат, но все прочие собрания большей частью ограничиваются ссылками на Псалтирь и Новый Завет.

Средневизантийская агиография (VIII–XII вв.)

VIII век был одним из так называемых «темных» веков византийской литературы, и агиография не стала исключением. Святые мученики и исповедники начала периода иконоборства дождались своих биографов только в IX в. или позднее. Даже во время краткой передышки (787–815 гг.) перед возобновлением иконоборства увидели свет лишь несколько Житий, в том числе классическая работа о защитнике икон, святом мученике Стефане Новом (ум. 765–767 гг.). Темпы создания агиографической литературы возросли в период возобновления иконоборства (815–843 гг.) (Ševčenko 1977) с появлением таких важных сочинений как Жития Св. Филарета Милостивого, Св. Никифора Медикийского, Св. Евфимия Сардийского. Вторая половина IX–X вв. ознаменовалась значительным подъемом агиографии с появлением рассказов, повествующих о подвигах защитников святых икон – Патриархов и монашествующих (Св. Тарасий, Свв. братья Давид, Симеон и Георгий), основателей монастырей (Св. Лука Стирит и Св. Афанасий Афонский) (Efthymiadis 1996). Заслуживают упоминания работы Игнатия Диякона, из-под пера которого вышли четыре Жития, в том числе, Жития Патриархов Тарасия и Никифора, написанные весьма возвышенным стилем. Почти все Жития того периода составлялись монашествующими или духовными лицами, одни из них писались из чувства преданности духовному наставнику, другие – по чьему-либо поручению, зачастую по поручению настоятеля обители, которую святой основал или почтил своим проживанием. Многие Жития писались с намерением способствовать посмертному прославлению святого и включали свидетельства о чудесных исцелениях (например, Житие Св. Феодоры Фессалоникской, Св. Марии Новой, Св. Фомы Лесбийского). Еще одной тенденцией X и XI вв. стало составление текстов с выраженным апокалиптическим и эсхатологическим содержанием, в частности, видением Страшного Суда и Горнего Иерусалима (например, Жития Св. Андрея Юродивого и Св. Василия Нового, Апокалипсис Анастасии). Традиция жизнеописания основателей монастырей

¹ Предтечи – *прим. ред.*

² Введение – *прим. ред.*

оставалась характерна и для XI–XII вв., но в гораздо меньшей степени (Жития Св. Лазаря Галесийского, Св. Мелетия Миопольского).

К концу X в. византийская агиография ознаменовалась двумя достижениями. Был составлен Константинопольский синаксарь (Delehayе 1902; Luzzi 1995), сборник кратких биографических заметок о святых, упорядоченный по датам празднования. Эти тексты предназначались для чтения во время утренней. Также событием того времени стал литературный труд Св. Симеона Метафраста (ум. ок. 1000 г.), осуществившего переложение и унификацию стилей около 150 Житий святых. Составленный в результате десятилетиями минологий также был упорядочен по датам празднования и предназначался в первую очередь для монастырского литургического пользования.

Возрождение агиографии в эпоху Палеологов

Заметный спад в посылании святых наблюдаемый в XII – нач. XIII в. (Magdalino 1981) и соответствующее снижение количества агиографических произведений сменились в эпоху Палеологов (1261–1453 гг.) религиозным подъемом, характеризующимся появлением в Византии новых святых и сочинением Житий, прославляющих их подвиги (Laiou-Thomadakis 1980). По некоторым, еще не полностью ясным причинам, фактически ни одна женщина не была признана святой в поздневизантийскую эпоху. Последним достоверным упоминанием о святой-женщине стало упоминание о Св. Феодоре Артской, умершей в 1270 г. (Talbot 1996: 323–33). В числе правдоподобных объяснений заметного увеличения количества святых в то время можно назвать: 1) рост религиозных споров, связанных с Лионской унией и исихасмом, что привело к преследованию сторонников греческого православия и паламитов; 2) расцвет монашества в Константинополе (с реконструкцией имевшихся и созданием новых монастырей после восстановления столицы Византии в 1261 г.), в Фессалонике, на горе Афон, в Метеоре; 3) развитие (формализация) официальной процедуры канонизации (Macrides 1981; Talbot 1983: 21–30). Таким образом, большинство из 32 новых святых той эпохи были противниками унии, мистиками-исихастами, странствующими монахами и новомучениками, погибшими от рук турок или египтян.

Авторы их Житий, как правило, были монахами или священнослужителями, зачастую – учениками более опытного монаха-аскета, о котором они и писали поколение спустя. Один из наиболее выдающихся авторов Житий эпохи Палеологов, Константинопольский патриарх Филофей Коккин (ум. ок. 1377–1378 гг.) составил четыре биографии святых отцов-исихастов, в том числе жизнеописание своего собрата Св. Патриарха Исидора I Вухира (1347–1350 гг.) и Св. Григория Паламы, митрополита Фессалоникского (1347–1350 гг.). Побудительным мотивом его сочинения отчасти была гордость родным городом, поскольку все они были связаны с Фессалоникой, и он включал панегирики городу в написанные им Жития. Большинство Житий эры Палеологов длиннее, чем Жития более ранних периодов, написаны возвышенным стилем с пространными риторическими отступлениями. Некоторые авторы были достаточно эрудированными, несмотря на их монастырское образование. Филофей Коккин был учеником Фомы

Магистра, Макарий Хрисокефал – профессором, а Феокист Студит имел доступ к превосходной библиотеке в Студийском монастыре.

В эпоху Палеологов также наблюдалось возобновление интереса к составлению отдельных описаний чудес, таких как написанные Максимом Диаконном чудеса св. Космы и Дамиана (ок. 1300 г.), или в изложении св. Никифора Каллиста Ксанфопула описание чуда в Пегском монастыре (ок. 1308–1320 гг.), также описание Феокистом Студитом посмертных чудес св. патриарха Афанасия I (1330-е гг.) и принадлежащее Иоанну Лазаропулу собрание чудес св. Евгения в его монастыре в Трапезунте (1360 г.). Для последних трех характерно необычное увлечение этиологией и симптомами заболеваний человека, что наводит на мысль о близком знакомстве автора с медицинской литературой (Rosenqvist 1995).

Еще одной выдающейся особенностью агиографии в эпоху Палеологов был интерес к воспроизведению Житий святых предыдущих лет (Talbot 1991). Около 80% агиографических произведений того времени или приблизительно 125 работ сорока пяти различных авторов, посвящены святым, жившим ранее XIII в. (кроме эпохи Свв. апостолов). Исследователи¹ старинных жизнеописаний святых были из числа светских литераторов, а также монашествующих и духовенства. Особого упоминания заслуживает Константин Акрополит, имперский чиновник при Андронике II, написавший двадцать восемь работ о святых, живших в предыдущие годы. За такие героические усилия его сравнивали с Симеоном Метафрастом и удостоили прозвания «нового переводчика». Причины метафрасиса – переложения (переработки) старинных Житий святых были различны; в их числе: благодарность за чудесное исцеление у мощей святого, обязанность произнести речь в день чествования святого, приверженность исторической родине (многочисленные энкомии Св. Димитрию были написаны уроженцами Фессалоники), прославление святого в монастыре, хранившем его мощи и различные реликвии, желание усовершенствовать литературный стиль более ранней версии, замена утерянного Жития.

Создание агиографических текстов продолжалось вплоть до падения Константинополя в 1453 г., но поскольку в XV в. явилось очень незначительное количество святых, деятельность агиографов сводилась к составлению энкомиев и жизнеописаний святых предыдущих лет.

История научных исследований

На протяжении почти четырех веков ведущими исследователями в области агиографии были голландисты, группа ученых-иезуитов, действовавших вначале в Антверпене, а позже в Брюсселе, посвятивших себя критическому исследованию и публикации Житий латинских, греческих и восточных святых (Delehaye 1920, 1959). Они получили свое название по имени основателя общества, Жана Болланда (1596–1665 гг.), который первым составил план серии изданий о жизни святых под названием «*Acta Sanctorum*» и курировал публикацию ее первых

¹ В оригинале – hagiographers (прим. переводчика).

томов (январского и февральского). За золотым для болландистов XVII в. последовал упадок научных исследований в XVIII в.: под давлением ордена иезуитов болландисты вынуждены были прекратить свою работу. Общество болландистов возродилось в 1837 г. и продолжает работать до сегодняшнего дня (<http://www.kbr.be/~socboll>). Публикация *Acta Sanctorum* дошла до *Propylaeum* для декабря месяца и практически завершена; на сегодняшний день опубликовано 68 томов и теперь доступна полная электронная версия этого издания. В 1882 г. болландисты начали публикацию периодического издания *Analecta Bollandiana*, а в 1886 г. — серии *Subsidia hagiographica*, включающей справочники, критические издания, переводы Житий и каталоги агиографических рукописей. Изначально исследовательская деятельность болландистов сосредоточена на создании достоверных изданий Житий святых и критическом анализе подлинности личности святых, некоторые из которых оказались легендарным персонажами.

На протяжении XX в. интерес к агиографии также возрос со стороны светских ученых, идущих по стопам пионеров книгоиздательства А. Пападопуло-Керамевса (А. Papadopoulos-Kerameus) и Э. Куртца (Е. Kurtz). Агиографические тексты исследовались учеными в различных целях: как исторический источник (см.: Halkin 1966), как свидетельство о реалиях повседневной жизни и быта и как литературное произведение (Ševčenko 1995; Kazhdan and Talbot 1998: introduction). Жития святых особенно ценятся историками, потому что многие из них описывают различные стороны византийской цивилизации, сведений о которых не найти в исторических повествованиях: детство и семейная жизнь, сельская община, народные понятия о благочестии. Также все более распространенной становится тенденция перевода Житий на иностранные языки, чтобы сделать их доступными для студентов, не владеющих греческим, и для исследователей средневековья в смежных областях науки.

ЛИТЕРАТУРА

- DELEHAYE, H. (ed.) 1902. *Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae: Propylaeum ad Acta SS Novembris* (Brussels).
- 1920, 1959 (2nd edn.). *L'Œuvre des bollandistes à travers trois siècles 1615–1915* (Brussels).
- 1921. *Les passions des martyrs et les genres littéraires* (Brussels).
- EFTHYMIADIS, S. 1996. 'The Byzantine hagiographer and his audience in the ninth and tenth centuries', in C. Høgel (ed.), *Metaphrasis: Redactions and Audiences in Middle Byzantine Hagiography* (Oslo).
- GREGG, R. C. 1980. *Athanasius: The Life of Antony and the Letter to Marcellinus* (New York).
- GUY, J.-C. 1993. *Les apophtegmes des pères: collection systématique, chapitres I–IX* (Paris).
- HALKIN, F. 1966. 'L'Hagiographie byzantine au service de l'histoire', *Thirteenth International Congress of Byzantine Studies, Oxford 1966. Main Papers XI* (Oxford): 1–10.
- JOHNSON, S. F. 2006. *The Life and Miracles of Thekla: A Literary Study* (Washington, DC–Cambridge, Mass.).

- KAZHDAN, A., and TALBOT, A.-M. 1998. *Dumbarton Oaks Hagiography Database. Introduction* (Washington, DC) (<http://www.doaks.org/Hagio.html>).
- with SHERRY, L., and ANGELIDI, C. 1999. *A History of Byzantine Literature (650–850)* (Athens), особенно: 22–35, 37–41, 52–9, 75–7, 84–7, 107–11, 127–31, 169–203, 281–308, 327–48, 352–79.
- LAIYOU-THOMADAKIS, A. E. 1980. 'Saints and society in the late Byzantine empire', in eadem (ed.), *Charanis Studies: Essays in Honor of Peter Charanis* (New Brunswick, NJ): 84–114.
- Luzzi, A. 1995. *Studi sul Sinassario di Costantinopoli* (Rome: Dipartimento di filologia greca e latina, Sezione bizantino-neoellenica, Università di Roma 'La Sapienza').
- MACRIDES, R. 1981. 'Saints and sainthood in the early Palaiologan period', in S. Hackel (ed.), *The Byzantine Saint* (London): 67–87.
- MAGDALINO, P. 1981. 'The Byzantine holy man in the twelfth century', in S. Hackel (ed.), *The Byzantine Saint* (London): 51–66.
- PATLAGEAN, E. 1976. 'L'Histoire de la femme déguisée en moine et l'évolution de la sainteté féminine à Byzance', *Studi Medievali*, 3rd ser. 17: 597–623 (repr. in *Structure sociale, famille, chrétienté à Byzance, IVe–XIe siècle* (London, 1981): no. XI).
- ROSENQVIST, J. O. 1995. 'Miracles and medical learning: the case of St. Eugenios of Trebizond', *Byzantinoslavica* 56: 461–9.
- ŠEVČENKO, I. 1977. 'Hagiography of the iconoclast period', in A. A. M. Bryer and J. Herin (eds.), *Iconoclasm* (Birmingham): 113–31.
- 1995. *Observations on the Study of Byzantine Hagiography in the Last Half-Century or Two Looks Back and One Look Forward* (Toronto).
- TALBOT, A.-M. 1983. *Faith Healing in Late Byzantium: The Posthumous Miracles of the Patriarch Athanasios I of Constantinople by Theoktistos the Stoudite* (Brookline, Mass.).
- 1991. 'Old Wine in New Bottles: the rewriting of saints' Lives in the Palaeologan period', in S. Ćurčić and D. Mouriki (eds.), *The Twilight of Byzantium: Aspects of Cultural and Religious History in the Late Byzantine Empire* (Princeton): 15–26.
- 1996. *Holy Women of Byzantium: Ten Saints' Lives in English Translation* (Washington, DC).
- WARD, B. 1975. *The Wisdom of the Desert Fathers: Apophthegmata Patrum from the Anonymous Series* (Oxford).
- 1980. *The Desert Christian. Sayings of the Desert Fathers: The Alphabetical Collection* (New York.)

Углубленное чтение

- Из изданий, имеющих отношение к данной теме, в первую очередь советуем ознакомиться с Halkin 1957 и 1984, а также Talbot 2001 (ссылки на электронные ресурсы приведены ниже). Кроме того, могут быть полезны следующие работы:
- AIGRAIN, R. 1953 и 2000. *L'Hagiographie: ses sources, ses méthodes, son histoire* (Mayenne; repr. Brussels, with bibliographical supplement).
- BECK, H.-G. 1959. *Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich* (Munich): 267–75, 402–13, 459–67, 506–14, 557–82, 638–42, 697–701, 793–6. *Bibliotheca sanctorum*. 1961–70. Rome: Istituto Giovanni XXIII nella Pontificia Università lateranense, 13 vols.

- DELEHAYE, H. 1991. *L'Ancienne hagiographie byzantine: les sources, les premiers modèles, la formation des genres* (Brussels).
- EFTHYMADES, S. 1999. 'Greek Byzantine collections of miracles: a chronological and bibliographical survey', *Symbolae Osloenses* 74: 195–211.
- HALKIN, F. 1957. *Bibliotheca hagiographica graeca* (Brussels).
- 1984. *Novum Auctarium Bibliothecae hagiographicae graecae* (Brussels).
- HØGEL, C. (ed.) 1996. *Metaphrasis: Redactions and Audiences in Middle Byzantine Hagiography* (Oslo).
- LUDWIG, C. 1997. *Sonderformen byzantinischer Hagiographie und ihr literarisches Vorbild* (Frankfurt am Main).
- ODORICO, P., and AGAPITOS, P. (eds). 2004. *Les vies des saints à Byzance: genre littéraire ou biographie historique?* (Paris).
- PRATSCH, T. 2005. *Der hagiographische Topos: griechische Heiligenviten in mittelbyzantinischer Zeit* (Berlin).
- RYDÉN, L. 1986. 'New forms of hagiography: heroes and saints', in *The 17th International Byzantine Congress: Major Papers* (New Rochelle, NY): 537–44.

Электронные ресурсы

Полный электронный вариант оригинального издания 68 томов *Acta Sanctorum* можно получить по подписке из Чедвик-Хэли (Chadwick-Healey).

http://www.doaks.org/research/byzantine/translations_byzantine_saints_lives.html

A.-M. Talbot, *Survey of Translations of Byzantine Saints' Lives* (Washington, DC: Dumbarton Oaks, 2001). Перечень всех Житий святых, переведенных на языки стран Западной Европы.

http://www.doaks.org/publications/doajks_online_publications/ATHW.html http://www.doaks.org/publications/doaks_online_publications/Laz1.pdf

Holy Women of Byzantium, ed. A.-M. Talbot (Washington, DC, 1996) издание полностью доступно в электронном виде на сайте Dumbarton Oaks website; R. P. H. Greenfield, *The Life of Lazaros of Mount Galesion: An Eleventh Century Pillar Saint* (Washington, DC, 2000) издание доступно частично.

<http://www.doaks.org/Hagio.html>

Агиографическая база данных Dumbarton Oaks содержит Жития святых VIII–X вв. с предметным указателем по многим вопросам существования византийской цивилизации, организованным по принципу трехуровневой иерархии, и включает греческие тексты большинства Житий.

<http://www.tlg.uci.edu>

Совсем недавно в *Thesaurus Linguae Graecae* стали включаться агиографические тексты в электронной online версии.

<http://www.fordham.edu/halsall/sbook3.html>.

Существенное количество греческих Житий святых в переводе на английский язык можно найти на сайте Пола Хэлсола (Paul Halsall): *Internet Medieval Sourcebook: Saints' Lives*.

Глава III.18.5 ПРОПОВЕДИ

Мэри Каннингем

Жанр христианской гомилитики включает разнообразные литературные формы и потому не поддается точному определению. Тем не менее проповедь (гомилию) можно описать как речь, обычно, если не всегда, произносимую епископом или священником в церкви в контексте литургии, составленную либо экспромтом, либо в форме заранее подготовленного текста. При таких обстоятельствах проповеди служили целому ряду различных целей, включая экзегезу или пояснения к чтениям Св. Писания, увещевания, наставления, молитву, риторическое представление. Катехизические проповеди, предназначенные для обучения взрослых, готовящихся к Св. Крещению в основном в первые шесть веков христианства, произносились обычно в ходе специальных собраний, а не во время богослужений. Различие целей проповедей зачастую влияло на их структуру, уровень стилистики, употребление риторики. И если форма экзегетической проповеди была продиктована только текстом Св. Писания, который подлежал разъяснению, праздничные проповеди и панегирики (энкомии) твердо сохраняли формальную структуру эпидиктических выступлений. Литературный стиль также был менее сложным в обучающих проповедях, тогда как панегирики, первоочередной задачей которых было превознести и прославить предмет, выстраивались в классикоподражательном, высоком стиле и приукрашались многочисленными риторическими элементами.

Приблизительно начиная с середины второго столетия н. э. проповеди произносились в храмах в основном епископами и священнослужителями или, иначе говоря, членами клира, уполномоченными на это в силу апостольской преемственности. Более ранние источники утверждают, что во время одной и той же службы могло произноситься и более одной проповеди: Эгерия, западная паломница, совершившая путешествие на Святую Землю в конце IV в., свидетельствует, к примеру, что любое количество пресвитеров могло произнести проповедь до того, как наступала очередь главенствующего епископа (Wilkinson 1999: 145). Епископ проповедовал со своего трона или с амвона, обычно сразу после чтения Евангелия в первой половине Божественной литургии.

Позднее, в VIII–IX вв. в ходе всенощных бдений трилогии проповедей, как известно, предлагались верующим одним и тем же проповедником, к примеру, Иоанном Дамаскиным, Германом Константинопольским, Андреем Критским, Георгием Никомидийским (Chevalier 1937: 361–78). Источники утверждают, что проповеди на протяжении всего византийского периода произносились по многим литургическим поводам, в том числе по случаю праздничных литургий, утренних и вечерних служб, всенощных бдений. Некоторые проповедники из числа мирян, в том числе государственный чиновник VIII в. Косьма Вестиарий и император Лев VI (866–912 гг.), произносили проповеди, которые сохранились наряду с проповедями их церковных современников (Antonopoulou 1997). Как можно предположить, апостольская преемственность уже не являлась необходимым условием для произнесения проповеди в церкви; благочестие и, прежде всего, способность к составлению риторических произведений ораторского искусства в высоком стиле также являлись квалификационными требованиями для священников.

Истоки

Истоки христианской проповеди неясны отчасти из-за отсутствия точного определения жанра в I–II вв. н. э. Многочисленные тексты, в том числе разделы Евангелий и Посланий Свв. Апостолов, получили штамп «гомилетических» по стилю и структуре, но аргументы некоторых ученых замыкались сами на себя и ни к чему не вели (Stewart-Sykes 2000; Donfried 1974: 26). Тем не менее с общего согласия признано, что термин «гомилетика» обозначает речь, адресованную аудитории, и потому использующую разговорный стиль и техники, ассоциируемые с устным сообщением. Такие «проповеди» иногда, но не всегда отражают религиозное установление и используют те или иные формы библейской экзегезы. Отмечались и параллели – еврейский мидраш и особенно Аггада (Borgen 1965: 55), но в современной еврейской литературе такие аналоги отсутствуют. Некоторые ученые упоминали о влиянии на христианскую гомилетику языческих диатриб¹ или неформальных выступлений с целью завладеть вниманием аудитории, устраиваемых в эпоху поздней античности бродячими философами – стоиками и киниками (Bultmann 1910: 107–9; Kennedy 1983: 182; Uthemann 1998). Но разговорные методы публичных выступлений, вероятно, были столь распространены в то время, что и это также трудно доказуемо. Многие ученые склонны считать Второе послание Св. Климента, датируемое приблизительно 98–100 гг. н. э., наиболее ранней сохранившейся полной проповедью в христианской традиции, поскольку оно, вероятно, было устно оглашено перед общиной верующих. Речь Св. Мелитона Сардского «О Пасхе», датируемая 160–170 гг. н. э. (Hall 1979; Stewart-Sykes 2001), возможно, представляет собой ранний пример более поэтичного стиля проповеди, предназначенной для литургического применения. Тесные взаимоотношения между гомилетикой, эпистолографией и гимнографией даже в этот период разительно очевидны и наводят на мысль о нецелесообразности установления точных границ между данными литературными жанрами.

¹ Обличительных речей (прим. переводчика).

Развитие гомилетической традиции

В течение первых шести веков существования Церкви красноречие проповеди привлекало обширную и взыскательную аудиторию. Такие лица как Св. Иоанн Златоуст, который проповедовал будучи пресвитером и епископом в Антиохии и Константинополе в конце IV – начале V столетий, имели высококлассную подготовку в области риторики и старались как развлекать, так и поучать аудиторию. IV в. принято считать «золотым веком» греческой гомилетики. Каппадокийские Отцы – Св. Василий Кесарийский, Св. Григорий Нисский и, более всего, Св. Григорий Назианзин были в ответе за применение приемов языческой риторики в христианских речах более чем кто-либо когда-либо ранее. Хотя эти христианские ораторы, возможно, чувствовали некоторую двойственность в своем отношении к языческой литературе, ее правила и стилистика были лучшими из известных им примеров красноречия. Успешность союза христианской проповеди с классической риторикой того периода особенно проявилась в проповедях Св. Григория Назианзина. Византийская проповедь претерпела в V–VI вв. некоторые изменения: проповедники этого периода использовали разнообразие стилей – от разговорного до высокого. Популярность так называемого малоазиатского стиля, в котором использовались краткие, повторяющиеся ритмичные стихи, зафиксирована в проповедях таких авторов как Прокл Константинопольский и Василий Селевкийский. Леонтий Константинопольский в VI в. употреблял ритмичный, но также разговорный стиль; его тексты богаты информацией о современных ему слушателях, практике проповеди, повседневной жизни (Allen and Datema 1991).

После VI в. ученые традиционно констатировали упадок в количестве и качестве сохранившихся проповедей (Allen 1996; Cunningham 1996). Это приписывалось целому ряду причин, в том числе: снижению уровня образованности духовенства, политической и военной нестабильности в империи, неграмотности населения в целом. Такие данные как 19-е правило Трулльского собора (692 г.) наводят на мысль о том, что определенному количеству епископов и священников не доставало богословского и риторического образования для эффективной проповеди. Им запрещалось проповедовать, а вместо этого предписывалось читать вслух проповеди, ранее написанные знаменитыми Отцами Церкви¹. Уменьшение количества проповедей, сохранившихся с VII в., может, следовательно,

¹ Дословно текст правила следующий: «Предстоятели церквей должны во вся дни, наипаче же во дни воскресные, поучати весь клир и народ словесам благочестия, избирая из Божественного Писания разумения и разсуждения истины, и не преступая положенных уже пределов и предания богоносных отец: и аще будет изследуемо слово Писания, то не инако да изъясняют оное, разве как изложили светила и учителя церкви в своих писаниях, и сими более да удовлетворяются, нежели составлением собственных слов, дабы, при недостатке умения в сем, не уклониться от подобающего. Ибо, чрез учение вышереченных отец, люди, получая познание о добром и достойном избрании, и о неполезнам и достойном отвращении, исправляют жизнь свою на лучшее, и не страждут недугом неведения, но внимая учению, побуждают себя к удалению от зла, и, страхом угрожающих наказаний, соделывают свое спасение» См.: Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского / [отв. ред. и перев. с сербского священника Максима Козлова; пред. протоиерея Владислава Цыпина]. – Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1996. – Т. 1. – С. 490. (прим. ред.).

иметь различные объяснения. Тогда как, возможно, пришли в упадок стандарты проповедничества и большинство духовенства было неспособно проповедовать достаточно красноречиво, столь же вероятно и то, что переписчики предпочитали работы проповедников раннего периода и именно их переносили в тексты, предназначенные для литургического прочтения.

В VIII–IX вв. снова появляются проповеди в высоком стиле, и это отражает возрождение, имевшее место во всех сферах византийской культуры. Проповеди, приписываемые епископам, Патриархам и даже императорам в середине и конце византийской истории, принимают разнообразные формы: евлогии святым, праздничные проповеди, проповеди «по случаю» – в память о том или ином событии или празднике и многие другие. Они зачастую объединяются в специальные сборники, что свидетельствует об их положении как литературных произведений, ценимых Церковью равно за красноречие и за поучительный характер. Различные реформы, в том числе учреждение в 1107 г. в Константинополе особой профессиональной группы дидаскалов (из мирян и клириков), были направлены на поощрение проповеди в тот период (Gautier 1973: 172–7). Замечено, что неформальные, экзегетические проповеди, сохранившиеся от IV–VI вв., менее распространены в более поздние периоды истории Византии, хотя из этого правила есть и исключения (Antonopoulou 1997: 102–10; 1998: 336–9); возможно также, что, хотя такие проповеди и продолжали произносить в Церкви, их больше не рассматривали в качестве достойных для передачи последующим поколениям (Cunningham 1990: 44).

Виды проповеди

В византийский период различные виды проповеди уже определены более четко, хотя важно подчеркнуть, что границы между различными жанрами остались размытыми. Следует ли официальные речевые жанры, такие как энкомий, на самом деле определять как «гомилетику», – это остается предметом дискуссии, но данные формы рассматривались как проповеди самими византийцами и включались в те же литургические сборники, что и прочие виды проповеди. Различные виды проповеди, описываемые ниже, являются основными категориями жанра в целом. Однако важно отметить, что отдельные проповеди могут совмещать в себе более одной формы и варьироваться между неформальным и более литературным риторическими стилями.

1. Экзегетические проповеди. Такие проповеди отличаются отсутствием структуры и, в целом, легким, разговорным стилем. Могут использоваться литературная, моральная или аллегорическая экзегеза, согласно категориям, установленным Оригеном и прочими проповедниками раннего периода. Экзегетические проповеди зачастую драматически интерпретировали чтения из Св. Писания, цитируя Библию, апокрифические тексты или изобретая собственные диалоги. Есть предположение, что, кроме развлечения, драматические проповеди служили дидактической цели (Kecskeméti 1993). Драматические проповеди повлияли на развитие кондака (греч. *kontakion* – гимн или проповедь в стихах, появившийся в конце V – начале VI вв.) (Grosdidier de Matons 1977). С конца VI в. как экзе-

гетические, так и драматические проповеди стали гораздо менее распространенными, хотя, как уже говорилось ранее, это может касаться лишь их письменного воспроизведения.

2. Катехизические и тайноводческие проповеди. Данный жанр проповеди первоначально дошел до нас из ранневизантийской истории, в особенности IV в., – из текстов Кирилла Иерусалимского, Иоанна Златоуста, Феодора Мопсуестийского и Амвросия Медиоланского. Катехизис был рассчитан на взрослых, проходивших трехгодичный период первоначального приобщения к христианской Церкви, и обучающие проповеди предлагались им на конечном этапе посвящения – во время Великого Поста, на Страстной Седмнице и на Светлой Седмнице, следовавшей за их Крещением в Пасху. Катехизические проповеди разъясняли учение, этику, Таинства христианства, акцентируя внимание на Никейском Символе Веры, Молитве Господней, богослужениях Крещения и Евхаристии.

3. Проповеди по особым поводам. Данное понятие относится к отдельным произведениям, создававшимся как отклик на то или иное событие, которое проповедник желал отметить (с радостью или с горечью). Такие проповеди «по случаю...» могли быть составлены в любом литературном стиле, в некоторой степени в зависимости от того события, которое отмечалось. Многие проповеди Св. Григория Назианзина являются проповедями по особым поводам и относятся к прижизненным событиям, так же как, к примеру, серия проповедей Св. Иоанна Златоуста «О статуях», в которой вспоминаются события антиохийского восстания против императора Феодосия I в 387 г. К более поздним примерам проповедей данного типа относятся проповедь Патриарха Фотия (IX в.) о безопасном избавлении Константинополя от нападения росов в 860 г., его воспоминание торжественного открытия мозаичного изображения Пресвятой Богородицы с Младенцем в апсиде Великой церкви Св. Софии (Mango 1958: 74–110; 279–96) и проповедь Николая I Мистика о взятии Фессалоники, случившемся в августе 904 г. (Westerink 1981: 8–17).

4. Социо-этические проповеди. Будучи особенно характерны для Св. Иоанна Златоуста, социо-этические проповеди обличают светское времяпрепровождение (цирк, театр) или личностные пороки. Проповедник обращается непосредственно к пастве, пытаясь убедить в необходимости следовать христианскому образу жизни, чтобы достичь спасения. Социо-этические проповеди содержат значительное количество информации о социальном поведении, повседневной жизни, отношениях между проповедниками и аудиторией (Mayer and Allen 2000: 118–25).

5. Полемические проповеди. Проповеди, направленные против тех, кого воспринимали как идеологических противников, в том числе еретиков, евреев, прочих, писались во все периоды византийской истории. В дополнение к проповедям, специально посвященным выпадам в адрес оппонентов и укреплению православной позиции, многие другие жанры, в том числе, экзегетическая и праздничная проповедь, содержат полемические разделы, чаще всего направленные против иудеев (Cunningham 1999). К числу наиболее известных примеров полемических проповедей относят серии проповедей Св. Иоанна Златоуста против «иудео-христиан» и против аномеев (радикальная арианская секта) (Wilken 1983) и проповеди Фотия против ариан, в которых он пытается провести

параллель между ересью IV в. и иконоборством (Mango 1958: 236–78). Полемические проповеди используют такие приемы как экскламация¹, прямое обращение к аудитории, гиперболизация с целью усиления риторического воздействия.

6. Праздничные проповеди. Данные проповеди, в рукописях обычно называемые логи или энкомии, имеют тенденцию к большей формализации стиля и структуры, нежели экзегетические или катехизические проповеди. Написанные в честь Великих праздников Православной Церкви, в том числе Рождества Господа и Рождества Богородицы, они в равной мере имеют целью восхваление, чествование, поучение. Проповеди, прославляющие события в жизни Христа и Св. Девы Марии, Его Матери, в использовании риторических приемов и богословских высказываний все больше следовали давно и хорошо установившейся традиции. К VIII–IX вв. поэтическое качество многих проповедей наводит на мысль о тесном родстве с гимнографической трактовкой их сюжетов. Риторические приемы, такие как анафора, антитеза, гомиотелевт, апостроф, экфрасис, могут присутствовать в них все, в зависимости от сюжета проповеди. Многие праздничные проповеди заканчиваются кратким этическим разделом, в котором перед финальным славословием проповедник извлекает моральный урок из рассматриваемой темы.

7. Хвалебные слова (панегирики и энкомии). Данный жанр включает проповеди, написанные в похвалу святым, обычно произносившиеся в день их празднования, а также надгробные речи, к примеру, слова Св. Григория Назианзина в память о Св. Василии Великом или о своих родных. Все эти формы подчиняются классическим правилам составления хвалебных речей, описанных в двух трактатах III в. ритором Менаандром (Russell and Wilson 1981). После цветистого пролога, в котором обосновывается важность предмета и признается недостойность говорящего, энкомий следует установленной структуре, включая краткий отчет о предках героя проповеди, его рождении, образовании (обучении), деяниях, смерти. Сравнение с классическими героями или, в случае христианской агиографии, с библейскими персонажами, составляет важный раздел в конце большинства энкомиев.

8. Монастырские катехизисы. Сохранились катехизисы, произносившиеся в монашеских обителях, датируемые серединой и концом византийской истории. К числу примеров относятся катехизические проповеди Св. Феодора Студита, Св. Симеона Нового Богослова, Св. Павла из монастыря Евергетиссы. Катехизические проповеди, обычно произносимые настоятелями перед монахами несколько раз еженедельно после утреней, разъясняли этические и практические вопросы с целью усилить аскетизм и поднять моральный дух общины. Так же как экзегетические и катехизические проповеди, адресованные широким массам, монастырские катехизисы цитируют и толкуют Св. Писание, но акцентируют больше внимания на моральные выводы из него, нежели на богословское значение. Из монастырских катехизисов можно почерпнуть множество информации о повседневной жизни в монастырях и взаимоотношениях между монахами и игуменами.

¹ Риторическое восклицание (*прим. ред.*).

9. Богословские проповеди. Цель богословских проповедей заключалась в распространении христианской доктрины иногда в ответ на внешние или внутренние вызовы или в связи с литургическими поводами. Очень часто сложно определить, действительно ли сообщение богословского содержания предназначалось для публичного выступления, или же автор задумывал его как письменный трактат. Тогда как многие богословские речи IV–V вв., вероятно, предназначались для частного прочтения, Три слова Св. Иоанна Дамаскина в защиту святых икон имеют особенности устного сообщения, в том числе риторические вопросы и восклицания, отсутствие структуры, повторение. Тем не менее информация о точных обстоятельствах произнесения богословских проповедей зачастую отсутствует и весьма вероятно, что в последующие столетия их использовали в целях обучения, а не прочтения за литургией.

Передача

Византийские проповеди объединяли в литургические сборники (так называемые гомилеарии), панегирики, менологии и смешанные сборники, составленные в порядке календарного литургического года (Ehrhard 1937–52). Большинство сохранившихся экземпляров было составлено после IX в. и, предположительно, использовалось для чтения в Церкви. Вряд ли такие чтения, которые согласно сохранившимся типиконам произносили в ходе монастырских служб и всенощных бдений, когда-либо занимали место спонтанной проповеди. Подобные компиляции были избирательны в подборе текстов, но авторство знаменитых Отцов Церкви раннего периода, таких как Св. Иоанн Златоуст, Св. Иоанн Дамаскин, Св. Андрей Критский и ряда других, заставляло предпочитать их проповедям менее известных авторов последующих периодов. После IX в. начинают появляться специальные сборники проповедей единственного автора, например, Фотия, Льва VI и Иоанна Ксифилина. Весьма вероятно, что эти авторы тщательно редактировали свои проповеди перед публикацией, даже если обычно они предлагались слушателям в менее формальной манере. Стенография, то есть запись на скорую руку проповедей, произносимых экспромтом, была весьма распространенной в ранние века существования Церкви, и труды Оригена, Каппадокийских Отцов, Св. Иоанна Златоуста, Св. Кирилла Иерусалимского представляют лучшие примеры этого. В IX в. Патриарх Тарасий нанимал стенографов, так поступал и его современник Феодор Эдесский. Независимо от того, говорили ли проповедники спонтанно, в лучших традициях греческой риторики либо же предварительно составляли проповеди письменно, вероятнее всего, большинство авторов тщательно редактировало их перед публикацией в литургическом или специальном собрании текстов (Antonopoulou 1997: 100–1). Проповедники на протяжении всего византийского периода свободно цитировали и даже вставляли части гомилетических работ своих предшественников; как и во всех остальных литературных жанрах, плагиат не оставлял на человеке такого клейма как сегодня.

Важность гомилетики

Проповеди представляют собой важный источник информации для историков, филологов, богословов, историков искусства. С исторической точки зрения проповеди, в особенности написанные до VII в., позволяют понять повседневную жизнь обычных людей, их поведение и реакцию на церковную проповедь, а также ценность прочих реалий (см.: MacMullen 1989: 503–11; Allen and Mayer 1993: 260–80). Проповеди всех периодов являлись для церковных властей основным инструментом доведения до населения одобряемого набора социальных норм, богословских истин, этических ценностей. С филологической точки зрения проповеди могут являться образцами разноуровневых стилей – от простого койне греко-язычного Нового Завета до высококлассной аттицизированной или малоазийской риторики периода второй софистики. Как единственные литургические тексты, в которых может полностью раскрыться мастерство ритора, проповеди во все периоды представляли собой важные образцы византийской литературной изобретательности. В то время как некоторые проповеди излагают сложные богословские идеи, большинство из них все же содержит удивительно простое обобщение христианского учения, особенно подчеркивая центральные доктрины о Воплощении и Воскресении Христа. Историки искусства предполагали, что проповеди всех периодов влияли на развитие иконографии и выбор изображений в монументальном искусстве. Несмотря на огромное количество иллюстрированных Библий, лекционариев, менологиев, сохранилось лишь несколько иллюстрированных гомилеариев (рукописных сборников проповедей). Проповеди остаются во многом потенциальным источником информации во всех сферах, благодаря наличию сохранившихся текстов и отсутствию перевода на современные языки.

ЛИТЕРАТУРА

- ALLEN, P. 1996. 'Severus of Antioch and the homily: the end of the beginning?', in P. Allen and E. Jeffreys (eds.), *The Sixth Century: End or Beginning?* (Brisbane): 163–75.
- with DATEMA, C. 1991. *Leontius Presbyter of Constantinople. Fourteen Homilies* (Brisbane).
- and MAYER, W. 1993. 'Computer and homily: accessing the everyday life of early Christians', *Vigiliae Christianae* 47: 260–80.
- ANTONPOULOU, T. 1997. *The Homilies of the Emperor Leo VI* (Leiden).
- 1998. 'Homiletic activity in Constantinople around 900', in M. Cunningham and P. Allen (eds.), *Preacher and Audience: Studies in Early Christian and Byzantine Homiletics* (Leiden): 317–48.
- BORGEN, P. 1965. *Bread from Heaven* (Leiden).
- BULTMANN, R. 1910. *Der Stil der paulinischen Predigt und die kynisch-stoische Diatribe* (Göttingen).
- CHEVALIER, C. 1937. 'Les trilogies homilétiques dans l'élaboration des fêtes mariales 650–850', *Gregorianum* 18: 361–78.

- CUNNINGHAM, M. 1990. 'Preaching and the community', in R. Morris (ed.), *Church and People in Byzantium* (Birmingham): 29–47.
- 1996. 'The sixth century: a turning point for Byzantine homiletics?', in P. Allen and E. Jeffreys (eds.), *The Sixth Century: End or Beginning?* (Brisbane): 176–86.
- 1999. 'Polemic and exegesis: anti-Judaic invective in Byzantine homiletics', *Sobornost* 21.2: 46–68.
- DONFRIED, K. P. 1974. *The Setting of Second Clement in Early Christianity* (Leiden).
- EHRHARD, A. 1937–52. *Überlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der griechischen Kirche von den Anfängen bis zum Ende des 16 Jahrhunderts*, 3 vols. (Leipzig).
- GAUTIER, P. 1973. 'L'Édit d'Alexis Ier Comnène sur la réforme du clergé', *REB* 31: 169–202.
- GROSDIDIER DE MATONS, J. 1977. *Romanos le Mélode et les origines de la poésie religieuse à Byzance* (Paris).
- HALL, S. G. 1979. *Melito of Sardis on Pascha and Fragments* (Oxford).
- KECSKEMÉTI, J. 1993. 'Doctrine et drame dans la prédication grecque', *Euphrosyne*, NS 21: 29–68.
- KENNEDY, G. A. 1983. *Greek Rhetoric under Christian Emperors* (Princeton).
- MACMULLEN, R. 1989. 'The preacher's audience (AD 350–400)', *JTS*, NS 40: 503–11.
- MANGO, C. 1958. *The Homilies of Photius Patriarch of Constantinople* (Cambridge, Mass.).
- MAYER, W., and ALLEN, P. 2000. *John Chrysostom* (London).
- RUSSELL, D. A., and WILSON, N. G. 1981. *Menander Rhetor* (Oxford).
- STEWART-SYKES, A. 2000. *From Prophecy to Preaching: A Search for the Origins of the Christian Homily* (Leiden).
- 2001. *Melito of Sardis on Pascha* (Crestwood, NY).
- UTHEMANN, K.-H. 1998. 'Forms of communication in the homilies of Severian of Gabal: a contribution to the reception of the diatribe as a method of exposition', in M. Cunningham and P. Allen (eds.), *Preacher and Audience: Studies in Early Christian and Byzantine Homiletics* (Leiden): 139–77.
- WESTERINK, L. G. 1981. *Nicholas I Patriarch of Constantinople. Miscellaneous Writings* (Washington, DC).
- WILKEN, R. L. 1983. *John Chrysostom and the Jews: Rhetoric and Reality in the Late Fourth Century* (Berkeley).
- WILKINSON, J. 1999. *Egeria's Travels* (Warminster).

Рекомендуется для углубленного изучения

- Обобщающего учебника по византийской гомилетике пока не существует. Вводные понятия о различных сторонах предмета можно найти в: M. Sachot, 'Homilie', *Reallexikon für Antike und Christentum* 16 (1992): 148–75; Kennedy 1983; Cunningham 1990; Antonopoulou 1997, особенно pt. II, ch. 1: 'The development of the Byzantine homiletic tradition (4th–10th centuries)'.
- Развитие особой христианской формы риторической речи в первые столетия существования Церкви и ее выражение в проповедях исследуется в издании: A. M. Cameron, *Christianity and the Rhetoric of Empire: The Development of Christian Discourse* (Berkeley 1991).

- Перечни распространенных проповедей до VIII в. приведены в издании: M. Geerard (ed.), *Clavis Patrum Graecorum*, I–V; *Supplementum* (Brepols–Turnhout, 1983–98), а энокмии Христу, Пресвятой Деве Марии и другим святым см.: F. Halkin (ed.), *Bibliotheca hagiographica graeca*, I–III; *Auctarium*, IV; *Novum Auctarium*, V (Brussels, 1957–69).
- Об истоках христианской гомилетики см.: Stewart-Sykes 2000.
- Исследования гомилетики в патристический период: E. Mühlenberg and J. Van Oort (eds.), *Predigt in der Alten Kirche* (Kampen, 1994); D. G. Hunter (ed.), *Preaching in the Patristic Age: Studies in Honor of Walter J. Burghardt, S. J.* (New York, 1989).
- Об использовании риторики в проповедях, особенно Св. Иоанном Златоустом, см.: T. E. Ameringer, 'The Stylistic Influence of the Second Sophistic on the Panegyric Sermons of St John Chrysostom: A Study in Greek Rhetoric' (Ph. D. thesis, Catholic University of America, Washington, DC, 1921).
- Взаимоотношения проповедника со слушателями исследуются в работах: A. Olivar, *La Predicacion Cristiana Antigua* (Barcelona, 1991) и Mayer and Allen 2000; MacMullen 1989 – на примере Св. Иоанна Златоуста.
- О различных проповедниках II–IX вв. см.: M. Cunningham and P. Allen (eds.), *Preacher and Audience: Studies in Early Christian and Byzantine Homiletics* (Leiden, 1998).
- Великолепное обобщение темы можно найти в: Antonopoulou 1997: 105–10.
- Рукописное воспроизведение византийских проповедей всех исторических периодов можно изучить по изданию Ehrhard 1937–52. См. также обзор этого монументального труда в статье: C. Martin, 'Aux sources de l'hagiographie et de l'homilétique byzantines', *Byzantion* 12 (1937): 347–62.
- Более общее обозрение, включающее гомилеарию на других христианских языках: R. Grégoire, 'Homélieares orientaux', *Dictionnaire de Spiritualité* 7, pt. 1 (Paris, 1968): 606–17.
- О «драматических» проповедях Kecskeméti 1993: 29–68, а также: S. MacCormack, 'Christ and empire: time and ceremonial in sixth-century Byzantium and beyond', *Byzantion* 52 (1982): 287–309; G. La Piana, *Le Rappresentazioni sacre nella Letteratura Bizantina dalle Origini al Secolo IX* (Grottaferrata, 1912); idem, 'The Byzantine Theatre', *Speculum* 11 (1936): 171–211; A. M. Cameron, 'Disputations, polemical literature and the formation of opinion in the early Byzantine period', in G. J. Reinink and H. L. J. Vanstiphout (eds.), *Dispute Poems and Dialogues in the Ancient and Medieval Near East* (Leuven, 1991) = A. M. Cameron, *Changing Cultures in Early Byzantium* (Aldershot, 1996), III: 92–9.
- Исследования творчества отдельных проповедников в раннехристианский и византийский периоды: A. M. Castagno, *Origene predicatore e il suo pubblico* (Turin, 1987); F. van de Pa-verd, *St John Chrysostom. The Homilies on the Statues: An Introduction* (Orientalia Christiana Analecta 239; Rome, 1991); M. Aubineau (ed.), *Les homélies festales d'Hésychius de Jérusalem*, I–II (Subsidia Hagiographica 59; Brussels, 1978–80); idem, *Homélies pascales: cinq homélies inédites* (Paris, 1972); Allen and Datema 1991; F. List, *Studien zur Homiletik Germanos I. von Konstantinopel und seiner Zeit* (TF 29; Athens, 1939); Antonopoulou 1997; Mango 1958; K. G. Bonis, *Prolegomena eis tas 'hermeneutikas didaskalias' tou Ioannou VIII Xiphilinou, Patriarchou Constantinopoleos* (Athens, 1937); R. E. Sinkewicz, *Theoleptos of Philadelpheia: The Monastic Discourses. A Critical Edition, Translation, and Study* (Toronto, 1992); H. Hennephof, *Das Homiliar des Patriarchen Neilos und die Chrysostomische Tradition. Ein Beitrag zur Quellengeschichte der Spätbyzantinischen Homiletik* (Leiden, 1963); V. Christophoridis, *Homilies Isidorou Glaba, vol. 1* (Thessalonike, 1992).

Глава III.18.6 ЭПИСТОЛОГРАФИЯ

Маргарет Маллетт

Иоаннес Сикьютрес особо выделял византийскую эпистолографию как жанр, в котором византийские писатели превзошли своих классических предшественников (Sykutres 1930). Обширная работа, проведенная во второй половине XX в., подтвердила этот его взгляд и позволила исследователям формулировать еще более изощренные суждения. Типично византийские письма – это т. н. «реальные письма» (McGann 1969), обладавшие потенциалом влияния на исторические события вне текста, хотя их положение в континууме фактов и художественного вымысла может быть и неопределенным. Они соответствовали определенному размеру (метрону, *metron*), который, возможно, равнялся одному листу пергамента; во многих собраниях письма содержат около 400 слов. В них обычно отсутствуют вступительная и заключительная части и редко указана дата. Они написаны в искусной прозе и эмоционально окрашены церемониальностью обращения (Zilliacus 1953; Grünbart 2005a), подчеркивающей взаимоотношения между отправителем и получателем. Их доставляли письмоноscopy, которые вместе с запечатанным свитком пергамента передавали также и устное сообщение (Tomadakis 1993), часто сопровождавшееся стихами, благовониями, подарками, едой (Karpozilos 1984, 1995). Символизм сопроводительной части мог находиться в связи с содержанием письма. Письма часто изобилуют случайными деталями, почти никогда не связаны с текущими событиями и сосредоточивают внимание на авторе и получателе, а не на третьих лицах. Они высокоэмоциональны и экспрессивно «сжимают» эмоции до стандартного размера метрона, приукрашая письмо декоративными и церемониальными оборотами (Mullett 1981). Дошедшие до нас письма раннего периода написаны на латыни, греческом, коптском, сирийском, но начиная с VII в. все византийские письма писались на греческом. Их авторы полностью осознают сложности коммуникации, но амбивалентно воспринимают письмо как «зеркало души»¹ и как маску, – маску и пишущего, и адресата. Реальность повседневной жизни прикрь-

---

¹ В оригинале – ‘icons of the soul’ (прим. переводчика).

вается покровом приемлемого; концепция «деконкретизации» (Karlsson 1962) обеспечивает произведению литературный статус, не снижая действенности письма как политического инструмента. Письма ценились высоко, их сравнивали с песней соловья или медом с горы Гиметт¹. Жанр художественного письма (наподобие писем Филострата и Алкифрона) возродился в VI в.; к XIV в. относятся собрания «лаконичных писем». Более пространственные письма в различные периоды могли содержать богословскую или философскую аргументацию, так что различного рода труды разделяли судьбу эпистолярного жанра (к примеру, «Библиотека» Фотия (Treadgold 1980)). По большей части сохранившиеся письма представляют собой единичные сообщения – отрывки корреспонденции, но в ряде случаев вопросоответный обмен становится преимущественно значимой характеристикой переписки, а сами письма – передатчиком диалога (Regnault 1997; Chrissyavgis 2003). Письма различных социальных кругов могут иметь отличительные черты: скажем, письма из монастыря могут иметь аскетическую или теологическую окрашенность. Но случается и так, что в них больше сходного, чем отличного в сравнении с написанными в миру (Dartrouzès 1972; Grünbart 2007). Сохранились письма от императоров, чиновников, епископов, воинов, монахов, школьных учителей, законовевов, риторов и знатных дам империи (Неро 1986); свинцовые печати (Oikonomides 1983) наводят на мысль о том, что в переписке участвовал даже более широкий круг людей (в том числе одна столпница со своего столпа). Письма стали доступны нам большей частью благодаря их собраниям, составлявшимся в средневековье (Grünbart and Papaioannou в печати).

Теория письма

В отличие от латинского средневековья (Murphy 1974) с его *artes dictaminis* Византия не располагала существенной теоретической традицией эпистолографии; написанию писем не учили в школе. Большинство византийцев, вероятно, составляли свои письма на основе мимесиса (Hunger 1969–70), процесса, о котором мы располагаем наиболее полными историческими данными применительно к поздневизантийскому периоду (Webb 1994). Имеются и три дополнительных источника. Источник времен классической античности (I в. до н. э. – I в. н. э.) – краткий экскурс Димитрия в *Peri Hermeneias* – наиболее обширный, хотя и не всеобъемлющий (Roberts 1902). Он касается разнообразных вопросов, важных для византийской эпистолографии, и, вероятно, его читали некоторые авторы писем. Наиболее часто цитируемое изречение из него – «письмо – это добрые пожелания сердца вкратце» указывает на чувства, заключенные в тесные рамки метрона. Письмо представляет собой нечто более сложное, нежели сообщение «в один конец»; есть эпистолярные и неэпистолярные темы: скажем, логика и наука являются неэпистолярными. Димитрий далее утверждает, что письмо – это «икона души», и эту идею вслед за ним разделяли и византийские авторы писем. Жизненность чувства как проявление характера – вот, вероятно, наиболее сильная сторона византийского письма в теории, а также и на практике.

¹ Гиметт (Имиттос) – гора на юго-западе Греции (Аттика, к западу от Афин), знаменита своим мрамором и медом (прим. переводчика).

Далее Димитрий пытается выделить письмо среди других письменных форм. «Письмо, вероятно, заслуживает немного более тщательного изучения, нежели диалог, поскольку последний воспроизводит спонтанное высказывание, тогда как первое составляется письменно и (в определенном случае) посылается в качестве подарка». Письмо – это не ораторское выступление или результат актерского труда, не трактат, не речь на судебном заседании, не философское произведение. Наконец, письмо – это сочетание двух стилей: изящества и искренности. Письмо как подарок – это понятие, проходящее сквозь всю византийскую литературу, и его стиль больше тяготеет к изяществу, нежели к прямоте.

Вторым теоретическим трактатом о письмах является Письмо 51 Св. Григория Назианзина к Никовулу (Gallay 1964–7). Св. Григорий отвечает на просьбу поразмышлять о написании писем. Писатели как лучники: одни стреляют дальше мишени, стрелы других ложатся ближе, не достигая цели. Основные характеристики эпистолярного стиля для него – синтомия (*syntomia*), сафения (*saphe-neia*), харис (*charis*). В отношении краткости он проявляет гибкость: метрон – это необходимая условность. Но, если предмет того требует, письмо должно быть длиннее; в прочих случаях оно может быть и короче. Как бы то ни было, его заключительная часть усиливает важность послания.

На второе место он ставит ясность. По словам Ромилли Дженкинса, «византийское письмо является безличным набором цветистых выражений либо не содержащим сообщения, либо облекающим его в такую туманную и неоднозначную форму, что оно почти невразумительно» (Jenkins 1963a). Сейчас мы считаем, что письма всегда содержали сообщение, даже если они были вымышлены или если это сообщение было продиктовано желанием пообщаться. Но в средневизантийский период «неясность выступает в качестве окончательно сформировавшегося литературного стандарта, установленного такими лицами как Геометр и Сикелиан» (Kustas 1973). Однако Св. Григорий утверждает, что существует разница между историей-загадкой и письмом: разгадывать скрытый смысл письма нежелательно. Он избегает формы выступления и тяготеет к тональности беседы. Другие комментаторы указывают на то, что письма имеют большую необходимость быть понятными, чем прочие литературные формы: Симпликий, объясняя намеренное использование Аристотелем смысловой неясности в «Категориях», указывает, что в своих письмах «он более, чем показал то сочетание ясности и изящества, которого требует эпистолярный стиль» (Kalbfleisch 1907).

Третье качество, согласно Св. Григорию, – изящество. Он рассуждает, что стилистические фигуры следует использовать умеренно, как пурпур в тканом одеянии. Св. Григорий настаивает на меньшей изощренности и большей натуральности или же подражании натуральности. И его последнее замечание заключается в том, что Никовул научится всему остальному сам, поскольку у него хорошие способности, и люди опытные в написании писем обучат его всему. Но здесь есть и противоречие: загадки и пословицы приукрашают и в то же время затевают смысл, что создает бесконечный простор для творчества эпистолографов будущего.

Наконец, византийцы имели в своем распоряжении и тексты другого рода. Это «Типы писем», из которых до нас дошли две основных группы рукописей: Псевдо-

Димитрий и его «Эпистолярные типы» и Псевдо-Ливаний с его «Эпистолярными стилями» (Weichert 1910; Malosse 2004). Псевдо-Димитрий (II в. до н. э. – III в. н. э.) выделяет 21 тип писем: дружеские, хвалебно-рекомендательные, письма-порицания и т. д., и далее прорабатывает каждый из типов, приводя примеры их употребления. Псевдо-Ливаний (IV–VI вв.) видит свою цель в том, чтобы помочь авторам писем писать «не безыскусственно и равнодушно, но с величайшей точностью и мастерством. Каждый мог бы писать наилучшим из возможных стилей, если бы знал, что такое есть письменное послание, что, вообще говоря, позволительно в нем излагать и на какие типы делятся письма». И добавляет определение: «Письмо есть своего рода беседа с неким лицом, с которым мы разлучены, оно удовлетворяет определенной необходимости. Автор в нем как бы говорит с отсутствующим лицом». Далее он пускается в повествование о 45 различных типах писем. Наконец, он требует аттического стиля, ясности, длительности, определяемой сюжетом, краткости и выразительности, архаичности. Он использует то же сравнение со стрельбой из лука, что и Св. Григорий Назианзин и в итоге, прежде чем привести ряд примеров, замечает: «...ссылки на исторические труды и басни придают письмам очарование так же, как цитаты из древних авторов, меткие афоризмы и философские доктрины».

Таким образом, речь в этих текстах идет о жанре: риторические типы произведений определяются настроением или случаем, а также ожиданиями в отношении формы. Они наиболее близко соответствуют в Византии понятию теории жанра. Рассматривая их вместе с *Peri Hermeneias* и Св. Григорием, мы можем свести воедино теорию письма, оставляющую максимум возможностей для маневра, создающую неопределенность в отношении краткости, ясности и стилистической украшенности и не оставляющую сомнений в том, что письмо это и подарок, и зеркало души.

Обзор византийской эпистолографии

Общее количество дошедших до нас писем, предположительно, составляет приблизительно 15 000. Имеется свыше 150 крупных собраний писем, датированных 300–1500 гг. Сохранившиеся собрания писем, написанных до 900 г. малочисленны, но довольно объемисты. Наибольшие из них – собрания Ливания (Cabouret 2000; Fatouros and Krischer 1980), Нила Анкирского (Cameron 1976), Исидора Пелусиота (Halton 1995). Наиболее ранние – письма таких пустынножителей как Св. Антоний (Rubenson 1995), Св. Аммоний (Outtier 1985; Brenneke 2002) и собрание Св. Афанасия Александрийского (Merendino 1965). Но именно в писаниях Ливания, императора Юлиана (Eitrem 1957) и Синесия (Garzya 1989; Rocques 1989) мы впервые видим полное развитие византийской практики написания писем. С тремя Каппадокийскими Отцами она приобретает христианский тон (Courtonne 1973; Dennis 1988). Вместе с Феодоритом Киррским (Wagner 1948) и Св. Иоанном Златоустом, которому в византийской эпистолографии принадлежит первенство в написании писем из ссылки (Callegari 1976), они, впоследствии, рассматриваются как классики данного жанра (Webb 1994). Их время было также периодом бурного развития эпистолографии на Западе:

письма Блаженного Августина (Keenan 1935) имеют много общего с письмами Св. Василия Великого или Юлиана, а письма Паулина из Нолы наилучшим образом выражают позднеантичные взгляды на дружбу (Amherdt 2004). Последними представителями этого круга, где обмен письмами рассматривался как драгоценная и желанная связь в интеллектуальном сообществе Средиземноморья, можно считать Кассиодора (Leanza 1983) и Сидония Аполлинария (Anderson 1936), каждый из которых посвоему пришел к соглашению с государствами-преемниками Западной империи. На Востоке долгий VI в. стал своеобразным «бабьим летом» античной формы художественного письма в работах Прокопия Газского (Garzya and Loenertz 1963), Аристенета (Arnott 1973, 1975, 1982) и Феофилакта Симокатты (Moffatt 1984), и точно также имели место возрождение эпиграммы и возврат к «Истории» Фукидида.

Большие перемены VII в. отразились в письмах: собрания посланий VII–IX вв. гораздо более политичны по своему содержанию и имеют тенденцию отображать превратности церковных кризисов, начиная от борьбы Св. Максима Исповедника против монофелитства (Louth 1996), включая иконоборский спор и доходя до Фотиевой схисмы и проблемы четверообращения (Laourdas and Westerink 1951; Jenkins and Laourdas 1956). Количество собраний невелико, но письма были жизненным средством поддержания политических союзов как показывает собрание Феодора Студита (Alexander 1977). Однако собрание Игнатия из Никеи (того же периода) демонстрирует эпистолографическую общность со святоотеческой эрой и X веком (Mango and Efthymiadis 1997). Первые признаки конца «темных веков» просматриваются в письмах Фотия, хотя полемический аспект византийских писем сохраняется на протяжении X в., как это следует из собраний Николая Мистика и Арефы (Jenkins and Westerink 1973; Karlin-Hayter 1965).

Но основные собрания относятся к X в., когда письмо целиком реализовало свой потенциал (Darrouzès 1960; Darrouzès and Westerink 1978; Vinson 1985). Мы располагаем письмами многих известных лиц того периода – императоров, военачальников, дипломатов, епископов, видных деятелей монашества. Они содержат стандартный набор топов и претензию на блеск и мастерство словесности. Достижения XI в. единообразно описать затруднительно: наряду с собраниями меньших размеров мы имеем ущербную коллекцию Иоанна Мавропода (Karpozilos 1982, 1990) и масштабные собрания Михаила Пселла (Papaioannou 1998) и Феофилакта Охридского (Mullett 1997). Но, начиная с Феофилакта, линия ясна; она идет от его родственников Торников (Darrouzès 1970) к константинопольскому поколению Феодора Протропа (Op de Coul 2006), Михаила Итала (Gautier 1972) и Иоанна Цеца (Grünbart 1996), продолжаясь до конца века произведениями Евстафия Фессалоникского, Евфимия Торника, Евфимия Малаки и братьев Хониатов (Kolovou 1995, 1999; Darrouzès 1965).

Четвертый Крестовый поход 1204 г. не привнес ничего значимого в отношении писем: слишком невелика разница между эпистолярными мирами Евфимия Малаки и Михаила Хониата, равно как и Димитрия Хоматиана (Prinzing 2002), Иоанна Апокавка (Lampropoulos 1988; Delemares 2000) или даже Михаила Гавры (Fatouros 1973). Но эпоха Палеологов не такова, от XIII–XV вв. сохранилось столько же собраний писем, сколько от целого предыдущего тысячелетия, и все

они весьма разнообразны. Многие из них продолжают темы средневизантийского периода, прочие повествуют о политике (исихазм, гражданские войны, церковная уния, падение Византии), но, в целом, письма более открыты и описательны: Димитрий Кидонис (Tinnefeld 2003; Kianka 1992; Hatlie 1996b) написал письмо о чуме 1347 г., не имеющее аналогов в ранней эпистографии. Писатели теперь ближе к событиям, нежели их предшественники, поэтому в корреспонденции наблюдается смешение общественного и личного. В письмах Патриарха Афанасия (Talbot 1975), Григория Акиндина (Него 1983), Никифора Григоры (Leone 1982–3), Феодора Метохита (Ševčenko 1975), Иоанна Хортасмена (Hunger 1957), Симеона Фессалоникийского (Balfour 1979) и Мануила II (Dennis 1977) это видно явно. Экфрасисы больших и малых городов теперь встречаются чаще наряду с по-прежнему популярными описаниями мест пребывания в гостях, а также самих путешествий: ранневизантийские заботы о трудностях и сезонности обмена письмами уступают место еще одной проблеме – потере писем путешественниками из-за того, что последние слишком быстро перемещаются в космополитическом мире Венеции и Кипра, Флоренции и Фессалоники и, конечно же, Османской империи.

Читая византийские письма

Византинисты давно перестали оплакивать пустоту и бессмысленность византийских писем (Dennis 1984) и начали ценить их как значимую художественную ценность византийской литературы, а также за то, чему они могут научить нас о византийском обществе (Dennis 1988). Работа о природе собраний писем и их методологии (Hörandner and Grünbart 2003) последовала за публикацией важнейших собраний в прошедшие тридцать лет. Авторские и прочие собрания, упорядочение по хронологии или теме, включение или невключение деталей – вот основные вопросы, которые по-прежнему не дают покоя исследователям (Grünbart and Papaioannou в печати). Делаются попытки изучения грамотности и образования (Mullett 1990; Markopoulos 1982, 2000). Еще одним вопросом, который можно осветить в письмах, является распространение новостей в империи и внутренние коммуникации. Процесс обмена письмами отображается в библейских и исторических рукописях, таких, как Мадридские письма Скилицы, и заслуживает более детальных исследований. Недавно письма стали использовать для анализа систем личных взаимоотношений и их эффективности (Mullett 1997; Ysebaert 2005; Grünbart 2005c), а особенно для установления природы личных отношений в диапазоне, включающем патронаж, ритуальные и фиктивные родственные связи, эмоции и эротику в Византии (Mullett 1999; 2003). Еще одна из недавних работ также обращает внимание на индивидуальный и автобиографический потенциал писем и риторическое качество пафоса (Papaioannou 2003). В отдельные периоды (XII и XIV вв.) письма, вероятно, также являлись первоисточниками для понимания природы и взаимодействий литературных кругов и аристократии (Mullett 1984; Gaul в печати). Все это зависит от более четкого понимания ожиданий читателей письма (поскольку личные письма редко оставались личными) и от эстетики эпистографии. Мимесис – это основное, но уста-

новлено, что использование цитат было продуманно и разнообразно и что классические и библейские цитаты могли использоваться по-разному и размещаться в разных местах письма (Littlewood 1988). Излюбленный теоретиками конфликт между сафенией (*sapheneia*) и харисом (*charis*) на практике выражен в некоторой литературной неоднозначности, создаваемой посредством декоративной оправы из пословиц, мифологии, намеков, игры слов. Тематика писем по-прежнему соответствует типологиям Псевдо-Димитрия и Псевдо-Ливания, причем преобладают смерть (Littlewood 1999), расставание, болезнь (Timplalexí 2002), дружба (Tinnefeld 1973; Ysebaert 2005), изгнание, тогда как политика (George 2006) и карьера корреспондентов (Grünbart 2005b) переплетаются с этими «вечными» темами. В последние годы рассматривался литературно-художественный потенциал письма и способы включения письма в художественное повествование, а повествования – в письмо (Mullett 2007). Такие включения типичны для исторических произведений (Taragna 2000) и романов (Harder 1997). Во всех недавних работах поднимается тема эпистолярности письма, то есть тех характеристик, которые и позволяют считать текст письмом.

ЛИТЕРАТУРА

- ALEXANDER, P. J. 1977. 'Religious persecution and resistance in the Byzantine empire of the eighth and ninth centuries: methods and justifications', *Speculum* 52: 238–64.
- AMHERDT, D. 2004. *Ausone et Paulin de Nole, Correspondance: introduction, texte latin, traduction et notes* (Bern–New York).
- ANDERSON, W. B. 1936–65. *Sidonius Apollinaris: Poems and Letters* (London–Cambridge, Mass.).
- ARNOTT, W. G. 1973. 'Imitation, variation, exploitation: a study in Aristaenetus', *GRBS* 14: 197–211.
- 1975. 'Annotations to Aristaenetus', *Museum philologicum Londiniense* 1: 9–31.
- 1982. 'Pastiche, pleasantry, prudish eroticism: the letters of Aristaenetus', *Yale Classical Studies* 27: 291–320.
- BALFOUR, D. 1979. *Politico-Historical Works of Symeon, Archbishop of Thessalonica (1416/17 to 1429): Critical Greek Text with Introduction and Commentary* (Vienna).
- BRENNEKE, H. C. 2002. *Faith and Experience in Early Monasticism: New Perspectives on the Letters of Ammonas* (Erlangen).
- CABOURET, B. 2000. *Libanios. Lettres aux hommes de son temps: lettres choisies, traduites et commentées* (Paris).
- CALLEGARI, R. 1976. *Dall'esilio lettere: Giovanni Crisostomo* (Milan).
- CAMERON, A. D. E. 1976. 'The authenticity of the letters of St Nilus of Ancyra', *GRBS* 17: 181–96.
- CHRYSSAVGIS, J. 2003. *Barsanouphios and John. Letters from the Desert: A Selection of Questions and Responses* (Crestword, NY).
- COURTONNE, Y. 1973. *Un témoin du IVe siècle oriental: saint Basile et son temps d'après sa correspondance* (Paris).

- DARROUZÈS, J. 1960. *Épistoliers byzantins du Xe siècle* (Paris).
- 1965. 'Notes sur Euthyme Tornikès, Euthyme Malakès et George Tornikès', *REB* 23: 148–67.
- 1970. *Georges et Dèmétrios Tornikès, Lettres et discours* (Paris).
- 1972. 'Un recueil épistolaire du XIIe siècle: Académie roumaine cod. gr. 508', *REB* 30: 199–229.
- and WESTERINK, L. G. 1978. *Theodore Daphnopatès, correspondance* (Paris).
- DELEMARES, I. 2000. *Apanta Ioannou Apokaukou: sylloge ton mechri semera diasothenton keimenou epiphanous kai logiou metropolitou Naupaktou kai Artes (arches 130u aionos)* (Naupaktos).
- DENNIS, G. T. 1977. *The Letters of Manuel II Palaeologus: Text, Translation and Notes* (Washington, DC).
- 1984. 'Byzantine letter writing: a positive view', *Tenth Annual Byzantine Studies Conference. Abstracts of Papers* (Cincinnati, Oh.): 10.
- 1986. 'Gregory of Nazianzus and Byzantine letter writing', in T. Halton and J. P. Wiliman (eds.), *Diakonia: Studies in Honour of Robert T. Meyer* (Washington, DC): 3–13.
- 1988. 'The Byzantines as revealed in their letters', in J. Duffy and J. Peradotto (eds.), *Gonimos: Neoplatonic and Byzantine Studies presented to Leendert G. Westerink at 75* (Buffalo): 155–65.
- EITREM, S. 1957. 'Kaiser Julian als Briefschreiber', *Symbolae Osloenses* 33: 121–6.
- FATOUROS, G. 1973. *Die Briefe des Michael Gabras, c.1290 – nach 1350* (Vienna).
- and KRISCHER, T. 1980. *Libanios. Briefe: griechisch-deutsch in Auswahl herausgegeben, übersetzt und erläutert* (Munich).
- GALLAY, P. 1964–7. *Grégoire de Nazianze, Lettres* (Paris).
- GARZYA, A. 1989. *Opere di Sinesio di Cirene: epistole, operette, inni* (Turin).
- and LOENERTZ, R.-J. 1963. *Procopii Gazaei epistolae et declamationes* (Ettal).
- GAUL, N. 'The Muses of power: a cultural poetic reading of the late Byzantine theatron', in M. Mullett (ed.), *Performing Byzantium* (в печати).
- GAUTIER, P. 1972. *Michel Italikos, lettres et discours* (Paris).
- GEORGE, J. 2006. 'Severus of Antioch's response to heresy and religious promiscuity', *Studia Patristica* 42: 133–7.
- GRÜNBART, M. 1996. 'Prosopographische Beiträge zum Briefcorpus des Ioannes Tzetzes', *JÖB* 46: 175–226.
- 2001a. *Epistularum Byzantinarum Initia* (Hildesheim-Zurich-New York).
- 2001b. 'Ferngespräche—Zum Briefschreiben im ausgehenden zehnten Jahrhundert', *Byzantina* 22: 25–46.
- 2005a. *Forme der Anrede im byzantinischen Brief vom 6. bis zum 12. Jahrhundert* (Vienna).
- 2005b. 'Byzantinisches Gelehrtenelend—oder wie meistert man seinen Alltag?', in L. M. Hoffmann and A. Monchizadeh (eds.), *Zwischen Polis, Provinz und Peripherie: Beiträge zur byzantinischen Geschichte und Kultur* (Mainz): 413–26.
- 2005c. 'Tis love that has warm'd us—reconstructing networks in 12th century Byzantium', in Ysebaert 2005: 301–13.
- 2007. 'Nachrichten aus dem Hinterland Konstantinopels: Die Briefsammlung des Mönchs Hierotheos (12. Jahrhundert)', *BZ* 100: 57–71.

- and PAPAIOANNOU, S. (eds.). *Byzantine Letters: Modern Editions, Medieval Collections* (в печати).
- HALTON, T. 1995. 'Ecclesiastical war and peace in the letters of Isidore of Pelusium', in T. Miller and J. Nesbitt (eds.), *Peace and War in Byzantium: Essays in Honor of George T. Dennis, S. J.* (Washington, DC): 41–9.
- HARDER, R. E. 1997. 'Die Funktion der Briefe im byzantinischen Roman des 12 Jahrhunderts', *Der antike Roman und seine mittelalterliche Rezeption* (Basel): 231–44.
- HATLIE, P. 1996a. 'Redeeming Byzantine epistolography', *BMGS* 20: 213–48.
- 1996b. 'Life and artistry in the "publication" of Demetrios Kydones' letter collection' *GRBS* 37: 75–102.
- HERO, A. C. 1983. *Letters of Gregory Akindynos* (Washington, DC).
- 1986. *A Woman's Quest for Spiritual Guidance: The Correspondence of Princess Irene Eulogia Choumnaina Palaiologina* (Brookline, Mass.).
- HÖRANDNER, W., and GRÜNBART, M. 2003. (eds.) *L'Épistolographie et la poésie épigrammatique: projets actuels et questions de méthodologie* (Paris).
- HUNGER, H. 1957. 'Johannes Chortasmenos, ein byzantinischer Intellektueller der späten Palaiologenzeit', *Wiener Studien* 70 (= Festschrift K. Mras): 153–63.
- 1969–70. 'On the imitation (Mimesis) of antiquity in Byzantine literature', *DOP* 23/24: 17–38 (= *Byzantinistische Grundlagenforschung* (London): XV).
- JENKINS, R. J. H. 1963a. 'The Hellenistic origins of Byzantine literature', *DOP* 17: 39–52.
- 1963b. 'Leo Choerosphactes and the Saracen Vizir', *ZRV* 8: 167–75.
- and LAOURDAS, B. 1956. 'Eight letters of Arethas on the fourth marriage of Leo the Wise', *Hellenika* 14: 293–372.
- and WESTERINK, L. G. 1973. *Nicholas I Patriarch of Constantinople, Letters* (Washington, DC).
- KALBFLEISCH, K. 1907. *Simplicius, Eis tas kategorias tou Aristotelous* (Berlin).
- KARLIN-HAYTER, P. 1965. 'Arethas, Choerosphactes and the Saracen Vizir', *Byzantion* 35: 455–81.
- KARLSSON, G. 1962. *Idéologie et cérémonial dans l'épistolographie byzantine. Textes du Xe siècle et commentés: nouvelle édition, revue et augmentée* (Uppsala).
- KARPOZILOS, A. 1982. *Symbolē ste melete tou biou kai tou ergou tou Ioanne Mauropodos* (Ioannina).
- 1984. 'Realia in Byzantine epistolography X–XII c.', *BZ* 77: 20–37.
- 1990. *The Letters of Ioannes Mauropus, Metropolitan of Euchaita: Greek Text, Translation and Commentary* (Thessalonike).
- 1995. 'Realia in Byzantine epistolography XIII–XV c.', *BZ* 88: 68–84.
- KEENAN, Sister M. E. 1935. *The Life and Times of St Augustine as Revealed in his Letters* (Washington, DC).
- KIANKA, F. 1992. 'The letters of Demetrios Kydones to Empress Helena Kantakouzene Palaiologina', *DOP* 46: 155–64.
- KOLOVOU, F. 1995. 'Euthymios Tornikes als Briefschreiber. Vier unedierte Briefe des Euthymios Tornikes an Michael Choniates im Codex Buc. gr. 508', *JÖB* 45: 53–75.
- 1999. *Michael Choniates, symbolē ste melete tou biou kai tou ergou tou: to corpus ton epistolōn* (Athens).
- 2001. *Michaelis Choniatae epistulae* (Berlin).

- . 2006. *Die Briefe des Eustathios von Thessalonike: Einleitung, Regesten, Text, Indizes* (Munich).
- KUSTAS, G. L. 1973. *Studies in Byzantine Rhetoric* (Thessalonike).
- LAMPROPOULOS, K. 1988. *Ioannes Apokaukos, symbole sten ereuna tou biou tou kai to syn-graphiko ergon tou* (Athens).
- LAOURDAS, B., and WESTERINK, L. G. 1983–8. *Epistulae et Amphilochia Photii patriarchi Constantinopolitani*, 6 vols. (Leipzig).
- LEANZA, S. (ed.) 1983. *Settimane di studi su Flavio Magno Aurelio Cassiodoro (Cosenza-Squillace, 19–24 settembre 1983)* (Rubettino).
- LEONE, P. A. M. 1982–3. *Nicephori Gregorae epistulae* (Matino).
- LITTLEWOOD, A. R. 1976. ‘An “icon of the soul”, the Byzantine letter’, *Visible Language* 10: 197–226.
- . 1988. ‘A statistical survey of the incidence of repeated quotations in selected Byzantine letter-writers’, in J. Duffy and J. Peradotto (eds.), *Gonimos: Neoplatonic and Byzantine Studies presented to Leendert G. Westerink at 75* (Buffalo): 137–54.
- . 1999. ‘The Byzantine letter of consolation in the Macedonian and Komnenian periods’, *DOP* 53: 19–41.
- LOUTH, A. 1996. *Maximus the Confessor* (London–New York).
- MCGANN, M. J. 1969. *Studies in Horace’s First Book of Epistles* (Brussels).
- MALOSSE, P. L. 2004. *Lettres pour toutes circonstances: les traités épistolaires du pseudo-Libanius et du pseudo-Demetrios de Phalère* (Paris).
- MANGO, C., and EFTHYMIADIS, S. 1997. *The Correspondence of Ignatios the Deacon: Text, Translation and Commentary* (Washington, DC).
- MARKOPOULOS, A. 1982. ‘La critique des textes au Xe siècle: le témoignage du “Professeur anonyme”’, *JÖB* 32/4: 31–7.
- . (ed.) 2000. *Anonymi professoris epistulae* (Berlin–New York).
- MERENDINO, R. P. 1965. *Osterfestbriefe des Apa Athanasios, aus dem koptischen übersetzt und erläutert* (Düsseldorf).
- MOFFATT, A. 1984. ‘The after-life of the letters of Theophylaktos Simokatta’, in eadem (ed.), *Maistor: Classical, Byzantine and Renaissance Studies for Robert Browning* (Canberra): 345–58.
- MULLETT, M. 1981. ‘The classical tradition in the Byzantine letter’, in M. Mullett and R. Scott (eds.), *Byzantium and the Classical Tradition* (Birmingham): 75–93.
- . 1984. ‘Aristocracy and patronage in the literary circles of Comnenian Constantinople’, in M. Angold (ed.), *The Byzantine Aristocracy, IX to XIII Centuries* (Oxford): 173–201.
- . 1988. ‘Byzantium: a friendly society?’, *Past & Present* 118: 3–24.
- . 1990. ‘Writing in early medieval Byzantium’, in R. McKitterick (ed.), *The Uses of Literacy in Early Mediaeval Europe* (Cambridge): 156–85.
- . 1997. *Theophylact of Ochrid: Reading the Letters of a Byzantine Archbishop* (Aldershot).
- . 1999. ‘From Byzantium, with love’, in L. James (ed.), *Desire and Denial in Byzantium* (Aldershot): 3–22.
- . 2003. ‘The detection of relationship in Middle Byzantine literary texts: the case of letters and letter networks’, in Hörandner and Grünbart 2003: 63–74.

- . 2007. *Narration et communication à Byzance au XIIe siècle* (Paris).
- MURPHY, J. J. 1974. *Rhetoric in the Middle Ages: A History of Rhetorical Theory from St Augustine to the Renaissance* (Berkeley–Los Angeles–London).
- OIKONOMIDES, N. 1983. 'The usual lead seal', *DOP* 37: 147–57.
- OP DE COUL, M. 2006. 'Deux inédits à l'ombre de Prodrôme', *JÖB* 56: 177–92.
- OUTTIER, B. 1985. *Lettres des pères du desert* (Begrolles-en-Mauges).
- PAPAIOANNOU, E. N. 1998. 'Das Briefcorpus des Michael Psellos: Vorarbeiten zu einer kritischen Neuedition. Mit einem Anhang: Edition eines unbekannten Briefes', *JÖB* 48: 67–117.
- . 2003. 'Michael Psellos: rhetoric and self in Byzantine epistolography', in Hörandner and Grünbart 2003: 75–84.
- PRINZING, G. 2002. *Demetrii Chomateni Ponemata Diaphora* (Berlin).
- REGNAULT, L. 1997. *Barsanuphe et Jean de Gaza: correspondance* (Paris).
- ROBERTS, R. 1902. *Demetrius: On Style* (Cambridge).
- ROCQUES, D. 1989. *Études sur la correspondance de Synésios de Cyrène* (Brussels).
- RUBENSON, S. 1995. *The Letters of St. Antony: Monasticism and the Making of a Saint* (Minneapolis).
- ŠEVČENKO, I. 1975. 'Theodore Metochites, the Chora and the intellectual trends of his time', in P. A. Underwood (ed.), *Karye Djami, IV: Studies in the Art of Karye Djami and its Intellectual Background* (London): 19–55.
- SYKUTRES, J. 1930. 'Probleme der byzantinischen Epistolographie', *Actes du IIIe congrès international des études byzantines* (Athens): 295–310.
- TALBOT, A.-M. 1975. *The Correspondence of Athanasius I, Patriarch of Constantinople: Edition, Translation and Commentary* (Washington, DC).
- TARAGNA, A. M. 2000. *Logoi historias* (Alessandria).
- TIMPLALEXI, P. 2002. *Medizinisches in der byzantinischen Epistolographie (1100–1453)* (Frankfurt am Main).
- TINNEFELD, F. 1973. '“Freundschaft” in den Briefen des Michael Psellos: Theorie und Wirklichkeit', *JÖB* 22: 151–68.
- . 2003. 'Epistolographische Tradition und Individualität. Literarische Untersuchungen zu den Briefen des Demetrios Kydones', in Hörandner and Grünbart (2003): 97–101.
- TOMADAKIS, N. B. 1993. *Byzantine epistolographia* (Thessalonike).
- TREADGOLD, W. 1980. *The Nature of the Bibliotheca of Photius* (Washington, DC).
- VINSON, M. P. 1985. *The Correspondence of Leo Metropolitan of Synada and Syncellus* (Washington, DC).
- WAGNER, M. 1948. 'A chapter in Byzantine epistolography: the letters of Theodoret of Cyrhus', *DOP* 4: 119–81.
- WEBB, R. 1994. 'A slavish art? Language and grammar in late Byzantine education and society', *Dialogos* 1: 81–103.
- WEICHERT, V. 1910. *Demetrii et Libanii qui feruntur Typoi epistolikoi et epistolimaioi Charakteres* (Leipzig).
- YSEBAERT, W. (ed.) 2005. 'Power, relations and networks in medieval Europe', *Revue belge de philologie et d'histoire* 83: 255–314.
- ZILLIACUS, H. 1953. *Untersuchungen zu den abstrakten Anredeformen im Griechischen* (Helsingfors).

Рекомендуемая литература

Вплоть до настоящего времени не вышло ничего равноценного введению Жиля Констебля (Giles Constable) в эпистографию средневекового Запада в издании *Letters and Letter-Collections* (Turnhout, 1976), дополненному теперь изданием Мери Гаррисон: Mary Garrison, 'Send more socks: on mentality and the preservation context of early medieval letters', in M. Mostert (ed.), *New Approaches to Medieval Communication* (Turnhout, 1999). Ценная обзорная статья Hatlie 1996a, предлагает различные направления будущих исследований, а также изучает достижения прошлых лет. Решающее значение имеют работы Грюнбарта (Grünbart 2001a, 2005a), а также его web-библиография. Его статьи в *Lo spazio letterario del medioevo*, I: *La cultura bizantina*, ed. G. Cavallo (Rome, 2004) и в *Lexicon des Mittelalters* являются образцовыми. Более ранними работами той же сферы были Littlewood 1976; Mullett 1981 и Mullett 1997. Оригинальные письма, сохранившиеся как таковые, см. в работах A. K. Bowman, *Life and Letters on the Roman Frontier: Vindolanda and its People* (London, 1994); R. S. Bagnall and R. Cribiore, *Women's Letters from Ancient Egypt, 300 B.C. – A.D. 800* (Ann Arbor, 2006). Важным собранием является Hörandner and Grünbart 2003. К основным трудам относится работа J. Altman, *Epistolarity: Approaches to a Form* (Columbus, Oh., 1982), также желательно прочесть работу J. Derrida, *La carte postale* (Paris, 1980).

Глава III.18.7 ПОЭЗИЯ И РОМАНЫ

Вольфрам Хёррандер

Определение и классификация

В этой главе термин «поэзия» относится ко всем текстам, написанным в стихах. Традиционное разделение между драматической, эпической и лирической поэзией вряд ли применимо к византийскому стихосложению. Драмы в Византии не существовало за исключением нескольких произведений, очевидно, служивших образовательным целям (Puchner 2002; Marciniak 2004); не существовало и лирической поэзии как жанра в основном выражающего личные чувства. Впрочем, это не означает, что драматические или лирические элементы полностью отсутствовали, но следует подчеркнуть, что для византийской литературы, в том числе поэзии, весьма характерен элемент функциональности. Концепция независимой литературы, столь высоко ценимая современными теоретиками начиная с периода романтизма и далее, в основном чужда византийской литературе, как и любой средневековой литературе вообще (Jauss 1977). Византийские стихотворения, по крайней мере, написанные литературным языком¹, очень часто слагались в честь покровителя и почти всегда выполняли определенную функцию, хотя во многих случаях их первоначальную цель уже нельзя установить наверняка. Таким образом, чтобы придти к беспристрастному и разумному суждению о византийской поэзии, следует принимать во внимание лежащие в ее основе эстетические принципы, с одной стороны, и ее роль в жизни современного ей общества, ее *Sitz im Leben*², с другой. В этом отношении исследователи достигли за последние несколько десятилетий значительного прогресса. Элементы, кажущиеся странными или даже причудливыми и безвкусными современным читателям или слушателям, как то обильное использование риторических фигур или чрезмерно лстивые формулировки, более не осуждаются без разбора, но изучаются в контексте генезиса рассмат-

¹ Здесь и далее дословно: «ученым» или «научным» языком, то есть языком образованного населения (*прим. переводчика*).

² Место в жизни, жизненный контекст (нем.) (*прим. переводчика*).

риваемых поэтических произведений и взаимоотношений между автором и современной ему аудиторией.

Обращаясь к византийской литературе в целом, Карл Крумбахер провел различие между текстами, написанными литературным и народным языком (Krumbacher 1897). Первые он разделяет на церковную и светскую поэзию. Хотя эти критерии с того времени подвергались резкой критике (Kazhdan and Constable 1982), они все еще используются и будут, следовательно, применены нами здесь. Можно четко выделить, несмотря на некоторые совпадения и взаимное вмешательство, два уровня языка (см.: III. 17. 1. Язык). Подавляющее большинство текстов написаны литературным языком, основанным на языковых моделях и античных правилах аттической Греции. Вульгаризмы в лексике, морфологии и синтаксисе встречаются очень рано, однако литературные тексты, написанные полностью или же в основном народным языком, не появляются ранее XII в., – здесь есть определенная параллель с развитием на латинском Западе, – и даже тогда творчество на простонародном диалекте сводится к небольшому количеству жанров.

На последующих страницах из-за ограниченности размера статьи ссылки на литературу сведены к нескольким наиболее важным из недавних публикации. Для поиска изданий текстов и более развернутой библиографии рекомендуем обращаться к соответствующим статьям *ODB* (*Oxford Dictionary of Byzantium*).

Поэтическое творчество на литературном языке

Здесь следует провести различие между литургической и нелитургической поэзией. Термин «светская поэзия», используемый Крумбахером применительно к нелитургической поэзии в целом, несколько неточен, поскольку данная группа также включает тексты религиозного содержания, а светские и религиозные элементы зачастую содержатся в одном и том же произведении. Поэтому решающий критерий различия – не столько содержание, сколько функция, а также форма, коль скоро имеется строго определенное различие метрической формы между произведениями обеих сфер.

1. Литургическая поэзия

1.1. Метрика

В I в. н.э. общепринятая длительность гласных и слогов уменьшилась. Христианская гимнография принимает в расчет данный лингвистический процесс, постепенно замещая прежние квантитативные системы моделями, основывающимися исключительно на акцентной системе стихосложения (Meyer 1905; Mitsakis 1971). Так, в отличие от греческой поэзии, метрическая форма византийской гимнографии состоит не из упорядоченной последовательности длинных и коротких слогов, а, скорее, из строго определенного количества слогов и ударных позиций. Легкие отклонения от нормы возможны и отчасти объяснимы применением музыкального сопровождения (Wellesz 1962).

1.2. Кондак

Кондак – это гимнографический тип, развивавшийся отчасти под сирийским влиянием в течение V в. и достигший расцвета в VI в. (Grosdidier de Matons 1977, 1980–1). Строфы составлялись из метрически сложных строк, количество слогов и расположение ударений в которых было идентичным для каждой соответствующей строки. Начальные буквы строф составляют акростих, который либо состоит из 24 букв алфавита, либо содержит информацию об авторе гимна. Рефрен связывает строфы друг с другом и с прологом. Некоторые гимны имеют новую метрическую и музыкальную форму, прочие же были созданы на основе существующих образцов. Наиболее известным автором кондаков и к тому же единственным, о чьей личности мы располагаем какой-то, пусть даже и скудной информацией, является Роман Сладкопевец (род. в 485 г. в Эмесе, Сирия; жил и творил в Константинополе, по крайней мере, до 555 г.) (Koder 2008). Стиль его гимнов отличается своей непосредственностью, любовью к деталям, ясностью и понятностью языка, изобилием диалогов, многогранной образностью и экспрессивностью, построенной на антитезах. Эти элементы придают гимнам убедительный характер, и Герберт Хунгер был, конечно же, прав, когда назвал его «поэтом, проповедником и ритором» (Hunger 1984a). Приблизительно шестьдесят его кондаков, обычно считающихся подлинными, в основном касаются Господних праздников и различных сюжетов Ветхого и Нового Заветов.

Особый случай – знаменитый Великий Акафист (Trypanis 1968), называемый также «Похвала Богородице», который до сих пор исполняется в греческой Церкви во всей своей полноте. Его приписывали Св. Роману, но также и другим авторам, таким, как Георгий Псида, причем последнему – исходя из позднейших сообщений о его исполнении по случаю освобождения столицы от аварской осады в 626 г. Из-за его содержания – гимн описывает Боговоплощение и восхваляет особую роль Св. Девы Марии – и взаимосвязи с проповедями о Богородице в V в., в последнее время ученые уже склоняются к более раннему датированию – периодом вскоре после Эфесского собора (431 г.) (Peltomaa 1997, 2001).

1.3. Канон

Начиная с конца VII в. и далее, кондак постепенно уступил место канону (Grosdidier de Matons 1980–1), для построения которого использовались те же самые принципы. По примеру девяти библейских песен он состоит из девяти (зачастую только восьми) од, каждая из которых состоит из определенного количества строф. Иногда в результате выходит весьма объемистое произведение, как, например, Великий канон Св. Андрея Критского (первая половина VIII в.), покаянный гимн из приблизительно 250 строф. Среди наиболее выдающихся авторов канонов современники Св. Андрея – Св. Иоанн Дамаскин и Св. Косьма Маюмский. Некоторые из монастырей стали значимыми центрами канонописания, в том числе Студийский монастырь в Константинополе, аббатство Гроттаферрата возле Рима и греческие монастыри Южной Италии.

По своему стилю и характеру канон значительно отличается от кондака тем, что он гораздо менее живой и убедительный и гораздо более созерцательный

и иератический. Репертуар риторических инструментов остается в общем и целом неизменным – антитеза по-прежнему наиболее мощное средство выражения парадоксов христианского содержания (Hunger 1984b). Следует заметить, что модель канона иногда также используется вне литургической сферы, преимущественно в дидактических произведениях, и не столь часто – в сатирических.

2. Нелитургическая поэзия

2.1. Размер и функции

Тогда как литургическая гимнография, кроме нескольких ямбических канонов, следовала по пути обновления в том, что касается метрической формы, в нелитургической поэзии оставались в употреблении античные размеры, такие как гекзаметр, пентаметр (Opstall 2008), ямбический триметр и анакреонтический. Особенно в случаях ямбического триметра (Maas 1903; Lauxtermann 1998) и анакреонтического метра (Nissen 1940; Lauxtermann 1999; Ciccolella 2000), прежние квантитативные модели сочетаются с новой расстановкой ударений. С такой точки зрения начало VII в. можно рассматривать как период перехода от античной к византийской поэзии. Переход от ямбического триметра к т. н. «византийскому двенадцатисложнику» прослеживается в творении Георгия Писиды (первая треть VII в.): строго следуя старинным законам ямбического метра, он также все больше проявляет и новые тенденции двенадцатисложного стихосложения, то есть постоянное количество слогов и парокситоническое окончание стиха. Меняется и выбор стиха: для своих эпико-панегирических стихотворений Писида выбирает ямбический триметр, тогда как придворные поэты VI в. для поэм подобного рода использовали гекзаметр. В тот же период аналогичные изменения можно наблюдать и в эпиграммной поэзии: если античная эпиграмма была почти исключительно сферой элегических двустуший, то начиная с VII в. и далее она уже пишется византийским двенадцатисложным стихом и лишь в нескольких случаях употребляется гекзаметр.

Помимо частично модифицированных античных метров появляются новые модели, полностью основанные на смене ударений, в частности, так называемый политический стих (*stichos politikos*) – пятнадцатистопная строка с меняющимся ритмом и парокситоническими окончаниями (Jeffreys, M. 1974; Lauxtermann 1999). Наиболее ранние датированные примеры стихотворений, полностью написанные этим размером, относятся к началу X в. (Ševčenko 1969–70). В последующие столетия он все больше и больше получает распространение, не вытесняя полностью других размеров. Начиная с момента своего первого появления в литературе, политический стих тесно связан с императорским двором: славословия, предназначенные для декламации на императорских церемониях, написаны политическим стихом и часто разделены на строфы, предназначенные для исполнения различными хорами. Примеры такой практики дошли до нас из X, XII, XIII вв. (Hörandner 1974, 2003). С самого начала этот вид стихотворения связан также и с религиозной сферой, а с XI в. и далее он становится любимым размером дидактической поэзии. Наконец, он приобретает огромнейшую популярность в качестве размера *par excellence* народной поэзии.

Как уже упоминалось выше, византийские стихотворения чаще всего предназначались для выполнения определенной функции: либо сам автор писал их с определенной целью, либо они писались в честь покровителя. Некоторые из наиболее важных жанров, описываемых по критериям содержания и функций, мы и рассмотрим вкратце (Hunger 1978).

2.2. Эпиграмма

Эпиграмма (Lauxtermann 1994, 2003) является частью античного наследия, приспособленной к византийским потребностям и реалиям, а это означает, что в ней начинают преобладать религиозные сюжеты (Kominiš 1964, 1966). Эпиграммы это, по определению, стихотворения, предназначенные для написания их на различных предметах (Hörandner 1987, 1992, 1994; Talbot 1999), таких как храмовая роспись, иконы, реликварии, ткани (Speck 1966; Nunn 1986). Обычно, хотя отнюдь не всегда, они коротки и передают суть в весьма сжатой форме. Некоторые из них сохранились в своем первоначальном положении, другие же были переписаны в рукописи. Наиболее значимым собранием античной и византийской эпиграммы стала «Палатинская антология» (*Anthologia Palatina*) (Cameron 1993; Lauxtermann 1994, 2003, 2007), составленная в X в., а позднее, к 1300 г. расширенная и дополненная Максимом Планудом (Kambylis 1994–5). Еще одно собрание, сохранившееся в виде рукописи *Venice, Marc. gr. 524* конца XIII в., содержит значительное количество текстов XI–XII вв, представляющих величайшую ценность для истории культуры того периода (Hörandner 2001; Odorico and Messis 2003). Иногда автором стихов мог быть и сам заказчик, но чаще сочинительскую задачу выполняли профессиональные поэты. Среди выдающихся поэтов, творивших в этой области, мы можем упомянуть Георгия Писиду, Феодора Студита, Иоанна Геометра, Иоанна Мавропода, Христофора Митиленского, Николая Калликла, Феодора Продрома, Мануила Фила.

2.3. Экфрасис (описание)

Помимо эпиграмм, часто носивших описательный характер (Maguire 1994, 1996a и 1996b, в данном издании см.: III. 16. 1. Искусство и текст), сохранились пространные поэтические описания памятников и событий (Hörandner 2006). Некоторые из них, очевидно, служили имперским представительским целям, к примеру, долгое и подробное описание храма Св. Софии Павлом Силенциарием (Macrides and Magdalino 1988), которое декламировали по случаю повторного открытия храма (562 г.), стихотворение Константина Родосского (ок. 900 г.) о церкви Св. Апостолов и стихотворное произведение о бане, выстроенной императором Львом VI (Magdalino 1984). Ближе к концу XII в. Константин Стилвес написал пространную поэму об огромнейшем пожаре в Константинополе, в которой стенания и жалобы считаются с отрывками описательного характера (Diethart and Hörandner 2004, 2005).

2.4. Стихи по случаю

Под этим заголовком мы можем объединить те многочисленные стихотворения, которые в были написаны в основном в честь императора или другой

выдающейся личности и относятся к таким историческим событиям как войны и триумфальные выезды или же к важным событиям в жизни патрона-заказчика, как-то рождения, свадьбы, смерти (Jeffreys, M. 1987). Богатством своей риторической формы эти произведения отражают эстетические принципы и чувства своего периода. Сверх того, это живые иллюстрации дворцовой культуры и имперской пропаганды (Magdalino and Nelson 1982; Magdalino 1993; Maguire 1997; Hörandner 2003). Очевидно, некоторые писатели, такие как Георгий Писида, Феодор Продром, Мануил Фил, зарабатывали себе на жизнь в основном написанием стихотворений подобного рода.

Иногда сам автор и его судьба становятся основной темой поэтического произведения, как, к примеру, в нищенской поэзии Феодора Продрома и так называемого Манганского Продрома, или же в некоторых из составленных гекзаметром стихотворений Феодора Метохита (Featherstone 2000; Hinterberger 2001).

2.5. Дидактическая поэзия и хроники в стихах

Начиная с XI в. и далее, как мы можем заключить из многочисленных источников, с легкой руки Михаила Пселла становится традицией обобщать материал различных учебных дисциплин в стихотворной форме. Таким образом излагались вопросы грамматики, классической филологии, антикварианизма, богословия, юриспруденции, астрологии, медицины. Немногие, написанные литературным языком стихотворные хроники (Константина Манассии, Ефрема Энийского) также могут отчасти рассматриваться под подобным дидактическим углом зрения.

Уровень таких произведений весьма различен. Некоторые из них – простые рифмованные перечни, другие же подают предмет гораздо более искусно. Среди наиболее выдающихся примеров последних – различные поэмы Иоанна Цеца о гомеровской эпической поэзии и так называемые «Хиллиады» того же автора, огромное собрание замечаний на разнообразные темы, касающихся в основном классической античности. Из предисловий-посвящений к поэмам мы зачастую получаем информацию о покровителе автора, как в случае с некоторыми поэмами Цеца и других сочинителей, написанными по заказу севастократориссы Ирины, приемной дочери императора Иоанна II (Jeffreys, E. 1982). Современные ученые склонны даже считать эту даму хозяйкой литературного салона.

2.6. Религиозные и покаянные стихотворения

Во всех ранее упомянутых жанрах, будь то эпиграммы, описания предметов искусства, восхваления императоров или дидактическая поэзия, элемент религиозности играет важную роль. В дополнение мы можем упомянуть покаянные или параэнетические алфавиты¹ – стихотворения покаянного и увещательного содержания с алфавитным акростихом, и гимны Симеона Нового Богослова (ок. 1000 г.), в которых величайший мистик весьма откровенно повествует о своем мистическом опыте.

¹ В оригинале. тексте – paraenetic alphabets (прим. переводчика).

2.7. Романы в стихах

В XII в. происходит возрождение эротического романа (Beaton 1996; Agapitos 1998; Agapitos and Reinsch 2000; Ciprane 2004). На свет появляются четыре романа-подражания Ахиллу Татию и Гелиодору. Лишь один из них – роман Евмафия (или Евстафия) Макремволита был написан в прозе, остальные три – Феодора Продрома, Никиты Евгениана и Константина Манассии – в стихах. В отношении общей идеи и мотивов авторы в целом следуют античным образцам, и окружение, в котором они разворачивают повествование, также античное, а не христианское. Однако исследования последних десятилетий обнаруживают в них и типично византийские элементы, а также специфические черты, присущие каждому из авторов. К примеру, обилие описаний предметов искусства типично для Макремволита (Nilsson 2001). Евгениан, ученик Продрома, не подражает ему рабски. Из романа Манассии сохранились лишь фрагменты афористического характера.

По-прежнему открытыми остаются некоторые вопросы, к примеру, в каком порядке писались романы, или о том, какие факторы привели к возрождению жанра. Были также попытки объяснить некоторые мотивы латинским влиянием.

Поэзия на народном языке

Наиболее ранние из сохранившихся литературных трудов, использовавших в основном или по большей части народный диалект, датируются XII в. (Beck 1971; Jeffreys, E. and M. 1983; Hinterberger 2006). И хотя некоторые тексты могли быть утеряны, есть основание предположить, что переход от народной песни, передававшейся из уст в уста, к литературным произведениям, где употреблялась речь простонародья, не случайно произошел именно в этот период. Стоит отметить, что первые произведения такого рода, очевидно, были написаны авторами, которые в своем творчестве пользовались литературным языком образованных слоев населения. Однако основная народноязычная литература переписывалась без указания автора.

1. Нищенская поэзия

Писатель Михаил Глика был арестован по приказу императора Мануила I, вероятно, за участие в заговоре. Из тюрьмы он адресовал императору поэму, в которой использовал просторечный язык, преимущественно цитируя народные пословицы и поговорки.

Менее ясно обстоят дела с так называемой «Птохопродромикой». Это цикл из четырех относительно больших поэм, также датируемых XII в., которые тоже адресованы императору (одна – севастократору) и оканчиваются просьбой о помощи. Автор от первого лица (в одном случае – от лица женатого человека, в другом случае – от лица монаха) красноречиво оплакивает свою бедность и нищенские условия существования. В одном из произведений суровой критике подвергается плачевное состояние дел в монастыре, и этот подробный отчет богат информацией о повседневной жизни, в частности, о том, что касается пищи

и питания. Многие мотивы заимствованы из поэзии Феодора Продрома и не может быть сомнения в том, что (Птохо-) Продром, которому рукописи приписывают авторство, – тот самый знаменитый ритор и поэт (Hörandner 1993). Хотя вопрос о том, верна ли такая атрибуция (Alexiou 1986 и 1999) или же нет (Eideneier 1991, 2007), по-прежнему не решен. Как это часто бывает с народноязычными текстами, некоторая часть «Птохопродромики» имеется в наличии в двух сильно несовпадающих версиях. Данный факт, а также формализованный характер многих стихов, заставляют предположить, что стихи прошли этап изустной передачи (Eideneier 1987).

2. Эпическая и романтическая поэзия

2.1. *Дигенис Акрит*

«Дигенис Акрит», иногда ошибочно именуемый произведением византийского национального эпоса, представляет собой сочетание эпического и романтического произведения (Beaton 1993, 1996). Как подразумевает название произведения, текст в основном повествует о жизни и приключениях героя, чья задача защита восточной границы Империи. Он сын византийской христианки и арабамусульманина. Целый ряд имен персонажей и названий местностей можно интерпретировать как аллюзии на исторические события IX–X вв.

В своей нынешней форме он датируется, предположительно, началом XII в. Текст дошел до нас в нескольких версиях, весьма различных по своему языковому уровню. Их взаимосвязь по-прежнему остается предметом дискуссии (Jeffreys, E. 1998).

2.2. *Любовный роман*

Любовный роман, начиная с XIV в. и далее, стал, вероятно, наиболее выдающимся жанром народной литературы (Agapitos 1991; Beaton 1996; Cupane 2004). Он продолжает традицию позднеантичного романа, возобновленную авторами XII в. (см. выше), к которой добавляются мотивы фольклорного повествования. Сильно сказывается влияние Запада: некоторые романы даже являются полными переводами с романских языков. Таким образом, романы свидетельствуют не только о подъеме народной литературы в последние два столетия существования империи, но также о культурных переменах, вызванных латинским присутствием в самом сердце византийской территории.

3. Хроники в стихах

Возможно, даже более, чем романы, две сохранившиеся народноязычные стихотворные хроники показывают взаимосвязь между авторами и их читателями, с одной стороны, и новым франкским правительством, с другой. «Морейская хроника» сообщает о временах франкского правления на Пелопоннесе с 1204 г. и до конца столетия. Она сохранилась в греческом, французском, итальянском и арагонском вариантах. И хотя язык оригинала, по всей видимости, был греческим (Jeffreys, M. 1975), авторская позиция является решительно антивизантийской.

Опубликованная сравнительно недавно, «Хроника Токко» (Schirò 1975) непосредственно посвящена франкской династии: это семейная хроника италийских правителей Ионических островов и Эпира с 1377 по 1426 гг.

4. Прочие жанры

Кроме вышеупомянутых жанров, следует отметить, по крайней мере из любознательности, некоторые другие группы текстов. В их числе – поэтические трактовки античных сюжетов («Ахиллес», «Песнь Велисария»), сатирические поэмы («Спанос»), поэзия на морально-нравственную тематику, любовная поэзия, басни о животных, и, наконец, поминальный «Плач о падении Константинополя». Таким образом, хотя значительная часть литературы и приходилась на долю образованного читателя, литература на народном языке в последние три века существования империи получила распространение во многих сферах. Ее развитие, конечно же, не закончилось в 1453 г., но резко замедлилось с падением столицы.

ЛИТЕРАТУРА

- AGAPITOS, P. A. 1991. *Narrative Structure in the Byzantine Vernacular Romances: A Textual and Literary Study of Kallimachos, Belthandros and Libistros* (Munich).
- 1998. 'Narrative, rhetoric, and "drama" rediscovered: scholars and poets in Byzantium interpret Heliodorus', in R. Hunter (ed.), *Studies in Heliodorus* (Cambridge): 125–56.
- and REINSCH, D. R. (eds.) 2000. *Der Roman im Byzanz der Komnenenzeit* (Frankfurt am Main).
- ALEXIOU, M. 1986. 'The poverty of ecriture and the craft of writing: towards a reappraisal of the Prodromic poems', *BMGS* 10: 1–40.
- 1999. 'Ploys of performance: games and play in the Ptochoprodromic Poems', *DO* 53: 91–109.
- BEATON, R. (ed.). 1993. *Digenes Akrites: New Approaches to Byzantine Heroic Poetry* (Aldershot).
- 1996. *The Medieval Greek Romance* (London, 2nd edn.).
- BECK, H.-G. 1971. *Geschichte der byzantinischen Volksliteratur* (Munich).
- CAMERON, A. D. E. 1993. *The Greek Anthology from Meleager to Planudes* (Oxford).
- CICCOLELLA, F. 2000. *Cinque poeti bizantini: anacreontee dal Barbariniano greco 310* (Alessandria).
- CUPANE, C. 2004. 'Il romanzo', in G. Cavallo (ed.), *Lo spazio letterario del Medioevo*, 3: *Le culture circostanti*. Vol. 1: *La cultura bizantina* (Roma): 407–53.
- DIETHART, J., and HÖRANDNER, W. 2004. 'The poetical works of Constantine Stilbes: some remarks on his rhetorical practice', in A. M. Taragna (ed.), *La poesia tardoantica e medievale* (Alessandria): 215–27.
- 2005. *Constantinus Stilbes, Poemata* (Munich–Leipz).
- EIDENEIER, H. 1987. 'Der Ptochoprodromos in schriftlicher und mündlicher Überlieferung', in idem (ed.), *Neograeca Medii Aevi* (Cologne): 101–119.

- 1991. *Ptochoprodromos. Einführung, kritische Ausgabe, deutsche Übersetzung, Glossar* (Cologne).
- 2007. 'Tou Ptochoprodromou', in M. Hinterberger and E. Schiffer (eds.), *Byzantinische Sprachkunst* (Berlin): 56–76.
- FEATHERSTONE, J. F. 2000. *Theodore Metochites's poems 'To himself'* (Vienna).
- GROSDIDIER DE MATONS, J. 1977. *Romanes le Mélode et les origines de la poésie religieuse à Byzance* (Paris).
- 1980–1. 'Liturgie et hymnographie: Kontakion et Canon', *DOP* 34–5: 31–43.
- HINTERBERGER, M. 2001. 'Studien zu Theodoros Metochites', *JÖB* 51: 285–319.
- 2006. 'How should we define vernacular literature?' Paper given at the conference 'Unlocking the Potential of Texts: interdisciplinary perspectives on Medieval Greek' at the Centre for Research in the Arts, Social Sciences and Humanities, University of Cambridge, 18–19 July 2006 (<http://www.mml.cam.ac.uk/greek/grammarofmedievalgreek/unlocking/html/Hinterberger.html>).
- HÖRANDNER, W. 1974. *Theodoros Prodromos, Historische Gedichte* (Vienna).
- 1987. 'Customs and beliefs as reflected in occasional poetry: some considerations', *BF* 12: 235–47.
- 1992. 'Ein Zyklus von Epigrammen zu Darstellungen von Herrenfesten und Wunderszenen', *DOP* 46: 107–15.
- HÖRANDNER, W. 1993. 'Autor oder Genus? Diskussionsbeiträge zur "Prodromischen Frage" aus gegebenem Anlass', *Byzantinoslavica* 54: 314–24.
- 1994. 'A cycle of epigrams on the Lord's Feasts in cod. Marc. gr. 524', *DOP* 48: 117–33.
- 2001. 'Epigrams on icons and sacred objects: the collection of Cod. Marc. gr. 524 once again', in M. Salvatore (ed.), *La poesia tardoantica e medievale* (Alessandria): 117–24.
- 2003. 'Court poetry – questions of motifs, structure and function', in E. Jeffreys (ed.), *Rhetoric in Byzantium* (Aldershot): 79–90.
- 2006. 'Zur Beschreibung von Kunstwerken in der byzantinischen Dichtung – am Beispiel des Gedichts auf das Pantokratorkloster in Konstantinopel', in C. Ratkowsch (ed.), *Die poetische Ekphrasis von Kunstwerken: eine literarische Tradition der Grossdichtung in Antike, Mittelalter und früher Neuzeit* (Vienna): 203–19.
- and GRÜNBART, M. (eds.) 2003. *L'Epistolographie et la poésie épigrammatique: projets actuels et questions de méthodologie* (Paris).
- HUNGER, H. 1978. 'Profandichtung', in idem, *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*, vol. 2 (Munich): 87–180.
- 1984a. 'Romanos Melodos, Dichter, Prediger, Rhetor und sein Publikum', *JÖB* 34: 15–42.
- 1984b. 'Die Antithese. Zur Verbreitung einer Denkschablone in der byzantinischen Literatur', *ZRVI* 23: 9–29.
- JAUSS, H. R. 1977. *Alterität und Modernität der mittelalterlichen Literatur* (Munich).
- JEFFREYS, E. 1982. 'The Sevastokratorissa Eirene as literary patroness: the Monk Iakovos', *JÖB* 32.3: 63–71.
- 1998. *Digenes Akrites: The Grottaferrata and Escorial Versions* (Cambridge).
- and JEFFREYS, M. 1983. 'The style of Byzantine popular poetry', in *Okeanos: Essays presented to Ihor Ševčenko* (= Harvard Ukrainian Studies 7): 309–43.

- JEFFREYS, M. 1974. 'The nature and origins of the political verse', *DOP* 28: 141–95.
- 1975. 'The Chronicle of the Morea: priority of the Greek version', *BZ* 68: 304–50.
- 1987. 'The Comnenian Prokypsis', *Parergon*, NS 5: 38–53.
- KAMBYLIS, A. 1994–5. 'Das griechische Epigramm in byzantinischer Zeit', *Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft*, NS 20: 19–47.
- KAZHDAN, A., and CONSTABLE, G. 1982. 'Homo Byzantinus in the history of literature and art', in eidem, *People and Power in Byzantium: An Introduction to Modern Byzantine Studies* (Washington, DC): 96–116.
- KODER, J. 'Romanos Melodos', in C. G. Conticello (ed.), *La théologie byzantine et sa tradition*, vol. 1 (Turnhout) (в печати).
- KOMINIS, A. 1964. 'L'epigramma sacro ed i problemi dell'arte epigrammatica', in *Actes du XIIe Congrès International d'Études Byzantines*, II (Belgrade): 365–71.
- 1966. *To byzantinon hieron epigramma kai hoi epigrammatopoiOI* [*The byzantine religious epigram and the epigrammatists*] (Athens).
- KRUMBACHER, K. 1897. *Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527–1453)* (Munich, 2nd edn.).
- LAUXTERMANN, M. D. 1994. 'The Byzantine Epigram in the Ninth and Tenth Centuries' (diss. Amsterdam).
- 1998. 'The velocity of pure iambs: Byzantine observations on the metre and rhythm of the dodecasyllable', *JÖB* 48: 9–33.
- 1999. *The Spring of Rhythm: An Essay on the Political Verse and Other Byzantine Metres* (Vienna).
- 2003. *Byzantine Poetry from Pisides to Geometres: Texts and Contexts*, vol. 1 (Vienna).
- 2007. 'The Anthology of Cephalas', in M. Hinterberger and E. Schiffer (eds.), *Byzantische Sprachkunst* (Berlin): 194–208.
- MAAS, P. 1903. 'Der byzantinische Zwölfsilber', *BZ* 12: 278–323.
- MACRIDES, R., and MAGDALINO, P. 1988. 'The architecture of ekphrasis: construction and context of Paul the Silentiary's poem on Hagia Sophia', *BMGS* 12: 47–82.
- MAGDALINO, P. 1984. 'The Bath of Leo the Wise', in A. Moffatt (ed.), *Maistor: Classical, Byzantine and Renaissance Studies in Honour of Robert Browning* (Canberra): 225–40.
- 1993. *The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180* (Cambridge).
- and NELSON, R. 1982. 'The emperor in Byzantine art of the twelfth century', *BF* 8: 123–83.
- MAGUIRE, H. 1994. 'Epigrams, art, and the "Macedonian Renaissance"', *DOP* 48: 105–15.
- 1996a. *Image and Imagination: The Byzantine Epigram as Evidence for Viewer Response* (Toronto).
- 1996b. *The Icons of their Bodies: Saints and their Images in Byzantium* (Princeton).
- (ed.) 1997. *Byzantine Court Culture from 829 to 1204* (Washington, DC).
- MARCINIAK, P. 2004. *Greek Drama in Byzantine Times* (Katowice).
- MEYER, W. 1905. 'Anfang und Ursprung der lateinischen und griechischen rythmischen Dichtung', in idem, *Gesammelte Abhandlungen zur mittellateinischen Rythmik*, vol. 2 (Berlin): 1–201.

- MITSAKIS, K. 1971. 'The hymnography of the Greek Church in the early Christian centuries', *JÖB* 20: 31–49.
- NILSSON, I. 2001. *Erotic Pathos, Rhetorical Pleasure: Narrative Technique and Mimesis in Eumathios Makrembolites' Hysmine and Hysminias* (Uppsala).
- NISSEN, T. 1940. *Die byzantinischen Anakreonten* (Munich).
- NUNN, V. 1986. 'The encheirion as adjunct to the icon in the Middle Byzantine period', *BMGS* 10: 73–102.
- ODORICO, P., and AGAPITOS, P. (eds.) 2002. *Pour une 'nouvelle' histoire de la littérature Byzantine: problèmes, méthodes, approches, propositions* (Paris).
- and MESSIS, C. 2003. 'L'Anthologie comnène du Cod. Marc. Gr. 524: problèmes d'édition et problèmes d'évaluation', in Hörandner and Grünbart 2003: 191–213.
- OPSTALL, E. M. VAN 2008. *Jean Géomètre Poèmes en hexamètres et en distiques élégiaques* (Leiden).
- PELTOMAA, L.-M. 1997. 'The Tomus ad Armenios de fide of Proclus of Constantinople and the christological emphasis of the Akathistos Hymnos', *JÖB* 47: 25–36.
- 2001. *The Image of the Virgin Mary in the Akathistos Hymn* (Leiden).
- PUCHNER, W. 2002. 'Acting in the Byzantine theatre: evidence and problems', in P. Easterling and E. Hall (eds.), *Greek and Roman Actors* (Cambridge): 304–24.
- SCHIRÒ, G. 1975. *Cronaca dei Tocco di Cefalonia* (Rome).
- ŠEVČENKO, I. 1969–70. 'Poems on the deaths of Leo VI and Constantine VII in the Madrid manuscript of Scylitzes', *DOP* 23–4: 185–228.
- SPECK, P. 1966. 'Die *Ἐνδότης*', *JÖBG* 15: 323–75.
- TALBOT, A.-M. 1999. 'Epigrams in context: metrical inscriptions on art and architecture of the Palaiologan Era', *DOP* 53: 75–90.
- TRYPANIS, C. A. 1968. *Fourteen Early Byzantine Cantica* (Vienna).
- WELLESZ, E. 1962. *A History of Byzantine Music and Hymnography* (Oxford, 2nd edn.).

Рекомендуемая литература

- Двухтомник Локстермена (Lauxtermann M. D.) *Byzantine Poetry from Pisides to Geometres* (как только он будет опубликован полностью) сможет стать исчерпывающим исследованием поэзии VII–X вв., ее жанров, представителей и места в обществе своего времени. С целью получения краткой, но емкой информации об авторах, жанрах и формах весьма полезны соответствующие статьи *ODB*. В дополнение к этому, а также к вышеупомянутым в ссылках публикациям, ценность для понимания византийской литературы, в том числе поэзии и ее мироощущения, представляют:
- KANTOROWICZ, A. 1963. 'Oriens Augusti – Lever du Roi', *DOP* 17: 117–77.
- KAZHDAN, A., and FRANKLIN, S. 1984. *Studies on Byzantine Literature of the Eleventh and Twelfth Centuries* (Cambridge–Paris).
- MARKOPOULOS, A. 1992. 'An anonymous laudatory poem in honor of Basil I', *DOP* 46: 225–32.
- ROSENQVIST, J. O. 2007. *Die byzantinische Literatur. Vom 6. Jahrhundert bis zum Fall Konstantinopels 1453* (Berlin).
- SZÖVÉRFY, J. 1978, 1979. *A Guide to Byzantine Hymnography: A Classified Bibliography of Texts and Studies*, 2 vols. (Brookline, Mass.).

Глава III.18.8 ВОЕННЫЕ ТРАКТАТЫ

Эрик Макгир

Византийская военная литература относится к греческой традиции сочинительства на военную тематику, своими корнями уходящую в IV в. до н. э. Корпус древних военных трактатов, унаследованных и сохраненных византийцами, можно разделить на несколько жанров, рассматривающих военные действия с различных сторон: *тактика* – описывает дислокацию и маневры и дает определение тактической терминологии; *стратегика* – представляет принципы командования войсками; *полиоркетика* – перечисляет методы и приспособления для штурма или обороны укреплений; *навмахика* – трактаты о военных действиях на море; *стратегемата* – собрания военных хитростей, афоризмов, поучений (Dain 1967; Hunger 1978: vol. 2, 321–40). В этих жанрах некоторые писатели стали считаться авторитетами (к примеру, Элиан – в области тактики, Онасандр – в области верховного командования), но следует помнить, что в большинстве случаев эти авторы были не военными, а риториками или философами, писавшими о войне с теоретических позиций, не предназначавшими своих трудов исключительно военному читателю для применения непосредственно на поле битвы.

В таких теоретических рамках и развивалась византийская военная наука. На самом деле, то, что мы называем «византийской» военной литературой является продолжением древней традиции в форме копий, эксцерптов и парафраз, в результате чего византийские военные труды имеют тенденцию быть производными, а не оригинальными по своему содержанию и потому проливают мало света на реалии и практику своего времени. Величайшие военные тексты и их компиляции, собранные на протяжении X в., такие как Тактика Льва VI (ок. 900 г.) или же Тактика Никифора Урана (ок. 1000 г.), являются хорошими примерами консерватизма, присущего византийской военной литературе, поскольку они были собраны воедино из ряда древних и византийских трудов с целью составления дидактических энциклопедий войны. Впрочем, это не означает, что эти и другие византийские военные тексты полностью лишены современного им оригинального материала или, что византийцы не учитывали разницы между древней и со-

временной практиками. Анонимный компилятор *Sylloge tacticorum*¹ (ок. 950 г.) вставляет описания современного ему снаряжения и тактик в текст, собранный из различных источников, и четко различает византийские и античные доспехи, оружие, построение войск (Dain 1938: chs. 38–9, 46–7). По свидетельству византийских авторов, таких, как Никифор Фока (X в.) или Кекавмен (XI в.), воины Византии изучали труды авторитетов древности как источник знаний и идей, отнюдь не рассматривая их как окончательные или исчерпывающие: оба автора заявляют, что командиры должны совмещать знание военной литературы с уроками, извлекаемыми из собственного опыта. Короче говоря, хотя традиция античной военной литературы и давила над византийскими тактиками, она не мешала развитию особого, собственно византийского подхода к искусству войны. Руководства по тактике ведения боевых действий, появившиеся на свет во второй половине X в., содержат обширные сведения о согласованной и последовательной тактической системе, сформировавшейся в соответствии с боеспособностью византийских войск, театрами боевых действий и характеристиками неприятеля. Военные тексты не читались сами по себе, и изучение военного дела в Византии не сводилось единственно к ним. Дополнительные источники, – исторические, административные, правовые, риторические, – содержат не менее ценные сведения о ведении боевых действий, логистике и идеологии войны в Византии.

Наука о византийской военной литературе продвигалась вперед двумя основными путями. Первый из них – филологический, в центре внимания которого рукописи и последовательность распространения военных текстов, а также лингвистические и лексические сведения, накапливаемые для изучения средневекового греческого языка. С 1850-х гг. и далее несколькими поколениями ученых идентифицированы и классифицированы около 260 рукописей, содержащих военные тексты, то есть полностью обновлено собрание античных и византийских произведений о военном деле. Наиболее исчерпывающее исследование традиции было проведено французским ученым Альфонсом Дэном (Alphonse Dain) (1896–1964 гг.), чья опубликованная посмертно монография «*Les stratégistes byzantins*»² представляет основные рукописи и этапы формирования «*corpus militaria*» со времен античности, на протяжении византийского периода и вплоть до нового времени. Хотя в некоторых местах последующие поколения ученых модифицировали или улучшили достижения Дэна, его работа остается исходной точкой любого серьезного исследования военных трактатов (Dain 1967, также см.: Dain 1946; Rance 2007).

Филологический подход в области военной литературы превалировал до совсем недавнего времени. Он открыл дорогу публикациям в критических изданиях и переводам военных текстов. Эта задача практически выполнена за последние тридцать лет, хотя определенное количество важных работ все еще ждет современного переиздания, перевода и комментария. Однако неотъемлемой частью их исследования являлось то, что специалисты в этой дисциплине были временами чрезмерно схематичны в своей реконструкции традиции и медлили

¹ Известна также как «Неопубликованная тактика Льва» (прим. ред.).

² «Византийские стратегии» (прим. переводчика).

с признанием исторической ценности византийских трактатов. Впрочем, полное и достоверное филологическое исследование применительно к историческим вопросам может дать великолепные результаты, к примеру, относительно роли паракимомена Василия (Mazzucchi 1978).

По правде говоря, оценка византийской военной литературы как бесплодной и ретроспективной содержала значительную долю истины и весьма соответствовала общему взгляду на византийскую цивилизацию вплоть до XX в., но она сыграла свою роль, отведя внимание ученых от потенциально информативно богатой и содержательной совокупности источников.

Работой, проложившей новый курс изучения военной литературы, стал опубликованный Дагроном в 1986 г. анализ трактата о приемах партизанской войны (*De Velitatione*), приписываемый императору Никифору Фоке (963–969 гг.) (Dagron and Mihăescu 1986; trans. Dennis 1985: 144–239). В этой работе, – первом детальном исследовании византийского трактата в исторической перспективе, – Дагрон предложил три критерия оценки относительной модернизированности военных текстов: (1) внимание к изменениям в воинском снаряжении или технологиях, проявляемое путем включение в текст информации о новых видах оружия, материалах, приспособлениях; (2) описание противника как особой группы людей с такими характеристиками как тактика и снаряжение, привычки и традиции, религиозные верования, социальная структура, мотивация в сражении; (3) связь между армией и обществом, выставившим ее на поле брани, – с особым взглядом не только на происхождение власти в нем, но и на его административную структуру, правовой и политический статус, иерархию, формирование воинской элиты, воплощающей определенные идеалы воинской доблести и славы.

Разумное применение критериев, предложенных Дагроном, может быть очень полезным для выявления современных данных в трактате и нахождения равновесия между его теоретическим и практическим аспектами. Далее, ключом к определению степени реализма является язык написания трактата. Повседневный греческий, на котором говорили византийские военные, был полон латинских заимствований, унаследованных от прежней римской армии (например, *скутарион*, *тенда*, *порта*, *контужернион*, *кваллариос*, *прокурсатор* и еще сотни слов, относившихся к оружию, доспехам, действиям, построениям), которые и возникают в трактатах и документах, написанных на скорую руку военными офицерами или армейскими чиновниками в качестве совета равным по званию. Византийские греки также заимствовали многие слова из других языков, таких как славянский (*лауса*), арабский (*сака*), армянский (*тасинариос*), тюркский (*пасмагадион*), иранский (*клибанион*), что является отражением неисчислимых соприкосновений с иноземными народами и не только как с противниками, но и как с союзниками и наемниками, привнесшими новое снаряжение и тактики, и как следствие новые слова для их обозначения (Dawson 1998; Rance 2004). Там, где речь идет об уровне языка, «низкий» или простой стилистический уровень характеризуется простотой синтаксиса и использованием латинских или иностранных слов. Напротив, авторы, жаждавшие большего литературного эффекта, предпочитали заменять слова латинского или иностранного происхождения их чисто греческими эквивалентами (например, *апоскеве* вместо *петзимента*)

и использовать более архаичный, классический стиль, адресованный в первую очередь невоенной аудитории. Вообще говоря, чем проще стиль и чем чаще появляется в тексте техническая негреческая терминология, тем, вероятнее всего, ближе сам трактат к реальной военной ситуации своего времени.

Из вышеприведенных замечаний становится очевидным, что изучение византийской военной литературы требует близкого сопоставления при прочтении вариантов текста корпуса и полного понимания процесса развития филологических и исторических исследований. Недавние публикации, охватывающие историю византийской армии от позднеримского периода и до 1204 г. (Haldon 1999) и с 1261 г. до 1453 г. (Bartusis 1992), создают необходимую почву и контекст, тогда как стандартная вторичная литература по западноевропейской и исламской военной истории представляет полезные сравнительные исследования о войне в других средневековых обществах (Contamine 1984; de Vries 2002). Во второй части данной главы будут рассмотрены византийские трактаты и текущее состояние исследований.

Создание византийской военной литературы в основном пришлось на два основных временных отрезка, первый из которых – VI в. Упадок римской власти на Западе, появление христианской империи с центром в Константинополе и возникновение новых врагов можно отнести к факторам, ускорившим возрождение военной науки в период, примечательный переходом от римского к византийскому способу ведения войны. Трактатом, считающимся первым произведением византийской военной литературы, является так называемый «*Византийский анономный трактат*», традиционно датируемый (не безоговорочно) правлением Юстиниана (527–565 гг.), который начинается анализом государства и его частей, далее переходит к описанию (в основном теоретическому) укреплений, тактик, боевых действий и прочих тем. Однако лишь недавно этот трактат был идентифицирован как часть более обширного труда, приписываемого Сириану Магистру, который включал «*Анонимный трактат*», раздел о боевых действиях на море и руководство по военной риторике (Zuckermann 1990; ed. and trans. Dennis 1985: 1–135). Последний особенно важен, поскольку его автор применил правила классической риторики к составлению военных речей и основал жанр военной риторики в рамках христианской традиции. Влияние сборника военных текстов Сириана можно оценить исходя из того значения, которое придавали ему последующие поколения писателей. Он был среди трактатов, которые должны были сопровождать императора в обозе, согласно Константину VII Багрянородному (913–959 гг.), чье близкое знакомство с *Rhetorica Militaris* следует из двух пламенных воззваний к своим войскам, составленных им в период арабо-византийской войны 950-х гг. (Dagron 1983; McGeer 2003).

Отдельным, наиболее важным византийским трактатом является *Стратегикон* Маврикия, составленный около 600 г. В этой работе отражены изменения в военном деле, вызванные столкновением с новыми народами, в особенности гуннами и аварами, чьи навыки и тактики боевых действий, как, например, использование конных лучников, вынудили Византию пересмотреть методы ведения войны (Dennis 1984; Bivar 1972; Rance в печати). Преобладающую роль в сражении автор *Стратегикона* отводит кавалерии и большую часть трактата посвящает обучению, формированию, маневрам кавалеристов. Среди его пред-

писаний значатся также советы уделять внимание лучникам, использовать резервы, делать акцент на тактической гибкости. Судя по данным учебных пособий X в., «многочисленность» кавалерии, подчеркивавшаяся в *Стратегиконе*, долго оставалась стандартной тактической диспозицией византийских войск. Кроме того, длительный интерес к *Стратегикону* и его влияние следует приписать, прежде всего, книге 11, в которой автор приводит обзор тактик и характеристик неприятелей империи. Так, по его утверждению, все решает интеллект (ум), поскольку именно он позволяет нам приспособиться к поведению противника, будь то в сражении или же на переговорах. Хотя византийские описания иноземных народов различны по своей давности и имеют тенденцию со временем застывать в стереотипные клише, в *Стратегиконе* сохранились ценные сведения о кочевых племенах на ранней стадии их исторического развития, до появления у них письменности (Wiita 1977; Dagron 1987). Данный раздел *Стратегикона* также устанавливает важный прецедент, поскольку необходимость приспособления к противнику становится глубоко укоренившейся основой византийских военного дела и дипломатии. Удивительно, но несмотря на возвышение ислама, непрекращающиеся войны с арабами начиная с VII в. и далее, прошло три столетия в течение которых, похоже, не было написано ни одного военного трактата. Только в правление Льва VI (886–912 гг.) наступило возрождение интереса к воинской науке, совпавшее с укреплением византийской власти в X в. Создание рукописей, компиляций, практических руководств в ту историческую эпоху военной экспансии предпринималось по императорской инициативе начиная со Льва VI, который из верности императорскому долгу поддерживать порядок в делах империи позаботился возродить изучение войны, направив его против арабов. Поскольку его целью было возродить традицию, а не создать ее заново, его основной труд *Тактика* (ок. 900 г.) большей частью является парафразой, объединяющей *Стратегикон* Маврикия с трактатом о командовании Онанандра, но там, где письменные источники по соответствующей теме отсутствовали, император Лев использовал полученную от своих военачальников свежую информацию, относящуюся к событиям своего времени (PG 107; Dennis в печати). Наиболее значимым вкладом Льва VI в изучение военного дела стал раздел об арабах, дополнивший досье *Стратегикона* о чужеземных народах, — в нем он определяет религиозное рвение как ключевой фактор успеха арабов против византийцев. Его призыв к своим войскам не уступать неприятелю в силе веры, а не только в бряцании оружия, оказал мощное влияние на последующие произведения военной литературы. Подъем религиозной идеологии содействовал распространению образа императора и его войск как защитников христианства и восхвалял роль солдат, сражавшихся за своих единоверцев, как провозглашалось в руководствах, авторство которых приписывают Никифору Фоке, перенявшему идею Льва относительно применения исламской модели к христианскому государству (Dagron and Mihaescu 1986: 145–60, 259–86). Лев также уделял внимание морским элементам византийских военных стратегий (важные тексты собраны в: Dain 1943; см. также Pryor and Jeffreys 2006 и в данном издании главы II. 8. 9. Кораблестроение и мореплавание).

Правление сына Льва, Константина VII (913–959 гг.) по-прежнему признается решающей фазой в истории военной литературы. Этот император, считавший

своим долгом сохранить интеллектуальное наследие прошлого, стал вдохновителем сбора и переписывания военных текстов, как античных, так и византийских, в единой коллекции (ее основная часть сохранилась в: *Florence, Laur.* LV–4). Тем же духом энциклопедизма явно проникнуты ведущие труды того времени, в том числе вторая, расширенная и переработанная версия *Тактики* Льва VI и анонимный трактат, известный как *Sylloge Tacticorum*. Как отмечалось выше, этот текст доказывает, что византийские составители критично подходили к используемым источникам. Недооцененный *Sylloge* также заслуживает внимания своим изложением современной пехотной и кавалерийской тактик, показывающий дальнейшее развитие византийской тактической доктрины.

Некогда неопубликованные учебники по осадным боевым действиям, составленные в тот же период, поздно привлекли внимание ученых. Трактат, подписанный псевдонимом Герона Византийского, заимствует из классических трудов по полиоркетике описания машин, механизмов, приспособлений, используемых в наступательных осадных операциях (Sullivan 2000). Здесь, несмотря на деривативный характер работы, вновь заслуживает упоминания авторский подход. Перед нами попытка передачи технической информации в терминах, доступных пониманию всех читателей, с представлением реалистичных чертежей осадных машин и механизмов, а также методов, суть которых раскрывается в тексте. Результатом является инновационная демонстрация осадных технологий, с текстом которой легко могли сверяться командиры. То, как они пользовались теми или иными трактатами по полиоркетике, лучше всего, коротко и ясно излагает писатель и военный Никифор Уран (ок. 1000 г.), который завершил свою собственную главу об осадах замечанием, что, хотя древние и создали впечатляющий набор осадных технологий, его собственный опыт доказывает, что наиболее эффективны туннельные операции. То, что осады были в равной мере и психологическим, и технологическим соперничеством, показывает анонимное руководство, известное под названием *De Obsidione Toleranda*¹, в котором описано ведение боевых действий в условиях осады с позиции защитников укрепления (van den Berg 1947; trans. Sullivan 2003). Смешение источников в трактате требует осторожного использования данных, но автор представляет ценную информацию, касающуюся мер, к которым прибегали осажденные, стараясь обеспечить оборону и безопасность укрепления и поддержать моральный дух в случае затяжной осады.

Разрыв между теорией и практикой отчасти компенсируется, когда мы обращаемся к тактическим справочным руководствам, написанным лично или по заказу солдатского императора Никифора Фоки. В отличие от своих имперских предшественников, Фока знал войну и с теоретической, и с практической стороны, и руководства, вышедшие под его именем, описывали методы и последовательности действий, использовавшиеся византийскими войсками в сражениях с арабами вдоль восточных границ Империи. Его трактат о партизанской войне, вышеупомянутый *De Velitatione*², сосредотачивает внимание на оборонных кампаниях, проводившихся византийскими приграничными войсками против арабских набе-

¹ «Как выдерживать осаду» (прим. ред.)

² «О стычках» – трактат о методах ведения «малой войны» (прим. ред.).

гов, перечисляя четыре основных типа набегов и меры противодействия, которые лучше всего применимы к каждому из них. В трактате возрождается боевой дух византино-арабских границ, имперской периферии и выражается сила религиозного чувства в приграничном обществе, где борьба между христианством и исламом стала смыслом жизни на более чем два столетия. Учебное руководство, приписываемое Фоке, *Praecepta Militaria*¹, свидетельствует о переходе от оборонной к наступательной политике в 950–960-е гг. (McGeer 1995). В нем Фока перечисляет шаги, которые необходимо сделать для подготовки армии, состоящей из пехоты и кавалерии, к встрече и уничтожению вражеских сил на поле битвы. Его наиболее интересные разделы это планы сражений, в которых Фока описывает различные тактические ситуации, с которыми могут столкнуться его войска, и необходимые ответные действия в каждом случае. Однако, помимо той практической информации, которую они содержат о снаряжении, логистике и тактике своего времени, трактат Фоки позволяет читателю взглянуть на природу и суть войны в Византии, в особенности на ее физические и психологические факторы, утверждая необходимость постоянных учений и дисциплины для поддержания боеспособности армии. Третье руководство, известное как *De Re Militari*², было вдохновлено Фокой, но написано после его смерти (Dennis 1985: 241–335). Оно описывает разбивку походного лагеря и резюмирует действия, выполняемые византийскими войсками на марше. Хотя трактат относится к западной части империи, *De Re Militari* издавался в сочетании с аналогичными трактатами с целью демонстрации византийской военной науки во всей ее полноте и изощренности.

Традиция военной литературы заканчивается трактатом *Тактика* Никифора Урана. Пространная компиляция древних и византийских тактиконов с минимумом современных материалов, включенных в текст компилятором, еще не опубликована полностью. Она, с одной стороны, служит типичным образцом военной литературы Византии, с другой, указывает на тот объем исследований, который предстоит проделать в отношении этого литературного массива. Это применимо не только к изданию текстов, но также и к дальнейшему истолкованию трактатов в свете археологической и искусствоведческой информации, технологии и материальной культуры, географических и исторических исследований, лексических и лингвистических изысканий, а также идеологического, религиозного, культурного измерений войны в средневековом мире.

ЛИТЕРАТУРА

- BARTUSIS, M. C. 1992. *The Late Byzantine Army. Arms and Society 1204–1453* (Philadelphia).
 BERG, H. VAN DEN (ed.) 1947. *Anonymus de obsidione toleranda* (Leiden).
 BIVAR, A. D. H. 1972. 'Cavalry equipment and tactics on the Euphrates frontier', *DOP* 26: 271–91.

¹ «Воинские предписания (наказы)» (прим. ред.).

² «О военном деле» (другое название – «Организация и тактика кампании») (прим. ред.).

- CONTAMINE, P. 1984. *War in the Middle Ages* (Oxford).
- DAGRON, G. 1983. 'Byzance et le modèle islamique au Xe siècle, à propos des *Constitutions tactiques* de l'empereur Léon VI', *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*: 219–43.
- 1987. 'Ceux d'en face: les peuples étrangers dans les traités militaires byzantins', *TM* 10: 207–32.
- and MICHĂESCU, H. (eds.) 1986. *Le Traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969)* (Paris).
- DAIN, A. (ed.) 1938. *Sylloge tacticorum, quae olim 'inedita Leonis Tactica' dicebatur* (Paris).
- (ed.) 1943. *Naumachica adhuc partim inedita* (Paris).
- 1946. *Histoire du texte d'Elie le Tacticien* (Paris).
- 1967. 'Les Strategistes byzantins', *TM* 2: 317–92.
- DAWSON, T. 1998. 'Kremasmata, kabadion, klibanon: some aspects of middle Byzantine military equipment reconsidered', *BMGS* 22: 38–50.
- DENNIS, G. T. (ed.) 1984. *Maurice's Strategikon. Handbook of Byzantine Military Strategy* (Philadelphia).
- (ed.) 1985. *Three Byzantine Military Treatises* (Washington, DC).
- *Taktika* of Leo VI: edition and translation (в печати).
- HALDON, J. F. 1999. *Warfare, State and Society in the Byzantine World, 656–1204* (London).
- HUNGER, H. 1978. *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*, 2 vols. (Munich).
- MCGEER, E. 1995. *Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century* (Washington, DC).
- 2003. 'Two military orations of Constantine VII', in Nesbitt 2003: 111–35.
- MAZZUCCHI, C. M. 1978. 'Dagli anni di Basilio parakimomeno (cod. Ambr. B 119 sup.)', *Aevum* 52: 267–316.
- NESBITT, J. (ed.) 2003. *Byzantine Authors: Literary Activities and Preoccupations. Texts and Translations Dedicated to the Memory of Nicolas Oikonomides* (Leiden).
- PRYOR, J. H., and JEFFREYS, E. M. 2006. *The Age of the ΔΡΟΜΩΝ: The Byzantine Navy ca. 500–1204* (Leiden).
- RANCE, P. 2004. 'The fulcum, the late Roman and Byzantine testudo: the Germanization of Roman infantry practice', *GRBS* 44: 265–326.
- 2007. 'The Etymologicum Magnum and the "Fragment of Urbicus"', *GRBS* 47: 193–224.
- *The Roman Art of War in Late Antiquity. The Strategikon of the Emperor Maurice: A Translation with Introduction and Commentary* (в печати).
- SULLIVAN, D. F. (ed.) 2000. *Siegecraft: Two Tenth-Century Instructional Manuals by 'Heron of Byzantium'* (Washington, DC).
- 2003. 'A Byzantine instructional manual on siege defense: The *De obsidione toleranda*. Introduction, English translation and annotations', in Nesbitt 2003: 138–266.
- VRIES, K. DE 2002. *A Cumulative Bibliography of Medieval Military History and Technology* (Leiden).
- WIIITA, J. 1977. 'The Ethnika in Byzantine Military Treatises' (Ph.D. diss. University of Minnesota).
- ZUCKERMANN, C. 1990. 'The military compendium of Syrianus Magister', *JÖB* 40: 209–24.

Глава III.19 МУЗЫКА

Александр Лингас

Введение

Сегодня византийская музыка обычно ассоциируется с заимствованной восточносредиземноморской или балканской традицией монофонического пения на христианских богослужениях византийского ритуала. Однако в данном разделе этим термином будет обозначаться полный спектр музыкального творчества – его практическая и умозрительная, светская и церковная стороны – в Восточной Римской империи, управляемой из Константинополя. Музыкальное творчество в византийском культурном и религиозном поле делится на три частично пересекающиеся области: (а) трансмиссия (передача из поколения в поколение), изучение и применение позднеантичных письменных источников; (б) исполнение светских вокальных и инструментальных произведений, разнообразных по форме и функциям – от музыки для имперских церемоний до народной песни; (в) практика и репертуар христианской священной песни, известной под собирательным названием «псалмодии», развитие которой тесно связано с развитием византийской литургии, в целом благодаря роли пения как первостепенного, а в кафедральной традиции, единственного (Strunk 1977: 115; Lingas 1996b: 2–9) средства донесения до слушателя литургического текста. Письменные и материальные данные о византийской музыке, изучение которых во многих случаях находится на предварительной стадии, включают трактаты по теории музыки, лирике (с музыкальной нотацией или же без таковой), литературные упоминания о музыке и музыкантах, изображения музыкального творчества средствами визуального искусства, археологию храмов и прочих мест публичных представлений. Интерпретацию данного материала следует производить с поправкой на признание того факта, что византийские музыканты опирались на изустные методы передачи, что было, по всей видимости, всеобщим явлением для светской музыки.

Нижеследующее представляет собой краткий обзор византийской музыкальной культуры от самых ее истоков в космополитичных городах и монашеских

пустынях позднеантичного Средиземноморья до 1453 г. Традиции имперских языковых и религиозных меньшинств, включая армян, коптов, латинов, славян и сирийских христиан, а также евреев-романиотов и мусульман будут рассматриваться только там, где их традиция известна как приходившая в непосредственное соприкосновение с музыкальными достижениями византийского мейнстрима¹. Такое решение было принято отчасти из соображений ограниченности объема публикации (который также препятствует и подробному рассмотрению нотации), а отчасти потому, что истории этих музыкальных «меньшинств» были, в лучшем случае, хотя и не в равной мере, уже изучены (о некоторых из последних исследований см. соответствующие главы Danielson, Marcus, and Reynolds 2002).

Основы византийской музыкальной культуры

1. Языческая и светская музыка

Примерно во время легализации христианства в 313 г. н. э. музыка была составляющей частью проведения многих публичных и частных торжеств, в том числе празднований в честь языческих богов, театральных представлений, спортивных мероприятий, симпозиев, свадебных пиров, похорон. Монофоническое пение являлось доминирующей формой музыки, но и музыкальные инструменты широко использовались как в сопровождении вокала, так и без него. Наиболее важные из мелодических инструментов принадлежали к семейству лир – струнно-щипковых инструментов, к которым относилась кифара (на ней играли профессиональные исполнители), и авлосов – цилиндрических одно- или двухствольных духовых инструментов, известных своим пронзительным звучанием, на которых часто играли парами. Гидравлический и пневматический трубчатые органы использовали как дома, так и в публичных шествиях, тогда как более крупные инструменты устанавливали в амфитеатрах. Медные духовые и ударные инструменты повседневно использовали в военных и государственных церемониях.

Несмотря на существование с классических времен греческой системы инструментальной и вокальной нотации, мелодии передавались, очевидно, преимущественно на слух. На основании небольшого корпуса нотных источников (по большей части фрагменты, все они приведены в Röhrlmann and West 2001, West 1992: 196) различают два стилистических направления в эллинистической музыке поздней античности: создание умеренно цветистого вокального стиля характеризуется установлением единственности слогов для множества нот; рост предпочтения диатоническому типу звучания (в некоторых случаях неявном, в силу использования мелодических интонаций полутона или менее). Многие из этих черт прослеживаются в Гимне Св. Троице из оксиринхского папируса 1786 (III или IV вв.; Röhrlmann and West 2001: 190–4)] – единственном сохранившемся примере раннехристианского песнопения с древнегреческой нотной записью и, следовательно, полностью восстановимой мелодией.

¹ Доминирующее культурное течение, направление (*прим. переводчика*).

Дошедший до нас корпус позднеантичной теории также показывает преемственность в отношении эллинистических традиций в продолжениях и кодификациях музыкальной мысли раннего периода (Mathiesen 1999: 355–607). Порфирий (232/3–305) и Аристид Квинтиллиан (вероятно, конец III – начало IV вв.) амбициозно предполагали объединить науку о гармониях (включая звучание гамм) с позднеантичными изысканиями пифагорейского и платонического течений, рассматривавших космологическое и этическое значение музыки. Скромнее по масштабу не датированная группа учебно-справочных пособий, излагающих основные положения аристоксенова и евклидова учений о гармонии. В их числе стоит отметить труды, приписываемые Гауденцию и Алипию, содержащие наиболее полное из сохранившихся научных описаний древнегреческой музыкальной нотной записи. Проблема датирования таких пособий особенно остро стоит в случае Вакхиса Герона, чей трактат содержит посвящение, которое может относиться и к Константину I, и к Константину VII Багрянородному (Troelsgård 1988: 231–3).

2. Христианство и музыка

Возвышение христианской Церкви как института имело важные последствия для музыкальной практики на территории, которая к концу IV в. стала официально именоваться Христианской Римской Империей. Первым из них стало формирование христианской псалмодии как регионально разнообразного набора репертуаров и практик, – данный процесс инициировали в течении IV в. монахи египетских и палестинских пустынь. Стараясь буквально исполнить наказ Св. апостола Павла «непрестанно молитесь» (1 Фесс. 5:17), они по очереди пели библейские псалмы, перемежая псалмодию молитвами и чтениями. Духовный престиж монашества способствовал быстрому распространению псалмопения среди городских христиан (McKinnon 1994), приспособивших его к сложившейся у них собственной, «кафедральной» традиции богослужения. Вместо текстуально продолжительных и предположительно простых кантилаций, исполнявшихся соло, в городских храмах имело место мелодическое исполнение библейских псалмов и духовных песнопений, избранных за их тематическое отношение к зарождающимся суточному, недельному и годовичному богослужебным циклам. Звуковой эффект еще более усилило разделение исполнения псалмодии между группами певцов, иерархическая расстановка которых имела целью отражать как их церковный статус, так и музыкальную одаренность: в то время как состоящие в клире солисты или хористы пели главную партию какого-либо текста, группы менее музыкально одаренных певцов, в том числе, в некоторых случаях, и вся община, – вторили им рефренами длиной от одного слова до короткого абзаца. Респонсорная псалмодия, иначе известная как вопросоответная, была простейшей формой чередования. Антифонная псалмодия была сложнее и использовала разнообразные группы певцов и, в некоторых случаях, более одного рефрена (Taft 2003; Nowacki 1995: 287–304).

Псалмодия была признана городскими пастырями соответствующей богослужебным пастырским целям. Ее структурированное исполнение и основанность на Священном Писании поддерживали порядок и содействовали распространению

нию православия, целям, содержавшимся в предписании Лаодикийского собора относительно «частным образом составленных псалмов» (канон 59) и его ограничении музыкального исполнения сольных партий исключительно певцами, состоящими в клире (канон 15) (McKinnon 1987: 118–19). Богослужение становилось общедоступным благодаря рефренам, позволявшим участвовать в песнопениях всей общине, и мелодически обработанным основам вероучения, делавшим легким и приятным усвоение доктрины и популяризовавшим использование псалмов в частных религиозных обрядах (McKinnon 1994). Псалмодия также являлась противоядием от того, что писатели патристического периода единогласно осуждали как вредоносные элементы нехристианской музыкальной культуры. Главным из них было использование голосов и инструментов (особенно авлоса и кифары) для возбуждения плотских страстей в языческих ритуалах, во время похорон и свадебных пиров, в театре (McKinnon 1965). Риторически ревностная и строгая, пользовавшаяся к тому же поддержкой канонического законодательства, которое официально ставило такого рода действия вне закона для христианских церковнослужителей и мирян, – такая полемика была, тем не менее, избирательна: так, не подвергались критике инструменты, использовавшиеся в государственном церемониале, и в писаниях Отцов Церкви повсеместно в небольшом количестве встречаются одобрительные музыкальные метафоры (McKinnon 1987: 6–7). Основой позитивных и негативных оценок со стороны Отцов Церкви было убеждение, разделяемое также наукой и философией того времени, что музыка обладала этическими свойствами, сводимыми к математическим пропорциям, управляющим ее звучанием, действовавшим на уровнях от микрокосма человеческого существа до астрономического макрокосма (Vourles 1994; некоторые поздневизантийские упоминания об этической силе музыки см.: Lingas 1996b: 201).

Псалмодия в Константинополе и Палестине

Период политических волнений, пришедшийся на конец эпохи поздней античности и византийские «темные века», стал свидетелем существенных нововведений в форме и практике христианской псалмодии, в частности, в окрестностях Константинополя и Иерусалима. Эти новшества способствовали и усугублению различия литургических обрядов двух столиц (об этом выше см.: III.11.4. Литургия, а также Taft 1992), и формированию музыкального репертуара «византийского пения».

1. Константинополь

Возвышение Константинополя до географически и церковно значимого положения сопровождалось созданием двух литургически значимых обрядов: монастырской службы «Неусыпающих» (Акимитов), которая исчезла с возвышением Студийского монашества, и кафедрального обряда Великой Церкви Св. Софии, который сохранялся, по крайней мере частично, вплоть до османского завоевания. «Неусыпающие» монахи придерживались суточного цикла из 24 богослужений (по одному на каждый час дня), отправление которых было распределено

между тремя хорами, служившими по 8 часов. Исследование их богослужения (Phountoules 1963) дает основания полагать, что их службы мало что давали в плане мелодического певческого искусства или гимнов, составленным не по мотивам Св. Писания.

Корни отличительно константинопольских форм кафедральной псалмодии прослеживаются в истории архиепископства Св. Иоанна Златоуста (398–404), который противостоял арианской музыкальной пропаганде псалмопевческими процессиями, исполнявшими характерные, составленные в духе православного вероучения, рефрены (McKinnon 1987: 101–4). Эти его контрмероприятия заложили основы стройной системы стациональной литургии, объединившей богослужебным песнопением святы места столицы и обеспечили службы Великой церкви профессиональной псалмодией, бывшей в употреблении даже по не-стациональным дням (Baldovin 1987: ch. 5). Покровительство императоров способствовало как институционализации, так и приданию имперского блеска и масштаба этим нововведениям путем построения храмов, пригодных по своей архитектуре для нового обряда, и путем финансовой поддержки певшего там клира. При императоре Ираклии (Nov. 1, ed. Konidaris 1982: 62–72, 94–100) общее количество церковнослужителей юстиниановой Великой церкви Св. Софии и зависимых от нее учреждений достигало 525, в том числе 160 чтецов (*анакностов*, в чьи обязанности, согласно позднейшим источникам, входило хоровое пение; см.: Mateos 1963: vol. 2.52, 283, 328–9; Schlötterer 1953: 4–13) и 25 певцов (*псалтов*) (Morgan 1986: 14–38; 2005: 1–3). Толкователи литургии видели в величии этих константинопольских служб отражения Божественной литургии, служимой ангельскими силами; такое определение явно прослеживается в Божественной литургии в добавлении к ее тексту процессионального песнопения известного как *Херувимская песнь* («Иже херувимы ...»).

Пик того периода, который Тафт назвал Константинопольской литургической имперской фазой (выше см.: III.11.4. Литургия), совпал с возникновением гимнов, в свою очередь испытавших влияние сирийских прототипов. Это были изо-силлабические греческие гимны *kata stichon* и утонченные метрические проповеди, известные под названием *кондаки* (*kontakia*), состоящие, по меньшей мере, из одного краткого предисловия (*proïmion* или *koukoulion*), за которым следовал ряд (до сорока) метрически и мелодически идентичных строф-иков (*oikoi*)¹, объединенных акростихом (Mitsakis 1986). *Ику* (*oikoi*) и *кукулий* (*koukoulion*) объединяет общий рефрен, чья изначальная цель, вероятно, заключается в том, чтобы поощрить участие общины в их исполнении между службами городского всенощного бдения (*паннихис*, *pannychis*) (Grosdidier de Matons 1977: 104; Lingas 1995).

2. Палестина

В 478 г. Св. Савва (439–532) основал в пустыни к юго-востоку от Иерусалима одноименный монастырь, члены которого должны были собираться еженедельно, чтобы отслужить в ночь с субботы на воскресенье всенощную службу с псалмо-

¹ Дословно «домов» (прим. редактора).

пением (*агриппия*). Община вскоре установила крепкие связи с внешним миром, устроив в Иерусалиме колонию монахов, получившую собирательное название спудов (*spoudaioi*) и содействовавшую богослужению у Гроба Господня. Возвышение монахов Иоанна Мосха (ум. 619 или 634 г.) и Софрония (ум. 638 г.) до положения Патриархов Св. Града явилось знаменательным началом периода, когда псалмы и библейские песнопения палестинского кафедрального и монастырского обрядов дополнительно приукрашались по воскресениям и главным Праздникам гимнами, составленными не по мотивам Св. Писания (*тропарь*), тексты которых были собраны в Тропологии (о грузинском переводе таких собраний и их отношении к литургии Св. Града см.: Jeffrey 1991, 1994; Frøyshov 2004). И хотя многие ранние гимны анонимны, есть среди них и приписываемые «песнопевцам», создававшим и текст, и музыку. В числе таких первых авторов был сам Софроний, сочинивший ряд гимнов на Рождество и Богоявление, которые исполняют (на стилистически обработанную музыку) еще и сегодня.

И хотя некоторые монастырские консерваторы сопротивлялись введению гимнодии и мелодического песнопения (*асма*) в «правило псалмопения» (Frøyshov 2000), они не помешали расцвету школы весьма плодотворных песнопевцев, ассоциируемых с монастырем Св. Саввы. Св. Андрей Критский, Св. Иоанн Дамаскин, Св. Косьма Маюмский были среди создателей впечатляющего корпуса богослужебных гимнов в целом ряде различных жанров (*стихира*, *кафисмата* и т. д.), отличающихся друг от друга формой и литургическим употреблением (Lingas 1996b: 137–45; Rentel 2006: 282–6). Такие гимны могли иметь свою уникальную мелодию (*греч. idiomelon* – «самогласен») либо быть «слепками» (*лат. contrafacta*; *греч. prosomoia* – «подобны»), положенными на некий стандартный мотив (*греч. automelon* – «самоподобен»). Аналогичная система мелодических моделей присутствует и в гимнографическом каноне – комплексной многострофной поэме, насчитывающей до 9 песней, состоящих из тропарей, припеваемых к библейским песням утреннего правила псалмопения. Каждая песнь гимнографического канона, в идеале тесно связанная с темой соответствующей библейской песни, включает строфу-модель – ирмос и идентичные ему по метрике и мелодике тропари. Собрания ирмосов записывались отдельно от тропарей в Ирмологии, чтобы облегчить применение мелодических моделей как *contrafacta*.

И хотя наиболее ранний сохранившийся греческий источник псалмодии у Гроба Господня это так называемый Типикон Воскресения (переписан в 1122 г., но представляет богослужебную практику, бытовавшую до разрушения христианских гробниц в 1009 г.; ed. Papadopoulos-Kerameus 1894/1963), отдельные более ранние элементы репертуара доступны в переводе. Вступление к кафедральной псалмодии первой половины V в. сохранилось в так называемом «Армянском лекционарии». «Грузинский лекционарий» VIII в. точно определяет использование многих тропарей, указывая в каждом случае песенно-музыкальный лад (глас) согласно Октоиху¹ (Jeffrey 1991, 1994). Эта новая система классификации песнопений согласно схематичному представлению четырех основных (аутен-

¹ Слав. «Осмигласник» (прим. переводчика).

тичных) и четырех дополнительных (плагальных) гласов, использовавшаяся также в грузинской версии иерусалимского Тропология и Ирмология, была впоследствии заимствована армянскими, константинопольскими, грузинскими, славянскими и сирийскими певцами (Jeffrey 2001).

3. Звучание ранневизантийской музыки

Таким образом, мы видели, что городская псалмодия IV–V вв. исполнялась различными составами хоров, солистов, общин, что она воспринималась, как нечто – у некоторых писателей, возможно, даже слишком – прекрасное, что она рассматривалась как более строгая и спокойная, нежели некоторые другие современные ей инструментальные и вокальные музыкальные формы, использовавшиеся вне христианской Церкви. Возможно, ее также несколько портили, согласно Никите Ремезианскому (ум. после 413 г.), нечувствие и некомпетентность:

/Пение в храме/ не должно напоминать нечто театральное, оно, скорее, должно вызывать угрызения совести у слушателей.

...А для того, кто не способен быть в гармонии (aequare) с остальными, лучше петь вполголоса (*lenta*), нежели производить громкий шум, ибо так он и свои богослужебные обязанности исполнит, и не помешает поющей братии.

(*De Utilitate Hymnorum*, пер. McKinnon 1987: 138)

Положительные и отрицательные оценки богослужебной и светской музыки, а также жалобы касательно нарушения границ между ними продолжали на протяжении византийской истории опираться на терминологию, риторику, моральные суждения поздней античности. Однако современному читателю практически невозможно определить, какого рода звучание издавалось, в особенности, когда это затруднение относится к периоду или репертуару, для которого мы не располагаем нотными источниками. К примеру, Правило 75 Трулльского собора (конец VI в.) обязывает певцов петь «с великим вниманием и умилением», удерживаясь в то же время от «безчинных воплей», «неестественного крика» или исполнения чего-либо «несообразного и несвойственного Церкви»¹. Эти запреты, по своему характеру подобные позднему осуждению римо-католической Церковью «сластолюбивой и нечистой» музыки в Тренто (на Тридентском соборе), слишком неопределенны и мало что дают для понимания того, было ли некое музыкальное направление или репертуар – в противовес буквальному значению «воплей» – запрещено цензурой. Попытки позднейших византийских толкователей церковного права (Rhalles and Potles 1852: vol. 2, 479–80) представить какой-либо контекст этого канона, в том числе упоминание Зонары о «непотребных песнях» (*асмата порника*, *asmata pornika*) и ссылка Вальсамона на «театральное пение» (*фимелика меле*, *thymelika mele*), сами по себе проблематичны из-за изменений в литургической эстетике. И если для Вальсамона высокие голоса евнухов, о ко-

¹ Цит. по: Книга Правил Свв. Апостолов, Свв. Соборов Вселенских и поместных и Свв. Отец. – М: Общество любителей православной литературы, Изд-во им. св. Льва, папы Римского, 2012 (прим. переводчика).

торых он везде упоминает как о элите среди певцов XII в. (Moran 2002: 107), сами по себе непримечательны, любая попытка ввести мужское сопрано в современное греческое православное богослужение, без сомнения, встретила бы отпор на основании 75-го правила Трулльского собора.

Литургическая музыка от студитов до османского завоевания

Нововведения в литургической музыке VIII–XV вв. глубоко повлияли на развитие византийского обряда в целом, в том числе новых жанров псалмодии, сыгравших ведущую роль в парном произведении Тафта – сказаниях «О двух градах» и «О двух пустынях» (повсеместно упоминаемых в данном издании). То, как их тексты и мелодии обретали форму и этос византийского религиозного опыта на протяжении всего этого периода, можно исследовать с помощью музыкальных нотных источников, которых сохранилось более тысячи (Levy and Troelsgård 2001: 734).

1. Византийская музыкальная нотация

За шесть веков, прошедших с момента написания Оксиринхского Гимна, мы располагаем лишь несколькими фрагментами не византийской или протовизантийской нотной записи, причем большая их часть происходит с периферии империи (Papathanasiou and Boukas 2002: 3–6). Наиболее ранние образчики нотации, на которые обычно ссылаются как на «византийские», это нотные знаки в лекционных IX в., представляющие формулы, передаваемые устно (Nøeg 1935). Графическое продолжение александрийской системы просодических нотных знаков (Arvanitis 2004: 362), так называемая «лекционная» или «экфонетическая» нотная запись, оставалась в употреблении (с некоторыми изменениями; см.: Engberg 1996: 33–55) вплоть до XIV в. и применялась для кантиляции¹ Св. Писания, а в некоторых случаях и в других текстах, наподобие Синодика. В то время как доступные нам сведения не дают ничего другого кроме в высшей степени неточного современного исполнения мелодий, Мартани (Martani 1999) не так давно продемонстрировал, как тщательное и скрупулезное изучение лекционных нотными записями может дать неожиданное количество информации об использовании музыки для усиления богословского значения библейских отрывков.

В рукописях X в. впервые встречаются «палеовизантийские» нотные знаки (невмы) для записи полной мелодической псалмодии и гимнодии. Будучи функционально подобием лекционной нотной записи (и даже имея с ней общие знаки), палеовизантийская мелодическая нотная запись выполняла функции *aides-mémoires* (заметок для памяти) для певцов-представителей устной традиции, графически указывая мелодические формулы, орнаменты, ритмические нюансы, но, – что верно также и в отношении раннегригорианских неvm, – не указывая точных последовательностей ритмических интервалов. Подобно наиболее

¹ Традиционная нотная запись различных традиционных еврейских мелодий, на которые исполнялись отрывки из Св. Писания (*прим. переводчика*).

ранним латинским сборникам песнопений, источники с палеовизантийскими невмами содержат репертуары уже весьма распространенные и представляют полный спектр подходов к расположению текста – от силлабического (приблизительно одна нота на каждый слог) до мелисматического (много нот на один слог). Хотя разумно будет заключить, что силлабическая традиция лежит в основе некоторых цветистых репертуаров (как это однозначно имеет место в случае с кондаками, чередующиеся / смешанные версии которых включают и длинные и короткие мелодии; см.: Raasted 1989), она, вероятно, была принята не повсеместно (Jeffrey 1992: 78–83; Lingas 2004).

Современные ученые различают два семейства развитых палеовизантийских невм: так называемые «куаленские» и «шартрские» нотные записи (Levy and Troelsgård 2001: 735; полностью и с иллюстрациями: Arvanitis 2004 and Floros 2005), названные по имени библиотек, в которых они были впервые обнаружены и отнесены, соответственно, к иерусалимской и константинопольской традициям. Оба способа нотации были на ранних этапах заимствованы славянами, использовавшими их для записи репертуаров Знаменного распева и «Кондакариона» (Velimirović 2001: §2 Русская и славянская церковная музыка: монофоническое пение и его нотная запись). На Руси до XVII в. нотная запись оставалась интервально неточной (адиастематической), но в Византии куаленские невмы в XII в. были преобразованы в полностью диастематическую систему («средневизантийская» или «круговая» нотная запись), использующую квантитативные знаки для обозначения поступательных мелодических шагов (сома – «тел») и скачков (пневма – «духов»). Прочие аспекты музыкальной композиции, в том числе ритм, темп, орнамент, фразирование, модуляция, определялись дополнительным набором качественных знаков, способы реализации которых передавались устно или посредством хирономии, византийского искусства управления хором (описано в: Moran 1986: 38–47).

Стартовая нота и скалярный контекст для серии (ряда) интервальных невм задается певческими интонациями (*anexemata*, *apechemata*) – модально характерными мелодиями из звуковых слогов без смысла, которые теоретики эпохи Каролингов адаптировали для использования с григорианским пением (Huglo 1973: 81–9) и которые традиционно представлены в рукописях модальными подписями (мантириями). Странк (Strunk 1977: 3–18) доказал, что эти интонации и подписи предполагают тональную систему, охватывающую две октавы (удобно представленным на нотном стане метками от А до а'), делимые на пары тетрахордов (серия из четырех нот). Каждый тетрахорд строится из интервалов (тон-полутон-тон), составляющих скалярную основу восьми гласов Октоиха. Согласно средневековым теоретикам, пошаговое восхождение основным тетрахордом, соответствующее в одной транспозиции диатоническим меткам от d до g, дает «родные» ноты (финалы) четырех основных гласов, тогда как четыре плагальных гласа обнаруживаются при спуске. Впрочем, некоторые оригинальные, сочиненные еще до введения Октоиха, песнопения из Константинополя были составлены для отличной тональной системы тетрахордов, которая встречается в двух разновидностях: «высокой» и «низкой», начинающихся, соответственно с d и G (Thodberg 1960).

И хотя существуют сведения о хроматизме в средневековом византийском пении, его преобладание является предметом дискуссии (полный спектр мнений по данному поводу см.: Troelsgård 1997). Некоторые исследователи пытались «спроецировать» на средневековый византийский мелос хроматические изменения, используемые во 2-м и 2-м плагальном (6-м) гласах в современной традиции греческого православного пения, тогда как другие ученые находят в средневековых источниках только случайные хроматические фрагменты, сфера применения которых могла расшириться в поздневизантийский период в силу общего обогащения музыкального словаря. Во всяком случае необходимо признать, что византийские лады разных периодов различаются не только звукорядами, но и способами использования характерных мелодических формул, что можно сравнить с индийскими рагами или арабскими маками.

2. Обряд Великой церкви после иконоборства

В наиболее зрелой форме обряд Великой церкви искусно сочетает различные типы пения в рамках трех Евхаристических литургий, текстуально и музыкально архаичного Богослужения (*асматике аколуфия* или «песенного последования»), почти полностью состоящего из антифонной псалмодии, и изысканной (тщательно проработанной) стациональной литургии (Lingas 1996b: chs. 3 and 4). Службы были собраны на основе источников, содержащих, в первую очередь, материалы для строго определенных пользователей, в том числе:

- трех нотных лекционариев с рубриками для исполнения респонсорной псалмодии, сопровождавшей возглашение Св. Писания: для высшего духовенства (при чтении Евангелия), и для чтеца или певца (при чтении Апостола и Профитология (*слав.* Паремийник), то есть, соответственно, апостольских и ветхозаветных поучений);

- синаксаря и канонаря (Mateos 1962–3), то есть, соответственно, фиксированного и передвижного праздничных календарей Великой церкви, регламентировавших сезонные вариации в константинопольском кафедральном богослужении;

- кафедральной Псалтири или Антифонария, содержавших псалмы и песнопения Песенного последования вместе с их рефренами; нотированные версии двухнедельного непраздничного цикла кафедрального обряда сохранились только в фессалоникских манускриптах Athens 2061 (начало XV в.) и Athens 2062 (конец XIV в.), музыкальная основа которых рассмотрена в Strunk 1977: 112–50) и Balageorgos 2001;

- Асматикона и Псалтикона – нотных собраний мелисматических хоралов и сольных песнопений (Lingas 1996b: 57–61). Большинство дошедших до нас греческих копий происходят из студийского монастыря в Южной Италии (Di Salvo 1962), но славянские кондакари, названные так из-за их текстуально сокращенных циклов расцвеченных, украшенных кондаков, по всей видимости, представляют собой архаичную версию Асматикона.

Службы Песенного последования прекратились на время латинской оккупации 1204–1261 гг., после которой в Константинополе их служили лишь по

большим праздникам и иногда по субботним вечерам (Lingas 1997). В провинциальном соборе Св. Софии в Фессалонике продолжали служить по старому обряду ежедневно до 1430 г., но изменения вкусов народа и понятий о литургическом благочестии подвигли Св. Симеона (1416/17–1429 гг.), архиепископа Фессалоники, ввести в обширном количестве гимнодию и расцвеченную псалмодию из распространенного в то время неосавваитского богослужения (Lingas 1996b: 191–278). Единственные вкрапления кафедральной и монастырской традиций можно заметить в музыке двух служб, ежегодно проводимых в поздневизантийском Константинополе и Фессалонике: утренняя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, содержащая включения палестинской гимнографии и калофонической псалмодии, и *Аколуфии мес Камину* (*Akolouthia tes Kaminou*), драматическое изложение повествования Св. Пророка Даниила о трех отроках в раскаленной печи, исполнявшееся по субботам перед Рождеством (Velimirović 1962; White 2006).

3. Музыка «Студийского синтеза»

Несмотря на появление гимнов, приписываемых Патриарху Герману I в грузинских копиях Тропологиона, палестинская гимнодия, вероятно, твердо укоренилась в Константинополе лишь после 799 г., когда Студийский монастырь, бывший ранее обителью «неусыпающих», по воле своего настоятеля Феодора перенял Богослужение Великой Субботы. С музыкальной точки зрения (прочие аспекты представлены в разделе III.11.4. Литургия и в других местах данного издания) «Студийский синтез», последовавший за этим актом «трансплантации», обогатил палестинские богослужения многими новыми композициями (к примеру, воскресными антифонами Октоиха, приписываемыми Феодору; соответствующее исследование см.: Strunk 1977: 165–90), и широкомасштабными заимствованиями из константинопольской кафедральной традиции, включая цикл кондаков, расцвеченную псалмодию из Псалтикона и Асматикона, а кое-где – полное Песенное Последование вечерней службы в честь Пятидесятницы (Conomos 1979).

По мере того, как студийское монашество распространялось от Южной Италии до Киевской Руси, песнописцы и гимнографы, включая Касию и Иосифа Песнописца, систематически заполняли пробелы между праздничными изменяемыми частями богослужения¹ в старых палестинских сборниках. К XI в. для каждого дня неподвижного и подвижного годовых богослужебных кругов были созданы серии гимнов и песнопений, образовавшие основу современного византийского обряда, заключенного в пятнадцати томах текстов изменяемых частей богослужений: Октоихе, Триоди, Пентекостарионе и двенадцатитомной Минее. Введение в употребление большого количества новых гимнов, – около 60 000. (согласно К. Ливи и К. Троэлсгарду (Levy and Troelsgård 2001: 74), – стало возможным в музыкальной практике благодаря тому, что большинство из них

¹ *Англ. probers* – части литургии, изменяемые в зависимости от дня или праздника, в который проводится богослужение (*прим. переводчика*).

создавались как *contrafacta* (подобные) с ограниченного количества хорошо известных, но почти не нотированных мелодий (автомела) (Shkolnik 1996; Troelsgård 2000). Нотация в основном употреблялась для записи гимнов с уникальной мелодией, иногда в списках непосредственно литургических книг (к примеру, Триоди: Follieri and Strunk 1975), но чаще в двух специальных музыкальных сборниках – Ирмологии (Velimirović 1973a; Antoniou 2004) и Стихире (сборнике стихир, большая часть которых являлись идиомелодическими). Переход к полностью диастематической нотной записи сопровождался некоторым сокращением нотных репертуаров гимнов. И так называемая «стандартная сокращенная версия» Стихир (Strunk 1977: 107; перечень гимнов в: Troelsgård 2003) не включала ни так называемых *апокрифов* (тем, маргинальных по отношению к традиции), ни некоторых чрезвычайно распространенных гимнов (просомойя и феотокия).

4. Литургическая музыка при Палеологах (1261–1453 гг.)

Литургическая музыка при Палеологах переживала расцвет: композиторы, переписчики, теоретики вносили многочисленные усовершенствования и нововведения в репертуары псалмодии, в том числе составляли ощутимо личные и музыкально взаимозаменяемые последовательности текстов из византийских Евхаристических литургий и неосавваитского всенощного бдения (Lingas 1996a: 160–8). Необходимой предпосылкой возникновения этого «византийского *ars nova*» (Williams 1972) стало, как отметил Леви (Levy 1979), достижение большей точности музыкальной нотной записи посредством введения интервально специфических неум и более широкого ряда качественных знаков. Центральной фигурой этого музыкального обновления стал теоретик, издатель и композитор Св. Иоанн Кукузель (ок. 1280 – ок. 1341). В дополнение к созданию новых версий Ирмология и Стихиря Кукузель помог составить новую музыкальную коллекцию, называемую «Аколуфий» или «Распорядок Богослужения», наиболее ранним образцом которого является рукопись Athens 2458, датируемая 1336 г. (инвентарную опись см.: Stathes 1989). Именно в списках «Аколуфий» мы наиболее явно прослеживаем творчество Кукузеля и множества других композиторов (их внушительный список см.: Velimirović 1966), в том числе Иоанна Глики (конец XIII в.), Ксена Корониса (ок. 1325–1350) и Иоанна Клада (ок. 1400 г.), нарушивших единственность взаимосвязей между текстом и музыкой и типизировавших произведения песнописцев прежних лет.

Многие эпонимические работы периода Палеологов написаны виртуозным «краснозвучным» или «калофоническим» оригинальным стилем, корни которого следует искать в Асма – собрании по большей части анонимных расцвеченных песнопений, сохранившихся в немногих рукописях XIII в. из Южной Италии (Di Salvo 1959–60). К характеристикам зрелого калофонического стиля относятся текстуальные тропы, мелисматические пассажи и вокальное исполнение последовательностей слогов без смысловой нагрузки («теретизм»). Последнее часто встречается как интерлюдия между калофоническими стихами псалмов, стихирами и ирмосами, а также в таких новых жанрах, как *анаграмматисм*

(*anagrammatismos*), скрывающих зашифрованные текстуальные фразы гимна, на которых он и основывается (Stathes 1979b). Расширенные теретизмы появляются в качестве независимых композиций, известных как «кратемата» (*kratemata*), некоторые из которых имеют такие памятные заголовки как «фиалка» или «персикон» (Anastasiou 2005; Velimirović 1973b). Калофонические произведения, входящие в состав как Аколумбий, так и специализированных музыкальных сборников (в их числе Икиматарийон (*Oikoimatarion*) и Калофонический Стихирь), служили с литургической точки зрения заменителями или необязательными продолжениями песнопений стандартных репертуаров Божественной литургии (Conomos 1974, 1985a) и Всенощного бдения (Williams 1972; Lingas 1996a).

Греческая и латинская музыка кажется современному наблюдателю сходной по своему звучанию на всем периоде средневековья (Lingas 2006), но некоторые византийские рукописи XV в. указывают на полное изменение образцов для подражания, превалировавших на протяжении первого тысячелетия, когда Византия экспортировала Октоих, орган и целый ряд франкских песнопений (о литургическом пении см.: Troelsgård 2001). И хотя на богослужения по-прежнему созывали ударами по деревянным доскам или металлическим прутьям, известным как *семантры* (*semantra*), после 1204 г. во многих византийских церквях были обустроены колокольни (Williams 1985: 3–25). Образцы нотной записи простой двухголосной полифонии в наиболее явно выраженном виде имеются среди работ имперских придворных музыкантов Мануила Газа и Мануила Хрисафа, а также музыкального теоретика (а позднее епископа униатов в Мефоне) Иоанна Плусиадина (Conomos 1982; Stathes 2001). Будучи стилистически сходны с тем, что осталось от во многом импровизаторской западной традиции *cantus planus binatim* (Weincke 1985), они являются предшественниками практики спонтанной полифонии, развивавшейся на веницианском Крите и на современных Ионических островах (Dragoumis 1976–8; Toulaitos-Miles 2003).

Музыкальная теория

В послеиконоборский период можно выделить два теоретических течения, писавших на музыкальную тематику: одно касалось сохранения наследия древней музыкальной мысли, другое – практики литургического пения своего времени. Птолемей, Клеонид, Аристоксен, Аристид Квинтилиан были среди древних теоретиков, чьи труды как часть квадривиума продолжали переписываться и оставались в ходу среди византийских интеллектуалов (Mathiesen 1999: 644). Михаил Пселл многое сделал для распространения и ассимиляции древней музыкальной мысли, комментируя и вкратце излагая воззрения авторов прежних лет в некоторых из своих работ (Mathiesen 1999: 644–55]. Византийский интерес к древней теории достиг высшей точки в период правления Палеологов в музыкальных трактатах Георгия Пахимера (ок. 1242–1310) и Мануила Вриенния (ок. 1300 г.) – в обоих присутствует обсуждение темы Октоиха (Mathiesen 1999: 656–68; Richter 1998: 167–78). Сопоставление древней и современной музыки не сводится единственно к Пахимеру и Вриеннию, его можно также найти и в описании Николаем Месаритом уроков музыки в церкви Св. Апо-

столов (Downey 1957: 866, 895–6), и в трактате *агиополитов* (*Hagiopolites*) XIV в. (Raasted 1983). Связь классифицирующей теории с византийским исполнением неявна, но ученые (см.: Wellesz 1961: 62–3) автоматически больше не отбрасывают возможность применений с поправкой на временные изменения античной музыкальной мысли (Troelsgård 1988). Тем не менее несомненно, что в практических материалах для обучения византийскому пению недостатка нет (примеры см.: Tardo 1938 и Gertsman 1994). Простейшими пособиями являются перечни с описанием неум (в том числе так называемые *Пападики* (*Papadike*)), упражнения (*мефоды*, *methodoi*) в сольмизации (*метрофония*, *metrophonia*) и модуляции (*параллаге*, *parallage*), диаграммы гласов и дидактические песнопения (некоторые из наиболее важных исследовались соавторами в издании Troelsgård 1997). Обширные трактаты о различных аспектах византийского пения включают работы Псевдо-Дамаскина (Hannick and Wolfram 1997), иеромонаха Гавриила Ксанфопула (Hannick and Wolfram 1985) и Мануила Хрисафа (Conomos 1985b).

Нелитургическая музыка и музыкальные инструменты

За исключением нескольких примеров древнегреческой музыки, скопированных в рукописи по музыкальной теории, ни один средневековый византийский источник не содержит нотированных произведений, которые безоговорочно являются нелитургическими. Это справедливо и в отношении двух музыкальных жанров, которые обнаружены вместе с их нотацией только в рукописях по литургическому пению – возгласы монахов и епископов, которые обычно представлены в контексте богослужения, и, несмотря ни на что, несколько недавних записей так называемых византийских инструментальных ансамблей (критику см.: Martti and Pennanen 1997 – *kratēmata*). Единственными однозначно нелитургическими трудами, для которых можно достоверно воспроизвести мелодию (по песенным сборникам!), являются дидактические и сатирические поэмы, написанные на мотив известных гимнов (Mitsakis 1990). Однако опора на устные средства передачи не стала в постиконоборской Византии препятствием на пути светской музыки, которую литературные источники и визуальные изображения представляют как распространенную и разнообразную.

1. Церемониальная и военная музыка

В руководствах по имперскому церемониалу и многочисленных свидетельствах очевидцев зафиксировано, что вокальное и инструментальное представление было фундаментальным элементом византийской придворной жизни. В Большом императорском дворце голоса певцов сливались в хвалебных возгласах и паралитургических переложениях гимнов, а украшенные органы можно было слышать на ряду с такими механизмами, как золотое дерево с поющими птицами, то есть инструменты ценились и как символ императорской власти, и за их музыкальные качества (Maliaras 1991). Ни в один из исторических периодов нет сообщений об инструментальном аккомпанементе литургического пения.

Императоры династии Палеологов, по всей видимости, перестали употреблять органы, и вместо них перенимали практику использования духовых оркестров в таких церемониях как Проскиписис¹ (Maliaras 2002). Медные духовые и ударные инструменты уже использовались со времен античности в римских войсках для сигнальных и церемониальных целей (Maliaras 2001), отзвук поздневизантийских ансамблей можно различить в аналогичной инструментальности музыки османских янычар (*метерхане, meterhane*).

2. Светское развлекательное и фольклорное пение

Все социальные классы продолжали использовать вокал и инструменты (иногда в сочетании с танцем) и для развлечения, а также отмечая крупнейшие события человеческой жизни, в особенности браки и смерти (см., к примеру, сообщение очевидца о критских похоронах 1420 г. в: Alexiou 2002: 34). Как и в эпоху поздней античности, литературные упоминания об инструментальном представлении находились в ряду от в целом позитивных – в византийской гимнографии (Plemmenos 2005) до крайне негативных – обсуждений сексуальной распущенности театральных исполнителей (*фимелики, thymelikoi*; см.: Maliaras 2002: 12). И если названия инструментов также показывали преемственную связь с прошлым, их формы во многих случаях изменились, так как «авлос» и «кифара» стали родовыми именами семейств соответственно духовых и струнных инструментов. К XI в. кифара использовалась в основном для обозначения струнно-щипковой *пандуры (pandoura)* (лютни с тремя или четырьмя струнами), хотя смычковые инструменты азиатского происхождения, по описанию похожие на современную критскую лиру или западную средневековую скрипку (предком которой она являлась; см.: Maliaras 2002: 14–15; Remnant 2007), также были в ходу. Многострунные цитры, флейты и различные формы ударных также получили широкое распространение в Византии (Maliaras 2002: 15–16).

Средневековая исполнительская практика и современная идеология

Один из наиболее сложных вопросов византийской музыкальной науки заключается в том, до какой степени пробелы в средневековых литературных источниках можно восполнить путем изучения преемственных музыкальных традиций Восточного Средиземноморья. Для репертуаров, избегавших использовать специальную знаковую нотацию (к примеру, для светского пения и кантилляции Св. Писания), преемственность традиций дает фактически единственный возможный путь восстановления средневекового звучания, хотя и этот путь, как в случае с акритическими песнопениями (Jeffreys 1991), редко приводит к чему-то большему, нежели приблизительные результаты. Нотированные источники византийского пения представляют для современных исследователей и исполни-

¹ Церемония прославления императора как Солнца (*прим. редактора*).

телей ряд разнообразных проблем, основная из которых состоит в установлении пределов, в которых неписанные условия, изначально определявшие вокальное исполнение средневековой партитуры и носившие собирательное название «исполнительской практики», восстановимы на основании поствизантийских источников (Lingas 2003). Эту задачу осложняют изменения со временем в равновесии между устной и письменной традицией, наиболее заметные после введения в начале XIX в. «нового метода» византийской нотации, позволяющего точно отразить в записи хроматизм и разделение на основные биты (Stathes 1979a; Giannelos 1996).

С конца XIX до середины XX вв. дискуссии о поствизантийском пении и его средневековом предке зачастую были неотделимы от современных – классического западного или традиционного греческого – музыкальных мировоззрений их участников. Ученые, таким образом, имели тенденцию постулировать либо радикальную «непреемственность», обычно ассоциируемую с неприязнью к считавшемуся упадочным «ориентальному» или «турецкому» характеру унаследованных традиций византийского пения, которое в некоторые исторические моменты сочеталось с восхищением современной «реставрацией» средневекового григорианского пения монахами Солесма, либо же нечто близкое к вечному стасису¹, констатируемому в результате принятия в качестве авторитетного свидетельства о практике средневекового исполнения исключительно транскрипций начала XIX в. по «новому методу» (Lingas 2003). Версии этих полностью противоположных описаний продолжают циркулировать в репринтных изданиях устаревших, но все еще используемых (с большой долей осторожности) обзорах Уэллеса (Wellesz 1961) и Пападопулоса (Papadopoulos 1890/1977), а также в популярной и конфессиональной литературе. С 1960-х гг. основное течение византийской музыкальной теории в результате тщательных исследований византийского и поствизантийского репертуаров (краткий обзор см.: Lingas 2006: 139–40) прочно сместилось к средней позиции в вопросах исторической преемственности в нотации и звучании.

ЛИТЕРАТУРА

- ALEXIOU, M. 2002. *The Ritual Lament in Greek Tradition*, 2nd edn. rev. by D. Yatromanolakis and P. Roilos (Lanham–Oxford).
- ANASTASIOU, G. 2005. *Ta Kratemata sten Psaltike Techne* (Athens).
- ANTONIOU, S. S. 2004. *To eirmologion kai eparadose tou melons tou* (Athens).
- АРВАНИТИС, И. 2004. 'Византийская нотация', в *Православная энциклопедия* 8 (Москва): 360–76.
- BALAGEORGOS, D. K. 2001. *E psaltike paradosse ton akolouthion tou Byzantinou Kosmikuou Typikou* (Athens).

¹ Лит., муз.: состояние, в котором не наблюдается прогресса, изменения, движения (прим. переводчика).

- BALDOVIN, J. F. 1987. *The Urban Character of Christian Worship: The Origins, Development, and Meaning of Stational Liturgy* (Rome).
- CONOMOS, D. E. 1974. *Byzantine Trisagia and Cheroubika of the Fourteenth and Fifteenth Centuries* (Thessalonike).
- 1979. 'Music for the Evening Office on Whitsunday', *Actes de XVe Congres International d'Etudes Byzantines* 1 (Athens): 453–69.
- 1982. 'Experimental polyphony "According to the Latins" in late Byzantine Psalmody', *Early Music History* 2: 1–16.
- 1985a. *The Late Byzantine and Slavonic Communion Cycle: Liturgy and Music* (Washington, DC).
- 1985b. *The Treatise of Manuel Chrysaphes the Lampadarios: On the Theory of the Art of Chanting and on Certain Erroneous Views That Some Hold About it* (Vienna).
- DANIELSON, V., MARCUS S., and REYNOLDS, D. (eds.) 2002. *The Garland Encyclopedia of World Music, 6: The Middle East* (New York and London).
- DI SALVO, B. 1959–60. 'Gli Asmata nella musica bizantina', *Bollettino della Badia Greca di Grottaferrata* 13: 45–50, 127–45; 14 (1960): 145–78.
- 1962. 'Asmatikon', *Bollettino della Badia Greca di Grottaferrata* 16: 135–58.
- DOWNEY, G. 1957. 'Nikolaos Mesarites: description of the Church of the Holy Apostles at Constantinople', *TAPA*, NS 47: 855–924.
- DRAGOMIS M. P. 1976–8. 'E dutikuzousa ekklesiastike mousike mas sten Krete kai sta epitanesa', *Laografia* 31: 272–93.
- ENGBERG, S. G. 1996. 'Greek ekphonic notation: the classical and pre-classical systems', in Wolfram and Troelsgard 1996: 33–55.
- FLOROS, C. 2005. *Introduction to Early Medieval Notation*, enlarged 2nd edn., rev., trans., and with an illustrated chapter on cheironomy by N. K. Moran (Warren, Mich.).
- FOLLIERI, E., and STRUNK, O. 1975. *Triodium Athoum* (Copenhagen).
- FRØYSHOV, S. 2000. 'La réticence à l'hymnographie chez des anachorètes de l'Égypte et du Sinaï du 5ème au 8ème siècles', in A. M. Triacca and A. Pistoia (eds.), *L'Hymnographie. Conférences Saint-Serge XLVIe Semaine d'Etudes Liturgiques Paris 1999* (Rome): 229–45.
- 2004. 'L'Horologe "Georgien" du Sinaiticus Ibericus 34', 2 vols. (Ph. D. diss., Paris IV/Institut Catholique / Institut de Théologie Orthodox Saint-Serge), rev. edn.
- ГЕРЦМАН, Е. В. 1994. *Петербургский Теоретикон* (Одесса).
- GIANNELLOS, D. 1996. *La musique byzantine: le chant ecclésiastique grec, sa notation et sa pratique actuelle* (Paris–Montreal).
- GROSDIDIER DE MATONS, J. 1977. *Romanes le Mélode et les origines de la poésie religieuse à Byzance* (Paris).
- HANNICK, C., and WOLFRAM, G. (eds.) 1985. Gabriel Hieromonachos, *Abhandlung über den Kirchengesang* (Vienna).
- (eds.) 1997. *Die Erotapokriseis des Pseudo-Johannes Damaskenos zum Kirchengesang* (Vienna).
- HØEG, C. 1935. *La notation ekphonétique* (Copenhagen).
- HUGLO, M. 1973. 'L'Introduction en Occident des formules Byzantines d'intonation', in M. Velimirović (ed.), *Studies in Eastern Chant* 3 (Oxford): 81–90.
- JEFFREY, P. 1991. 'The Sunday Office of seventh-century Jerusalem in the Georgian Chant-book (Iadgari): a preliminary report', *Studia Liturgica* 21: 52–75.

-
- . 1992. *Re-envisioning Past Musical Cultures: Ethnomusicology and the Study of Gregorian Chant* (Chicago–London).
- . 1994. ‘The earliest Christian chant repertory recovered: the Georgian witnesses to Jerusalem chant’, *Journal of the American Musicological Society* 47: 1–39.
- . 2001. ‘The earliest oktoechoi: the role of Jerusalem and Palestine in the beginnings of modal ordering’, in P. Jeffrey (ed.), *The Study of Medieval Chant: Paths and Bridges, East and West in Honor of Kenneth Levy* (Woodbridge, Suffolk, and Rochester, NY): 147–209.
- JEFFREYS, E. M. 1991. ‘Akritic Songs’, in ODB 1: 48.
- KONIDARIS, J. 1982. ‘Die Novellen des Kaisers Herakleios’, *FM* 5: 33–106.
- LEIWO, M., and PENNANEN, R. P. 1995–6. ‘Byzantine secular music: fact or fiction?’, *Byzantium and the North: Acta Byzantina Fennica* 8: 37–51.
- LEVY, K. 1979. ‘Le “Tournant decisif” dans l’histoire de la musique Byzantine: 1071–1261’, in *Actes de XVe Congres International d’Etudes Byzantines* 1 (Athens): 473–80.
- and TROELSGÅRD, C. 2001. ‘Byzantine Chant’, in S. Sadie and J. Tyrrell (eds.), *The New Grove Dictionary of Music and Musicians* 4 (London): 734–56.
- LINGAS, A. 1995. ‘The liturgical use of the kontakion in Constantinople’, in C. C. Akentiev (ed.), *Liturgy, Architecture and Art of the Byzantine World: Papers of the XVIII International Byzantine Congress (Moscow, 8–15 August 1991) and Other Essays Dedicated to the Memory of Fr. John Meyendorff. Byzantinorossica* 1 (St Petersburg): 50–7.
- . 1996a. ‘Hesychasm and Psalmody’, in A. Bryer and M. Cunningham (eds.), *Mount Athos and Byzantine Monasticism* (Aldershot): 155–68.
- . 1996b. ‘Sunday Matins in the Byzantine Cathedral Rite: Music and Liturgy’ (Ph. D. diss, University of British Columbia).
- . 1997. ‘Festal cathedral vespers in late Byzantium’, *OCP* 63: 421–59.
- . 2001. ‘The first antiphon of Byzantine Cathedral Rite Matins: from popular psalmody to kalophonia’, in L. Dobszay (ed.), *Cantus Planus: Papers of the Meeting held at Visegrad* (Budapest): 479–500.
- . 2003. ‘Performance practice and the politics of transcribing Byzantine chant’, *Acta Musicae Byzantinae* 6: 56–76.
- . 2004. ‘Preliminary reflections on studying the liturgical place of Byzantine and Slavonic melismatic chant’, in G. Wolfram (ed.), *Paleobyzantine Notations III: Acta of the Congress held at Hernen Castle, The Netherlands, in March 2001* (Leuven–Paris–Dudley, Mass.): 147–55.
- . 2006. ‘Medieval Byzantine chant and the sound of Orthodoxy’, in A. Louth and A. Casiday (eds.), *Byzantine Orthodoxies* (Aldershot): 131–50.
- McKINNON, J. 1965. ‘The meaning of the patristic polemic against musical instruments’, *Current Musicology* 1: 69–82; repr. as ch. IV in McKinnon 1998.
- . 1987. *Music in Early Christian Literature* (Cambridge).
- . 1994. ‘Desert monasticism and the later fourth-century psalmodic movement’, *Music and Letters* 75: 505–21; repr. as ch. XI in McKinnon 1998.
- . 1998. *The Temple, the Church Fathers and Early Western Chant* (Aldershot).
- MALIARAS, N. 1991. *Die Orgel im byzantinischen Hofzeremoniell des 9. und des 10. Jahrhunderts: eine Quellenuntersuchung* (Munich).
- . 2001. ‘Die Musikinstrumente im byzantinischen Heer vom 6. bis zum 12. Jahrhundert: eine Vorstellung der Quellen’, *JÖB* 51: 73–104.

- . 2002. 'Mousika organa sto Byzantio: problemata kai prota apotelesmata mias ereunas', *Polyfonia* 1: 5–28.
- MARTANI, S. 1999. 'Musica, teologia e liturgia: sulle tracce di un'interpretazione della notazione ecfonetica bizantina', *Rivista Internazionale di Musica Sacra* 20.2: 9–47.
- MARTTI, L., and PENNANEN, R. P. 1997. 'Byzantine secular music – fact or fiction?', *Acta Byzantina Fennica* 8: 37–51.
- MATEOS, J. 1962–3. *Le Typicon de la Grande Église. Ms. Sainte-Croix no. 40, Xe siècle. Introduction, texte critique, traduction et notes*, 2 vols. (Rome).
- MATHIESEN, T. J. 1999. *Apollo's Lyre: Greek Music and Music Theory in Antiquity and the Middle Ages* (Lincoln–London).
- MITSAKIS, K. 1986. *Byzantine ymnographia apo ten epoche tes kaines diathekes eos ten eikonomachia* (Athens, 2nd edn.).
- . 1990. 'Byzantine and Modern Greek parahymnography', in D. Conomos (ed.), *Studies in Eastern Chant* 5 (Crestwood): 9–76.
- MORAN, N. K. 1986. *Singers in Late Byzantine and Slavonic Painting* (Leiden).
- . 2002. 'Byzantine castrati', *Plainsong and Medieval Music* 11.2: 99–112.
- . 2005. 'The Choir of the Hagia Sophia', *Oriens Christianus* 89: 1–7.
- NOWACKI, E. 1995. 'Antiphonal psalmody in Christian antiquity and the early middle ages', in G. M. Boone (ed.), *Essays in Medieval Music in Honor of David G. Hughes* (Cambridge, Mass.): 287–315.
- PAPADOPOULOS, G. I. 1890; repr. 1977. *Symbolai eis ten istorian tes par' emin ekklesiastikes mousikes* (Athens).
- PAPADOPOULOS-KERAMEUS, A. (ed.) 1894; repr. 1963. 'Typikon tes en ierosolymois ekklesias', in *Analekta ierosolymois stachyologias* 2 (St Petersburg; repr. Brussels): 1–254.
- PAPATHANASIOU, I., and BOUKAS, N. 2002. 'Byzantine notation in the eighth-tenth centuries: on oral and written transmission of early Byzantine chant', *Cahiers de l'Institut du Moyen-Âge Grec et Latin* 73 (Copenhagen): 3–12.
- PHOUNTOULES, I. 1963. *E eikositetraoros akoimetos doxologia* (Athens).
- PLEMMENOS, J. 2005. 'Ta mousika organa sten ekklesiastike ymnografia', *Polyfonia* 7: 31–53.
- POHLMANN, E., and WEST, M. L. 2001. *Documents of Ancient Greek Music: The Extant Melodies and Fragments Edited and Transcribed with Commentary* (Oxford).
- RAASTED, J. (ED.) 1983. *The Hagiopolites: A Byzantine Treatise on Musical Theory, Preliminary Edition* (Copenhagen).
- . 1989. 'Zur Melodie der Kontakions "He parthenos sēmeron"', *Cahiers de l'Institut du Moyen-Âge Grec et Latin* 49 (Copenhagen): 233–46.
- RHALLES, G. A., and POTLES, M. 1852. *Syntagma ton theion kai ieron kanonon*, vol. 2 (Athens).
- REMNANT, M. 2007. 'Fiddle', § 6 'Historical Development', *Grove Music Online*, ed. L. Macy (accessed 30 May 2007), (<http://www.grovemusic.com>).
- RENTEL, A. 2006. 'Byzantine and Slavic Orthodoxy', in G. Wainwright and K. B. Westerfield (eds.), *The Oxford History of Christian Worship* (Oxford–New York): 254–306.
- RICHTER, L. 1998. 'Antike Überlieferungen in der byzantinischen Musiktheorie', *Acta Musicologica* 70: 133–208.
- SCHLÖTTERER, R. 1953. 'Die kirchenmusikalische Terminologie der griechischen Kirchenväter' (Ph.D. diss., University of Munich).

- SHKOLNIK, I. 1996. 'Stichera automela in Byzantine and Slavonic sources of the late 11th – late 18th centuries', in Wolfram and Troelsgård 1996: 81–97.
- STATHE, G. 1979a. 'An analysis of the sticheron *Ton elion krupsanta* by Germanos, Bishop of New Patras (the old 'synoptic' and the new 'analytical' method of Byzantine notation)', in M. Velimirović (ed.), *Studies in Eastern Chant* 4 (Crestwood): 177–227.
- 1979b. *Oi anagrammatismoï kai ta mathemata tes byzantines mousikes* (Athens).
- 1989. 'E asmatike diaforopoiese opos katagrafetai ston kodika EBE 2458 tou etous 1336', in *Christianike Thessalonike: Palaiologeios epoches* (Thessalonike): 167–241.
- 2001. '“Diploun Melos”: mia parousiase ton periptoseon “Latinikes mousikes” sta cheirographa Byzantines mousikes', in A. Chaldaïakis (ed.), '...time pros ton didaskalon...' *Ekfrasi agapes sto prosopo tou kathegetou Gregorïou Th. Stathe: aferomasta exentachrona tes elikias kai sta triantachrona tes epistemonikes kai kallitechnikes prosforas tou* (Athens): 656–74.
- STRUNK, O. 1977. *Essays on Music in the Byzantine World* (New York).
- TAFT, R. F. 1992. *The Byzantine Rite: A Short History* (Collegeville).
- 2003. 'Christian liturgical psalmody: origins, development, decomposition, collapse', in H. W. Attridge and M. Fassler (eds.), *Psalms in Community: Jewish and Christian Textual, Liturgical, and Artistic Traditions* (Atlanta): 7–32.
- TARDO, L. 1938. *L'antica melurgia bizantina: nell'interpretazione della scuola monastica di Grottaferrata* (Grottaferrata).
- THODBERG, C. 1960. *The Tonal System of the Kontakarium: Studies in Byzantine Psaltikon Style* (Copenhagen).
- TOULIATOS-MILES, D. 2003. 'The application of “Chant sur le livre” to Byzantine chant: an examination of polyphony in Byzantine chant', *Acta Musicae Byzantinae* 6: 43–9.
- TROELSGÅRD, C. 1988. 'Ancient musical theory in Byzantine environments', *Cahiers de l'Institut du Moyen-Âge Grec et Latin* 56: 228–37.
- (ed.) 1997. *Byzantine Chant: Tradition and Reform; Acts of a Meeting held at the Danish Institute at Athens, 1993* (Aarhus).
- 2000. 'The repertoires of model melodies (automela) in Byzantine musical manuscripts', *Cahiers de l'Institut du Moyen-Âge Grec et Latin* 71: 3–27.
- 2001. 'Methodological problems in comparative studies of liturgical chant', in R. F. Taft and G. Winkler (eds.), *Comparative Liturgy Fifty Years after Anton Baumstark (1872–1948)* (Rome): 981–96.
- 2003. 'A list of sticheron call-numbers of the *Standard Abridged Version* of the *Sticherarion*. Part I (The Cycle of the Twelve Months)', *Cahiers de l'Institut du Moyen-Âge Grec et Latin* 74: 3–20.
- VELIMIROVIĆ, M. 1962. 'Liturgical drama in Byzantium and Russia', *DOP* 16 (1962): 351–85.
- 1966. 'Byzantine composers in MS Athens 2406', in J. Westrup (ed.) *Essays presented to Egon Wellesz* (Oxford): 7–18.
- 1973a. 'The Byzantine heirmos and Heirmologion', in W. Arlt, E. Lichtenhahn, and H. Oesch (eds.), *Gattungen der Musik in Einzeldarstellungen: Gedenkschrift Leo Schrade I* (Berne–Munich): 192–244.
- 1973b. '“Persian Music” in Byzantium', in M. Velimirović (ed.), *Studies in Eastern Chant* 3 (Oxford): 179–81.

- . 2001. 'Russian and Slavonic church music', *Grove Music Online*, ed. L. Macy (accessed 30 May 2007), <<http://www.grovemusic.com>>.
- VOURLES, A. T. 1994. *Dogmatikoethikai opseis tes orthodoxou psalmodies* (Athens).
- WEINCKE, P. 1985. 'Harmonic texture in Byzantine and early Italian polyphony', in *Musica Antiqua*, VII: *Acta Scientifica* (Bydgoszcz): 219–43.
- WELLESZ, E. 1961. *A History of Byzantine Music and Hymnography* (Oxford, 2nd edn.).
- WEST, M. L. 1992. *Ancient Greek Music* (Oxford).
- WHITE, A. W. 2006. 'The artifice of eternity: a study of liturgical and theatrical practices in Byzantium' (Ph.D. diss., University of Maryland, College Park).
- WILLIAMS, E. V. 1972. 'A Byzantine *ars nova*: the fourteenth-century reforms of John Koukouzeles in the chanting of Great Vespers', in H. Birnbaum and S. Vryonis Jr. (eds.), *Aspects of the Balkans: Continuity and Change* (The Hague): 211–29.
- . 1985. *The Bells of Russia: History and Technology* (Princeton).
- WOLFRAM, G., and TROELSGARD, C. (eds.) 1996. *Paleobyzantine Notations II: Acta of the Congress held at Hernen Castle, The Netherlands, in October 1996* (Hernen).

Дополнительно рекомендуется к прочтению и прослушиванию

В данное время ни на одном языке не существует книги-исследования византийской музыки, где были бы отражены грандиозные достижения ученых, сделанные с момента выхода в свет издания Wellesz (1961). Для ознакомления с обзором в данной научной сфере лучше всего начать со статей Леви и Троэлсгарда «Византийское пение» в издании *New Grove Dictionary of Music and Musicians* (2001) или Ханника (С. Han-nick) «Византийская музыка» в издании *Die Musik in Geschichte und Gegenwart* 2 (1995: 288–310) – обе статьи имеют обширную библиографию. Хорошую информацию об отдельных мелодах, гимнографах, композиторах можно почерпнуть также из двух музыкальных энциклопедий.

Monumenta Musicae Byzantinae в Копенгагене с 1930-х гг. выпускала факсимиле, издания, исследования, посвященные средневековой византийской музыке (полный список публикаций доступен на сайте <http://www.igl.ku.dk/MMB/pub.html>), а в последние годы их усилия дополнил своими не менее яркими публикациями в рамках соответствующей программы Институт византийского музыковедения Святейшего Синода Греческой Церкви.

Richter (1998) and Mathiesen (1999) исследуют научные традиции классицизирующей музыкальной теории и в обоих случаях ссылаются на многочисленные первичные и вторичные источники. Наиболее достоверными трудами о музыкальных инструментах в Византии являются исследования Малиариса (Maliaras (1991, 2001, and 2002)). Работы Arvanitis (2004) and Floros (2005) являются сжатыми, но всеобъемлющими введениями в средневековую византийскую нотацию, тогда как Stathis (1979a) посвящена обсуждению процесса транскрипции («эксегесы») согласно «новому методу».

Записи средневековой музыки делятся на две основных категории:

А) основанные на трудах «трансляторов» в «новом методе» (начала XIX в.), обычно практиковавших традицию «длительной эксегесы», предполагавшую прочтение средне-

вековой нотации в форме заметок к музыкальным формулам, передаваемым устно («фесис»), и тем самым своей грубой приблизительностью учетверяя длительность мелодий, описанных с помощью числовых неум («метрофония»);

Б) различные формы «краткой эксегесы», используемые учеными, чьи усилия по восстановлению практики средневекового исполнения принесли плоды в виде соотношений интервалов в нотной записи и фактическом исполнении – от 1:1 до 1:2 (Lingas 2003).

Примеры длительного комментария средневековых произведений можно слышать в записях «Греческого Византийского хора», возглавляемого Ликургом Ангелопулосом (в том числе их диск 1995 г. «*Иоанн Кукузель, византийский маэстро: Mathimata*»), и «Мастеров псалмопения» – коллектива, основанного Г. Стазисом, а ныне возглавляемого А. Халдайакисом. В числе записей, в которых представлены более краткие эксегесы к средневековым песнопениям: записи произведений в исполнении «Византийского хора Лос Анжелоса» (возглавляемого Ф. Десби и поющего в стиле, навеянном влиянием Солесмских монахов); Тед Алеvizос (ученик К. Леви) и хор Общества распространения национальной музыки (дирижер С. Карас), а также записи трех коллективов, использующих транскрипции И. Арванитиса: «Cappella Romana» (дирижер А. Лингас), «Агиополиты» (дирижер И. Арванитис), «Ансамбль Роменко» (дирижер Йогор Билалис).

ЧАСТЬ IV

МИР ВОКРУГ ВИЗАНТИИ

Глава IV.20 ВИЗАНТИЯ И ЕЕ СОСЕДИ

Джеймс Говард Джонстон

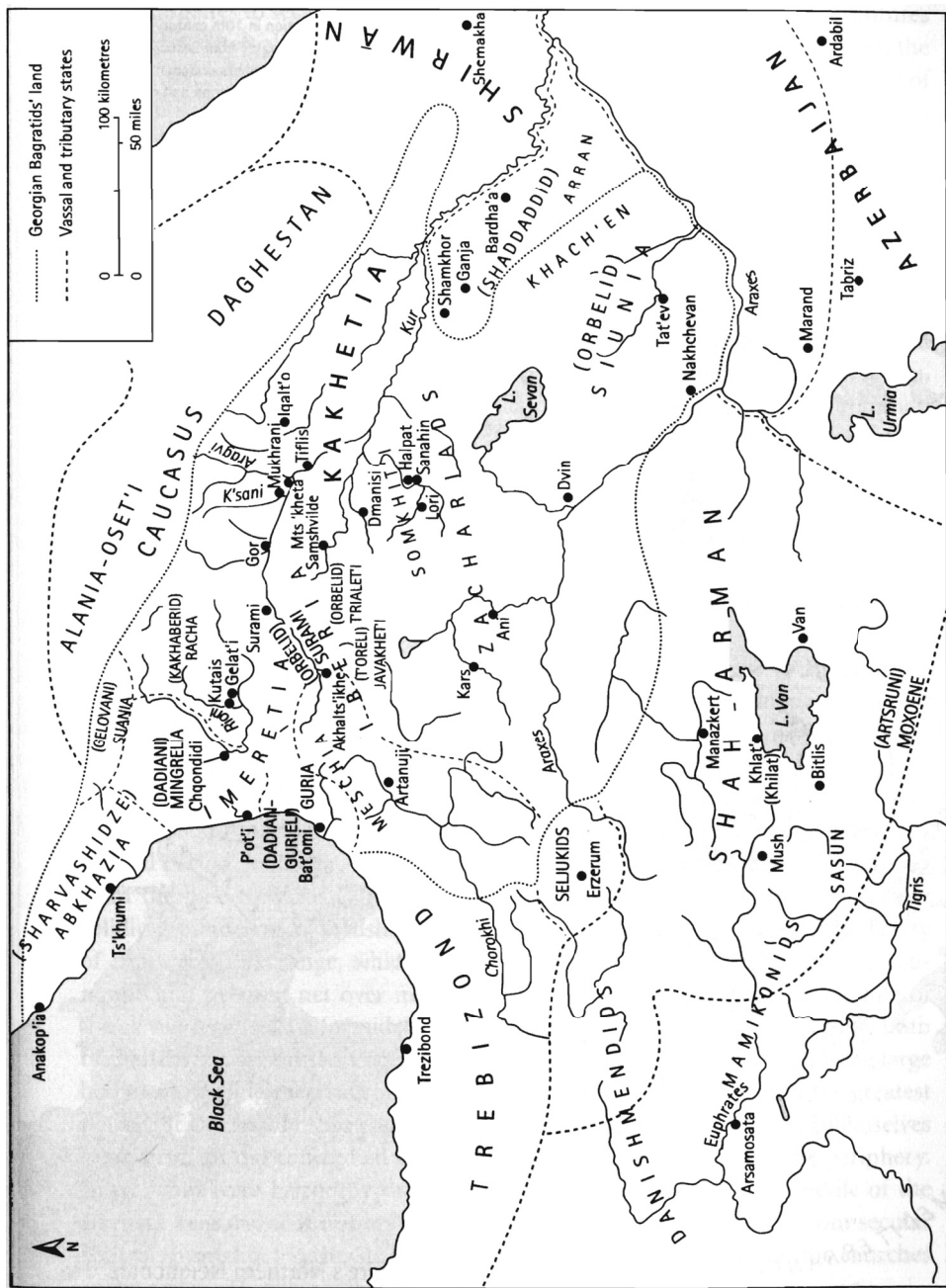
В мире, окружавшем Византию, за ее тысячелетнюю историю многое изменилось. Римскую империю, из которой Византия возникла как держава-правопреемница, в эпоху поздней античности постепенно разорвали на куски, однако процесс разобщенности довольно быстро повернул вспять в VI в., в правление Юстиниана. Собственно Византия – сократившееся в размерах средневековое государство – оформилось в VII в., когда взрывная мощь ислама разрушила обе империи Западной Евразии – Персидскую и Римскую. Оставшееся от них было скоплением территорий вокруг Эгейды – столица в довольно уязвимом положении на небольшом полуострове в самом верху Мраморного моря, многочисленные острова в Эгейском море, открытые для нападения с моря, фракийские подходы к Константинополю, Греция (несмотря на потенциально раскольниче присутствие славянских племен в ее горных районах) и Анатолия, которая, благодаря природному укреплению в виде гор на востоке, являлась для Византии основной ресурсной базой; не говоря уже об отдаленных территориях на востоке – Юго-Западном Крыме и обширном Кавказском протекторате и еще других на западе – Южной Италии, Сицилии, Северной Африке. Византия являлась государством средних размеров, прилегающим к северо-западной границе Халифата, огромной империи, основанной исламом, и была намечена главной целью продолжавшейся религиозной войны, поскольку была удобно близко расположена и все еще идеологически сильна. Руководствуясь соображениями материального свойства, переход от имперской к региональной державе можно датировать 640-и гг., когда весь Левант, включая Египет, вышел из-под римского контроля. В 644 г., вероятно, незадолго до убийства в ноябре месяце, халиф Омар I посетил Джар, один из портов Медины, чтобы лично наблюдать за прибытием первого груза пшеницы, отныне направлявшейся из Египта не в Константинополь, а в Хиджас, политический и религиозный центр новой империи. Этот эпизод стал сигналом к началу реорганизации человеческих отношений, в ходе которой экономический, а также политический центр притяжения переместился из Средиземноморья в сторону Ирака и Ирана.

Римская империя сама распоряжалась своей судьбой на протяжении большей части своей истории, за одним поразительным исключением – в III в. ее оборона была временно нарушена, а фискальные институты едва справлялись с небывалым напряжением. Византия, напротив, редко была самостоятельна, редко находилась в положении, когда могла выступать с инициативами по своему выбору. Первые два века исламской истории она вела длительную, часто отчаянную войну за выживание. Высокий уровень милитаризации требовал жесткого налогового обложения, необходимого для поддержания военных сил и, конечно же, вред, нанесенный вторжением врага, вел к головокружительному снижению жизненного уровня, резкому сокращению урбанизма, присоединению остатков старинной землевладельческой аристократии к государственному бюрократическому аппарату и, более всего, к широко распространившемуся культурному упадку. Что касается иностранной политики, то только в периоды затишья, когда мусульмане обращались друг против друга, можно было уделить внимание другим фронтам, в основном на Балканах, где болгары-кочевники к 681 г. основали маленькое, но могущественное государство к югу от Дуная. Италия и мир Запада дрейфовали где-то на периферии византийского дипломатического поля зрения.

Был лишь один непродолжительный период, с середины IX до середины XI вв., когда Византия могла позволить и позволила себе приступить к переделу окружающего мира по своему усмотрению. Халифат ослабел и распался на ряд государств регионального масштаба наравне с Византией и тремя главнейшими северными державами – Хазарией, Русью, Болгарией. Для агрессии открывались беспрецедентные возможности, что привело к соглашению наций, действовавших на нескольких взаимосвязанных дипломатических аренах. Любое соображение относительно византийских отношений с соседями, вероятно, применимо к этому периоду, когда, во многом под предводительством так называемой Македонской династии, Византия извлекла максимум выгоды из своего центрального положения и традиционного искусства управления государством, для расширения территории на востоке и на Балканах, таким образом, одновременно увеличив свои ресурсы и повысив международный статус. В конце концов, она достигла очевидного, хотя зачастую непризнаваемого первенства в международных отношениях Средиземноморья, Леванта и северных славянских держав.

Но вскоре небосклон затянуло тучами. Южный мир давно уже беспокоили степи, еще со времен отдаленного прошлого, когда империя Ахеменидов встретила равных себе вооруженных соперников в лице скифов-кочевников. Народы севера и северо-востока уменьшали свое присутствие на протяжении большей части классической античности, но в IV в. произошел поворот, когда впервые обширная группа алтайских кочевников из степей на границе с Китаем – хун-ну, известные Западу как гунны, пересекли диагональный горный хребет Центральной Азии. Значение имела не столько их многочисленность, сколько идеология безграничного правления и развитые организаторские способности, которые принесли с собой их вожди. Начиналась новая эра, когда южным державам приходилось больше, чем раньше уделять внимания развитию событий на севере, приходилось принимать дорогостоящие меры по обеспечению своей безопасности.

Карта 11. Кавказ, ок. 1000–1460 гг. (по Haldon J. *The Palgrave Atlas of Byzantine History*)

Карта 12. Северные соседи империи (по Mango C. *The Oxford History of Byzantium*)

В течение следующего тысячелетия еще четыре раза, через различные интервалы времени со стороны Алтая приходили завоеватели с имперскими амбициями. Первые два таких народа – тюрки, создавшие империю, захватив в середине VI в. всю Евразию, и хазары, установившие гегемонию над западными степями во второй половине VII в., были, как и гунны, выходцами из степи. Их территории простирались к северу и востоку от естественной демаркационной линии между кочевыми и оседлыми народами, которая проходила от Дуная на западе через Кавказские горы с Эльбрусом, находившиеся в ее центре, к горам Великого Хорасана на востоке. Линия была прорвана в первой половине XI в., когда турки-огузы, недавно обращенные в ислам и преданные вновь пришедшим к власти на внутренних территориях халифата суннитам, вначале закрепились на плацдарме в Хорасане, а затем пронеслись через Иран в направлении Ирака. За регулярными турецкими войсками, под умелым предводительством династии Сельджукидов следовали туркменские кочевники, в огромных количествах распространившиеся по территории Ирана и Кавказа. С этого момента самые заманчивые для завоевателей пути вели на запад к Анатолийскому плато. Византия отныне была открыта для атак войска степных кочевников, превосходившего маневренностью, гибкостью, навыками ведения боя. Даже и без вмешательства со стороны организованного султаната Сельджукидов, располагавшего ресурсами Ирака, а с 1055 г. также и Ирана, Византии становилось затруднительно удерживать контроль над центральной частью Анатолии.

Развитие событий повсеместно представляло равно серьезную угрозу изменчивому превосходству Византии в Леванте и Восточной Европе. В сочетании с угрозой со стороны туркмен и турок-сельджуков она могла оказаться фатальной. Во-первых, уже знакомое нам явление – медленный но устойчивый экономический рост Западной Европы, начиная приблизительно с 600 г., когда купеческие поселения, *эмпории* впервые стали заметны на берегах Северного моря, за чем после долгого переходного периода последовало восстановление постримского социального и политического строя от самого основания. Европа, кипящая междоусобными конфликтами основательно укоренившихся на своих землях местных землевладельцев, в то же время, однако, расширяла сферу и увеличивала интенсивность коммерческого обмена, который должен был в ранний период новой истории покрыть своей экономической и политической сетью большую часть земного шара. К середине XI в. она стала грозной силой в Средиземноморье, способной поколебать устоявшуюся многолетнюю морскую гегемонию Византии и доставить крупные подразделения бойцов к отдаленным театрам боевых действий. Идеологически огромнейшие силы этой новой, суетливой, энергичной, милитаристской Европы начинают высвобождаться из прежних концептуальных рамок, отводивших ей роль периферии. Этому способствовала самоуверенность папства, в середине XI в. не только приступившего к высвобождению Церкви из-под светского контроля на всем латинском христианском Западе, но и претендовавшего на установление юрисдикции над Церквями Восточного Средиземноморья.

Второй феномен, гораздо менее поразителен, он зачастую не обращал на себя внимания современников, прежде всего по причине своего замедленного

развития. Славяне были наименее развитым народом из всех тех, с которыми Римская империя сталкивалась в эпоху поздней античности. Они имели тенденцию перемещаться на территории, высвобождаемые германскими племенами (в Центральной Европе), а там, где имелось коренное население (как на Балканах), проникать в его среду и заселять худшие земли. Понадобилось несколько поколений культурного и политического взаимодействия прежде, чем оформились устойчивые надплеменные институты. Процесс их развития был ускорен насаждением эффективного управления в соответствующих сферах иноземцами – франками, булгарами, византийцами, викингами на Руси, а также воздействием христианства. Но даже в этих условиях слишком медленно выходило на поверхность осознание этнических и культурных различий, а вместе с ним и стремление к политической независимости. Первые славянские государства либо находились под управлением неславян, либо представляли собой слишком хрупкую конструкцию, и все они, вероятнее всего, были поглощены лучше организованными экспансионистами-соседами. Так сложилось, что к середине XI в. большинство западных славян было поглощено Саксонской империей (и только Польшу из-за ее размеров «проглотить» не удалось), а все южнославянские племена вошли в возрождающуюся Византийскую империю после окончательного разгрома в 1018 г. болгарского сопротивления.

Македония оказалась в естественном для нее положении политического и военного центра Балкан. Совсем крошечное государство, однако известное своей правовой системой, гражданским управлением, фискальной структурой, – все это вошло в состав территории, которой суждено было с конца XI в. стать сердцем империи. Предполагалось, что безопасность была руководящим принципом, капиталовложения сосредотачивались в передовых военных базах и обеспечивали защиту административных центров, а имперские власти имели налоговые льготы на большей части внутренней территории. Однако кажется правдоподобным, что от Балкан ожидали их доли денежных средств и рабочей силы, как и требовало государство XII в., и что налоговое бремя, вследствие этого довлевшее над провинциями, способствовало возникновению в новом смысле региональной, культурной и этнической идентичности как между сербами, занимавшие холмы, возвышенности и долины рек к северу от Македонии, так и между недавно славянизированными булгарами на северо-востоке. Эти две нации выросли на ветру XII столетия, в то время как императоры династии Комнинов вышагивали по подмосткам Средиземноморья в надежде произвести впечатление на удаленных политических зрителей своими чарами. Чары рассеялись со смертью Мануила Комнина в 1180 г.

Эти внешние силы нанесли Византии ряд ударов, которые вместе оказались фатальными. Анатолия тогда пережила первый набег, а потом, после интервенции регулярных войск Сельджукидов и поражения целой византийской полевой армии при Манцикерте в 1071 г., оказалась заплонена туркменами. После утраты внутреннего плато, находившиеся за ним побережья и горные цепи отныне подвергались атакам. Ситуация ухудшилась, как только Сельджукиды действительно установили свое господство над большей частью плато, а Данишмендиды основали державу на востоке. Византия также подверглась прямой атаке норманнов

в Южной Италии (с 1059 г.) и уступила свои позиции непререкаемого превосходства в водах Восточного Средиземноморья итальяским городам-государствам. Далее последовала интервенция крупных сил латинского христианского Запада в Левант – Первый Крестовый поход (1096–1099 гг.), который, вопреки всем питаемым поначалу надеждам на сотрудничество между византийцами и латинами, породил горечь вражды. Хотя ее впоследствии удалось смягчить всемерными дипломатическими усилиями, но так и не удалось преодолеть полностью, и внезапно она вспыхнула вновь, обернувшись поголовной резней латинов в Константинополе в 1182 г. Наконец, последовали решительные заявления о независимости со стороны двух основных славянских народов Балкан: сначала сербов (за которыми стояли венгры) с 1183 г., а потом болгар в союзе с влахами в 1185–1187 гг. Было всего лишь вопросом времени, чтобы империя, уже лишившаяся большей части еще одних своих балканских внутренних территорий, уступила атакам. Ирония заключалась в том, что последний удар нанесли Венеция, основной сателлит Византии на Западе в эпоху раннего средневековья, и латинские христиане, которых Византия сама пригласила в 1090-е гг. для войны с исламом.

Взятие Константинополя рыцарями Четвертого Крестового похода окончательно разрушило Византийскую империю. Лишь ее подобие было восстановлено при жизни двух последующих поколений правителями остатков ее земель с центром в Никее. Своим успехом они во многом обязаны были счастливому случаю и традиционным дипломатическим навыкам. Счастливый случай представился в лице монголов под предводительством четвертого и величайшего из алтайских «собирателей земель», который, покорив Северный Китай, Трансоксиану, Хорасан, Русь и Украину, обратил свое внимание на внутренние территории ислама и нанес сокрушительное поражение Сельджукидам при Кёсе-даге в 1243 г. Возвышение Никейского государства произошло на фоне великих событий на востоке, в то время как новый мир поглощал Иран и Ирак прежде, чем снова повернуться к востоку и напасть на Южный Китай. Лишь после многосложных дипломатических маневров и битв на Балканах, при существенной поддержке генуэзцев Михаилу Палеологу удалось в 1261 г. вернуть Константинополь. Это событие, однако же, не означало возвращения Византии роли арбитра в политике Средиземноморья и Балкан. Восстановленное государство было свободно структурированной, обедневшей (по сравнению с империей Комнинов), сильной лишь с точки зрения искусства управлять державой, что наиболее впечатляюще продемонстрировало успешное ниспровержение им власти Анжуйской династии на Сицилии в 1282 г.

Из точки зенита в 1261 г. Византия клонилась к неумолимому и надолго затянувшемуся закату. Она гораздо чаще бывала игрушкой, нежели игроком для соседних держав – турецкой (в новой форме экспансионистского Османского султаната), сербской (после решительной победы над болгарами при Велбужде в 1330 г.) и латинских морских государств (Анжуйского герцогства, Венеции, Генуи). История становилась все более сложной по мере того, как становилась все более местной. Она ослаблялась религиозным и социальным напряжением, прорвавшимся в открытом конфликте 1340-х гг., и внешней агрессией, зачастую представлявшей собой нечто большее, чем мелкие набеги, сопровождавшиеся

захватом территорий. Как только османы прошли по Европе (1354 г.) и разрушили Сербское государство в битве на Косовом поле (1389 г.), оставшиеся византийские анклавы на Пелопоннесе и вокруг Трапезунда, как и сама столица, были обречены. Почти полный разгром Османской империи Тамерланом в 1402 г. просто отсрочил неизбежное на пятьдесят лет.

Такова в общих чертах история взаимоотношений Византии с ее соседями, героическое повествование о сопротивлении и стойкости в несчастьях, сменявшихся кратким периодом возрождения, обновления, самоутверждения в IX–XI вв. Важнейшее влияние на ход событий оказывали иноземные державы, располагавшие превосходящими ресурсами, прежде всего, арабы и турки (сельджуки и османы), и тот медленный процесс структурных изменений, который преобразовал Западную Европу в главную движущую силу европейской и средиземноморской экономики и политики, и параллельно вызвал нечто близкое к раннему расцвету национализма среди славянских народов. Конечный результат, возможно, определялся извне, но и сама Византия сыграла основную роль в построении взаимоотношений с соседями, а также в проявлении необычайных по своей силе выносливости, терпения и жизнестойкости. В конечном итоге своей жизнью на протяжении столь долгого периода она обязана мужественной, практически непоколебимой уверенности в том, что ей отведено особое место в провиденциальном Божьем замысле, твердо коренившейся в исторических воспоминаниях о ее имперском прошлом, успехам в применении интеллекта в управлении иностранными делами на протяжении бесчисленного множества сменявших друг друга поколений.

Проблемы Византии, как и ее возможности, явились результатом ее позиции. Для ромеев неприемлемо было пустить корни в чужой земле и физически переместиться на более защищенные территории, скажем, Пиренейский полуостров или североафриканское побережье, как это делали гунны, аланы, свевы, вандалы, бургунды, франки, готы, турки, арабы, венгры, росы, норманы, монголы и т. д. и т. п. Они были привязаны к имперскому центру, основанному Константином Великим в древнегреческой колонии Византий, расположение которого благоприятствовало управлению обширной средиземноморской империей, но, к сожалению, открывало город для нападений в случае утраты контроля над западным морским бассейном и центральными проливами. Константинополь стал уязвимым, как и все острова и побережье Эгейды, собственного внутреннего моря империи, где была сосредоточена большая часть богатств Греции и Малой Азии. В Леванте зона плодородных земель, коммерчески и индустриально хорошо развитых, протянувшихся от Северной Сирии до Южной Палестины, была беззащитна как с восточной, пустынной, так и с западной, морской сторон. Так же беззащитен становился и Египет, как только империя теряла контроль над южной Палестиной. Случалось, угроза приходила с востока. Весь римский Ближний Восток с удивительной быстротой оказался в 634–643 гг. под арабским контролем, что сделало положение империи еще более затруднительным. Порты, доки, корабли, которые достались арабам вместе с умелой рабочей силой и финансовыми средствами покоренных провинций, незамедлительно обеспечили им превосходство в ресурсах над остатками Римской империи на севере.

Не было и речи о том, чтобы ослаблять и сокращать наземные войска, которые некогда являлись основанием римской власти и которым была вверена боевая задача защиты Анатолии. Римская армия, в межсезонья менявшая расположение и поддерживаемая непосредственно с суши, оставалась основной военной силой, но впервые был выстроен и стратегический флот, чтобы обезопасить Эгейское побережье и подходы к Константинополю. Поначалу, когда Халифату удалось мобилизовать ресурсы Сирии, Палестины и Египта, новому военно-морскому флоту Византии удавалось не более чем замедлять продвижение арабов и причинять некоторое беспокойство их флотилии. Три крупных наступления с запада завершились комбинированной атакой Константинополя с моря и суши в 654 г., в начале 670-х гг. и в 717–718 гг. Сильная буря, вероятно, способствовала обороне города в 654 г., так же как и жесточайшая зима 717–718 гг. вкуче с давлением союзников-булгар, но во всех трех случаях судьба Константинополя в конечном итоге зависела от стойкости его стен, – флот выступал как внешняя защита, сила противодействия, которую можно было использовать с целью нарушить и сорвать вражеские приготовления и действия. Греческий огонь, появившийся на вооружении с 670-х гг., – страшнейшее оружие своего времени, – с середины VIII в. до середины XI в. пользовался исключительной репутацией в Восточном Средиземноморье. Успехи арабской флотилии – наиболее выдающиеся из них: вторжение на Сицилию (827 г.), захват Крита (828 г.) или разграбление Фессалоники (904 г.) – были результатом внезапности нападения и византийской «занятости» на других направлениях.

Если высокий приоритет военно-морского флота был одной из отличительных черт Византии, еще одной чертой являлась склонность к наблюдению за соседними народами, к сбору и сопоставлению собираемой информации и приспособлению иностранной политики к реалиям прошлого и настоящего в мире вокруг Византии. Традиционное пренебрежение к иноземным народам, не распространявшееся (отчасти) лишь на основного стратегического противника – восточную империю парфян или персов, исчезало по мере того, как со временем возрастал эффект их деятельности. Собираемый образ варвара померк, обнаружив разнообразие непохожих друг на друга народов со своими защищенными территориями, государственностью, различием историй и культур. Слово *варвары* (*barbaroi*) ни разу не встречается в применении к какому-либо из многочисленных соседних народов, описанных в *De Administrando Imperio*, императорском учебнике дипломатии первой половины X в. Византия тогда, как и раньше, начиная с VII в., полагалась в вопросах выживания на «интеллект»¹ своих дипломатов и осведомителей. Постоянный приток подробной и точной информации об иноземных народах, о расстановках и перестановках сил на различных дипломатических аренах требовался в случаях, когда необходимо было сформировать соответствующие политические мероприятия, а для их исполнения нужны были изрядная доля расчета и хитрости, что максимизировало отдачу. Политика в подлунном мире, – византийцы это знали, – подтверждена

¹ Игра слов: *англ. intelligence* – 1) ум, интеллект, а также 2) разведка, разведслужба (*прим. переводчика*).

переменам, и их выживание зависело от оперативного отслеживания и удачного реагирования.

Они знали также и то, что непосредственно окружавшие их народы населяли лишь ближайшую часть огромного внешнего мира, и что перемены в этом внешнем мире, будь то возвышение новой державы (которое – и это они также слишком хорошо знали – могло произойти очень быстро), или нового дипломатического блока, или же идеологическая трансформация существующей политики могли произвести резонанс совсем рядом. Поэтому к середине X в. поле наблюдения расширилось далеко за пределы тех политических арен, на которых Византия проявляла военную или политическую активность (Северная Сирия, Западная Армения, кавказская Ивирия (Грузия), Балканы, Задунайские степи, Южная Италия). Списки протоколов с адресами корреспонденции, направляемой иноземным правителям, а также для официального обмена в ходе императорских аудиенций иностранным посольствам – эти два из большого числа документов, присоединенных в качестве приложения к трактату Константина Багрянородного *De Cerimoniis* (2.47–48) на последней издательской стадии, позволяют нам окинуть взглядом внешнее пространство. Учитывая географическое положение Византии, нет ничего удивительного в том, что перечень стран более обширен в восточном и северо-восточном направлениях, чем в западном: через Иран – до Великого Хорасана и Индии, и, через Украину, – до Хазарского каганата и Руси. Упоминаются и основные составляющие трансальпийской, германской Европы, но столь неопределенно, что создается впечатление, будто они лежат у самого видимого горизонта или даже за его пределами, а в Средиземноморье обзор ограничивается Северной Африкой, Италией, Сардинией. Есть несколько пробелов и в повествовании о странах, лежащих в пределах досягаемости, не считая отсутствия должного описания военного и политического потенциала Саксонии при Оттонах. Не упоминается и огромная морская держава, Омейядский халифат в Испании. То же самое верно и в отношении североморских держав, а также Польши, Волжской Булгарии, государства турок-огузов (хотя последние две страны мельком упоминаются в *De Administrando Imperio*). Объяснение, возможно, кроется в сверхзабоченности делами Кавказа, сложности взаимоотношений с противоборствующими там местными властями, что явно рассматривалось как важнейшая дипломатическая арена своего времени.

Знания, собираемые в процессе наблюдения за постоянно меняющимся окружающим миром, в целом оказались очень полезны. Византия заслуженно имеет широкую репутацию тонкого знатока темных глубин дипломатического искусства. Хитрости дипломатии, однако же, мало на что годны без скоординированной политики. Учитывая положение, открытое для нападений со всех четырех сторон, по морю и по суше, и ограниченность военных сухопутных и морских сил, Византии не оставалось другого выбора, кроме как применять глобальный подход к иностранной политике. Соответствующим образом пришлось и расставить приоритеты, и распределить ресурсы. Внешнеполитические действия могли принимать различные формы: дислокация основных сухопутных войск или флота в ходе оборонительных или наступательных кампаний, снаряжение малых экспедиционных подразделений в строго ограниченных целях, завуалированная интер-

венция еще меньшего масштаба, переговоры с целью нейтрализации влияния или получения поддержки со стороны крупных держав, дипломатическое руководство небольшими соседними государствами, пропаганда. Все эти виды действий необходимо было гармонизировать как между собой, так и одновременно на всех аренах дипломатической активности. Координация политики и управление политическими действиями стали ключевыми в деле выживания Византии и последующего ее восстановления как державы регионального масштаба.

На протяжении первых двух веков ее средневекового существования основные линии византийской внешней политики определялись обстоятельствами. Довлеющим приоритетом была защита от превосходящих сил ислама, поскольку они угрожали самому существованию государства. Лишь когда Халифат отвлекала гражданская война (*фитна*, *fitna*), как это дважды происходило в VII в. (656–661 гг. и 682–692 гг.), или политическая революция (743–750 гг.) с последующей реструктуризацией государства новой династией Аббасидов, или же длительная война за престолонаследие после смерти Гаруна аль-Рашида (809 г.), – лишь во время таких передышек, когда спадало давление с востока, византийцы вновь обретали некоторую свободу маневра. И поначалу они воздерживались от проявления инициативы где бы то ни было. Усилия были сосредоточены на том, чтобы укрепить оборону Малой Азии на протяжении первой *фитны* и на подготовке к контратаке во время второй. Но чем более длительные интерлюдии представлялись впоследствии, тем больше политические конфликты давали возможность действий на других фронтах. В обоих случаях было избрано болгарское направление с целью подорвать престиж правящего дома и начать процесс подчинения булгар и славян власти Византии. Латинские христианские государства, следует заметить, оставались на периферии византийской дипломатии вплоть до шокирующих новостей – о коронации Карла Великого в Риме (800 г.) и, двенадцать лет спустя, о захвате франками Венеции. Даже при этом изменений в византийских приоритетах не произошло: оборона на Востоке опережала в их списке агрессию на Балканах, которая в свою очередь превосходила по значимости восстановление пошатнувшейся и ослабленной власти в центральном Средиземноморье. Франков в должное время вытеснили из Венеции, хотя и ценой крупной политической уступки, – признания императорского титула Карла Великого.

Окружение и поражение в 863 г. регулярной армии Мелитины, одной из двух основных военных баз, из которых велся джихад против Византии на арабских пограничных территориях, ознаменовало собой поворотный момент византийско-арабских отношений. Отныне и далее баланс сил устойчиво склонялся в пользу Византии, открывалась все возрастающая свобода дипломатического маневра на других фронтах. Центральная позиция Византии больше не грозила опасностями, а обернулась выгодным положением на перекрестке линий дипломатических интересов. Последующие правители смогли взять в свои руки инициативу в различных политических секторах по своему выбору, задействуя самостоятельно избранных людей, иногда просто из желания чем-нибудь выделиться на фоне своих предшественников (пример – шквал дипломатической активности в Средиземноморье, инициированный Константином Багрянородным в начале перио-

да его единоличного правления в 945 г.), иногда – в ответ на внешние угрозы (к примеру, направление Василием I крупных экспедиционных войск для снятия осады Рагузы в 868 г. и для объявления войны арабам в Апулии и на Сицилии), но, еще чаще, преследуя долгосрочные цели. История постепенного возвышения Византии до положения первенства в Восточном Средиземноморье в середине IX – середине XI вв. сложна. Курс был несколько извилистым, но к 900 г. вошел в русло и устойчиво держался в нем на протяжении многих последующих десятилетий, несмотря на отдельные отклонения (пример которых, в частности, сверхамбициозная, сверхагрессивная политика Никифора Фоки).

Пять внешнеполитических инициатив, из которых две принадлежали Василию I (867–886), а три – Льву VI (886–912), имели долгосрочное перспективное значение, поскольку заложили основание той политики, которой следовали далее многие поколения. К ним принадлежали:

(1) решение, изначально принятое Михаилом III, но утвержденное Василием I, направить существенные средства на то, чтобы остановить и повернуть вспять мусульманские войска в центральном Средиземноморье (тем самым неожиданно повысить престиж Византии в Италии и заальпийской Европе);

(2) выбор Василием I арабских приграничных территорий от Мелитины до Тарса как цели атак византийской полевой армии (важность этих боевых действий подчеркивалась тем, что он лично возглавил операции 871, 873 и 878 гг.);

(3) отмена Львом VI политики Василия I, заключавшейся в конфронтации с основной армянской династией Багратидов, замена ее политикой примирения и союзничества, которая впоследствии переросла в политику покровительства большим и малым армянским князьям (политика, вскоре обернувшаяся катастрофой, поскольку привела к временному падению государства Багратидов в 914 г.);

(4) великое наступление Льва VI на Болгарию в начале 890-х гг., повлекшее за собой организованные атаки венгров вдоль Дуная, из чего стало ясно, что в конце концов Византии придется смириться с присутствием независимой, хотя теперь уже и христианской державы на Балканах;

(5) наконец, установление хороших отношений с Русью в начале X в., причем, для того, чтобы соблазнить русов альянсом с Византией, в ход пошли существенные экономические стимулы.

Конечно, следовало расставить приоритеты. Учитывая ограниченность ресурсов, следовало выбирать между территориальным расширением на Восток и наступательными операциями против Болгарии. Принятое решение было сродни медленному шатанию из стороны в сторону: долгие периоды озабоченности Востоком перемежались с такими же длительными периодами почти непрерывных затруднений на Балканах. Василий I начал процесс откалывания открытых для наступления частей арабских приграничных территорий только когда ближе к концу своего правления получил возможность растянуть войска вдоль границы, в 883 г. атаковав Тарс, ставший отныне основной базой, где были сосредоточены силы мусульманского джихада. Понесенное тогда крупное поражение привело к общей переоценке политики, что в итоге нашло выражение в трех вышеперечисленных инициативах Льва VI. Наиболее спорной из них было не-

спровоцированное нападение на Болгарию, под тем предлогом, что христианство, лишь недавно принятое там (864 г.), якобы находилось в опасности. Это инициировало фазу враждебности в отношениях, продлившуюся более тридцати лет, в ходе которой Византия страдала от сильных контратак и существенной потери престижа. Она завершилась, когда растущая слабость Халифата, занятого экономическими, политическими и военными проблемами, стала к началу 920-х гг. слишком очевидной. Извлечь из этого наиболее полную выгоду была призвана резкая смена политического курса новым правящим режимом Романа Лакапина (920–944). Высвобождение на Балканах было запрошено и получено ценой существенных дипломатических уступок (923 г.) открывая путь для длительного, но тщательно нацеленного наступления на востоке.

В течение следующих сорока лет Византия преобразовала свою стратегическую позицию на Ближнем Востоке. Ее полевые силы осторожно перемещались, зондируя арабские приграничные территории, выявляя ключевые военные центры и сосредотачивая против них усилия. Сильных ударов избегали (за исключением краткого, с 942 по 944 гг, периода политических беспорядков в Ираке), боясь спровоцировать *джихад*, который мог привлечь тысячи солдат из дальних пределов Халифата в приграничную зону, оказавшуюся под угрозой. Вместо этого целью было одерживать все большее количество внешне малозаметных побед в течение длительного периода, которые в сумме обеспечили бы крупное приращение территории. Благоразумие, осторожность и терпение были основными характеристиками стратегии. Первоначально вооруженное нападение, сопровождавшееся повальным разорением окрестностей, намечало город в качестве цели номер один. За этим следовала фаза, которую можно назвать наступательной партизанской войной, – в ходе ее выбранный целью город подвергался изоляции и непрестанному давлению в форме мелкомасштабных атак из близлежащей крепости, прочно удерживаемой византийскими войсками или войсками союзников. *Coup de grâce* противнику наносили посредством второй стандартной атаки, с которой тянули до того момента, когда и материальные, и психологические ресурсы города-жертвы были исчерпаны. Так одна за другой пали главные арабские твердыни: за Мелитиной последовали Арсамосата, Феодосиополь, Германикея, Адата, Тарс и, наконец, Антиохия. Военные действия сопровождались «прицельной» дипломатией, назначением которой было заручиться благоволением и, если возможно, активным содействием христианских правителей Западной Армении и нейтрализовать главную мусульманскую силу Ближнего Востока – Ихшидидский Египет. А в дальнем зарубежье случавшиеся временами захватнические походы поддерживали влияние и престиж Византии на Западе.

Два события заставили изменить политику – замена слабого и покладистого режима в Египте религиозно пылкой и агрессивной династией Фатимидов (969 г.) и неожиданное последствие союза с Русью против Болгарии (968 г.), создание государства викингов в угрожающей близости от Константинополя. Наступательная война на Востоке была приостановлена и заменена более экономным сценарием периодических демонстраций силы с целью напомнить Армянской и Арабской державам о мощи византийского военного потенциала. Вместо это-

го приоритет был отдан Балканам, в первую очередь, вытеснению оттуда русов (начатому в 971 г.) Покорение и умиротворение всего полуострова стало первоочередной целью византийской внешней политики на ближайшие пятьдесят лет. Кроме того, внимание продолжали уделять Руси (на ее исконных землях), рассматривая ее как отдаленный, но весьма ценный источник военной силы, а также Италии и центральному Средиземноморью. По-прежнему проводилась политика насаждения христианских князей Кавказа. Два наиболее влиятельных соседних правителя (куропалат Ивирии на севере и Арцруни, князь Васпуракана на юге) стали сателлитами и под нажимом были вынуждены передать свои земли византийскому императору. Эти уступки территорий, а также отмежевание территории к югу от озера Ван (в 1000 г.) и Васпуракана (в 1021–1022 гг.) напрямую привели под византийское правление всю Западную Армению за исключением небольшого анклава на северном берегу озера Ван. Безопасность Византии как величайшей державы Восточного Средиземноморья была обеспечена, как только было сломлено болгарское сопротивление на землях Македонии в сердце Балкан (ок. 1018 г.).

На заключительном этапе Византия старалась упрочить позиции как на востоке, так и на западе: завоеванием Эдессы (1032 г.), принудительной аннексией княжеств Ани (1045 г.) и Карса (1064–1065 гг.) в Армении, штурмом (лишь отчасти успешным) завоеванной арабами Сицилии (1038 г.). Однако тут же последовало и ухудшение ситуации на Востоке по мере того, как росла мощь Сельджукидов и туркменские рейды не оставляли в покое Армению, столь внезапно аннексированную Византией. Балканы оказались под непрекращающимся давлением кочевников-печенегов. На дальнем Западе норманнские авантюристы успешно свели на нет власть Византии в Южной Италии. Устойчивый, постепенный рост византийской власти достиг апогея. Последовавший обвал был гораздо более резким и волею судьбы ознаменовал собой период продолжительного упадка. Он был замедлен упорным сопротивлением. Дважды его обращали вспять Комнины и императоры Никеи. Последней передышкой Византия обязана монголам. Но избежать окончательной гибели не удалось.

Прагматизм определял форму византийской внешней политики в период ее столь краткого расцвета, так же как и в предыдущие и последующие периоды, когда этот реликт античного мира попирали извне. Сменявшие друг друга с середины IX до середины XI вв. режимы продолжали уделять внимание изменениям во властных структурах соседних государств. Их реагирование, однако, больше не было лишь вынужденными ответными реакциями, оно основывалось на наблюдении, расчете, размеренном обдумывании. Возможности использовались. Угрозам противопоставляли контрмеры. Потенциальных сложностей избегали. Случались и кратковременные смещения политических акцентов, но в политике было больше последовательности и постоянства, больше стойкости при вооруженных нападениях в отдельных частях империи в течение более длительных периодов, нежели ранее. Некоторое время Византия была арбитром международных отношений в ее ближайшей округе, способным, при условии незначительного внешнего противодействия, следовать своим политическим интересам. Относительно того, в чем именно заключались эти интересы и какие долго-

срочные цели преследовались, однозначные суждения отсутствуют. Некоторые заключения можно сделать на основании действий и отдельных заявлений по некоторым поводам, а также, как описано выше, на основании общего уклона политики из поколения в поколение. Можно заметить три основных цели: первая и преобладающая – упрочить безопасность анатолийских территорий империи путем присоединения буферных зон к северу и югу от Тавра; вторая – восстановление имперского правления на всей бывшей римской территории до Дуная и, в-третьих, содействие чувству кросс-культурной наднациональной христианской солидарности, в которой можно было черпать источник боевых сил (каким был Великий Хорасан для халифата), – а именно с Кавказом, Русью (после ее крещения в 988 г.) и Западом, имея в виду (как можно предположить) привести их в будущем к грандиозному антимусульманскому альянсу.

Византия была не только наследницей христианской Римской империи эпохи поздней античности. Она продолжала отождествлять себя с этой империей. Идеологическая инерция являлась (и является) той силой, которую не следует недооценивать. Понадобилось два долгих раунда разрушительных боевых действий, прежде чем Византия признала (в VIII в.) нелицеприятную реальность и оставила бесполезные попытки победить зарождающийся ислам традиционным образом, отвечая ударом на удар. Имперские претензии не исчезли, их просто приспособили к грубой действительности. Империя, послужившая ареной для воплощения и последующего распространения христианства, продолжала играть центральную, направляющую роль в повседневных насущных вопросах международной политики. Она могла испытывать удары извне и сокращаться в размерах, но ее народ оставался богоизбранным носителем миссии распространения веры и суровая кара, его постигшая, являлась доказательством этого особого призвания. В напоминаниях об этом призвании недостатка не было: храм Св. Софии, Большой императорский дворец, капиталовложения в городские площади и улицы с колоннадами, акведук Валента, стены Феодосия, имперский церемониал и его материальные атрибуты (трон с гидравлическими механизмами, стенная драпировка, столовое серебро искусной работы, церемониальные платья и т. д.) Не говоря уже о хрониках всемирной истории, имевших в основе идею особого места Рима в общем Божьем замысле. И не должно вызывать большого удивления, что цели реконструкции империи суждено было стать чем-то большим, нежели «голубой мечте», как только византийцы очистились от своих грехов и баланс сил на Ближнем Востоке начал снова склоняться в их пользу.

Вера, постоянно подкрепляемая литургией и годовым кругом праздничных богослужений, напитывала византийское общество и формировала его мышление. Как только (к середине IX в.) было гарантировано выживание, Византия вернулась к предначертанной свыше задаче распространения христианства, в первую очередь устремив свое внимание к основной территории язычества – северным землям, протянувшимся от Восточной Европы до Кавказа. Целью проповеди были как кочевники, так и оседлые народы. Обращение мыслилось как процесс, направленный сверху вниз, то есть оно начиналось обращением правителя и поставлением епископа. Идея одиночного прозелитизма среди чужестранцев укоренилась лишь постепенно. Поразительные успехи были достигну-

ты в Болгарии, Алании и среди русов – они с лихвой компенсировали неудачи в Мораве и Хазарском каганате. Баланс между христианством и исламом начал склоняться обратно в пользу христианства. Русы, располагавшие обширными средствами и готовые к смелым начинаниям, военным и торговым, выступали как наиболее влиятельный из отдаленных северных народов после хазар. Они, как мы видели, были вовлечены в постоянные взаимоотношения путем щедрых коммерческих уступок, задолго до их обращения в 988 г. Византия, таким образом, получала ценного союзника на севере и возможность привлечь воинов-русов к себе на службу. Обращение в христианство, начатое с легкой руки Фотия и свершившееся столетие спустя, усилило эти связи. Византия могла играть на чувстве христианской солидарности, как делала это в Армении и на Западе, и могла лелеять надежду в будущем вовлечь обращенных в свою бесконечную войну против ислама.

Византийское мировоззрение наилучшим образом проявилось в двух текстах, написанных в X в. по заказу Константина Багрянородного, – *De Administrando Imperio* и *De Cerimoniis*. Никаких явных претензий на всемирное господство. Признаются права и независимость других государств. Ни один народ не классифицирован как варварский. Но Византия представлена как держава, занимающая центральное место согласно предназначению свыше, вокруг которой остальные как бы вращаются, считаясь с ее мнением. Византия получает, но сама не платит *nakma* (*pakta*) (дань). То же верно и в отношении *dopa* (*dora*) (даров), подносимых императору как наместнику Бога его современниками-«волхвами». Зарубежных правителей, в отличие от отечественных чиновников, не выстраивали в четко стратифицированную иерархию – это было бы крайне непродуктивно, но им воздавали честь, классифицируя при этом намеренно запутанным образом от имени высшей, богоизбранной земной власти. О ее особом статусе прибывшим послам свидетельствовал дворцовый церемониал, корнями уходящий в эпоху поздней античности: огромные залы дворца, убранные специально в честь их приема, и храм Св. Софии, куда им устраивали экскурсии, – здание уникальной постройки, своими размерами внушающее благоговейный трепет. Подарки (не называемые так, но перечисляемые, в основном, одежда и посуда из драгоценных и полудрагоценных материалов), отсылавшиеся ко дворам иноземных правителей, свидетельствовали о богатстве Византии, а своим замысловатым ремесленным исполнением – о необычайной, боговдохновенной виртуозности мастеров.

Каждое словесное сообщение, каждый церемониальный акт и жест передавал, повторял и подчеркивал претензию Византии на выдающуюся роль на земле. И соседним народам, за исключением тех, кто уже примкнул к противникам-иноверцам, ничего не оставалось, кроме как принять на веру это утверждение об особой роли Византии. Армянские князья уступили льстивому обхождению византийских дипломатов. Армянский военный контингент вступил в войну, направленную исключительно против мусульманских эмиратов к северу и югу от Тавра. Скрытые, разъединяющие доктринальные различия затушевывались по мере того, как правители и знать все больше попадали в византийскую политическую орбиту. В адрес императора Василия II, который осуществил наиболее масштабную аннексию армянских земель, прозвучал хор похвал. Славяне, болгары

ры, росы с полным правом относили себя к категории участников Византийского сообщества, поддавшись идеологическому обаянию Византии, считая империю, даже ослабевающую в свои последние дни, центром и примером для подражания, посредником в действии сверхъестественных сил. Латинское христианство также отличалось восприимчивостью. Лиутпранд, епископ Кремонский, признавал за Византией ведущую роль в христианском мире X в., а через полтора века весь Запад откликнулся на призыв присоединиться к христианскому *джихаду* под совместным византийско-папским руководством.

Византийские взаимоотношения с соседями окончательно сформировались именно под влиянием сознания этой особой, Богом данной судьбы. При всем прагматизме, проявленном за двести лет мирного существования, когда инициатива во внешней политике принадлежала Византии, при всех отчаянных уловках, к которым она временами вынуждена была прибегать и которые, случалось, влекли за собой значительные политические уступки, Византия никогда не отказывалась от претензий, столь прочно обоснованных ее памятным историческим прошлым. Поведение ее соседей нельзя понимать иначе как с учетом попадания в силовое поле Константинополя. Но что еще более важно, саму Византию невозможно понять в ретроспективе, если подвергнуть ее идеологической кастрации. Ведь глубинной основой и последним доводом в пользу ее существования была миссия Христианской Империи. Это убеждение, широко разделяемое подлинно православным мировым сообществом, и было силой, формировавшей ее иностранную политику. Оно является фундаментальной, основополагающей причиной ее выносливости и долголетия, упорного сопротивления в открытом противостоянии исламу и, что еще более невероятно, ее жизнестойкости, проявленной за последние три с половиной столетия упадка.

БИБЛИОГРАФИЯ

Общая (о международных отношениях Византии)

ANGOLD, M. 1984. *The Byzantine Empire, 1025–1204: A Political History* (London).

NICOL, D. M. 1972. *The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453* (London).

WHITTOU, M. 1996. *The Making of Orthodox Byzantium, 600–1025* (London).

Восточные соседи

CAHEN, C. 1968. *Pre-Ottoman Turkey: A General Survey of the Material and Spiritual Culture and History, c. 1071–1330* (London).

IMBER, C. 1990. *The Ottoman Empire, 1300–1481* (Istanbul).

KENNEDY, H. 1986. *The Prophet and the Age of the Caliphates: The Islamic Near East from the Sixth to the Eleventh Century* (London).

Северные соседи

BARFORD, P. M. 2001. *The Early Slavs: Culture and Society in Early Medieval Eastern Europe* (London).

- FRANKLIN, S., and SHEPARD, J. 1996. *The Emergence of Rus, 750–1200* (London–New York).
- GOLDEN, P. B. 1992. *An Introduction to the History of the Turkic Peoples* (Wiesbaden).
- MORGAN, D. 1986. *The Mongols* (Oxford).
- OBOLENSKY, D. 1971. *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500–1453* (London).

Западные соседи

- ANGOLD, M. 2003. *The Fourth Crusade* (Harlow).
- HARRIS, J. 2003. *Byzantium and the Crusades* (London).
- HOLMES, G. (ed.) 1988. *The Oxford Illustrated History of Medieval Europe* (Oxford).
- HOWARD-JOHNSTON, J. D. (ed.) 1988. *Byzantium and the West, c. 850 – c. 1200* (Amsterdam).
- SPUFFORD, P. 2002. *Power and Profit: The Merchant in Medieval Europe* (New York).
- WEBSTER, L., and BROWN, M. (eds.) 1997. *The Transformation of the Roman World, AD 400–900* (London).

Военные действия и дипломатия

- AHRWEILER, H. 1966, *Byzance et la mer: la marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe–XVe siècles* (Paris).
- HALDON, J. 1999. *Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565–1204* (London).
- SHEPARD, J., and FRANKLIN, S. (eds.) 1992. *Byzantine Diplomacy* (Aldershot).

Политика эпохи византийского расцвета

- EASTMOND, A. (ed.) 2001. *Eastern Approaches to Byzantium* (Aldershot).
- MCGEER, E. 1995. *Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century* (Washington, DC).
- STEPHENSON, P. 2000. *Byzantium's Balkan Frontier: A Political Study of the Northern Balkans, 900–1204* (Cambridge).
- VASILIEV, A. A., rev. M. Canard. 1968. *Byzance et les Arabes*, II.1 (Brussels).

Два главных трактата и комментарии к ним

- JENKINS, R. J. H., and MORAVCSIK, G. 1967. *Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio*, vol. 1: *Text and Translation* (Washington, DC).
- CONSTANTINE PORPHYROGENNETOS, *De Cerimoniis Aulae Byzantinae*, ed. J. J. Reiske (Bonn, 1829).
- DAGRON, G. (ed.) 2000. 'Byzance et ses voisins: études sur certains passages du Livre des cérémonies, II, 15 et 46–48', *TM* 13: 353–672.
- JENKINS, R. J. H. 1962. *Constantine Porphyrogenitus, De Administrando Imperio*, vol. 2: *Commentary* (London).
- ЛИТАВРИН, Г. Г., и Новосельцев, А. П. (изд.) 1989. *Константин Багрянородный, Об управлении империей* (Москва).

Светская и религиозная идеология

- AHRWEILER, H. 1975. *L'Idéologie politique de L'empire byzantin* (Paris).
- ИВАНОВ, С. А. 2003. *Византийское миссионерство* (Москва).
- MAGDALINO, P. 1993. *The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180* (Cambridge).

Глава IV.21 РОЛЬ ВИЗАНТИИ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Кирилл Мэнго

Предмет данного очерка был бы непонятен византийскому читателю. В самом деле, он ведь был знаком с основами всемирной истории: это была история, начинавшаяся от сотворения мира в 5508 г. до Рождества Христова и длившаяся до настоящего времени, но это отнюдь не была история всех народов, населявших землю. В частности, после Воплощения Христова исторический процесс был ограничен Римом, в том числе Византийской империей, чья роль заключалась в том, чтобы постепенно готовить Второе Пришествие. Даниилово «четвертое» и последнее Царство не было частью истории; оно само было историей и не нуждалось в ином оправдании, кроме Божьего Промысла. Что касается содержания этой истории, его составляли правления сменявших друг друга императоров и развитие Церкви, – как ее географическое распространение, так и, в особенности, выработка догмы.

В то же самое время история виделась как противостояние невидимых сил добра и зла. Сатана и его армия демонов постоянно ополчались против моральных устоев человечества, но наиболее действенной формой их вредоносной деятельности являлось распространение ересей. Ересь может казаться на первый взгляд безобидной или даже правдоподобной и благовидной – это, однако же, преднамеренная маскировка, поскольку шаг за шагом она уводит к нечестию, неверию и вечной гибели. Основная задача империи заключалась, таким образом, в сохранении правильной идеологии, то есть православного вероучения. Отдельные правители подвергались суду истории не на основании политических дарований или воинских достижений, но на основании критерия православности: Констанций II, Валент, Зинон, Анастасий I и прочие были «плохими», потому, что приняли сторону еретиков, тогда как Феодосий I и Феодосий II, Маркиан, Лев I, Юстин I и прочие были «хорошими». Даже великий Юстиниан, строитель Храма Св. Софии заслужил неодобрение, потому что в старости впал в афтартодокетизм¹.

---

¹ От *греч.* афтартос – «нетленный» и докео – «казаться, считать»; приверженцы монофиситского богослова Юлиана Галикарнасского, который, объявляя Тело Христа нетленным и во всем противопоставляя его человеческому, стремился доказать, что жизнь людей и Жизнь Спасителя на земле кардинально отличны друг от друга. Юстиниан I (527–565) к старости стал видным сторонником афтартодокетизма, но монофиситы решительно выступали против этой ереси (*прим. редактора*).

Следовательно, пользуясь ее собственными понятиями, Византию следует рассматривать как идеологию, религиозную по своему содержанию, но внутренне включающую в себя понятие светской власти, поскольку лишь последняя располагала возможностями для искоренения ересей, созыва всеобщих Соборов, принятия законов и, в крайнем случае, силового давления.

По причинам, которых нет необходимости искать слишком далеко, истинность этого вышеприведенного определения более очевидна восточноевропейским ученым, имеющим личный опыт столкновения с государственной идеологией, нежели западным ученым либерального толка. Вот, к примеру, высказывание Александра Каждана:

Когда я думаю об истории Византии и ее значении для XX в., я всегда возвращаюсь к одной и той же мысли: Византия оставила нам уникальный опыт европейского тоталитаризма. Для меня Византия не столько колыбель Православия или хранилище сокровищ древней Эллады, сколько тысячелетний эксперимент тоталитарной политической практики, и без этого понимания мы [т. е. русские], кажется, не сможем осознать своего собственного места в историческом процессе (Каждан 2003: 486).

Каждан не осмелился решать, был ли этот тоталитаризм плох или хорош, был ли он признаком силы или же признаком слабости.

Западные историки заняли иную позицию. Вместо того, чтобы определять сущность Византии (идеологический тоталитаризм), они позаботились определить ее достижения, то есть ту пользу, которую Византия принесла нам, европейцам. Дж. Б. Бюри в своем предисловии к первому изданию (1923 г.) «*Cambridge Medieval History*» описывает это следующим образом. В качестве политической силы, — пишет он, — Византия на протяжении Средних веков выступала оплотом Европы против азиатской агрессии. В том, что касается цивилизации, она послужила просвещению восточноевропейских славян, она направляла в Италию, Францию и Германию изделия собственного ремесла, а также продукцию Востока; она сохранила шедевры эллинистической мысли и воображения, которые иначе неминуемо погибли бы. Мы можем исключить из рассмотрения как имеющую второстепенное значение роль Византии в качестве посредника в товарообороте, но три остальные достижения вспоминаются нами вновь и вновь. Норманн Бэйнс в 1948 г. добавил к этому списку еще несколько пунктов, в том числе сохранение римского права и юриспруденции, продолжение традиции историографии, учреждение монашества и религиозное искусство, «которое сегодня Западная Европа только учится ценить» (Baynes and Moss 1948: XXXI). Как ни высока такая оценка, Византии не приписывают ни достижений в науке, философии, теории политики, ни великих литературных творений.

Упоминание Бюри об азиатской агрессии, возможно, поражает нас как неподобающе евроцентричное, но на деле придраться здесь не к чему. Чаще всего на протяжении своей долгой истории Византия оказывалась оборонительным форпостом, и ее самыми опасными противниками так или иначе были азиаты — персы, арабы, различные степные народы (гунны, авары, булгары, печенеги, куманы, тюрки). В частности, арабы в период правления династии Омейядов вознамерили-

лись разрушить Византию, в чем и преуспевали вплоть до неудавшегося нападения на Константинополь в 717–718 гг. – события, возможно, более судьбоносного, нежели победа Карла Мартела в битве при Пуатье. И осуждаемый византийцами как еретик, Лев III (будучи сам выходцем из Азии) должен считаться одним из величайших героев европейской истории. Если бы Константинополь пал в 718 г., мало что остановило бы продвижение ислама, по выражению Гиббона, «к пределам Польши и вершинам Шотландии». С этой точки зрения есть определенная ирония в том, что распад византийского государства наступил в конце концов в результате агрессии с Запада, а не со стороны Азии, но это уже другая история.

Понятие «просвещение» славян имеет свои нюансы. В действительности оно означает распространение византийского христианства, начиная с IX в. и далее среди болгар, сербов, русов и (отчасти) румын, – так сформировалось то, что Дмитрий Оболенский назвал Византийским сообществом, – идеологическая, а не политическая группировка, объединенная общей религией и признанием Константинополя духовным центром. Некоторые могут возразить, что с европейской точки зрения это, возможно, было и не совсем хорошо. По чисто исторической случайности Болгария не была обращена в римо-католицизм, то же самое могло произойти даже с Русью. В 1829 г. русский мыслитель П. Чаадаев сожалел о том, что его страна унаследовала цивилизацию от «презренной Византии» и потому не смогла присоединиться к братству (западных) христианских наций.

Ясно одно: обращение славян (за исключением некоторых частей Греции) не повлекло за собой расширения эллиноговорящей территории. Общим языком Византийского сообщества был и долгое время оставался церковнославянский, которому сама Византия помогла придать форму литературного. Византию часто восхваляли за терпимость в этом отношении. В отличие от Римской Церкви, признававшей только три священных языка (еврейский, греческий, латинский), на практике же использовавшей только латынь, Византийская Церковь позволяла славянам проводить богослужение на их наречии, как это делали некоторые другие народы (сирийцы, армяне, грузины). Учитывая, что в середине IX в. славяне еще не имели алфавита и письменности, следовало создать для них алфавит и перевести основные тексты христианского богослужения и произведения православной культуры. В результате славяне, которых не заставляли насильно учить греческий, оказались ограничены в рамках того, что постепенно было для них переведено: литургия, библейские лекционные (но не Ветхий Завет полностью), обширный ряд апокрифов, агиография (особенно монастырская), избранные проповеди, различные сборники поучений, некоторое количество исторических произведений наиболее популярного типа, наподобие хроник Малалы и Георгия Монаха, на основе которых русские приступили к созданию собственной национальной традиции летописания, чего не было у болгар. Наука, если можно употребить здесь это слово, была представлена произведением Космы Индикоплова *«Христианская Топография»* (VI в.), доказывавшим на основании Библии, что мир имел форму прямоугольного ящика. Его продолжали читать в России вплоть до XVII в.

Византия не передала славянам ни наиболее утонченных произведений своей собственной литературы, ни какой-либо части древнегреческой классики. Веро-

ятно, переведено было то, что могли понять славяне или же то, что считалось для них подходящим. В данном процессе, продолжавшемся до окончания Средних веков, Константинополь, кажется, играл не слишком активную роль. Нам неизвестно ни о какой бы то ни было подготовке миссионеров или же составлении словарей и учебников грамматики для славян. Киевские митрополиты, рукоположенные в Константинополе еще до монгольского завоевания, почти все были греками, вероятно, не знавшими местного языка. То же самое применимо и к высшему духовенству в Болгарии в период после повторного завоевания ее византийцами в 1018 г. Деятельность этих пастырей, однако, не способствовала продвижению греков на более низкие уровни в клир и монашество, то есть в число тех представителей Церкви, на которых были в особенности нацелены реформы Каролингов на Западе.

Напротив, Римская Церковь, на первый взгляд, более строго настаивавшая на употреблении латыни, помогла создать средство межнационального общения, распространившееся на все сферы жизни, не только на религию, но также и на закон и администрацию, философию и литературу. Кто бы ни учил латынь, будь он немцем, ирландцем, англичанином, получал доступ к целому корпусу латинской литературы, как христианской, так и языческой. Он мог прочесть не только Августина Блаженного и Иеронима, но также и Цицерона, Овидия и Вергилия. Византийская модель, с другой стороны, замыкала обращенных славян в границы культурного гетто переведенных текстов (лишь немногие из них были светскими), из которого они позднее вышли благодаря медленному просачиванию с католического Запада государственной политики девизантинизации России в XVIII в.

Сохранение Византией значительного объема древнегреческой классики является достижением, заслуживающим всяческих похвал. Оно не было пассивным процессом. На протяжении «темных веков» (VII–VIII вв.) древние тексты старательно разыскивались, переписывались новым шрифтом (строчными буквами), редактировались и во многих случаях снабжались комментариями. В общем и целом, все, что переписывалось в то время, сохранилось благодаря редким копиям, дожившим до Палеологов и попавшим в Италию эпохи Ренессанса, распространившись впоследствии благодаря книгопечатанию. Мы, конечно же, не должны предполагать, что византийцы смотрели на греческую классику так же, как мы, или что они черпали в ней такого же рода вдохновение, что и европейские *literati*. Их нужды были в силу необходимости иными и более практически: доступ к научным и технологическим знаниям, заключенным по большей части в учебных пособиях эпохи поздней античности, приобретение правильной дикции и совершенствование литературного стиля (опять же с помощью учебников и текстов по риторике для подражания), доступ к историческим примерам поведения и т. д. Для историка Византии вопрос, на который следовало бы ответить, – и полного ответа на него еще нет, – заключается не в том, что византийцы передали другим, но в том, как сами они использовали тот обширный объем древних текстов, который столь заботливо сохраняли.

Странно, что Бюри, будучи классицистом, не отследил еще одного византийского достижения, а именно сохранения греческого языка. Хотя, по правде

говоря, это вряд ли можно назвать полным успехом. Ели мы вернемся к эпохе античности, то увидим, что греческий и латынь, два мировых языка, находились, насколько мы можем судить, на уровне приблизительно равном. Сегодня же около 150 млн человек в Западной Европе (не считая Латинской Америки) говорят на языках латинского происхождения, и лишь около 10 млн говорят на народном греческом – приблизительно такое же количество говорит на венгерском. Упадок греческого языка происходил в два этапа. Первый и наиболее серьезный стал результатом арабских завоеваний в VII в. Греческий, разумеется, не исчез в один миг на всем Ближнем Востоке, он еще двести лет влачил кое-где жалкое существование прежде, чем полностью утонул в потоке арабского. Учитывая тот факт, что он был *lingua franca* Леванта на протяжении предыдущего тысячелетия, его исчезновение не так легко объяснить, хотя оно, безусловно, имеет отношение к монолингвизму ислама. Второй, меньших размеров регресс последовал за завоеванием большей части Малой Азии турками-сельджуками, начиная с конца XI в. и далее, после чего эллиноговорящие сообщества сохранялись лишь вдоль Черного моря, на побережье Мраморного моря и кое-где в малых количествах внутри страны, да и то лишь до обмена населением в 1922 г. С другой стороны, Греция на протяжении Средних веков совершила всего одно, откровенно говоря, скромное приобретение, – имеется в виду ассимиляция первой волны славянских иммигрантов, хлынувших в континентальную Грецию и Пелопоннес в VI–VII вв. Они, однако же, вероятнее всего, исчислялись десятками тысяч, а не миллионами. Как мы уже отмечали, Византии не удалось насадить греческий язык среди гораздо более многочисленных славян, обращенных в христианство в IX в. и позднее.

Византию, конечно, нельзя приравнять к Греции, и нет никаких свидетельств того, что она продолжала распространять греческий язык в рамках сознательно проводимой политики. Однако сохранение разговорного греческого языка, хотя бы в качестве языка национального меньшинства, можно рассматривать как один из положительных вкладов Византии в мировую культуру.

ЛИТЕРАТУРА

- BAYNES, N. H., and MOSS, H. St. L. B. 1948. *Byzantium: An Introduction to East Roman Civilization* (Oxford).
- КАЖДАН, А. 2003. 'Трудный путь в Византию', в А. А. Чекалова (изд.), *Мир Александра Каждана* (Санкт-Петербург), 486–502.
- OBOLENSKY, D. 1971. *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe 500–1453* (London).

Приложение 1

ПРАВИТЕЛИ

Правители Восточной Римской империи, 324–1453 гг.

Константин I	324–337
Констанций II	337–361
Юлиан	361–363
Иовиан	363–364
Валент	364–378
Феодосий I	379–395
Аркадий	395–408
Феодосий II	408–450
Маркиан	450–457
Лев I	457–474
Лев II	474
Зинон	474–475
Василиск	475–476
Зинон (после восстановления)	476–491
Анастасий I	491–518
Юстин I	518–527
Юстиниан I	527–565
Юстин II	565–578
Тиверий II Константин	578–582
Маврикий	582–602
Фока	602–610
Ираклий	610–641
Константин III и Ираклион	641
Констант II	641–668
Константин IV	668–685
Юстиниан II	685–695
Леонтий	695–698
Тиверий III	698–705
Юстиниан II (после восстановления)	705–711
Филиппик Вардан	711–713
Анастасий II	713–715
Феодосий III	715–717

Лев III	717–741
Константин V	741–775
Артавазд	741–742
Лев IV	775–780
Константин VI	780–797
Ирина	797–802
Никифор I	802–811
Ставракий	811
Михаил I	811–813
Лев V	813–820
Михаил II	820–829
Феофил	829–842
Михаил III	842–867
Василий I	867–886
Лев VI	886–912
Александр	912–913
Константин VII	913–959
Роман I Лакапин	920–944 ¹
Роман II	959–963 ²
Никифор II Фока	963–969
Иоанн I Цимисхий	969–976
Василий II	976–1025
Константин VIII	1025–1028
Роман III Аргир	1028–1034
Михаил IV Пафлагон	1034–1041
Михаил V Калафат	1041–1042
Зоя и Феодора	1042
Константин IX Мономах	1042–1055
Феодора (повторно)	1055–1056
Михаил VI Стратиотик	1056–1057
Исаак I Комнин	1057–1059
Константин X Дука	1059–1067
Евдокия	1067
Роман IV Диоген	1068–1071
Евдокия (повторно)	1071
Михаил VII Дука	1071–1078
Никифор III Вотаниат	1078–1081
Алексей I Комнин	1081–1118
Иоанн II Комнин	1118–1143
Мануил I Комнин	1143–1180
Алексей II Комнин	1180–1183
Андроник I Комнин	1183–1185
Исаак II Ангел	1185–1195
Алексей III Ангел	1195–1203

¹ Пропущены сыновья Романа Лакапина – Христофор (921–931), Стефан (924–945) и Константин (924–945) (*прим. редактора*).

² Пропущена Феофано (жена Романа II) (март–август 963 г.) (*прим. редактора*).

Исаак II (после восстановления) и Алексей IV Ангел	1203–1204
Алексей V Мурзуфл	1204 (Никея)
Константин XI Ласкарис	1204–1222
Феодор I Ласкарис	1222–1254
Иоанн III Дука Ватац	1254–1258
Феодор II Ласкарис	1258–1261
Иоанн IV Ласкариса	1259–1282
Михаил VIII Палеолог	1261–1282
Андроник II Палеолог	1282–1328
Михаил IX Палеолог	1294–1320
Андроник III Палеолог	1328–1341
Иоанн V Палеолог	1341–1391
Иоанн VI Кантакузин	1341–1354 ³
Андроник IV Палеолог	1376–1379
Иоанн VII Палеолог	1390
Мануил II Палеолог	1391–1425
Иоанн VIII Палеолог	1425–1448
Константин XI (XII) Палеолог	1448–1453

Никейская империя

Константин (XI) Ласкарис	1204
Феодор I Ласкарис	1204–1222
Иоанн III Дука Ватац	1222–1254
Феодор II Ласкарис	1254–1258
Иоанн IV Ласкарис	1258–1261
Михаил VIII Палеолог	1259–1282 (с 1261 г. в Константинополе)

Княжество (деспотат) Эпир

Михаил I	1204–1215
Феодор	1215–1230 (император с 1224 г. в Фессалонике)

Фессалоника

Мануил	1230–1237
Иоанн	1237–1244
Димитрий*	1244–1246

Фессалия

Иоанн I	1271–1296
Константин	1296–1303
Иоанн II	1303–1318

*в 1246 г. низложен Никейским императором Иоанном III Ватацем

Эпир

Михаил II	ок. 1231–1271
Никифор I	1271–1296
Фома	1296–1318
Николай Орсини	1318–1325
Иоанн Орсини	1325–1335
Никифор II	1335–1340

³ Пропущен Матфей Кантакузин (сын Иоанна VI) (1353–1357, с 1354 – вне Константинополя) (прим. редактора).

Трапезунд (Великие Комнины)

Алексей I	1204–1222
Андроник I	1222–1235
Иоанн I	1235–1238
Мануил I	1238–1263
Андроник II	1263–1266
Георгий	1266–1280
Иоанн II	1280–1297 ⁴
Алексей II	1297–1330
Андроник III	1330–1332
Мануил II	1332
Василий	1332–1340
Ирина	1340–1341
Анна	1341
Михаил	1341
Анна (повторно)	1341–1342
Иоанн III	1342–1344
Михаил (повторно)	1344–1349
Алексий III	1349–1390
Мануил III	1390–1416
Алексей IV	1416–1429
Иоанн IV	1429–1459
Давид	1459–1461

Морейский деспотат

Мануил Кантакузин	1348–1380
Матфей Кантакузин	1380–1383
Димитрий Кантакузин	1383
Феодор I Палеолог	1383–1407
Феодор II Палеолог	1407–1443
Константин и Фома Палеологи	1443–1449
Фома и Дмитрий Палеологи	1449–1460

Латинская империя в Константинополе

1204–1205	Балдуин I Фландрский
1206–1216	Генрих (Анри) Фландрский
1217	Пьер де Куртене
1217–1219	Иоланта
1221–1228	Робер де Куртене
1231–1237	Иоанн (Жан) де Бриен
1228–1261	Балдуин II ⁵

⁴ Пропущена Феодора (сестра Иоанна II) (1284–1285) (*прим. редактора*).

⁵ Пропущены регенты: Конон де Бетюн (1219–1220), Иоганн Колонна (кардинал) (1220), Мария, вдова Феодора Ласкариса (1228), Наржо де туси (1228–1231, 1238–1240), Ансо де Кайо (1237–1238). Кроме того, не упомянуты Фессалия – Иоанн I (севастократор) (1271–1296), Константин (1296–1303), Иоанн II (1303–1318), а также Афино-Фиванское герцогство и его правители (1204–1458) (*прим. редактора*).

Правители болгар

Первое Болгарское царство (681–971 гг.)

Аспарух	681–702
Тервел	702–718
Аноним	718–725
Севар	725–739
Кормисош	739–756
Винеч	756–762
Телец	762–765
Сабин	765–767
Омар	767
Токту	767–772
Паган	772
Телериг	ок. 772–777
Кардам	777 – ок. 803
Крум	ок. 803–814
Дукум, Дицевг	814
Омуртаг	814–831
Маламир	831–836
Презиам	836–852
Борис I Михаил	852–889
Владимир	889–893
Симеон	893–927
Петр	927–969
Борис II	969–971

Болгарское «Македонское» царство 976–1018 гг.

Самуил	976–1014
Гавриил Радомир	1014–1015
Иоанн Владислав	1015–1018

Второе Болгарское царство 1186–1396 гг.

Асен I	1186–1196
Петр	1196–1197
Калоян	1197–1207
Борил	1207–1218
Иван Асень II	1218–1241
Каломан Асень	1241–1246
Михаил Азен	1246–1256
Константин Тих	1257–1277
Ивайло	1278–1279
Иван Асень III	1279–1280
Георгий I Тертер	1280–1292
Смилец	1292–1298
Цака	1299
Феодор Светослав	1300–1322

Георгий II Тертер	1322–1323
Михаил Шишман	1323–1330
Иван Стефан	1330–1331
Иван Александр	1331–1371
Иван Шишман	1371–1393 (в Тырново)
Иван Страшимир	1360–1396 (в Видине)

Великие жупаны / Сербские короли (с 1168 г.)

Стефан Неманя	ок. 1168–1196
Стефан I	1196–1217
Стефан Радослав	1217–1227/28
Стефан Владислав	1227/28–1234
Стефан Урош I	1234–1276
Стефан Драгутин	1276–1282
Стефан Урош II	1282–1321
Стефан Урош III	1321–1331
Стефан Урош IV	1331–1355 (император с 1345 г.)
Стефан Урош V	1355–1371

Исламские правители

Халифы

Четыре «правоверных» халифа, прямых потомков Пророка

Абу Бакр	632–634
Омар I	634–644
Усман	644–656
Али	656–661

Омейядская династия

Муавия I	661–680
Язид I	680–683
Муавия II	683–684
Марван I	684–685
Абд аль-Малик	685–705
Валид I	705–715
Сулейман	715–717
Омар I	715–720
Язид II	720–724
Хишам	724–743
Валид II	743–744
Язид III	744
Марван II	744–750
Ибрагим	744

Аббасидская династия

ас-Саффах	750–754
аль-Мансур	754–775
аль-Махди	775–785
аль-Хади	785–786
Гарун ар-Рашид	786–809
аль-Амин	809–813
аль-Мамун	813–833
аль-Мутасим	833–842
аль-Вазик	842–847
аль-Мутаввакил	847–861
аль-Мунтазир	861–862
аль-Муста'ин	862
аль-Му'таз	862–866
аль-Мухтади	866–869
аль-Му'тамид	869–892
аль-Му'тадид	892–902
аль-Муктафи	902–908
аль-Муктадир	908–932
аль-Кахир	932–934
аль-Ради	934–940
аль-Муттаки	940–943
аль-Мустакфи	943–946
аль-Мути	946–974
ат-Та'и	974–991
аль-Кадир	991–1031
аль-Каим	1031–1075
аль-Мухтади	1075–1094
аль-Мустазир	1094–1118
аль-Мустаршид	1118–1135
ар-Рашид	1135–1136
аль-Муктафи	1136–1160
аль-Мустанжид	1160–1170
аль-Мустади	1170–1180
ан-Назир	1180–1225
аз-Захир	1225–1226
аль-Мустанзир	1226–1258
аль-Мустазим	1258

Сельджукиды, султаны Рума

Сулейман I	1077–1086
Кылыч Арслан I	1092–1107
Малик Шах	1107–1116
Масуд I	1116–1156
Килич Арслан II	1156–1192
Каийхусров I	1192–1196
Сулейман II	1196–1204
Кылыч Арслан III	1204
Кейхусров I (повторно)	1204–1210

Кайкаvus I	1210–1220
Кайкувад I	1220–1237
Кейхусров II	1237–1245
Кайкаvus II	1246–1257
Кылыч Арслан IV	1248–1265
Кайкувад II	1249–1257
Кайхусров III	1265–1282
Масуд II	1282–1304
Кайкувад III	1284–1307
Масуд III	1307–1308

Османские султаны до 1453 г.

Осман	1288–1326
Орхан	1326–1362
Мурад I	1362–1389
Баязид I	1389–1402
Мехмед I	1402–1421 (единоличное правление с 1413 г.)
Сулейман	1402–1410
Мусса	1411–1413
Мурад II	1421–1451
Мехмед II Фатих «Завоеватель»	1451–1481

**Армения с 885 г. (до ее вхождения в состав
Византийской империи в 1042–1045 гг.)**

Ашот I Великий	885–890
Смбат I Мученик	890–914
Ашот II Железный	914–928
Абас I	928–952
Ашот III Милостивый	952–977
Смбат II Завоеватель	977–989
Гагик I	989–1020
Иоанн-Смбат III	1020–1040
Ашот IV Храбрец	1021–1039
Гагик II	1042–1045

Примечание: армянские князья, правившие или руководившие Арменией или ее частями номинально – от имени Восточной Римской империи или Персидского царства в V–VII вв., или же от имени византийских императоров и халифов в VII–IX вв., в перечень не включены.

Грузия

Ивирия

Адарназ IV	888–923
Давид II	923–937
Смбат I	937–958
Баграт II	958–994
Гурген I	994–1008
Баграт III	1008–1014

Авазгия (Абхазия)

Лев II	767–812
Феодосий II	812–838
Димитрий II	838–873
Георгий I	872–879
Иоанн Савлиани	878–880
Адарназ Савлиани	880–888
Баграт I	888–899
Константин III	899–917
Георгий II	916–961
Лев III	961–970
Димитрий III	970–977
Феодосий III	977–979
Баграт III Ивирийский	979–1014

Грузия (Авазгия и Ивирия)

Баграт III	1008–1014
Георгий I	1014–1027
Баграт IV	1027–1072
Георгий II	1072–1089
Давид III	1089–1125
Димитрий I	1125–1156
Давид IV	1155
Георгий III	1156–1184
Тамара «Великая»	1184–1212
Георгий IV	1212–1223
Рузудан	1223–1245
Междоцарствие	1245–1250
Давид V	1250–1269
Давид VI	1269–1273
Междоцарствие	1273–1289
Димитрий II	1289–1292
Вахтанг II Имертийский	1292–1301
Давид VII	1292–1301
Вахтанг III	1301–1307
Георгий V	1307–1314
Георгий VI	1314–1346
Давид VIII	1346–1360
Баграт V «Великий»	1360–1395
Георгий VII	1395–1405
Константин I	1405–1412
Александр I «Великий»	1412–1442
Вахтанг IV	1442–1446
Димитрий III	1446–1453
Георгий VIII	1446–1465
Баграт VI	1465–1478
Константин II	1478–1505

Примечание: грузинские цари обычно правили совместно с младшим соправителем, который зачастую становился одним из их ближайших преемников.

Приложение 2 ПАТРИАРХИ И ПАПЫ

Константинопольские архиепископы (324–381 гг.)

Александр	324–337	Павел I (повторно)	346–351
Павел I	337–339	Македоний I (повторно)	351–360
Евсевий	339–341	Евдоксий	360–370
Павел I (повторно)	341–342	Демофил	370–379
Македоний I	342–346	Григорий I (Назианзин)	379–381 ⁶

Патриархи (381–1456 гг.)

Нектарий	381–397	Иоанн III Схоластик	565–577
Иоанн I Златоуст	398–404	Евтихий (повторно)	577–582
Арсакий	404–405	Иоанн IV Постник	582–595
Аттик	406–425	Кириак	595–606
Сисиний I	426–427	Фома I	607–610
Несторий	428–431	Сергий I	610–638
Максимиан	431–434	Пирр	638–641
Прокл	434–446	Павел II	641–653
Флавиан	446–449	Пирр (повторно)	654
Анатолий	449–458	Петр	654–666
Геннадий I	458–471	Фома II	667–669
Акакий	472–489	Иоанн V	669–675
Фравита	489–490	Константин I	675–677
Евфимий	490–496	Феодор I	677–679
Македоний II	496–511	Георгий I	679–686
Тимофей I	511–518	Феодор I (повторно)	686–687
Иоанн II Каппадокиец	518–520	Павел III	688–694
Епифаний	520–535	Каллиник I	694–706
Анфим I	535–536	Кир	706–712
Мина	536–552	Иоанн VI	712–715
Евтихий	552–565	Герман I	715–730

---

⁶ Пропущен Максим Киник (381 г.) (*прим. редактора*).

Анастасий	730–754	Лука	1157–1170
Константин II	754–766	Михаил III	1170–1178
Никита I	766–780	Харитон	1178–1179
Павел IV	780–784	Феодосий	1179–1183
Тарасий	784–806	Василий II	1183–1186
Никифор I	806–815	Никита II	1186–1189
Феодот	815–821	Досифей	1189
Антоний I	821–837	Леонтий	1189
Иоанн VII Грамматик	837–843	Досифей (повторно)	1189–1191
Мефодий I	843–847	Георгий II	1191–1198
Игнатий	847–858	Иоанн X	1198–1206
Фотий	858–867	Михаил IV	1208–1214
Игнатий (повторно)	867–877	Феодор II	1214–1216
Фотий (повторно)	877–886	Максим II	1216
Стефан I	886–893	Мануил I	1217–1222
Антоний II	893–901	Герман II	1222–1240
Николай I Мистик	901–907	Мефодий II	1240
Евфимий I	907–912	Мануил II	1244–1254
Николай I (повторно)	912–925	Арсений	1255–1259
Стефан II	925–927	Никифор II	1260
Трифон	927–931	Арсений (повторно)	1261–1264
Феофилакт	933–956	Герман III	1265–1266
Полиевкт	956–970	Иосиф I	1266–1275
Василий I	970–974	Иоанн XI Векк	1275–1282
Антоний III	974–979	Иосиф I (повторно)	1282–1283
Николай II	979–991	Григорий III	1283–1289
Interregnum (вакантен)	991–996	Афанасий I	1289–1293
Сисиний II	996–998 ⁷	Иоанн XII	1294–1303
Сергий II	1001–1019	Афанасий I (повторно)	1303–1309
Евстафий	1019–1025	Нифон I	1310–1314
Алексей III	1025–1043	Иоанн XIII Гликис	1315–1319
Михаил I Кируларий	1043–1058	Герасим I	1320–1321
Константин III	1059–1063	Исайя	1323–1334
Иоанн VIII Ксифилин	1064–1075	Иоанн XIV Калека	1334–1347
Косьма I	1075–1081	Исидор I	1347–1350
Евстратий	1081–1084	Каллист I	1350–1353
Николай III	1084–1111	Филофей Коккин	1353–1354
Иоанн IX	1111–1134	Каллист I (повторно)	1355–1363
Лев	1134–1143	Филофей (повторно)	1364–1376
Михаил II	1143–1146	Макарий	1376–1379
Косьма II	1146–1147	Нил	1379–1388
Николай IV Музалон	1147–1151	Антоний IV	1389–1390
Феодот II	1151–1154	Макарий (повторно)	1390–1391
Неофит I	1153–1154	Антоний IV (повторно)	1391–1397
Константин IV	1154–1157	Каллист II Ксанфопул	1397

⁷ Далее престол был вакантен (999 – около 1001) (прим. редактора).

Матфей I	1397–1410 ⁸	Митрофан II	1440–1443
Евфимий II	1410–1416	Георгий III	1443–1450 ⁹
Иосиф II	1416–1439	Геннадий II Схолярый	1454–1456 ¹⁰

Папы (314–1455 гг.)

Сильвестр I	314–335	Иоанн III	561–574
Марк	336	Бенедикт I	575–579
Юлий	337–352	Пелагий II	579–590
Либерий	352–366	Григорий I Великий	590–604
(Феликс II	355–365) ¹¹	Савиниан	604–606
Дамас I	366–384	Бонифаций III	607
(Урсин	366–367)	Бонифаций IV	608–615
Сириций	384–399	Деуседит I ¹²	615–618
Анастасий I	399–401	Бонифаций V	619–625
Иннокентий I	401–417	Гонорий I	625–638
Зосима	417–418	Северин	640
Бонифаций I	418–422	Иоанн IV	640–642
(Евлалий	418–419)	Феодор I	642–649
Целестин I	422–432	Мартин I	649–655
Сикст III	432–440	Евгений I	654–657
Лев I Великий	440–461	Виталиан	657–672
Гиларий	461–468	Деуседит II	672–676
Симплиций	468–483	Домн	676–678
Феликс III	483	Агафий	678–682
Геласий I	492–496	Лев II	682–683
Анастасий II	496–498	Бенедикт II	684–685
Симмах	498–514	Иоанн V	685–686
(Лаврентий	498, 501–505)	Конон	686–687
Гормисда	514–523	(Феодор	687)
Иоанн I	523–526	(Пасхалий	687)
Феликс IV	526–530	Сергий I	687–701
Бонифаций II	530–532	Иоанн VI	701–705
(Диоскор	530)	Иоанн VII	705–707
Иоанн II	533–535	Сизинний	708
Агапит I	535–536	Константин I	708–715
Сильверий	536–537	Григорий II	715–731
Вигилий	537–555	Григорий III	731–741
Пелагий I	556–561	Захария	741–752

⁸ В 1402–1403 гг. престол был вакантен (*прим. редактора*).

⁹ В 1454–1459 гг. Георгий III Мама был «латинским Патриархом Константинополя (*прим. редактора*).

¹⁰ Геннадий Схолярый был Патриархом Константинополя и в 1458, 1464–1465 гг. (*прим. редактора*).

¹¹ В скобках здесь и далее указаны антипапы (*прим. редактора*).

¹² Он же – Адеодат I (*прим. редактора*).

(Стефан II	752)	Стефан VIII	928–931
Стефан III	752–757	Иоанн XI	931–935
Павел I	757–767	Лев VII	936–939
(Константин	767–769)	Стефан IX	939–942
(Филипп	768)	Марин II	942–946
Стефан IV	768–772	Агапит II	946–955
Гардиан I	772–795	Иоанн XII	955–964
Лев III	795–816	Лев VIII	963–965
Стефан V	816–817	Бенедикт V	964–966
Паскаль I	817–824	Иоанн XIII	965–972
Евгений II	824–827	Бенедикт VI	973–974
Валентин	827	Бенедикт VII	974–983 ¹³
Григорий IV	827–844	Иоанн XIV	983–984
(Иоанн	844)	Иоанн XV	985–996 ¹⁴
Сергий II	844–847	Григорий V	996–999
Лев IV	847–855	Сильвестр II	999–1003
Бенедикт III	855–858	Иоанн XVII	1003
(Анастасий	855)	Иоанн XVIII	1004–1009
Николай I	858–867	Сергий IV	1009–1012
Гардиан II	867–872	Бенедикт VIII	1012–1024
Иоанн VIII	872–882	Иоанн XIX	1024–1032
Марин I	882–884	Бенедикт IX	1032–1044
Адриан III	884–885	Сильвестр III	1045
Стефан VI	885–891	Бенедикт IX (повторно)	1045
Формоз	891–896	Григорий VI	1045–1046
Бонифаций VI	896	Климент II	1046–1047
Стефан VII	896–897	Бенедикт IX (повторно)	1047–1048
Роман	897	Дамас II	1048
Феодор II	897	Лев IX	1049–1054
Иоанн IX	898–900	Виктор II	1055–1057
Бенедикт IV	900–903	Стефан X	1057–1058 ¹⁵
Лев V	903	Николай II	1059–1061
(Христофор	903–904)	Александр II	1061–1073 ¹⁶
Сергий III	904–911	Григорий VII	1073–1085 ¹⁷
Анастасий III	911–913	Виктор III	1086–1087
Ландон	913–914	Урбан II	1088–1099
Иоанн X	914–928	Пасхалий II	1099–1118 ¹⁸
Лев VI	928	Геласий II	1118–1119 ¹⁹

¹³ Далее пропущены Бонифаций VII (антипапа) (974) и Бонифаций VII (антипапа) (повторно) (984–985) (*прим. редактора*).

¹⁴ Далее пропущен Иоанн XVI (антипапа) (997–998) (*прим. редактора*).

¹⁵ Далее пропущен Бенедикт X (антипапа) (1058–1059) (*прим. редактора*).

¹⁶ Далее пропущен Гонорий II (антипапа) (1061–1072) (*прим. редактора*).

¹⁷ Далее пропущен Климент III (антипапа) (1080–1100) (*прим. редактора*).

¹⁸ Далее пропущены антипапы Феодор (Джибер) (1110–1102), Альберт (1102), Сильвестр IV (1105–1111) (*прим. редактора*).

¹⁹ Далее пропущен Григорий VIII (антипапа) (1118–1121) (*прим. редактора*).

Каликст II	1119–1124	Гардиан V	1276
Гонорий II	1124–1130	Иоанн XXI	1276–1277
Иннокентий II	1130–1143 ²⁰	Николай III	1277–1280
Целестин II	1143–1144	Мартин IV	1281–1285
Луций II	1144–1145	Гонорий IV	1285–1287
Евгений III	1145–1153	Николай IV	1288–1292
Анастасий IV	1153–1154	Целестин V	1294
Адриан IV	1154–1159	Бонифаций VIII	1294–1303
Александр III	1159–1181	Бенедикт XI	1303–1304
Луций III	1181–1185	Климент V	1305–1314
Урбан III	1185–1187	Иоанн XXII	1316–1334
Григорий VIII	1187	Бенедикт XII	1334–1342
Климент III	1187–1191	Климент VI	1342–1352
Целестин III	1191–1198	Иннокентий VI	1352–1362
Иннокентий III	1198–1216	Урбан V	1362–1370
Гонорий III	1216–1227	Григорий XI	1370–1378
Григорий IX	1227–1241	Урбан VI	1378–1389
Целестин IV	1241	Бонифаций IX	1389–1404
Иннокентий IV	1243–1254	Иннокентий VII	1404–1406
Александр IV	1254–1261	Григорий XII	1406–1415
Урбан IV	1261–1264	Мартин V	1417–1431
Климент IV	1265–1268	Евгений IV	1431–1447
Григорий X	1271–1276	Николай V	1447–1455 ²¹
Иннокентий V	1276		

²⁰ Далее пропущены антипапы Анаклет II (1130–1143) Виктор IV (Григорий) (1138) (*прим. редактора*).

²¹ Пропущены Авиньонские папы Климент VII (антипапа) (1378–1394), Бенедикт XIII (1394–1417), Папы, безуспешно избранные для прекращения Великого раскола – Александр V (1409–1410), Александр V (1409–1410), Иоанн XXIII (антипапа) (1410–1415) и три антипапы после прекращения Великого раскола – Климент VIII (1423–1429), Бенедикт XIV (1425–1430?) и Феликс V (1439–1449). Следует иметь в виду, что в перечне имеются пропуски и других антипап (*прим. редактора*).

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аббасиды	270, 274, 465, 502, 978
Абд аль-Малик	56
Абдера, крепость	387
авары	232, 259, 303, 317, 327, 479, 480, 481, 485, 537, 658, 664, 928, 941, 987
Август, император (27 до н. э. – 14 н. э.)	182, 236, 311, 315
Августин	989
письма	918
в переводе на греческий	748
Авидос	151
Авраам	79
Авраамий, Иоанн, астролог	845
Аврелий Виктор, историк	871
Аврелий Исидор	129
Аврелий, епископ Карфагенский	620
автобиография	91
Автолик, математик	821, 836
Агафий Миринейский	390, 490, 869, 870
Агафий, Папа	616
<i>Аггада (haggadash)</i> , аналог гомилий	905
агиография	33, 34
определения (дефиниции)	895
АГК (Архив Герцога Кандийского); см.: Кандия	148
аглабиды	270
<i>агорономы</i> (рыночные надсмотрщики)	52
<i>агоры</i> ; см. рынки	
Адам, грех и грехопадение Адама	740
Адапазари	311
Адата	980
<i>адельфопойя</i> (adelphophoiia – духовное «кровное» побратимство)	684, 690, 695

администрация	568 и далее
после 1204 г.	574
после императора Ираклия	569–570
возможности продвижения по службе в а.	571–572
подразделения а.	570–571
роль императора в а.	571
при Василии II	551–552
при Комнинах	553, 573–574
при Палеологах	554–556, 574–575
Адрамиттий	306
Адриан I, Папа	204, 617
Адриан II, Папа	304, 625, 626
Адрианополь (Эдирне)	226, 244, 297, 302, 552
Адрианополь, Памфилия	655
Адриатическое море	64, 224, 225, 226, 269, 302, 450, 590, 704
Адулис	454
азиатская агрессия	987
Айдин	293
эмир Э.	
Айдынский эмират	296
Айналов Д.В.	802
Акакьева схизма	616, 624, 648
Акакий, Патриарх	615, 616, 624
Акафист, гимн	759, 767–768, 769, 891, 928
акафистные иконы	768
акведук Адриана; см. Константинополь – акведуки	
акведук Валента; см. Константинополь – акведуки	
акведуки	217, 219, 242, 317, 327, 328, 342, 343, 379, 382, 386, 388, 407, 408, 505, 982
Акимиты (akoimetoi – неусыпающие монахи)	949
Акиндин, Григорий, письма	919
аккламации (приветственные возгласы, надписи)	152, 544, 706, 712, 713, 815, 959, 960
<i>Аколуфия</i> (Akoulouthia tes Kaminou)	956
<i>Аколуфия акимитов</i> (Akoulouthia ton akoimeton)	636
Аколуфы (богослужебные уставы)	955
Акра, Святая Земля	703
Акритические песнопения	960
Акрополит, Георгий, историк	878
Акрополит, Константин	90
и агиография	900
Аксум	454

Акты мучеников	895
аланы	588
Аларих	245
Алахан	62
Албания	60, 207, 224, 225, 344
албанцы	225, 320
Александр III, Папа	627
Александр Великий, жизнеописание	719, 810 385
Александр, император	272
Александрия	125, 130, 166, 240, 245, 316, 450, 454, 458, 491, 502, 505, 558, 603, 604, 605, 615, 617, 620, 639, 644, 657, 746, 747, 780, 822, 845, 852
А. и неоплатонические философские школы	746, 747, 836
Александрийская эра	44, 47
Мусион А.	852
Патриархат А.	630
оценки численности населения А.	316
символы просодии	953
епископская кафедра А.	244–245, 603, 604
Сераптеум	240, 852
Алексей I Комнин	137, 169, 213, 218, 279–280, 318, 553, 573, 589, 594, 597, 607–608, 666–667, 668, 669, 670, 839, 844, 845, 875–876, 877
Алексей II Комнин	281
Алексей III Ангел	281, 288
Алексей IV Ангел	281
Алексей и Иоанн, основатели монастыря Вседержителя на горе Афон	797
Алексей Филантропен	293
Алексей, Патриарх	636
Алексей, <i>Человек Божий</i> , Житие	894
алеманны	243
Алеппо	230, 274
Алипий, о музыкальной нотации	948
Алипий, святой	655
<i>Алфавитная синтагма (Syntagma alphabeticum)</i>	727
алхимия	845–846
Аль Хазини, <i>Зий аз-Санджари</i>	840
аль-Мамун, халиф	839
Альмира	667, 668
Альпы	190
аль-Фахад, Зий ал-Алаи	840
Альфонса Таблицы	841

аль-Хаким	638
аль-Хорезми	838
Амальрик Иерусалимский	281
Амастрия	306
Амвросий Медиоланский	603, 908
Американское Нумизматическое общество	167
Амида	407
Амис	306
Аммиан (Марцеллин), историк	869, 870, 871
Аммоний (философ)	747, 751
Аммоний, (св.), письма	917
Аммоний, философ	747
Аморий	64, 65, 207, 270, 304, 353, 504
Аморийская династия	270
Амфиполис (Амфиполь)	382
амфоры, виды и производство	438
Аназарб	151, 450
Анастасий I	168, 248, 254, 255, 986
Анастасий Синаит	35
Анастасий, переписчик	118
Анастасий, торговец шелком	158
Анастасиополь	604
Анастасиополь, стены	388
Анастасия / Анастасии, Житие	897
Анатолик, фема	549, 597
Анатолия	25, 31, 59, 61, 63, 64, 65, 177, 223, 224, 230, 232–233, 270, 274, 280, 306, 318, 346, 365, 366, 404, 407, 408, 409, 434, 464, 484, 554, 586, 596, 609, 611, 702, 704, 878, 897, 968, 972, 973, 976
география А.	227–229
<i>Анахарсис</i>	863
Ангелы, династия	279, 281, 553, 698
Англия	107, 190, 291, 466
Андалузия (Испания)	426
Андерин	345
Андерсон, П.	25
Андрей Критский	866, 892, 905, 910, 928, 951
Великий канон	928
Андрей Палеолог, «Зилот»	294
Андрей Юродивый, Житие	898
Андриотис, лексикон современного греческого языка	109
Андроник I Комнин	279, 281, 555, 698

Андроник II Палеолог	173, 174, 293, 294, 295, 555, 864, 878, 900
Андроник III Палеолог	291, 293, 295, 430
Андроник IV Палеолог	298
Андроник Каллист	658
Андроник, Каматир, <i>Святая Защита</i>	627
Андрос	414, 429
Анемурий	503
Анжуйская династия	974
Ани	277, 278, 981
Аниция Юлиана	216, 363, 680
Анкара	61, 298, 343
Анкира	64, 154, 304,
Анна Далассина	279
Анна Комнина <i>Алексиада</i> комментарии к Аристотелю	45, 385, 678, 844, 845, 847 23, 92, 864 748
Анна Савойская	295
Аномей	908
Ансельм в переводе на греческий	748
Антверпен	900
Антеополь	130
Анти-Ливан	230
Антиох, <i>praepositus sacri cubiculi</i>	246
Антиох, см. дворцы Константинополя	
Антиохия Золотой Октагон Собор; см. Соборы патриархат оценка численности населения епископская кафедра А. богословие Антиохия-на-Оронте; см. Антиохия	171, 242, 243, 257, 274, 280, 281, 310, 316, 345, 347, 348, 380, 451, 455, 506, 558, 603, 604, 605, 616, 617, 618, 627, 630, 632, 639, 656, 657, 737, 775, 822, 862, 865, 871, 873, 896, 906, 980 347 616, 617, 630 316 243–244, 558, 603, 737, 738
Антитавр, горы	229, 262, 263, 274
<i>антимеза (anthithesis)</i> в искусстве	761
Антифонарий	955
Анфимий из Тралл	215, 838, 844
Анфимий, префект претория	246, 247
Апамея	603
апликт	703
Апокавк, Алексей, великий дука	295, 296, 471

Апокавк, Иоанн, епископ Навпакта	384, 656, 685, 687, 918
<i>Апокалипсис пророка Даниила</i>	845
Аполлинаризм	737, 738
Аполлинарий Лаодикийский	737
Аполлон, см. Константинополь, форумы К.	
Аполлоний Родосский	112, 117, 119
Аполлоний, математик	836
Аполлония (Аулونا)	302
Аполлония, Ливия	381
Аполлос, отец Диоскора	130
<i>Апостольские Постановления (Апостольские Конституции)</i>	558, 561
Апостольские Правила	619
апофатическое богословие	735
<i>апоффегмата партум (apophthegmata partum)</i>	889, 895, 896
Апулия	979
герцог А.	278
арабо-турецкие макамы	955
Арабские астрономические таблицы	838
арабские войска	658, 942, 943
арабов набеги	337, 664, 549, 609
арабские завоевания	317, 364, 460, 601, 606, 794, 812, 822, 990
арабский флот, успехи	975–976
арабов, вторжения	60, 269–270, 306, 327, 426, 435, 601, 658, 873
арабская военная угроза	260, 262, 788, 941, 942
арабская держава	232
арабские нашествия	337, 549, 609
арабские военные корабли	584, 589
арабские веса	56
арабский мир	503
арабский язык	31, 109, 155, 165, 836, 840, 847, 890, 940, 990
арабы	56, 232, 260, 261, 262, 266, 270, 274, 317, 337, 414, 426, 486, 502, 548, 549, 550, 706, 794, 810, 822, 836, 942, 975, 979, 981, 987
Аравийская пустыня	230
Аравия	233
Арагон	291, 292
арамейский язык	811
Арапкир Кайи	311
Арат, <i>Явления (Phainomena)</i>	821
Арбогаст	245
Аргирь, династия	549, 552
Арголида	161, 368

Аргос	386
Арефа Кесарийский письма схолии к <i>Категориям</i> Аристотеля	117, 118, 748, 854, 863 918 751
Ариадна, императрица	248, 254, 679
Ариане	244, 257, 258, 605, 908
Арианская музыкальная пропаганда	950
Арианство	242, 244, 613, 620, 630, 872, 896
Арий	613–614
Аристенет, письма	918
Аристид Квинтилиан, музыкальный теоретик	948, 958
Аристин, комментарии на <i>номоканон</i>	727
аристократия, деятельность при Василии II при Комнинах при Палеологах	548–551 551–552 553–554 555
Аристоксен, музыкальный теоретик	948, 958
Аристотель и логика и философия <i>Искусство риторики</i> <i>Категории</i> <i>Об истолковании</i> латинские версии <i>О категориях</i> <i>Политика, Этика</i> <i>Первая Аналитика</i>	121, 165, 740, 746, 747, 748, 749, 750 750, 751, 752 746, 747, 748 751, 859 751 751 121 855, 916 165 751
Аристотель, Псевдо-, <i>Рассказы о диковинах</i> (<i>De Mirabilibus Auscultationibus</i>)	503
Аристотеля последователи (аристотелики)	750, 751
Аристофан <i>Богатство, Облака, Лягушки</i>	117 820
Арифметика	837–838
Аркадий	82, 204, 212, 240, 245, 246
Армениак, фема	597
Армения	19, 47, 176, 229, 232, 243, 244, 276, 278, 318, 343, 346, 347, 364, 468, 606, 804, 811, 977, 980, 981, 983, 998
Армения Киликийская	177, 281 170
Арменопул, <i>Гексабиблос</i> (<i>Hexabiblos</i>) (Шестикнижие)	506, 725, 726, 727
Армия, VII–VIII вв. изменения в изменения в X в. структура в V–VI вв. при Комнинах при Палеологах	583–584 551–552 274 583 587 588

армяне	45, 46, 47, 276, 550, 702, 706, 811, 947, 988
армянские колофоны	468
армянский как литературный язык	811
армянский лекционарий	951
армянский язык	31, 126, 468, 847, 890, 940
Арриан	870
Арсамосата	980
Арсений Авториан, Патриарх	878
Арсиноя	130
Арта	329
Артавасд	265
артиллерия, типы	483–486
археология	33, 36–37
византийская	58–69
византийская, подходы	58–59, 62
национальные программы	59–60
византийская, хронология	60
ландшафтная	66
архивные источники	32, 37
<i>Архивы Афона</i>	143, 144, 146
Архимед	119, 836
Архимеда, винт	408
архитектура, церковная, подходы к	360–361
раннехристианская	361–362
в VI в.	363–364
позднейшие периоды	364–369
взаимодействие с литургией	765–766
<i>архиятры (archiatroi) (врачи)</i>	660
Арцруни, князь	981
Асем	602
Асиана, епархия	605
аскетическое богословие	739–740
Асклепий (бог врачевания)	459
Асклепий (философ)	747
Аскра, Беотия	434
<i>Асматике Аколупия (Asmatike Akolouthia – Песенное Последование)</i>	636
Асматикон (Asmatikon)	955, 956
Аспар	247, 254
Аспенд	347
Аспромонте	812
Ассирийская Восточная Церковь	614, 621, 623
астрология	110, 733, 841–842, 844–845, 876, 931
астролябия, Брешия	456, 843

астрономия	110, 820, 821, 836, 837, 838, 839, 842, 843, 844, 845, 846
математическая	841–842
Асуанская плотина	125
Атрани; <i>см.</i> бронзовые двери	
Атталия	329
Аттила	226, 247
Аттический греческий диалект (язык); <i>см. также</i> греческий язык	812, 814, 859, 880, 917, 927
Афанасий из Великой Лавры, Афон, Житие	636, 707 898
Афанасий из Эмесы, <i>Синтагма</i>	724
Афанасий I, Патриарх, письма, Житие	919 900
Афанасий, епископ Александрийский	243, 620, 657, 736, 737, 739, 860, 890, 900
Житие Св. Антония	644–645, 890, 895–896
письма	917, 919
Афины	12, 13, 45, 58, 60, 63, 143, 155, 166, 207, 295, 320, 451, 492, 503, 508, 560, 609, 664, 667, 746, 747, 801, 822, 853, 854, 858, 866, 915
агора	381, 408, 465
и неоплатонические философские школы	746, 747
Византийский музей	192
Каталонское герцогство	295
Музей аэропорта Элиферис Венизелос	63
Эрехтейон	155
Гефестион	155
Национальный нумизматический музей	166
Панагия Ликодемийская	155, 366
Парфенон	45, 58, 155
Пропилеи	155, 545
Афон, гора	43, 48, 139, 143, 144, 298, 310, 338, 339, 365, 367, 462, 472, 611, 628, 635, 636, 637, 638, 646, 651, 666, 671, 705, 707, 741, 742, 794, 795, 797, 829, 855, 890, 899
архивы	144
издательские принципы	144
документы	
язык д.	144
содержание д.	145–147
Великая Лавра	
библиотека	855
трапезная	707
монастыри А.	611
Ватопед, библиотека	855

Афраат, персидский мудрец, <i>Демонстрации</i>	645
Африка	224, 257, 259, 388, 459, 568, 604, 618
Африка, северная	247, 317, 460, 568, 595, 664, 968, 975, 977
африканская краснолаковая посуда	434
Африканская Церковь, каноны	620
Афродисий	130, 153, 387, 711, 713
Афродиты, кома	130
Афтардокетизм	986
Афтоний Антиохийский	860, 861, 862
Ахайя, князь Ахайи	290
Ахемениды	969
Ахилл Татий, <i>«Левкитт и Клейтофон»</i>	863, 932
<i>Ахилл</i> , экфрасис	756
<i>Ахиллес</i> (роман в стихах)	832, 934
<i>ахиропоитос</i> (acheiropoietos) – нерукотворный образ	777, 788, 793
Ахмад ибн-Юсуф	845
Ахмед Перс	845
Багдад	227, 270, 470
базилика	360–363, 265, 366, 368
Байкал, озеро	226
Балдуин II	292
Балеарские острова	224, 589
Балканская гряда	224, 226, 232, 270, 278, 281
Балканские горы, см. Гимет	
Балканы	15, 21, 25, 31, 32, 176, 223, 227, 229, 230, 233, 235, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 259, 260, 261, 278, 280, 285, 291, 293, 297, 299, 301, 302, 303, 304, 310, 311, 318, 329, 337, 342, 343, 365, 393, 449, 479, 568, 569, 586, 587, 588, 632, 664, 704, 804, 805, 810, 969, 973, 974, 977, 978, 979, 980, 981
география Б.	224–226
нумизматика Б.	175, 176
провинции Б.	246, 247
дороги Б.	302–304
Баллана, Нубия	454
Балтийский регион	191, 193
Бальбора, Ликия	434
бани	382–383, 386–387, 506–507
баптистерии	362
Баптистерий Православных, Равенна	343
Бари	274, 278

Баумштарк, А.	640
Баязид Йылдырым	297, 298
безмен	56
Бейлис-Барбалиссо (Эски Мескене)	345
Бейрут	201, 822, 852
Бейрутская школа права	822
Бека, долина	230
Белая башня, см. Фессалоника	
Белградский лес	219
Белл, Гертруда	59, 512
Беллинджер, Альфред	167
белоглиняная посуда	436–437
типы	436–437
формы	437
Белый монастырь, Египет	350
Бельтинг, Х.	22
Бенакис, Антонис	166
Бендалл, С.	51, 166
Бенедиктинцы	112
Бенья Кьяма (Ben'ay Quama) (дети Завета)	645
Беотия	64, 155, 319, 434
Бери де, герцог	165
Берит, см. Бейрут	
Бертеле, Т.	166
Берти Алессандро Помпео	166
Бет-Шиан, Израиль	53, 504
библиотека в Кесарии	852
библиотеки	475–476
библиотеки, каталоги, их малочисленность	855
монастырские	854
частные	853–854
при Юстиниане	852–853
Библия	44, 97, 99, 103, 831, 852, 870, 872, 886, 907, 911, 988
билингвизм (двуязычие)	810, 811
Бинбиркилис, Ликаония	59, 63, 346, 348
Бинтлифф, Дж.	64
Бирмингем	14
Весенний симпозиум в Б.	73
Бирмингемский университет	166–167
Битлис, перевал	227, 229
Благовещенье	78, 160, 529, 759, 760
благотворительные учреждения	654–655
государственная поддержка	658–659
частная поддержка	659
при Юстиниане	658

Блан, Франсуа ле	165
Блисс, мистер и миссис Роберт	14
Боббио, ампулы	776, 779
Бог в византийской теологии	734–735
Богацкёй	63
богомилы	280, 889
Богородица	614, 736, 737, 784, 928
Богородица Паммакарита; см. Константинополь, монастыри	
Богородица; см. также Феотокос	158, 260
богословие человеческого обожения	739
богословская литература, полемическая	887–888
богословская литература, характер	885–886
богословские проповеди (гомилии)	909
Богослужбное Песенное Последование	636
Богослужение монастыря Св. Саввы	950–951
Бодмера папирусы	127
Бодрум Ками (Мирелион)	218, 347, 365, 372, 514
Бозбурун, корабль из Б.	492
Болгария	60, 61, 63, 190, 207, 270, 272, 276, 289, 291, 299, 304, 318, 345, 366, 269, 413, 437, 453, 552, 588, 598, 609, 625, 969, 979, 980, 983, 988, 989
архитектура	366, 369
музеи	61
Болгарская Церковь	271
Болгарское царство	61, 288, 292, 293, 304
болгары	270, 286, 289, 295, 303, 320, 552, 588, 706, 974, 988
Болланд, Жан	900
болландисты	900, 901
Больница Св. Варфоломея, Лондон	661
больницы	382, 649, 654, 657, 720
сущность	659–660
Большой императорский дворец; см. Константинополь, дворцы	
Бонифаций VIII	165
Бонифаций Монферратский	288
Боннский корпус	23
Бонфис, Иммануил, <i>Шестокрыл</i>	841
<i>Бордосский Итинерарий (Itinerarium Burdigalense)</i>	302, 308
Босра	348
Боссюз, «История изменений протестантских церквей»	889

Бостра	449
Босфор	201, 209, 231, 239, 265, 489, 707
ботаника, изучение и применение	846–847
бочки	439, 500
Бозмунд	280, 627
Бозций, в переводе на греческий	748
Брак в Кане Галилейской	705
брак, законы о	685–688
братства	565
Браун П.	25
Бриндизи	225, 278, 302
Бристед, Генри	230, 231
Британия	44, 166, 245, 434, 450, 452, 454
Британская Археологическая школа в Афинах	19, 60
Британский музей	51, 53, 54, 55, 57, 59, 167, 463, 777, 793, 798
бронзовые двери	453
брумалии	542
Бруса	293
Брюссель	132, 166, 900
Будапешт, Венгерский Национальный музей	759
буддизм	780
булгары	232, 262, 263, 265, 266, 658, 810, 969, 973, 976, 978
бумага в книгах	469–470
Бургундио из Пизы	121
Буридан, Жан	165
Бурса, Вифиния	455
Бухарест	13, 166
Бушталъ, Г.	21
Бэйнс, Н.	987
Бэст, Ф. Дж., <i>Commentatio Palaeographica</i>	113
Бюри, Дж. Б.	14, 987, 989
Вавилон	42
Вавилонский Великий Год	42
Вади Амран	449
Вазари, Джорджо.	21, 396
Вакхос Герон, о музыкальной нотации	948
Валахия	369
Валент	243, 244, 270, 658, 986
Валентиниан I	243
Валентиниан II	245
Валентиниан III	247
Вальсамон, Феодор	621, 622, 627, 639, 726, 727, 952

Ван, озеро	229
вандалов, флот	247
вандалы	167, 247, 257, 494, 975
варанги	484, 574, 585
Варда Склир	274
Варда Фока	274
Варда, кесарь	696, 823
Вардан Турок	597
Вард-Перкинс Дж. Б.	19, 351
Варлаам и Иосаф, роман о В. и И., иллюстрации	81
Варлаам из Семинары, Калаврия и философия <i>Логистика</i>	750, 840, 842 748 837
Варсануфий	890
Василаки, Никифор <i>Vagoas</i>	90 863
Василий Кесарийский, св., также известен как Василий Великий	634, 647, 650, 656, 657, 658, 660, 735, 739, 766, 769, 791, 818, 844, 866, 890, 892, 894, 906, 909, 918
письма	918
литургия В. В.	634
Устав В. В.: пространный и краткий	890
монашеские правила В. В.	563
<i>К юношеству о том, как извлекать пользу из греческой литературы</i>	818
Житие В. В.	894
Василий Новый, св., Житие	898
Василий паракимомен, сын Романа II; также известен как Василий Лакапин, Василий Ноф	273, 463, 494, 536, 699, 940
Василий Селевкийский	906
Василий I Македонянин	37, 212, 214, 216, 217, 271–272, 273, 279, 304, 309, 364, 386, 539, 625, 695, 696, 697, 698, 699, 724, 874, 979
Василий II Болгаробойца	273, 274, 276, 277, 284, 318, 536, 550, 551, 552, 589, 596, 598, 609, 697, 874, 983
Василий, судья Пелопоннеса и Эллады	161
<i>Василики</i> и схолии	38, 272, 724, 729, 731 725–726
Василиск, узурпатор	248
Васпуракан	276, 981
Ватац; см. Иоанн III Дука Ватац	
Ватикан	12
Ватиканский кодекс	114, 115, 852
Ватопед, г. Афон	472, 855
Вашингтон	13, 14, 167, 770

Вебб Р.	756
Вегеций	490
Вейцман К.	20, 21, 70, 71, 72, 80, 83, 797, 804
Велбужд, битва при	974
Великая Моравия	626
Великая церковь; см. Константинополь, храмы	
великий логофет	391, 877, 878
Велико Тырново	61
Велисарий	257, 258, 494, 694
<i>Велисарий, Песнь В.</i>	934
Вена	12, 14, 166
Вена, школа истории искусств	21
Венгерские равнины	226, 229, 232
венгерский язык	990
Венгрия	281, 307, 369, 464
Венгрия, Св. Корона В.	464
венгры	974, 975, 979
Венецианские торговцы	429, 430, 431, 667, 668, 670
Венецианский дворец (Палаццо Венеция), шкатулка из слоновой кости	460, 461
Венецианский Крит	148, 958
Венецианский Крит и иконы	797, 798
венецианцы	149, 282, 286, 291, 292, 297, 298, 299, 329, 589, 670, 671
Венеция	13, 71, 148, 149, 210, 213, 217, 220, 291, 294, 298, 363, 398, 431, 453, 463, 464, 475, 503, 555, 588, 590, 704, 777, 795, 805, 919, 974, 978
Венеция, дукат	174
Венеция, собор Сан-Марко	19, 71, 149, 210, 213, 217, 363, 463, 464, 475, 776, 795
мозаики	71
Прокураторы	149
икона Никопия	776
Государственные архивы	148
см. бронзовые двери	
Венеция, чеканка монет	174
Венский Генесий	20
Венский Диоскорид (Vienna Dioskorides)	115, 846
вера, роль в мире византийской мысли	983
Вергилий	989
Верина	215, 216, 680
Верия, храм Воскресения	798
вернакулярные (просторечные) греческий язык и литература	927

вернакулярные (просторечные, разговорные) тексты и текстуальный критицизм	100–101, 102
Вероли шкатулка	461
Вероники Св., плат	777
Вероя	310
веса, византийские	50–57
Веспасиан	237
вестготы	257, 258
Веттий Валент	844
Ветхий Завет	72, 263, 385, 562, 885, 988
Ветхий и Новый Завет	80, 349, 620, 896, 928
Вигилий, Папа	258, 616
Византий при Септимии Севере	209
Византий, <i>см.</i> Константинополь	
Византийская империя в мировой истории	986
Византийская история архитектуры, подходы	20
Византийская история, неписанные источники	36
Византийская история, первоисточники	32–39
Византийская краснолаковая посуда	433
Византийская эра	42, 44, 45, 46
Византийские анонимы; <i>см.</i> Сириан Магистр	
Византийские исследования	
подходы к	18–19
В. и. в Австралии	15
В. и. в Австрии	15
В. и. в Британии	15, 18
В. и. во Франции	13, 18
В. и. в Германии	14, 18
В. и. в Греции	17
В. и. в России	14, 18, 19
конгрессы	13
современное состояние В. и.	15–16
дискуссии текущего периода	23, 24
международный характер В. и.	26
методология	33
многодисциплинарный характер В. и	32
причины интереса к В. и.	15–16
подразделы В. и.	24
теоретические подходы	24
Византийские монеты	167
Византийские рукописи	
собрания (коллекции)	13
изучение	20
Византийский вопрос	21
<i>Византийский временник</i> (журнал)	14, 143

Византийский институт, Стамбул	21
Византийский обряд	
определение	630
распространение	638–639
Византийско-арабские отношения	978
Византийское искусство	
подходы	18–19
коллекции	13–14
выставки	12
истоки	19–20
Византийское сообщество	26, 988
Византия, <i>passim</i>	
феодалное государство	26
академические центры изучения В.	12–13
сохранение греческого классического наследия	989
сохранение греческого языка	989–990
как тоталитарная идеология	987
отношение Православной Церкви	15, 16
отношение современных ученых к В.	24–25
определения В.	11–12
обобщающие пособия по истории В.	24
правительство	11
наследница Христианской Римской империи	982
литературная культура	11
современное отношение к В.	12
взгляды западных историков на В.	987
Византия, мировоззрение (взгляды на мироустройство)	983–984
Визе (Кыркларели)	219, 309
викингов государство	980
викингов, поселения	195
Виккоф Ф.	20
Виктория (Победа)	168
Викхем С.	25
Виндиан Анатолий	847
вино, изготовление	704–705
Виссарион, кардинал	112, 299, 748, 749, 855
Виталиан	249
Витби, Синод в	44
Витигис	257
Вифиния	65, 293, 294, 307, 364, 382, 455, 611, 634, 657
Вифлеем	361, 646
церковь Рождества Христова	774
Владимир (город)	367
Владимир, князь киевский	271

Владимирский собор, Киев	369
Властаре, Алфавитная синтагма	727
Влахерны, Дворец, см. Константинополь, дворцы	
Влахерны, церковь Пречистой Девы Марии, см. Константинополь, храмы	
влахи (валахи)	146, 702, 703, 974
Влеммид, философ	748
о логике	751
<i>Влеммиомахия</i>	128
внешняя политика	978–979, 981–982
Водокий монастырь	386
водоснабжение	496, 505
военная дорога (via militaris)	225, 301, 304
военная литература, наука о	938–940
военно-морской флот	293, 574, 584
важность	975–976
фазы	589–590
источники о	494
<i>Военные действия на море Василия паракимомена</i>	494
военные регионы	584
военные трактаты, жанры	938–939
военные трактаты, язык	940
Возрождение, итальянское	749
Возрождение, см. Ренессанс	
воинское снаряжение, иностранное влияние на	483–484
воинское снаряжение, транспортировка	307
Волга, река	262–263
Волжская Булгария	977
воллшмелц (техника изготовления эмалей)	463
Вольф И.	16
Вольффлин Х.	21
Воплощение	42, 44, 614, 632–633, 736, 737, 741, 760, 766, 789, 911, 928, 986
Воронет, Молдавия	369
Воскресение (Христово)	44, 46, 160, 219, 347, 776, 798, 885, 889, 891, 911
Воскресение Христово (Анастасис)	44, 160, 219, 347, 638, 776, 889, 891, 911
Воскрешение Лазаря	459–460
восприимчивость в Крещении	684, 685, 686, 689–690
Востица	705
Восток, провинция / диоцез	568, 604, 605
Восточное Православие (монофиситы)	738

Врие, дворец	270
Вриенний, Мануил, «Гармонии»	842
о музыке	958
всемирная сеть (интернет, World Wide Web)	168
Второе Пришествие	986
Второй иконоборский период	785, 786
Второй период софистики	859, 911
Вукашин, король Сербии	455
Вукеллариев, фема	574
<i>Вукеллари</i> (<i>bucellarii</i>), военизированная охрана	694
Вукелеон; см. Константинополь, дворцы	
Вуллотис	688
выставки	12
высшее образование	818–819
вычисления даты празднования Пасхи	44
вьючные животные	306–307
Гавра, Михаил, письма	918
Гавриил Ксанфопул, о музыке	959
Гавриил, сын Лампедена	688
Гагик II	45
Газ, Мануил, композитор	958
Газа	240
церковь Св. Сергия	348
<i>гази</i> , воины	293
Гай	237
<i>Институции</i> (<i>Institutes</i>)	723
Гайна	245, 246
Галата	671, 703
Галатия	334, 604, 702
Гален	702, 721
Галерий	237, 239, 380
галеры	491, 494, 495, 496, 497
Галл	242
Галла Плацидия, мавзолей в Равенне	343, 362
Галлиполи	296, 588
Галлия	242, 257, 568, 603, 871
галлы	568
Гамбург	13, 192
Гангры, Собор; см. Соборы г. Гана, монастыри	618
Ганос, Фракия	438
Гаральд Гардрада	585
Гардхаузен В. и «Греческая палеография	113
Гаризим, гора церковь Богородицы	363
Гарлэнд Л., <i>Византийские императрицы</i>	674

гармония (муз. теория)	948
в составе кватривиума	842
Гарольд Годвинсон	585
Гарун ар-Рашид	266, 978
гасмулы	587
Гауденций, о музыкальной нотации	948
Гегесипп	889
Гейдельберг	133
Гексамиллион	388
Геласий, историк	872
Гелвери	506
Гелдоф Б.	42
Гелладий	112
Геллеспонт	151
Гемин	836
гендер	674
Генесий, историк	489, 874
Геннадий II Схоларий комментарии к Аристотелю	47, 299, 748, 749 749
генуэзцы	47, 286, 291, 297, 299, 320, 670, 671, 879, 974
чеканка монет	173
купцы	429, 430, 431, 668
Генуя	220, 291, 294, 295, 298, 555, 588, 704, 974
география Византии, стратегическая	232–233
география, религиозная и научная	843–844
Геометр, Иоанн и эпиграммы	860, 862, 916 930
геометрия	838
<i>Геопоника</i>	403, 404, 500, 847
Георг III и члены Британского парламента	182, 183
Георгий Каллиерг, художник	798
Георгий Мон	860
Георгий Монах	988
Георгий Никомидийский	905
Георгий Писида	928, 929, 930, 931
Георгий <i>прагматевт</i> (<i>pragmateutes</i>)	158
Георгий Трапезундский, <i>Введение к Альмагесту</i>	838
Георгий, епископ Александрии	657
Георгий, иеромонах	44
Гераки	65
Гераклея	306
Гераса	464, 504
Геркуланум	190, 195, 395

Герман I, Патриарх <i>Церковная история</i>	632, 633, 785, 866, 892, 905, 956 390
Германикея	980
Германия	13, 19, 281, 461, 987
Германос из Косиницы	404
германские королевства-преемники	26
германские племена	973
германцев полевые войска	254
Гермоген из Тарса <i>Об идеях, О стасиях</i> комментарии к	859, 860, 861 859 859–860
Гермос (Гедиз), река	227
Геродот	869, 879
Герон Александрийский; <i>см. также</i> Герон	838, 844 836, 837
Герон Византийский	484, 943
герульское оружие	481
Гесиод	490, 820
Гефестион Фиванский	844
Гефестион; <i>см.</i> Афины	
Гиббон, Эдвард	16, 19, 44, 654, 674, 988
гигиена, византийское отношение к	719
Гигиея	459
Гимет, <i>см.</i> Балканская гряда, горы	
гимнасии, исчезновение	711
гимны, жанры	951
Гиппократ	471, 720
гири (разновесы), стекло	505
Гирок К.	144
Гирц К.	73
Гиспеллум, Италия	710
<i>гистаменон (histamenon)</i> , золотая монета	169
Глава, Исидор	842
Глава, Михаил Тарханиот	219
Глика, Иоанн, композитор	957
Глика, Михаил хроники <i>Стихотворения, написанные в тюрьме</i>	932 876 814
Глика, Михаил, Патриарх	845
Голгофа	347
Голландия	54
Гомер комментарии к <i>Илиада</i>	106 820
гомилии, приуроченные к	908

гомилии, см. богословские проповеди (гомилии)	
гомитика	
развитие г.	906–907
сборники г.	910
истоки	905
разновидности	904–905, 907–908
гомилия (проповедь)	886
Гонорий	55, 245, 247
Гонорий I, Папа	350, 616
Гонорий III, Папа	286
Горгония, Житие	894, 897
Гормисда, дворец; см. Константинополь	
Гормисда, Папа	624
города	37
города, археология г.	64–65
города, упадок	327–328
администрация в эпоху Палеологов	330
под влиянием культурных изменений	325–326
экономическая активность	328
укрепления	327
италийские колонии	329
г.-крепость (<i>кастрон</i> , <i>kastron</i>)	327, 384
административные центры провинций	329
изменения в управлении	324–325
изменения архитектурного внешнего вида	325
христианизация г.	323–324
городская планировка	383–385
городские стены; см. Константинополь, Фессалоника	
городская экономика, возрождение	667
городской урбанистический ландшафт	326
госпитальеры и <i>Commanderia</i> (вино)	704
гостиницы	649
государства крестоносцев	280, 281
Готвили, короли	806
Готланд, Швеция	453
готские ботинки	481
готские вооруженные силы	254
готский язык	126, 468
готы	107, 152, 232, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 254, 257, 258, 484, 602, 706, 792, 810, 870, 975
готы как геты	870
Грабар А., вклад в историю искусства	71
гражданские войны	
влияние на армию	588
в XIV в.	295

гражданские служащие, увеличение количества	551
Граканика, Сербия	369
грамотность	33, 34, 35
Грациан	243, 244, 245
Грега-Бауэрса теория копирования текста (копи-текст)	103
Грегуар А.	153
грейтунги	243
греки	489
греко-испанский словарь	107
греко-латинский конфликт Церквей	277
греко-римская романтика	460
греко-римское искусство	20
Греция	12, 15, 17, 19, 21, 48, 58, 60, 61, 63, 64, 107, 144, 154, 164, 190, 193, 195, 207, 266, 269, 271, 286, 291, 296, 302, 303, 317, 320, 329, 342, 343, 345, 365, 366, 367, 420, 431, 433, 434, 449, 450, 491, 501, 632, 638, 639, 660, 666, 667, 670, 702, 710, 718, 798, 811, 813, 841, 813, 841, 859, 915, 927, 968, 975, 988, 990
<i>Греческая антология (см. также Антология Палатина, Палатинская антология), греческие тексты на CD-Rom</i>	23, 152, 154, 390, 490, 504, 930
греческий огонь	486, 505
греческий язык	11, 12, 15, 16, 31, 97, 99, 126, 468, 809–816, 840, 933, 940, 988, 990
грекоговорящие территории	811–812
как элемент византийской идентичности	813
аттический	880
конвенции о	812
преобладающий язык, язык большинства	809, 811
сведения о разговорном языке	815
сохраненный Византией	989–990
переводы латинских авторов на	748
использование в законодательстве	724, 729
просторечный письменный	814–816
Григора, Никифор	748, 750, 840, 842
историк	878–879
письма	919
Григорианская реформа	623
Григорианские невмы	953
Григорианский календарь	43
Григорианское пение	954, 961
Григорий XIII	43
Григорий Кипрский	121

Григорий Коринфский <i>De Dialectis</i>	861 113
Григорий Назианзин (Богослов)	118, 515, 563, 647, 649, 657, 735, 751, 818, 821, 866, 891, 894, 897, 906, 908, 909
проповеди (гомилии) о написании писем	20, 492 916, 917
Григорий Нисский	735, 749, 844, 894, 897, 906
Григорий Парда	865
Григорий Турский	603
Григорий X, Папа	627
Грирсон, Филипп	166, 167
Гроб Господень	761
Гроттаферрата	118
аббатство Г., написание канонов	928
Грузинский тропологий	952
грузинский язык	31, 144, 468, 637
Грузия	176, 276, 343, 364, 398, 453, 464, 637, 805, 977
Гуго Ломбардский	465
Гуго Прованский	596
Гудакр, Хью (Goodacre, Hugh)	166
Гумберт де Сильва Кандида, кардинал	626
Гунзенин Н.	67
гуннов вооружение	481, 483
гунны	226, 232, 243, 247, 259, 481, 483, 810, 941, 969, 972, 975, 987
гунны как скифы	870
Давид	759, 761
Псалмы Д.	821
сцены на шкатулке	460
Давид (философ)	747
Давид, Симеон и Георгий, Житие	898
Далмация	195, 281, 369, 450
Далтон, О. М.	59
Дамаск	227, 230, 398, 449
Дамаский	747
Даниелис	386, 695, 696
Даниил во рву со львами	460
Даниил и четыре Царства	986
Данишмендиды (династия)	973
Дара	407
Дарданеллы	381
датирование по годовым кольцам древесины	189
Двенадцать Пиров	462

дворец и придворные	535
дворцы	380
Деисус	215, 219, 462, 767, 794
Декаполь	304
Дексипп, историк	869
Дельта (Нил)	125, 130
Дельфы, Змеиная колонна; см. Константинополь, Ипподром	
демография и Византийская империя	315
Демокрит, Псевдо-, алхимик	846
Демосфен	119, 821
Демус О.	21, 71, 81, 400, 801, 803
дендрохронология	45, 364
и Византия	193–194
и Европа	195
и Эгеида	195, 196
и Ближний Восток	195, 196
и метод «сличения смещений»	196
определение	189
техники	191–193
денежная реформа	669
деревенская экономика	335
деревня	
после VII в.	337
и сельскохозяйственное производство	335–336
и депопуляция	337
и возрождение сельской экономики	338
археология д.	62–64
как объект налогообложения	334–335
изменчивая динамика д.	337–338
опустошение д.	319
экономика д.	666
функции д.	334
Деринкую	506
Деяния Св. Павла и Феклы» (<i>Acta Pauli et Thecla</i>)	895
Джар, порт Медины	968
Джеймс Л.	756
Джеймстаун, колония	195
Дженкинс Р.	916
Джераш	348
Джераш, церковь Св. Иоанна	348
джихад	978, 979, 980, 984
Джурич Дж. (Djurić, J.)	21
Диадокх из Фотики	740, 891
диакониссы, обязанности	561

диаконы, обязанности	561
диалект, понтийский	110
диаستمатическая нотация	954, 957
Дивная гора, Антиохия	896
<i>Дигенис Акрит</i>	93, 385, 813, 814, 933
<i>Дигесты</i>	115, 203, 258, 723, 725
дидактическая поэзия	931
<i>Дидаскалия (Didascalia)</i>	561, 655
Дидим Слепец	128
Дидимотика	297
Дидрон А. Н. <i>Руководство по христианской иконографии</i> (Didron, A. N. and Manuel d'iconographie chretienne)	19
Диль Ш. <i>Византийские портреты</i>	60 674
Димитрий, <i>Peri Hermeneias</i>	915–916
Динарское нагорье	224
Диодор Сицилийский	856
Диоклетиан Эдикт цен гонения	42, 133, 191, 237, 239, 485, 710, 873 458, 468, 501 872
Диомеда, монастырь	695
Дион Хрисостом	90
Дионисий Ареопагит	733, 741, 891
Дионисий из Телль-Махры	873
Дионисий Фракийский <i>Грамматика</i>	821
Дионисий Фурна	19, 390
Дионисий Эксиг	44, 620
Дионисий, астролог	845
Дионисий, префект претория	151
Диориос, Кипр	435
Диоскор Афродитский	128, 129, 130
Диоскор, Патриарх Александрийский	246, 614
Диоскорид	503
Диоскорид, <i>Материя Медика (De Materia Medica)</i>	471, 846
Диофант	836, 837
диоцезы, церковные	605
дипломатия	976–977
диптихи из слоновой кости	459
Диррахий	225, 302, 304, 383
Дишны документы	853
Додекаортон	794
Доземе	310, 311, 312

Доксапатр, Иоанн	861
Доксомпус, Македония	336
документы, имперские, типы д.	137, 140–142
дома	
многоэтажные д.	383–384
типы д.	381, 385
домашняя церковь (<i>domus ecclesiae</i>)	360
Дон, река	270
Дор, кораблекрушение	455
Дорилей (Эскисехир)	304
дороги	
управление	308–309
археология	310–311
византийские названия	309–310
средства передвижения по	306–307
цели использования	306
римские д.	301
пользователи д.	307–308
Дорофей Газский	890
Дорофей Сидонский	844
Дорофей, иллюстрий	158
Дохиар, монастырь, г. Афон	143
доход, источник д. государства	592, 598
доходы, исчисление	595–596
Дравы, регион	259
Драгоманов перевал	226
драматические представления в Византии	713–714
древесина, применение в строительстве	349–350
дромоны, структура и развитие	494–495
Дубровник	195
Дука, Иоанн	306
Дука, историк	879, 880
Дука, семейство	272, 278
см. также Дуки	549
Думбартон Оукс (Dumbarton Oaks)	14, 21, 166, 167, 168, 391, 461, 717, 770
Дунай	31, 193, 224, 226, 232, 242, 243, 259, 260, 262, 276, 278, 302, 382, 479, 583, 589, 596, 632, 969, 972, 979, 982
Дуная побережье	491
Дура Европос	20, 348, 360, 381, 412
Дуррас (Албания)	344
Дэн А.	939
Дюканж (Du Cange)	13, 165
и <i>Глоссарий</i>	106
Дюканж, Шарль	165

Евагрий Понтийский, о молитве и человеческой психологии	739, 740
<i>О молитве</i>	891
Евангелие Россано	706
Евангелия, иллюстрации	81–82
Евангельские лекционарии	769
Евгениан, Никита	863, 932
Евгений IV, Папа	628
Евгений, узурпатор	245
Евгеник, Иоанн	756
Евдоксия	680
Евдомон, пригород Константинополя	248
Евергетидский типикон	637
Евклид	117, 821, 836, 837, 838
<i>Начала</i> Е.	839
о гармониях	948
Евнапий, историк	870
евнухи	16, 146, 536, 544, 551, 572, 680, 952
евразийские степи	32, 226
Евразия	479, 968, 972
евреи (иудеи)	787, 810, 811, 836, 838
и производство шелка	428
евреи-караимы	47
еврейские астрономические таблицы	838
Еврейские таблицы	841
Еврипид, <i>Гекуба, Орест, Финикиянки</i>	820
Европа	166, 176, 975, 977, 979, 982, 987, 990
Евсевий Кесарийский	44, 214, 241, 705, 749, 852, 871, 872
библиотека Е. К.	853
арианские наклонности Е. К.	872
армянский перевод	871
<i>Церковная хроника</i>	871
<i>Доказательство Апостольского учения</i>	885
<i>Житиное Константина Великого</i>	863
Евстафий Ромей	38, 687, 688
Евстафий Севастийский	563, 647, 657
Евстафий Фессалоникский	106, 121, 501, 854, 864
о падении Фессалоники	880
письма	918
Евстолия, дом	383
Евстратий Никейский	748, 750
евтихиане	888
Евтихий Константинопольский	255, 614, 615, 648, 737
Евтропий, <i>praepositus sacri cubiculi</i>	245
Евтропий, историк	871
Евтропия (порт)	342

Евфимий Великий (Сириец), Житие	896
Евфимий Сардийский, Житие	898
Евфимий, Патриарх, Житие	894
Евфрат	230, 231, 276, 306, 385, 408, 505
Евхаристия как символ Христа	633
Египет	31, 56, 60, 108, 116, 126, 130, 131, 133, 219, 223, 230, 231, 233, 239, 243, 246, 254, 255, 257, 259, 261, 277, 281, 292, 317, 325, 334, 346, 347, 350, 364, 378, 395, 409, 413, 417, 425, 431, 449, 454, 470, 562, 563, 595, 604, 606, 615, 617, 627, 643, 644, 645, 657, 658, 663, 664, 738, 740, 792, 811, 815, 837, 889, 895, 896, 898, 968, 975, 976, 980
Египетская агиография	896
Египетская пустыня	895
Египетские отшельники святые	895
Египтологический Фонд королевы Елизаветы (Fondation Egyptologique Reine Elisabeth)	132
Египтяне	648, 810, 811, 899
<i>Единородный Сыне... (Ho Monogenes)</i> (гимн)	631
Екатерина Куртене	293
Елена Серрская	797
Елена, жена Романа I	544
Елена, мать Константина	774
Елеуса-Севастия	343
Елисей (Элевсий), епископ Кизика	657
епархии, финансирование е.	603–604, 610–611
<i>Епископион (episkopeion)</i> (резиденция епископа)	380
епископская организация церковного управления	609–610
епископы,	
и благотворительность	656–657
продвижение по службе	608–609
обязанности	559–560
иерархия	558
собрания	604
количество е.	608
степени достоинства е.	559
взаимоотношения с монастырями	611
роль в церковной администрации	601
роль в городах	380
светские и церковные обязанности	602–603
свита е.	603
Епифаний Саламинский, <i>Панарион (Ящичек лекарств)</i>	656, 889
Епифаний, Псевдо-	608

Епифаний, <i>стратилат</i>	158
ереси, влияние и последствия	986–987
Ермополь	130
Ефрем (Сирин) из Амиды	603, 891
жанры, концепции	90
Железные Ворота (р. Дунай)	224
железные рудники	449–450
железо, применение	456
женщины	
отношение к ж. в источниках	674–675, 680
отношения византийцев к ж.	675
идеология женского поведения	677–678
политическая власть ж.	678–679
ролевые модели /женск./	675–676
женщины в повседневной жизни, роль	676
Жены-мироносицы у Гроба Господня (слоновая кость)	459
жертвоприношение или дар по обету	778–779
<i>Жизнеописание Василия (Vita Basilii)</i>	801
жилищные условия в Византии и Османской империи	65
<i>Житие императрицы Феодоры</i>	864
<i>Житие Св. Стефана Нового</i>	786
житийные иконы	796
<i>Жития (vitae)</i> (типы)	894
<i>Жития палестинских монахов</i>	644
житницы, амбары	381
Жобер, Луи	165, 166
и <i>Наука о медалях (La science des medailles)</i>	166
заблуждения латинян (католиков) (богосл.)	888
Закавказье	223, 229, 233
Закавказье, география З.	229
законодательство	
имперское	37
X в.	273–274
законодательство, кодификация	724
законодательство, светское	724
Зант	672
затмение	45
Захария Митиленский, монофисит, историк	873
захоронение и городское пространство	327
захоронение, традиции з.	362
здания, их отделка	390
светские после IX в.	383–384
светские, типы	379–380

Зебиб, бухта, Тунис	705
Зевксипова керамика	442–443
Зевксиповы бани; <i>см.</i> Константинополь	
Зейрек Ками; <i>см.</i> Константинополь, монастыри, Пантократор (Вседержитель)	
Зеленые, факция (цирковая партия)	152
земельный налог	593
<i>Земледельческий закон</i>	337, 407
Зеновия (Халеби), преторий	347
Зигабен, Ефимий	886
<i>Догматический панолий</i>	889
<i>зигостат</i> (весовщик)	52
зилоты	295, 555
Зимарх, эпарх	52
Зинон	247, 248, 254, 255, 257, 363, 602, 615, 624, 872, 986
Златоуст (Хрисостосм), Иоанн	90, 215, 564, 657, 658, 659, 711, 766, 769, 886, 887, 906, 910
и кафедральная псалмодия	950
проповеди	504, 886
письма	917
Литургия И. З.	634
об аномеях	908
о иудео-христианах	908
<i>О статуях</i>	908
Знаменный распев	954
Золотая Орда	291, 292
золото, использование	451
Зонара, Иоанн, хронист	385, 876, 877, 952
комментарий на <i>номоканон</i>	727
Зонара, Псевдо-	106
зоология	847
Зорах, церковь Св. Георгия	348
Зосим, историк	869, 870
Зосима Аскалонский	860
Зосима, алхимик	846
Зосимы, братья	166
Зотик	655
Зоя и Феодора, императрицы	277
Зоя, императрица	277, 398, 681, 844, 865
Зоя, мать Константина VII	272
зрелища в театрах	711–712
Зуретти, аноним	846
Иаков бен Давид Йом-Тоб,	841
<i>Циклы</i>	
Иаков Варадей	255

Иаков Нисибийский	602–603
Иаков Серухский	891
ибн аль-А'лам	839
ибн аль-Мутанни	839
ибн Эзра	838
Ива, епископ Эдессы	258, 604, 616
Иван Асень II	173
Ивирия (Грузия)	276
Ивиرون, г. Афон	143, 146
Игнатий, диакон (из Никеи)	898, 918
Игнатий, Патриарх	625
Идаций, хроники	871
Йеникапы, Стамбул	194
Иериссо	334
Иерия	342
Иерия, Собор; см. <i>соборы</i>	
Иероним (Св.)	989
перевод Евсевия	871
Иерофил Софист	703
Иерусалим	45, 230, 302, 346, 348, 350, 361, 369, 398, 456, 558, 605, 616, 630, 632, 635, 761, 852, 898, 949, 950, 951
Эдикула	775, 776
Ротонда Воскресения	347
базилика Воскресения	638
Купол Скалы	348, 350
Золотые Ворота	347
Гроб Господень	638, 775, 780, 951
король И.	281
И. королевство	22
И. патриархат	630, 604, 639
Иерусалимский Тропологий	951
известь	341–342
издательские методы обработки текстов	102
изразцы поливные	354
Израиль	53, 60, 885
Иисус Христос	46, 459, 613, 614, 615, 623, 624, 736, 741, 757, 775, 784, 885
Иисус, исцеляющий слепого	459
Иисусова молитва	741
икона, определение и.	791–792
Иконий (Кония)	64, 304, 307
Иконийский султанат	288, 292
иконоборский спор	736, 888

иконоборство	21, 36, 65, 80, 81, 82, 159, 160, 169, 263, 265, 266, 269, 270, 365, 396, 460, 463, 550, 565, 616, 624, 631, 632, 633, 634, 635, 678, 680, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 793, 794, 839, 888, 898, 909, 955
и архитектура	364–365
и теория изображений	80
причины	787–788
определения	784
влияние	788–789
иконоборцы (иконокласты)	549, 775, 788, 794
иконографический анализ, критика	78–79
иконография	78–83
христианская	79–81
имперская	82
интерпретации	78
языческих богов	82–83
святых	82
иконология	78
Икономидес Н.	161, 175, 426, 829, 830
икономия (oikonomia)	734, 735
иконописцы	797
иконопись, яичная темпера	793
иконопочитатели (иконодулы)	549
иконофилы (иконопочитатели)	794
иконы	22, 192, 793–794
и литургия	768–770
житийные иконы	796
как цель паломничества	776
двуязычные греко-арабские	803
образ Богородицы Влахернатиссы	776
собрания и.	794
диптих из Куэнки	796
образ Богородицы Одигитрии	217, 462, 776, 777, 792
в церковном обряде	793, 794
образ Богородицы Никопеи	776
образ Богородицы из Поганово	797
восстановление почитания	271
размер, материалы, ризы	795–796
и. Св. Петра из монастыря Хоры	798
Торжество Православия	777
образ Богородицы Аракиотиссы	798
образ Богородицы Донской	798
образ Богородицы Владимирской	776
Икшидидский Египет	980
<i>Илиада</i>	112, 385, 820
<i>Илиада Амвросианская, рукопись</i>	491, 494

Илия (пророк)	777, 778
Илия (философ)	747, 751
иллирийцы	810
Иллирик	568, 871
иллюстрации к манускриптам	80, 81
Ильханиды	291, 292
<i>Имверий и Маргарона</i>	832
Имврос, остров	879
императрицы, власть	678–681
империя, Византийская, территориальный охват	318–319
имперские документы; см. документы, имперские	
Имрахор Ками; см. Константинополь, монастыри, монастырь Св. Иоанна Студита	
индийская астрология	845
индийские раги	955
индийские цифры	837, 838
индикты	44
Индия	46, 413, 450, 456, 847, 977
индуизм	780
Иннокентий III	627
Институт Барбера, Бирмингем	166
<i>Институции (Institutes)</i>	723–724, 723, 724, 725, 725
инструменты	503–504
информация, сбор	976–977
Иоанн I Цимисхий	145, 273, 274, 276, 536
Иоанн I, епископ Фессалоникский	898
Иоанн II Асень	173, 288
Иоанн II Комнин	218, 219, 279, 280, 281, 386, 659, 660, 876
Иоанн III Дука Ватац	288, 289, 430
Иоанн IV Ласкарис	289
Иоанн V Палеолог	174, 295, 297, 298
Иоанн VI Кантакузин	174, 293, 295, 296, 388, 555, 699, 864, 865
историк	879
Иоанн VII Палеолог	297, 298
Иоанн VIII Палеолог	218, 298, 628
Иоанн VIII, Папа	626
Иоанн Аксух	280
Иоанн Антиохийский, хронист	872
Иоанн Грамматик	786
Иоанн Дамаскин	494, 735, 736, 740, 746, 747, 751, 768, 785, 789, 839, 845, 866, 887, 888, 889, 891, 892, 905, 910, 928, 951

<i>О Православной вере (De Fide Orthodoxa)</i>	839, 887, 891
<i>Диалектика (Dialectica)</i>	746
в защиту иконопочитания	910
<i>О ересьях (On Heresies)</i>	889, 891
сочинитель канонов	928
Иоанн Дука	687
Иоанн Епифанийский, историк	870
Иоанн Итал	748
Иоанн Климак (Лествичник) (Синайский) <i>Лествица, возводящая на Небо</i>	81, 891
Иоанн Комнин (не император)	219
Иоанн Лид	451, 845
Иоанн Мавропод	154
Иоанн Милостивый	604
Житие	450, 602
Иоанн Сардийский	860
Иоанн Скифопольский	747
Иоанн Углеш	296, 297
Иоанн Филопон	503, 747, 751
Иоанн, Второй Старец	890
Иоанн, митрополит Серр	160
Иоанн, Патриарх Антиохии	737
Иоанн, узурпатор	247
Иоанникий, переписчик	121
Иоаннина, см. Янина	
Иоасаф, переписчик из монастыря Одегон	120, 472
Иовиан	243
Ионические острова	286, 704, 934, 958
Ионическое море	224, 302, 286, 704
Ионополис	161
Иордан	60, 230, 348
Йорк	239
Иосиф Гимнограф (Песнописец)	956
Иосиф Ракендит	861
Иосиф Филагрий, схолии на	751
<i>Категории</i>	751
<i>Интерпретации (De Interpretatione)</i>	751
<i>Исагога (Isagoge)</i>	751
Ипатий Руфинианский, Житие	897
Ипатия	680
<i>иперпирон (hyperperon)</i> , золотая монета	169, 171
<i>Ипотипос (Hypotyposis)</i> Св. Афанасия из Великой Лавры	636
Ипподром; см. Константинополь, ипподромы	325–326, 379, 383, 710
Ипполит	889

Ирак	227, 230, 231, 968, 972, 974, 980
Иракий	37, 45, 153, 165, 212, 224, 258, 259, 260, 535, 548, 558, 569, 606, 616, 632, 686, 712, 724, 738, 839, 950
Иран	19, 229, 414, 605, 840, 968, 972, 974, 977
Ирина Дукиня, императрица	876
Ирина Трапезундская	46
Ирина, жена Иоанна II	218
Ирина, императрица	37, 266, 269, 616, 679, 680
Ирина, севастраторисса	931
Ириней Лионский	557
Ирландия	434
ирландский болотный дуб	193
Ирмологий	951, 952, 957
Иртакен, Феодор	818
Исаак (сын Авраама)	79
Исаак I Комнин	219, 277, 278, 610
Исаак II Ангел	281
Исаак Аргир	841, 842
<i>Трактат о квадратном корне</i>	838
Исаак Бен Саломон, <i>Мощеная Дорога</i>	841
Исаак Комнин, брат Иоанна I	279, 666
исавры	247, 248, 254, 706
<i>Исагога (Eisagoge)</i>	725
Исидор I Вухир, Патриарх	899
Исидор Милетский	215, 838
Исидор Пелусиот, письма	917
исихасм	296, 611, 628, 638, 640, 649, 899, 919
исихасты	296, 628, 635, 649, 741, 742, 899
искусство, раннехристианское	79
ислам	223, 233, 260, 415, 429, 430, 431, 438, 548, 632, 944, 968, 969, 972, 974, 978, 982, 983, 984, 990
ислам, возвышение	260–261, 788, 942
ислам, дискуссия о	889
исламская власть	261, 646
исламская нумизматика	176, 177
исламские шелка	427, 428, 430
исламский год	43
исламское завоевание	126, 130, 131, 407, 623, 639, 649, 705, 873
Исократ	121

Испания	190, 224, 258, 398, 426, 434, 454, 625, 871, 977
исполнительская практика, в музыке	960–961
историография в сирийском мире природа и.	34–35 873 869
исторические сочинения, читательская аудитория	880
<i>История египетских монахов (Historia monachorum in Aegypto)</i>	890, 896
история искусств, Византия, формалистические подходы подходы после 1980-х гг. подходы до 1980-х гг. подходы в настоящее время теоретические подходы	71, 81 73–74 70–73 22 73
источники дохода крестьян	336
Исход (иудейская Пасха)	44
Итал, Иоанн	748, 749, 750, 751
Итал, Михаил письма	90, 864 918
италийские купцы	595, 667, 670–671
италийцы	810
Италия	15, 21, 25, 31, 42, 53, 60, 64, 71, 72, 110, 114, 159, 166, 190, 193, 194, 224, 225, 226, 242, 248, 254, 257, 258, 259, 251, 263, 266, 269, 272, 274, 276, 278, 281, 296, 299, 302, 317, 318, 325, 341, 342, 343, 365, 369, 392, 395, 396, 427, 430, 431, 434, 439, 452, 453, 461, 464, 494, 501, 502, 503, 549, 568, 596, 604, 623, 626, 633, 636, 637, 664, 704, 710, 776, 779, 780, 805, 810, 813, 846, 854, 855, 871, 928, 955, 957, 968, 969, 974, 977, 979, 981, 989
итальянский язык	109, 847
<i>Итинерарий Антонина (Itinerarium Antonii)</i>	301
иудаизм	80, 233, 260, 261, 885
иудеи, см. евреи	
Иудейская пустыня	896
Иудейская Эра	43, 44
иудео-христианские сюжеты (на слоновой кости)	459
Кааба	261
Кабелла, Антониетто	47
кавалерия, экипировка в X в.	480–481 482–483

Кавасила, Николай	840
Кавасила, Нил	888
Кавказ	31, 227, 364, 431, 486, 588, 804, 805, 806, 972, 977, 981, 982
Каждан А.	13, 23, 25, 182, 828, 987
Каирский музей	454
Калаврия	190, 429, 846
Калат Шиман Столп Симеона	348, 362, 780 775
Калека, Патриарх Иоанн	295
Календерхане Ками; см. Константинополь	
Каликала (Эрзерум)	232, 233
Калликл, Николай и эпиграммы	930
Каллимах Александрийский <i>Гекала</i>	116, 852 854
калофонический музыкальный стиль	957
Калоян, Болгарский	286
Камариот, Матфей	841
Каматир, Иоанн	845
каменоломни	351–352
Камулиана, икона Христа из К.	794
Канада	15, 71, 144
Кандия Архивы герцога К. Герцог К. <i>Notai di Candia</i>	149 148, 149 148 149
Канли Килисе, Каппадокия	65, 366
канон (гимн)	891, 928–929, 951
Канонарь	955
Каноны (правила) Вселенских соборов	617–618
<i>каноны</i> , правила (нормы церковного права)	726
Кантакузин; см. Иоанн VI	
Каплан М.	25
Каппадокийские Отцы письма	647, 662, 735, 737, 866, 887, 897, 906, 917 917
Каппадокия скальные церкви	19, 66, 277, 385, 391, 409, 503, 506, 552, 639, 643, 647, 788, 802, 803 366, 367
Каракадаг	63
Каракаузи, Г.	110
Карамагара Копру	311
Каранис	464, 504
Каранхк Килисе, Каппадокия	503

Карахиссар, Трапезунд	120
Кария	151
Карк Суйу (Мелас)	311
Карл Анжуйский	292, 294, 627
Карл Валуа	293
Карл Великий	266, 269, 624, 978
Карл Мартел	988
Каролингские музыкальные теоретики	954
Карс	64, 981
Карфаген	224, 257, 259, 383, 451, 589, 604, 620
Карфагенский собор; см. Соборы	
Касия, гимнограф	678, 956
Каспийское море	229, 431
Каср ибн Вардан	345, 347
Каср Ибрим	350
Кассандры полуостров	672
Кассандры, стены	388
Кассиан Басс	847
Кассиодор, письма	918
Кастамонит, г. Афон	143
Кастория, укрепления	387
Кастра Претория (Castra Praetoria), Рим	343
Катакалон, <i>српати</i> г Фессалоникиг	159
Каталония	291
каталонская кампания	294
каталонцы	294, 588
катафатическое богословие	735
Катафлоры	552
<i>катены (catenae)</i> (комментарии)	886
катехизические гомилии (проповеди)	908
католицизм	298
Каффа, Крым	47, 703
квадривиум	820, 821, 837, 958
<i>Квадривиум (Quadrivium) наук (Tetrakys ton mathematon)</i>	836, 839
квадривиум наук	837–838, 839, 846
квантитативная метрика	929
Какавмен	89, 93, 697, 699, 861, 865, 939
Какавмен Катакалон	875
кельты	810
Кембридж	14
кеносис (самоуничижение)	739
Кенхрейская церковь К. (Римл.16: 1)	561

керамика, способы применения в архитектуре	438
сосуды для хранения	443–444
хронологические периоды к.	433
определение к.	433
исламское влияние в к.	440
региональные стили поливной к.	444
типы столовой к.	441
полезность для археологии	66–67
Керамион, икона	794
Керзон, Роберт	19
Кесария	64, 115, 161, 278, 407, 409, 601, 604, 605, 656, 658, 852
Кесария Палестинская	454, 822
Кёсе-даг, битва при	974
кефалы (<i>kephalaia</i>) («главы») (литер.)	890–891
Кивирриоты (<i>Kibytrhaiotai</i>)	574, 589
Кидонис, Димитрий как переводчик	864, 919 748
Кидонис, Прохор	748
Киев	277, 344, 366, 398, 455, 713, 714, 792, 804
Десятинная церковь	344
Св. София, собор	366
Киево-Печерская Лавра, Киев	636
Киевская Русь	276, 464, 956, 989
Кизик	60, 352, 624, 878
Киклады	66
Килиз Тепе	63
Киликийские ворота; <i>см. также</i> Pylai Kilikias	227, 304, 310, 311
Киликия	151, 152, 281, 304, 342, 345, 382, 406, 450, 491, 574, 586, 804
кимитирии (кладбища)	360
Киннам, Иоанн, историк	876–877
киновии, общежитийное монашество	646
Кинургий; <i>см.</i> Константинополь, Большой императорский дворец	
Кипр	21, 43, 60, 193, 274, 281, 286, 318, 381, 382, 283, 391, 405, 409, 421, 434, 435, 444, 449, 452, 465, 491, 609, 651, 657, 704, 797, 798, 841, 919
и астрономия	841
Киприан	557
Кипрская красноглиняная керамика	434
<i>Кираниды</i> (<i>Kyranides</i>)	847
Кирена, корабль из Кирены	492
Кирилл (св.) (Константин), апостол славян	271, 626

Кирилл (св.), епископ Александрийский	246, 603, 614, 615, 616, 737, 738, 872, 887
Кирилл Иерусалимский (св.)	892, 908, 910
Кирилл Скифопольский	644, 896
Кириллов халкидонизм	738
кирпич и виды кирпичной кладки	343–345
Кируларий, Михаил, Патриарх	277, 626
Китай	176, 226, 414, 479, 485, 502, 969, 974
китайское военное влияние	483
Кити, Кипр	391
Китцингер Э.	21, 71, 72, 787
Клад, Иоанн, композитор	957
класс военных, новый	548–550
классические исторические произведения, характеристики	870–871
Клейнбауэр Э.	359
Клеомед, математик	836
Клеонид, музыкальный теоретик	958
Климент Александрийский	749
клир	
определение (дефиниции)	557
доходы и платежи	610–611
низшие должности	561–562
управление	568–569
трехуровневая иерархия к.	558
<i>Клиторологий (Kleterologion)</i> , Филофея	272, 705
Клокотница, битва при Клоконтнице	289
клуазоне (cloisonné), техника, строительство из кирпича	345, 366
клуазоне (cloisonné), техника, эмаль	463
<i>Книга искусств Ченнино Ченнини</i>	393
<i>Книга понтификов (Liber Pontificalis)</i>	452
Книга Царств, иллюстрации	81
<i>Книга Церемоний; см. также De Cerimoniis</i>	248, 455, 465, 713
<i>Книга Эпарха</i>	272, 329, 407, 414, 427, 468, 703
книги	
наличие	35
переплет	475
конструкция	470–471, 475
изготовление	469
иллюстрации	472–474
чернила и декоративные элементы	472
языки (книг Византии)	468
рынок	471–472
линование	471
хранение	475

книги, изготовление, процесс	469
источники	468
кодекс	114
Кодекс Менандра, Каир	127
<i>Кодекс Феодосия</i> (<i>Codex Theodosianus</i>)	132, 308
<i>Кодекс Юстиниана</i>	258, 308, 723–724
Кодин, Псевдо-, <i>Трактат о титулах и чинах</i>	538–539, 546, 863
Коккинобаф, Гомилии (Проповеди) (Homilies of James of Kokkinobaphos)	474, 760
Коккинобаф, Иаков	89, 760
колесниц гонки	325, 326, 387, 709, 710, 712, 713
Колоней (Аксарай)	304
Колумб, Христофор	48
<i>коммеркиарии (kommerkiaiarioi)</i> , функции	570
<i>коммеркий (kommerkion)</i>	595
Комнинов двор	814
Комнинов, семейство	667
Комнины	294, 552, 574, 634, 698, 846
Комнины, Великие	173
Комнины, династия	574, 681
Комнины, эпоха	813
Комнины-Дуки	553
<i>компендиум (compendium)</i> по логике	751
Конгресс, Второй Международный конгресс византийских исследований	143–144
кондак (kontakion)	891, 928, 950, 951
кондаков пение («Кондакарион»)	954
Кония	64, 281
конкордансы (словари, тезаурусы)	108
Констант	241, 242, 620
Констант II	224, 261, 262
Константин VIII	273, 276, 277
Константин X Дука	277
Константин XI Палеолог	168, 174, 299, 555
Константин Алан	453
Константин Липс; <i>см.</i> Константинополь, монастыри	
Константин Манассия	931, 932
Константин Маниак	695
Константин Мономах, Шапка М.	759
Константин Родосский и экфрасисы	801 930

Константин I; <i>см. также</i> Константин Великий	11, 50, 80, 165, 201, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 236, 239, 240, 241, 243, 252, 344, 347, 350, 352, 360, 361, 362, 379, 380, 383, 387, 452, 460, 485, 506, 537, 557, 568, 602, 604, 605, 613, 620, 621, 625, 656, 657, 658, 705, 710, 711, 774, 863, 871, 872, 948, 975
и административные изменения	239
и централизованная бюрократия	241
и обращение в христианство	240
и основание Константинополя	239
и богословские диспуты	240–241
Арка Константина	82
Константин II	242
Константин IV	262, 616
Константин IX Мономах	145, 162, 213, 277, 391, 398, 552, 757, 759, 823, 847, 855, 865, 875
Константин V	37, 214, 263, 265, 266, 364, 535, 549, 665, 725, 785, 786
и иконоборство	265
Константин VI	266, 616
Константин VII	214, 272, 273, 276, 277, 284, 460, 484–485, 535, 536, 539, 544, 788, 813, 823, 847, 863, 869, 874, 941, 942, 948, 977, 978, 983
и промакедонская историография	273
<i>Об управлении империей</i>	273, 276, 278, 484–485, 976, 977, 983
<i>О церемониях</i>	495, 535, 536, 538, 539, 540, 863, 864, 977, 983
<i>Эксерпты (Excerpta)</i> (исторические выписки)	874
<i>О фемах</i>	813
Константин, «глава философов»	748
Константинополь	11, 44, 58, 151, 152, 153, 166, 171, 174, 182, 225, 227, 231, 232, 236, 239, 244, 248, 254, 257, 261, 269, 271–272, 278, 293, 303, 304, 309, 329, 342, 380, 427, 429, 431, 433, 438, 451, 491, 503, 504, 548, 554, 555, 558, 583, 627, 657, 672, 698, 703, 747, 801, 802, 804, 805, 839, 844, 873, 877, 891, 897, 906, 941, 954, 968, 976, 988
акведук Адриана в К.	219, 382, 407
акведук Валента в К.	220, 317, 328, 382, 505, 982
арабские осады К.	262
бани Зевксиппа	214, 344, 383, 507
бани Константиниана	383
башня Феофила	154

больницы (лечебницы) К.	
Ксенон Христовота	660
(Св.) Самсона	660
Св. Косьмы и Домиана	659
Большой императорский дворец в К.	209, 217, 342, 380, 387, 407, 538–539, 801, 982
Апсис	537
Августион	350, 537
Августий (зал)	537, 543
Баня Льва VI	507
Вуколеон	538
Халки (Бронзовые врата)	537
Часовня Св. Феодоры	539
Часовня Пресвятой Богородицы Фара	542
Хрисотриклиний	537, 539, 540
короны, реликвии, одеяния	543
пиры и приемы	543–544
Большой Триклиний; см. Зал Девятнадцати лож	
Зал Девятнадцати лож	538, 706, 707
Ипподром, Кафисма	538
Зал Юстиниана	539, 540
Китон	537, 540, 544
Лавсиак	539, 540, 542
планировка	536–539, 542–545 <i>passim</i>
Магнавра	538, 542
Магнавра, школа	823
служащие	535–536, 542–543
Сокровищница (Филак, Phylax) (казна)	539
Скила	540
структуры	212–213
стены Фоки	537, 546
Великая церковь; см. Константинополь, храмы, Св. София	
влияние на экономику	664, 665
ворота К.	
Золотые ворота	210, 212, 353, 546
Морские ворота	353
Porta Polyandraion	210
гавани, порты	212
Неорий	219
Просфорий	219
Софии	219
Юлиана	219
Феодосия, корабли в гавани Ф.	492
Феодосия; см. также гавань Элевтерия	67, 219, 328
гостиницы К.	382
Град Царицы Небесной	11
усыпальница Константина	350
Гюльхане	347

дворцы К.	
Антиоха	216, 344, 347
Влахерны	213, 279, 384, 538, 546, 707
Вуколеон	212, 538
Гормисда	213, 216
Лавса	537
Мангана	213, 384, 667, 757
Св. Мамы	696
Текфур Сарай	213, 345, 384, 707
Замок Хрисия	384
зернохранилища	219–220, 381
Золотой Милий	210
Золотой Рог (гавань К.)	209, 210, 212, 218
зверинец	847
императорские статуи	211
императорский мавзолей	347
имперская библиотека	853, 854
ипподром в К.	82, 342, 344, 347, 383, 387, 390, 707, 710, 713, 844
Дельфийский памятник	214, 710
Каменный обелиск	350
Обелиск Феодосия	213
роль И.	213
структура И.	213–214
церемониал X в. на И.	545
искусство К.	20
как растущая столица Империи	242
Календерхане Ками; см. Константинополь, храмы, Богородицы Кириотиссы	
Кахрие Ками; см. Константинополь, монастыри, Хора	
Кинегий	713
кирпичи (плинфа)	344
колонны К.	
Аркадия	82
Константина	210
Елены	210
Маркиана	211
Феодосия	82
Константинопольская белоглиняная посуда; см. белоглиняная посуда	
литургическая жизнь	765
монастыри К.	217–219
Хора	21, 154, 218, 350, 391, 393, 465, 647, 798, 861
Киновия Далмата	648
Константина Липса	154, 218, 368, 345, 348, 352, 365
Одигон	120, 217, 472

Космидион	897
Мирелион	218, 342, 347, 365
Пантократора (Вседержителя) (Зейрек Ками)	218, 344, 348, 350, 351, 366, 368, 386, 465, 667
Пантократора, больница при м.	659, 661, 846–847
Пеги, чудеса	900
Продрома-Петра, библиотека	856
Св. Иоанна Студита (Имрахор Ками):	114, 205, 217, 344, 351, 611, 634, 650
и написание канонов	928
центр книгопроизводства	472
библиотека	900
наказания для переписчиков	468
Св. Иоанна Продрома	898
Св. Мамы	650
обелиск Феодосия I	82
<i>нимфеи (нутphaea)</i> (фонтаны)	505
сиротский приют Св. Павла (Орфанотрофион)	161, 649, 655–656, 659, 661, 667, 819
Орфанотрофион, см. сиротский приют Св. Павла	
фонтаны, см. <i>нимфеи</i>	
нападения с моря	976
осада К. аварами	928
основание К.	209
отвоевание К. в 1261 г.	289, 627
оценки численности населения К.	316, 318
падение К. в 1204 г.	282, 286, 748, 815, 839, 974
падение К. в 1453 г.	47, 298–299, 369, 623, 719, 879, 900
поставки продовольствия	665
Соборы; см. Соборы	
стены К.	154, 212
Анастасиевы «Длинные стены»;	342, 387
см. также сухопутные стены	344, 347
Константина I	387
стены Феодосия	246, 316, 387, 982
строительство К. на месте Византия	209
тетрапилон	350
улицы, Меси	210, 211, 215, 381, 382, 450
Фатих Ками; см. Константинополь, храмы, церковь Св. Апостолов	
Фенари Иса Ками; см. Константинополь, монастыри, Константин Липс	
Фетьи Ками; см. Константинополь, храмы, церковь Богородицы Паммакаристос	
Филадельфион	210

форумы К.	
Аркадия	211
Быка (Вола) (Bovis)	211
Константина	211, 380, 381
Феодосия	381
форум Тавра	211, 380
форум Тавра, Большой Нимфей (Nymphaeum Maius)	505
храмы К.	214–217
Христа Пантапорта (Pantaportes) (Эски Имарет Ками)	345
Христа Патократора (Вседержителя) (Вефа Килиз Ками)	344
Христа Филантропа (Человеколюбца)	345
Церковь Богородицы во Влахернах	216
Церковь Св. Ирины	214, 350, 363, 364, 786
Св. София (Великая церковь)	19, 20, 45, 214–215, 272, 342, 344, 347, 349, 350, 351, 363, 391, 393, 450, 452, 460, 535, 536, 538, 543, 558, 626, 631, 635, 660–661, 757, 785, 803, 804–805, 930, 982, 983, 988
мозаика в апсиде	396, 398, 908
как мечеть	629, 705
кафедральный обряд В. ц.	949, 950
<i>дидаскалы</i> , роль	608
восприятие литургии в В. ц.	742
как цель паломничества	774
известковый раствор	342
Патриархат	786
комната над рампой	785
служители В. ц.	561, 603, 606–607
Церковь Св. Апостолов	214, 218, 361, 703, 802, 862, 930
уроки музыки в	958–959
школа в	214, 823, 838
Неа Экклессия (Новая Церковь)	217
Св. Ефимии	216
Св. Георгия в Мангане	344, 347, 365
Св. Полиевкта (Сарачхане)	154, 216–217, 319, 342, 350, 363, 436, 464
Св. Карпа и Папила	347
Св. Сергия и Вакха	154, 216, 344, 350, 363, 539
Богородицы в Халкопатрии	215, 344
Богородицы Паммакаристос	155, 219, 344, 365, 368
Св. Девы Марии Кириотиссы (Календерхан Ками)	217, 319, 344, 353
<i>циканистирион</i>	387
цистерны К.	349
Базилика (Йерибатан Сарай)	347, 382
Аэция	344, 382
Аспара	344
Филоксена (Бинбирдирек)	347, 382

чума	316
штампы на кирпичах	200, 201–203
эмвол Домнина	450
Констанций	214, 237, 239, 241, 242, 244, 247, 347, 605, 619, 710, 852
Констанций II	655, 986
Констанция, дочь Фридриха Великого	288
Констэбль, Ж.	23
Контостефаны	552
Копенгаген	166
Коптская Эра Мучеников	42, 47
коптские купцы	56
коптские папирусы	853
коптский язык	31, 126, 127, 133, 468, 811, 890, 914
копты	645
корабли в гавани Феодосия мореплавание и кораблестроение водоснабжение к.	67 491–493 493
Кордова, Большая Мечеть	398
Корес А.	16
Корикос (Корик)	152
Коринф	53, 65, 319, 329, 385, 404, 414, 429, 439, 440, 444, 455, 465, 501, 504, 609, 664, 665, 667, 668, 705
Корипп	451, 537
<i>Королевское зеркало</i>	863
Корон	286
Корон (город-крепость)	671
Коронис, Ксен, композитор	957
Корриган К.	73
Корсика	224
Кортон	461
Космосотира, монастырь	666
Косово поле, битва при	297, 975
Косьма Индикоплов «Христианская топография»	23 732, 843, 847, 988
Косьма Маяумский	768, 892, 928, 951
Косьма Мелод, Маяумский	892, 928, 951
Котийон (Кутахия)	304
красноглиняная столовая посуда, типы	434
Красное море	230
Краутхеймер Р.	359, 361
Крест Господень, фрагмент в Пуатье	463

крестово-купольная (квадратно-крестовидная) церковь	365
Крестовые походы	26, 281, 306, 504, 623, 627, 639, 974, 877
Крестовый поход, I	280, 486, 974
Крестовый поход, IV	26, 171, 269, 281, 286, 416, 431, 453, 461, 505, 538, 587, 623, 627, 633, 638, 670, 763, 795, 814, 839, 854, 880, 918, 974
крестоносцев войско	304, 307
крестоносцы	177, 269, 280, 281, 282, 285, 286, 304, 307, 311, 318, 407, 627, 775, 776, 797, 877
крестьяне-землевладельцы	338–339, 665–666
крестьянские домохозяйства	335
Криарас Э	107, 109
Крит	66, 148, 149, 224, 270, 274, 286, 318, 334, 405, 454, 491, 494, 495, 511, 589, 598, 651, 671, 704, 791, 798, 830, 958, 976
Крит, Венецианский	22
Крит, и <i>мальвазия</i> (вино)	704
Крит, канцелярские документы	148
Критовул, Михаил, историк	879
критяне	588
Кромна, Пафлагония	160
Крумбахер К.	13, 16, 927
Крустул	90
Крым	47, 54, 60, 227, 269, 270, 450, 491, 703, 705, 968
крымские татары	47
<i>ксенодохион</i> (<i>xenodochion</i>) (гостиница)	654, 656–657
<i>ксенон</i> (<i>xenones</i>) (приют, больница)	656
Ксенофон, г. Афон	143
Ксенофонт (автор)	821
Ксингопулос А.	21
Ксиропотам, г. Афон	143
Ксифилин, Иоанн	560, 823, 910
Ктесифон	242, 255, 605
<i>Кто есть кто</i> (<i>Типукит</i>) (справочник)	182
куаленская нотация	954
Куба	48
Кувейт	454
кузницы (см. мастерские металлообработки)	
Кукузель, Иоанн	957

куманы	280, 588, 987
Кун Т. С.	18
купола (своды), типы	345–348
Кура, долина Куры (реки)	229
курайшиты, клан	261
Курбиново, храм Св. Георгия	766
курды	584
Курион, Кипр	383
Курсанаки, Микелис	167
Куртц Э.	901
Куршумлия, храм Св. Николая	366
Кутлумуш (Koutlounousiou), г. Афон	143
кухонная посуда	435–436
Кучук Чекмес	309
Куштул, Нубия	454
лавки-мастерские (эргастии)	219, 324, 325, 350, 353, 381, 450, 455, 555, 603, 677
лавра как форма монашества	646
Лавра Св. Саввы	651
Лавра, г. Афон	143
Лавра, монастырь Л.	336
Лаврион, рудники, Греция	449
Лавс, дворец; см. Константинополь, дворцы	
Лагудера, долина, Кипр	449
Лазаропул, Иоанн, агнограф	900
Лазарь Галисийский, Житие	899
Лайу А.	664
Лакапины, семейство	272–273
Лакония	64, 67
Лампаден, кир Перии	688
Лампсак, Кипр; см. серебряные клады	
лангобарды	167, 259, 260, 266, 276, 317
Лаодикийский собор; см. Соборы	
Лаодикия	306
Лапиф, Георгий	841
Ласкарис, Ианос	122
Ласкарис, Константин	855
Ласкарисов двор	89
Ласкарисов династия	289
Ласкарисы	575
Латакия; см. серебряные клады	
Латеранский фастигиум	774
Латинизация Западной Церкви	624
Латинская Америка	990

Латинская империя в Константинополе	286, 288, 318
Латинская Романия	431
латинская элита	430
латинские астрономические таблицы	838
латинские наемники	587
латинские термины, использования которых избегали	870
Латинский Запад	492, 496
Латинский Запад и повторное открытие им Аристотеля	748
латинский христианский мир (Запад)	972, 974, 978, 984
латинский язык в военной терминологии	940
латинский язык как преобладавший на Западе	809
латинский язык, применение в юриспруденции	724, 729
латины	554, 555, 609, 648, 836
латины в Константинополе	329, 974
Латмос	367
латрины (уборные)	506
Латрос, гора	646
монастыри Л.	611
латынь, латинский язык	31, 126, 130, 836, 989, 990
Лев I, Папа	614
Лев II	247, 254, 546
Лев III и иконоборство	37, 262, 535, 725, 785, 988 263
Лев IV	266
Лев Великий, Папа	618
Лев Диакон, историк	699, 874
Лев Магенасий (философ)	748
Лев Математик	748, 844
Лев Синадин	307, 702
Лев Философ	845
Лев I	55, 216, 247, 248, 546, 986
Лев IX, Папа	626
Лев V	270, 549, 597, 785
Лев VI	73, 90, 175, 272, 273, 284, 495, 386, 460, 463, 494, 495, 496, 685, 689, 688, 689, 724, 845, 905, 910, 942, 979 507
баня Льва VI о войне с арабами	942
Тактика Л.	272, 485, 494, 942, 943
Лев, Папа (ум. в 461 г.)	738
Левант	223, 224, 233, 353, 395, 434, 435, 465, 491, 671, 968, 969, 972, 974, 975, 990
география Л	229–231

Лезебай Х. В. и <i>Храм Святой Софии</i> (Lethaby, H. W. and <i>The Church of Sancta Sophia</i>)	19
Леки У. (Lecky W.)	16
лексикография, проблемы Л.	109
<i>Лексикон римского и византийского периодов</i> (<i>Lexikon of the Greek and Roman Periods</i>)	106
Лемвиотиссы, монастырь	829
Лемнос	408, 444, 671, 704
лен и ткани из л.	413
Леонардо Пизанский	838
Леонтий Константинопольский, проповедник	906
Леонтий, епископ Антиохии	656
Лесбос	491
лечение и врачи	720
Ливаден Андрей, <i>Periegesis</i> (<i>Перигесис</i> (записки путешественника))	844
Ливадия, Кипр	391
Ливан	230, 395, 449
Ливаний	658
письма	917
Ливанские горы	230
Ливия	381, 568, 617
Ливия Верхняя	568
Лидделл и Скотт, <i>Греко-английский лексикон</i> (<i>Greek-English Lexikon</i>)	107, 108, 109, 110
Лидия	343
Ликаония	366
Ликия	64, 310, 434, 491
Лимбургский реликварий	452, 463
Лиможская эмаль на Синае	778
Лионская уния	292–293, 293
Лионский собор; см. Соборы	
Липса монастырь; см. Константинполь, монастыри	
Литани, река	230
литературная критика в Византии	90
литературная критика и византийские тексты	88
литературная теория и византийская литература	91–93
литературная теория, современная, разновидности	91–93
литературные исследования, подходы к	22
<i>литра</i> (византийский фунт)	50
литургические песнопения	631

литургия агиополитов (Иерусалимская литургия)	635, 951
литургия Иерусалимская, см. литургия агиополитов	
Литургия мелькитов	639
Литургия Св. Иакова	639
литургия, «имперская фаза»	950
и архитектура	633
и иллюстрации к рукописям	769
сведения о развитии л.	764
влияние иконоборства	634
влияние л. на искусство	765
интерпретации л.	632–633
монастырская л.	638–639
Студийский синтез	634
Литургия, Константинопольская	635
Лиутпранд Кремонский	597, 707, 984
<i>Antapodosis</i> и <i>Legatio</i>	544
о <i>retsina</i>	704
Лициний	239, 451, 613
логика	752
оригинальность византийской л.	750–752
изучение и обучение л.	
логофет	308, 391, 540, 542, 543, 544, 554, 569, 573, 574, 695, 861, 877, 878
Лозаннский договор	61
ломбардцы	274, 276
Лондон	12, 13, 166
<i>лор</i> (перевязь)	415
Лосский Вл.	735
Лувенская База древних книг (Leuven Database of Ancient Books)	132
Лувенский сайт собраний папирусов (Leuven Homepage of Papyrus Collections)	129, 132
Лука Стирит, Житие	898
Лукиан	758, 820
Лукка	430, 431
Лулудис	207
Луций Вер	237
Льва Библия	831
Льва, Папы, <i>Томос</i>	605
Лэйк К.	143
Лэмп, <i>Словарь греческой патристики</i> (Lampe, <i>Patristic Greek Lexikon</i>)	107, 109, 133
Любарский Я.	23
Людвиг II	304

Людovic IX Французский	292
Людovic XIV	13
Мабильон Ж. и <i>De Re Diplomatica</i>	112
Маврикий, император <i>Статегикон (Strategikon)</i> см. также <i>Статегикон</i>	53, 158, 167, 259, 602 485, 941, 942
Мавропод, Иоанн и эпиграммы письма	89, 154 930 918
Магвайер Г.	22, 72
Магн Максим	245
Магнавра, см. Константинополь; Большой дворец Магненция	242
Магнесия	160, 430
Мадрид	12, 813
Мадридская рукопись	485, 495, 919
мадьяры	232, 479
Майн, река (Германия)	193
Макарий Хрисокефал	900
Макариоты (последователи Св. Макария), монахи Египетской пустыни	739
Макария Гомилии	739–740
Македония	145, 146, 225, 276, 296, 319, 320, 334, 339, 345, 574, 597, 665, 666, 671, 685, 811, 973, 981
Македония, фемы	597
Македонская династия	318, 494, 495, 535, 633, 874, 969
Македонский ренессанс	83, 461, 813
МакКормик М.	25
Макремволит, Евматий/Евстафий	110, 863, 932
Макрина, Житие	894, 897
Макробий в переводе на греческий язык	748
Максенций	239
Максим IV	48
Максим Афонский, см. Тривол, Михаил	
Максим Грек, Св.	48
Максим Диякон	900
Максим Исповедник	35, 631, 632, 739, 740, 741, 747, 765, 887, 891, 892, 918 632, 633, 892 890
<i>Мистагогия (Mystagogia)</i> <i>Вопросоответы (Quaestiones et dubia)</i>	
Максимиан	237, 239
Малак, Евфимий, письма	918
Малала, Иоанн, хронист	92, 449, 865, 871, 872, 988

Малая Азия	15, 19, 32, 153, 169, 246, 259, 262, 265, 269, 280, 286, 288, 289, 292, 293, 297, 299, 301, 302, 304, 305, 306, 307, 310, 311, 317, 318, 319, 327, 329, 339, 342, 343, 345, 346, 347, 367, 429, 430, 431, 433, 434, 449, 450, 452, 453, 454, 455, 479, 502, 549, 551, 552, 553, 563, 583, 584, 586, 587, 588, 597, 634, 638, 656, 659, 664, 666, 668, 669, 671, 694, 810, 811, 813, 897, 978, 990 304–306
дороги в М. А.	
Малеа, мыс	224
Малеины	549, 552
Малоазийский стиль, в гомилиях (проповедях)	906
Малх, историк	869
Малые хроники	880
Манассия, Константин	110, 862, 863, 865, 931, 932
Мангана, см. Константинополь, дворцы	
Мангентин, парафраза « <i>De Interpretatione</i> »	751
Мандилион (Спас Нерукотворный) из Эдессы	794
Мани, Кодекс, Кельн	128
Мани, мыс	224
Маниак, Георгий	277
манихейство	80, 888
Манн, М.	25, 26
Мантейя, деревня	830
Мануил I Комнин	152, 211, 212, 279, 281, 284, 307, 553, 554, 574, 586, 590, 627, 661, 862, 864, 876, 877, 932, 973
Мануил II Палеолог	89, 145, 165, 218, 297, 298, 707, 879, 919
письма	919
Мануил Оловол как переводчик	748
Мануил Трапезундский	840
Мануций, Альд	122
Манфред	292
Манцикерт, битва при	233, 278, 307, 318, 586, 812, 875, 876, 973
манчжуры	226
Мар Шаба, Вифлием	646
Марага, Иран	840
маргиналии (заметки на полях)	118
Марии / Марина, Житие	897
Марин, <i>протоспафарий</i>	455
Марино Санудо Торселло	298

Марица, битва при	297
Марица, река / долина	226
Мария Аланская	687
Мария Ангелина Дукиня Палеологина	796
Мария Дукиня (императрица)	219
Мария Дукиня (не императрица)	218
Мария Египетская, Житие	897
Мария Новая, ЖитиеМладшая	898
Мария, Богоматерь; <i>см. также</i> Феотокос, Св. Дева	152, 614, 737
Марк Аврелий	711
Марк Евгеник, митрополит Эфеса	154, 629, 841
Маркелл Акимит, Житие	897
Маркиан, император	55, 211, 246, 247, 614, 986
Марко Поло	843
марксизм	674
Маронея, укрепления	387
Мартин IV, Папа	292
Мартина, императрица	680
<i>мартирий</i> , описание мученичества (святого)	895
Марцеллин Комит, хронист	409, 871
маршал Бусико	298
мастерские металлообработки (скобяные лавки)	450
мастерские по изготовлению мозаики	398
Матара	454
математика, обучение	821
Матрона Пергская, Житие	897
Мафрак, Иордания	53
Меандр, река	227, 306
Меандра долина	408
Медикон	334
Медина	43, 260, 804, 968
медицина	720
медные рудники	449
медь, применение	453–455
Международный Банк данных о древесных годовых кольцах (International Tree Ring Data Bank)	194
Мезия	568
Мекка	43, 260, 261
Мелетий Миопольский, Житие	899
Мелисмос (Melismos) (изображение Евхаристической Жертвы Христовой)	766
Мелиссины	549

Мелитина (Эски Малатия)	233, 271, 274, 278, 306, 655, 978, 979, 980
Мелитон (Сардский), <i>О Пасхе</i> (проповедь)	905
Мелхисидек, католикос Грузии	805
мелькиты	606
Мембидж	470
Менандр Ритор, Лаодикийский	860, 861, 863, 880, 909
Менандр, историк	868, 870
Менаус, Египет	898
Менгли Гирей, хан крымских татар	47
<i>менологема</i>	140, 141
Мербака, Арголида	368
Мериамлик, Малая Азия	897
купольная базилика	363
Мерида, акведук Лос Милагро	343
Мерсин	64
Мёрсиус Дж.	106
Месарит, Николай	307, 385, 703, 763, 801, 823, 838, 862, 958
об обучении музыке	958–959
Месемврия, см. Несебр	
Месопотамии жители	810
Месопотамия	223, 229, 230, 261, 343, 345, 346, 347, 454, 619, 810, 811
Северная М., география	229–230
Мессиянское основание /ислама/	261
Мессина	855
Мессина, Сан Сальваторе	120
металл, использование в строительстве	350–351
металлическая домашняя посуда	455
метафора в произведениях искусства	759
<i>метафрасис</i> (пересказ) Житий святых	813, 900
Метеора	611, 899
Метохит, Феодор	90, 218, 219, 295, 309, 391, 647, 749, 845, 864
и философия	878–879, 931
письма	748
<i>Элементы (Stoicheiosis)</i>	919
метрика литургической поэзии	837, 840
метрика нелитургической поэзии	927–928
Метродор	929
Мефодий I, Патриарх	821
Мефодий Олимпийский	634, 785, 793
	749

Мефодий, апостол славян	271, 626
механика	844
Мехмед I	298, 707
Мехмед II	174, 299, 555, 588, 611, 658, 879
<i>мидраш (midrash)</i> , аналог проповедей	905
Микро Писто, Фракия	386
Милан	380
Сан Лоренцо, храм	348
Свв. Апостолов	361
Миласа / Меланудион, Кария	151, 574
милевые столбы (дорожные вехи)	302
Милет	19, 215, 380
<i>милиарисий (miliaresion)</i> , серебряная денежн. единица	169
Милле Г.	19, 143
Миллениум (Тысячелетие)	43
Миллер Э.	107
Милутин, король	369
мимесис (подражание)	88, 92, 100, 915, 919
мимы	712, 714
Мина, культ	774, 780
Минас М.	143
Миня	956
Минологий Василия II	769, 797, 803
<i>минологий, минологион</i>	82, 899
минускул (строчный шрифт)	116–117, 118, 138, 651, 989
Мира	161
Мирилайон; <i>см.</i> Константинополь, монастыри	
Мирмекс	309
миряне, определение	563–564
Мистра	58, 64, 292, 293, 329, 385, 430, 506, 766, 842, 842
Бронтохион, монастырь	368
дворец деспотов	707
Монастырь Пантанассы (Всецарицы)	368
Митилена; <i>см.</i> серебряные клады	
Михаил I Рангави	270
Михаил II	270, 597
Михаил III	218, 270–271, 272, 537, 625, 696, 793, 979
Михаил IV	277
Михаил IX	293
Михаил V	277
Михаил VI	277
Михаил VII	277

Михаил VIII	173, 218, 289, 291, 292, 293, 294, 554, 555, 575, 587, 590, 627, 697, 878, 974
Михаил Атталиат, историк	385, 552, 660, 847, 875
Михаил <i>катепан</i> Италии	159
Михаил Палеолог, «Зилот»	295
Михаил Сириец, историк	873
Михаил Эфесский	748, 847
Михаил, <i>магистр, вест, epi ton kriseon</i>	162
могущественные землевладельцы	273–274
Модон	286, 671
мозаика, Введение Богородицы во храм, Кахрие Ками	394
мозаика, использование цветов	394–395
мозаика, производственный процесс	393–398
мозаика, Св. Иоанн Креститель	393
мозаика, темы росписи	398
мозаика, церковь Спасителя в Хоре	218
Моисей и г. Синай	777, 778
Моисея жезл, в Большом императорском дворце	543
Молдавия	369
молитва как литературная форма	892
монастыри	611–621
и укрепления (фортификация)	388
и благотворительность	649
и виноградники	705
архитектура м.	367
забота об сиротах (орфанах)	656
хозяйство м.	648
управление м.	650
м. в городах	385–386
влияние м. на литургию	635–636
монастырские «правила»	647–648
монастырский катехизис	909
монастырь Богородицы Евергетиссы, литургический Типикон	764–765
монастырь Диомида	695
монастырь Пресвятой Богородицы на Черной Горе	639
монастырь Продрома	47
монашеская литература	890–891
монашество	362
как форма родства	690–691
природа м.	643–644
три образа жизни м.	563–564

монголов вторжения	288, 369, 989
монголы	47, 226, 288, 289, 291, 292, 297, 298, 369, 974, 975, 981
Монемвасия укрепления	292, 330, 387, 555, 671, 704 387
монетное обращение и искусство и экономика	173–174 175–177
Мони Влатадон; см. Фессалоника	
монофелизм	260, 261, 616, 738, 918
монофелиты	888
монофиситский спор	631
монофиситский, монофиситы	216, 255, 257, 258, 260, 261, 605, 606, 615, 616, 624, 631, 632, 639, 736, 738, 741, 811, 873, 888, 986
монофиситство	811
монофиситы о Природе Христа	736
моноэнергизм	260, 738, 888
монтанизм	557
Монте Кассино; см. бронзовые двери Монте Сант Анджело; см. бронзовые двери Монтенегро	
Монфакон, Б. де, и <i>Греческая палеография</i> (Montfaucon, B. de, and <i>Palaeographia Graeca</i>)	112, 113
Монца (Monza), ампулы (сосуды из коллекции)	776, 779
Моравия	271
Мораво-Вардарское ущелье	226
Моравская долина	226
море, отношение византийцев к м.	489–490
Морейская хроника	815, 880, 933
Морейский деспотат	293, 297, 299, 430, 580
Морея	318, 555, 707
Морриссон, Сесиль	167
морские пути сообщения	490–491
Москва, Успенский собор, Кремль	369
мост через Сангарий	309, 311, 382
мосты	308, 311–312, 342, 382, 593
Мосх, друг Феодора Студита	659
Мосх, Иоанн <i>Луг Духовный</i>	951 493, 644, 890
Мосхопул, Мануил <i>Трактат о числах в квадратах</i>	854 838
Мосхопул, Никифор	854
мрамор, применение в строительстве	351–353

Мраморное море	67, 201, 209, 210, 219, 227, 387, 438, 490, 537, 703, 704, 707, 968, 990
Музалон, Георгий	289
музыка, греческая и латинская	957
музыка, звуки	951–952
музыкальная деятельность, сферы	946
музыкальная теория	959
музыкальные инструменты	959–960
музыкальные стили поздней античности	947–948
Муввийский мост, битва	239
Мурад	297
Мурад II	298
Мурики, Дьюла	21
Мурса, в Паннонии	242
Муссолини	42
мусульмане как производители шелка	428
мусульманские воины джихада	980
мусульманский флот	495
мусульманский, мусульмане	43, 46, 47, 131, 268, 270, 272, 274, 277, 285, 354, 404, 408, 428, 429, 465, 483, 495, 496, 551, 570, 589, 933, 947, 969, 979, 980, 983
мусульманское завоевание	404
Мухаммед	260
Мучли, Пелопоннес	387
Мэнго К.	359, 756
Мэтьюз Т. Ф.	359
Навпакт	304
Наг Хаммади	853
Наг Хаммади, кодексы	128
Наисс (Ниш)	302, 451
Наксос	65
налог подушный	593
налоги, типы налогов	593–594
налоговая реформа при Алексее I	670
налогообложение	
после 1204 г.	595
изменения в VII в.	593
изменения в XII в.	594
принципы	592
населения плотность, оценки	316–317
Насир ад-дин ат-Тузи	840
настольные игры	715
наука, античное наследие	836
Национальная библиотека, Париж	143

Неа Мони, Хиос	347, 365, 391, 707
Неа Панагия; см. Фессалоника	
Неа Пафос	506
Неа Экклесия; см. Константинополь, церкви	
Неаполь	292
Небо, гора	464
невмы (neumes)	953, 954, 957, 959, 967
Негеб	343
неграмотность, определение	829–830
Нельсон Дж.	833
Немесий Эмесский	741
Неокастра	574
Неопалимая Купина, место явления	777
неоплатонизм	733–734, 746, 748, 750, 859
неоплатонизм, философия	746
неоплатоники, философы	853
неоплатонические школы, влияние	747–748
Неорий; см. Константинополь, порты	
неосавваитские всеобщие бдения	957
неосавваитский обряд	638
Неофит Продромен	847
неохалкидонизм	258, 738
Нерези, храм Св. Пантелеимона	366, 767
Нерсессян, С. де	20
нерукотворный образ, см. <i>ахиропоитос</i>	
Несебр	369
Несебр (Месемврия)	369
Нессана	126
несториане	255, 605, 888
несторианский спор	872
несторианское учение	843
несторианство	614, 616
несторианство, о природе Христа	736
Несторий	246, 614, 616, 648, 737, 738, 872
Неусыпающие монахи	956
Богослужение Неусыпающих	949
нидерландская живопись	195
Нидерланды	190
Ника, восстание	215, 258
Никандр из Колофона, <i>Theriaka, Alexipharmaka</i>	846
Никейская доктрина	872
Никейские императоры	587
Никейский Символ Веры	613, 614, 625, 908

Никео-Константинопольский Символ Веры	614, 735
Никея	64, 89, 154, 167, 173, 177, 240, 243, 288, 289, 293, 299, 329, 307, 343, 367, 387, 396, 430, 437, 604, 613, 615, 616, 703, 705, 735, 786, 788, 789, 793, 918, 974, 981
церковь Кимесис в Н.	396, 786
мозаичная апсида	396
двор Н.	878
Собор, Никейский; см. Соборы	
Никейская империя	286, 288, 294, 299, 430, 587, 668, 707, 974
стены Н.	387
Никита Ремезианский	952
Никита, двоюродный брат Ираклия	153, 259
Никита, <i>хартуларий</i> и епископ Иконополя	161
Никитин, Афанасий	46–47
Никифор I (император)	269, 270, 597, 665
Никифор II Фока	169, 272, 273, 274, 276, 461, 483, 495, 536, 537, 545, 546, 551, 649, 699, 707, 939, 940, 943, 979
<i>De Velitatione</i>	232, 940, 944
<i>Praecepta Militaria</i>	483, 944
<i>De Re Militari</i>	944
Никифор III Вотаниат	169, 276, 277, 385, 687, 875
Никифор Вриенний	865
<i>Исторические записки</i>	876
Никифор Каллист Ксанфопул, агиограф	900
Никифор Медикийский, Житие	898
Никифор Уран	943
<i>Тактика</i>	938, 944
Никифор, Патриарх и историк	789, 873, 874, 888
Житие	898
Никовул	916
Николаев диск, г. Синай	462
Николай I Мистик, Патриарх	272
письма	918
на взятие Фессалоники	908
Николай I, Папа	272, 624, 626
Николай Мефонский, <i>Опровержение Элементов теологии Прокла</i>	748
Николай Сионский, Житие	897
Николай, <i>просмонарий</i>	695
Никомах (арифметика)	837
Никомидийский залив	304, 307

Никомидия	237, 239, 241, 293, 304, 437, 451, 574, 658, 710
Никон Черногорец	639
Никополь	298
Никополь-на-Истре	504
Никосия, Византийский музей	798
Нил Анкирский	657
письма	917
Нил, река	231, 646
Нил, Св.	118
Нила долина	125
Нимфаион (Кемальпаша)	707
Нисса	161
Нитрия	563
Нифон	195
Нихория	504
новацианство	872
Новгород	453
церковь Преображения Господня, Новгород	798
<i>Новеллы</i>	724, 725
Ново Брдо, рудники	296
Нового Завета действующие лица	766
новозаветный греческий язык (койне)	866, 911
Новые Патры, герцогство Н.	167
Новый Завет	80, 82, 103, 120, 349, 620, 645, 767, 788, 866, 885, 887, 896, 898, 911, 928
новый историзм	24
Ной и его ковчег	79
номисма, денежная единица	50
<i>Номоканон Четырнадцати титулов</i>	726
<i>номоканоны</i>	726
Нонн Деяния Диониса	128
<i>нория (poria)</i> , «водяное колесо» (оросительный механизм)	408
норманнские завоевания	623
Норманнское королевство Сицилии	281
норманны	278, 280, 281, 484, 553, 587, 598, 623, 626, 627, 633, 669, 812
Нотара, Лука	555
Нотара, семейство	555
нотарии, Крит	149
Нубия	454, 455
нумизматика, определение	164
<i>нуммий (nummus)</i> , римск. медная монета	168
Нью-Йорк	167

<i>О стратегии</i> , анонимный трактат	479–480
<i>О церемониях (De Ceremoniis)</i> (трактат); см. Константин VII Багрянородный	
<i>Об управлении империей (De Administrando Imperio)</i> ; см. Константин VII Багрянородный	
обеденные традиции	706–708
Обелиск Феодосия; см. Константинополь, Ипподром	
облачение, литургическое	770
обожение	889
Оболенский Д.	26, 988
образование и христианство женское начальное среднее	34–35 817–818 819 817, 820 817, 820–821
обращение монет	664–665
Обряд Великой церкви	955–956
обряд византийский, этапы (становления)	630
общепринятое летоисчисление (н. э.)	43
Овидий	989
огнемет, «греческий огонь»	486
одежда	
представление в изобразительном искусстве	412–413
о. духовенства	417
о. мужская	416
о. женская	415
функции о.	411
о. монашеская	417
производство о.	412
сохранность о.	412
тенденции в о.	415
вариации (разнообразие) о.	414–415
стирка о.	507
письменные свидетельства об о.	412
Одигитрия; см. икона монастыря Одегон; см. Константинополь, монастыри	
<i>Одиссея</i>	385, 820
Одоакр	248, 257
Оксиринх	130
Оксиринхский сайт <i>Папирусы Оксиринха</i> (<i>Oxyrhynchus Papyri</i>)	128
Оксфорд	14
Октатеух (Осьмогласник), рукописи	474
Октатеухи	72, 81
Октоих	954, 956, 958
Олимп, гора	611, 646

Олимпиады	871, 872
Олимпиодор, алхимик	846
Олимпиодор, историк	870
Олимпиодор, философ	747, 751, 845
олово	450
олово, применение	456
Ольга, княгиня Руси	544
Омар I	968
Омейадская династия	987
Омовение Ног	767
Омонт Г.	143
Онаандр	942
о командовании	938
Онианс Дж.	756
Оппиан	847
Опсикий, фема	574
оптика	844
Оптиматы, фема	574
Оресм, Никола	165
<i>Трактат о деньгах</i>	165
Ориген Александрийский <i>Гекзапла (Hexapla)</i>	128, 561, 749, 852, 886, 887, 907, 910
Орландос А.	21
Орови, Арголида	161
Оронт, река	230, 408
оружейные мастерские	450
орфанажы (сиротские приюты)	655–656
Орфанотрофион; см. Константинополь	
орфаны (сироты), забота о	655–656
Орфей	78, 759
осадные боевые действия	943
осветительные приборы	453–454
Осман, османы	47, 60, 148, 174, 286, 291, 293, 296, 297, 298, 320, 497, 595, 609, 638, Э 671, 672, 703, 879, 880
османов продвижение	628
Османская империя	15, 43, 47, 60, 61, 190, 233, 919, 975
османские правители	611
османские янычары	960
османский мир	489
османский период	306
османский султанат	974
османское завоевание	384, 705, 949
остготские короли	713
остготы	167, 257, 258

Отель-Дьё, Париж	661
Отранто	120, 278
оттиски (штампы) на кирпиче, виды	200
Отгон I	276
Отгоны	276, 977
отцы-пустынники, Жития и Изречения (Апофтегмы, Arophthegmata)	643
Оустерхаут Р.	359
Охрид, храм Св. Софии	366
Павел Александрийский	845
Павел из монастыря Евергетиссы	909
<i>Синаксарь (Synaxarion)</i>	890
Павел Силенциарий	452, 460, 930
Павел, <i>диакон</i>	158
павликиане	271
Пала де Оро (Pala d'Oro), Сан Марко, Венеция	464
Палама, Григорий	628, 742, 750, 888, 891, 899
Паламизм; см. исихасм	899
Палатинская Антология; см. Греческая Антология	
Палатинский дворец Домициана	540
Палаццо Венеция (Венецианский дворец), шкатулка из слоновой кости	460, 461
палеовизантийская литургия	630
палеовизантийские нотные знаки	953
палеография, греческая	112–122
палеография, греческая и латинская, различия	113
палеография, греческая, проблемы	114
Палеологи	553, 698
Палеологи, императоры, политика	295–296
Палеологиня как патронесса книг	472
Палеологов династия	289
Палеологов империя	299
Палеологовская агиография	899, 900
Палеологовская эпоха	813
архитектура	367–369
Палермо	429
Капелла Палатина	758
Палестина	120, 261, 317, 343, 345, 362, 406, 407, 409, 449, 491, 563, 635, 638, 639, 643, 646, 650, 651, 658, 664, 776, 779, 780, 797, 811, 891, 896, 949, 975, 976
палестинская псалмодия	956–957
палестинское монашество	765

Палладий, <i>Лавсаик</i>	644, 890, 896
Паломническая Дорога (Дорога Пилигримов)	304, 306
паломнические сувениры	779–780
паломническое искусство, категории	775
Пампрепий из Панополя	128
Памфил и его библиотека	853
Памфилия	310
Панагия Канакария, Кипр	391
Панагия Ликодема; см. Афины	
Панагия Халкионская; см. Фессалоника	
Панарет	46
Пангаион, гора, акведук	382
Пандидактирион Феодосия II	822
панегерические гомилии	909
Панополь (Ахмин, Верхний Египет)	837
Панофски, Э.	78
Пантелеимон, г. Афон	48, 462
Пантократора (Вседержителя) монастырь, г. Афон	143, 797
Пантократора (Вседержителя) монастырь; см. Константинополь, монастыри	
Пантолеон, художник	797
пантомима	711–712, 713
Пападопуло-Керамевс А.	901
папий, дворецкий Большого императорского дворца	539, 540, 542
Папикион, гора, монастырь	386
Папикион, Фракия	407
<i>Папирологическая библиография (Bibliographie Papyrologique)</i>	132
Папирологический семинар, Гейдельберг (Seminar für Papyrologie, Heidelberg)	133
папирология	113
определение п.	125
папирология: прогрессивная информационная система (Advanced Papyrological Information System)	132
папирус в книгах	469
папирусы, документация	129–132
папирусы, классификация	127–128
Папп	836
папское реформистское движение	626
Парамифия	386
Паренти С.	640

Париж	12, 166
Национальная библиотека Франции	167
Сент-Шапель	775
Парфенон; см. Афины	
парфяне	237, 976
Парфянское царство	976
Патин, Шарль	165
Патирион, монастырь	120
Патлажан, Э.	717
Патмос	707
монастырь Св. Иоанна	475, 796
библиотека	855
Патр залив	224
Патриарх Константинопольский	11, 248
Патриархат, Константинополь	146
Патриаршья библиотека	853
Патриаршья школа	823, 843
Патрикий	555
патронаж	694, 696–697
патронаж как <i>promotacia</i> (<i>prostasia</i>)	697
Патры	304, 386, 429, 609, 695
Паулин	659
Паулин из Нолы, епископ	918
Пафлагония	161, 334, 586
Пахимер, Георгий	292, 837, 840
как философ	748
историк	878
о логике	751
о музыке	842, 958
прогимнасмата (<i>progymnasmata</i>)	862
<i>Квадривиум</i> (<i>Quadrivium</i>)	840
<i>Четверокнижие</i> (<i>Tetrabibla</i>)	821–822
пахлави	126
Пахомий	563, 646–647, 853, 890
Житие	896
Пегия, Кипр, храм Св. Георгия	383
Педиасим, Иоанн	838, 842
Пелагия Антиохийская, Житие	897
Пелопоннес	65, 157, 161, 224, 266, 269, 271, 286, 293, 320, 338, 385, 437, 491, 554, 587, 589, 595, 666, 671, 842, 880, 933, 975, 990
Пентакувуклий; см. Константинополь, Большой императорский дворец	
Пентаполь	615, 617
пентархия Патриархов	625, 626

Пентекостарион	956
Пепагомен, Димитрий	848
Пера, Константинополь	705
Перга	207
Пергам, Кизил Авлу	343, 385, 403, 406, 434, 439, 441, 455, 469, 500, 501, 702
Кизил Авлу (Серапеум)	343
пергамен	469, 474
переписчики	99
переписчики, роль в изготовлении книг	471–472
<i>Перипл Великого моря</i>	844
перихорисис (perichoresis)	735
Перпетуй, епископ Тура	349
Перпетуя, <i>мartyрий</i> Перпетуи	895
Персидская держава	232
персидские астрономические таблицы	838, 841
Персидские войны	248
<i>Персидские таблицы</i>	843
Персидский залив	230
персидский язык	836
Персидское царство	968, 976
Персия	244, 254, 255, 257, 259, 260, 292, 426, 621, 806, 811, 845, 870
персы	56, 236, 254, 257, 261, 337, 548, 710, 810, 836, 987
Песенное Последование <i>см.</i> Богослужбное Песенное Последование	
Песенное последование (<i>Asmatike Akolouthia</i>)	955, 956
песнопения, библейские	891
Пети Л.	143
Петр Аргосский	655
Петр Великий	43
Петр Патрикий	537
<i>Петр Пахарь (Peters Plowman)</i> , Сказание о П. П.	102
Петр, брат императора Маврикия	602
Петр, царь Болгарии	273
Петра	126, 345
Петрарка	165
пехота, экипировка	479–480, 481, 472–483
печатание греческих текстов	113
печати	14, 32, 33, 83, 108, 145, 151, 157, 166, 185, 308, 413, 426, 456, 831, 915
критерии датирования	161–162
сюжеты /изображений/ на п.	158–158
шрифты	158

печать, золотая	138
печенеги	45, 278, 280, 484, 553, 669, 981, 987
пизанские торговцы	668
пиксиды из слоновой кости	459–460
Пилы (близ Ялова)	304
Пилы Киликии (близ Поданда)	304
Пинд, горы	224
Пиндар	820
Пипин	266
<i>Пира</i>	38, 687, 688, 727
Пиринеи	193
пиршественный этикет	705–706
пиры, культурная роль	705
<i>Писатели после Феофана (Scriptores post Theophanem)</i> также известны как <i>Продолжатель Феофана (Theophanes Continuatus)</i>	874
Писидия	407
письма	33
интерпретация п.	919–920
разновидности п.	914–915
письменные принадлежности в школах	822
<i>Письмо трех Патриархов к императору Феофилу</i>	793–794
Пифагор, о музыке	948
Пифион (Фракия), крепость	388
Плануд, Максим	469, 837, 838, 843, 854, 858, 859, 861, 864, 930
как переводчик	748
плата за обучение	818
Платамон, Пиерия	381
Платеи, битва при	214
Платон	119, 733, 748, 749, 750, 821
о музыке	948
<i>Тимей</i>	732
платоно-стоические взгляды на космос	732–733
Плащаница, тканевая	769
Плиска	61, 454, 455
Плифон, Георгий Гемист	299, 748, 749, 841, 842, 843, 879
Плодородный полумесяц	230, 231, 233
Плусиадин Иоанн, епископ Мефона	958
Плутарх	846, 847
повозки	306–307
повседневная жизнь христиан	564–565
погребальная литература	91

Подандос (Позанти)	304
позднеримская краснолаковая посуда типа D (Late Roman D (slip ware))	434
позднеримская посуда типа C (Late Roman C (ware))	434
покаянная поэзия	931
пол (сексуальность), вытекающие из него обязательства	676–677
полемические проповеди	908–909
политический стих (акцентный метр)	929
полихромная посуда, формы и цвета	437–438
поло (циканион)	715
Польша	973, 977, 988
пометка (фиксирующая) составителя документа	138
Поммерсфелд	126
Помпеи	195, 395
Понт	46, 64, 66, 639
Понт, диоцез	605
Португалия	54
порты; см. Константинополь, порты, гавани	
порфир (мрамор)	352
Порфирий	749, 751
и гармонии	948
<i>Isagoga (Isagoge)</i>	751
Порфирий, возничий	214
посуда эпохи Комнинов, типы и декор	440–441
почтовая служба (<i>cursus publicus</i>)	306, 308, 309
почтовые станции	308, 312
поэзия на просторечном греческом языке	932–933
поэзия, богословская	891
поэзия, литургическая	635–636
поэзия, природа п. в Византии	926–927
Правила (устав) Св. Василия	650
Правило (устав) Св. Бенедикта	636
Православие	738
Православие (правильное вероучение), важность	889
Православие Христологическое	739
правосудие, см. юстиция	
праздники, греко-римские	709–710
праздничные проповеди	908
представления с дикими животными	711, 713
Прейзигке Ф.	108
Прелюбович, Фома	796
Преображение	160, 740, 741, 778, 798

Преслав	61, 438, 453
Претекстат	603
префект претория	52
префектура претория	568
префектуры при Константине	568
управление п.	568
приверженцы старого стиля (датирования по церк. календарю)	43
приготовление и хранение пищи	501–502
приготовление пищи	501–502
приданое	688
придворные титулы	535–536
Приена	659
примат Рима	605
Приск, историк	869
Причастие Св. Апостолов	770
приюты	654
<i>прогимнасмата (progymnasmata)</i>	821, 860, 861, 862, 863, 864, 865
продовольствие, поставки	702–703
продолжительность жизни (демогр.)	319
Продром, Манганий	862, 864, 931
Продром, Феодор	863, 864, 931, 932, 933
и эпиграммы	930
письма	918
<i>Стихотворения бедняка Продрома; см. также</i>	814
Продромические поэмы	
Продромические поэмы	703
Проект «Персей»	133
Прокл, Патриарх	659, 906
Прокл, философ	747, 748, 749
комментарии к <i>Пармениду</i>	748
Проконнес, остров	67
Прокопий Газский	886
письма	918
Прокопий Кесарийский	23, 342, 382, 387, 449, 451, 480, 481, 485, 660, 674, 869, 870
<i>О постройках</i>	327, 862, 865
<i>Тайная история</i>	862–863, 865
Прокопий, узурпатор	243
<i>пронии</i> держатели	294
<i>прония (propoia)</i>	553, 586, 587, 594
Пропилеи; см. Афины	
проповеди, см. богословские проповеди (гомилии)	
Пропонтида	209, 212
Просвещение, отношения к Византии	16

проскинитарий	795
<i>Просопографический лексикон эпохи Палеологов</i> (<i>Prosopographisches Lexikon des Palaiologenzeit</i>)	184
просопография	
определения п.	182
потенциальные ошибки п.	185
типы п.	183
<i>Просопография византийского мира</i> (<i>Prosopography of the Byzantine World</i>)	184
<i>Просопография Византийской империи</i> (<i>Prosopography of the Byzantine Empire I</i>)	184
<i>Просопография поздней Римской империи</i> (<i>Prosopography of the Later Roman Empire</i>)	184
<i>простагма</i> (<i>prostagma</i>)	37, 138, 141, 142
Просфорий; см. Константинополь, порты	
Протат г. Афон	143, 144, 146
противовесы	56
профилактика заболеваний	719–720
ретроспективная диагностика	718
источники по	717–718
<i>Прохирон</i> (<i>Procheiron</i>)	725
процессионные иконы	795
Пруса	659
псалмодия в Константинополе	949–950
Псалтикон	955, 956
Псалтирь	886, 898
Псевдо-Герон Византийский	943
Псевдо-Дамаскин, о музыке	959
Псевдо-Димитрий	920
Псевдо-Димитрий, <i>Эпистолярные типы</i>	916, 917, 920
Псевдо-Дионисий	747, 749
Псевдо-Дионисий из Тель-Махра, <i>Хроники</i> <i>Зукнина</i>	873
Псевдо-Иешуа, <i>Хроника</i>	873
Псевдо-Кодин	538–539
Псевдо-Ливаний	920
<i>Эпистолярные стили</i>	917
Пселл, Михаил	45, 90, 110, 276, 748, 750, 757, 823, 838, 845, 847, 854, 861, 866, 877, 887 745, 747
как философ	
<i>Хронография</i>	23, 92, 813, 865, 874, 875
<i>De omnifaria doctrina</i>	748
<i>Письмо о хрисопое</i>	846
письма	918
о музыке	958
парафраза <i>Интерпретаций</i> (<i>De Interpretatione</i>)	751
парафраза <i>Первой аналитики</i>	751

<i>псогос (psogos)</i>	862–863
Птолемей	836
<i>Альмагест</i>	838, 844
<i>География</i>	843
<i>Ручные таблицы</i>	839, 840, 841, 843
<i>Математическое построение</i>	821
как музыкальный теоретик	958
<i>Четверокнижие</i>	844
Птолемей, Псевдо-, <i>Carpus</i>	845
Птохопродром; <i>см. также</i> Феодор Продром	386, 667
<i>Птохопродромика</i> ; <i>см. также</i> Феодор Продром	932
Пуатье	988
Пульхерия	215, 217, 246, 679, 680
пустынничество	646
Пято-Шестой собор; <i>см.</i> Соборы	
Раваника, Сербия	369
Равда, Николай	842
<i>Арифметические письма</i>	838
Равенна	21, 126, 257, 258, 261, 266, 342, 344, 604, 707
мавзолей Галлы Плацидии	343, 362
мавзолей Теодориха	346, 348
православный Баптистерий	347
порт Классис	491
Сант-Аполлинаре (храм)	706
Сант-Аполлинаре Нуово (храм)	491
Санта-Кроче (Св. Креста) (храм)	361
Св. Иоанна Богослова (храм)	343
Сан-Витале (храм)	343, 347, 363, 391, 539, 766
Равеннский экзархат	266
Рагуза	979
Радегунда, королева	463
Радены	552
радиоуглеродный (C–14) метод датирования	45, 196
Радолив	146, 334
Радохоста	334
Разбойничий собор; <i>см.</i> Эфес, Эфесский собор	
разделение искусства на и. метрополии и провинции	801, 803
разделение Церквей после 1204 г.	627, 628
Рамсей, сэр Уильям	43, 59, 63
Рансимен, С.	14
Рансимен, У.	25, 26
Раскин, Джон и <i>Камни Венеции (Stones of Venice)</i>	19

Распятие	463, 761, 775, 786, 795
расходы, подсчет р.	596–597
рацион питания и недоедание отношения к в Византии	718 703 701–702
Реггио	278
Регий	309
регистрационная отметка	138
Редесто (Текирдаг)	309, 660, 704
Реджио, шрифт	120
резервы финансовые	597–598
Рейн	193, 243, 454
Рейнланд	195
Ренессанс (Возрождение)	15, 21, 104, 165, 190, 190, 391, 393, 780, 856
Ренессанс, «Македонский»	83, 461, 813, 839
Ренессанс, «Палеологовский»	368
Ренессанс, Италия	299
Ренессанс, итальянский	21, 112, 299, 369, 391, 749, 989
Ренессанса художники	190
Реторий, на астрологию	845
рецепционистская теория в истории искусства	73–74
Рим	20, 64, 152, 168, 225, 237, 266, 271, 302, 398, 458, 554, 558, 602, 603, 615, 616, 618, 620, 757, 811
Арка Константина	352
Августа (времен правления)	182
Базилика Максенция	348
бани Каракаллы	191
бани Диоклетиана	191
епископ Р.	244, 249
оттиски (штампы) на кирпиче	200, 204
Церковь Р.	988, 989
Циркус Максимус (Большой цирк)	710
Цирк Максенция	348
Колизей	713
колонна Марка Аврелия	82
Колонна Траяна	82
константиновы постройки	360–361
Крипта Бальби	53
Латеранская базилика	352, 361
Латеранский дворец	707
Мавзолей Константина	362
Мавзолей Елены	347, 362
Новый Р.	239
Древний Р.	605
Сент-Аполлинаре Нуово	347
Сан-Лоренцо	361

Санта Мария Антика	393
Св. Павла за городской стеной (храм)	362
Св. Сабины (храм)	343, 349
Св. Стефана Ротонда	362
Свв. Иоанна и Павла (храм)	343
Св. Петра (Константинова базилика)	349
Собор Св. Петра	350, 361, 774
Траянский форум	211, 380
вилла Гордианов	347
см. бронзовые двери	
римо-католицизм	988
Римская империя	968, 969, 973
римская краснолаковая столовая посуда	433
римский пробел»	193–194
риторика	
и искусство	756–757
определения р.	858–859
роль в образовании	821
Роберт Гвискар	278, 280
Родопы, горы	224, 225, 226
Родос	286, 491
Родосский Морской закон	489
предписания	493
родственные связи	684–685, 689
по «соглашению» (syntekniai)	675, 686, 688, 689, 690
термины, обозначающие р. с.	686
воспреемничество при Крещении	689–690
Рождество Христово	42, 390, 461, 761
Рожер II Сицилийский	429
Роман I Лакапин	218, 273, 274, 278, 465, 549, 697, 980
Роман II	273, 461, 463, 544
потир Романа II	452
Роман III Аргир	277
Роман IV Диоген	233, 277, 278, 307, 875
Роман Сладкопевец (Мелод)	92, 865, 891, 928
Романова» слоновая кость	461
романская архитектура	367
романы в стихах	932
романы на простонародном греческом наречии	933
романы эпохи Комнинов	92
романы эпохи Палеологов	92
Ромеи (знатный род)	552
Ромул Августул	236, 257
Рос, Варвик	167
Росикон (монастырь), г. Афон	143

Россия	13, 19, 26, 47, 48, 226, 365, 453, 988, 989
Ротонда; см. Фессалоника	
рудники, местонахождение	449–450
Руйар Ж.	143
рукописи, папирусы	127, 128
рукописи	
Athens 2458	957
Athens, Nat. Lib. 788	637
Chicago 2400	120
Синайский кодекс, London, BL, Add. 43725	114, 115
Ватиканский кодекс, Vat. gr. 1209	114, 115
Florence, Laur. 28.4	119
Florence, Laur. 32.9	112, 117
Florence, Laur. Conv. Soppr. 627	89
Florence, Laur. LV-4	943
Флорентийские пандекты, Библиотека Лауренциана	115
Leipzig, Univ. 28 (Rep. i.17)	495
Madrid, Biblioteca Nacional, vitr. 26-2	495
Marc. gr. 524	930
Marc. gr. 299	846
Meteora 565	117
Milan, Ambros. B 119-sup (Gr. 39)	494
Naples, Bibl. Naz. III Aa 9	89
Oxford, Auct. D. 4. 1.	117
Oxford, Bodl. Auct. T. infra II. 2	116
Oxford, Bodl. Gr. th. f. 1	769
Oxford, Bodl. Holkham 290	846
Oxford, Bodl. Seld. 16, supra 17	843
Oxford, Bodl, D'Orville 301	117
P. Oxy. 2258	116
Par. Gr. 1741	860
Par. Gr. 2919	860
Par. Gr. 3032	860
Paris, BN gr. 1208	89
Paris, BN gr. 2419	846
Paris, BN gr. 74	403
Paris, BN gr. 510	474
Paris, BN gr. 1470	118
Paris, BN gr. 1476	119
Paris, BN gr. 2144	471
Paris, BN gr. 2934	119
Paris, BN Suppl. gr. 309	89
Prague, VI. Fa. 1	119
Ravenna 429	117
Sinai gr. 183	504
монастырь Св. Екатерины, Синай, недавние находки рукописей	117

St Petersburg, gr. 219	117
St Petersburg, gr. 105	120
Vat. gr. 1134	846
Vat. gr. 1158	472
Vat. gr. 1162	89
Vat. gr. 1302	119
Vat. gr. 1594	839
Vat. gr. 1613	769, 797
Vat. gr. 2200	116
Vat. gr. 212	841
Vat. gr. 225-6	119
Vat. gr. 2282	639
Vat. gr. 65	121
Vat. Pal. gr. 186	119
Vatopedi, 620	404
Венский Диоскорид (Vienna Dioscorides), Vienna, ONB, Med. g. 1	115
Vind. Hist. gr. 125	829
Румыния	190, 207, 369
русские паломники	774
русские степи	486
русский язык	144
русы (росы)	585, 983, 984, 988
Русь	276, 277, 369, 464, 636, 843, 954, 969, 977, 980
Русь эпохи викингов	973
Руфин, префект претория	245, 872
рыночные площади	380
Сабатье, Пьер Жюстен	166
Сава, река	224, 226
Савва Великий (Освященный), Житие	896
Савваитские литургические службы	638
Савваитское монашество	638
Савватиский обряд	637
Сагаласса	64
сагаласская посуда	434
Саглики	310, 311
Саккудион, Вифиния	634
Саксония	977
Саксонская империя	973
сакья (<i>saqiya</i>), ирригационный механизм	408–409
Саламин	506
Саленто, библиотека в	854
Салерно, см. бронзовые двери	
салические франки	257
самаритянка (еванг.)	79

Самос	589, 704
Самосата	404
Самофракия, башня Фония	388
Самуил, царь болгарский	276
Сан-Винченцо аль Вольтурно	53
санитария	505–506
Санторин (Фера)	704, 788
Саранда Колон, Пафос	443
Сардиния	224, 977
Сарды	350, 353, 450, 454, 464, 504, 609, 658, 664
Саркел	270
Сарухан, эмир Сарухана	293
Сасанидов династия	738
Сасанидов кавалерия	481
Сасанидов Персия	583
Сасанидов стекло	465
Сасанидов текстиль	428
Сатгон Ху	454
Сатурнин, сенатор	648
Саул (Ветхий Завет)	761
Св. Августин	620, 625
Св. Алексей, Человек Божий	504
Св. Антоний основатель монашества письма Житие	563, 644–645, 646 917 895, 896
Св. Артемий, Чудеса	898
Св. Афанасий Афонский	707
Св. Василий	796–797
Св. Георгий	160, 171, 796
Св. Георгий Хозевит, Вади Келт	646
Св. Гора (Афон); <i>см.</i> Афон, гора, Святые Горы	611
Св. Григорий Декаполит	304
Св. Дева <i>см.</i> Св. Дева Мария; <i>см. также</i> Богородица (Теотокос) с Младенцем Елеуса пояс иконы Кириотисса (Kyriotissa); <i>см.</i> Константинополь, церкви усыпальница	80, 158, 160, 263, 271, 759, 760, 766, 767 171, 175, 675 216, 390, 396, 756, 757 82 216 82, 785, 786 213

Св. Димитрий; <i>см. также</i> Фессалоника, храм	171, 307, 382
Св. Д. энкомий Св. Д. Чудеса Св. Д.	900 898
Св. Евгений Трапезунтский, Житие	900
Св. Екатерина	778
Св. Ефимия; <i>см.</i> Константинополь, церковь Св. Ефимии	
Св. Зотик	160
Св. Иоанн Лествичник (Климак)	778
Св. Иоанн Студит; <i>см.</i> Константинополь, монастыри	
Св. Ирина; <i>см.</i> Константинополь, церкви	
Св. Исаак Сирий, монах	648
Св. Кодрат	160
Св. Колумбан	779
Св. Косьма и Дамиан, Чудеса	897, 900
Св. Лазарь иконописец	793
Св. Лука	217, 777, 793
Св. Мавр, конгрегация Св. Мавра	112
Св. Мария Паммакарита; <i>см.</i> Константинополь, церкви	
Св. Михаил	160
Св. Николай	160, 796
Св. Писание, Писания	560, 601, 624, 732, 735, 749, 750, 752, 885, 886, 896, 909, 953, 955
Св. Полиевкт; <i>см.</i> Константинополь, церкви	
Св. Савва Лавра монастырь Св. С., псалмодия богослужение	635, 950 951 635
Св. Савиур в Хора; <i>см.</i> Константинополь, монастыри	
Св. Сергей и Вакх; <i>см.</i> Константинополь, церкви	
Св. София	158
Св. София, Великий Деисус	794
Св. София; <i>см.</i> Константинополь, церкви	
Св. Троица	739
Св. Феодор (Стратилат)	160
Св. Феодор Сикиот Житие	306–307 306–307
Св. Феодора Артская, Житие	899
Св. Феодосий Печерский	636
Св. Феофилакт	658
Св. Франциск, фрески	217

Свенсон Х. и <i>Церковь Св. Софии (The Church of Sancta Sophia)</i>	19
светская музыка	959–960
свинец, применение	456
свиток, папирус	127
свиты	695–696
меняющаяся природа	697–698, 699
типы	696
своды, см. купола	
Святая Земля	304, 361, 904
Святая Святых, реликварий	779
Свято-Пантелеимонов монастырь, см. Россикон	
священники, обязанности	560–561
Сгуры	554
Севастия (Сивас)	278, 306
Севастьянов П. И.	143
Севериан Габальский	732
Северная Африка	664
Северное море	972, 977
Севир, Патриарх Антиохии	249, 738
Севсо; см. серебряные клады	
Селевк Никатор	42
Селевкидов эра	42, 43, 44, 47
Селевкия	151
Селевкия Пиерия	362
Селим Кале	506
Селимврия	154, 298
Сельджук, сельджуки (турки-с.)	233, 278, 288, 291, 293, 296, 297, 306, 318, 329, 366, 633, 668, 975, 990
сельджукидов вооруженные силы	973
Сельджукидов держава	981
Сельджукидов династия	972
Сельджукиды	974
сельджуков архитектура	368
Сельджуков эпоха	65
сельское хозяйство	401 и далее
зерно, зерновые культуры	404–405
расширение производства	666–667
виды упряжи для лошадей и волов	402
методы орошения (ирригации) мельницы,	408–409
разновидности	406–407
мускульная сила	402
плуг, типы	402–403
приемы вспашки	402
прессы для вина и оливок	405–406
серп, типы	403

террасы	403
инструменты (орудия)	403–404
семитские языки	31
семья	
как модель взаимоотношений	684
источники	685
сенат, членство в	239, 289, 535–536, 552, 693–694
Сенахерим, Какос	289, 292
Сен-Дени (Св. Дионисий), «имперское письмо»	137
сенкшмельц, техника изготовления эмали	463
Септимий Север	209, 210
Септуагинта	44, 103, 870, 885, 886
Серапеум, Александрия	240, 852
Сербия	173, 207, 281, 286, 291, 293, 296, 299, 320, 369, 455, 588, 671, 797, 975
Сербия, архитектура С.	366, 367–368
сербский язык	144
сербы	281, 295, 296, 297, 320, 555, 588, 671, 973, 974, 988
Сервантес	43
Сервия, укрепления	388
Сергий I, Папа	618, 624
Сергий, Патриарх	260, 606, 616
Сердика (София)	226
Сердика, Собор в С.; см. Соборы	605, 618, 620
серебряные рудники	449
клады. сокровища	452
контрольные штампы	452
для использования в церкви	452
применение с.	451
Серры	160, 296, 297, 444
Серце Лимани	53, 67, 492
Сиатиста, Дом Нерандзопулу	191
Сивин, великий жупан Болгарии	453
сигиллография	34
определение с.	157
Сидоний Аполлинарий	918
Сикелиан (автор писем)	916
Сикелиот, Иоанн	861
Сикундин, Лев	385
Сикьютрес Дж.	914
<i>силика</i> (<i>siliquae</i>)	50
Симеон Логофет, историк	874
Симеон Метафраст	899, 900
Симеон Новый Богослов	650, 739, 741, 890, 891, 909

Симеон Сиф	839, 846, 847
Симеон Столпник, Новый, Житие	896
Симеон Фессалоникийский	765
письма	919
Симеон, архиепископ Фессалоники	956
Симеон, царь Болгарии	272, 273
Симмах	711
Симон Д.	728
Симоне Бокканегра	295
Симпликий	747, 751, 916
Синай	230, 449, 639
монастырь Св. Екатерины	21, 349, 363, 391, 476, 646, 651, 786, 803
иконы	72
библиотека	855
мозаика Преображения Господня	778
паломнический комплекс	777
Синай, гора	759
Синай, гора, календарные иконы (иконографический календарь)	769
Синай, гора, монастырь Св. Екатерины	792, 794
Синайский кодекс	852
<i>синаксари (synaxaria)</i>	82
Синаксарь Константинопольский	45, 899, 955
Сингидунум (Белград)	226, 302
Синесий Киренский	90, 891
Синесий, алхимик	846
Синие, факция (цирковая партия)	152, 712
Синкелл, Георгий, хронист	873
синкрисис (<i>synkrisis</i>) в искусстве	760–761
синкрисис (<i>synkrisis</i>) в экфрасисе	757
Синод, <i>Эндемуса (Endemousa)</i>	607
Синодик	953
<i>Синодик Ивилона</i>	146
Сириан Магистр	480, 859
военный трактат С.	941
сирийская агиография	897
Сирийская Православная Церковь	621, 623
Сирийская пустыня	230
Сирийская Церковь	645
сирийские рукописи	853
сирийский как родной язык (<i>lingua franca</i>) в Персии	811
сирийский язык	31, 126, 468, 811, 847, 890, 914
сирийское монашество	896

сирийцы	276, 489, 648, 810, 873, 988
Сирия	31, 56, 60, 151, 227, 232, 237, 246, 254, 255, 261, 310, 317, 318, 337, 342, 343, 345, 347, 348, 362, 406, 413, 414, 426, 452, 454, 459, 506, 558, 615, 619, 621, 639, 643, 645, 646, 655, 664, 738, 740, 780, 797, 811, 853, 891, 896, 928, 975, 976, 977
Сирмиум (Сремска Митровица)	302
сироты, см. орфаны	
Сицилийская Вечерня	292
сицилийские мастерские	461
Сицилия	110, 114, 190, 224, 257, 262, 266, 270, 272, 274, 281, 292, 318, 382, 398, 408, 426, 429, 454, 480, 491, 495, 589, 705, 806, 810, 968, 974, 976, 979, 981
скальные (высеченные в скалах) церкви	366
Скандинавия	456, 843
скандинавы	585
Скараноса имение (поместье)	406
Скетис	563
Скилица, Иоанн, хронист	453, 485, 495, 699, 875, 919
Скиния Моисея	843
Скит Т. С.	115
Скифополь (Бет-Шеан)	454
скифы-кочевники	969
Склиры, семейство	549, 550
скрупулум (<i>scrupulum</i>)	50
Скупи (Скопье)	302
Скутариот, Феодор, епископ Кизика, хронист	878
славян миграции	609
славян нашествия	810
славяне	254, 271, 277, 303, 327, 337, 550, 658, 664, 973, 978, 979, 983, 988
славянские вторжения	601, 788
славянские земли	651
славянские народы	974, 975
славянские племена	232, 651
славянские языки	32, 468
славянский (язык)	109, 154, 940
славянский алфавит	271
слоновая кость, африканская	458–459
слоновая кость, предметы изображавшиеся на	460–461
слоновая кость, применение	458–461
Смирна	306, 434, 454, 668, 829, 830

собор, предшественники собора	19, 20
Собор; см. Соборы	
Соборы	
Анкийский (314 г.)	619
Антиохийский (341 г.)	619–620
Карфагенский (419 г.)	620–621
Халкидонский (451 г.)	244, 246, 255, 605, 606, 611, 614, 618, 621, 623, 647, 738, 739, 873, 886, 628
Константинопольский (1341, 1351 г.), об исихасме	628
Константинопольский (869–870 гг.)	304
Константинопольский (879–880 гг.)	617, 625
каноны	625–626
Константинопольский I (381 г.)	244, 605, 614, 617, 618
Константинопольский II (553 г.)	616, 738
Константинопольский III (680–681 г.)	616, 888
Эфесский (431 г.)	246, 614, 618, 623, 737, 888, 928
Эфесский (449 г.; «Разбойничий собор»)	246, 255, 614
Ферраро-Флорентийский (1438–1439 гг.)	621, 628–629
Гангрский (325–381 гг.)	618, 619, 647
в Иерии (754 г.)	265, 608, 633, 785
в Трулло (Пято-Шестой)	45, 558, 618, 624, 639, 714, 726, 787, 906, 952
Лаодикийский (343/382 г.)	620, 949
Лионский (1274 г.)	621, 627
Неокессарийский, Понт (314–325 гг.)	619
Никейский I (325 г.)	240, 559, 605, 613–614, 617, 618, 619, 621, 623, 736
Никейский II (787 г.)	559, 560, 608, 616, 618, 619, 624, 626, 633, 784, 785, 789, 793
в Сердице (342 г.)	605, 618, 620
в Тире (335 г.)	620
соборы церковные	558, 559
Соборы, Вселенские	613–619, 889
Соборы, поместные	613, 619–621
собрания писем, писем коллекции	917
собрания Чудес	897–898
Созомен, историк	872
Сократ, историк	872
сокращения при письме	118
солдаты, меняющиеся способы содержания	584–585
Солесм	961
солид, золотая монета	50
Сольси, Поль де	166
сонники	703
Сопатр	859
Сотворение Мира	45

Сотериу Г.	21
София (город)	61
София, императрица, жена Юстина	679
Софокл	112, 117
<i>Аякс, Электра, Царь Эдип</i>	820
<i>Электра</i>	112
Софоклес «Словарь греческого и римского периодов» (Sophocles, and <i>Lexikon of the Greek and Roman Periods</i>)	106
Софоний (философ)	748
парафраза <i>Софистических опровержений</i> (<i>Sophistici Elenchi</i>)	751
Софроний, Патриарх Иерусалима	891, 898, 951
социо-этические проповеди	908
Сошествие во ад, икона	797
<i>Спанос</i>	934
Спанхейм, Эзекииль	165
Спарта	386, 387, 439, 668
Спарта, Св. Варвара	384
Спиридон, Отец, из Лавры	143
Сплит	344
спор о Трех Главах	258, 616
спор об исихасме	296, 628
Средиземноморская география	223–224
Средиземноморье	176
средневизантийская (круговая) нотация	954
Средний Восток	32, 479
Ставракий	270
Стамбул	11, 21, 166, 194, 195, 536
Стамбул, Атик Мустафа Паша Ками	364
Стамбул, Музей археологии	210, 214
<i>стаменон (stamenon)</i> , монета	171
Стамфордский мост, битва при	585
старославянский	890
старосогдийский	890
Стафан Душан	293, 296, 298
стациональная литургия	630–631
стеатит (мыльный камень), происхождение	462–463
стекло	353–354
мозаичное	395
тессеры (кубики) мозаики и оконное стекло	464–465
исламское влияние	465
производство	395–396
технология	504
<i>стемма (stemma codicum)</i>	98–100, 101, 102, 103, 104

стенная роспись	
опасности для	392–393
красители	392–393
техники	391–393
стены городов; <i>см. также</i> Константинополь	387
стены, каменные	342–343
степи, характер	226–227
Стефан Александрийский <i>Комментарий к ручным таблицам</i>	845, 846 839
Стефан Византийский, <i>Эфника</i>	844
Стефан и <i>Тезаурус греческого языка (Thesaurus graecae linguae)</i>	106
Стефан Новый, Житие	898
Стефан Первовенчанный	286
Стефан, иконописец	803
Стилвес, Константин	930
Стилихон	245
диптих	459
Стихирь	957, 958
стихотворения, приуроченные к (стихи по случаю)	930–931
Стоби	380
стоики	750
стоическая философия	746
Столетняя война	291
столовая посуда, керамика	502
столовая посуда, металл	503
столовая посуда, развитие стилей	439–440
Стоун, Лоуренс (Stone, Lawrence)	182, 183, 185
Странк О. (Strunk, O.)	954, 956
странствующие поэты	128
Страсбургская космогония	128
страсти (<i>passio</i>) (святого)	895
<i>Стратегикон</i> Маврикия	480, 481, 482, 483, 485, 941–942
Страшный Суд	48, 898
Стржиговски Е.	19, 60, 802
Стримон, битва при	276
Стримон, река	160, 667
Студий, патрикий	217
студийский киновитизм	639–640
Студийский монастырь; <i>см.</i> Константинополь, монастыри, монастырь Св. Иоанна Студита	
студийский синтез	956
студийское монашество	949

Студия Типикон	636
Судан	54
сунниты, мусульмане-с.	972
Сфрандзи, Георгий, историк	707, 879
схисма (раскол Церквей), 1054 г.	277, 626–627
схисма; см. Акакиева с., Фотиева с.	
схисмы между Римом и Константинополем	624–626
Схоларий; см. Геннадий Схоларий	
схоластика	628, 748
США	166
сшивка (книги)	469
табель о рангах, перечни должностей и титулов в иерархическом порядке	571
Тавр, горы	229, 233, 262, 263, 449, 450, 982, 983
Тайная Вечеря	44, 766
Тальбот Райс Д. (Talbot Rice, D.)	21
Тальбот Э.-М.	717
Тамерлан (Тимур)	298, 975
Таормина	272
Тарасий, Патриарх Житие	549, 616, 910 898
Тарон	276
Тарс	274, 304, 310, 311, 386, 451, 844, 859, 979, 980
татары	46, 47
Татларин	506
Тверь	46
театральные представления	711–712
здания для	714
театры	383, 387
Тейнтер Дж.	25
текст и изображение, взаимосвязь	761
текстология	
определения	97
процесс	94–105
тексты в рукописной культуре	89
тексты, издание т.	98
Текфур Сарай; см. Константинополь, дворцы	
Тенедос	381
Теодорих	52, 204, 248
Теодорих (Остготский)	257
Теодорих Амал	248
теопасхитская формула (определение)	738
Теотокос, см. Богородица	
Теофраст	119

тервинги	243
Терновый Венец	775
Терра д'Отранто (Отранто)	812
тессеры (кубики) мозаики	393–394
тессеры (кубики) мозаики, производство	395–396
<i>тетартерон</i> (<i>tetarteron</i>), монета	169, 170
тетрархия	60
технологии в Византии	499–500
Тиберий	237
Тигр, река	231
<i>Тимарион</i>	90, 92, 863
Тимофей Газский	847
Тимур, см. Тамерлан	
Тингитана	568
Типикон (книга литургических служб)	636
Типикон Богородицы Евергетисы	637
Типикон Великой церкви	634
<i>Типикон Воскресения</i>	951
Типикон Георгия III Мтачминдели	637
Типикон Лавры Св. Саввы	650
Типикон Свято-Спасский, Мессина	636–637
типология	80
типология, литургическая	631–632
Тир	152
Тир, Собор в Т.; см. Соборы	
титулы (саны) при Комниных	553–554
ткани для одежды	413–414
Токко, <i>Хроника Т.</i>	934
Тоledo	462
<i>Толедские таблицы</i> (<i>Toledan Tables</i>)	841
тональная система (музыка)	954
торговля	67, 175, 176, 220, 261, 278, 294, 298, 326, 328, 329, 351, 381, 427, 429, 431, 439, 451, 461, 464, 555, 570, 592, 595, 704
воздействие упадка т. на города	326
роль Италии в т.	668
подъем в т.	668
роль женщин в т.	677
торговцы, купцы	308, 337, 413, 427, 489, 493, 499, 554, 648, 663, 665, 666, 707
византийские к. см. также коптские, генуэзские, итальянские и венецианские к.	330, 668, 671
Торжество Православия	793

Торжество Православия	785
Торжество Православия, икона	793
Торник, великий коноставл Михаил	154
Торник, Георгий	864
Торник, Евфимий, письма	918
Торник, Лев	277
Торники, братья, письма	918
Торос Рослин, армянский иллюстратор	804
тоталитаризм	987
Тогила	258
Траверсари, Амброджио	112
<i>Трактат о налогообложении</i>	335
Трактат о Четырех элементах	846
Трансоксиана	974
Трапезунд	44, 46, 47, 167, 173, 306, 318, 329, 384, 450, 491, 574, 586, 840, 840, 975
Трапезундская империя	286, 291, 299, 574
Св. София. храм	368
дворец Великих Комнинов	707
Трапп Э.	184
<i>трахи (trachy)</i> , монета	169, 171
Траян	236
Трдат, армянский архитектор	804
Тренто (Собор в)	952
Трибониан	729
Триволис, Михаил	48
Триклиний, Димитрий	112, 121, 854
Трили	704
Трили, Фатих Ками (Св. Стефана ?)	364
Тримифун, Кипр	657
Триодъ	956
Трир	344, 380, 707
<i>Трисвятое (Трисагион (Trisagion))</i>	631
Трифидор, <i>Падение Трои</i>	128
Трифон	865
Тройский собор	759
Троица, доктрина о Св. Т.	734, 735, 736, 888
троичная структура реальности	733
тропы и <i>схемата (schemata)</i> (стилистические фигуры)	864–865
Трудос, горы, Кипр	449
Тунис	224, 426, 434, 705
Тур Абдин	230, 346, 348
Тур, базилика Свв. Петра и Павла	349

Тур, усыпальница Св. Мартина	349
турецкие поселения	609
турецкие торговцы	707
турецкий язык	109, 144, 847
турки	166, 169, 227, 280, 294, 553, 555, 584, 587, 879, 899, 975
турки	280, 879
турки; см. огузы, османы, сельджуки	
турки-огузы	278, 972, 977
турки-османы	32
туркменские рейды	981
туркмены	278, 973
туркмены-кочевники	233, 972
<i>Туркократия</i> (турецкое владычество, период османского правления)	15, 146
туркопулы	587
Турция	61, 62, 193, 812
Турция, Археологический музей, Стамбул	61
Турция, Музей Анатолийских цивилизаций, Анкара	61
Туры папирусы	128
Тутмос III	213
Тырново	61
тюрки	972, 987
тюрки-кочевники	586
тюркские нашествия (набеги)	552, 553
тюркские языки	32, 940
Тюхе	57
Уитмор Т.	21
Уиттинг, Филипп	166
Украина	243, 974, 977
украшение алтаря	766, 767
укрепления	
археология	65
типы	387–388
улицы	381–382
уния Лионская	899
уния Церквей	919
уния Церквей, Ферраро-Флорентийская	299, 879
унциал, унциальный шрифт	114–115
Урбан II, Папа	280
Урош II Милутин	309
уся (ousia)	495, 734, 735
Успение	160

усыновление	688
закон о	685–686
обязанности при	689
ученики, количество	818
Учитель, Аноним	820, 822
учителя	35, 296
учителя, <i>см.</i> школьные учителя	
Уэллсц Э.	961
Фавор, гора	740
Фаинан, медные рудники	449
факции	
в гонках колесниц	712, 713
роль в церемониале	713
<i>факции</i> (свиты)	695
факция Зеленых	712, 713
Фалиер, дож Орделафо	464
Фатимиды	274, 276, 980
Фатих Ками; <i>см.</i> Константинополь, церкви, церковь Св. Апостолов	
Фаюм	
погребальные портреты	792
птолемеевский и римский	130
<i>феатрон</i> (<i>theatron</i>) (как частный литературный салон)	866
Фекла	
поклонение	774, 897
Чудеса	897, 898
Фекла; <i>см.</i> также Деяния Св. Павла и Феклы	780, 897
Феликс III, Папа	624
Фелицитата, мученичество (<i>martyrion</i>)	895
фем администрация	569–570
фема	329, 548, 570, 597, 694
феминизм	674
фемная система	263, 328, 585–586
<i>фемы</i> (<i>thetata</i>)	574, 584, 586
морские	589–590
фемы-провинции	574
Фенари Иса Ками; <i>см.</i> Константинополь, монастыри, монастырь Константина Липса	
Феодор I Ласкарис	288, 575
Феодор II Ласкарис	289
Феодор Апсевд, художник	797
Феодор Дука	289
Феодор Мелитиниот, <i>Астрономическое Трикнижие</i>	837, 841, 841

Феодор Мопсуестийский	258, 616, 843, 892, 908
Феодор Продром; <i>см. также</i> Продром	
Феодор Сикеот	603, 604
Феодор Сикеот, Житие	702, 897
Феодор Смирнский	748
Феодор Студит	270, 460, 468, 549, 634, 635, 647, 789, 791, 793, 888, 890, 909, 956
<i>Катехизис</i>	651
и эпиграммы	930
письма	918
Феодор Эдесский	910
Феодор, деспот Эпира	152
Феодор, <i>куратор</i>	160
Феодора Фессалоникийская, Житие	898
Феодора, жена Феофила,	489
Житие	894
Феодора, жена Юстиниана	216, 255, 382, 712
Феодора, императрица	218, 277, 674, 679, 793
Феодора, императрица-регент	270
Феодорит Киррский	258, 616, 853, 886
<i>Врачевание эллинских недугов</i>	887
<i>История сирийских монахов (Церковная</i>	645, 896
<i>история)</i>	
письма	917
Феодорит, историк в антиохийской традиции	872
Феодоро-Мангуп	47
Феодосиев <i>missorium</i>	451
Феодосиевы стены; <i>см.</i> Константинополь, стены	
Феодосий (ученый)	836
Феодосий I	211, 212, 236, 240, 244, 245, 350, 380, 614, 872, 908, 986
Феодосий II	212, 215, 246, 247, 254, 344, 614, 822, 872, 986
Феодосий Александрийский	821
<i>Каноны</i>	
Феодосиополь	980
Феодосия гавань; <i>см.</i> Константинополь	
Феодосия форум; <i>см.</i> Константинополь	
Феокрит	820
Феоктист	537
Феоктист Студит, агиограф	900
Феон Александрийский	836, 837, 838, 860
<i>Большой комментарий</i>	839
<i>Малый комментарий к ручным таблицам</i>	839
<i>Птолемея</i>	

Феон Смирнский	836
Феофан Грек, художник	798
Феофан Исповедник <i>Хронография</i> <i>Продолжатель Феофана (Theophanes Continuatus)</i> , известный также как <i>Писатели после Феофана (Scriptores post Theophanem)</i>	44, 45, 90, 495, 549, 786 90, 786, 873, 874 489, 539, 873
Феофано, императрица	679, 680
Феофил / Феофилица	695, 696
Феофил Эдесский	845
Феофил, епископ Александрии	603
Феофил, император парафраза <i>Институций</i>	169, 270, 489, 539, 598, 665 724
Феофил, трактат о стеклоделии	465
Феофилакт Охридский письма	831, 886, 888 918
Феофилакт Симокатта, историк	869, 870, 873–874, 918
Фессалия	293, 296, 320, 667
Фессалоника	58, 152, 153, 154, 159, 167, 171, 193, 195, 226, 237, 239, 289, 297, 298, 302, 303, 304, 307, 328, 329, 344, 381, 384, 385, 430, 439, 441, 461, 464, 505, 507, 555, 602, 609, 626, 628, 647, 665, 672, 703, 742, 768, 797, 802, 899, 900, 919, 976
акведук	505
Ахиropиитос (Acheiropoieto)	205, 777
бани	386
Гептапиргий	384
дворец Галерия	380
зернохранилища, амбары, житницы и «зилоты»	381 295
Мони Влатадон	191
Неа Панагия	191
Осиос Давид (Св. Давида), храм	774, 777, 786
Панагия Халкион	154, 344
Пророк Илия, церковь	368
разграбление Ф.	281
Ротонда	205, 347, 786
Св. Апостолов, церковь	195, 368, 386
Св. Димитрий почитание	152, 205, 207, 351, 362 780
Св. Екатерина, церковь	368
Св. Пантелеимон, церковь	368
Св. София, храм мозаика в апсиде	342, 364, 956 398

сиротский приют, приют Св. Николая	386
стены городские	205
стены Ф.	387
Фрурио Вардари (Frourio Vardari)	191
штапмы на кирпиче	205–207
ярмарка Св. Димитрия	307
Фест, историк	871
Фетих Ками; см. Константинополь, храмы, Богородицы Паммакаристы	
Фибаммон, зять сестры Аполлоса	130
Фива, диаконисса	561
Фивы и производство шелка	329, 385, 414, 429, 431, 668 667
Фил, Мануил и эпиграммы	89, 462, 848, 931 930
Филагат	758
Филадельфия	297, 306, 430, 658
Филарет Милостивый, Житие	894, 898
Филиокве (Filioque)	
Филипп, сын Балдуина II	292
Филиппополь	297, 348
Филиппы	380
Филиппы, Базилика «В»	345, 363
Филоксен, епископ Магнесии	160
Филомилий (Ашехир)	304
Филон	844
Филопон	751
философия и христианство	749–750
византийская, артикуляция	747
византийская, научное изучение	745
учение о ф.	747–748, 822–823
<i>философия</i> , значения	746–747
Филострат Старший	756, 821
Филофей (<i>атриклин</i>)	706
Филофей Коккин, Патриарх	899
Филофей, <i>Клиторологий</i> (<i>Kletorologion</i>)	272, 537, 545
финансовая администрация, изменения в VIII в.	569
Флавиан, Патриарх	614
Флавии Апионы	129
Флоренция	112, 299, 628, 919
Флоренция, собор; см. Соборы	
<i>Флорилегия</i> (<i>Florilegia</i>) (антологии высказываний Отцов Церкви)	36, 887
Фока, епископ	658
Фока, император; см. Никифор II Фока	

фокейская краснолакая посуда (Phocaean Red Slip Ware)	502
фокейская посуда	434
Фокея	671
Фоки	549, 550
Фоки, семейство	272, 273
<i>фоллис (follis)</i>	169
Фома Аквинский, De Regimine Principum в переводе на греческий	165 165 748
Фома Лесбийский, Житие	898
Фома Магистр	899–900
Фома Славянин	270, 495
Фома, <i>эпонм (epoptes)</i>	160
фон Ранке	184
Фотиад-паши коллекция	166
Фотиева схисма	617, 624, 918
Фотий, Патриарх	90, 117, 271–272, 550, 559, 617, 624, 625, 748, 750, 757, 789, 866, 910
<i>Амфилохии</i>	887
<i>Библиотека</i>	112, 915
книги	853–854
гомилия о мозаичной апсиде в Св. Софии	908
гомилия об арианах	908
гомилия о нападении русов	908
письма	918
краткое изложение <i>Категорий</i> Аристотеля	751
Фравитта	246
Фракийский полуостров	232
фракийцы	810
Фракисий, фема	574
Фракия	52, 145, 193, 226, 243, 263, 298, 302, 320, 388, 407, 491, 568, 574, 605, 611, 618, 664, 811, 877
Фракия, диоцез (епархия)	605
франки	232, 257, 266, 281, 286, 292, 553, 585, 703, 705, 707, 815, 933, 973, 975, 978
Франкократия	384
Франкские купцы	707
Франкское влияние на музыку	958
Франция	13, 19, 25, 42, 124, 165, 167, 291, 292, 298, 431, 434, 454, 660, 987
Французская армия, фотографическое отделение	143
Французская школа в Афинах	143

французский язык	109, 154
фресковая живопись	391–392
Фригид, река	245
Фригия	620, 702
Фридрих II	137, 288, 292
Фридрих Барбаросса	877
Фрурий Вардара; <i>см.</i> Фессалоники	
Фукидид	869, 918
Хавран	343
хазары	262, 270, 479, 584, 972, 983
Хайдарабад	47
Хайтхабу	195
Халдия	574
халиф	266, 638, 839, 968
Халка; <i>см.</i> Константинополь, Большой императорский дворец	
Халкида	310
Халкидика	298, 405
Халкидика, Сирия	408
Халкидон	304
халкидониты (сторонники решений Халкидонского собора)	255, 615, 616, 624
Халкидонское определение (халкидониты)	615
Халкокондил, Лаоник, историк	879
Халкопратий; <i>см.</i> Константинополь, церкви	
Хама	408
Хамданинды	274
Харвей А.	25
хартия	
великая хартия привилегий	137, 140, 142
малая хартия привилегий	137, 140, 142
Хаси Мусулар	64
Хаслак Ф. В.	60
Хатзидакис М.	21
Хей, лорд Джон	43
Хейдждорн Д.	108
Хейнс, Джеффри	166
<i>хеландии (chelandia)</i>	495, 496
Хенди М.	167, 233, 668, 669
Херсон (Херсонес)	227, 270, 385, 495
<i>Херувимская песнь</i>	631, 632, 950
херувимы	631, 761
Хиландар, г. Афон	143
Хиониад, Георгий/Григорий	840

Хиос	588
Панагия Крина	367
Хирбет Мирд	126
Хировоск, Георгий	821, 865
Хиросфакт, Лев	863
<i>хламида (chlamys)</i> (одеяние)	415, 416, 418, 515, 706
Хлодвиг	257
хлопок	413–414
Хлудовская Псалтырь	492, 786
Холтон Д.	815
Хоматиан, Димитрий	685, 687, 727
письма	918
Хониат, Михаил	554, 801, 854, 861, 918
Хониат, Никита	92, 282, 554, 801, 845, 861
<i>История</i>	554, 865, 877–878, 880
Хониаты, братья, письма	918
Хорасан	972, 974, 977, 982
Хоррокс Г.	815
Хортасмен, Иоанн	861
письма	919
Хосиос Лукас	347, 365, 366, 367
Хосиос Мелетиос	367
Хосров I	257
Хосров II	259–260, 260, 606
Хоукис, Эрнест	393
храм как космос	631
храмовая отделка, вариации	365–367
Хрисаф, Мануил, композитор	958, 959
Хрисафий, <i>препосит священной опочивальни (praepositus sacri cubiculi)</i>	246
Хрисма	168
Хрисоверги	552
<i>хрисовул (chrysoboulla)</i>	157
Хрисококк, Георгий, «Персидский синтаксис»	840, 845
Хрисококк, Михаил	841
Хрисолор, Димитрий	841
Хрисополь	304, 667
Хрисотриклиний; см. Константинополь, Большой императорский дворец	
<i>Христианская просопография ранней Империи (Prosopographie chrétienne du Bas-empire)</i>	184
христианская псалмодия	948–949
Христианская Церковь, иерархия священнослужителей	557–558

христианство	11, 152, 168, 233, 260, 266, 549, 557, 558, 613, 749, 787, 789, 811, 885, 887 ff. <i>passim</i> , 895, 904, 908, 944, 973, 982–983, 990
и образование	817–818
и философия	749–750
влияние на городскую планировку	380
Православие	26
христианизация городов	657
Христограммы	345
Христологическое определение	738, 739, 886–887
Христологическое Православие, см. Православие Христологическое	
христология	734, 736, 737, 888
Христополь (Кавала)	386, 388
Христос	80, 152, 158, 159, 171, 175, 215, 246, 255, 263, 271, 390, 398, 750, 760, 769, 776, 787, 788, 885, 889
Христос Антифонит, икона (церковь Богородицы в Халкопратии)	216
Христос как Первосвященник	767
Христос Еммануил	462
Христос Пантократор (Вседержитель)	82
Христос, иконы	82, 785, 786
Христос, природа	734, 735
Страсти Христовы, реликвии	213
Христос во гробе (Муж скорбей), икона	81, 462, 769, 795
Христофор из Гроттаферата	861
Христофор Митиленский	154
и эпиграммы	930
хроники	885
<i>Монемвасийская хроника</i>	880
<i>Морейская хроника</i>	815, 880
многочисленные версии	933
<i>Хроники Зукнина</i> ; см. Псевдо-Дионисий из Тель-Махра	
хроники в стихах	931, 933
всемирные хроники	872–873
<i>Хроника 1234 г.</i>	873
<i>Пасхальная хроники</i>	44, 872
художники-крестоносцы на г. Синай	797
Хулагу, вождь Ильханидов	292, 840
Хумн, Никифор	295, 749
как философ	748
Хунгер Г.	14, 121, 928
хун-ну (гунны)	969
Хэлдон Дж.	73
цаконы	587

Царицын град	207, 364
цезарепапизм	606
Цейлон	843, 847
Цельс	749
Центр документации папирологической литературы	132
Центральная Азия	233
центр-периферия, как достоверная модель в истории искусств	802–806
<i>цепь колодцев (qanat)</i> (технология извлечения грунтовых вод)	409
церемониал, повседневный, в Большом императорском дворце	540–541
церемониальная музыка	959–960
церемония введения чиновников в должность	572
церкви	
археология	65–66
украшение, декор	390–391, 766–767
разделение Ц.	623–624
церковная история	872, 885
церковнославянский язык	988
церковные унии, попытки	627–628
Церковь Востока	738
церковь <i>Парегоритиссы</i> (Paregoritissa)	368
Церковь Св. Апостолов; см. Фессалоника, церковь Св. Апостолов.; см. Константинополь, церкви	
Церковь, Англо-Саксонская	610
Церковь, Византийская, структура	606–607
при Алексее I	607–608
при Юстиниане	606
Церковь, социальная роль	324
Цец, Иоанн	385, 667, 719, 861, 931
<i>Хилиады</i>	931
письма	918
Цибриц, ущелье Цибрица	307
циканион, см. поло	
Цимисхий; см. Иоанн I Цимисхий	
цирковые факции (партии)	152
цистерны	382–383
Цицерон	989
в переводе на греческий язык	748
Чаадаев П.	988
человек как микрокосм	733
Черная Смерть (чума)	291, 296, 320

Черное море	176, 190, 193, 224, 227, 306, 439, 449, 450, 479, 490, 586, 990
<i>Четвероевангелие (Diatessaron)</i>	769, 853
Чикаго	120, 133
Чингизхан	226
чистота	717–718
<i>Чосер (Chaucer)</i>	102
<i>Чудеса св. Димитрия</i>	382, 665
чума	718
чума, Юстинианова	316–317
Чуфут-Кале	47
Шадан, сын Абу Ма'шара	845
Шартрская нотация (нотная запись)	954
Швеция	453, 465
Шейне, Ж.-К., «Власть и борьба за нее»	185, 186
Шекспир	43, 100
шелк	414
и пурпурный краситель	427, 428
производственные центры	429
красители ш.	428–429
упадок производства	429–430
распределение ш.	427–428
импорт ш. из исламских стран	430
италийский ш.	430
производство ш.	426–427
сохранность ш.	425
символическая функция ш.	425–426
типы ш.	428
применение ш.	427
Шенуте	563, 645–646
шерсть	413
<i>Шестикнижие; см. Арменопул</i>	
шииты	274
Шильбах Э.	51
шкатулка Вероли	461
шкатулки из слоновой кости	460–461
шкатулки, облицованные костью	461
Школа права	552
школы, расположение	820
школьные учителя	818, 819
шлемы	454
Шонборн, Граф фон	126
штукатурка	353
Шумен	61
Эвбея	286, 429

Эгеида	583, 968, 975
Эгеида, фема	589
эгейская посуда, типы	442–443
Эгейское море	224, 247, 292, 297, 319, 434, 490, 495, 590, 671
Эгейское море, острова	148, 153, 269, 286, 429, 704
Эгерия	777, 904
Эдесса	277, 502, 604, 981
храм Св. Софии	452
местные хроники Э.	873
<i>Эйд аль-Фитр</i>	46
экдики Св. Софии	160
экзегетические проповеди	907
<i>Эклога</i>	37, 263, 272, 724, 725
экономика,	
рост в XI–XII вв.	668–669
IV–VI вв.	664–665
XIV вв.	671–672
X в.	276
роль государства	664
VII–VIII вв.	664
роль государства после 1204 г.	670
подъем в X в.	665–666
экфонетическая нотация	953
экфрасис	73, 919
как руководство при воссоздании произведения искусства	755
лексика арт-критицизма в э.	757
в поэзии	930
использование <i>топосов (topoi)</i> в э.	757–758
Элевтерий Элий, астролог	845
Элевтерий, гавань; см. Константинополь, порт Феодосия	
электронные публикации	101–102
Элиан	821
о тактике	938
Элиан	848
элита, изменения	549
Эллада	161, 182, 589, 987
эллинизация	810
эллинизм	72, 405, 463, 811
эллинистический койне	812
эллинская культура	809
Эльбрус, горы	972
эмаль	
использование	463–464
техники создания	463–464

Эмеса, Сирия	891, 928
энкаустические иконы	792
<i>Энотикон (Henotikon)</i>	248, 255, 615, 624
эпиграммы	930
и произведения искусства	758–759
эпиграфика, определение	151
эпиграфический шрифт	155
Эпир	152, 167, 173, 318
Эпир, деспоты Э.	158
Эпирский деспотат	286, 288, 293
<i>эпистимонарх</i> , император как законодатель Церкви императоры как З. Ц.	606
эпистолография, византийская, теоретическая модель В. Э.	915–917
<i>Эпитома» (Epitome)</i>	871
эпос Гомера	931
Эпштейн А. <i>Токали Килисе</i> (Epstein, A., <i>Tokali Kilise</i>)	803
Эра Второго Храма	44
Эра Коптских Мучеников	47
Эра Французской революции	42
эргастии, см. лавки-мастерские	
Эрехтейон; см. Афины	155
Эрмитаж, Санкт-Петербург	166
<i>эротапокрисиис (erotapokriseis)</i> (богословский текст в форме вопросов-ответов)	890
Эры (системы летоисчисления)	42–43
Эсфигмен, монастырь, г. Афон	143
Эсхил	112, 117
<i>Персы, Прикованный Прометей, Семеро против Фив</i>	820
<i>этарейя</i> , гвардия	574
Этна, гора	190
Эфес	62, 161, 246, 255, 304, 306, 343, 345, 363, 381, 390, 609, 614, 664, 712, 713, 714, 737
бани в гаванях (портовые бани)	343
дома	390
Св. Иоанна, храм	345, 363
Эфиопия	42, 847
эфиопский	890
<i>эфопойя (ethopoia)</i>	860, 863, 865
Югославия	60, 193
Южная Италия	110, 636

Южная Италия, греческие монастыри	928
Юлиан Аскалонит	506
Юлиан Лаодикийский	844
Юлиан, гавань Ю.; см. Контсантинополь, гавани	
Юлиан, император и образование письма	52, 55, 242, 243, 872 817 917
Юлиана Аниция, см. Аниция Юлиана	
Юлианский календарь	43, 841
Юлий Аргентарий	391
Юлий Африкан «Хронография»	873 871
Юлий, Папа	605
юридическая литература и юридическая практика	727–728
юридическая литература, характеристики в Византии	728–729
юридическая литература, церковное право	726
юридические справочники Льва VI	272
Юстин I	255, 624
Юстин II	53, 212, 216, 258, 260, 537, 596
Юстиниан II	152, 175, 262, 495, 618, 787
Юстиниан I	38, 52, 80, 160, 168, 203, 214, 216, 224, 255, 258, 308, 309, 310, 316, 350, 363, 364, 379, 380, 381, 382, 387, 391, 426, 558, 559, 603, 605, 616, 631, 654, 658, 664, 686, 723, 746, 838, 845, 852, 950, 968, 986
<i>Дигесты, Институции, Кодекс</i>	723, 724, 725
внешняя политика	257–258
<i>Новеллы</i>	724, 725
религиозная политика	255, 257–258
статус Ю.	211
Юстиниана Прима	380, 450
юстиция, управление ю.	573–574
Юсуф Хорасани, см. Никитин, Афанасий	
язык византийских текстов	99
языковые уровни (стили – «высокий», «средний», «просторечный») и их значение для литературы	927
Яковитская Церковь	255
Ялова	304
Ялта	47
Янина (Иоаннина)	293, 298, 329, 330, 796
Ясси Ада, корабли из	53, 455, 491, 493, 503

Acta Sanctorum	900–901
Analecta Bollandiana	901
APIS, проект /Усовершенствованная система папирологической информации/	132
ARS; <i>см.</i> Африканская краснолаковая посуда	
Asmatike Akolouthia <i>см.</i> Богослужбное Песенное Последование	
ASV; <i>см.</i> Венеция, Государственный архив	
basilikos logos	863, 894
Beowulf	102
Byzantine and Modern Greek Studies	14
Byzantinische Zeitschrift	13, 14
Byzantinoslavica	14
Cambridge Medieval History (Кембриджская средневековая история)	987
Canicattini Bagni; <i>см.</i> серебряные клады	
chrysoboulla sigillia	137, 157
chrysoboullos logos	137
Collectio Tripartita (юридический сборник)	726
comes sacrorum largitionum (главный казначей, должность)	52
Corpus Fontium Historiae Byzantinae (CFHB)	23, 110
Corpus Iuris Civilis (Свод гражданского права)	132
Corpus philosophorum Medii Aevi-Philosophi Byzantini (Философский корпус Средних веков. Византийские философы)	746
CRS; <i>см.</i> кипрская краснолаковая керамика	
cursus publicus (почтовая служба)	306, 308, 309
De Administrando Imperio (Об управлении империей); <i>см.</i> Константин VII Багрянородный	
De Ceremoniis (О церемониях) (трактат); <i>см.</i> Константин VII Багрянородный	
De Obsidione Toleranda (трактат)	943
De Re Militari; <i>см.</i> Никифор II Фока	
De velitatione bellica (О боевом сопровождении) (трактат); <i>см.</i> Никифор II Фока	
Dictionary of National Biography (Национальный биографический словарь)	182
Diegesis Merike (Диегесис, сборник историч.)	146
Duke Databank of Documentary Papyri (Герцогский банк датированных папирусов)	133
Dumbarton Oaks Papers	14
<i>epi ton ktematon</i>	160
Etymologicum Gudianum	106
Evergetinos (лит. сборник)	890

Excerpta (Выписки); <i>см.</i> Константин VII Багрянородный	
filioque	625, 626, 628, 735, 888
horismos (канцелярский тип административного документа)	138, 141, 157
Ilias Ambrosiana, рукопись	491, 494
Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik	14
Lexikon zur byzantinischen Gräzität (LBG)	108, 109, 110
Nomos georgikos; <i>см. также</i> Земледельческий закон	337, 726
Notai di Candia (NDC); <i>см.</i> Кандия	
Notitiae Episcopatum	558, 608
Papadike (о невмах)	959
Praecepta militaria	483, 944
Revue des Etudes Byzantines	14
Rhetorica militaris (Военная риторика)	941
Rom oder Orient	802
Sacra Parallela (манускрипт)	494
Salutatio Augusti	540
Sylloge tacticorum	939, 943
Tabula Imperii Byzantini	14
Tabula Peutingeriana	302, 382
Thesaurus graecae linguae	106
Thesaurus linguae graecae (TLG)	107, 107, 111, 903
Thesaurus linguae latinae	107, 109
Thesaurus Patrum Graecorum	108
Tree-Ring Bulletin (Дендрохронологический бюллетень)	194
Vergil, Roman (манускрипт)	491, 494
Via Appia (Виа Аппия) (дорога)	302
Via Egnatia (Виа Игнация) (дорога)	225, 301, 302, 303, 304, 309, 311
viae militares (военные дороги)	302, 306

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА: РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

Перевод первых двух частей «Оксфордского руководства по византистике» был опубликован в третьем томе ежегодника «Нартекс. Byzantina Ukrainensia» в 2014 г.¹ Страница сайта «Василевс. Українська візантиністика» позволяет даже установить точную дату, когда книга уже была напечатана – 7 июля 2014 г.²

Разделение издания на два выпуска было вызвано не только существенным объемом книги, но также общественно-политической ситуацией, сложившейся в то время в Украине и, в частности, в Харькове. Весной 2014 г. не было никакой уверенности в том, что работу над изданием удастся продолжить и завершить, не было известно, где и в каком положении окажутся участники проекта, будет ли возможность найти какое-либо финансирование. В таких условиях было принято решение издавать ту часть, которая была относительно готова к публикации, поскольку средства на нее уже были изысканы. При этом работа над текстом происходила в практически походных условиях, в промежутках между уличными акциями, дебатами, собраниями трудовых коллективов, а иногда и во время них.

Перечисленное вполне закономерно привело к существенным, а порой и попросту катастрофическим недосмотрам, опечаткам и ошибкам. Скорость обычно вредит качеству, однако в сложившихся обстоятельствах спешить медленно было совершенно невозможно. Если же присовокупить к вынужденной поспешности перманентный стресс и всевозможные отвлекающие факторы, явно не способствующие качественной подготовке научных изданий, можно понять причину появления в книге недопустимых искажений текста.

Эта краткая ремарка призвана объяснить читателю появление в конце второго выпуска «Оксфордского руководства по византистике» пространного перечня наиболее существенных опечаток, замеченных в выпуске первом. Объяснить, но не оправдать, поскольку ряд ошибок существенно искажает текст. Так, были пропущены значительные фрагменты текста на стр. 146 и 266, Венская школа

---

¹ Оксфордское руководство по византистике / Ред. Э. Джеффрис, Дж. Хэлдон, Р. Кормак; пер. с англ. В. В. Швеца; гл. ред. С. Б. Сорочан; ред. А. Н. Домановский, П. Е. Михалицын, А. Г. Чекаль. – Вып. 1. – Харьков: Майдан, 2014. – 516 с. (Нартекс. Byzantina Ukrainensia. Том 3)

² https://byzantina.wordpress.com/2014/07/07/nartex_3/

истории на стр. 21 превратилась в Венецианскую, Парфенон на стр. 45 стал Пантеоном (!), а Шарль Диль на стр. 60 – Чарльзом Дайелом. И это лишь малая толика выявленных во время работы над переводом предметного указателя ошибок.

Специалист, безусловно, без труда поймет, что под неоднократно упоминаемым в тексте «монастырем в Липсе» (стр. 345, 348, 352, 365, 368) имеется в виду женский монастырь, основанный в начале X в. друнгарием Константином Липсом, а с Афонскими монастырями боролись в 940-е гг. за землю жители не Иерона (как об этом сказано на стр. 334) – портового города на азиатском берегу Босфора, у выхода из пролива в Чёрное море, а селения Иериссо на Афонском перешейке. Однако специалисту не понадобится и сам этот перевод, а вот те, для кого перевод и готовился, волне могут не заметить ошибки в утверждении о том, что «Анастасия сменил на троне Юстиниан» (стр. 255), а не Юстин, как это должно быть на самом деле.

На фоне такого рода ошибок (названы далеко не все) менее существенные опечатки и стилистические шероховатости меркнут и даже кажутся простительными, однако и они портят впечатление от перевода, усложняя в ряде мест восприятие текста. Ко всему сказанному следует добавить и невысокое качество некоторых иллюстраций, которые пришлось поспешно извлекать из электронного варианта верстки – оксфордские коллеги прислали более качественный их вариант позже, уже тогда, когда книга была напечатана.

Противоречивым утешением может служить разве что тот факт, что реальный тираж книги крайне незначителен, и уж если она попадет в руки читателю, то это будет либо подготовленный, либо заинтересованный читатель, достаточно мотивированный для того, чтобы обратить внимание на перечень опечаток, а при необходимости – и обратиться к тексту оригинала.

Остается надеяться на то, что во втором выпуске недосмотров меньше, хотя и он готовился в условиях жесткого цейтнота, а также на то, что оксфордское пособие удастся опубликовать еще раз – под одной обложкой, исправив все недочеты и с привлечением литературного редактора. Пока же вспоминаются слова Плиния Младшего: «Нет книги столь плохой, чтобы она была совершенно бесполезной». Утешение, конечно, слабое, но хоть какое-то.

А. Н. Домановский

Перечень замеченных опечаток¹ в вып. 1

Стр.	Абзац / строка (в абзаце)	Напечатано	Следует читать
16	1 / 10	Адамантиос Кораес	Адамантиос Корес
19	1 / 32	описания Милета	описания Милле
20	3 / 6	на венских инновациях	на инновациях Венского Генесия
21	1 / 7	Вольфлин	Вольффлин
21	1 / 7	Венецианской школе истории	Венской школе истории
21	2 / 12	Чатзидакиса	Хатзидакиса
21	3 / 8	Бучтала	Буштала
25	1 / 8	Маккормика	МакКормика
25	1 / 21	Майкл Мэн	Майкл Манн
26	1 / 16	Манн и Рансимэн	Манн и Рансимен
37	3 / 10	правления Ираклидов	правления Ираклия
45	2 / 6	на Пантеоне	на Парфеноне
45	3 / 10	Персидской войны Ираклидов	Персидской войны Ираклия
46	1 / 2	Панариот	Панарет
46	1 / 8	Панариот	Панарет
50	2 / 4	скрипул	скрупул
51	1 / 17	Шилбаха	Шильбаха
52	1/2	членов магистрата	эдилов
52	1/3	<i>(agoronomo)i</i>	<i>(agoronomoi)</i>
53	2 / 23	аль Волтурно в Италии	аль Вольтурно в Италии
55	2 / 4	Buckton 1994: 28–	Buckton 1994: nos. 28–
59	2 / 15	Уильямом Рамси	Уильямом Рамсеем
59	2 / 16	Бинбиркилиз	Бинбиркилис
59	подпись к Рис. 1	Бинбиркилиз	Бинбиркилис
60	1 / 17	Чарльз Дайел	Шарль Диль
61	3/5	Özdđan	Özdğan
63	1/20	(Bođazkōy)	(Boğazkōy)
64	2 / 8	в долине Кони	в долине Конии
65	1 / 1	Жераки в Пелопонессе	Гераки в Пелопоннесе
65	3 / 5	Канти Килизе	Кани Килисе
65	1/8	Özdđan	Özdğan
65	3/6	(Кападдокия)	(Каппадокия)
67	1 / 11	на острове Проконесс	на острове Проконнес
69	11	Bođazkōy-Nattousa	Boğazkōy-Nattousa
73	2 / 4	приписываемого Льву IV	приписываемого Льву VI
81	3 / 4	Муж Скорбей	Христос во гробе
82	3 / 10	менологиях и синаксарях	минологиях и синаксарях)

¹ Перечень содержит наиболее существенные замеченные опечатки.

Стр.	Абзац / строка (в абзаце)	Напечатано	Следует читать
86	16	Rossi, G. B. DE 1857.	Rossi, G. B. DE 1857–.
90	1 / 39	и Феодор Метохит об Иоанне Златоусте	и Феодор Метохит о Дионе Хрисостоме
91	1 / 5	похоронную литературу	погребальную литературу
91	1 / 6	похоронные жанры	погребальные жанры
110	1 / 5	Константина Манасси или роман Евстафия Макримволита	Константина Манассии или роман Евстафия Макремволита
110	2 / 9	документов Сицилии и южной Италии	документов Сицилии и Южной Италии
111	6	<i>Historikon exicon tes neas hellenikes</i> . 1933.	<i>Historikon exicon tes neas hellenikes</i> . 1933–.
111	10	KRIARAS, E. 1969.	KRIARAS, E. 1969–.
111	23	<i>Thesaurus Patrum Graecorum</i> . 1990.	<i>Thesaurus Patrum Graecorum</i> . 1990–.
111	24	TRAPP, E., and others, 1994.	TRAPP, E., and others, 1994–.
112	2 / 5	Елладия в Библиотеке Фотия	Гелладия в Библиотеке Фотия
115		Рис. 1. Lincoln Gr. 15, с. 243 (ранее XI в.)	Рис. 1. Lincoln Gr. 15, с. 243 (начало XI в.)
125	2 / 4	строительства Ассуанской плотины	строительства Асуанской плотины
126	2 / 1	Упомянув об истоке большинства текстов	Упомянув об источнике большинства текстов
129	1 / 31	содержащего Архивы Папирусов	содержащего собрания папирусов
130	3 / 7–8	в комах Птолемея (Ptolemaic) и Файюме	в комах птолемеевского и римского Файума
132	2 / 1	Лувенского сайта с коллекциями папирусов	Лувенского сайта собраний папирусов
132	2 / 16–17	Центра документации литературной папирологии	Центра документации папирологической литературы
143	1 / 22	Миле позже	Милле позже
146	1 / 7–8	изданные Патриархом Константинопольским	происходящие из Константинопольского патриархата,
146	2 / 10	монастырям Афона (Lefort and others 1985). Детализированные описания эволюции	монастырям Афона (Lefort and others 1985). В некоторых случаях документооборот позволил детально и в течение длительного времени изучить историю отдельных афонских имений, таких, как у Радолива, пожертвованного Ивируну в конце одиннадцатого века (Lefort 1981, 1985). Детализированные описания эволюции
153	2 / 6	Х. Грегуара	А. Грегуара
155	2 / 7	в Пропилее,	в Пропиляях,
158	1 / 4	Павла Диякона	Павла, диакона
160	1 / 7	епископа Магнезии	епископа Магнесии
160	3 / 5	(<i>kourator</i>) Кромн	(<i>kourator</i>) Кромны
161	1 / 21	к митрополиям Кессарии	к митрополиям Кесарии

Стр.	Абзац / строка (в абзаце)	Напечатано	Следует читать
165	3 / 4	Франсуа Леблана	Франсуа ле Блана
167	1 / 1	В Париже Микелис Курсанскис	В Париже Микелис Курсанаки
167	3 / 4	вандалов, остготов и ломбардов	вандалов, остготов и лангобардов
167	3 / 6	и Эпира	, государства Эпира и герцогства Новых Патр
167	3/ 19	Сесиль Моррисон	Сесиль Морриссон
182	1 / 6	«Who's Who»	«Кто есть кто»
184	1 / 9	Ранкэ	Ранке
190	5 / 2	Геркуланиуме	Геркулануме
193	2 / 1	Пиринеев	Пиренеев
195	3 / 6	построек Райнланда	построек Рейнланда
195	3 / 8	опорных стоек для живописи	опорных стоек для нидерландской живописи
195	5 / 3–4	эпохи Возрождения на побережье Далмации, и в разрушенных римских городах Помпее и Геркулануме	эпохи Возрождения в Дубровнике на побережье Далмации, и в разрушенных римских городах Помпеях и Геркулануме
207	2 / 3	поступающая из Лулудиеса	поступающая из Лулудиса
210	1 / 2	от Золотого Миллия	от Золотого Милия
215	1 / 17	и Деисис в южной галерее.	и Деисус в южной галерее.
215	2 / 2	Пулхерией	Пульхерией
218	2 / 2	Романом I Лекапином	Романом I Лакапином
219	2 / 5	с крестом и Деисисом,	с крестом и Деисусом,
222	7	Necipođlu	Necipoğlu
224	1 / 1	Grove and Rackhem 2001:	Grove and Rackham 2001:
224	2 / 10	до Черного моря Балканская гряда	до Черного моря Гимет или Балканская гряда
226	3 / 10	гуннов Атиллы	гуннов Аттилы
230	2 / 1	Полумесяц изобилия	Плодородный полумесяц
231	2 / 1	Полумесяцу Изобилия	Плодородному полумесяцу
232	1 / 22	болгары перестали быть	булгары перестали быть
244	1 / 3	в Андрианополе	в Адрианополе
247	1 / 8	смерть Атиллы	смерть Аттилы
255	2 / 1	Анастасия сменил на троне Юстиниан	Анастасия сменил на троне Юстин
255	3 / 14	«Грабительский собор»	«Разбойничий собор»
262	3 / 4	тюркских болгар	тюркских булгар
262	3 /	с его земель и пастбищ вторгшиеся	с его земель и пастбищ в районе Волги вторгшиеся
263	1 / 1	на ее месте болгар встретила армия	на ее месте булгар встретила армия
263	1 / 4	болгары укрепили свои позиции	булгары укрепили свои позиции
263	1 / 5	К 700 г. Болгарский каганат	К 700 г. Булгарский каганат
263	2 / 5	составляющие единой системы	составляющие фемной системы
265	3 / 9	врагов империи болгар	врагов империи булгар

Стр.	Абзац / строка (в абзаце)	Напечатано	Следует читать
265	3 / 10	походы вглубь болгарских территорий	походы вглубь болгарских территорий
265	3 / 11	разрушили болгарский каганат, хотя болгары	разрушили болгарский каганат, хотя болгары
266	2 / 11–2	Возрождавшаяся мощь болгар стала причиной нескольких поражений на восточном фронте.	Возрождавшаяся мощь болгар стала причиной нескольких военных поражений, что позволило халифу Гарун ар-Рашиду нанести несколько поражений вдоль восточного фронта.
269	1 / 5	конец иконоборчества	конец иконоборства
276	2 / 8	и Иберии	и Ивирии
277	1 / 21	Михаил Керуларий	Михаил Кируларий
281	1 / 7	Иконийская Турция	турки из Конии
288	1 / 3	Иоанне II (1218–1241 гг.)	Иоанне II Асене (1218–1241 гг.)
291	2 / 21	государства Илханидов	государства Ильханидов
293	4 / 3	Иоаннины	Янины
296	1 / 9	спорами мистиков	исихастской полемикой
296	1 / 11	мистики	исихасты
296	2 / 6	Ново-Брдо	Ново Брдо
296	5 / 1	совпали с эпидемией чумы	совпали с эпидемией Черной смерти
297	3 /	Андрианополь	Адрианополь
302	1 / 7	описания дорог и дорожных указателей	дорожные надписи и мильевые столбы
302	3 / 4	Андрианопольскую дороги	Адрианопольскую дороги
302	5 / 3	Ионийского морей	Ионического морей
304	3 / 12	Котийон	Котийон
304	3 / 15	Никомедийский залив	Никомидийский залив
307	4 / 8	Karlan 2000: 61	Karlan 2000: 83
309	2 / 13	Кёрклаэли-Вайз	Кыркларели-Визе
309	3 / 8	τοῦ βασιλικοῦ	τοῦ βασιλικοῦ
328	1 / 14	развитие системы	развитие фемной системы
329	1 / 4	Книга Епарха	Книга Эпарха
334	1 / 13	жители Иерона	жители Иериссо
337	4 / 1	Влияние изменений	Влияние изменений
342	3 / 14	Великого Дворца	Большого императорского дворца
343	2 / 3	pls. 133, 135	pls. 133, 135
343	3 / 7	Православный Баптистерий	Баптистерий Православных
344	3 / 12	pls. 306, 307	pls. 306, 307
344	4 / 10–11	Феодосиевых стен	сухопутных стен
345	2 / 10	монастырь в Липсе	монастырь Липса
346	1 / 9	В Равенне склеп Теодориха	В Равенне мавзолей Теодориха
347	1 / 3–4	ротондах Фессалоники	Ротонде Фессалоники
347	2 / 4	Мирелеона	Мирелиона

Стр.	Абзац / строка (в абзаце)	Напечатано	Следует читать
347	2 / 9	Феодосиевых стен	сухопутных стен
348	1 / 1	монастыря в Липсе	монастыря Липса
348	2 / 8	Джерахе	Джераше
348	4 / 3	Св. Лоренца в Милане	Сан-Лоренцо в Милане
349	1 / 11–12	епископ Перпетус Турский	епископ Перпетуй Турский
351	4 / 1–2	Уорд-Перкинса	Вард-Перкинса
352	2 / 17	монастыря в Липсе	монастыря Липса
359	1 / 20	Остерхаута	Оустерхаута
362	1 / 4	Селевкийской Пьериа-Антиохии	Селевкийской Пиерии-Антиохии
363	2 / 18	Юлией Анцией	Юлианой Аницией
365	1 / 8–9	Мирелеона в Константинополе	Мирелиона в Константинополе
365	2 / 14	в Манганах	в Мангане
365	3 / 3	в Липсе	Липса
366	1 / 7	в Курсумлии	в Куршумлии
366	3 / 6	Панагии Ликодему	Панагии Ликодемийской
366	4 / 2	В Каппадокии и Ликии	В Каппадокии и Ликаонии
367	2 / 6–7	монастыри Хосиос Мелетиос и Хосиос Лукас	монастыри Осиос Мелетиос и Осиос Лукас
368	2 / 2	из кавказской и турецкой архитектуры	из кавказской и сельджукской архитектуры
368	3 / 3–4	в Липсе, Хорах, Паммакаристе	в монастырях Липса, Хора, Паммакаристы
368	5 / 3–4	Парагоритисса ат Арта	Парегоритисса ат Арта
369	2 / 3	в 1365 г. Молдова	в 1365 г. Молдавия
381	2 / 6	Аполония в Ливии	Аполлония в Ливии
382	3 / 6	в Вифинии, Сицилии, на Кипре	в Вифинии, Киликии, на Кипре
386	3 / 3–4	в Христополисе	в Христополе
386	4 / 1	Птоходром	Птохопродром
387	3 /	Fossa nd Winfield	Foss and Winfield
388	3 / 7	в Питионе	в Пифионе
388	4 / 4	Гексамиллион	Гексамилион
391	1 / 16	в монастыре в Хорах	в монастыре Хора
393	1 / 2	Генино Геннини	Ченнино Ченнини
395	3 / 6	в стенных мозаиках Помпей	в стенных мозаиках Помпей
407	1 / 8	согласно <i>Книге Енарха</i>	согласно <i>Книге Энарха</i>
408	3 / 1	нария	нория
408	3 / 3	Нария	Нория
408	3 / 4	нарии	нории
408	3 / 8	нарии	нории
408	3 / 12	нарии	нории
449	1 / 6	золотоносные источники	золотоносные источники
454	1 / 13	раскопок в Адули Матаре	раскопок в Адулисе и Матаре
462	2 / 22	Муж Скорбей и Христос Иммануил	Христос во гробе и Христос Еммануил

Стр.	Абзац / строка (в абзаце)	Напечатано	Следует читать
465	1 / 1	церкви в Хоре	церкви монастыря Хора
465	2 / 1	иссдедования	исследования
469	1 / 1	пергамент	пергамен
469	4 / 1	пергамента	пергамена
472	1 / 17	Ходегонского монастыря	Одигонского монастыря
472	1 / 4	лист пергамента	лист пергамена
473	3 / 8	листах пергамента	листах пергамена
474	2 / 7–8	Октоиха [«Восьмигласника»]	Октатеуха [«Осьмогласника»]
484	1 / 2	или варяги	или варанги
491	1 / 18–19	через Дунайское побережье	вдоль Дунайского побережья
491	2 / 12	Сант-Аполинаре	Сант-Аполлинаре
492	4 / 2	Хлудовская Псалтырь	Хлудовская Псалтирь
493	3 / 20	Parssecunda	Pars secunda
494	6 / 5	Gr. 139	Gr. 39
503	1 / 13	Каранлик Килисе	Каранхк Килисе
506	1 / 22	городах Джелвери и Татларин	городах Гелвери и Татларин

Научное издание

Нартекс
Byzantina Ukrainensia

Том 4

**ОКСФОРДСКОЕ РУКОВОДСТВО
ПО ВИЗАНТИНИСТИКЕ**

Выпуск 2

Редакторы:

Э. Джеффрис, Дж. Хэлдон, Р. Кормак

Перевод с английского:

В. В. Швец

Главный редактор:

С. Б. Сорочан

Редакторы:

А. Н. Домановский, П. Е. Михалицын,

А. Г. Чекаль

Художественное оформление:

В. А. Носань

Технический редактор:

Е. В. Онишко

Підписано до друку 20.10.15. Формат 70х100/16.
Папір офсетний. Гарнітура Таймс. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 37,75. Наклад 300 прим. Зам. № 16-21.

Свідोцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців і розповсюджувачів
видавничої продукції ДК № 1002 від 31.07.2002 р.

Видання і друк ТОВ «Майдан»
61002, Харків, вул. Чернишевська, 59.
Тел.: (057) 700-37-30
E-mail: maydan.stozhuk@gmail.com